

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное образовательное
учреждение высшего образования

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Центр социально-политических исследований
и информационных технологий

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
ФИЦ «КОМИ НЦ УРО РАН»

Ю.П. Шабает, М.А. Омаров

Регионализм и этничность в России:
историческая эволюция
и современные политические практики

Москва
2021

УДК 323.1
ББК 66.094
Ш12
DOI 10.19110/89606-023

Рецензенты:

П.В. Панов

*доктор политических наук, ведущий научный сотрудник
отдела по исследованию политических институтов
и процессов Пермского научного центра УрО РАН*

И.А. Гончаров

*доктор философских наук, заведующий кафедрой
социально-политических исследований и международных
отношений Института гуманитарных исследований
Сыктывкарского государственного университета
им. П. Сорокина*

А.В. Мартыненко

*доктор исторических наук, профессор ВАК
Российской Федерации, профессор кафедры
отечественной и зарубежной истории и методики обучения
Мордовского государственного университета
им. М.Е. Евсевьева*

*В оформлении обложки использовано фото Т.И. Дроновой
«Праздник Усть-Цилемская горка»*

*Рекомендовано к изданию
Редакционно-издательским советом РГГУ*

© Шабаев Ю.П., Омаров М.А., 2021
© Институт языка, литературы и истории
ФИЦ «Коми НЦ УрО РАН», 2021
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2021

ISBN 978-5-7281-3042-0

Оглавление

<i>Введение</i>	9
<i>Глава 1. Досоветский этап развития регионализма</i>	28
1.1. Территориальные и политические автономии внутри Российской империи	31
1.2. Регионализм элит	39
1.3. Сословно-культурный и этнический регионализм	54
1.4. Территориальный гражданский регионализм	57
1.5. Символический регионализм	61
<i>Глава 2. Советская этническая федерация и регионализм</i>	71
2.1. Национально-государственное строительство и принципы этнонациональной политики большевиков	72
2.2. Пример Европейского Севера	79
2.3. Пример Поволжья	88
2.4. Пример Северного Кавказа	98
2.5. О характере взаимодействия внутриэтнической федерации	106
2.6. Экономическая и политическая централизация	110
<i>Глава 3. Постсоветский регионализм: эволюция принципов федерализма и политическая централизация</i>	117
3.1. Политический регионализм	119
3.2. Этнополитический и этнокультурный регионализм	131

<i>Глава 4. Северокавказский регионализм:</i> исламское возрождение, сепаратизм, идеи дезинтеграции и интеграции	159
4.1. Местные сообщества Северного Кавказа и их трансформация	163
4.2. Радикальный регионализм: пример Чечни	169
4.3. Кавказский опыт этнополитической дезинтеграции и интеграции	180
<i>Глава 5. «Финно-угорские регионы»:</i> опыт этнополитического маркирования русских территорий	198
5.1. Политическая идентичность, демографические и социально-экономические процессы	202
5.2. Суверенизация, этнополитическая конкуренция и базовые принципы этнополитики в регионах проживания русских финно-угров	219
5.3. Идеология этнонациональных движений уральцев и финно-угорский мир	243
5.4. Языковая политика и языковые ориентации	250
<i>Глава 6. Оплот договорной федерации:</i> пример Татарстана	274
6.1. Постсоветское политическое строительство в Татарстане: «титальный суверенитет» и специфика регионального нациестроительства	275
6.2. Борьба за суверенитет	288
<i>Глава 7. Современное «областничество»:</i> республиканские идеалы и этничность	299
7.1. Пример Уральской республики	299
7.2. Пример поморского регионализма	312
7.3. Пример сибирского регионализма	319

<i>Глава 8. Российский Крым: «Восстание регионов» в Европе и крымское самоопределение</i>	<i>327</i>
8.1. Регионализация как общеевропейская тенденция и проблема	327
8.2. Исторический экскурс	337
8.3. Крым в составе Украины	341
8.4. Завершающий этап самоопределения: референдум 2014 г.	347
 <i>Глава 9. Проблемное поле российского регионализма</i>	 <i>364</i>
9.1. Социально-экономическая дифференциация российских регионов	365
9.2. Институциональные и политико-правовые ограничения для регионального развития	403
 <i>Заключение</i>	
<i>Новая логика регионализации</i>	<i>418</i>
 <i>Приложение</i>	
Этнографические и административные карты России и картографическое мифотворчество	431
 <i>Литература</i>	 <i>449</i>

Современная Россия – это самое крупное по занимаемой площади государство мира, на территории которого не только большое разнообразие природных зон, но и сложный этнический состав населения, а исторические судьбы многих народов существенно различаются не только в силу языковых или религиозных различий, но и в силу того, что у некоторых российских народов имелся собственный опыт государственности, а другие – никогда не имели не только развитой государственности, но даже сложной социальной структуры. Ареалы проживания разных народов существенно разнятся как по площади, так и по ресурсному потенциалу. Одни из них велики по территории и очень богаты полезными ископаемыми, другие – территориально ограничены и не имеют природных богатств. Одни народы проживают в благоприятных климатических условиях, а множество других формировались как культурные сообщества в суровых условиях Арктики и Субарктики.

Именно это разнообразие стало основой для возникновения политического регионализма, который, на наш взгляд, достиг своего наивысшего расцвета в первой половине 1990-х гг.

Термин *регионализм* (в политическом, экономическом и культурном понимании) является производным от понятия *регион*. Поэтому необходимо обратиться к содержанию данного понятия, прежде чем говорить о регионализме по существу. Известный петербургский исследователь Н. Межевич предложил следующее определение: «Регион не является только экономической или географической категорией, т. е. нельзя отождествлять понятия “регион” и “территория”. Территориальная составляющая является существенной для любого региона, поскольку является базисом как его формирования, так и его существования. Любой регион представляет собой территорию, но одного территориального компонента недостаточно для того, чтобы назвать территорию регионом. Необходимой предпосылкой формирования региона на определенной территории является наличие специфики экономического, этнографического, конфессионального, социально-культурного

состава, особый характер политической организации общества и властных элит» [Межевич 2006: 5].

В целом, соглашаясь с предложенной трактовкой, необходимо отметить, что строго кодифицированное понятие региона вряд ли способно отразить все многообразие смыслов, которые вкладываются в данное понятие и в этой связи полезно обратиться к замечанию Майкла Китинга, который полагает, что «регион» – это *ускользающее понятие* (выделено нами. – Ю. Ш., М. О.), включающее различные территориальные уровни и широкое социальное содержание. Минимальным определением его был бы промежуточный территориальный уровень (между государством и местным уровнем), хотя и оно довольно широко и почти ничего не говорит о его территориальных масштабах, поскольку некоторые регионы в этом смысле больше некоторых государств. С большей уверенностью можно сказать, что регионы можно рассматривать в соответствии с географическими критериями как физические пространства. Регионы бывают либо гомогенными, определенными топографией, климатом или иными жесткими характеристиками, либо узловыми, построенными вокруг общей центральной оси. Экономическое определение региона касалось бы общих моделей производства, взаимозависимостей, рыночных взаимосвязей и рынков труда. Более широкое функциональное определение добавило бы модели социальное взаимодействие, включая досуг, отдых и модели путешествий. Такие функциональные регионы выделяются в столичных областях, сосредоточены в крупных городах и их пригородах, но могут охватывать и более широкие территории, включая провинцию. Однако при таком функциональном расширении они часто оказываются неустойчивыми, меняя свои очертания в соответствии с экономическими и социальными тенденциями. Регионы могут также определяться по культурным критериям в соответствии с языком, диалектами или моделями социальной коммуникации или описываться в соответствии с чувством идентичности, переживаемым гражданами и политическими участниками. Такого чувства региональной идентичности в некоторых регионах может и не быть вовсе и даже там, где оно есть, его политические смыслы могут варьироваться от устройства регионального лобби в политике через требования автономии вплоть до полного отделения. Регионы могут также считаться институциональным делением, возникшим в ходе истории или созданным совсем недавно, и варьироваться от органов, созданных для удобства государственного управления, до политических институтов, построенных на основе политической деятельности. Эти различные определения региона не только не всегда совпадают, но и могут противоречить друг другу...» [Китинг 2003: 75].

Однако есть некая согласованная позиция по поводу понимания сущности понятия «регион», которая сформулирована в «Хартии регионализма», принятой Европейским парламентом в 1988 г., где говорится следующее: регион есть гомогенное пространство, причем гомогенность устанавливается на основе следующих критериев: 1) физико-географическое единство; 2) этническая, языковая, конфессиональная или культурная общность жителей региона; 3) общее историческое прошлое; 4) общность хозяйственных структур. При этом весь набор указанных критериев должен присутствовать в каждом конкретном случае как обязательное условие выделения региона, хотя их «вес» и значение в разных случаях могут быть разными [Бусыгина 2002].

Впрочем, понятие «регион» в регионоведении не является устойчивым и сегодня корректируется в соответствии с меняющейся ролью территориальных единиц в условиях глобализации и изменениями в характере конкуренции, которая вовлекает в соперничество за влияние и ресурсы не только хозяйственные субъекты, но и регионы.

«Ученые начинают сходиться в том, что понятие “регион” сужается. Оно приобретает конкретику по месту и по времени в том смысле, что регион рассматривается как имеющий свое начало и свое окончание в непрерывной региональной трансформации. Институционализация каждого конкретного региона – это проявление многочисленных институциональных практик и дискурсов, относящихся к правительственным структурам, культуре и экономике, которые являются составляющими институционализации региона. Данный процесс является диалектическим. Эти практики и присущие им мотивы и властные взаимоотношения могут, к примеру, основываться на экономике, политике, культуре и управлении... Создание пространства и связанные с этим мотивы и смыслы находятся... в процессе постоянных трансформаций. Итак, регионы не выступают изолированными, ограниченными островами, а могут быть эффективно учреждаемыми сообществами и процессами, выходящими далеко за административные границы каждого региона. В наши дни этот контекст с возрастающей частотностью становится глобальным неолиберальным дискурсивным ландшафтом, который характеризуется целенаправленной региональной «конкуренцией» [Малащенко 2017: 94–95].

Понятие «*регионализм*», как сказано выше, является производным от *региона* и рассматривается как стратегия региональных элит, направленная на укрепление и расширение их властных полномочий, а также как процесс структурирования региональных сообществ и экономической мобилизации административно-территориальных образований.

При этом стоит заметить, что региональный анализ изначально формировался как экономическая и эконом-географическая доктрина, теоретические основы которой были наиболее полно разработаны американским экономистом Уолтером Изардом [Изард 1966]. В отечественной научной традиции особое место занимает школа советской эконом-географии, имевшая несколько специфический объект и предмет изучения, что определялось нерыночным характером плановой экономики. Тем не менее, эконом-география была достаточно развитым научным направлением, а труды Ю.Г. Саушкина, В.В. Покшишевского [Покшишевский 1971; Саушкин 1973] и многих других исследователей сохраняют свое значение и по сей день, и не только для истории науки.

Регионализм можно и нужно рассматривать в нескольких аспектах: географическом, политическом, экономическом, культурном, и все эти аспекты достаточно тесно связаны. В абстрактном плане можно рассматривать географические регионы без анализа политических и культурных особенностей регионального пространства. Но если мы говорим об организации территориальных сообществ, то мы не можем изучать их вне культурного ландшафта, без описания их хозяйственной специфики, игнорируя анализ региональных политических процессов и связи региона с политическим центром.

Как подчеркивает А. Трейвиш, «По совокупности толкований регионализм включает:

- а) региональное самосознание, идентичность, «дух земли» и «малый патриотизм», приверженность к провинциальным традициям, самобытности, партикуляризму (иногда их называют местничеством – в географическом, а не в известном историческом смысле);
- б) их воплощение в региональные общественные движения (во Франции с конца XIX в.) массовые или единичные, в разной степени радикальные и успешные;
- в) «собственно регионализацию» – учет интересов и нужд регионов в политике на основе признания районного (регионального) бытия и развития одной из полноправных форм самоорганизации общества» [Трейвиш 2008: 3].

Мы полагаем, что указанная трактовка понятия «*регионализм*» в принципе верна, но не отражает всей полноты процессов регионализации, ибо не в полной мере учитывает явления, связанные с политической регионалистикой, а именно: формирование регионального политического дизайна, эволюцию отношений по линии центр – регионы, формирование региональных политических режимов и т. д. Ну, и, конечно, одной из наиболее проблемных сфер регионального развития в России (и одновременно одной из наиболее актуальных

проблем) является характер межбюджетных отношений и бюджетная обеспеченность регионов, но эти проблемы мы затрагиваем лишь в рамках этнополитического дискурса и не более того.

С точки зрения макросоциологии регионализм необходимо рассматривать как отношения центра и периферии, ибо еще Эдвард Шилз указывал, что ядром общества является центральная система ценностей [Shils 1957]. Однако, на наш взгляд, в сложносоставных обществах (этнических федерациях) данная объяснительная модель работает плохо, ибо здесь ценности, формируемые элитными группировками Центра, не носят сакрального и универсального характера.

В большей мере в данном случае нас удовлетворяет классическая концепция центр–периферия, разработанная Джоном Фридманом [Friedman 1966] и дополненная Стейном Рокканом [Rokkan 1987], поскольку центр–периферийная поляриность рассматривается в контексте анализа принципов государственного строительства.

Но, учитывая многогранность процессов регионального развития, достаточно сложно осуществить его всеобъемлющий анализ на примере одной страны, ибо в целях глубины аналитического осмысления неизбежно приходится концентрировать внимание на отдельных аспектах этих процессов. *Авторы в данном случае сосредоточили внимание на анализе политического развития регионов и связи этого развития с этничностью.*

На пересечении понятий этничность и регионализм утвердись и два других понятия: этнорегионализм, этнорегиональная автономия (ЭРА). Усилиями пермских исследователей создана информационная база, описывающая различные их формы: «...На основе разработанных критериев был составлен список ЭРА (139 случаев) и создана база данных “Этнические региональные автономии” (Ethnic Regional Autonomies Database – ERAD), которая размещена в открытом доступе на сайте: <http://identityworld.ru/index/database/0-21>. В базе содержится самая разнообразная информация (около 150 переменных) по всем ЭРА, которые существуют в настоящее время либо прекратили существование в XXI в. Данные представлены в формате “автономия – год” и охватывают период с 2001 по 2015 г. Необходимо подчеркнуть, что этничность – категория социально оспариваемая, и хотя в большинстве случаев обнаруживается доминирующее конвенциональное восприятие некой этнической группы как титульной, а соответствующей автономии – как этнической, есть и примеры неоднозначной интерпретации. Поэтому список ЭРА разделен на две группы – “ядро” (core list), где интерпретация этничности достаточно конвенциональна, и “периферия” – так называемые пограничные случаи (borderline list), где не вполне очевидно, имеет ли специфика

“автономообразующей группы” значение этничности (аджарцы в Грузии, сицилийцы в Италии, бугенвилльцы в Бугенвилле и др.)» [Минаева, Панов 2017: 186].

Российский регионализм как политическое явление/движение, на наш взгляд, исторически развивался по трем направлениям: 1) как гражданский регионализм; 2) как регионализм этнический/этнополитический; 3) как политический регионализм элит. Все эти три типа довольно глубоко уходят в историю.

Но главный вопрос при анализе российского регионализма состоит в том, почему регионализация в постсоветской России не стала магистральным направлением политического развития? Какова логика движения к централизации и есть ли необходимость в ренессансе российского регионализма и поиске новых моделей взаимодействия между центром и регионами? На последний вопрос можно сразу же ответить положительно, поскольку события 2020 г. показали, что в современном мире не только происходят сложные экономические, технологические и социальные изменения, но и появляются все новые риски, требующие не унифицированных подходов к решению возникающих проблем и централизованного купирования этих рисков, а выработки специальных региональных стратегий социально-экономического развития, разработки собственных методов борьбы с угрозами, подрывающими благополучие региональных сообществ, причем реакция на угрозы в целом ряде случаев должна быть оперативной и энергичной, а принимаемые решения самостоятельными и ответственными. Тем самым повышается как уровень автономности региональных властей, так и уровень их ответственности за принимаемые решения и состояние дел в регионе.

Очевидно также, что в современных условиях возникает необходимость в новом типе партнерства между федеральным центром и регионами РФ и, по сути дела, распространение пандемии коронавируса заложило основы для выработки модели полномасштабного оперативного противодействия рискам (президент назвал эту модель «расширенным правительством») и лишенной политической окраски методики поддержки региональных экономик и сообществ. Регионам была предоставлена полная свобода действий в борьбе с опасной эпидемией, но при этом в режиме мониторинга федеральный центр отслеживал эпидемиологическую ситуацию в регионах, принимал необходимые меры для поддержки региональных властей в их усилиях по предотвращению распространения болезни, а также разрабатывал и реализовывал программы государственной поддержки населения и бизнеса в условиях резкого ограничения хозяйственной деятельности, снижения доходов населения и деловой активности.

Поставленные выше вопросы вполне оправданны как с позиции анализа внутренних потребностей российского общества, так и исходя из оценки глобальных мировых процессов, которые оказывают все большее воздействие на региональное развитие. Более того, и глобализация, и регионализация становятся наиболее значимыми явлениями, характеризующими процессы современных трансформаций. Не случайно в Северной Америке и особенно в Европе регионализм рассматривается как основное направление современной политической модернизации [Jeffery 1997; Weihe-Lindeborg 2000], что, безусловно, подогревает исследовательский интерес к данной теме. С 1950–1960-х гг. европейские исследователи стали уделять особое внимание политико-экономической интеграции (см., например [Aran 1953; Balassa 1961]). Региональные и интеграционные процессы на европейском континенте и сравнительный анализ опыта регионализации в Западной Европе и России, геополитических и геоэкономических аспектов регионализации стал предметом анализа многих современных российских [Бусыгина 1993, 2002; Борко 1999: 67–72; Гранберг и др. 2000] и зарубежных [Buzan 2003; Kovács 2015; Börzel, Risse 2016, other] исследователей.

Политические реалии последних нескольких лет показывают, что регионы, провинциальное население Европы и Америки активно вступают в борьбу против старых элит, бюрократической централизации и монополизации власти узким кругом политических и экономических акторов. Свидетельством тому стала победа на президентских выборах в США Дональда Трампа, которого активно поддержала провинциальная Америка, Brexit в Великобритании, вызванный неприятием засилья брюссельской бюрократии со стороны британцев, живущих в глубинке, а не в космополитичном Лондоне, где обосновались крупнейшие банки и транснациональные корпорации. Восстание желтых жилетов во Франции вообще стало символом борьбы простых европейских обывателей из провинции против утративших связь с регионами столичных политических кланов и бизнес-элит, а общеевропейским трендом является возрастающее влияние движений евроскептиков, имеющее наиболее сильные позиции на периферии национальных государств.

В последние годы исследования в области регионалистики развиваются достаточно интенсивно и нацелены они на анализ трансформаций, которые происходят в мировой экономике и политике, на оценку

¹Макарычев А. Влияние зарубежных концепций на развитие российского регионализма: возможности и пределы заимствования [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prof.msu.ru/publ/book/round3.htm> (дата обращения 15.02.21).

воздействия этих трансформаций на процессы территориального развития, межрегионального сотрудничества, формирование макро- и микрорегионов, городов-регионов, трансграничных пространств и сообществ, что позволяет говорить о формировании «нового регионализма» [Hettne 1994; Fawcett, Hurrell 1995; Keating 1998; Söderbaum, Shaw 2003; Farrell, Hettne, Langenhov 2005; Capello, Nijkamp 2009, other].

В этой связи зарубежными и отечественными исследователями много внимания уделяется анализу категории «региональная идентичность». В западном обществоведении существуют определенные дисциплинарные особенности в трактовке категории «идентичность», ибо философские концепции идентичности отличаются от понимания данной категории в психологии, социологии, исторической науке или этнологии и социальной антропологии. Но есть некий «междисциплинарный консенсус», который сближает дисциплинарные подходы. По этому поводу Е. Филиппова замечает: «Можно с уверенностью утверждать, в частности, что в современном французском научном дискурсе идентичность трактуется в соответствии с *парадигмой сложности*, сформулированной Э. Мореном...

Определенный “междисциплинарный консенсус” существует по трем пунктам:

- идентичность конструируется субъективно;
- тем не менее, она не может абстрагироваться от конкретных реалий, “носителей”, или “маркеров” идентичности, которые являются материалом для конструирования.

Результат конструирования может быть как признан, так и подвергнут сомнению другими.

Идентичность более не рассматривается как сущность, неотъемлемый атрибут индивида или коллектива... Онтологическое, эссенциалистское понимание идентичности, отдающее предпочтение постоянству, стабильности, устойчивости, уступило место экзистенциалистскому, номиналистическому, акцентирующему внимание на ее подвижности, изменчивости, динамизме. Соответственно на первый план выходит не “то, что остается идентичным вопреки изменениям”, постоянство во времени, *тождество*, неотъемлемая сущность, а изменчивые и случайные идентификации, результат двойной логической операции: дифференциации и обобщения. В этой перспективе идентичность – это, с одной стороны, отличие, а с другой – принадлежность к одному классу объектов, к одной категории» [Филиппова 2010: 43–44].

Очевидно, что региональная идентичность и местная солидарность «вырастают снизу», формируются через кооперацию местных коммун в территориальные сообщества. При этом эффективная организация самоуправления на местном уровне и четкая система взаимодействия между местными сообществами и региональными

властями являются основой, на которой строятся современные демократии [Патнэм 1996]. Самоорганизованные и самодостаточные сообщества не возникают на пустом месте – они есть продукт длительного исторического развития, и «исторический фундамент» (историческая память) крайне важен для конструирования региональных сообществ и построения эффективных региональных политических институтов. Об этом, в частности, говорится в совместном российско-испанском (российско-баскском) сборнике статей, посвященном анализу соотношения этничности и регионализма на испанском и российском опыте [Peoples, Identities and Regions 2015].

Тем не менее, современный российский регионализм часто рассматривается вне исторического контекста, и это серьезное упущение, поскольку возникает неоправданное представление о том, что процессы регионализации, а особенно политической регионализации, есть явление, которое обретает смысл только в контексте современных политических и социокультурных процессов. Но это представление неверное. К примеру, инициаторы очередной попытки провести объединение Архангельской области и Ненецкого автономного округа и организовать соответствующий референдум в 2020 г. явно не учитывали не только экономические, логистические реалии (которые не в пользу подобного объединения), но и политические и социокультурные аспекты проблемы, ибо население НАО давно и категорически настроено против интеграции в состав «бедной» АО, а культурные связи населения округа исторически были ориентированы не столько на Архангельск, сколько на территорию Печорского и Усть-Сысольского уездов (первый был частью Архангельской губернии, второй – Вологодской), расположенных к югу от Большеземельской тундры, т. е. на территории проживания коми. И сегодня транспортные, логистические связи округа с «большой землей» осуществляются через нынешнюю Республику Коми, куда из НАО идут нефтепроводы, где есть мощности по нефтепереработке, откуда осуществляется транспортное обслуживание НАО и где собственно расположен основной рынок сбыта продукции ненецких оленеводов. Впрочем, у рьяных сторонников идеи объединения появилась мысль включить в состав нового субъекта и Республику Коми, что вызвало недоумение даже в центральных СМИ, поскольку столь очевидна была абсурдность логики реформаторов [Механик, Пономарёв 2010: 59]. Политическая недалёковидность инициаторов объединения привела к тому, что население НАО, выражая протест против идеи интеграции с Архангельской областью, в большинстве своем проголосовало против поправок к Конституции РФ на референдуме в июле 2020 г., показав политикам, что население регионов надо учитывать как самостоятельных политических акторов, а кандидатуры региональных лидеров следует

тщательно готовить, поскольку игнорирование мнений и настроений населения и непонимание региональной специфики чревато рождением на местах новых проблем социального и политического характера.

Если обратиться к истории, то Российская империя не была сугубо унитарным государством, ибо по мере роста ее территории и появления в составе ее населения все новых подданных, которые принадлежали к различным инородческим/туземным группам, возрастала необходимость не только поиска форм управления огромной территорией и сложным сообществом народов, присягнувших на верность российской короне, но и поиска приемлемых форм взаимодействия между государством и местными сообществами. В результате позднейимперскую политическую систему вполне можно определить как протофедеративную, что явно не стыкуется с многочисленными «научными выкладками» отечественных и зарубежных исследователей, заявляющих о России (Российской империи, СССР, РФ) как об извечной империи и о россиянах – как носителях имперского сознания, которое им якобы присуще имманентно. «В то время, когда российские политики вновь взяли на вооружение термин «держава», намереваясь дать представление о будущей России, западные авторы воскресили метафору “империи” для описания бывшего Советского Союза и даже постсоветской России» [Сунин 2011: 31].

Тем не менее в России в последние два столетия централизация и автономизм (включая и советский период) находились в постоянной конкуренции и сложном противостоянии, а федералистские и регионалистские начала в организации хозяйственной и политической жизни то усиливались, то ослабевали. Хотя, если коснуться федерализма (идеологические истоки которого, принципы и формы федерализации мы в нашем анализе почти не затрагиваем), то все же следует заметить, что регионализм есть основа федерализма и автономизма. Арент Лейпхарт (с которым во многом можно согласиться) рассматривал федерализм как особую форму автономизма, необходимую при формировании политических институтов в сложносоставных обществах [Lijphart 1977], Кинг считал федерацию определенным видом политического института [King 1982: 19], а японский исследователь Осака верно заметил, что сущностью и идейной основой федерализма является «нецентрализация» [Osaghae 1990]. Огромное разнообразие взглядов и позиций западных исследователей по поводу федерализма представлено в интернет-ресурсе The Federalism Project //www.federalismproject.org, а что касается отечественной обществоведческой мысли, то позиции российских ученых, анализирующих процессы федерализации, существенно различаются и постоянно эволюционируют, в том числе и в том, что касается толкования сущности и перспектив развития российского федерализма [Пахомов 2003].

События последнего десятилетия XX в., казалось, сделали российский регионализм и процессы регионализации в РФ долгосрочной стратегией развития страны, но специфический характер этих процессов привел, в итоге, к необходимости усиливать политическую и экономическую централизацию и укреплять политические позиции федерального центра.

Вполне обоснованной реакцией на «расцвет регионализма» в 1990-х гг. стало усиленное внимание к названным процессам со стороны научного сообщества, которое особое внимание уделяло анализу политической сущности регионализации.

Не случайно в 1990-е гг. российская политическая регионалистика стала одним из важнейших направлений обществоведческой мысли в России, причем в ней явно просматривалось стремление к усиленному развитию прикладных исследовательских практик, которые активно применялись во время различных электоральных кампаний. Традиционно регионализм в РФ рассматривается политологами либо в плане формирования и эволюции политических режимов, либо в плане анализа региональных политических элит, либо в плане отношений между федеральным центром и регионами, а также при оценке характера взаимодействия региональных властных институтов и эффективности регионального политического менеджмента. Правда, последний аспект находится также и в сфере интересов экономистов и эконом-географов, особенно при анализе межбюджетных отношений и анализе эффективности местных управленческих практик. Однако если судить по тематике защит кандидатских и докторских диссертаций по специальности *политология* за последнее десятилетие, российский политический регионализм явно утратил свою привлекательность как исследовательская проблема.

Но этого не происходит с другим и возможно самым важным направлением исследований отечественной регионалистики – этнополитологией, которая с начала 1990-х гг. не только стремительно оформляется в самостоятельное направление исследований, но и обретает серьезную теоретическую основу [Шабаев 2008; 2010]. И это вполне логично, ибо процессы, имевшие место в стране в первой половине 1990-х гг., исследователи громко называли «этническим ренессансом», «этнической революцией», «взрывом этничности» и т. д., что было следствием важной трансформации: этничность из формы культурной солидарности и преимущественно культурного явления превратилась в мощный политический ресурс. Этот ресурс наиболее активно использовался в российских регионах, и, прежде всего, – в республиках. Сегодня он несколько утратил свою актуальность, но возможности этнополитической мобилизации не утрачены

и продолжают существовать как скрытый политический риск, который, время от времени, дает о себе знать в разных регионах страны.

Отсюда очевидно, что регионализм и этничность оказались в сфере нашего внимания не случайно, ибо, как указывал в «Системе социологии» Питирим Сорокин, земляческие связи являются самыми сильными социальными связями: «...Группировка по месту жительства в течение всей истории была одной из главных. Она лежит в основании государственной группировки, в делении государственной территории на округа, губернии, уезды, волости, деревни и т. д. Местная группировка лежит в основе деления населения на избирательные округа, в явлениях подсудности, обладания или лишения прав самоуправления (места, лишенные земств) и т. д.

Словом, в ряду многих солидарностей существует особая солидарность по месту жительства, дающая основания для особой группировки, не совпадающей с основными и являющейся одной из самых важных социальных координат, определяющей поведение и переживания совместно живущих индивидов» [Сорокин 1992: 120–121].

Земляческая солидарность очень тесно связана с этничностью, хотя она не синонимична ей. Территории с их естественными географическими, природными и культурными границами чаще всего есть «общий дом» для разных этнических групп. Но в идеологии этнонациональных движений, которые сформировались в России на рубеже 1980–1990-х гг., принято символически присваивать территории и объявлять их «коллективной собственностью» отдельных этнических групп, хотя сама эта форма маркирования территорий была узаконена после прихода к власти большевиков в 1917 г.

Впрочем, этнонациональные движения сегодня в своей практической деятельности более ориентированы не столько на сохранение этничности (региональной культурной специфики) и развитие культурных институтов (и региональных культурных маркеров), сколько на привлечение внимания общественности и местных властей к решению актуальных местных проблем. К необходимости решения проблем развития здравоохранения, транспортного обслуживания, развития рынка труда и т. д. (единственным исключением является проблема сохранения этнических языков, находящаяся в центре внимания этнических антрепренеров постоянно). Для доказательства выдвинутого выше тезиса достаточно обратить внимание на содержание дискуссий, которые имеют место на различных этнических съездах и на резолюции этих форумов. При этом в самой идеологии региональных движений проблемы совершенствования федеративных, межбюджетных отношений, создания реальных стимулов для экономического прогресса местных сообществ не находят должного отражения, что отчасти объясняется самим составом участников националистических

движений – преимущественно это гуманитарная интеллигенция и не вписавшиеся в официальные структуры местные политики.

Активность этнонациональных движений и их политическое влияние стали ослабевать уже во второй половине 1990-х гг., когда они вступили в полосу затяжного политического кризиса. В начале 2000-х гг. практически все общественно-политические организации, основанные на идеях этнонационализма (в России их традиционно называют национальными организациями), сменили свой статус и стали именоваться общественными организациями. Это было связано не только с изменениями в законодательстве, но и с общими политическими процессами, происходившими в стране. В первой половине 1990-х гг. этнонациональные организации и движения использовались региональными властями как инструмент для усиления процессов суверенизации и отвоевывания политической и экономической власти у федерального центра. Некоторые исследователи справедливо отмечают в этой связи, что «в 1990-е гг. в России наблюдалась волна регионализации, которая происходила стихийным образом и носила выраженный “этнический” характер в силу особенностей предшествующей советской политики, проводившей дифференциацию крупнейших административно-территориальных образований по этническому признаку» [Карпенко 2008: 6].

Политические процессы начального этапа постсоветского развития РФ привели к формированию так называемой договорной федерации, в которой прежние политические и экономические диспропорции еще более усиливались, что ставило под угрозу единство страны. В этой связи усиление политической роли федерального центра, приведение региональных законов в соответствие с федеральным законодательством, укрепление так называемой вертикали власти, которое произошло с приходом к власти президента В. Путина, выглядело не просто закономерным, но и необходимым, ибо в итоге Россия из непрочной договорной федерации превратилась в конституционную федерацию с сильной федеральной властью.

Усиление федеральных политических институтов и ослабление роли региональных привело не только к радикальному изменению отношений по линии центр – периферия, но также и к тому, что этнонациональные движения перестали рассматриваться региональными политическими лидерами как важный политический ресурс, а ослабление политической поддержки со стороны власти заставило лидеров этнонациональных организаций не только поменять их статус, но и демонстративно отказаться от многих политических концептов, являвшихся важными составляющими их идеологий.

Но перестали ли местные этнические и региональные организации быть политическими акторами? Нет, этого не произошло.

Деконцептуализация национализмов и деполитизация этнических и региональных этнонациональных организаций привели к поиску новых сфер, в которых региональные этнонационалистические практики могли бы продолжать существовать. В результате началась активная диффузия националистических идей в сферу языковой, культурной, кадровой политики, социальных отношений и т. д. Этнический и местный национализм стал маскироваться под культурные и социальные практики, но в такой «замаскированной» форме он также может иметь разрушительный характер, а потому угроза эскалации агрессивного национализма и связанного с ним сепаратизма в современной России остается. Более того, в условиях, когда процессы нациестроительства нередко отвергаются (или просто не воспринимаются) региональными элитами, когда пропаганда гражданской консолидации и интеграции не является значимой целью региональной политики, трансформировавшиеся националистические практики *все активнее разрушают довольно поверхностную гражданскую солидарность россиян*.

Характерным примером конкурирующих националистических концептов и политических рисков, стоящих за ними, является противостояние двух идей, основанных на этничности и регионализме, с которыми можно легко столкнуться на многочисленных региональных сайтах. С одной стороны, это идея русских националистов «Хватит кормить Кавказ», а с другой – лозунг кавказских националистов и сепаратистов «Кавказ – это сила». Дискуссии, разворачивавшиеся вокруг названных идей (сегодня они почти утихли) на различных форумах, позволяют говорить о том, что обе идеи способствуют росту интолерантности в российском обществе и культурному расколу между Севером и Югом страны. Менее выраженной, но не менее значимой для понимания общественных настроений бинарная оппозиция Москва – регионы, или, если точнее – «Богатая Москва – бедные регионы». Эту оппозицию сегодня можно вполне отчетливо выявить, анализируя различные мнения и настроения в социальных сетях и практике социальных протестов. Указанная оппозиция активно материализовывалась в некие регионалистские концепты в 1990-е гг., а сегодня чаще всего присутствует **как потенциальный политический ресурс и как политический риск** ввиду серьезных бюджетных и социальных диспропорций между столицей и ее обеспеченным населением и большинством регионов, не имеющих возможности полноценно финансировать даже насущные социальные программы, а тем более стратегические планы развития.

Очевидно, что как сепаратистские, так и регионалистские идеи и движения формируются на разной основе, но у них есть серьезные мотивировки. Эти мотивировки опираются на сложив-

шийся в последние годы дисбаланс отношений между федеральным центром и регионами, на разное отношение к регионам со стороны федерального центра. Стремление федерального центра обеспечить единство страны, исключить сепаратистские риски и формирование «региональной фронды» за счет механизмов, обеспечивающих политическое доминирование федерального центра, привело не только к попыткам выстроить единое правовое пространство, но и к отмене весьма важных элементов демократии и федерализма: прямых выборов губернаторов, запрета региональных партий, отмены практики «двух ключей» при выдаче лицензий на разработку месторождений полезных ископаемых, замораживанию статьи бюджетного кодекса о пропорциональном распределении налоговых поступлений, собираемых в регионах, и т. д.

Мы согласны с утверждениями многих экспертов о том, что сегодня необходимо расширять полномочия субъектов Федерации, а «линия формирования новых самостоятельных субъектов... лежит в зоне отношений центра и регионов, о чем отчасти уже замечено выше. Сложившаяся система распределения налогов, которая позволяла консолидировать ресурсы в центре, уже всем кажется неправильной, мешающей развитию регионов» [Гурова, Фадеев 2013: 15–16]. Эти утверждения находят серьезные подтверждения в специальных исследованиях [Север 2007; Пилясов 2009; Зубов, Иноземцев 2013 и др.], но важно то, что сохраняющаяся политическая и экономическая дистрофия многих российских регионов при очевидном благополучии столицы и ее жителей (включая не только представителей бизнеса, но и иных социальных групп) вкупе с непрозрачным и непропорциональным распределением бюджетных доходов между регионами, социальными и этническими (территориальными) группами создают реальную основу для роста регионалистских и националистических настроений в регионах, способствуют созданию идейной основы для коррозии российской государственности и гражданского единства россиян.

На наш взгляд, сегодня идут процессы активной трансформации регионалистских движений и организаций (прежде всего, этнических и экологических). При этом в России, унаследовавшей от СССР многие политические традиции этнического федерализма [Филиппов 2003], этнический национализм сохраняется как в региональных доктринальных документах, так и в политических практиках, которые характерны, прежде всего, для республик, что отмечается не только многочисленными наблюдениями отечественных исследователей, но и их зарубежными коллегами [Giuliano 2011].

В общеметодологическом плане настоящая работа опирается на конструктивистское понимание природы этничности [Sollors

1996]. Помимо конструктивистского подхода, мы используем компаративистский метод, что становится очевидным из самого текста монографии, а также неонституциональный, социологические и этнографические методы.

В какой-то мере мы пытаемся оценивать происходящие в России изменения с позиций концепции глобальной этнографии, сформулированной американским антропологом Майклом Буравым², полагающим, что в сферу интереса глобальной этнографии попадают многие социальные, культурные и политические явления современного глобализирующегося мира. М. Буравой, конечно, не является первопроходцем, ибо его идеи перекликаются с представлениями о «глобальных ландшафтах» американского антрополога индийского происхождения Арджуном Аппадурай [Appadurai 1991], а первый серьезный анализ геополитического значения этничности был сделан американским автором Уолкером Коннором [Connor 1994]. О политической мобилизации этничности и ее прямой связи с национализмом как идеологией и политической практикой писали многие видные западные специалисты (см. например [Conversi 2004]). Мы также придерживаемся мнения, что хотя этничность по своей природе является формой культурной солидарности людей, мобилизованная этничность превращается в мощный политический ресурс и может служить важным инструментом политической конкуренции и политических трансформаций [Шабаев 2010; Тишков, Шабаев 2019].

Но принципиально важным для нас является не набор методов исследования, а базовая гипотеза, на которую и ориентирован наш анализ. Если говорить коротко, то мы полагаем, что адекватной современным российским реалиям модели региональной политики в стране сегодня нет, но необходимость в ней становится все острее, что диктуется теми процессами, которые имеют место в регионах, и потенциальными социальными рисками, рождаемыми современной цивилизацией. Это стало особенно очевидно в 2020 г., когда пандемия коронавируса и спровоцированный ею мировой экономический кризис обрушили многие планы развития и особенно больно ударили по регионам, заставив и федеральные, и региональные власти искать новые формы политической и экономической мобилизации и выявив слабость регионального политического менеджмента в условиях новых вызовов.

Мы полагаем, что в России политические и культурные основания для формирования модели российского федерализма закла-

² *Buravoy M.* Manufacturing the global [Электронный ресурс]. URL: file:///C:/Users/User/Desktop/Buravoj_global_ethnography.pdf (дата обращения 15.02.21).

дывались на протяжении нескольких столетий, в стране создана объективная основа для федерализма, но при этом оптимальная и адекватная российским реалиям его модель все еще не сложилась. Мы согласны, что культурные и политические особенности российских регионов настолько различны, что асимметричная этническая федерация, которая существует в России целое столетие, есть не столько продукт политического выбора тех или иных сил, сколько отражение культурных, природных и экономических особенностей российских регионов [Иванов 2011] и вынужденный исторический компромисс. Впрочем, стоит заметить, что, по данным международной организации *Forum of Federations*, 14 из 25 существующих в мире федераций – этнические. Этническая федерация представляет собой федерацию, в которой два или более субъекта образованы по этническому, а точнее этнотерриториальному, принципу. Другими словами, административные границы совпадают с границами проживания той или иной этнической группы. В России, как и в ряде других случаев, этнический федерализм повлек за собой создание асимметричной федерации, при которой де-факто права этнических автономий оказываются шире, чем права других субъектов федеративного государства.

Однако асимметричная федерация в нашем понимании не должна опираться на идею фактического неравенства регионов и на их политическую иерархию, что имело место в СССР и что негласно или в силу политической инерции и политической целесообразности сохраняется отчасти в условиях современного этапа развития страны.

Асимметрия должна носить иной характер. Асимметрия в политическом плане неизбежно должна строиться на учете культурной специфики региона, которая диктует формирование разного институционального дизайна региональной власти, разных принципов и методов формирования властных институтов. Социально-экономическая асимметрия опирается на географические и природные особенности регионов, их экономический и ресурсный потенциал, что вынуждает федеральные власти в стратегии регионального развития разрабатывать и применять разный набор социальных льгот и стимулов для граждан, проживающих в разных природных зонах (например, северные коэффициенты и региональные надбавки к заработной плате, пониженный возраст выхода на пенсию и т. д.), а также различную систему стимулов для хозяйствующих субъектов (налоговые льготы и вычеты, льготное кредитование и пр.).

Вместе с тем, именно формирование асимметричной этнической федерации в СССР и ревитализация этой модели в постсоветской России явились препятствием как для гражданской интеграции региональных и культурных сообществ в единую гражданскую нацию,

так и для формирования прочных региональных сообществ с ясно выраженной республиканской и областной (краевой) идентичностью.

Это происходило потому, что, во-первых, регионы были разделены на две категории, первая из которых получала первоочередное финансирование, поскольку относилась к «национальным окраинам», и их всестороннему развитию уделялось особое внимание. Ко второй категории относились области и края, где этнический характер населения не являлся основой для культурного и политического развития региона, и которые фактически являлись донорами национальных республик, округов и областей. Логика такой политики объяснялась необходимостью ускоренного развития «отсталых национальных окраин». В результате российские области и края с преимущественно русским населением не получали средства на свое развитие и социально деградировали, особенно это касалось аграрной сферы. Во-вторых, большевики не взяли на вооружение республиканские идеалы свободы, равенства и братства и не стали формировать гражданские сообщества как в стране в целом, так и в регионах. Более того, принятая ими доктрина этнического национализма предполагала формирование разделенных этнических сообществ в национально-государственных формированиях, где на вершине символической пирамиды находится «коренной народ». Такая модель региональных сообществ не только ослабляла социальную солидарность, но и препятствовала формированию сплоченных республиканских сообществ и областных социумов. Эти социумы не цементировались за счет последовательного укрепления гражданской солидарности и роста гражданского самосознания, ибо были символически разделены на разные культурные страты, а республиканские идеалы свободы, равенства и братства заменены в официальной идеологии идеей диктатуры одной социальной группы – пролетариата. Вдобавок ко всему, в результате действий властей территориальные сообщества утрачивали историческую преемственность и историческую память, поскольку отвергалось прежнее территориальное единство, а народная культура, общие местные традиции, религия как культурный фундамент интеграции были объявлены ненужной и отсталой культурной архаикой. *Прервалась историческая преемственность и ослабли внутренние связи у населения новых административных единиц, а потому население этих новых административных образований не смогло оформиться ни в единые гражданские, ни в политические сообщества (были созданы национально-государственные образования, но у них не было граждан, ибо идея гражданства не культивировалась, а потому и единые политонимы для населения этих государственных образований оказались ненужными).*

Наследование постсоветскими элитами идей этнического национализма и принципов построения этнической федерации означало, что в условиях открытой рыночной экономики и политической конкуренции остаются серьезные ограничения для формирования региональных гражданских сообществ и регионалистских движений, а политическая слабость региональных элит не позволяет политическому регионализму трансформироваться из регионализма элит в гражданский территориальный регионализм, т. е. регионализм, нацеленный на стимулирование регионального развития и формирование самодостаточных региональных сообществ.

В числе источников, на которые опиралось данное исследование, в первую очередь следует назвать различные базы статистических данных, результаты массовых и экспертных опросов, материалы полевых этнографических исследований, законодательные акты, документы общественных организаций и публикации в прессе и электронных изданиях.

Безусловно, важное значение для нашей работы имеют труды по политической регионалистике, созданные в последние годы исследователями Москвы, Санкт-Петербурга, Перми, Ростова-на-Дону, Ставрополя, Томска, где возникли свои политологические центры, в сфере внимания которых находится политическая регионалистика.

Но особое значение и особую пользу для данного исследования имеют материалы, которые публикует Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, созданная при Институте этнологии и антропологии РАН в 1993 г. по инициативе академика В.А. Тишкова. Сеть публиковала ежеквартальные бюллетени, а также издает ежегодные доклады, в которых эксперты из разных регионов РФ и ближнего зарубежья всесторонне анализируют ситуацию в разных регионах страны, представляя оценку экономических, этнодемографических, этнокультурных, этнополитических процессов в режиме мониторинга. В результате деятельности экспертов можно не только проследить эволюцию региональных сообществ и региональных элит, но и оценить социальные, политические и иные риски, которые следует учитывать как региональным политическим менеджерам, так и федеральным политическим стратегам.

Сегодня этнополитический анализ и прогнозы не теряют своей актуальности, что требует появления новых аналитических центров, занимающихся данной проблематикой. **Одним из таких центров стал Центр социально-политических исследований и информационных технологий РГГУ**, а данная работа является результатом аналитических усилий сотрудников Центра и привлекаемых им экспертов.

Глава 1

Досоветский этап развития регионализма

Исторической основой для формирования российского регионализма стало расширение государственных границ, в результате которого в состав российского государства включались все новые территории, в том числе и те, которые имели длительную историю собственной государственности. Особое место в этом плане имело присоединение Казанского (1552 г.) и Астраханского (1556 г.) ханств, а также покорение Сибири.

Покорение Сибири началось в 1581 г., когда возглавляемый Ермаком отряд начал боевые действия против Сибирского ханства. В российской исторической литературе поход Ермака и присоединение к Московскому царству Сибири преподносится как «покорение русскими Сибири». Между тем большую часть отряда Ермака составляли коми-зыряне из Яренского уезда и казанские татары, меньшую – строгановские служилые люди и наемники – немцы и литовцы. Хотя поход Ермака в итоге и закончился его гибелью, но за несколько лет этот отряд фактически разгромил Сибирское ханство, что открыло дорогу в Сибирь многочисленным последующим экспедициям. Как в походе Ермака, так и в последующих экспедициях принимали участие не только славяне (термин великоросс укоренился в массовом сознании лишь в XVIII столетии), но также и коми-зыряне, казанские татары, кодские ханты, якуты и представители многих других народов. Таким образом, присоединение Сибири к Московскому царству, завершившееся к концу XVIII в., стало совместным предприятием многих российских народов.

Присоединение обширных пространств на востоке, населенных многочисленными народами со специфическими формами социальной организации, потребовало создания специальных органов управления новыми территориями. В середине XVI в., после завоевания Казанского и Астраханского ханств, был создан Приказ Казанского дворца, ведавший восточными землями. С 1599 г. этот приказ стал осуществлять управление сибирскими делами, а в 1637 г. был создан самостоятельный Сибирский приказ, в наставлениях которого на местах указывалось на необходимость мирных сношений с «ясачными

людьми», т. е. с сибирскими народами, которые платили дань русскому царю. Основной формой взаимодействия между центральной властью и населявшими Сибирь многочисленными этническими группами были *даннические отношения*, выражавшиеся в регулярной уплате ясака, т. е. налога пушниной или другими продуктами местного промысла [Слезкин 2008]. В регламентирующих документах приказа, рассылаемых на места, содержались требования соблюдать веротерпимость, не посягать на земли, которыми традиционно пользовались местные культурные сообщества, не вмешиваться в их внутреннее самоуправление, и поэтому вплоть до советской эпохи народы Сибири обладали довольно высокой степенью внутренней культурной и административной автономии. *Сохранение этой автономии стало важным принципом государственной политики* сначала Московского царства, а затем и Российской империи. Так, например, в «Уложении 1649 года» говорилось, что всякое изъятие земель у татар, мордвы, чувашей, черемисов, вотяков и башкирцев со стороны дворян и детей боярских запрещалось под угрозой царской немилости [Национальная политика 1998: 61].

Расширение территорий и принятие в подданство все новых народов вызвало необходимость изучения их культурной специфики. Уже в первой половине XVIII в. появляются работы, посвященные картографированию и типологизации народов, проживавших в Поволжье и за Уралом. Одним из первых этим занялся русский картограф С.У. Ремезов, издавший «Чертежную книгу Сибири», затем подобная работа была продолжена пленным шведским офицером Ф.И. Страленбергом, который в 1730 г. издал в г. Стокгольме свой труд под названием «Северная и восточная часть Европы и Азии...». Наиболее значительным трудом стала четырехтомная «История Сибири» академика Г.Ф. Миллера, написанная по итогам его сибирских экспедиций конца XVIII столетия. Накопление научного материала вместе с увеличивающимся опытом административного управления землями, заселенными различными народами, способствовало пониманию необходимости не только управлять территориями, но и выстраивать отношения между государством и автохтонным населением новоприобретенных территорий.

В России раньше многих других стран перешли к политике регулирования отношений государства с меньшинствами, к законодательному оформлению этой политики. В 1822 г. принят Устав «Об управлении инородцев», разработанный М.М. Сперанским. Он содержал положения о правах коренных народов. Устав пополнялся новыми актами, а в 1892 г. все эти акты были сведены в Положение об инородцах, которое действовало до революции 1917 г. Значение этого документа, помимо регулирования отношений между государ-

ством и инородческими сообществами, заключалось еще в том, что «административно-правовая реформа М.М. Сперанского (1822 г.) унифицировала управление туземцами, сгладив бывшие различия между княжествами и волостями, вызвав обезличивание туземной элиты. Сбор ясака приобрел для князьцов и старшин смысл не только повинности, но и статуса. Имперская правовая регламентация вписала туземную знать в российскую служебно-административную иерархию» [Перевалова 2017: 29].

Но он был важен также в плане организации и внутреннего самоуправления и построения судебной системы, опиравшейся на нормы обычного права: «Устав 1822 г. легитимизировал статус родовой элиты “кочевых инородцев”. Однако Устав, чтобы создать баланс между прерогативами родовой элиты и сообществом простых “улусников”, закрепил два способа занятия должностей – как путем наследования, так и по избранию... Устав систематизировал внутрисословный суд “кочевых инородцев”. Судиться инородцы, за исключением уголовных дел по тяжким преступлениям, должны были “по своим законам и обычаям, каждому племени свойственным”. Устав легитимизировал обычное право инородцев... После утверждения центральными властями и публикации (в том числе на языках “кочевых инородцев”) этот кодекс должен был стать основой жизни и судопроизводства. Характерно, что положения кодекса должны были приниматься и государственными присутственными местами» [Верняев 2019: 47].

Особую роль в построенной на сословной основе монархии играл процесс формирования элит, а точнее – дворянского сословия, которое являлось опорой монархического режима. Процесс формирования российского дворянства как полиэтнического социального слоя особую активность приобрел начиная с XVI в., когда великий князь московский Иван IV венчался на царство (1547 г.) и стал царем Всея Руси, а дворянство было объявлено опорой царской власти, ибо «по мысли царя Ивана дворянство должно было сменить боярство как правящий класс» [Ключевский 1937: 194]. При Иване и его преемниках в результате завоеваний XVI–XVII вв. наиболее заметным был приток в ряды правящего класса аристократов тюркского и черкесского происхождения. После завоеваний Петра I и превращения России в империю в XVIII в. дворянское сословие пополнилось остзейскими немцами, а в XIX в. грузинами, шведами, финнами, поляками и прочими представителями этнических элит. Российское дворянство являлось этнически открытым сословием, и в его ряды могли интегрироваться разные представители нерусской элиты, хотя существовали определенные ограничения. Формирование интегрированной полиэтнической элиты было важным направле-

нием внутренней политики, но прочное государственное единство не могло быть обеспечено только таким путем, да и само единство элиты было неполным и региональные интересы для существенной ее части были важнее общенационального единства.

В целом же в царской России не велось постоянной целенаправленной этнической политики, и она носила более ситуативный и стихийный характер, а потому не возникало вопроса об учреждении особого централизованного бюрократического ведомства для ее проведения. Это обстоятельство, как и огромная разница в экономическом и социальном развитии различных частей империи, а равно и недостаточный уровень интеграции данных территорий в общее экономическое, социальное и культурное пространство страны сыграли в итоге важную роль в том, что «инородцы» и их культурные элиты стали носителями сепаратистских идей. *Хотя остроу так называемого «национального вопроса», который стоял в политической повестке дня накануне российской революции в марте 1917 г. и ноябрьского переворота, исследователи многие годы явно преувеличивали.*

Термин «инородцы» широко использовался в административной практике России в XVI–XIX вв. и имел множество коннотаций в разные исторические эпохи. Чаще всего его использовали для обозначения разных категорий податного тяглового населения или «ясачных инородцев». Под этим термином главным образом понимали уроженцев другого племени или народа (но не «племени» великороссов) [Соколовский 2004: 133–136].

1.1. Территориальные и политические автономии внутри Российской империи

В Российской империи этничность как инструмент, с помощью которого решались задачи укрепления государства, стали активно использовать с начала XIX столетия. Для обеспечения лояльности финского населения имперской короне, на верность которой присягнул финляндский сейм после отторжения Финляндии от Шведского королевства в результате русско-шведской войны 1808–1809 гг., российские власти предоставили княжеству широкую внутреннюю автономию, а также стимулировали развитие фенноманского движения, поддержка которого должна была ограничить шведское влияние в Финляндии. Убедившись в том, что население княжества лояльно центральной власти, в 1863 г. Александр II созвал сейм. В 1869 г. был

утвержден сеймовый устав, предписывавший созывать этот представительный орган регулярно. В 1865 г. Финляндия обрела свою денежную единицу, а в 1878 г. с введением всеобщей воинской повинности – собственную армию, в задачу которой входила «защита престола и отечества». Положение финского языка также постепенно менялось. В 1858 г. была основана первая финноязычная школа; в 1863 г. было решено, что через 20 лет граждане будут иметь право обращаться во все государственные инстанции на финском языке; в 1886 г. было решено использовать финский язык в качестве рабочего в государственных учреждениях, а в 1902 г. финский и шведский языки стали равноправными в делопроизводстве, а с 1900 г. русский язык объявлен официальным языком княжества, а все названия улиц в городах с этого времени писались на трех языках (русском, шведском и финском).

Углубление процессов автономизации привело к тому, что начался рост национального самосознания финнов, который привел к тому, что эпоха национального пробуждения первой половины столетия во второй его половине сменяется эпохой формирования финского национализма. «В среде финской политической элиты русофобские настроения приобрели устойчивый характер. В 1861 г. в финской прессе прошла острая дискуссия, результатом которой стало укоренение в массовых представлениях мнения о том, что Финляндия является отдельным от России самостоятельным государством и лишь состоит с ней в союзе. При этом сама национальная идеология черпала ресурсы именно на востоке. К концу XIX в. усилиями ученых и деятелей искусств культурная идентичность немалой части финляндской элиты трансформировалась в политическую идеологию или национальную идею, основанием которой служил “карелианизм”. Основатель карелианистского движения А.В. Эрvasti, после своей поездки по Олонецкой губернии, написал, что «за восточной границей Великого княжества Финляндского лежит не чужая земля, ибо именно Карелию следует считать материнской землей (*emämaa*) или метрополией, а собственно Финляндия есть колония, в Карелии нужно искать духовные истоки финнов» [Финляндия 2015: 427].

Представление о Карелии как о неотъемлемой части грядущего «Идеального Отечества» органично вошло в основополагающий финляндский националистический миф. «Золотым веком» финляндской истории Карелия была представлена уже в самом названии первоначального варианта эпоса «Калевала» – «Калевала, или Старые Руны Карелии о древних временах финского народа» [Сурво, Сурво 2009: 176]. Рост финского национализма заставил российские власти не только прекратить поддержку фенноманского движения и фенноманских устремлений, но и начать урезать полномочия властей

княжества, и эта политика особенно активно проводилась после назначения в 1898 г. генерал-губернатором Финляндии Н. Бобрíkова.

Финская историография традиционно трактует эпоху с 1899 по 1917 г. как «годы угнетения» и также «административной русификации» [Полвинен 1997; Клинге 2005; Юссíла 2009 и др.]. Тем не менее, после революции 1905 г. удалось принять новый сеймовый закон, который позволил перейти от устаревшего сословного к однопалатному парламенту, созываемому на основе всеобщего равного избирательного права. Однако уже в 1910 г. Дума и Государственный совет одобрили закон, согласно которому при решении всех наиболее важных дел следовало руководствоваться не финляндским законодательством, а общероссийскими законами. После февральской революции Временное правительство отменило все прежние решения, ограничивавшие автономные права Финляндии, и признало финское законодательство приоритетным на территории княжества. Однако к тому времени большинство политических сил Финляндии поддерживали идею суверенитета, государственной независимости, и 6 декабря 1917 г. парламент провозгласил независимость Финляндии.

Но пример Финляндии – это лишь частный случай. Между тем, *вся история российского государства и российского регионализма стала историей поиска форм взаимодействия между центральной властью и регионами, который нередко приобретал и форму открытого противостояния имперского центра и отдельного региона.*

Финская практика регионального управления, тем не менее, была уникальной и не могла использоваться в отношениях с большинством других народов и территорий.

Так, совершенно иначе складывались отношения властей в Петербурге и Царства Польского. Польша (Речь Посполитая) как самостоятельное государство прекратило существование в последней трети XVIII в. после трех разделов ее территории между Пруссией, Россией и Австрией. Но в эпоху наполеоновских войн император Франции подчинил себе польские территории, входившие в состав Австрии и Пруссии. На этих землях было образовано Герцогство Варшавское, которому Наполеон обещал предоставить независимость. На территории Герцогства действовал Кодекс Наполеона, наделявший местное население целым рядом гражданских прав и свобод. Здесь были сформированы польские легионы, участвовавшие в походах Наполеона, в том числе и в походе на Россию в 1812 г.

Венский конгресс, созванный в 1815 г. после победы над Наполеоном, передал большую часть Варшавского герцогства под именем Царства Польского России «на вечные времена». При этом польские земли получали конституционное устройство. Польская Конститу-

ция, призванная заменить Кодекс Наполеона, была обнародована 20 июня 1815 г. Жителей Царства привели к присяге на подданство русскому царю. Конституция позволяла полякам формировать собственное правительство и возрождала польский сейм. 5 марта 1918 г. император открыл сейм в Варшаве, а его речь на открытии предвещала довольно либеральные отношения между Варшавой и Санкт-Петербургом. Сейм принял большинство правительственных законопроектов, но среди его депутатов были довольно сильны оппозиционные настроения. Попытка Александра I дать Польше достаточно широкую автономию в рамках Российской империи оценивалась современниками весьма неоднозначно. Многие из них выступали против подобного либерального подхода. Одним из видных противников расширения прав Польши был известный историк и литератор татарского происхождения Николай Карамзин, в сочинениях которого содержится «Мнение русского гражданина» [Карамзин 2003: 312–315], не публиковавшееся при его жизни, но написанное по итогам беседы выдающегося российского историка с императором, имевшей место в 1819 г. Н. Карамзин с опаской отнесся к планам Александра, ибо «идеальная модель управления страной представляется историку на основе единого законодательства. Применительно к территории бывшей Польши такой подход означает осуществление курса на интеграцию их в состав Российской империи» [Нарежный 2018: 86]. И именно в данном направлении развивалась политика имперских властей в отношении Польши в последующие годы.

После того как в свои права вступил наместник Царства Польского – великий князь Константин Павлович, отличавшийся жестокостью по отношению к своим подданным, оппозиционные настроения в польском обществе только усилились, что спровоцировало польское восстание 1830 г., окончившееся неудачей, массовыми репрессиями и отменой польской Конституции.

26 февраля 1832 г. был обнародован Органический статус, упразднявший коронование императора польским королем (Николай I короновался в 1829 г.), особые польские войска и сейм и объявлявший польские земли органической частью Российской империи. Правда, сохранился административный совет, который представлял императору кандидатуры на посты высших чиновников в местном аппарате. В том же 1832 г. польская валюта – злотый – была заменена российским рублем. На следующий год началось наступление на культурные и образовательные институты Царства Польского: было закрыто Варшавское научное общество, а его библиотека и архив вывезены в Петербург, закрыли Варшавский и Виленский университеты, а также игравший важную образовательную роль Кременецкий лицей, преподавание в гимназиях переводилось на русский язык.

Даже польская католическая церковь теперь должна была подчиняться Святейшему Синоду в Санкт-Петербурге.

Однако подобные меры вызвали очередные волнения, которые имели место после революций 1848 г. А в самом начале 1861 г. ситуация резко обострилась, причиной чему стали памятные мероприятия, проводившиеся в тот год повсеместно в костелах в честь годовщины смерти польского национального героя Тадеуша Костюшко³. Для разгона памятных молебнов, которые стали превращаться в своеобразные манифестации независимости, в храмы были направлены войска, действовавшие крайне жестко. Свою роль сыграла и реформа 1861 г., вызвавшая волнения не только в Польше, но и по всей Рос-

³ Костюшко Тадеуш (1761–1817). Один из ярких лидеров польского патриотического движения, руководитель восстания 1794 г. и автор Полапецкого универсала, видный деятель борьбы за независимость Соединенных Штатов Америки. В 1798 г. Т. Костюшко тайно вернулся в Европу. Во Франции к нему обратились с предложением принять участие в формировании польских легионов, но он обусловил свое участие твердыми гарантиями французского правительства восстановить независимость Польши. Французы таких обязательств на себя не взяли. В связи с этим Т. Костюшко отказался вступить в легионы, отстранился от общественной жизни и поселился в местечке Бервиль. Т. Костюшко полагал, что в борьбе за независимость поляки не должны играть роль разменной монеты в противостоянии великих держав. Он считал, что в самом польском народе достаточно сил для освобождения страны. Программа борьбы за независимость, составленная Т. Костюшко, была изложена его секретарем Ю. Павликовским в брошюре «Могут ли поляки добиться независимости?» (1800). Когда в 1806 г. император Наполеон I Бонапарт обратился к знаменитому польскому генералу с предложением помочь французам в борьбе с Россией, Т. Костюшко вновь обусловил свою помощь гарантией восстановления независимого польского государства. Однако император не счел возможным связывать себя обещанием. В 1807 г. по желанию Наполеона на части территории бывшего Польского королевства было создано Герцогство Варшавское, но Т. Костюшко даже не захотел туда приехать. Император Александр I, желая сделать из поляков верноподданных русского престола, решил предоставить им автономию. Он искал среди поляков достаточно авторитетного лидера, способного поддержать интеграцию Польши в Российскую империю. В поисках такого человека Александр I обратил внимание на Костюшко, который не запятнал себя сотрудничеством с Наполеоном. В ответ на обращение русского императора Т. Костюшко предложил установить восточную границу автономного Царства Польского по рекам Днепр и Двина, а также провести в Польше глубокие социальные реформы. Царь счел предложения Т. Костюшко неприемлемыми.

сии. Запутанность и консервативность реформы явились причиной выступлений крестьян и радикально настроенного студенчества. Репрессии в отношении польской молодежи стали причиной очередного всенародного восстания 1863 г. Следствием восстания явился ряд уступок по отношению к польскому крестьянству (в 1864 г. крестьяне получили права владения землями, которые они обрабатывали), но само оно закончилось поражением повстанцев. Александр II не стал слишком сурово реагировать на польское восстание, но в эпоху правления его преемника – Александра III – в Царстве Польском стала проводиться жесткая политика русификации. В 1867 г. был упразднен Государственный совет, а в 1868 г. – правительственные комиссии, ведавшие местными делами, и все полномочия по ведению этих дел были переданы общеимперским министерствам. С 1871 г. в административных делах, судопроизводстве и преподавании использование русского языка становится обязательным. Предпринимались даже попытки перевести польский язык на кириллицу. После 1832 г. и особенно в 1860-х гг. название Царство Польское стали использовать крайне редко, и вместо него польские земли называли или «Привислинскими губерниями», или «Привислинским краем», а в 1887 г. Николай II запретил использование в административных делах наименования Царство Польское. Стали пресекаться малейшие попытки сохранить национальную идентичность, продолжилось наступление на католическую церковь. Не случайно в ходе революции 1905–1907 гг. одним из главных требований на польских землях было восстановление польской автономии. С началом Первой мировой войны польский вопрос стал активно обсуждаться как в самой России, так и с дипломатическими ведомствами ее союзников по Антанте.

Россия добивалась после окончания войны включения в состав империи польских земель, принадлежавших Австрии и Пруссии, в частности Силезии, Восточной и Западной Галиции, Познани, Северной Буковины. Уже в конце осени 1914 г. была составлена программа заседаний Совета министров, на которых должны были обсуждаться вопросы, связанные с формами и способами обеспечения будущего политического единства Царства Польского и России, проблемы культурных прав польского населения, организации административно-территориального устройства. В 1915 г. стало очевидно, что Польша должна получить автономию в составе Российской империи. В следующем 1916 г. военное положение Германской и Австро-Венгерской империй стало более сложным, а потому австрийский император предоставил более широкую автономию Галиции, а германское правительство заявило о том, что создает на польских землях, подвластных Германской империи, независимое польское государство,

а также сформирует польскую армию, которую германские власти стремились использовать в боях против держав Антанты.

В 1916 г. Германия и Австрия признали польские легионы лучшими войсковыми частями на восточном фронте. Первым документом международного ранга, открывшим путь к возрождению Польши, стал акт 5 ноября 1916 г., подписанный императорами Вильгельмом II и Францем-Иосифом I. Акт объявлял о создании Королевства Польского со столицей в Варшаве. На протяжении последующих месяцев образовалась, наряду с оккупационной, польская государственная власть: правительство и Совет регентства, состоявший из трех человек. После акта 5 ноября немецкий генерал-губернатор в Королевстве Польском призвал польских добровольцев вступать под знамена польской армии, находившейся, однако, в подчинении немецкого командования.

Попытка создать прогерманское «независимое» польское правительство и польское государство, без учета мнения населения и соседних держав, вызвала дипломатический протест со стороны Италии, Великобритании и Франции, который они озвучили на совещании в Париже в ноябре 1916 г. Для России тоже было важно обеспечить лояльность поляков Российской империи, поэтому польский вопрос рассматривался на серии заседаний Совета министров в феврале 1917 г. и, наконец, 12 февраля было принято решение о даровании Польше прав независимого государства, но это решение не было утверждено императором [Бахтурина 2004: 13–77].

Полностью независимое Польское государство состоялось уже после капитуляции Германской империи и Австро-Венгрии, и в его создании существенную роль сыграла позиция и дипломатические усилия американского президента Вудро Вильсона [Уткин 1989].

В послании Конгрессу США, направленном в январе 1918 г., президент Вудро Вильсон изложил свою доктрину переустройства послевоенного мира, где в пункте 13 заявил о необходимости создания независимой Польши со свободным доступом к морю, что, по его мнению, являлось одной из конечных целей войны и послевоенного устройства Европы. Повлиял на содержание пункта 13 всемирно известный польский пианист и композитор, а с 1914 г. член Польского национального комитета в Париже Игнаций Ян Падеревский, который дружил с американским президентом и убедил его в том, что Польша не только должна обрести независимость, но она немыслима без выхода к Балтийскому морю. В связи с этим его иногда называют «архитектором польской независимости» (в 1919 г. он стал премьер-министром Польши).

Следом за американцами европейские союзники также вынуждены были признать право поляков на собственное государство. Во

Франции создается союзническая польская армия во главе с бывшим офицером Легионов генералом Юзефом Халлером, подчиненная политически Национальному польскому комитету в Париже под руководством Романа Дмовского. Комитет был признан официальным представителем Польши, обладавшим правом на выдачу польских паспортов и привлечение кредитов от имени Польши.

К концу 1918 г. формирование независимой Польши было предрешено, чему способствовало поражение центральных держав, революция в России и начало реализации доктрины В. Вильсона, которая легла в основу Версальского мирного договора, заключенного 28 июня 1919 г. Остался без ответа лишь один важный вопрос, касающийся того, какой политический лагерь возьмет власть в новой Польше и кто из конкурирующих политиков – Ю. Пилсудский или Р. Дмовский – возглавит страну. Соперничество главных политиков за власть выиграл Ю. Пилсудский, который вернулся в Варшаву из немецкой тюрьмы 10 ноября 1918 г. Он стал временным Начальником государства. В польском историческом повествовании утверждается, что он вместе с правительством и поляками создал Республику Польша – открытую, толерантную и демократическую. Жителям страны гарантировался широкий спектр гражданских прав, а женщинам – политические права наравне с мужчинами. Вместе с тем, заключенный между основными политическими силами Польши Ланцкоронский пакт опирался на следующие положения: 1) большинство сейма должно быть польским, а правительство – состоять исключительно из поляков; 2) во всех учреждениях страны государственным языком является только польский; 3) во всех профессиональных, средних и высших учебных заведениях страны поляки получают привилегии, для национальных меньшинств вводится процентная норма; 4) во всех органах самоуправления гарантируется преобладающее польское влияние [Тымовский, Кеневич, Хольцер 2004: 431].

Определенные настроения в пользу автономии проявляли и национальные элиты Прибалтийских губерний, особенно в годы первой русской революции, но дальше ограниченной автономии их требования не шли, ибо на этих землях сложилась специфическая этнокультурная и этнополитическая ситуация, когда большинство населения составляли латыши и эстонцы, промышленные рабочие были представлены преимущественно русскими, политическим же влиянием обладало немецкое дворянство, для которого региональный интерес состоял в сохранении собственных привилегий и статуса. *Данные этносоциальные группы конкурировали друг с другом в борьбе за власть с начала XX столетия, а после февральской революции 1917 г. их политическое противостояние приняло форму открытой и непримиримой борьбы за политическое лидерство.*

Специфическими формами автономии были среднеазиатские деспотии. Покорение Средней Азии Россией началось в 1839 г. с зимнего похода на Хиву, закончившегося неудачно, и растянулось вплоть до конца XIX столетия. К началу активной военной экспансии России здесь существовали три независимых государства (Бухарский эмират, Кокандское и Хивинское ханства), а также целый ряд полунезависимых государственных образований. В 1866–1868 гг. был завоеван Бухарский эмират. Но система управления эмиратом осталась неизменной: Бухарское ханство объявлялось в вассальной зависимости от России, на его территории размещались российские войска, в обязанности которых в том числе входило и усмирение бунтов против эмира. Эмир был обязан защищать интересы российских купцов и предоставлять им права на льготные условия торговли на территории эмирата.

В 1873 г. начался новый Хивинский поход, в результате которого Хивинское ханство покорилось России. Но в планы российского правительства не входило присоединение к стране всего Хивинского ханства, а потому за ханом было оставлено право управления страной. При хане был образован особый совет, в обязанности которого входило обеспечение продовольствием российских войск и решение ряда других дел [Глушенко 2010].

После образования Туркестанского генерал-губернаторства, объединившего все среднеазиатские владения империи, генерал-губернатор ведал не только делами своего края, но и сношениями с Бухарой, Хивой и Афганистаном. В начале XX в. в правящих кругах империи усилились настроения в пользу окончательного присоединения Бухары и Хивы к империи, и в 1910 г. при Совете министров было образовано Особое совещание по бухарским делам. Но даже масштабное среднеазиатское восстание 1916 г., которое подавлялось с помощью регулярных войск, не привело к изменению статуса Бухарского эмирата и Хивинского ханства.

1.2. Регионализм элит

Территориальная автономия не являлась доминирующей целью, к достижению которой стремились региональные элиты в Российской империи. Достаточно часто именно автономия и привилегии самих элит являлись содержанием их политического торга с верховной властью. Наиболее ярким примером подобной политической практики была Прибалтика, а точнее земли, населенные латышами,

латгаллами, ливами и эстонцами, поскольку на прибалтийских землях Великого Княжества Литовского (находившегося долгое время в союзе и тесных династических отношениях с Польским королевством, а после Люблинской унии 1569 г., создавшего с ней единое государство, – Речь Посполитую) ситуация была иной. С XII в. прибалтийские земли оказываются под властью немецких рыцарей, которые создают на этих территориях Ливонский орден (считавшийся частью Тевтонского ордена, и поэтому Ливония номинально входила в состав германских земель). Орден создает свои органы управления в Ливонии, основывает здесь города. Высшим органом самоуправления были ландтаг, сформированный на сословной основе.

Наиболее крупные города, возникшие как административные и торговые центры, такие как Рига, Ревель, Дерпт, Пярну, имели собственную систему самоуправления и были независимы от дворянских сословных учреждений как в административном, так и в судебном отношении, поскольку городское самоуправление основывалось на так называемом магдебургском праве, являвшимся правовой основой местного самоуправления в ганзейских городах Северной Германии. Городские сословия были объединены в гильдии, которые формировали магистрат из числа пожизненно избранных членов. Магистраты возглавлялись бургомистром, распоряжались городским хозяйством, выполняли административные, судебные и фискальные функции.

Ливония находилась в сфере интересов нескольких европейских государств: Польши, Дании, Швеции и Московского царства, каждое из которых стремилось усилить здесь свое влияние и аннексировать ливонские земли. Это делало позиции Ливонского ордена весьма уязвимыми, но окончательно его влияние было подорвано в ходе Ливонской войны (1558–1582 гг.), когда орден был окончательно разгромлен. В 1561 г. ливонские земли перешли в подчинение к Польше, а ливляндское и курляндское рыцарства подписали акт о подчинении польским властям, рассчитывая сохранить и приумножить свои политические права, земли и крепостных крестьян. Однако поляки смотрели на Ливонию как на покоренную территорию, и польский сейм уничтожил политическую автономию, разделил территорию ордена на обычные воеводства, все руководящие должности в которых занимала польская шляхта. «Для того, чтобы передать земли и крепостных польско-литовской шляхте, была объявлена “ревизия” имений, то есть проверка документов, на основании которых ливляндские бароны владели своими имениями. Поскольку при захвате земель бароны, естественно, не руководствовались законами, то многие из них лишились своих имений. В тех же целях захвата польская шляхта начала также восстанавливать в Ливонии католичество, что создало новую угрозу для немецких феодалов, так как

они лишались церковных богатств и земли. Поэтому к концу XVI в. у большинства немецких баронов появились шведофобские настроения» [Этнические элиты 2017: 267].

Польско-шведская война 1600–1629 гг. привела к тому, что Польша утратила контроль над ливонскими землями, а немецкие бароны Лифляндии перешли в шведское подданство (кроме территории Курляндии и Латгалии). В первые десятилетия шведского владычества оформился союз немецких баронов со шведской короной. В результате этого союза был оформлен “Landestaat” – система особого местного права, обеспечивавшего территориальное самоуправление и ограниченный суверенитет феодального типа [Merriam 2001]. Дворянство контролировало полицию, школы, судебную систему. Высшим органом управления был ландтаг, состав которого формировался из двух сословий – немецкого дворянства и буржуазии, а потому его можно определить как сословно-этнический орган. Ландтаг избирал должностных лиц в административные и судебные органы, контролировал их деятельность, выносил постановления, обязательные для всех жителей губернии. Заседания ландтага собирались раз в три года, а в их заседаниях принимали участие все землевладельцы, внесенные в родословную книгу всех дворянских родов (Матрикулу), а также представители городов, влияние которых, однако, было ограниченным. Совершенно не допускались к заседаниям представители мелких городов. А, к примеру, от Риги в ландтаге могли принимать участие только два делегата, имевшие при решении всех вопросов лишь один голос на двоих. «В промежуточный период действовали дворянский конвент и коллегия ландратов, вначале представлявшая 8, а затем 12 ландратов. Ландраты выполняли административные и судебные функции и выбирались пожизненно, а коллегия ландратов контролировала деятельность судебных и административных органов» [Этнические элиты 2017: 268].

Ливония в шведский период делилась на две губернии – Лифляндию и Эстляндию, но границы губерний не совпадали с границами расселения латышей и эстонцев. Губернии были разделены на уезды, управлявшиеся наместниками. В середине XVIII в. союз немецких баронов Прибалтики со шведской короной стал рушиться. Причиной тому явились попытки шведских властей покончить с остатками феодальной раздробленности и усилить централизацию управления. С 1662 г. предпринимались попытки осуществить редукцию (ревизию) в Эстляндии и Лифляндии, предполагавшую подтверждение прав владения земельными владениями. Однако ко времени ее завершения в 1687 г. большинство имений все же остались в руках прежних владельцев. В Эстляндии и Лифляндии процесс редукции привел к расколу элит: буржуазия городов придерживалась шведской

ориентации, а «лифляндское дворянство было недовольно шведской политикой. На своем ландтаге 1681 г. оно отказалось считаться с нуждами государства и решительно выступало против проектов уничтожения крепостной зависимости и лишения помещиков права подвергать крестьян телесному наказанию. Чтобы окончательно сломить противодействие реформам, Карл XI указом от 20 декабря 1694 г. упразднил Коллегию ландтагов. Ландтаги могли собираться по предложению самого короля и под председательством его наместника – рижского генерал-губернатора. После 1693 г. ландтаги вообще перестали созываться» [Этнические элиты 2017: 269].

Подобные меры не только окончательно разрушили союз между немецкими баронами и шведским королем, но и привели к возникновению сепаратистских настроений среди немецкого дворянства Прибалтики. Лидеры дворянства пытались договориться с польским королем Августом Саксонским о создании с его помощью олигархической дворянской республики под патронажем Польши, но эти планы были нарушены началом Северной войны, в ходе которой Россия нанесла ряд серьезных поражений Швеции и вынудила ее не только заключить в 1721 г. Ништадский мир, но и отказаться от всех своих владений в Прибалтике. В результате договора Россия получила обширные территории от Выборга до Риги. Согласно условиям договора, Россия сохраняла в Лифляндии и Эстляндии остзейское право и систему местного самоуправления, но также и все привилегии немецкого дворянства, что сделало его верными подданными русского императора. Более того, принимаемые на русскую службу немецкие дворяне получали жалование как иностранцы на русской службе, т. е. существенно выше обычного. Таким образом, с 1721 г. в Эстляндии и Лифляндии начался длительный период, который в современной балтийской историографии и научной публицистике называется «Русское время» [Эстония 2008: 299].

В 1772 г. был осуществлен первый раздел Польши, и к России отошла Польская Инфлянтia (Литгале), а также часть Восточной Белоруссии с Полоцким, Витебским и Мстиславским воеводствами. Земли Польской Инфлянтia, заселенные латгальцами, которых считают одной из трех основных этнографических групп латышей (хотя и прежде, и теперь имелись попытки представить латгальцев самостоятельной этнической группой), первоначально вошла в состав Псковской губернии, а затем – в состав Полоцкого наместничества. Позднее территория Латгалии стала частью Витебской губернии и таким образом осталась за пределами Остзейского края. После третьего раздела Польши в 1795 г. к России отошло Курляндское герцогство, преобразованное в Курляндскую губернию. В первой половине XIX столетия Курляндская, Лифляндская и Эстляндская губернии

были объединены в Прибалтийское генерал-губернаторство, составлявшие вместе Прибалтийский (Остзейский) край [Бахтурина 2004: 78–79]. Возглавлявший Прибалтийский край генерал-губернатор являлся главой местной администрации, осуществлял надзор за всеми гражданскими и военными учреждениями, а также связь с центральными органами власти империи.

Несмотря на то что Прибалтика управлялась от имени российской власти и здесь были созданы исполнительные органы, осуществлявшие административное управление, в XVIII в. на территории Эстляндской и Лифляндской губерний имели силу лишь те законодательные нормы, по поводу которых были сделаны специальные указания, или те законы, действие которых распространялось на данную территорию по инициативе местных органов самоуправления. Однако в этом столетии центральная власть фактически не вмешивалась в местные дела и не пыталась поколебать сложившийся здесь остзейский порядок. Тем не менее политическая ситуация и статус остзейского дворянства постепенно менялись. В 1786–1787 гг. в Прибалтике проводилась реформа городского самоуправления. Рат Риги (магистрат) был распущен, а его функции разделены между городской думой и городской управой. «Участие в выборах получали все жители города, достигшие определенного возраста и отвечавшие требованиям имущественного ценза. Городской голова выбирался от всего городского общества. Полицейские обязанности возлагались на городничего, назначаемого Сенатом. Появилось специальное полицейское учреждение – управа благочиния. При этом Рига потеряла право посылать своих депутатов в ландтаг. Сенат также постановил, что жители Риги не имеют права владеть поместьями. Екатерина II отменила суд бургграфа» [Этнические элиты 2017: 276].

Тем не менее местные ландтаги старались всячески оградить свою независимость от влияния центральных органов, сохранить привилегии остзейского дворянства. Как политический инструмент активно использовалось право предварительного рассмотрения предложений правительства, касающихся прибалтийских губерний, в ходе которых выдвигались встречные представления и предложения, направляемые в различные правительственные инстанции. Кроме того, ландтаги готовили и самостоятельные предложения, касающиеся положения различных слоев населения и их правового статуса. Одной из важнейших компетенций ландтагов было право назначать высших должностных лиц в местную администрацию, суд и полицию, т. е. фактически оказывать политическое влияние на все местные органы власти. Генерал-губернаторы и другие представители царской администрации не имели права присутствовать на заседаниях ландтагов. При этом почти все чиновники на местах

были выходцами из остзейского дворянства или местной, и преимущественно немецкой, буржуазии. Центральная власть понимала, что влияние немецкого дворянства в Лифляндии и Эстляндии чрезмерно велико и пыталось его ограничить, но ему приходилось лавировать между государственными интересами и интересами сохранения стабильности в Прибалтике, а особенно – обеспечения лояльности немецкого дворянства к верховной власти. «Распространение в 1783 г. на прибалтийские земли “Учреждений о губерниях” вызвало серьезные противоречия с местной элитой, что привело к восстановлению в 1796 и 1797 гг. старой системы сословных привилегий. Из общегосударственных учреждений в каждой губернии сохранились только губернатор и губернское правление (с двумя немецкими советниками и двумя канцеляриями с немецким и русским делопроизводством), губернский прокурор, приказ общественного призрения и казенная палата. Все остальные губернские учреждения избирались местной элитой» [Бахалов 2009: 39].

Однако обострившиеся к концу XVIII в. отношения между крестьянством и остзейскими помещиками и массовые волнения привели к пониманию необходимости аграрных реформ. В 1804 г. император Александр I утвердил лифляндский крестьянский закон, закрепивший право собственности на землю за крестьянами и право наследования хуторов, в 1816 г. в Эстляндии и в 1819 г. в Курляндии было окончательно отменено крепостное право, но земли крестьяне не получили.

В середине XIX в. начинается эпоха национального пробуждения и становления национальных движений, которые имели этнокультурную направленность и не выдвигали политических требований. Формируются латышский и эстонский литературные языки, возникают литературные общества, начинают проводиться певческие праздники и т. д. Эти движения в первые годы своей деятельности активно поддерживались центральной властью, видевшей в них инструмент ограничения влияния в Прибалтике остзейского дворянства.

Тем не менее немецкое влияние не ослабевало, чему способствовал тот факт, что многие выходцы из остзейского дворянства занимали высокие посты в империи, а при дворе сформировалась своеобразная «немецкая партия», прямо или косвенно защищавшая интересы немецкого дворянства Прибалтики. В 1846–1875 гг. в Петербурге функционировал Остзейский комитет, в состав которого входили выходцы из немецких знатных фамилий. Комитет играл важную роль в деле разработки остзейских законов, поскольку он первым после ландтага рассматривал направляемые в край правительственные предложения. Он также рассматривал все постанов-

ления центральной власти, касавшиеся непосредственно прибалтийских губерний, и вносил свои замечания.

Однако на позиции остзейского дворянства и «немецкой партии» определенное влияние оказывали внешнеполитические факторы. В 1871 г. была образована Германская империя, среди немецких радикалов стали раздаваться призывы о возвращении Прибалтики в германское лоно. Возникшие в связи с этим опасения по поводу возможного роста сепаратизма среди остзейского дворянства привели к определенному «урезанию» прав остзейского дворянства. Тем не менее остзейские дворяне понимали, что немцы в России ценятся как опора имперской власти, а их лояльность будет цениться и впредь, в то время как их карьерные перспективы в объединенной Германии, где все кругом немцы и есть собственная элита, вызывали много сомнений. Поэтому идеи германских радикалов не пользовались поддержкой среди российских немцев, и они оставались верной опорой царизма [Rodkiewicz 1998].

В конце XIX в. Александр III вновь попытался ограничить немецкое влияние и усилить роль русской культуры и языка как интегрирующих имперскую нацию культурных ценностей. В 1885 г. делопроизводство во всех присутственных местах было переведено на русский язык, а в 1887–1893 гг. – введено обязательное преподавание всех дисциплин в государственных и частных учебных заведениях на русском языке.

Заметим, что примерно в это же время единственным языком обучения и общения учащихся (между уроками) во французской школе был законодательно объявлен французский язык, а потому дети из бретонских, эльзасских, корсиканских, баскских семей могли говорить со своими сверстниками только на французском, иначе их ждало наказание.

Процессы культурной унификации в XIX в. и в первой половине XX в. были характерны для культурной и образовательной политики, осуществлявшейся во многих странах Европы и поэтому стандартное клише о русификации меньшинств при царизме (а равно и в последующие эпохи) выглядит не научным выводом, а исторической спекуляцией, тем более, что последующие события опровергают некритичный взгляд на имперскую этнонациональную политику [Plakans 1997]. «В начале XX в. под влиянием обострившейся внутриполитической ситуации маятник национальной политики, в том числе и в Прибалтике, качнулся в другую сторону. 12 декабря 1904 г. был опубликован именной высочайший указ с пунктом 7 об иноплемennых народностях. На основании этого пункта Комитет министров признал, что нельзя из школ делать орудия искусственного проведения обрусительных начал и что учебные учреждения должны, преж-

де всего, преследовать цель образования детей и юношества согласно потребностям местного населения. Все это можно осуществить, если в школах будет обеспечено должное место природному языку учащихся. В итоге в Риге вновь была открыта дворянская немецкая гимназия, и правительство уже не препятствовало открытию частных гимназий с преподаванием на немецком языке» [Бахтурина 2004: 81]. Под влиянием событий первой русской революции стали разрабатываться реформы, которые должны были изменить общую ситуацию в Прибалтике. В частности, при прибалтийском генерал-губернаторе предусматривался созыв Особого совещания, создавались законодательные основы для введения в крае земского самоуправления, для улучшения положения крестьянства, реформы приходских учреждений. Однако до Первой мировой войны за немцами сохранялись их прежние привилегии, обеспечивавшие им доминирование в политической, экономической и культурной жизни Прибалтики, а также в системе местного самоуправления, что провоцировало нарастающий конфликт с латышской и эстонской буржуазией. Для усиления своих позиций в 1905 г. в Эстляндии, Лифляндии и Курляндии были основаны немецкие общества, укреплялись связи с Германией, стали предприниматься меры по привлечению на прибалтийские земли немецких колонистов, что имело целью сплотить вокруг остзейской элиты все немецкое население края.

Со своей стороны правительство империи перед началом войны в основу будущих преобразований в крае положило принцип отказа предпочтений в пользу той или иной этнической группы населения Остзейского края. С началом войны в крае было введено военное положение и административное управление стало осуществлять военное командование, хотя роль местного самоуправления оставалась значительной, а сами немцы демонстративно проявляли лояльность имперской власти. Тем не менее как в российском обществе в целом, так и в Прибалтике недоверие к немцам возрастало, чем успешно воспользовались латышские и эстонские элиты, которые стали вести активную антинемецкую пропаганду, получавшую одобрение и со стороны официальных лиц. Немецкие общества в Прибалтике были закрыты, вывески на немецком языке с публичных и торговых заведений сняты, а в начале 1915 г. был принят закон об ограничении немецкого землевладения. Из прифронтовой полосы началось выселение немцев в тыловые губернии, в первую очередь недавних немцев-колонистов. Помимо этого, осуществлялся процесс закрытия немецких школ и национализации начального и отчасти среднего образования в Прибалтийском крае, предпринимались другие меры аналогичного характера. Лидеры эстонского и латышского национальных движений были на стороне России, поскольку считали,

что победа Германии в войне приведет к онемечиванию эстонцев и латышей. Такая позиция помогала ослабить влияние остзейского дворянства, а эстонской и латышской буржуазии – занять более прочные экономические и политические позиции в Прибалтике. Именно на это ослабление был направлен законопроект, который предусматривал лишение рыцарства особой формы самоуправления и предоставление избирательных прав всем налогоплательщикам, представленный в 1916 г. эстонскими и латышскими депутатами Госдумы. Он, однако, рассмотрен не был, поскольку правительство его отклонило.

Однако все названные меры лишь частично ослабили позиции остзейских немцев, но тем не менее укрепили политическую и культурную роль местных этнических элит, что в итоге создало почву для открытого столкновения интересов немецкой элиты с укрепившими свои позиции латышской и эстонской. Это столкновение стало реальностью после Октябрьского переворота в 1917 г. и прихода к власти большевиков. В эстонской, латышской и западной историографии данное столкновение рассматривается в контексте мифологизированного и канонизированного описания так называемой Освободительной войны, или Войны за независимость [Plensners 1928; Herbert 1965; Valte 1989; Latvijas Brīvības Cīņa 1999; Блейре 2005; Plakans 2011; Dambītis 2015], но в реальности мы можем говорить о гражданской войне в Прибалтике, одним из актов которой был этнополитический конфликт между немцами, с одной стороны, и латышами и эстонцами – с другой.

Февральская революция привела к резкой активизации националистических сил в Прибалтике и в самом Петрограде. Так, уже 9 марта 1917 г. в Таллине представители эстонских обществ основали Таллинский эстонский союз, выдвинувший требование об объединении Южной Эстонии (входившей в состав Лифляндской губернии) с Эстляндской губернией и о введении автономии, а 26 марта в Петрограде перед Таврическим дворцом прошла демонстрация, в которой приняли участие 40 тыс. эстонцев, среди которых 10 тыс. составляли солдаты Петроградского гарнизона. Демонстранты требовали предоставления автономии для Эстляндской губернии. Временное правительство 30 марта утвердило Постановление о временном порядке управления Эстляндской губернией, согласно которому она получала самоуправление с элементами автономии. При губернском комиссаре в качестве органа самоуправления был сформирован Временный земский совет, ставший первым всеэстонским собранием народных представителей.

После Октябрьского переворота в Петрограде наибольшую политическую активность проявили националистические силы в

Эстонии, где из эстонских частей царской армии была сформирована Эстонская дивизия, ставшая основой национальной армии, и в нее начался призыв добровольцев, включая финнов, шведов, датчан.

В ноябре прошли выборы во Всероссийское учредительное собрание, на которых левые партии получили большинство всех голосов, а большевики – 40%. Однако к декабрю 1917 г. эстонские политики либерального толка стали склоняться к тому, что Эстонии необходимо отделиться от России, и по этому поводу начались активные контакты с западными странами.

Захват власти после свержения самодержавия повсеместно осуществлялся явочным путем. Так, еще 15 ноября Земский совет попытался объявить себя высшей властью в Эстонии до созыва Учредительного собрания. Большевики разогнали совет, однако он продолжал действовать нелегально, 31 декабря 1917 г. совещанием совета старейшин Земского собрания было объявлено о создании независимого Эстонского государства. Но одновременно эсеры выдвинули проект создания Эстонской трудовой республики, который большевики отклонили и, более того, остановили выборы в Эстонское учредительное собрание и ввели военное положение.

После срыва мирных переговоров в Брест-Литовске между Советской Россией и Германией 18 февраля началось общее наступление германских войск по всему Восточному фронту. Деморализованная и разложившаяся в результате большевистской агитации, армия не смогла противостоять натиску германских войск, и наиболее слабое сопротивление оказали именно национальные части, сформированные из призывников Остзейского края. 19 февраля Земский совет принял решение о провозглашении независимости Эстонии, а также соответствующий манифест. Из представителей самых крупных партий был сформирован Комитет спасения с чрезвычайными полномочиями.

Под давлением немецких войск остатки царской армии и отряды Красной гвардии отступили, а Эстонская дивизия не приняла участия в боевых действиях. В связи с угрозой захвата немцами боевые корабли из Таллина были эвакуированы в Кронштадт.

Части эстонской дивизии в условиях фактического безвластия взяли под охрану многие городские и сельские центры, где формировалось самоуправление, лояльное Комитету спасения. 24 февраля Комитет спасения обнародовал «Манифест ко всем народам Эстонии», в котором провозглашалась независимость страны, при этом в данном документе *имелась ссылка о праве на самоопределение, т. е. на идею, выдвинутую большевиками*. Большевики еще 2 ноября 1917 г. на съезде советов приняли «Декларацию прав народов России», которая стала своего рода манифестом советской этнополитики. В этом

документе провозглашались: 1) равенство и суверенность народов России; 2) право народов на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств; 3) отмена всех и всяческих национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; 4) свободное развитие национальных меньшинств.

Но в эстонском манифесте право на самоопределение было только политическим лозунгом, ибо революционные идеалы равенства, свободы и братства никогда не были символами веры у националистов. Поэтому самоопределение осуществлялось сверху по-большевистски, без референдума, а значит и без определения того, в какой мере народ Эстонии жаждал независимости. При этом в самом манифесте демагогически «указывалось на стремление эстонцев к независимости» [Эстония 2008: 314], а далее заявлялось о демократическом характере будущего эстонского государства и об уважении гражданских прав и свобод, но продемонстрировать «демократический характер» государства и воспользоваться демократическим инструментом самоопределения (народным референдумом) местные лидеры не хотели. Тогда же, 26 февраля, было сформировано Временное правительство Эстонской республики.

Формально независимость просуществовала всего несколько дней, ибо 3 марта в Брест-Литовске был подписан мирный договор между Германией и Россией, согласно которому Лифляндия и Эстляндия признавались частью России, но их территории оставались под контролем немецких полицейских сил. Немецкие оккупационные власти возглавил Адольф фон Зекендорф, не признававший независимость прибалтийских губерний и распустивший местные органы самоуправления и национальные воинские подразделения, а также назначивший на ключевые посты немецких офицеров или прибалтийских немцев.

Ситуация в Лифляндии после октября 1917 г. имела свою специфику, но во многом развивалась по схожим сценариям. 24 декабря 1917 г. Исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии (Исколат) принял декларацию о самоопределении Латвии как автономной части Советской России, в которой говорилось, что латышский пролетариат не желает отделения от России. Была образована так называемая *Республика Исколата*, власть которой распространялась на неоккупированную германскими войсками часть Лифляндской губернии и латгальские уезды Витебской губернии [История 2005; Воробьева 2011]. В сентябре 1917 г. в оккупированной германскими войсками Риге латышские политические партии сформировали коалицию – Демократический блок. В начале декабря в Валке латышские национальные организации сформировали Латышский временный национальный совет,

который в декабре 1917 г. принял декларацию о самоопределении Латвии. В декабре 1917 г. в условиях немецкой оккупации о своей независимости объявила также и Литва.

Рыцарство Лифляндии и Эстляндии еще весной 1918 г. заявило об отделении от России и обратилось к Германии с просьбой об оказании помощи. После того как Красные войска отступили из Лифляндии и Эстляндии, остзейское дворянство сделало попытку создания зависимого от Германии Балтийского герцогства. Был сформирован Балтийский ландсерат, который обратился к кайзеру Германии с просьбой превратить Прибалтику в германскую провинцию. Но 22 сентября Вильгельм II от имени Германии признал Эстляндию и Лифляндию независимыми территориями (что помимо всего прочего означало разделение эстонской этнической территории между двумя независимыми государствами). А уже 5 ноября ландсерат сделал в Риге заявление о создании объединенного прибалтийского государства и образовал регентский совет, куда вошли четыре немца, по три латыша и эстонца. Однако совет просуществовал недолго, ибо после капитуляции Германии немецкие войска были срочно отозваны из Прибалтики, и позиции немецкого рыцарства серьезно пошатнулись, а Балтийское герцогство прекратило свое существование. Начавшаяся в Германии 9 ноября 1918 г. революция окончательно похоронила Германскую империю, а без германской поддержки Балтийское герцогство оказалось нежизнеспособным.

После вывода немецких войска из Прибалтики Красная армия очень быстро заняла территорию Латвии, в том числе захватив Ригу. В руках национального совета и созданного им правительства, возглавляемого Улманисом, оставалась небольшая территория вокруг Лиепайи. Большевики были настроены антинемецки и разворачивали на занятых территориях красный террор (красные латышские стрелки хотели получить земли немецких баронов и потому террор был направлен в основном против немцев). Лидер красных латышских стрелков Стуцка издал указ об изгнании из Латвии всех немцев (до конца войны всех немецких мужчин заключали в концлагеря, а женщин – в тюрьмы в качестве заложниц). Потоки беженцев устремились в западные районы Латвии, остававшиеся под контролем национального совета. Здесь оставались немногочисленные воинские части, значительную часть которых составляли формирования Ландесвера, т. е. местного немецкого ополчения, включавшего и так называемую Железную бригаду. Чтобы усилить вооруженные силы, в ноябре началась вербовка в «Добровольческий егерский корпус Гольдинген», куда записывались в основном немцы. 29 декабря 1918 г. правительство Карлиса Улманиса заключило отдельный договор с представителем Германии Виннигом

о мобилизации на защиту Латвии немецких добровольцев из числа военнослужащих Германии, которым были обещаны «полные права гражданства» Латвии и земельные наделы, при условии их участия в боевых действиях по защите Латвийской Республики в течение не менее чем четырех недель. К марту 1919 г. Ландесвер смог получить серьезную помощь за счет поставок вооружений, военной техники, снаряжения и сформировать 15-тысячную ударную группировку, имевшую на вооружении тяжелую артиллерию и авиацию. Эта группировка нанесла сокрушительное поражение Красной армии, отбила Ригу и освободила большую часть территории, заселенной латышами. При этом войну за освобождение Латвии выиграли силы, на 80% состоявшие из немцев, которые были усилены бело-гвардейскими формированиями князя Ливена.

В армии Советской Латвии соотношение было обратное: более 80% ее бойцов составляли латыши [Кайминь 1961; Латышские стрелки 1962; Bērziņš 1995].

Поскольку в планах К. Улманиса было конфисковать имения остзейских землевладельцев, немецкие солдаты опасались, что К. Улманис, используя их в вооруженной борьбе, впоследствии нарушит соглашение. Поэтому 16 апреля в Лиепае ударный отряд Ландесвера под командованием лейтенанта Ганса фон Мантейфела совершил переворот и разогнал Временное правительство Латвии. К. Улманис бежал на пароход «Саратов», прибывший из Таллина с грузом оружия для верных К. Улманису военных и находившийся в Лиепайском порту под охраной английских военных. Надо заметить, что Британия с конца 1918 г. откровенно стала поддерживать в Прибалтике не столько белое движение (формально выступавшее от имени Российской империи и бывшее как бы ее правопреемником, а значит, и союзником англичан), сколько националистические движения латышей и эстонцев, которым была оказана существенная военная поддержка.

Под охраной британских и французских военных кораблей «Саратов» вышел на рейд и провел здесь около двух месяцев. 26 апреля 1919 г. немцы предложили стать премьер-министром Латвии лютеранскому пастору Андриевсу Ниедре, этническому латышу, получившему известность благодаря своим ярким выступлениям на страницах газет. Он придерживался гораздо более умеренных взглядов по вопросу конфискации земли у баронов, при этом был настроен против большевиков, считая их большей угрозой, чем немцы. Это правительство просуществовало с апреля по июль 1919 г. После того, как 22 мая 1919 г. Ландесвер и Железная дивизия, состоявшая из прибывших из Германии добровольцев, и довольно значительные по численности белогвардейские отряды под командованием князя

Ливена заняли Ригу, правительство Ниедры переехало в латвийскую столицу. Немецкое военное и политическое руководство получило возможность создать в Латвии политический режим германской ориентации и обратило оружие против латышских национальных вооруженных формирований, а также против Эстонской армии, поддерживавшей войска Улманиса. Но ресурсы Ландсфера были ограничены, они более не могли получать внешнюю помощь, в то время как их противники опирались не только на латышские и эстонские формирования, но и на белогвардейцев (которых Антанта вынудила поддержать временные националистические правительства Латвии и Эстонии), добровольцев из Швеции и Финляндии, военную поддержку Антанты.

Правительство Ниедры прекратило свою деятельность 26 июня 1919 г., после того, как 23 июня эстонская армия и воевавшие в ее составе финские добровольцы, латышские полки Северолатвийской бригады разбили под Цесисом отряды Ландесвера и Железной дивизии. Ниедра был вынужден бежать из Латвии, и 8 июля Временное правительство Улманиса вернулось в Ригу. Стоит еще раз заметить, что Освободительная война, именуемая в латышской историографии «Войной за независимость», в Латвии имела определенное сходство с Освободительной войной в Эстонии, которое заключалось в том, что обретению независимости этих стран в значительной степени способствовали внешние силы [Прибалтийский излом 2019] и политические обстоятельства, без которых национально-освободительная борьба ни латышского, ни эстонского народа не могла увенчаться успехом [Макаров 2009; Кутыкова, Халлисте 2015; Никифиров 2015; Скачков 2017]. Да и сама эта борьба носила скорее характер гражданской войны, что, например, в эстонской историографии почти не признается или прочно заретушировано героическим историческим мифом [Vahtre 2005; Греф 2007; Zetterberg 2009; Зеттерберг 2013; Таагарега 2018].

В октябре Германская империя оказалась на грани краха, а уже 3 ноября капитулировала. Австро-Венгрия вышла из войны 8 ноября. Германия начала переговоры о мире, и 11 ноября было подписано Компьенское перемирие [Зайончковский 2000]. Немецкие войска по условиям перемирия должны были остаться в Прибалтике, но начавшаяся в ноябре революция в Германии вынудила их срочно эвакуироваться. В ноябре в Петрограде был создан состоявший из большевиков Эстляндский временный революционный комитет, а Временное правительство Эстонии было объявлено незаконным. 19 ноября началось наступление Красной армии (в составе которой были эстонские стрелки). Первое наступление на Нарву помогли отбить немецкие части, но затем началось наступление в районе Пскова,

где красные нанесли поражение еще формирующемуся белогвардейскому Северному корпусу и затем вошли на территорию Эстонии, быстро продвигаясь с юга к Ревелю. 29 ноября была провозглашена Эстляндская трудовая коммуна, а к новому году красные части освободили большую часть Эстонии и приблизились к эстонской столице. Ревель прикрыла британская эскадра, недавно сформированное эстонское ополчение вместе с которым, согласно заключенному договору, воевали хорошо подготовленные части Северной армии (преобразованной затем в Северо-Западную армию). 30 декабря 1918 г. финские войска под командованием генерала Ветцера высадились в Эстонии, где вместе с английской эскадрой и частями белой армии оказали помощь эстонскому правительству в борьбе с большевистскими войсками. Эти формирования получили вооружение, боеприпасы, продовольствие и снаряжение от британцев. 6 января эстонские части вместе с финскими добровольцами и при участии Псковского корпуса полковника Дзержинского начали наступление, которое завершилось в феврале 1919 г. разгромом Красных войск.

Попытки контрнаступления Красной армии в феврале и апреле 1919 г. не увенчались успехом, ибо их контрудары по Нарве были отбиты Северо-Западной армией генерала Н.Н. Юденича, сформированной из разрозненных частей, располагавшихся на территории Эстонии по инициативе «Русского комитета». Эта армия, согласно достигнутым соглашениям, воевала в союзе с эстонскими частями. Белогвардейские части сыграли существенную роль не только в разгроме Ландесвера и его союзников, но и по существу оградили Эстонию от большевизации.

Осенью 1919 г. армия Юденича предприняла решительное наступление на Петроград, где положение большевиков становилось все более шатким, и на сторону Н. Юденича готовы были перейти даже некоторые соединения балтийских моряков, недовольных политикой большевиков (в нескольких фортах вспыхнули восстания). Однако британский флот вместо поддержки наступающих частей белых и оказания им массовой помощи вооружением и боеприпасами начал обстрел Кронштадта, где зрело антибольшевистское восстание и тем самым изменил симпатии кронштадтских моряков в пользу красных. Путем жесточайших репрессий и массовой мобилизации всех, кто мог воевать в Красной армии, наркому по военным делам Л.Д. Троцкому удалось восстановить порядок в частях и начать теснить белых.

Для эстонцев войска Н.Н. Юденича уже сыграли роль столь необходимого щита, а потому их дальнейшая поддержка была не в интересах националистических сил. Большевикам же стало ясно, что в настоящий момент одержать победу над Н. Юденичем невозможно,

ибо сил для победы было недостаточно, а кроме того, необходимо было срочно укреплять власть большевиков внутри страны и добиваться перелома на других фронтах. В интересах обеих сторон необходимо было договориться за спиной Н. Юденича, что и было сделано. В решающий момент военного противостояния на фронте британская эскадра снялась с якоря и перестала оказывать огневую поддержку белогвардейским частям, уйдя в Ревельский порт. Эстонские части, нарушив союзнические договоренности, покинули свою зону ответственности, и сквозь оголенные позиции Красная армия смогла нанести контрудар по Северо-Западной армии, нанеся ей серьезное поражение. Остатки армии отступили к Нарве [Белая борьба 2003; Белое движение 2003; Эстония 2015]. Обескровленную армию Юденича разоружили эстонские части, расстреляв арьергарды белых войск из пулеметов. Значительную часть бойцов поместили в концентрационные лагеря, где многие умерли от тифа. Начался откровенный террор и против русских беженцев, прибывавших в Эстонию в надежде спастись от репрессий большевиков. Этот террор был сродни той жестокой резне, которую устроили финские егеря при взятии Выборга.

Самое важное следствие названного характера Освободительной войны состояло в том, что политический регионализм остзейской элиты более не мог возродиться, ибо на смену старой и обескровленной элите пришла новая эстонская национальная элита, не намеревавшаяся делиться властью с немецкими дворянами, да и сформировавшаяся на антинемецких идеях и лозунгах [Кирчанов 2009]. Она мирилась с фактом существования этнических меньшинств, но неохотно признавала их частью новых прибалтийских наций, что ярко проявилось в годы Второй мировой войны и постсоветскую эпоху [Этническая политика 2013].

На других национальных окраинах империи регионализм элит также присутствовал, но он был весьма ограниченным.

1.3. Сословно-культурный и этнический регионализм

Специфическими формами административной автономии в Российской империи, основанными на сословно-культурном принципе, были Область войска Донского и Земли Кубанского казачьего войска, а также земли других казачьих войск.

Казаки как служилое сословие формировались на протяжении нескольких столетий и сыграли важную роль в формировании Рос-

сийского государства. Казачье сословие состояло из представителей разных этнических и территориальных групп населения империи, имело свои устойчивые традиции хозяйствования и быта, а также формы местного самоуправления. Но главной функцией этого сословия была защита пограничных рубежей государства. Поэтому, когда начиналась территориальная экспансия и захват новых территорий, возникала необходимость в создании специальных территорий, населенных казаками. Это наглядно видно на изданном в 1858 г. «Атласе земель иррегулярных войск», а также по времени создания самих казачьих войск. Так, Сибирское казачье войско создается в 1582 г., т. е. сразу после начала похода Ермака, а Семиреченское казачье войско – в 1875–1877 гг., т. е. на завершающем этапе покорения Средней Азии.

С 1786 г. обширные территории на юге России, в бассейне нижнего и среднего течения р. Дон, были не только заселены казаками, но и официально назывались землей войска Донского (в 1870–1917 гг. – Областью войска Донского). Центром области стал город Черкасск (ныне – станция Старочеркасская).

Основным населением данных земель были донские казаки, начавшие селиться на территории области с конца XV в. Территория донского войска долго не имела точных границ и территориального деления. Впервые граница установлена в 1786 г. (утверждена Жалованной грамотой войску в 1792 г.), в 1802 г. земля войска Донского была разделена на семь округов, в 1806 г. создан еще Калмыцкий округ (калмыки, как и башкиры, также считались служилым сословием империи) и сохранялась без изменений до 1887 г., когда в состав Области войска Донского были включены Ростовский уезд и Таганрогское градоначальство с городами Ростовом, Таганрогом и Нахичеванью.

В 1835 г. издано «Положение об управлении войском Донским», в 1870 г. земля войска переименована в Область войска Донского с центром в Новочеркасске. Положение подтверждало особые права казачьего населения на территории Области войска Донского. Звание войскового атамана окончательно утверждалось за наследником престола. Во главе управления Области войска Донского стоял войсковой атаман, для чего он наделялся правами военного губернатора, у которого имелись помощник по гражданской части и начальник штаба, ведавший военными делами. Казаки обязаны были нести поголовную воинскую повинность и снаряжаться за свой счет, за что наделялись рядом привилегий. Земля войска Донского делилась на семь административных округов: Черкасский (окружное управление в г. Новочеркасске), 1-й Донской (станция Ведерниковская), 2-й Донской (станция Нижне-Чирская), Усть-Медведицкий (станция Усть-Медведицкая), Донецкий (станция Каменская), Хоперский

(станция Алексеевская), Миусский (слобода Голодаевка), а к началу XX в. – на девять.

После февральской революции в Области войска Донского была восстановлена власть Казачьего Круга (фактически выполнявшего роль регионального парламента) и Войскового атамана (избираемого Кругом).

После октябрьской революции Донское войсковое правительство во главе с Войсковым атаманом А.М. Калединым отказалось признать большевиков и оказало вооруженное сопротивление. К концу февраля 1918 г. силы А.М. Каледина были разгромлены, Новочеркасск и Ростов – заняты Красной армией. Атаман Каледин покончил жизнь самоубийством, его преемник атаман Назаров был расстрелян.

На территории Области войска Донского была провозглашена Донская Советская Республика. В марте 1918 г. началось восстание казаков против большевиков, в результате которого в мае 1918 г. в Новочеркасске было провозглашено создание Всевеликого Войска Донского – государственного образования, временно (до восстановления легитимной российской власти) независимого. Верховная исполнительная власть передавалась выборному атаману, законодательно-совещательные функции оставались за Кругом. Флагом Всевеликого Войска Донского стало трехцветное полотнище с горизонтальными полосами: синей, желтой и красной, которые символизировали единство трех народов Дона: казаков, калмыков и русских.

Аналогичной административной единицей были и Земли Кубанского казачьего войска. Кубанское казачье войско составляло значительную часть казачества Северного Кавказа, а его земли располагались на территории современного Краснодарского края, западной части Ставропольского края, юга Ростовской области, а также Республик Адыгея и Карачаево-Черкесия. Основу войска составляли потомки выходцев из казачьего войска Запорожского. Войсковой штаб размещался в городе Екатеринодаре (Краснодаре). Войско было образовано в 1860 г. на основе Черноморского казачьего войска и на его землях тогда проживало 176 тыс. душ обоего пола. Первоначально войско управлялось кошевыми и куренными (*выборными*) атаманами, позже – наказными атаманами, назначаемыми российским императором. Земли войска были разделены на семь отделов, во главе которых стояли атаманы, назначаемые наказным атаманом. Во главе станиц и хуторов стояли выборные атаманы, утверждавшиеся атаманами отделов.

Принципы военной демократии и территориальной организации совмещались с сословно-культурным фактором и при формировании земель всех других казачьих войск – Терского, Уральского, Оренбургского, Астраханского, Сибирского, Забайкальского, Семиреченского.

Расширение земель государства и принятие в подданство Российской империи новых народов делали все более актуальной проблему управления этими народами и выработки адекватных форм отношений между ними и центральной властью.

В этом смысле особое политическое и культурное значение имел именно «Устав об управлении инородцев».

Устав определял правовой статус «инородцев», к которым относились, прежде всего, народы Сибири и кочевые народы. Он гарантировал систему организации власти и социального контроля, которая существовала на землях инородцев до их вхождения в состав Российского государства. Устав четко определял порядок налогообложения и передавал ответственность за взимание налогов не на царскую администрацию, а на местных вождей. Помимо этого, гарантировалась свобода вероисповедания, а территории традиционного природопользования, на которых вели хозяйство инородческие народы, передавались им в безвозмездное пользование, а сам порядок землепользования на землях инородцев определялся местными элитами. Сохранялись и поддерживались традиционные формы судопроизводства, и лишь в исключительных случаях царская администрация могла вмешиваться в этот процесс [Национальная политика 1998]. Фактически и в культурном, и в правовом, и в экономическом отношении территории проживания сибирских инородцев становились экстерриториальными и в России сложилась система косвенного управления этими территориями по типу той, что стала формироваться в британских колониях почти век спустя. Но главное значение «Устава» и сложившейся после его принятия практики взаимодействия центральных властей и анклавных этнических территорий состоит в том, что он заложил идейную основу для последующего формирования этнотерриториального и этнополитического регионализма.

1.4. Территориальный гражданский регионализм

В деле формирования российского политического гражданско-регионализма наиболее значимы были идеи, впервые обнародованные Н.И. Новиковым в 1820-х гг., выдвинувшим и обосновавшим проект создания Сибирской республики⁴, которая опиралась не на этническую, а на региональную идентичность. Правда, согласно

⁴Настоящие сибиряки [Электронный ресурс]. URL: <https://real-siberian.livejournal.com /244223. html> (дата обращения 17.02.21).

исторической легенде, еще сибирский губернатор князь М.П. Гагарин в 1721 г. высказался за создание самостоятельного Сибирского королевства. Позднее князь был казнен в Петербурге, но не за сепаратизм, а за казнокрадство. Свое полноценное развитие идея сибирского автономизма / областничества получила уже во второй половине XIX столетия. «Идейную почву для зарождения сибирского областничества подготовили Н.И. Костомаров и А.П. Щапов. Оба русских историка в своих работах оспаривали имперскую систему управления Российской империей и этнографическое единство русского народа. Происхождение историков во многом определило их исторические идеи. Уроженец Украины Н.И. Костомаров обосновывал идейные основы украинского национализма и ратовал за признание украинцев как отдельного этнического сообщества, а сибиряк А.П. Щапов был идеологом сибирского регионализма. В ходе разработки земско-областной теории А.П. Щапов сформулировал концепцию Сибири как особой области, в которой под влиянием природно-климатического фактора сформировалась особая сибирская народность» [Сушко 2018]. И появление подобных идей именно в Сибири тоже было не случайным, ибо в ходе двухвекового «покорения» Сибири сюда направлялись все более возрастающие численно потоки мигрантов из европейской части страны. Значительную часть из них составляли служилые люди, промысловики, скупщики пушнины и т. д., т. е. преимущественно лица мужского пола. В жены они, как правило, брали себе женщин из различных местных племен, что, с одной стороны, способствовало сближению переселенцев с аборигенным населением, с другой – формировало особую сибирскую идентичность, которая со временем только укреплялась.

Пример отделения американских колоний от Британской империи взяли за образец так называемые сибирские областники. Еще в 1852 г. студенты-сибиряки Казанского университета полагали, что «Русская Америка» (т. е. Сибирь) «рано или поздно отделится от России». А в мае 1865 г. в Омском кадетском корпусе дежурный офицер обнаружил у кадета Самсонова рукописную прокламацию «Патриотам Сибири», изготовленную группой областников – иркутским купцом Степаном Поповым, омским публицистом Николаем Ядринцевым и хозяином частной школы в Красноярске Серафимом Шашковым. В ней отмечалось, что «демократический состав общества особенно благоприятствует Сибири создать республику, состоящую из штатов, подобно Америке»⁵.

⁵ Сибирская республика // Информационный портал Алтайская правда [Электронный ресурс]. URL: https://www.ap22.ru/paper/paper_12401.html (дата обращения 17.02.21).

Идею отделения Сибири от России высказывали также Н.М. Ядринцев и Г.И. Потанин еще в середине XIX в., но реализовать эту идею не смогли. Именно они редактировали программные прокламации областников «Сибирским патриотам» и «Патриотам Сибири», главной идеей которых являлся призыв к борьбе за независимость Сибири и вооруженному восстанию. «В статье “Этнологические особенности Сибирского населения”, опубликованной в газете “Томские губернские ведомости” за 1865 г., говорилось о “типе сибиряка” следующее: “Этот выработанный тип совокупил в себе свойства азиатских племен со свойствами европейско-русской расы. Утвердивший за собой естественным образом свою самостоятельность, он широким потоком разливается по великой сибирской низменности вплоть до Восточного океана”» [Сушко 2018, 193].

Ядринцев, Потанин и Щапов были осуждены и отправлены в ссылку, вместе с ними по делу областников проходило еще около 70 чел., что говорит о довольно влиятельной организации и активной поддержке идей областников. Но разгром областников не привел к забвению идеи сибирской автономии. Основой дальнейшей эволюции политической концепции областничества стали исторические идеи о колониальной зависимости Сибири от России, сформулированные в знаменитой работе Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония», опубликованной в 1882 г.

В последующие годы автономистские идеи также не теряли популярность – они пропагандировались «Сибирской газетой», первый номер которой вышел в 1887 г. (закрыта по решению властей в 1890 г.), а также получили поддержку некоторой части профессуры Томского университета, являвшегося первым сибирским университетом. Но особенно активно эти идеи стали обсуждаться в годы первой русской революции 1905–1907 гг. В 1905 г. в Томске состоялся съезд Сибирского областного союза, на котором был принят проект сибирской автономии, с региональным бюджетом, самоуправлением и областной думой. Но из-за внутренних противоречий Сибирский союз развалился.

В 1917–1918 гг. вновь создались условия для отделения, и 4 (17) июля 1918 г. появилась Декларация о государственном суверенитете Сибири. 3 ноября 1918 г. Временное Сибирское правительство отменило свою декларацию о государственном суверенитете. Бывший член этого правительства Г.К. Гинс в своих воспоминаниях приводит полный текст этого решения, из которого нужно процитировать его заключение: «В сознании священного для всех народов и частей России патриотического долга Сибирское Правительство, получив гарантии, что начала автономии Сибири будут восстановлены и укреплены, как только минут все трудности

политического положения России, ныне во имя интересов общегосударственных постановило: в отмену декларации 4 июля 1918 г. “О государственной самостоятельности Сибири”, сложить с себя верховное управление и всю полноту власти на территории Сибири передать Временному Правительству Всероссийскому». Таким образом, декларация о независимости Сибири была отменена самим правительством Сибири, а независимость просуществовала 122 дня [Сушко 2014].

В 1918 г., автономистские устремления в Сибири достигают своего апогея, так же, как и борьба автономистов, по большей части эсеров, с большевиками. На тайном заседании Сибирской областной думы, последовавшем после ее разгона большевиками, в январе 1918 г. было создано Временное правительство автономной Сибири во главе с П.Я. Дербером, перенесшее свою деятельность на Дальний Восток. Наиболее основательно деятельность сибирских автономистов этого времени изучает Словацкая исследовательница Любица Харбулова, которая рассматривает деятельность и политические позиции всех возникших в это «смутное» время сибирских и дальневосточных органов власти и отношения между ними. Автор справедливо утверждает, что причинами обнаружившегося в 1918 г. кризиса областнического движения стали слабая поддержка в обществе идей автономии, ввиду неактуальности федералистских устремлений в условиях Гражданской войны, необходимости решения вопросов о власти и земле. По ее мнению, последние автономистские попытки в Сибири в 1919–1920 гг. тесно связаны с такими событиями, как Омский переворот и приход к власти авторитарного правительства А.В. Колчака, приведшие к углублению раскола между антибольшевистскими силами. Правое крыло областнического движения поддержало Колчака, тогда как левое – выступило против него. Некоторое оживление движения произошло после отступления армии Колчака и его поражения осенью 1919 г.

Причинами провала сибирского областнического движения Харбулова считает этнический состав населения Сибири, который на 80% состоял из русских, значительной части которых сепаратистские идеи областников были по большей части чужды, что в немалой степени связано с тем, что существенная часть сибирского населения сформировалась не из ранних переселенцев, а из переселенцев, прибывших в Сибирь в конце XIX – начале XX в., не представлявших себя вне российского государства и русской культуры. Но не только этническая, но и социальная база областников оказалась ограниченной. В основном их поддерживали мелкая буржуазия, торговцы, казаки, инонациональная интеллигенция. Активистам движения

не удалось привлечь на свою сторону крестьянство. Определенную роль сыграли и серьезные противоречия внутри самого движения [Harbul'ová 2010].

В идеологическом плане слабостью областников было то, что они не предложили приемлемой модели интеграции в политическое и культурное пространство Сибирской республики групп инородческого населения, а проблемы социального переустройства их быта, развития системы образования и социальной поддержки малых сибирских народов к этому времени стали весьма актуальными [Серебренников 1917].

1.5. Символический регионализм

В первой половине XIX в. усиливается внимание к изучению природных и культурных богатств России, к описанию различных губерний, но еще в XVIII столетии составление списка народов империи стало осознаться как академическая задача, а потому появились их описания, сделанные Ф.И. Стралленбергом, Г.Ф. Миллером, И.Г. Георги [Миллер 1937, 1941; Загребин 2006]. Тем не менее до середины следующего столетия главное внимание исследователями уделялось статистико-географическим описаниям различных частей Российской империи, в которых, однако, делались попытки культурной классификации территорий, описания населяющих их племен.

В отличие от России, все еще не познавшей в полной мере свое культурное многообразие и не осознавшей необходимость прочного политического единства в Европе в конце XVIII – начале XIX в. идеи государства и нации «сплавились в форму национального государства» [Хабермас 2002: 365], и потребность в культурной однородности нации как политического сообщества стала важным двигателем внутренней политики зарождавшихся государств-наций. Под влиянием новых идей династические империи все более явственно ощущали необходимость поиска и обоснования своей культурной основы, формирования внятной государственной идеологии: «Поскольку в середине века все династические монархии использовали *какой-нибудь* бытующий на их территории язык как государственный, а также в силу быстрорастущего по всей Европе престижа национальной идеи, в евросредиземноморских монархиях наметилась отчетливая тенденция постепенно склоняться к манящей национальной идентификации. Романовы открыли, что они великороссы, Ганноверы –

что они англичане, Гогенцоллерны – что они немцы, а их кузены с несколькими большими затруднениями превращались в румын, греков и т. д.» [Андерсон 2001: 107].

К середине XIX в. власти Российской империи, как сказано выше, начали понимать необходимость формирования собственной национальной идеологии и национального мифа и потому в эту эпоху начинаются дискуссии по поводу места великороссов в системе государства и по поводу самого понимания русскости.

Фактически именно в это время была сформулирована идея государственного народа, которая превратится в важный политический принцип уже при формировании Версальской системы, возникшей после завершения Первой мировой войны [Ноженко 2007]. С середины XIX столетия великороссы стали рассматриваться официальными идеологами в качестве государствообразующего народа. «В 1864–1865 гг. М.Н. Катковым были сформулированы условия, обеспечивающие наиболее стабильное развитие российского государства. Российская империя, по его мнению, могла существовать только как государство, в котором обеспечено преобладание титульной национальности. Другие “племена” могли сохранять свой язык, религию, культурные особенности – иными словами, все, что не угрожает целостности государства. При этом должно неуклонно поддерживаться единство законодательства, системы управления, государственного языка. Главной опасностью для России, считал Катков, мог стать сепаратизм отдельных народов, стремящихся стать самостоятельными нациями» [Бахтурина 2004: 5]. Политические идеи находили отклик и в умонастроениях интеллектуальной элиты. От описания экзотических инородческих групп, населяющих обширные пространства империи, интерес исследователей все активнее стал смещаться к изучению русского крестьянина и его культурных ценностей. Созданное в указанную эпоху Русское географическое общество определило своей целью изучение *Русской земли* и *Русского народа*, а усилиями путешественников, писателей и историков «ледяные пустыни» и «девственная тайга» наполнялись *русскими* героями и *русскими* воинами [Слезкин 2008: 97].

В этой связи все большее внимание стало уделяться анализу России как геополитического пространства и попыткам понимания того, кто есть великороссы, какие регионы страны являются историческим ядром Российского государства.

Само понятие *великороссы* уточнялось и дополнялось на протяжении XVIII и XIX столетий, равно как не оставалось неизменным понимание того, какие губернии могут считаться исторической основой государства, каково то культурное пространство, которое именовали Великой Россией.

Одним из первых исследователей, кто предложил перечень губерний, относящихся к территориям, заселенным великороссами, был Н.И. Надеждин. Он определил пространство Великой России как «сердце» Российской империи. Но в состав Великой России ее северные губернии – Архангельская, Олонецкая и Вологодская – включены не были. Не относил к внутренней России и Великороссии названные губернии и географ К.И. Арсеньев, который также называл перечень областей «внутренней России», названных им «великим кругом» [Лескинен 2010а: 3–5]. Однако во второй половине столетия воззрения на культурное значение европейского севера изменились.

В наиболее масштабном научно-популярном издании XIX в. – «Живописная Россия», изданном М.О. Вульфом, в первых же томах были даны этнографические описания северных и западных регионов и лишь затем – центральных. На роль типичного великоросса и наиболее яркого выразителя «русскости» во второй половине названного столетия исследователи нередко предлагали региональные группы населения Русского Севера [Деготь 2002]. С одной стороны, это было связано с тем, что Россия все более и все активнее превращалась в национальную (этнонациональную) империю, где культурное ядро ее населения приобретало государствообразующее значение. С другой – новое геокультурное видение российского пространства объяснялось расширением «поля русскости», ибо прежние окраины начинали восприниматься как сугубо «русские» регионы (Урал, Дон, Сибирь). Но не менее значимым было еще одно основание, которое сыграло важную роль в переосмыслении культурного значения европейского севера, а именно: расширение научного поиска.

Открытие значения Русского Севера для науки, прежде всего, для истории, археологии, этнографии и фольклористики, связывают с именами А.Ф. Гильфердинга, П.С. Ефименко, П.Н. Рыбникова, Е.Н. Барсова, Н.Е. Ончукова, Ф.М. Истомина и Г.О. Дютша, А.В. Маркова, А.Д. Григорьева, П.Г. Богатырёва, О.Э. Озаровской и многих других ученых. Их труды позволили по-иному оценить культурный потенциал европейского севера и его этнокультурное значение. Регион предстал не как периферия культурного пространства великороссов, а как некая «культурная кладовая», где сосредоточено их многовековое культурное наследие, где сохранилась некая «исконная» или «первозданная» русскость. Именно исследователями второй половины столетия, а равно и художественной интеллигенцией была создана некая концепция европейского севера как культурной кладовой русского народа и ее образ как сугубо русской культурной провинции. В числе первых деятелей, кто стал пропагандировать архетипический образ европейского севера, был

писатель С. Максимов, который в 1856 г. издал свои путевые заметки «Год на Севере». Затем о Севере стали писать Н. Надеждин, А. Круглов, А. Чапыгин, Б. Шергин, С. Писахов, Б. Поляков, М. Пришвин, М. Горький и многие другие. Литературный и фольклорный образ дополняли живописцы. Среди наиболее известных картин можно назвать произведение И. Шишкина «На севере диком», картину И. Левитана «На Севере». Тема Севера также присутствовала в полотнах А. Архипова, К. Коровина, М. Нестерова, В. Поленова, И. Грабаря, В. Верещагина, В. Васнецова, А. Куинджи, В. Серова и других художников. С 1860-х до 1890-х гг. многие художники уезжали работать на Север. А наивысшего расцвета северная тема в русском изобразительном искусстве достигла в 1890–1900-х гг. [Скоробогатова 2008].

Именно активный научный поиск второй половины XIX в. и его результаты позволили привлечь широкое общественное внимание к Северу, а произведения литераторов и художников помогли выстроить культурный проект «Русского севера». Кульминацией этих усилий стало создание в 1908 г. Архангельского общества изучения Русского Севера (АОИРС). И совершенно не случайно, что в течение нескольких лет общество превратилось в одно из самых авторитетных в России, а издающийся с 1909 г. журнал общества (Известия АОИРС) был признан лучшим периодическим изданием по краеведению в провинциальной России.

Деятельность Общества еще более способствовала восприятию европейского севера как идеального «русского региона», как единой историко-культурной провинции, сыгравшей важнейшую роль в формировании русской ментальности. По инициативе Общества в 1910 г. в Архангельске открылась выставка «Русский Север», где помимо картин были представлены экспонаты, характеризующие «русскую историческую и этнографическую старину» (спонсором выставки выступил, в частности, и сам император), издавалась серия открыток «Русский Север» и т. д. Культивирование образа «Русского Севера» продолжалось вплоть до победы большевиков и показательно, что вторая и последняя выставка «Русский Север» состоялась летом 1917 г.

Однако концепция «культурной кладовой» русских не могла считаться завершенной до тех пор, пока этой кладовой не дали вполне определенное название, публично маркирующее ее как некую особо ценную коллективную собственность великороссов. И крайне важный вопрос состоит в том, когда это произошло?

Но одновременно возникает еще ряд принципиальных вопросов: можно ли считать Русский Север только культурно-исторической провинцией и культурным символом, связано ли само появление указанного термина лишь с интеллектуальным поиском или оно логично

вписывается в официальную идеологию, в стратегию построения национальной империи?

Вероятно, достаточно очевидный ответ на эти вопросы можно получить, обратив внимание на то, кем и когда был введен в публичный оборот термин/топоним «Русский Север».

Он впервые появился не в трудах историков, этнографов, фольклористов, а был использован лицом официальным, более того, – лицом политически значимым. В конце XIX в. новый губернатор Архангельской губернии А.П. Энгельгардт совершает путешествие по вверенной ему губернии. Путешествие носило характер официальной инспекции, но одновременно автор вел путевые заметки и описывал местные традиции и быт. Путевые записи губернатора вскоре были изданы в Санкт-Петербурге в форме хорошо иллюстрированной книги «Русский Север. Путевые заметки» [Энгельгардт 1897]. «В самом тексте книги А.П. Энгельгардт использует нетопонимическую форму словосочетания – *русский Север* (русский – со строчной буквы), но уже, как видим, в заголовке книги географическое название приобретает форму топонима. Так появляется, вероятно, первое упоминание о «*Русском Севере*» [Калуцков 2009: 31]. Характерно, что Энгельгардт не обозначил границы Русского Севера и это, видимо, было сделано вполне сознательно, ибо позволяет толковать вопрос о границах весьма расширительно (хотя территория Архангельской губернии тогда простиралась от Кольского полуострова до Урала, включая этнические территории карел, саамов, коми, ненцев). Этот факт дал стимул тому, что границы Русского Севера впоследствии трактовались по-разному. Заметим также, что губернатор Энгельгардт внес немалый вклад не только в культурное маркирование европейского севера, но и в дело становления Архангельского общества изучения Русского Севера.

Тот факт, что названный выше термин был введен в публичную сферу лицом официальным и находящимся на высокой государственной должности, делают его содержание политически мотивированным. Еще более очевидным политическое значение термина станет тогда, когда мы обратим внимание на официальную политику властей Российской империи и идейную атмосферу, которая диктовала необходимость маркирования северных регионов как исключительно русских или находящихся в сфере русского культурного влияния.

Со второй половины XIX в. усиливается проникновение на Север норвежских рыбопромышленников и зверобоев. В целях освоения Кольского полуострова в 1860-х гг. стимулируется переселение сюда финских и норвежских поселенцев [Бусырева 2016]. Экономическая экспансия норвежцев повлекла за собой не только усиление

конкуренции с поморами, но также и то, что Кольский север, архипелаг Новая Земля стали восприниматься как «ничейная земля» [Нильсен 1996; Фёдоров 2009], на которую юрисдикция российского правительства не распространяется. Это заставило российское правительство принять специальную программу освоения Кольского севера и меры по стимулированию предпринимательской деятельности российских рыбопромышленников. Архангельский губернатор князь С.П. Гагарин разработал проект колонизации Мурманского берега. Предложения Гагарина были рассмотрены и одобрены Комитетом министров, а 22 ноября 1868 г. Александр II утвердил «Положение» о даровании льгот поселенцам Мурманского берега. Согласно этому закону, поселенцы Мурманского берега имели право беспроцентных промыслов и торговли, им выдавали ссуды на хозяйственные нужды, разрешалось пользоваться казенным лесом для постройки дома и судна. Колонисты освобождались на восемь лет от государственных податей, призыва на военную службу, могли получать хлеб за деньги и в ссуду из казенных магазинов, иметь самоуправление в рамках отдельной волости. Саамы, в случае перехода их к оседлой жизни на Мурманском берегу и зачисления в колонисты, получали все перечисленные выше льготы. Расчет делался не только на переселенцев из внутренних российских губерний, но также на финнов и норвежцев [Бусырева 2016].

Одновременно возникла еще и угроза культурной экспансии, которой необходимо было противостоять некую идею, которая символически маркировала бы европейский север как «культурную собственность» крупнейшего народа страны, составлявшего основу имперской нации. Потребность в подобном маркировании была вызвана тем, что с конца XIX в. начинается конструирование образа европейского севера как «общефинской» культурной провинции. После присоединения Финляндии к России в 1809 г. власти страны не только предоставили ей широкую автономию, но и всячески стали поощрять фенноманское движение, которое должно было ослабить шведское влияние в Великом княжестве Финляндском. Пробудившийся в финском обществе интерес к финскому языку и культуре привел к необходимости определить место финнов в европейской семье народов, их культурные корни, но одновременно вел к формированию финского национализма.

Начиная с 1860-х гг. в истории Финляндии наступает этап развития, связанный с кристаллизацией финской национальной идеи. Ее культурным фундаментом, как сказано выше, являлся «карелианизм». Развитием идей карелианизма стали представления об общефинском родстве, которые явились стимулом для создания в 1883 г. в Гельсингфорсе (Хельсинки) Финно-угорского общества.

Цели и задачи общества были четко сформулированы уже в первом параграфе Устава, где говорилось о необходимости оказывать содействие получению сведений о финно-угорских народах для изучения их языков, истории и этнографии. Благодаря частным пожертвованиям и регулярным субсидиям со стороны Сената Великого княжества Финляндского, у общества появилась возможность проведения систематических экспедиций в районы проживания финно-угорских и самодийских народов и публикации научных результатов этих разысканий.

Подвижничество финских ученых и конструирование с их помощью идеи финно-угорского родства привели к появлению культурного мифа о Великой Финляндии. Это историко-культурное понятие было введено в оборот финским публицистом и общественным деятелем К.-Э. Аспелундом [Waris 1939: 214]. Первоначально идея Великой Финляндии подразумевала объединение всех финно-угорских народов России под главенством Финляндии. В те времена «Великая Финляндия» в представлении различных общественных и политических деятелей имела разные границы: от простого объединения Финляндии и Карелии, до понимания ее как единого культурного пространства, простирающегося до Урала. Фенноманское движение этого времени было неразрывно связано с распространением идей о необходимости изучения родного народа, его истории, поиском прародины, определением места финнов в кругу родственных им этнических сообществ. Причем изучение финно-угорских народов опиралось на идею об их культурном единстве, о наличии у них древнего единого культурного слоя, сохранившегося и в современных культурах.

Практическим выражением идей карелианизма в Великой Финляндии стали активные попытки обратить карел в лютеранство, которые особенно усилились в начале XX столетия. Сначала лютеранские проповедники вели пропаганду в Западной Карелии, но затем все активнее стали осуществлять миссионерскую деятельность в Беломорской и Олонецкой Карелии. Русская администрация и православная церковь старались укрепить позиции православия и противостоять «панфинской» пропаганде всеми возможными способами [Мусаев 2007: 47–71].

Естественно, что для успешного противостояния внешней экономической и культурной экспансии необходимо было однозначно маркировать территории европейского севера как сугубо русские. В этих условиях власти считали необходимым усилить русификацию меньшинств и поддерживать культурное лидерство русских. При этом концепция «культурной кладовой» русского народа, фактически созданная усилиями исследователей, была дополнена

этнополитическим мифом о «Русском Севере» как об исконно русской земле. Время возникновения мифа совершенно не случайно, ибо именно в конце XIX и самом начале XX столетия окончательно оформилась русская националистическая доктрина, суть которой последовательно пропагандировала газета «Русское знамя», а ее содержание определялось следующим образом: «Русский народ как нация выражается в трех символах: вере православной, царе самодержавном и народе русском» [Размолодин 2011: 153].

Все это в совокупности привело к необходимости символически интегрировать Карелию, Мурман, Заонежье, Подвинье, Припечорье в единое культурное пространство, несмотря на то, что значительные территории европейского севера были заселены карелами, вепсами, саамами, ненцами, коми, культура которых хотя и имела много общего с русской (фольклорные сюжеты, орнаменты и одежда, типы жилищ, религия), но как культурный комплекс оставалась самобытной. Однако формирование представлений о европейском севере как о единой историко-культурной провинции, сыгравшей выдающуюся роль в становлении российского государства и общерусской культурной традиции, требовало представления местной культурной специфики как общерусского явления. С этой целью необходимо было перекалвалифицировать Поморье в Русский Север, а поморов – в великороссов или «русских поморов» и эта перекалфикация состоялась, что подтверждается как успехом проекта «Русский Север», так и результатами первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. [Первая Всеобщая перепись 1899: 47–236], а равно и тем, что с начала XX в. этноним поморы и топоним Поморье выходят из широкого употребления [Бернштам 1978]. Очевидно, что данная перекалфикация была как культурно, так и политически мотивирована и поэтому культурный проект «Русский Север», как сказано выше, можно считать не только культурным, но и политическим проектом.

Этот проект был вписан в общую стратегию регионального развития империи и в имперскую национальную политику, которая в 1830-х гг. XIX в. опиралась на «теорию официальной народности», диктовавшую в числе первоочередных задач практической внутренней политики укрепление единого административно-правового пространства империи. Но к началу XX в. на окраинных территориях усилились националистические и сепаратистские настроения, что потребовало от идеологов имперской нации «найти новый консолидирующий Империю компонент. В.В. Зеньковский писал по этому поводу, что в допетровскую эпоху русские люди стремились к превращению России в «Святую Русь» «силой благочестия»... В этих условиях консервативное крыло сформулировало и стало активно

пропагандировать идею национальной Империи. С началом Первой мировой войны эта тенденция усилилась, и в Российской империи необходимость военного единства государства трансформировалась в лозунг единения русского народа и создания “империи русских”. Он нашел отражение в периодической печати, оказал огромное влияние на формирование оценок российской национальной политики в последующей историографии» [Бахтурина 2004: 335–336].

Имперская нация мыслилась ее идеологами как своего рода культурная иерархия, которая сложилась исторически. Важную роль в обосновании исторического «права» на нациестроительство и первенство в этом процессе должна была играть способность того или иного народа к созданию собственной государственности. «Способность к созданию собственной государственности... выступала одним из важнейших критериев оценки способностей народа и его определения как “исторического” или “культурного”».

Российская держава в этом контексте наделялась статусом единственного славянского государства современности. Таким образом, племя великороссов объявлялось обладателем и племенных (к ним относилось также численное превосходство), и исторических преимуществ перед другими народами империи, что в определенном смысле не только легитимизировало его право считаться государствообразующим этносом, но и предоставляло ему “привилегию нациестроительства» [Лескинен 2010б: 179].

Для обоснования «исторических прав» русских стать государствообразующим народом было очень важно определить древнее исконное ядро российской государственности, показать, что оно находилось на севере, а потому не случайно основоположник первый правитель древнерусского государства варяжский князь Рюрик был призван именно северными славянскими племенами.

Стоит заметить, что концепт «Русского Севера» как древней и исконно русской земли был одним из первых опытов этнического маркирования отдельной части государства и определения полиэтнического региона как «культурной собственности» лишь одной этнической группы. Правда, еще раньше в культурной практике империи имел место прецедент формирования локального этно-территориального самоуправления для кольских саамов. Первые контакты русских с саамами относятся к XII в., а первое упоминание об уплате дани населением Терского берега фиксируется в 1216 г. С XV в. после покорения Новгорода Лапландия начинает тяготеть к Московскому великому княжеству и в последующую эпоху на Кольских землях учреждается Лопская волость. В 1866 г. здесь решением российских властей создается Саамская волость («Коладаг соббарь»). Все важнейшие вопросы жизни волости решало собрание

представителей волости (предтеча нынешних саамских парламентов в странах Скандинавии), собиравшееся раз в год. Однако Саамская волость как форма самоуправления инородцев вполне вписывалась в принципы этнонациональной и региональной политики, сформулированные в «Уставе об управлении инородцев».

Опыт этнического (культурного) маркирования территорий вскоре взяли на вооружение большевики, когда после прихода к власти начали процесс национального районирования и национально-государственного размежевания, разрушая прежнюю систему административно-территориального деления страны и девальвируя концепт государствообразующего народа. Вместо него была предложена к реализации доктрина этнического национализма, следствием которой стало массовое формирование советских наций, строившихся на некой реальной исторической и этнической основе и основе культурных мифов.

Глава 2

Советская этническая федерация и регионализм

Как и власти императорской России, большевики, пришедшие к власти в ноябре 1917 г., не были абсолютно последовательны в выстраивании отношений между центром и регионами, но, тем не менее они изначально создавали строго унифицированную и централизованную политическую и экономическую модель государственного устройства. В Программе РСДРП содержался важный тезис о поддержке идеи самоопределения народов, вплоть до их политического отделения и создания своего суверенного государства, говорилось о полном равноправии наций и вместе с тем осуждалось стремление к национальной обособленности, квалифицировавшееся как буржуазно-националистический уклон. Российские социал-демократы (большевики) осуждали идею национально-культурной автономии и приветствовали союз и слияние малых народов с большими «социалистическими нациями». Лидер российских социал-демократов В.И. Ленин двояко относился к национализму и недооценивал его роль в современном ему мире, переоценивая при этом роль интеграционных процессов. Ключевым тезисом всех его работ по проблемам отношений между государством и этническими меньшинствами является утверждение о том, что первоочередной задачей российской социал-демократии является борьба за диктатуру пролетариата, а национальный вопрос, т. е. решение проблем культурного и политического развития недоминантных культурных групп, – это вопрос подчиненный и второстепенный. Тем не менее этот вопрос (в российской трактовке – национальный вопрос) после прихода большевиков к власти приобрел крайне важное значение, и государство решительно было перестроено по этническому признаку, хотя серьезных этнополитических движений в пользу автономий было немного, равно как и сама этничность во многих частях империи не воспринималась населением как значимое культурное отличие и как важный политический ресурс.

2.1. Национально-государственное строительство
и принципы этнонациональной политики
большевиков

Этнонациональная политика в Советской России первоначально формировалась как политика культивирования этнических различий и маркирования этнокультурных границ между российскими народами, хотя при этом подчеркивались значимость и важность пролетарского интернационализма, а Иосиф Сталин в своих трудах отмечал, что политическим идеалом для советского государства является «социалистический унитаризм», а федерализм возможен лишь как некий переходный этап к полному унитаризму [Сталин 1947а: 73]. Свою позицию он обосновывал той политической ролью, которую в системе власти коммунистического режима должен играть пролетариат. Он, в частности, указывал: «Следует иметь в виду, что, помимо права наций на самоопределение, существует также право рабочего класса на укрепление своей власти, и этому последнему праву на самоопределение является подчиненным. Бывают случаи, когда право на самоопределение вступает в противоречие с другим высшим правом – правом рабочего класса, пришедшего к власти, на укрепление своей власти. В таких случаях, это нужно сказать прямо, право на самоопределение не может и не должно служить преградой делу осуществления права рабочего класса на свою диктатуру» [Сталин 1947б: 265]. Пролетариат (промышленные рабочие) был официально объявлен главной политической опорой советского строя и наиболее лояльной к нему социальной группой, а остальные социальные группы объявлялись недостаточно зрелыми для социалистического преобразования общества. Но этнические меньшинства рассматривались как естественный союзник пролетариата, поскольку многие из них не имели развитой классовой структуры. Кроме того, как и пролетарии, представители меньшинств могли рассматриваться как эксплуатируемая часть общества, а в качестве эксплуататора выступало само государство в лице его чиновников и представителей государствообразующего народа, т. е. русских.

Владимир Ленин в своей статье «К вопросу о национальностях, или Об “автономизации”» в связи с этим подчеркивал: «Для пролетария не только важно, но и существенно необходимо обеспечить максимум доверия в его пролетарской классовой борьбе со стороны инородцев. Что нужно для этого? Для этого нужно не только формальное равенство. Для этого нужно возместить так или иначе своим обращением или своими уступками по отношению к инородцу то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом

прошлом нанесены ему правительством “великодержавной” нации... Лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить» [Ленин 1986а: 359].

«Центральным положением резолюций» (XII съезда РКП(б) – Ю. Ш., М. О.) 1923 г. было утверждение о необходимости развития национальных языков и создания национальных элит, которые рассматривались как единая политика. На каждой национальной территории язык титульной *национальности/этнической группы* должен был получить статус официального государственного языка. Национальные элиты, пройдя подготовку, должны были выдвигаться на руководящие должности в партии, органах управления, промышленности и народном образовании каждой национальной территории... Вскоре эта политика получила название «коренизация» и заняла важное место в советской национальной политике.

Лучшим синонимом слова «коренизация» является «индигенизация» («отуземливание»). «Коренизация» образована не от самого слова «корень», а от прилагательного с этим корнем – «коренной», употребляемого в словосочетании «коренной народ». Создание большевиками неологизма – «коренизация» – стало частью их деколонизационной риторики, которая последовательно поддерживала притязания местного населения, ставя их выше интересов «пришлых элементов» [Мартин 2011: 23].

Поскольку большевики делали ставку на привлечение этнических меньшинств на свою сторону в качестве политических союзников, политизация этничности для них стала одним из важнейших направлений внутренней политики государства после того, как им удалось одержать победу в Гражданской войне. Именно большевики способствовали превращению этничности из сугубо культурного феномена в политический ресурс и довели политизацию этничности до огромных масштабов. *Первое и самое главное, что было сделано большевиками в этой сфере, – это институционализация этничности и абсолютизация культурных границ между этническими группами, превращение этих границ из сугубо символических в социально и политически значимые.*

Начало процессу институционализации этничности было положено созданием специального правительственного органа, в сферу компетенции которого входило регулирование отношений между государством и этническими группами. Уже 8 ноября 1917 г., т. е. сразу же после большевистского переворота был создан Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац), просуществовавший до 1923 г. [Чеботарёва 2003]. Главная задача Наркомнаца – реализация общих принципов национальной политики большевиков. Идеологической основой деятельности нового органа, аналогов

которого прежде не было, стала доктрина этнического национализма, ее суть сводилась к двум основным положениям: 1) каждая этническая группа должна обладать собственным государственным образованием; 2) в пределах данного государственного образования группа объявляется «коренной», а все остальное население – «некоренным» [Тишков 1993], и при этом представители «коренной» группы получают политические и культурные преференции.

Существенную роль в процессе формирования границ между этническими группами в национально-государственном размежевании сыграла академическая традиция, которая укрепилась в начале XX в. в европейской и отечественной географии и этнографии. Эта традиция была связана с прочным «привязыванием» культурных групп к природному ландшафту, территории. Подобный подход к классификации культурных отличий между разными этнографическими группами породил стремление ученых перенести указанные отличия на карты. В целях реализации данной идеи осенью 1910 г. была образована Постоянная комиссия по составлению этнических карт империи (КИПС), в составе которой работали два отдела: Европейской России и Кавказа, Сибири и Туркестана.

«Исследования ученых нашли своего потребителя в бурные месяцы 1917 года. Это были члены национальных партий и комитетов... Февральская революция явилась переломным этапом в развитии идеи национальной государственности... Когда под воздействием февральских событий 1917 г. встал вопрос о самоопределении Беларуси, проблема этнических, а впоследствии и государственных границ стала одной из важнейших. Соседям белорусов – полякам “идеальное отечество” представлялось в границах 1772 г. С этим вряд ли могли согласиться деятели Белоруссии, Украины, да и Литвы при обсуждении территории юрисдикции. Могилевский белорусский национальный комитет требовал включить в «свои земли» Белосток, Двинск и Вильно, что вызывало противоречия с Польшей, Латвией и Литвой. Для уточнения этнографических границ комитет создал специальную комиссию известных ученых, в чьих работах пространству отводилось внимание как потенциалу саморазвития, фактору политического развития государств, народов. В комиссию вошли ректор Московского университета М. Любавский, академик А. Шахматов, исследователь национальной культурной самобытности белорусов М. Довнар-Запольский, академик Е.Ф. Карский, сторонник идей западнорусизма. Работы Карского, впервые подняв проблему этнических границ, положили начало белорусоведению. Он даже составил этнографическую карту Беларуси в 1903 г., обозначив этническую территорию... Правду сказать, Карский не мог предугадать, какую роль эта карта будет играть в руках большинства политиков

первой половины XX века!» [Аманжолова, Красовицкая, Тишков 2018: 279–280].

Важное значение в деле «размежевания народов» должно было сыграть определение культурных границ и масштабное этнографическое картографирование, идея которого стала развиваться в России со второй половины XIX столетия. Для широкой практической реализации этой идеи в начале 1917 г. была создана Комиссия по изучению племенного состава населения пограничных областей России (КИПС), которая, однако, приступила к работе только в конце года, когда уже произошел большевистский переворот [Псянчин 2010]. Важно заметить, что проект составления общей «племенной карты» появился только в 1924 г. [Патканов 1924], т. е. уже тогда, когда Наркомнац прекратил свое существование, ибо вопрос о национально-государственном размежевании народов страны был в основном решен.

Получается, что процесс национально-государственного размежевания претворялся в жизнь, не имея под собой ни глубокого научного, ни правового фундамента (поскольку актов провозглашения суверенитета тех или иных этнических территорий не имелось). Это был сугубо политический проект, реализованный центральной властью при поддержке местных сторонников.

Процесс размежевания этнических территорий опирался на явно недостаточный опыт этнографического картографирования, накопленный в XIX в., а потому он сопровождался большими сложностями, поскольку среди ученых не было единства по поводу этнических границ, не всегда хватало достоверных научных знаний для их определения, но главная сложность состояла в том, что в процессе национально-государственного размежевания сталкивались амбиции региональных политических лидеров, которые должны были конкурировать с политической целесообразностью и идеологией. Важное значение в этом процессе приобретал не только специальный бюрократический орган, регулирующий этот сложный процесс, но и доктринальное оформление названного процесса.

Потребность в бюрократических институтах, призванных «управлять племенами» и «охранять» их, на следующем этапе развития российской этнополитики дополнялась другими формами институционализации этничности, которые были более масштабны и имели более серьезные последствия для судеб страны. Во-первых, начался процесс «национально-культурного (этнокультурного и этнополитического) размежевания» народов России и *формирования этнической федерации, когда границы административных образований должны были совпадать с этническими границами*, которые часто устанавливались сверху и весьма произвольно. Точнее сказать,

границы строились не столько с ориентацией на культурно-исторические основания, сколько опираясь на политическую логику. Так, до Гражданской войны территориально интегрированных Грузии, Азербайджана и Армении не существовало: часть территории исторической Армении принадлежала Турции, Грузия интегрировалась в состав Российской империи через отдельные соглашения с Картли-Кахетинским и Имеретинским царствами, до вхождения территории Азербайджана в состав России в начале XIX в. здесь существовали многоэтничные полунезависимые азербайджанские ханства. Но советизация Закавказья и ликвидация независимых закавказских государств, созданных первоначально под патронажем Германии и Турции, а затем Антанты, началась именно с Азербайджана и во многом поэтому в состав республики вошли Нагорный Карабах и ряд других спорных территорий, которые считали «своими» Грузия и Армения [Щуцнев 2006].

Во-вторых, происходила замена гражданских и республиканских идеалов и ценностей идеалами, ориентированными на местную солидарность и этнические культуры. Идеологическое поле советской этнополитики было сложнее, чем имперской, но и оно было **таким же иерархичным**, причем **новая культурная иерархия** приобрела характер, который определялся именно доктриной этнического национализма. *А это означает, что политические и культурные иерархии выстраивались в первую очередь не на общенациональном, а на региональном уровне, хотя они корректировались коммунистической идеологией. Общегосударственные культурные символы появились уже после Второй мировой войны, в ходе которой власть вынуждена была вспомнить о роли русского народа в истории страны и в его культурном значении, о межкультурной интеграции.*

Важную роль в процессе институционализации этничности сыграл процесс ее огосударствления. Наркомнац осуществлял работу по подготовке культурного размежевания народов России, на практике означавшую создание союзных и автономных республик, областей и округов, главным основанием для их создания было наличие некоего *коренного народа*, именем которого называлась республика или иное национально-государственное образование. Коренной (аборигенный) народ рассматривался как «главный народ» и как символический собственник территории, отдаваемой той или иной этнической автономии, хотя в большинстве из них исторически сформировался полиэтнический состав населения. Первые «национальные» республики стали возникать сразу после победы большевиков: еще в декабре 1917 г. была провозглашена Украинская Советская Республика, в 1918 г. – Российская Советская Социалистическая Республика, а 1 января 1919 г. – Белорусская ССР, в октябре 1918 г. учреждена первая автономная

область – Автономная область немцев Поволжья (в 1923 г. преобразована в автономную республику), в марте 1919 г. объявлено о создании Башкирской автономной советской республики.

Затем началось массовое создание автономных республик и областей – в 1920 г. была провозглашена Карельская трудовая коммуна, Калмыцкая и Марийская автономные области, Автономная Татарская Советская Социалистическая Республика, Автономная область восточного (вотяцкого) народа, Киргизская Автономная Советская Социалистическая Республика (с 1925 г. – Казахская); в 1921 г. были созданы Коми Автономная область, Дагестанская, Абхазская, Аджарская Советские Социалистические Республики, в 1922 г. Ойротская и Якутская республики, в 1924 г. – Кара-Киргизская и т. д. В 1925 г. был создан первый национальный округ – Коми-Пермяцкий, в 1929 г. второй – Ненецкий, а в 1930 г. появилось еще восемь национальных округов. Но этим дело не ограничивалось, ибо, помимо республик, областей и национальных округов, в разных регионах страны создавались национальные районы, национальные сельсоветы, т. е. этнически маркировалась большая часть территории страны.

Особое значение в этническом маркировании и формировании системы этнической иерархии сыграло создание в декабре 1922 г. Союза Советских Социалистических Республик (СССР). В единое союзное государство объединились формально самостоятельные Украинская, Белорусская Республики и РСФСР, а также Армянская, Азербайджанская и Грузинская, которые первоначально объявили о своей государственной независимости (как и Литва, Латвия и Эстония), а затем после начала внутренних междоусобиц были легко захвачены Красной армией при поддержке местных большевиков. В октябре 1923 г. Хорезмская Народная Советская Республика преобразуется в социалистическую и также входит в состав СССР, а в 1924 г. к нему присоединяется Бухарская Народная Советская республика. В 1936 г. Казахская и Киргизская автономные республики были преобразованы в союзные. Конституция СССР, принятая в 1936 г., зафиксировала 11 союзных и 20 автономных республик (затем после присоединения некоторых бывших территорий Российской империи в результате мягкой, но юридически корректно оформленной аннексии Балтийских стран были созданы Литовская, Латвийская, Эстонская и Молдавская Советские Социалистические Республики).

В конституции 1936 г. была проведена четкая грань между различными формами этнонациональных образований: республики как союзные, так и автономные были объявлены тем *типом государственного устройства, который обладает суверенитетом* (фактически только номинальным), в то время как автономные области и округа

определялись лишь как форма административно-территориального деления, отличающаяся от остальных областей только тем, что их управленческий аппарат был приспособлен к этническим особенностям проживающего там населения. Законодательная власть в СССР была представлена двухпалатным парламентом (палаты обладали равными правами), одна из палат – Совет национальностей, должна была представлять интересы этнотерриториальных субъектов советской федерации. Представительство в Совете национальностей, в свою очередь, отражало неравенство статусов национально-государственных образований: союзные и автономные республики получали по пять мест для своих представителей, а автономные области – только по одному.

Создание сложной и *иерархической* системы этнических административно-территориальных образований объяснялось разным уровнем социально-экономического развития народов бывшей Российской империи. Одни из них объявлялись «социалистическими нациями» и поэтому могли претендовать на создание «собственной» союзной республики, которая находилась на вершине системы этно-территориальных образований. Уровень развития и численность других были достаточны лишь для того, чтобы иметь автономную республику, область, округ или же «свой» национальный район. Уже сама эта иерархия противоречила идеям, изложенным в «Декларации прав народов России», принятой съездом советов 2 ноября 1917 г. и ставшей своего рода манифестом советской национальной политики/этнополитики. В этом документе, как уже упоминалось, провозглашалось: 1) равенство и суверенность народов России; 2) право народов на свободное самоопределение, вплоть до отделения, и образование самостоятельных государств; 3) отмена всех и всяческих национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; 4) свободное развитие национальных меньшинств⁶.

Основополагающие принципы Декларации применялись в реальной политике очень избирательно, и власть сама решала, как надо их трактовать. Меньшинствам навязывались формы национальной автономии и **ни в одном случае создание республик, национальных областей или округов не сопровождалось актами самоопределения, т. е. референдумами. Оно было результатом «творчества» новой политической элиты как в центре, так и на местах, которая мало считалась с мнением населения и реальной культурной ситуацией.**

⁶ Декларация прав народов России [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/ Декларация_прав_народов_России](https://ru.wikisource.org/wiki/Декларация_прав_народов_России) (дата обращения 22.02.21).

12 января 1918 г. была скорректирована Декларация прав народов России. В новом документе – Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа – говорилось, что право народов на самоопределение принадлежит только рабочим и крестьянам. Иными словами, декларирование равенства прав не предполагало конституционного равенства всех граждан, ибо эта норма применялась только по отношению к бедным слоям населения.

Важнейшее значение для политического и культурного развития страны имел отказ от идеи гражданства и республиканских идеалов равенства путем политизации и актуализации определителя **«национальность»** и придания ему смысла, отличного от того, который принят в республиканской традиции (т. е. понимания национальности не как этнической, а как гражданской принадлежности). Этот термин в России утвердился в 1926 г., когда проводилась первая всесоюзная перепись населения (впервые был использован в переписи населения Советской России 1920 г., которая смогла охватить только 70% населения страны). В первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. опрашиваемым задавался только вопрос о языках и религии, но этническая принадлежность никак не фиксировалась. При проведении переписи 1926 г. переписчики, которым необходимо было опрашивать жителей, столкнулись с серьезными сложностями, поскольку жители многих мест, а особенно районов со смешанным населением, прежде не называвшим себя представителями некой отдельной культурной общности, совершенно не понимали содержания термина «национальность». Люди привыкли себя соотносить с местным сообществом или религиозной общиной, но не с какой-то обобщенной этнической группой, к которой их теперь принудительно приписывали государственные органы.

2.2. Пример Европейского Севера

Надо заметить, что серьезного анализа того, как само население будущих автономий относилось к начальным усилиям новых элит форсировать процесс нациестроительства в российской исторической литературе, очень мало. Есть лишь отдельные упоминания и замечания касательно этого, свидетельствующие о формальном характере контактов между властью и населением при обсуждении вопросов будущего национально-государственного устройства этнических территорий. В этом смысле весьма показателен пример европейского севера России. Только в Беломорской Карелии, где

действовали отдельные активисты «Общества беломорских карел» (учредительный съезд которого прошел в 1905 г. в Тампере, и большинство его членов были финнами), после большевистского переворота наблюдалось сколько-нибудь очевидное стремление к автономии. И именно в северокарельских волостях Архангельской губернии наиболее значимым, как и прежде, являлся «финский фактор», т. е. влияние соседней Финляндии [Карелы 1992; Мусаев 2007]. Этот фактор собственно и определил специфику карельского самоопределения. Несмотря на то что большевики 4 января 1918 г. признали независимость Финляндии, финны полагали, что и их культурные родственники на европейском севере тоже стремятся пойти по пути создания независимых государств и видели свою миссию в том, чтобы оказать им поддержку на пути к самоопределению. В 1918–1920 гг. развернулась борьба за так называемую Восточную Карелию (ее иногда называют первой советско-финской войной), которую финны, рассматривавшие Карелию общей прародиной финнов и карел (здесь были записаны руны финского национального эпоса Калевала), воспринимали как священную войну за некое идеальное отечество. «Финская власть не получила доказательств готовности карел присоединиться к Финляндии, однако добровольческий поход в Беломорскую Карелию все же был начат и продолжался с марта по октябрь 1918 года. Читая дневники и воспоминания финских добровольцев, начинаешь понимать, как глубоко проникла идеология национализма в сознание простых финнов. Добровольцы были вдохновлены идеей освобождения из-под русского и большевистского ига своих кровных братьев, соплеменников, сородичей. И полной неожиданностью для них оказалось то обстоятельство, что сородичи в массе своей совсем не были готовы принимать их помощь. Дневники участников похода, рапорты самого Мальма проникнуты чувством недоумения и обиды: лишь малая часть местных жителей была готова их поддерживать!» [Витухновская-Кауппала 2010: 73–74]. Не случайно, что борьба за Беломорскую Карелию была проиграна, хотя там и недолго существовало независимое Ухтинское правительство (по просьбе этого правительства финский художник А. Галлен-Каллела разработал эскизы герба и флага будущей независимой Беломорской Карелии).

Попытки Беломорской Карелии самоопределиться не по модели, предложенной большевиками, а по более либеральной модели заслуживают отдельного упоминания.

Начавшаяся 2 августа 1918 г. интервенция держав Антанты на европейском севере позволила сформировать здесь Временное правительство Северной области (находившееся в Архангельске), которое возглавил один из лидеров партии народных социалистов,

член Учредительного собрания Н.В. Чайковский. Перед этим правительством стояла непростая задача – обеспечить снабжение северных волостей Архангельской губернии продовольствием и необходимыми ресурсами в условиях наступившей разрухи и дезорганизации прежних институтов власти и управления. Успешно справиться с решением этой задачи не всегда и не везде удавалось, в частности это касалось северо-карельских волостей. Поэтому в г. Кемь в феврале 1919 г. для решения местных проблем состоялось кемское собрание делегатов от волостей Беломорской Карелии. Собрание постановило, что Карелия должна стать самостоятельным государственным объединением в форме демократической республики, а ее природные богатства станут общим достоянием всего карельского народа. Для учреждения республики предполагалось созвать Учредительное собрание карельского народа, которому и предстояло вынести окончательное решение, к кому присоединится Карелия – к Финляндии или России. Прибывший на собрание британский генерал Прайс зачитал телеграмму от командующего союзническими силами, в которой заявлялось, что союзное командование не поддержит никаких решений, связанных с отделением от России. В связи с этим участники собрания постановили послать двух делегатов на Парижскую мирную конференцию с тем, чтобы добиться признания странами Антанты права Карелии стать самостоятельным государством [Дубровская 2001: 243]. Избранный на собрании Национальный комитет должен был подготовить созыв Учредительного собрания карельского народа на основе всеобщих, прямых, равных и тайных выборов представителей. Такой способ самоопределения был бы наиболее демократичным и учитывал реальные настроения населения, т. е. он предполагал осуществление РЕАЛЬНОГО АКТА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ, чего не предусматривалось в большевистских практиках формирования этнических автономий и в буржуазно-националистических проектах формирования независимых государств Балтии, Украины, Закавказья. Формой будущего государства должна стать демократическая республика, в которой избирательное право получали все жители обоего пола, достигшие 20-летнего возраста.

В конце июня 1919 г. в с. Ухта на объединенном собрании членов Национального комитета представителей карел, проживавших в Финляндии, а также делегатов пяти северо-карельских волостей Архангельской губернии (Коднокской, Ухтинской, Вокнаволоцкой, Тихтозерской, Кестеньгской) было образовано Временное правительство Архангельской Карелии (Тоймикунта). Члены правительства выступали за самоопределение карельского населения, проживавшего к западу от Мурманской железной дороги. Временное правительство Северной области отказалось признать Тойми-

кунта и пригрозило использовать военную силу для подавления сепаратистов. В ответ стали формироваться местные вооруженные отряды, и была ускорена подготовка к проведению Учредительного собрания, в каждой деревне ухтинское правительство предполагало собрать крестьянский сход, где разъяснять ситуацию в Карелии. С целью решения острых вопросов следовало собрать съезд карелов, на который предполагалось выбирать наиболее подготовленных делегатов из числа карел, не считаясь с тем, кем каждый из них был прежде: красноармейцем, белогвардейцем, бойцом карельского отряда и т. д. При этом права избирать и быть избранным в «Карельское национальное Учредительное собрание» были лишены те карелы, которые служили в финских войсках, дружественных германской армии. 2 марта 1920 г. Карельское Временное правительство обнародовало «Воззвание к карелам», а 16 – обращение «К чему стремится карельский народ?». В них был призыв к сплочению, содержались резкие выпады против царизма и России, а равно и против белогвардейского правительства Северной области. В марте состоялся съезд представителей северо-карельских волостей, на котором обсуждался вопрос о независимости Карелии. В постановлении съезда говорилось, что Карелия должна отделиться от России, а ее народ в ходе свободного голосования сам определит форму государственного устройства. Делегаты съезда рассмотрели и вопрос о гражданстве будущего государства. В отличие от уроженцев Карелии все прочие признавались имеющими право голоса только после трех лет проживания в крае.

Борьба за Восточную Карелию рассматривалась в Финляндии как внутрифинская проблема и не случайно в финской историографии события 1918–1920 гг. на территории Карелии получили название «племенные войны» [Осипов 2007]. Финским притязаниям на Карелию способствовали как идеологические (идейные) позиции финской политической элиты, так и тот факт, что официально закрепленной границы между Финляндией и Советской Россией не существовало, хотя переговоры между странами по этому вопросу начались еще в конце 1919 г., и советская сторона поначалу даже прислушивалась к требованиям Ухтинского правительства. Но затем она заняла очень жесткую позицию. К маю 1920 г. положение Ухтинского правительства стало осложняться, несмотря на его дипломатическое признание со стороны Финляндии и предоставление финского займа, ибо еще 25 апреля 1920 г. из Кеми на Ухту двинулся 6-й финский полк Красной армии. К концу июня карельское временное правительство эмигрировало в Финляндию, а идея проведения Учредительного собрания карельского народа была похоронена. Однако в декабре 1920 г., когда должно было состояться это собрание,

в Выборге было образовано Карельское объединенное правительство, в состав которого вошли бывшие члены правительства Беломорской Карелии и члены Олонецкого правительства. Действовало это правительство до 1923 г.

Почти одновременно с добровольческим походом в Беломорскую Карелию был организован поход финнов (апрель–май 1918 г.) на юг Карелии, и 15 мая при их поддержке в Олонце сформировано правительство для управления южными районами Карелии [Immonen 1987]. Правительство, возглавляемое судьей О. Окессоном, состояло из местных представителей карельского зажиточного крестьянства и предпринимателей. Основная задача правительства – присоединение южной Карелии к Финляндии. Это правительство было создано в условиях оккупационного режима, и потому его деятельность контролировалась из Хельсинки, где был сформирован Олонецкий комитет. Программа преобразований и военных действий на территории южной Карелии, составленная этим комитетом, стала программой Олонецкого правительства и была одобрена правительством Финляндии 30 июня 1919 г. Финляндия выделила Олонецкому правительству займы (на 16 млн финских марок) для формирования Олонецкой добровольческой армии, численность которой должна была составить 2 тыс. человек, но финское правительство потребовало гарантии возврата этих займов природными богатствами Олонецкого края. Армия была сформирована к июлю 1919 г., и тогда же она начала военные действия с целью захвата новых карельских территорий, но уже в августе потерпела поражение, а в октябре Олонецкое правительство прекратило существование.

Важным итогом разгрома карельских националистов стало заключение в начале 1920 г. Тартуского мира, согласно которому не только устанавливалась граница между большевистской Россией и Финляндией (не удовлетворившая обе стороны), но и гарантировались права карел и ингерманландцев в России. Тем не менее военные действия в Карелии продолжались и в 1921–1922 гг. (вторая советско-финская война) [Гусев 1996], а на некоторых территориях вплоть до 1925 г., хотя в ней принимали участие лишь небольшие финские добровольческие отряды.

Согласно условиям Тартусского мирного договора, карелы должны были получить автономию, и для власти имело значение не то, нужна ли эта автономия самим карелам, а лишь то, кто и как будет создавать эту автономию, какие геополитические цели она должна будет решать. Что касается геополитических целей, то они были обозначены достаточно четко – карельская автономия должна стать плацдармом для будущей большевистской экспансии в Скандинавию. Поэтому лидерами Карельской Трудовой Коммуны, созданной

в 1920 г., вполне логично стали не карелы, а финны, а точнее так называемые красные финны, которые потерпели поражение в самой Финляндии, но мечтали о реванше. Не случайно, что само название Трудовой Коммуны (преобразованной уже в 1923 г. в автономную республику) имело на финском принципиально иное звучание (Karjalan Työväenkommuuni – Трудовая Коммуна Карелии), что создавало неадекватное представление о ее «карельскости». Показательно также и то, что попытки создания карельской и вепсской письменности «красные финны» признавали шовинистическими, политически неверными и служившими для «одурачивания темных масс» [Сурво, Сурво 2009: 179].

Политические амбиции «красных финнов» были далеки от интересов культурного развития автономии, но, получив во владение некую территорию, они стремились расширить свои властные полномочия и укрепить свой руководящий статус за счет расширения подвластных территорий и превращения автономии в обширный и значимый субъект Советской России. Поэтому они сразу же стали вести борьбу за расширение территории автономии, добиваясь включения в ее состав всего Кольского полуострова [Бутвило 2010]. Эти притязания были отвергнуты, но важно обратить внимание не только на территориальные притязания, но и на идейную платформу новых властей Карелии. А идейной основой властей Карелии стал финский национализм в той его версии, которая поддерживалась «красными финнами» и их лидером – бывшим доцентом Гельсингфоргского университета Эдвардом Гюллингом, возглавившим Карельскую Трудовую Коммуну и сознательно проводившим линию на «финнизацию» Карелии. Финский историк Маркку Кангаспуру в этой связи ссылается на заявление, которое Гюллинг сделал в 1921 г. на четвертом съезде КПФ, состоявшемся в Петрограде: «Тезис о национализме верен. Но сейчас вопрос заключается в том, что революция выигрывает от пробуждения национализма. Говорят, что черта следует изгнать с помощью Вельзевула. Другой здесь не справится. В любом случае в коммунизме проявляется известная доля национализма» [Кангаспуру 1997: 116].

Серьезных устремлений в пользу автономии не было ни среди ненцев, проживавших в Архангельской губернии, ни среди коми, этнические территории которых были разделены между Архангельской, Вологодской и Вятской губерниями. На территориях проживания этих народов не возникло даже зародышей этнонациональных организаций и движений, а идеи автономизации были заимствованы отдельными представителями местных элит в процессе их большевизации из резолюций и деклараций партии большевиков. Но на местах эти идеи нередко накладывались на старые представления и устано-

вившийся порядок отношений между государством и этническими меньшинствами. Поэтому новобранцы партии большевиков из числа инородческих народов предлагали вышестоящим инстанциям адаптированные к новым политическим условиям варианты политики имперской России в отношении нерусских народов, оговоренные еще в «Уставе об управлении инородцев» (1822 г.), либо утопические проекты, никак не связанные со спецификой культурного развития территорий. Так, в 1927 г. ненецкие активисты из Архангельской губернии обратились во Всероссийский центральный исполнительный комитет с просьбой «скорей выделить самоедам тундру, чтобы они сами в ней распоряжались» [Канев 2005: 85]. Фактически призыв «отдайте нам нашу тундру» означал, что ненцы желали возвращения той ситуации, которая сложилась в Большеземельской и Малоземельской тундрах после принятия Устава об управлении самоедами, обитающими в Мезенском уезде Архангельской губернии (1835 г.), предоставлявшего им приоритетные права на распоряжение оленьими пастбищами и иными угодьями [Устав 1998]. Большого им и не надо было, ибо идея автономии вряд ли была понятна скольконибудь заметной части ненецкого населения. Между тем, после создания в 1925 г. Комитета Севера, призванного способствовать социальному прогрессу «туземцев», началась масштабная и последовательная работа по «советизации севера» [Смидович 1930], а на рубеже 1920–1930 гг. власть решила ускорить социалистическое преобразование среди северных народов. При этом ненцам не только идея автономии была чуждой и непонятной, но они *так же, как и другие малые народы Севера, Сибири и Дальнего Востока*, не желали разрушения их традиционного образа жизни. Понимали искусственность создания автономий для народов Севера и сами большевики, поэтому не случайно, помимо идеи создания отдельных автономий для каждой более или менее значительной по численности этнической группы, существовал и проект создания общей Полярной республики [Перевалова 2017: 31].

Но если царское правительство гарантировало законодательно сохранение прав народов Севера на традиционные угодья, образ жизни, культурную самобытность и всячески ограничивало вторжение в их культурные институты (см. «Устав об управлении инородцев» 1822 г.), то советская власть начала решительное преобразование их образа жизни и традиционного хозяйства. Уже на начальном этапе преобразований «смутное представление ненцев о грядущих переменах, по существу революционного характера, побуждало их ради сохранения традиционного образа жизни протестовать против строительства школ, больниц и других учреждений городского типа» [Коротаев 1998: 175], и при этом даже политические выдвиженцы в

местных органах власти были против приобщения их к европейской бытовой культуре.

Иной была ситуация на территории проживания коми. Здесь, как сказано выше, тоже не отмечалось какого-либо массового движения в поддержку автономии, но были активисты, которые после большевистского переворота 1917 г. примкнули к партии большевиков, восприняли их идеи и не случайно впервые о Коми автономии заговорили в Петербурге в 1918 г. Как и в Карелии, местные большевистские выдвиженцы были полны амбиций и их проекты автономной республики строились не на каком-либо культурном фундаменте, а на стремлении стать лидерами большого и влиятельного территориального образования. Проект по созданию Зырянской Автономной Советской Социалистической Республики, выдвинутый Д. Батиевым, предполагал включение в ее состав не только территорий Архангельской и Вологодской губерний, где проживали зыряне, но и территории проживания коми-пермяков (которых тогда не рассматривали как отдельную от коми-зырян этническую группу) [Шабает, Истомин 2017], а также обширных земель по Нижней Печоре, заселенных русскими и ненцами, архипелага Шпицберген (который только позднее Лига Наций передала под юрисдикцию Норвегии с правом свободного пользования ее ресурсами другими странами), а также всего пространства по Нижней Оби, где проживали ненцы, ханты, манси и т. д. В основе названной идеи, как полагают некоторые современные исследователи, для которых историческое исследование есть сочиняемый ими исторический дискурс, лежала «историческая концепция «Перми Великой – Биармии» [Кузивиано-ва и др. 1996: 31]. Однако нынешние историки оценивают притязания «отцов Коми автономии» с позиций тех знаний и представлений, которые накоплены сегодня. Творцы же Коми автономии не только не были знакомы с изобретенными сегодня «концепциями», но они не имели перед глазами ни писаной истории коми (первые варианты которой появились много лет спустя), ни ясных представлений об этнической культуре и этнической истории своего народа, ни понимания того, каков сам этот народ. Нет никаких оснований полагать, что, разрабатывая планы национального строительства, они штудировали труды финских и российских историков, этнографов и фольклористов, в которых говорилось о «золотом веке» финно-угров и о мифической стране Биармии, а также и аргументированную критику этих представлений, очевидно доказывавшую их мифологичность [Арсеньев и др. 2000]. Как и «красные финны», они были националистами и карьерными бюрократами, стремившимися использовать этничность в интересах укрепления и расширения своих властных полномочий. Будучи носителями националистических идей (или

настроений), они не были заинтересованы в формировании в республиках и округах интегрированных гражданских сообществ. В этой связи П. Каупшала, который в целом положительно оценивает идею государственного строительства в Карелии и Коми, замечает: «ни в Карелии, ни в Коми не была сформирована типичная для Финляндии своеобразная идеология, заключавшаяся в том, что финны и шведы представляют собой единый двуязычный народ» [Каупшала 2004: 252]. *Более того, идеи гражданской интеграции и формирования прочных региональных идентичностей и позднее никогда не стояли в политической повестке дня у руководства всех российских республик, поэтому до сих пор нет политонимов, обозначающих все население национально-государственных образований в РФ и почти нигде не сложилась прочная региональная идентичность, гражданская по своему содержанию.*

Поскольку творцы северных автономий (равно как и всех других автономных образований Советской России и СССР) были либо идейными, либо стихийными националистами (в региональной исторической литературе их личности героизированы и мифологизированы), постольку идеалы свободы, равенства и братства, рожденные в ходе Великой французской революции, им были чужды, равно как и идея гражданина и гражданства. И естественно, что они с восторгом восприняли доктрину этнического национализма, которой руководствовались большевики. А потому для них естественным направлением деятельности стало формирование разделенных сообществ, в которых на вершине социальной иерархии оказывался так называемый «коренной народ», который они представляли. Эти деятели вели активную работу по «коренизации» государственного аппарата в «своих» автономиях и «коренизации» всей культурной и политической жизни на подвластной им территории.

В Карелии, например, «в северных районах республики среди карел под влиянием финнизации появилась мода менять на финские свои старинные “русские” фамилии (Петров, Родионов и т. п.). Финнизация приводила к разделению населения по этническому признаку буквально во всех сферах повседневности и общественно-политической деятельности. “Финноязычные” карелы проводили отдельные от русских комсомольские собрания, а в школах карельские дети не хотели сидеть за одной партой с русскими сверстниками. Из 22 газет 10 были на финском языке, из 8 журналов – 5 финноязычные. До 1935 года в Реболах и Ругозере не было русскоязычных книг, ни один из руководящих работников не говорил по-русски. В школах Реболы, Кестеньги и Ухты русский язык вообще не преподавался» [Сурво, Сурво 2009: 126]. В Коми процесс «коренизации» не принял таких крайних форм, но она вызывала недовольство некими населения, о

чем можно судить по многочисленным публикациям областной газеты «Югид туй» («Светлый путь»), издававшейся на русском языке.

Финский исследователь П. Кауппала полагает тем не менее, что «сторонники самоуправления в Коми были интегрированы в единую политическую систему после образования административной автономии в 1921 г., но при этом они успешно провели “коренизацию” и “зырянизацию” местного аппарата» [Кауппала 2006: 20]. Можно согласиться с этим утверждением в том плане, что именно тогда сформировались основы региональных элитных политических группировок и их мировоззрение, которое наследовалось последующими поколениями советских политиков и было воспринято сформировавшимися на их основе постсоветскими элитными группировками.

Несмотря на то что границы, статусы, официальные языки у национально-государственных образований неоднократно менялись, неизменным оставались культурные иерархии и идея «коренного народа» как главного народа на данной территории, что впоследствии нашло отражение даже в ряде республиканских конституций.

2.3. Пример Поволжья

В Поволжье безусловным центром культурной жизни была Казань, а очевидное лидерство в активизации этнополитических процессов принадлежало татарскому движению, начавшемуся, как и многие другие, с культурного пробуждения.

Татарское пробуждение начинается во второй половине XIX в. и связано, прежде всего, с именем просветителя и историка Ш. Марджани. «...Великий татарский просветитель, с одной стороны, рассматривал историю народа как часть тюркской цивилизации, а с другой – считал, что ключевым периодом единства татар является период Золотой Орды, когда они выделились из общей тюркской истории» [Измайлов 2002]. При этом Ш. Марджани усматривал и культурную преемственность волжских татар и булгар, рассматривая этногенез татарского народа как сложный исторический процесс. Анализу проблем культурной трансформации татарского этнического сообщества он посвятил свой труд «Мустафад алах-бар...» (Кладезь сведений...), в котором рассматривал проблемы истории Волжской Булгарии и Казанского ханства.

К концу XIX в. этап просвещения постепенно стал трансформироваться в этнополитическую мобилизацию, хотя татаризм как течение общественной мысли оставался преимущественно культур-

ным явлением. До 1905 г. идеи татаризма, однако, не были доминирующими, а конкурировали с тюркизмом и исламизмом. После первой Российской революции 1905–1907 гг. ситуация изменилась и идеи татаризма, возводящие татарскую идентичность к волжским булгарам и Золотой Орде, в общественно-политической жизни татарского общества стали играть более заметную роль. Во многом этому способствовали ведущие татарские авторитеты (теологи, интеллигенция, предприниматели). Вплоть до 1917 г. центральными вопросами для татарской буржуазии и интеллектуальной элиты были вопросы развития татарской национальной культуры, религии, образования, истории, традиций и обычаев [Нафигов 1964], а проблемы культурной автономии и тем более политического самоопределения не ставились в повестку дня татарского движения. Кроме того, важно заметить, что само движение в институциональном плане не было четко структурировано, не превратилось в хорошо организованную силу.

Более того, «идеи татаризма стали популярными после Октябрьского манифеста 1905 г., поскольку до этого времени татарам было запрещено иметь свою периодику, выпускалась только газета «Тарджиман». После выхода манифеста большая часть газет стала печататься на татарском языке, концепцию которого впервые разработал Каюм Насыри (1825–1902), свершивший в области языкознания своеобразную революцию. В начале XX в., по его мнению, был необходим язык, общепонятный для всех слоев населения. Вплоть до реформ Насыри, язык в основном функционировал в устной форме, а в деловой сфере использовался старотатарский письменный язык (так называемый тюрки), наряду с классическим арабским и персидским языками – языками религии, науки и поэзии. Причем тюрки представлял собой смешанный книжный язык, в котором сочетались чагатайские (староузбекские) и османо-турецкие формы. Этот язык был довольно далек от народной речи. Миссию по очищению татарского языка от арабизмов и фарсизмов и замену их неологизмами на тюркской основе, с включением в татарскую лексику интернациональных слов, а также терминов, заимствованных из русского языка, взял на себя К. Насыри. Он писал на живом татарском языке, доступном широким кругам читателей. Как полагает А. Узиев, К. Насыри принял эстафету у Марджани в деле конструирования культурного облика татарской «нации», но уже на новом этапе – этапе ее политического развития. «Его вклад как распространителя идей татаризма

⁷ Узиев А. Ислам и национальная идентичность казанских татар во второй половине XIX – начале XX в. [Электронный ресурс]. URL: http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/A_Uziev_ISLAM_I_TATARY.pdf (дата обращения 24.02.21).

огромен. Он выдвинул и обосновал идею принадлежности своих соотечественников к единой татарской нации...»⁷

Важную роль в этнополитической мобилизации татар и других народов Поволжья сыграли Всероссийские мусульманские съезды, которые проходили с 1905 по 1918 г. Первый Всероссийский мусульманский съезд состоялся нелегально, поскольку его проведение было невозможно без октябрьского Манифеста 1905 г., провозгласившего в том числе свободу проведения собраний. Он состоялся в Нижнем Новгороде 15 августа на пароходе «Густав Струве» под видом речной прогулки во время ежегодной ярмарки. Съезд высказался за равноправие мусульман с христианским населением, создание медрес на территории, где проживают мусульмане, для руководства общественной жизнью, но уже на этом съезде наметился раскол в мусульманском политическом движении, поскольку молодые участники, увлеченные идеями социализма и классовой борьбы, во главе с Г. Исхаки и Ф. Туктаровым обвинили съезд в буржуазном характере и выступили за признание «Иттифак ал-муслимин» (Союза мусульман) только культурным объединением, занимающимся вопросами образования и просвещения. Тем не менее большинство участников съезда приняло принципиальное решение о создании партии «Иттифак ал-муслимин» (Союз мусульман), объединяющей всех мусульман России независимо от их этнической и сословной принадлежности. II Всероссийский мусульманский съезд прошел также нелегально в январе 1906 г. в Санкт-Петербурге, куда приехало около 100 делегатов из различных мусульманских регионов страны. III Всероссийский мусульманский съезд проходил с 16 по 21 августа 1906 г. в Нижнем Новгороде и впервые он проводился легально и был весьма представительным, собрав более 1 тыс. делегатов. Наиболее важные вопросы съезда касались обсуждения программы «Иттифак», реформы мусульманского образования, реорганизации Духовного управления мусульман Российской империи. Делегатами была принята окончательная программа «Иттифак», избран ЦК партии из 15 чел., несмотря на то, что группа социалистов во главе с Г. Исхаки и Ф. Туктаровым, выступавшая от имени молодежи и рабочих, отвергла основные положения программы, заявив, что нужна реальная политическая партия, а не религиозно-культурная организация, какой они считали «Иттифак». Уже в 1908 г. партия свернула активную деятельность, а к 1914 г. она как либеральная политическая организация окончательно прекратила свое существование, что было связано с кризисом идеологии татарского либерализма, который возродился вновь лишь во время Февральской революции 1917 г. [Хасанов 1977; Фахрутдинов 1998]. Правда, на IV Всероссийском мусульманском съезде, прошедшем в 1914 г. в Санкт-Петербурге с 15 по 25 июня,

предпринимались попытки добиться принятия политической программы движения и возродить партию, но они были отклонены, что свидетельствовало о неготовности большей части делегатов к активной политической борьбе и слабости мусульманского политического движения. Тем не менее «Иттифак» сформировалась как партия парламентского типа. Во II Государственной думе партия образовала самостоятельную фракцию в 28 чел., бывшей самой многочисленной национальной фракцией в Думе. В III, IV Государственных думах мусульманская фракция также имела свое представительство.

Резкая политическая активизация татарского и общемусульманского движения началась сразу же после Февральской революции 1917 г. Одним из первых законов Временного правительства стал закон «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений». Этот закон провозгласил мусульманам одинаковые со всеми гражданами права, в том числе и политические, что дало мощный толчок для формирования региональных политических сил и трансформации татаристских идей из этнокультурных в этнополитические. Одним из первых политических образований татар явился сформированный в Казани в марте 1917 г. Мусульманский комитет, который возглавил Фуад Туктаров.

В ходе подготовки очередного Всероссийского съезда мусульман в апреле 1917 г. были проведены губернские съезды мусульман в Уфе и Казани, на них были образованы мусульманские организации: в Казани – Губернский мусульманский совет (Милли шура), в Уфе и Оренбурге – мусульманское бюро. Всероссийский мусульманский съезд начал свою работу в Москве 1 мая 1917 г. Наиболее острые дискуссии развернулись вокруг вопросов, связанных с будущим государственным устройством России. Ряд делегатов придерживались идеи унитарного государства, но и они настаивали на необходимости предоставления национально-культурной автономии для мусульман. Другая часть выступала за федеративное устройство России, при котором место татар должно было быть очень значительным, ибо они должны были стать культурным ядром при создании мусульманского штата внутри России. Яснее всего эта идея была сформулирована в выступлении нижегородского муллы Абдуллы Сулеймани. По сути дела, именно с этого выступления и берет начало идея создания Урало-Волжского штата (Идель-Урал). Помимо обсуждения политических идей, на съезде был принят ряд важных для мусульманского движения России организационных решений. На нем был избран Милли шура (Национальный совет), который состоял из 30 чел., треть которых составляли татары. Вокруг Милли шура объединились представители всех сословий татарского общества. Отделения Милли шура стали создаваться на

местах, в том числе и в Казани, где его возглавили лидеры Мусульманского комитета [История 2014].

В июле в Казани произошло три важных события, способствовавших политической консолидации волжских татар: съезд мусульманского духовенства, мусульманский военный съезд и II Всероссийский мусульманский съезд, на котором не присутствовали, однако, представители Казахстана и Кавказа. Зато были широко представлены политические течения татарского национального движения. 22 июля (4 августа) 1917 г. на совместном заседании всех трех съездов было принято решение о создании национально-культурной автономии мусульман Внутренней России и Сибири. Декларацию о национально-культурной автономии огласил Садр Махсуди. Высшим законодательным органом автономии было признано Национальное собрание (Миллэт Меджлиси), а исполнительным – Национальное управление (Милли идаре). Сразу же после съезда Милли идаре развернуло активную деятельность по созыву Миллэт Меджлиси.

Несмотря на мощный подъем мусульманского движения, единства в его руководстве не было. Решения II Мусульманского съезда, названные их противниками «Казанской платформой», не были приняты делегатами мусульманских съездов, проходивших на Украине, в Саратове, Мензелинске, Уфе.

Большая часть татарской национальной элиты в кардинально изменившейся политической ситуации делала ставку на активизацию политической роли Миллэт меджлиса (Национального собрания). Первые заседания данного политического института состоялись в Уфе в конце ноября 1917 г. Депутаты были избраны на четкой демократической основе: один депутат от 50 тыс. населения обоего пола. В целом члены меджлиса не были настроены на конфронтацию с советской властью. Из делегатов Собрания для выработки основ территориальной автономии была сформирована специальная комиссия.

Но уже в январе 1918 г. в составе Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР в Москве был образован Центральный мусульманский комиссариат, сотрудниками которого стали М. Вахитов, Ш. Манатов, Г. Ибрагимов, М. Султан-Галиев, М. Субхи. Этот орган взял дело формирования национальных автономий, представлявших интересы мусульманского населения Поволжья, в свои руки.

Тем не менее либеральная татарская политическая элита не оставляла надежд на демократическое решение национального вопроса. В трех подкомиссиях, сформированных Национальным собранием, готовились различные варианты будущего государственного формирования тюрко-татар, и было предложено пять проектов

(вариантов) создания будущего штата. Наиболее популярным оказался проект, разработанный коллегией под руководством Галимзяна Шарафа. В январе 1918 г. он был вынесен на обсуждение в Национальном собрании, в котором образовались две фракции, отражавшие два течения в национальном движении, сложившиеся еще весной 1917 г. Одна фракция (тюркчилар) выступала за национально-культурную автономию, другая (туфракчилар) – за территориальную национальную автономию. В результате длительных дискуссий участники съезда смогли достичь компромиссной позиции в стратегии национального движения: добиваться создания штата Идель-Урал, не отбрасывая идею культурно-национальной автономии [История 2014: 28]. «Летом 1917 г. под руководством известного татарского общественного деятеля Садри Максуди была разработана Идель-Уральская конституция. В ноябре того же года Национальное собрание мусульман Европейской России и Сибири приняло резолюцию, в которой говорилось: «Форма российского государственного правления должна быть федеративной» [Этнический национализм 2001: 184–185]. В состав штата предполагалось включить Казанскую, Уфимскую губернии полностью, а также часть Самарской, Симбирской, Вятской, Пермской, Оренбургской губерний, где компактно проживало тюрко-татарское население. Создание республики Идель-Урал как неотъемлемой части Советской России поддержали делегаты II Всероссийского Мусульманского военного съезда, который начал свою работу 8 января 1918 г. На съезде была создана фракция большевиков и их сторонников, которые добивались приведения решений об организации штата Идель-Урал в соответствие с новой Декларацией большевиков, но классовый подход к формированию территориальной автономии поддержан не был, что вызвало недовольство фракции, которая в итоге покинула съезд.

Несмотря на этот инцидент, на 1 марта 1918 г. на Театральной площади Казани был запланирован торжественный акт провозглашения Идель-Уральского штата. Однако большевики объявили 29 февраля в Казани и Казанской губернии военное положение. В ночь на 28 февраля были арестованы руководители Мусульманского военного съезда. Татарские жители Казани отреагировали на это активными протестами, требуя освобождения арестованных. По ультимативному требованию Мусульманского военного съезда арестованные вскоре были освобождены, но с условием отказа от провозглашения штата Идель-Урал и роспуска всех мусульманских организаций. Однако это условие участниками Мусульманского военного съезда принято не было. Делегаты переместились в татарскую часть города за протоку Булак, где провозгласили Татарскую авто-

номную республику, получившую в исторической литературе название «Забулачная республика». Татарские национальные воинские формирования охраняли порядок в татарской части Казани. Так продолжалось примерно месяц. 27 марта забулачная и татарская части города были оцеплены красноармейцами и без серьезных столкновений «Забулачная республика» была ликвидирована. Также быстро и бескровно в течение марта–апреля 1918 г. были ликвидированы не подчинявшиеся большевикам национальные организации и мусульманские военные формирования в Москве, Петрограде, Уфе. Многие мусульманские деятели, придерживавшиеся либеральных взглядов, вынуждены были покинуть страну.

Параллельно с разгромом либерального татарского движения большевистское руководство пыталось перехватить инициативу создания национальной государственности. Важным конкретным шагом в этом направлении стал созыв в Казани 21–22 февраля 1918 г. областного съезда Советов Поволжья и Урала. На нем было принято решение об образовании Урало-Волжской Советской Республики, проект которой территориально практически совпадал с границами штата Идель-Урал, но расходился с проектом Миллэт меджлиса идеологически. Для реализации большевистской национальной политики в ряде губерний и уездов в течение весны 1918 г. были сформированы отделы мусульманского комиссариата, формально созданного при Наркомнаце, но по существу являвшегося самостоятельным управленческим институтом. В Мусульманском комиссариате Казанского Совета работали М. Султан-Галиев, С. Саид-Галиев, Г. Касимов, Х. Урманов, В. Шафигуллин, Г. Тазетдинова, которые были активными сторонниками объединенной республики Урало-Поволжья, не получившими, однако, должной поддержки у местных активистов из числа немусульманского населения региона.

Поэтому вскоре родился новый проект, ибо 22 марта 1918 г. был опубликован декрет о создании Татаро-Башкирской Советской Республики. В подготовке нового проекта по заданию руководителя Наркомнаца РСФСР И. Сталина активно участвовали М. Вахитов и М. Султан-Галиев. Для обсуждения вопросов осуществления нового плана в мае 1918 г. в Москве было проведено совещание, в котором участвовали не только татары и башкиры, но и представители других поволжских народов – чувашей, марийцев. Совещание выявило много противоречий в позициях участников, привести которые к единой точке зрения не удавалось. Несмотря на это, на майском совещании принято решение о проведении в Уфе учредительного съезда ТБССР. Однако съезд, назначенный на 13 сентября 1918 г., не состоялся.

Между тем, проблема самоопределения татарского народа становилась все более актуальной, ибо соседние, менее крупные этнические сообщества уже начали формирование территориальных автономий. В октябре 1918 г. была создана Трудовая коммуна немцев Поволжья, в марте 1919 г. – провозглашена Башкирская республика, а решение вопроса о государственности татар затягивалось.

В конце ноября – начале декабря 1919 г. в Москве состоялся II Всероссийский съезд коммунистических организаций народов Востока. Он принял решение о проведении в жизнь Положения Наркомнаца о Татаро-Башкирской республике и избрал ревком ТБССР. Однако все делегаты Башкирии высказались против создания объединенной республики. Вопрос был перенесен в ЦК партии большевиков.

Политбюро ЦК 13 декабря 1919 г. по предложению В.И. Ленина отменило Положение о ТБССР, а 26 января 1920 г. Политбюро ЦК одобрило организацию Татарской советской социалистической республики. В это же время была создана комиссия для изучения и определения границ будущей республики. Среди представленных ей в марте материалов был и проект Положения о Татарской автономной республике.

8 февраля вопрос вторично обсуждался на общем собрании коммунистов-татар Казани, где присутствовало 250 чел. С докладом о ходе подготовки образования ТАССР выступил Ш. Усманов. Участники собрания приняли резолюцию, в которой приветствовали и одобряли решение Политбюро ЦК РКП(б) об образовании ТАССР.

Необходимо сказать, что в те дни оживленно обсуждалась автономия марийского и чувашского народов. В начале мая 1920 г. работа по подготовке проекта декрета о создании Татарской Автономной Советской Социалистической Республики в основном завершилась. 4 мая вопрос о Татарской республике обсуждался на заседании Политбюро ЦК РКП(б) под председательством В.И. Ленина.

Политбюро решило создать комиссию для подробной разработки вопроса о границах Татарской республики. После большой работы, проведенной под руководством ЦК РКП(б), 27 мая ВЦИК и СНК приняли декрет об образовании Татарской Автономной Советской Социалистической Республики. После образования Татарской АССР (декрет ВЦИК от 27 мая 1920 г.), как полагают некоторые исследователи, процесс формирования татарской политической нации приобрел целенаправленный и активный характер [История национальной государственности 1982].

Декретом ВЦИК и СНК Татарской АССР от 25 июня 1921 г. татарский язык был объявлен государственным наравне с русским

языком, получили развитие татарские культурные институты, в республике укреплялись позиции новой татарской политической элиты. Татарский язык стал внедряться в программу обязательного обучения всего населения бывшей Казанской губернии, что вызывало недовольство русских учащихся и конфликты на почве школьного образования, которые неоднократно освещались в местной прессе. «Коренизация» в Татарии в 1920–1930-е гг. заключалась также и в том, что лицам титульной национальности, т. е. татарам, предоставлялись преимущества при назначении или избрании на должности в государственном аппарате. Считалось, что татары, «угнетаемые царизмом», должны иметь приоритет в карьере и получать посты в Татарской АССР уже вследствие своей национальности, объявленной, как и в других республиках, – коренной.

Таким образом, самоопределение татар состоялось не на основе либеральной модели татаризма, а в политических традициях большевизма и их доктрины этнического национализма. Далее оно могло развиваться только в рамках тоталитарной политической традиции, которую, несмотря на конфликты с лидерами большевиков, усвоили и представители «татарского призыва» РКП(б). В этой связи стоит обратить внимание на замечание А. Беннигсена: «Мусульманские неопиты, записавшиеся в РКП(б), воспринимали марксизм как официальное кредо, не более, что во всяком случае не мешало им оставаться верными своим бывшим националистическим стремлениям. Они видели в коммунизме всего лишь новую возможность, позволяющую осуществить стремления к независимости, автономии или хотя бы равенству. Другими словами, их вступление в партию было скорее политической тактикой, нежели искренним принятием философской или даже экономической доктрины. Как бы то ни было, даже вопреки разногласиям с русскими большевиками, новые мусульмане-коммунисты были приняты в партию и в течение первых десяти лет играли во всех мусульманских республиках первостепенную роль. Несмотря на то что их идеи, теории и политические программы зачастую противоречили большевистским, большевики обычно были вынуждены их терпеть по причинам стратегического порядка, пытаясь в то же время нейтрализовать их влияние. И только после 1928 года у Сталина появилась возможность полностью их ликвидировать» [Беннигсен 1983: 23].

Действительно, отношения между И. Сталиным и национал-большевиками в этнических автономиях складывались непросто и между ними регулярно возникали конфликты.

Уже в декабре 1928 г. был арестован (повторно) и осужден один из наиболее последовательных радикальных лидеров татар-большевиков М. Султангалиев, а затем та же участь постигла еще 76 видных

национал-коммунистов, что резко ослабило татарскую политическую элиту. Вслед за репрессиями, направленными против политических лидеров, началась чистка и в рядах татарской интеллигенции, стали закрываться национальные культурные институты (в 1929 г. было ликвидировано «Общество Татароведения», в 1930 г. – закрыт Восточный институт в Казани, в 1932 г. началась повсеместная критика «Союза татарских пролетарских писателей»).

Стимулом к политическому пробуждению народов Поволжья, как сказано выше, явилась Февральская революция 1917 г. Политические выдвиженцы из среды марийцев (черемисов), удмуртов (вотяков), чувашей, мордвы стали требовать создания собственных этнических территориальных автономий. Важную роль в этом процессе сыграл I съезд малых народностей Поволжья, состоявшийся 15–21 мая 1917 г. в Казани, где говорилось о необходимости предоставить автономию и широкое самоуправление малым народам. В июле в Казани же состоялся и Первый съезд мари, в резолюции которого указывалось, что необходимо не только развивать местное самоуправление на землях, заселенных марийцами, но и вести делопроизводство на марийском языке. В феврале 1918 г. Второй съезд мари поддержал советскую власть, потребовал отменить прежнее название народа (черемисы), но политических требований не выдвинул. Идея автономии созрела у марийцев, примкнувших к партии большевиков. На созванной 20 июля 1920 г. в Казани I Всероссийской конференции коммунистов-мари был учрежден проект организации автономной области народа мари, определены ее территориальные границы. Декрет об образовании Марийской автономной области был издан 4 ноября 1920 г. В этот же день был издан декрет и об образовании Автономной области вотского (вотяцкого) народа (в 1932 г. переименована в Удмуртскую АО). В том же году 24 июня издан декрет об образовании Чувашской автономной области, преобразованной в АССР уже в 1925 г., чему отчасти, видимо, способствовало то, что чуваша занимали особое положение в Поволжье, чувашская интеллигенция была очень активна, а этнонациональное движение чувашей зародилось раньше, чем это произошло у соседних народов, ибо в 1906–1907 гг. в Симбирске прошли первые общенациональные съезды чувашей, обсуждавшие вопросы культурного развития народа. В марте 1917 г. в Казани было создано Общество (Союз) мелких народностей Поволжья, а в июне в Симбирске интеллигенция, учителя созывают Общечувашский национальный съезд. Съезд объявляет о поддержке Временного правительства, одобряет республиканское устройство России и заявляет о желании преобразования его в федеративное и национально-культурной автономии для чувашей. Чебоксарский Совет

рабочих и солдатских депутатов, образованный 17 марта 1917 г., одним из первых полностью разделил идеологию большевиков. Его возглавил Карл Грасис, революционер, сосланный в Чебоксары в 1916 г., который в мае 1918 г., уже будучи видным деятелем партии, участвовал в совещании в Москве по созданию Татаро-Башкирской республики, выступал против объединения народов Поволжья в одну Татаро-Башкирскую республику.

Из-за сопротивления руководства ряда губерний затянулся вопрос о создании автономии для мордвы, она была учреждена только в 1930 г., а статус автономной республики получила в 1934 г.

2.4. Пример Северного Кавказа

Революционные потрясения весны 1917 г. способствовали активизации этнонациональных движений и идей повсеместно: в Финляндии, Прибалтийских губерниях, в Малороссии, на Кавказе.

1 мая 1917 г. во Владикавказе открылся Первый съезд горских народов Кавказа. Идея «автономного самоуправления» на Кавказе была высказана еще в 1905 г., но какой-либо политической партии или организации, последовательно отстаивающей автономистские идеи северокавказской интеллигенции создать не удалось [Кажаров 2011]. Но после Февральской революции либеральная интеллигенция активизировалась и стала играть заметную политическую роль. Именно по ее инициативе еще 5 марта там же, во Владикавказе, был создан Союз объединенных горцев, который подготовил проведение съезда и разработал ряд важных программных документов, вынесенных для обсуждения на съезде. По итогам их обсуждения Съезд принял следующие резолюции: об отношении к войне и Временному правительству, к народам России, о народной милиции, о праве ношения оружия, о реформе школьного образования, представительстве в Учредительном собрании, о печатном органе «Союза горцев» и др. Представители Союза полагали, что вопрос об автономии будет решен в ближайшей перспективе, ибо еще 2 марта Временное правительство опубликовало Декларацию, в которой говорилось об отмене всех национальных ограничений и о необходимости начать немедленную подготовку к созыву учредительного собрания, делегаты которого должны быть избраны на основе прямого, равного, всеобщего голосования, на которое, по мнению делегатов Съезда, возлагалась ответственность за решение проблемы административно-политического устройства страны. Поэтому на Первом съезде народов Северного Кавказа, прошедшем в

мае, вопрос об автономии народов региона поднимался, но требований о немедленном решении этого вопроса не звучало.

При этом важно заметить, что в политических программах действовавших в то время основных политических партий просматривается очевидное негативное отношение к идее «национальной автономии и, во всяком случае, применительно к народам Северного Кавказа ни одна из существующих партий не допускала мысли о возможности предоставления им каких-либо форм автономии» [Кажаров 2011: 113]. Тем не менее с осени 1917 г. национальный вопрос на Северном Кавказе приобретает все большую остроту и особенно конфликтным стал земельный вопрос. Обострялись противоречия и внутри самого «Союза горцев», ибо он представлял собой слишком широкое политическое объединение, претендовавшее на представление интересов не только разных этнических групп, но и разных социальных слоев и конфессий. А последние имели свои (не всегда совпадавшие) представления относительно будущего устройства северокавказского общества. Так, представители исламских кругов Чечни и Дагестана мечтали восстановить в регионе имамат и создать на Кавказе шариатское государство, что, конечно же, не устраивало светские круги и представителей иных конфессий. Нарастание внутренних противоречий в Союзе неизбежно должно было привести к внутреннему расколу. Свержение Временного правительства поставило Союз в еще более сложное положение, поскольку возникла необходимость срочно определять свою позицию по национальному вопросу, ибо политическая инициатива переходила в руки большевиков и их сторонников.

5 декабря была опубликована совместная декларация Войскового правительства и ЦК Союза объединенных горцев о создании Терско-Дагестанского правительства, которое представляло интересы казаков, расселенных на землях Терского казачьего войска, и Союза объединенных горцев Северного Кавказа, представлявшего в свою очередь интересы территорий, заселенных горскими народами, а сами эти территории объявлялись автономными штатами Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей.

Но внутренние конфликты между казаками и горами привели к тому, что согласовать интересы сторон не удавалось и, более того, конфликты привели к кровопролитию и убийству одного из лидеров терских казаков.

Сложные политические процессы и многочисленные противоречия и конфликты, имевшие место между разными этническими и сословными группами населения, привели к тому, что на Северном Кавказе одновременно стали реализовываться две модели само-

определения: горская (либерально-этническая) и большевистская (классовая).

Для решения конфликтов между казаками и горскими народами Северного Кавказа в конце января 1918 г. в Моздоке по инициативе Военно-революционного комитета Сунженского отдела был созван первый съезд народов Терека, с которого фактически и начался процесс советизации региона, ибо задачей съезда являлось создание твердой народной власти и прекращение межэтнических конфликтов. На втором съезде в феврале–марте фактически было завершено создание Терской республики: избраны высшие органы управления: Терский Народный Совет и Совет Народных Комиссаров, принято решение о признании власти советов и Закона о социализации земли, утвержденного III Всероссийским съездом советов. Поскольку модели самоопределения, столкнувшиеся на одной и той же территории, взаимоисключали друг друга, постольку конфликты между придерживающимися этих моделей сторонами не могли не возникнуть. И они стали происходить: Терский совнарком своим декретом объявлял решения Терско-Дагестанского правительства не подлежащими к исполнению, а то в свою очередь стало искать внешней поддержки для борьбы с конкурентами и утверждения своей власти [Кажаров 2011: 115].

В апреле 1918 г. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана выступил с обращением к ряду государств Европы с просьбой о признании правительства Горской республики. В письме на имя председателя германской делегации на Батумской международной конференции генерала Отто фон Лоссова содержался призыв к Германии оказать помощь горцам в деле их самоопределения. 11 мая 1918 г. на конференции было объявлено о создании независимой Горской республики Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана (Горской республики), и о ее признании Оттоманской Турцией и Германией. Однако правительство Германии это признание впоследствии официально не подтвердило, хотя в случае с созданием «независимого» Польского государства на оккупированных Германией территориях германские власти действовали более решительно. В целом же общая германская стратегия состояла в том, чтобы за счет побуждения народов окраин Российской империи к самоопределению и стимулирования сепаратистских настроений ослабить государство и подорвать его возможности играть роль реального политического игрока и соперника на европейской арене.

В резолюции о провозглашении независимости говорилось о том, что Союз горцев принял решение отделиться от РСФСР и создать независимое государство, а также о том, что в состав нового

государства входят территории Дагестана, Терека, Ставрополя, Кубани, и земля республики простирается от Черного до Каспийского моря. 13 мая 1918 г. правительство Горской республики направило правительству РСФСР ноту о создании Горской республики через германского посла в Москве графа Вильгельма Мирбаха. Уже через день советское правительство выразило протест по поводу образования Горской республики и отказалось ее признавать.

В ответ на этот протест глава горского правительства Абдул-Меджид Чермоев обратился за помощью к Турции, которая живо откликнулась на эту просьбу, и уже в конце мая турецкий генерал (кавказского происхождения) Юсуф Иззет-паша был назначен командующим войсками Горской республики. Помощь Горской республике со стороны Турции в виде поставки вооружений вызвала резкий дипломатический протест со стороны Советской России. Однако 10 октября турецкие войска заняли г. Дербент, 24 октября – Темир-Хан-Шуру, а 8 ноября турки выбили отряды Лазаря Бичерахова из Порт-Петровска, которые погрузились на пароходы и вышли в открытое море.

Вместе с Турцией финансовую помощь горскому правительству оказало мусаватистское правительство Азербайджана. Но великие державы признавать Горскую республику не торопились, а на обращения со стороны ее руководства отвечали, что данный вопрос может быть рассмотрен на Парижской мирной конференции держав-победителей в Первой мировой войне. Представители Антанты предлагали руководству республики объединиться с казачеством Терека и образовать коалиционное правительство для поддержки генерала Антона Деникина, выступившего против большевиков. Великобритания поддерживала Добровольческую армию Деникина и не желала допустить укрепления Горской республики, но призывала ее руководство выступить против большевиков. Руководство республики согласилось, и 15 декабря парламент Горской республики принял отставку кабинета Чермоева, и спустя несколько дней сформировал новый состав коалиционного правительства, в которое вошли терские казаки.

20 января 1919 г. в Темир-Хан-Шуре состоялось первое заседание парламента Горской республики. Борьба с большевизмом и укрепление позиций молодой республики были основными темами обсуждения. Тем не менее в начале февраля 1919 г. Добровольческая армия вторглась на территорию Горской республики, которую Деникин отказался признать, ибо был сторонником единой и неделимой России [Деникин 2002; Антонова 2011]. Генерал Павел Шатилов, командующий войсками Деникина на Кавказе, требует от горского правительства «сложить свои полномочия». В правитель-

стве не было ни единства по вопросам организации отпора войскам Деникина, ни достаточно сил для организации сопротивления. Поэтому 23 мая состоялось последнее заседание Союзного Совета (парламента), на котором членам парламента было предложено «разъехаться на неопределенное время», а 24 мая власть в Дагестане перешла в руки деникинской армии. Ставленник Деникина генерал Микаил Халилов назначается правителем Дагестана. Горская республика как государственное образование прекратила свое существование, но та же участь постигла и Терскую советскую республику.

Но, помимо либеральной и советской моделей самоопределения, существовал и третий путь – исламистский. Примером такой формы самоопределения является Северо-Кавказский эмират – исламское государство, существовавшее на территории Чечни и Западного Дагестана с сентября 1919 по март 1920 г.

После того, как 22 мая 1919 г. была прекращена деятельность правительства Горской республики, дагестанский религиозный деятель Узун-Хаджи, собрав вооруженный отряд, ушел в горы на границе Чечни и Дагестана. В конце мая в с. Ботлих он собрал большой меджлис, где по предложению алима из селения Гагатли Саид-Магомеда Узун-Хаджи был избран эмиром Дагестана и Чечни.

Летом 1919 г. чеченец Иналука Арсанукаев (князь Дышнинский) привез Узун-Хаджи фирман (послание) от последнего османского султана Мехмеда VI Вахидеддина, в котором подтверждалось право Узун-Хаджи создавать исламское государство. После султанского одобрения он приступил к созданию военных и гражданских структур Северо-Кавказского эмирата, который по форме являлся самостоятельной шариатской монархией под протекторатом Халифа – Его Величества Оттоманского императора Мехмеда VI Вахидеддина. Государство горцев было официально признано в 1919 г. Османской империей, Азербайджанской демократической республикой и Грузинской республикой.

Временная столица эмирата была учреждена в ауле Ведено. Себе Узун-Хаджи присвоил титул «Его Величество Имам и Эмир Северо-Кавказского Эмиратства, шейх Узун Хаир Хаджи Хан».

В эмирате, как и в других монархических государствах, быстро возникли привилегированные сословия, как при Шамиле, который создал Кавказский Имамат в эпоху Кавказских войн с Российской империей. Вооруженные силы эмирата (общей численностью до 10 тыс. чел.) состояли из шести «армий» под командованием «генерал-майоров».

Для управления государством было сформировано правительство из восьми министров во главе с «великим визирем» (высшим

сановником) князем Дышнинским, который одновременно являлся главнокомандующим вооруженными силами Северо-Кавказского эмирата. Все министры, за исключением министра юстиции, имели звание генерал-майора, причем двое из них были вообще неграмотны. Государство было разделено на наибства и основывалось на шариатском правлении.

К январю 1920 г. социально-экономическое и военное положение эмирата стало быстро ухудшаться. Авторитет Узун-Хаджи упал, а из его войск началось массовое дезертирство. В 1920 г. Узун-Хаджи дал согласие на вхождение своего государства в состав РСФСР на правах широкой автономии и вскоре умер, однако сам факт существования данного государства явился одним из политических стимулов для образования Горской АССР.

Горская АССР была провозглашена на съезде народов Терской области 17 ноября 1920 г. во Владикавказе. Официально она организована на основании декрета ВЦИК от 20 января 1921 г. Учредительный съезд Советов Горской АССР, состоявшийся 16–22 апреля 1921 г., избрал ЦИК ГАССР. В ходе национально-государственного размежевания из Горской АССР были выделены автономные округа (преобразованные затем в автономные области): Кабардинский, Карачаевский, Чеченский, Балкарский.

По мнению ряда исследователей, Горская АССР являлась первым объединением многонациональных народов края, неким образцом политического объединения, призванного поддерживать межэтническое согласие в многоэтничном и поликультурном регионе. Это был первый опыт формирования региональных национально-государственных образований, сознательно строившихся на административно-территориальной основе.

Положение Горской республики в регионе определялось изменением политической обстановки в Закавказье и политической активизацией горских масс: «Уже на начальном этапе развития Горской автономии четко проявились политические группировки, среди них были... те, кто выступал за независимость от России; за полное объединение; 3-я группировка состояла в основном из контрреволюционеров» [Бугай, Меркулов 1994: 94]. Эта политическая неоднородность элит порождала конфликты и разрушала гражданское единство жителей республики. Но главной причиной, предопределившей краткосрочность существования республики, стали взаимные территориальные претензии народов, а точнее лидеров, выступавших от их имени: «Претензии одних народов по отношению к другим разрастались как снежный ком. В качестве одной из них выступало и то, что якобы состав СНК ГАССР и ЦИКа не сможет удовлетворить взаимные притязания в принадлежности

земельных угодий из-за грабежей и т. д.» [Бугай, Меркулов 1994: 97]. Исследователи особо подчеркивают негативную роль И.В. Сталина в процессе строительства самой республики: «Очевидно, что позиция Сталина по отношению к Горской республике в данном случае сыграла заметную отрицательную роль и не была направлена на ее укрепление. Она оказалась в основе сразу же начавшихся бурных процессов по “развалу” Горской республики [Бугай 1995], хотя партийные и советские работники, занятые в республике, прикладывали немало усилий к консолидации северокавказских этнических групп именно вокруг идеи Горской республики. Но общая социальная, экономическая и политическая ситуация в республике с самого начала ее создания была нестабильной.

В республике не затихал бандитизм, наблюдался отход от демократических форм решения аграрного вопроса, а политические амбиции местных лидеров еще более разрушали единство государственного образования. А.Х. Даудов связывает упразднение Горской республики с задачами совершенствования системы государственного управления в регионе и социалистическими преобразованиями на Кавказе. Образование Северо-Кавказского края, которое завершило курс на создание единого административного региона, делало ненужным существование и сохранение Горской АССР» [Даудов 1984: 37]. А.Г. Кажаров же считает, что этнотерриториальные конфликты, по сути, и разрушили Горскую республику [Кажаров 2001: 15]. По его мнению, территориальные притязания руководителей Горской республики лишали смысла пребывание Кабарды в ее составе. То же самое можно сказать и о других этнических анклавах, входивших в состав республики.

Декретом ВЦИК от 7 июля 1924 г. Горская АССР была упразднена, и на ее территории были созданы Северо-Осетинская, Чеченская и Ингушская автономные области (в 1934 г. объединены в одну АО), Сунженский казачий округ (в 1929 г. передан в состав Чеченской АО), город Владикавказ как самостоятельная единица, непосредственно подчиненная ВЦИК РСФСР. В 1936 г. Чечено-Ингушская, Кабардино-Балкарская и Северо-Осетинская автономные области были преобразованы в автономные республики, еще ранее (в 1935 г.) этот статус получила Калмыкия. Дагестан получил статус автономной республики в 1921 г., а Карачаево-Черкесия – в 1957 г. после реабилитации репрессированных народов и восстановления их национально-государственных образований, которые в годы войны были упразднены. Адыгея была преобразована из автономной области в республику лишь в эпоху «парада суверенитетов» (1990 г.). Но административно-территориальные изменения на Северном Кавказе были весьма сложной проблемой, решение которой растянулось на

многие годы, а потому она является предметом специальных исследований [Хлынина 2003; Кринко, Хлынина 2009].

Как сами статусы автономий, так и их границы не оставались неизменными. При этом часть территориальных притязаний и противоречий снималась за счет передачи северокавказским автономиям казачьих земель: «под теми или иными предложениями казаки (как “белые”, так и “красные”) подвергались репрессиям (конфискация земель, депортация жителей целых станиц, аресты и казни), много казачьих земель было передано неказачьему русскому и украинскому населению Терской области (“иногородним”), а также горскому населению. В дальнейшем большой урон казакам, в том числе и терским, принесли коллективизация и голод 1933 года» [Дзуцев, Федосова 1995: 18]. В политическом смысле северокавказские республики явились неким инструментом, с помощью которого советская власть вела наступление на казачество и пыталась исключить возможность возникновения новой казачьей фронды.

Но показательно, что все три формы этнонационального самоопределения, которые имели место на Северном Кавказе, включая либеральную, нельзя считать полностью демократичными, ибо прямого участия всего населения в процессе нациестроительства и актов самоопределения в этих моделях не предусматривалось. Стоит заметить, что даже «независимые» государства возникали на руинах Российской империи скорее явочным порядком, нежели в результате мощного национально-освободительного движения. В Закавказье, после развала Кавказского фронта в декабре 1917 г., сначала под нажимом Турции 9 апреля 1918 г. была официально провозглашена Закавказская Демократическая Федеративная Республика, а после ввода в Грузию германских войск по желанию оккупационных властей в мае была создана Грузинская Демократическая республика и в этом же месяце о своей «независимости» и выходе из состава ЗДФР провозгласили Азербайджан и Армения. На Украине в условиях немецкой оккупации сформировалась Украинская держава гетмана Скоропадского, национальное движение в Прибалтике тоже консолидировалось в условиях немецкой оккупации, а в Эстонии существенную роль играли отряды финских добровольцев, хотя наибольшую роль в отстаивании «независимости» Эстонской Республики, как это ни парадоксально, сыграло не эстонское освободительное движение (согласно современному эстонскому историческому мифу) и не финские добровольцы, а войска Юденича, которые несколько раз отбивали наступления Красной армии на Нарву. Только после этого власти Советской России стали договариваться с эстонскими и финскими властями за спиной Юденича и признали независимость республики, а равно и стран Балтии в целом.

2.5. О характере взаимодействия внутриэтнической федерации

Завершающим этапом в этнизации культурного и политического пространства Советского Союза стало введение в 1932 г. внутреннего гражданского паспорта для горожан (сельские жители получили паспорта к концу 1950-х гг.). Графа «национальность» (обозначавшая этническую принадлежность человека) в паспорте стала обязательной, причем запись этнической принадлежности производилась согласно специальной инструкции, и человек не мог сам свободно определить, с какой этнической группой он желает себя отождествлять (или не отождествлять вовсе). Тем самым человек директивно «привязывался» к определенной культурной группе. Но важнее было другое следствие «государственной этничности»: с помощью внедрения в массовое сознание понятия национальности и идеи культурной иерархии из государственной идеологии и массового сознания вытеснялись идеи гражданской солидарности, дискредитировались идеалы свободы, равенства, когда все граждане страны являются полностью равноправными, а их правовой статус идентичен. Но тоталитарный (затем – авторитарный) советский режим в этом не нуждался.

Политика в отношении разных национальностей/этнических групп не была неизменной, но поскольку принцип культивирования различий и дифференцированного отношения к представителям разных этнических сообществ был одним из основополагающих принципов советской этнополитики, постольку автономные области легко преобразовывались в автономные республики, а те – в союзные и обратно. Статус союзной республики с 1940 по 1956 г. имела и Карелия, которая именовалась Карело-Финской республикой, а затем она вновь была преобразована в автономную республику. Автономные области и республики и округа могли произвольно ликвидироваться, а затем вновь восстанавливаться или же не восстанавливаться вовсе. Так, всего два года – с 1937 по 1939 г. – просуществовал автономный округ, титульным населением которого являлись тверские карелы. В 1941 г. была ликвидирована Автономная республика немцев Поволжья, а затем утратили статус республик Крымская и Калмыцкая республики и ряд других республик Северного Кавказа, восстановленные в 1957 г. (кроме Крымской и Республики немцев Поволжья).

В марте 1922 г. возникла Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика (ЗСФСР), в состав которой вошли Грузия, Армения и Азербайджан, а в 1936 г. все три закавказ-

ские республики вновь были разделены и получили статус союзных республик.

При этом как понимать этничность, как осуществлять размежевание народов и национально-государственное строительство, кураторы этого процесса в центре не всегда понимали, а нередко они исходили не из логики культурного строительства, а из логики политической целесообразности, что было вполне естественно в системе управления тоталитарного государства. Этнические территории и этнические границы, равно как и сама этничность, при формировании национально-государственных образований учитывались далеко не всегда. Так, в состав Коми автономной области не были включены земли, на которых проживали коми-пермяки, хотя и у коми, и у коми-пермяков один общий этноним – коми, а их языки некоторые видные языковеды считали двумя основными наречиями единого языка. Территорию проживания ненцев разделили между тремя национальными округами: Ненецким – в составе Архангельской области, Ямало-Ненецким (первоначально входил в состав Уральского края, а с 1944 г. – в состав Тюменской области) и Таймырским (Долгано-Ненецким) округами. То же самое имело место и с бурятами, для которых в 1921 г. была создана Бурят-Монгольская автономная область (с 1923 г. – автономная республика) и в 1930 г. еще два национальных округа. Конечно, в названных случаях играла роль территориальная разобщенность разных территориальных групп одного этнического сообщества, но свою роль играли и политические соображения. Именно эти соображения привели к тому, что Абхазскую республику, которая была отдельным подписантом союзного договора при создании СССР, произвольно включили в состав Грузии на правах автономной республики. Этническую территорию адыгов после развала Горской республики, наоборот, разделили между северокавказскими автономиями.

В ряде случаев имело место совершенно произвольное конструирование этнических групп с помощью административного ресурса. «Так, например, появление на карте такого народа, как “хакасы”, не отражало ни самоназвания, ни самосознания этнических групп, объединенных под этим именем. Этноним “хакасы” был заимствован историками и лингвистами из китайских и монгольских хроник. Проживавшие на соответствующей территории народы не слышали этого имени до тех пор, пока власти не воспользовались им как инструментом для создания национальной автономии. Равным образом без решения политиков (принятого после консультаций с этнологами) в Советском Союзе могло никогда не возникнуть алтайцев, азербайджанцев, казахов и многих других наций, национальных групп и народностей. Этноним “алтайцы” был предложен местными

политическими активистами для обозначения более чем десятка этнолингвистических групп, ожидавших, что один относительно крупный народ получит более высокий статус, чем множество мелких. Народа – соответственно субъекта суверенитета – под названием “азербайджанцы” не существовало до 1937 г. Предыдущие переписи (1897 и 1926 гг.) не фиксировали такого этнонима, рассматривая население соответствующей территории как подгруппу тюрков. Что касается казахов и киргизов, то стоит напомнить, что в 1920 г. в составе РСФСР была образована Киргизская автономная республика, которая пятью годами позже была переименована в Казахскую. Еще через одно десятилетие, в 1936 г., Казахская АССР была преобразована в союзную республику, причем в ее границы были, по экономическим соображениям, вписаны области, населенные русскими» [Малахов 2005: 238].

Не менее показателен факт депортации народов и ликвидации автономий. В 1943 г. была ликвидирована Карачаевская автономная область, а карачаевцы обвинены в коллаборационизме (пособничестве нацистам) и выселены со своих территорий. То же самое произошло в 1944 г. с крымскими татарами, чеченцами и ингушами, калмыками. Их автономии были ликвидированы, а эти народы выселены в Среднюю Азию и Сибирь. Еще ранее – в 1941 г. была ликвидирована Республика немцев Поволжья, а немцы выселены на европейский Север и в Сибирь. Но раньше других депортации начались из Ленинградской области и коснулись они проживавших вдоль южного берега финнов, которых иногда не очень корректно называют ингерманландцами, поскольку в период шведского владычества эта территория носила название Ингерманландия.

Сложившаяся к началу 1920-х гг. советская партийная этноэлита с доверием отнеслась к московским властям и политику на местах строила в соответствии с заявленными принципами о правах народов. Но довольно быстро сталинские идеи о «социалистическом унитаризме» превратились в политическую практику и права национальных автономий стали ограничивать. Это вызвало открытое недовольство местных партийных кадров, что И. Сталин назвал «национал-уклонизмом», призвав «раздавить гидру национализма» [Сталин 1947в: 100]. «На X Всероссийском съезде Советов (1922 г.) Сталин на заседании фракции РКП(б) выдвинул идею: сформировать союзные ЦИК и СНК за счет представителей независимых республик – Украины, Белоруссии, Грузии, Армении и Азербайджана. Ему возразил М.Х. Султан-Галиев, председатель коллегии Мусульманского комиссариата. Он заявил, что статус автономии унижает национальное достоинство нерусских народов, и предложил уравнивать автономные республики по статусу с незави-

симыми республиками. Туркестанская АССР, Башкирская АССР, сказал Султан-Галиев, по территории, численности населения, природным ресурсам стоят не ниже независимых республик. Глава Мусульманского комиссариата считал недопустимым разделять национальности на те, которые “имеют право вхождения в союзный ЦИК, и на национальности, которые не имеют этого права... на пасынков и настоящих сыновей”. Сталин отверг предложение Султан-Галиева, назвал его идею реакционной, направленной “против объединительных волн в низах”. Популярный в мусульманских кругах деятель, Султан-Галиев отстаивал свою точку зрения. На XII съезде РКП(б) (1923 г.) он заявил, что предложения Сталина “не разрешают национального вопроса”, и вновь высказался за расширение прав автономий, повышение их статуса до уровня субъектов СССР. Уже через несколько дней после выступления на съезде он был исключен из РКП(б) как “антипартийный и антисоветский элемент”, снят со всех постов. В вину Султан-Галиеву вменили его проект создания Туркестанской Федерации – объединения мусульманских регионов России с сопредельными тюркскими территориями: Киргизией, Хивой, Бухарой, Кашгарией и, возможно, северными районами Афганистана и Ирана, населенными тюрками. Если Центр признает право народов Закавказья на федерацию, указывал он, почему не признать целесообразной такую же форму и для тюркских народов России?» [Чеботарева 2008: 4]. Подобные пантюркистские идеи расценивались как стремление к буржуазному национализму. Однако недовольство политикой Центра высказывали руководители многих автономных областей и республик, а потому открыто выступить против партийных этноэлит в начале 1920-х гг. Сталин не мог, и потому Султан-Галиев был вновь призван в ряды партийной номенклатуры и получил пост председателя СНК Крымской АО.

Сведение счетов с видными политическими деятелями и национальной интеллигенцией в республиках началось уже на рубеже 1920–1930-х гг.: в 1928 г. был арестован Султан-Галиев, в 1931 г. началась кампания против «финского национализма», а в 1932 г. было сфабриковано «дело СОФИН», и многие видные деятели культуры в автономиях с финно-угорским населением были обвинены в том, что они вели подпольную деятельность с целью создания «Единой Финно-Угорской Федерации» и отторжения ее от СССР [Куликов 1997]. Затем начались массовые чистки в национально-государственных образованиях всех уровней и обвинения в буржуазном национализме стали неким устойчивым клише.

2.6. Экономическая и политическая централизация

Если в культурном отношении СССР представлял собой этническую федерацию, то в политическом плане это было сугубо унитарное государство с высочайшим уровнем централизации власти и ресурсов. Вся полнота политической власти сосредоточивалась в руках центральных органов власти, но поскольку в СССР вся собственность находилась в руках государства, постольку и распоряжением государственной собственности ведали союзные министерства, расположенные в Москве. Все крупные предприятия машиностроения, угольной, нефтяной промышленности, транспорт управлялись соответствующими министерствами в центре. Не случайно, что, помимо административно-территориального районирования, в СССР имело место и экономическое районирование, которое опиралось на учет внутрирегиональных экономических связей и преследовало цель их оптимизации.

С этой целью из прежних губерний формировались крупные территориальные образования. Так, постановлением ВЦИК от 3 ноября 1923 г. из Пермской, Екатеринбургской, Челябинской, Тюменской губерний была образована Уральская область, в состав которой позднее вошли и три национальных округа. В 1924 г. был создан Северо-Кавказский край, в него вошли все национальные автономии, созданные к тому времени на этой территории (в 1936 г. автономные области, преобразованные в автономные республики, вышли из состава края).

В 1925 г. был создан Сибирский край, куда вошли Алтайская, Енисейская, Новониколаевская, Омская, Томская, Иркутская губернии (часть этих территорий затем была передана в состав Западно-Сибирского края, созданного в 1930 г.).

В соответствии с постановлением Президиума ВЦИК «Об образовании на территории РСФСР административно-территориальных объединений краевого и областного значения» от 14 января 1929 г., было решено образовать с 1 октября 1929 г. на территории РСФСР Северный край с центром в г. Архангельске путем объединения Архангельской, Вологодской и Северо-Двинской губерний и автономной области Коми (Зырян).

Для управления чрезвычайно централизованным народно-хозяйственным комплексом, который базировался на идее не только огосударственной и коллективной собственности, но и на идее «осажденного лагеря» с мобилизационной экономикой, создавались не только общесоюзные министерства, но и центральные планиру-

ющие органы с широким кругом полномочий, в сферу деятельности которых входило как текущее, так и стратегическое планирование, а также распределение всех ресурсов страны. Эту функцию выполнял Госплан СССР, созданный 21 августа 1923 г. Полное название этого органа, неоднократно корректировавшееся с течением времени – Государственная комиссия СССР по Планированию при Совете Труда и Обороне СССР (СТО СССР). Затем этот орган был переподчинен непосредственно Правительству – Совету Народных Комиссаров, а позднее – Совету министров, что было вполне логично.

Хотя в республиках и областях были созданы свои плановые комиссии, решающая роль в распределении средств и ресурсов принадлежала Госплану, который руководствовался отраслевым и территориальным принципом. Отраслями промышленности, чьи предприятия находились в разных субъектах советской федерации, ведали, как сказано выше, союзные министерства, а территориальный принцип планирования не был связан со сложившимся административно-территориальным делением государства, а ориентировался на экономические районы. Первоначально это были краевые объединения, а позднее логика выделения экономических районов стала более строгой, и появились некие научные принципы экономического районирования и планирования [Струмилин 1957].

Экономические районы – это районы СССР, выделявшиеся для целей территориального народнохозяйственного планирования и управления экономикой.

Экономические районы, по сути, стали движением в сторону регионализации (как впоследствии и совнархозы), но рассматривались как объективные экономические категории, для выделения которых наиболее важным признаком считалась не однородность территории по какому-либо одному (пусть даже существенному) признаку, а наличие экономического единства, экономической целостности территории. Именно общность экономической жизни, территориально-экономическая целостность были основой экономического районирования, которое в конечном счете позволяло делать их объектами управления. Принципы экономического районирования строились на объективной основе, т. е. на анализе природных условий и ресурсов территорий. Таким образом, для районирования СССР одинаково важное значение имели как социально-экономические, так и природные факторы. Следовательно, экономическое районирование представляло собой социально-экономико-природное районирование.

Экономическое районирование носило динамичный характер, т. е. не было застывшей категорией, а изменялось в соответствии с задачами территориальной организации народного хозяйства. «Сетка»

экономических районов претерпела ряд изменений, но число основных районов варьировало в небольших пределах – от 13 до 21 района. Начиная с 1980-х гг. районирование, по существу, оставалось неизменным. На завершающем этапе существования СССР территориальная структура единого народнохозяйственного комплекса была представлена тремя уровнями, среди которых наибольшее значение имело макрорайонирование.

Первый уровень – макрорайонирование – составляли три макрореоны (европейская территория страны, включая Урал; Сибирь и Дальний Восток; Казахстан и Средняя Азия) и 19 крупных («госплановских») экономических районов. Последние либо объединяли группы областей, краев и автономных республик одной союзной республики (в РСФСР – Центральный, Северо-Западный, Северный, Волго-Вятский, Центрально-Черноземный, Поволжский, Северо-Кавказский, Уральский, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский, Дальневосточный; в УССР – Донецко-Приднепровский, Южный и Юго-Западный), либо группы союзных республик – Прибалтийский (Латвийская, Литовская и Эстонская ССР), Закавказский (Азербайджанская, Армянская и Грузинская ССР), Среднеазиатский (Узбекская, Туркменская, Киргизская и Таджикская ССР), либо совпадали с территорией союзной республики (Белорусский и Казахстанский районы). Молдавская ССР не входила в состав крупных экономических районов. Макрорайоны не имели единых органов управления, поэтому использовались как специальные плановые инструменты в процессе выработки общей экономической стратегии территориального развития производства [Гладкий, Чистобаев 1998]. Имелись еще два уровня экономического районирования, которые были связаны с внутрорегиональным зонированием территорий, не имевшим существенного значения для целей стратегического планирования и отраслевого управления.

Региональные власти несли ответственность только за местную промышленность (мелкие предприятия) и состояние сельского хозяйства в регионе (основу которого составляли коллективные хозяйства). Также в их ведении находились образование, сфера культуры и социальная сфера, но при этом общие принципы деятельности образовательных учреждений (и образовательные программы), культурных учреждений (музеев, театров, издательств) или медицинских центров определялись соответствующими министерствами в Москве с помощью специальных ведомственных инструкций и распоряжений. Такое положение дел стало предметом острых споров еще в 1920-е гг.

«31 октября 1925 г. ВЦИК под давлением ответственных работников ЦК, ВЦИК и Совнаркома утвердил Общее положение

о наркоматах РСФСР, которым был определен жесткий курс на централизацию: “Необъединенные народные комиссариаты РСФСР... непосредственно подчиняются ВЦИК, его Президиуму и Совету народных комиссаров Российской Федерации и осуществляют в своей деятельности их постановления и директивы”. Центральные исполнительные комитеты автономных республик, краевые и областные исполкомы получили право в исключительных случаях, под свою ответственность, приостанавливать распоряжения наркоматов Российской Федерации, предварительно сообщив об этом Президиуму ВЦИК. Таким образом, ВЦИК оставил центральным исполкомам автономных республик лишь декоративные функции. Отдельные наркоматы даже не считали нужным приглашать официальных представителей автономных республик и областей на свои заседания, когда решался тот или иной вопрос, касающийся данного субъекта Федерации» [Чеботарева 2008: 12].

Вся полнота политической власти принадлежала в СССР не органам законодательной и исполнительной власти, а центральному аппарату единственной правящей партии – партии коммунистов, которая еще в первые годы советской власти добилась того, чтобы политический плюрализм и политическая конкуренция не стали характерным явлением внутриполитической жизни. В Конституции СССР, принятой в 1936 г., было сказано, что СССР есть государство рабочих и крестьян, но в статье 126 раздела «Основные права и обязанности граждан» Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) провозглашалась представителем «руководящего ядра» всех общественных и государственных организаций трудящихся⁸. В 1977 г. была принята новая Конституция, где **статья 6** законодательно закрепляла руководящую и направляющую роль КПСС, являвшейся ядром политической системы СССР, а также было заявлено, что в СССР сформировалась новая историческая общность людей – советский народ и, следовательно, национальный вопрос окончательно и полностью решен⁹.

По форме Конституция СССР была достаточно демократичной, ибо предусматривала разделение властей, всеобщее и равное избирательное право, формирование законодательных органов власти путем прямого, тайного и всеобщего голосования на общесоюзных и региональных выборах. Высшей законодательной властью в стране объявлялся двухпалатный Верховный Совет СССР, а в переры-

⁸ Конституция СССР 1936 года [Электронный ресурс]. URL: <http://doc.histrf.ru/20/konstitu-tsiya-sssr-1936-goda/> (дата обращения 28.02.21).

⁹ Конституция СССР 1977 года [Электронный ресурс]. URL: <http://doc.histrf.ru/20/konstitu-tsiya-sssr-1977-goda/> (дата обращения 28.02.21).

вах между его сессиями – Президиум Верховного Совета СССР. Предусматривалось равенство палат Верховного Совета и его право создавать следственные и ревизионные комиссии для рассмотрения любого важного для жизни страны вопроса; закреплялась ответственность депутатов перед избирателями и право отзывать тех народных избранников, кто не оправдывал оказанное им доверие (что на практике никогда не реализовывалось). Правительство страны сохраняло свое название – Совет Народных Комиссаров СССР, но в 1946 г. оно было преобразовано в Совет Министров СССР. Правительство являлось высшим исполнительным органом, подотчетным Верховному Совету и его Президиуму.

Но в реальной политической практике демократические принципы не соблюдались. Вся полнота власти в стране реально принадлежала не органам законодательной, исполнительной и судебной власти, а партийному аппарату. Выборы в органы законодательной и исполнительной власти были безальтернативными, а кандидаты в депутаты (по каждому округу только один) подбирались и одобрялись местными партийными органами, причем подбор кандидатов осуществлялся с учетом их социальной принадлежности с тем, чтобы в составе депутатского корпуса преобладали рабочие и работники сельского хозяйства, вступившие в ряды партии коммунистов.

Уильям Райкер называет СССР «максималистской федерацией»: «Примером такой максималистской федерации служит Советский Союз, где все полномочия, согласно конституции, делегировались наверх снизу, как и в Соединенных Штатах, но одновременно гарантии самостоятельности субъектов Федерации остаются сугубо номинальными – за исключением, по-видимому, культурной жизни языковых и этнических меньшинств, послуживших основой союзных республик. Если бы союзные республики обладали неограниченными полномочиями в культурной сфере и могли, действуя в этой сфере, вовсе не обращать внимания на власти федерации, то СССР стал бы образчиком тотально организованного федерализма. Если бы, напротив, союзные республики были лишены свободы самоопределения даже в единственной области, то тогда мы имели бы дело с империей, не отличающейся от предшествующей царской империи» [Райкер 2018: 128].

Вся хозяйственная жизнь страны также определялась партийными органами: здесь принимали решение о назначении министров и хозяйственных руководителей крупных предприятий, в Центральном Комитете партии обсуждали планы социально-экономического развития страны, а утверждали их на съездах партии, равно как здесь же заслушивали отчеты о выполнении планов советских пятилеток. Постепенно вся полнота власти сосредоточилась в ЦК ВКП(б) (за-

тем – ЦК КПСС), а местные партийные органы стали лишь трансляторами решений высшего партийного руководства. Тем не менее в союзных республиках были созданы собственные компартии, имевшие определенную административную автономию, и в рамках которых имелась возможность формирования некой региональной оппозиции центральным партийным органам, что и произошло в эпоху перестройки 1980-х гг.

Важнейшую роль в последующем распаде СССР сыграл процесс формирования региональных этнополитических элит, которые складывались в рамках существующей политической и партийной системы и местных культурных элит, ориентированных на локальные культурные ценности и пропаганду культурной отличительности местных сообществ.

В национальных республиках и автономиях вводилось образование на региональных языках, поощрялись книгоиздание на языках меньшинств и творчество национальных писателей, создавались национальные спектакли и музыкальные произведения, что способствовало поддержанию и укреплению культурных границ и символически выделяло союзные и автономные республики из общего политического пространства, что впоследствии и стало основой для формирования националистических движений (в которых заметную роль играли местные коммунисты) и процесса суверенизации. Кроме того, играла роль и историческая память, поскольку многие жители союзных республик хорошо помнили, что после распада Российской империи они имели собственную государственность.

Глубокий кризис советской системы, который особенно очевидно проявился в 1990-е гг., только стимулировал рост националистических настроений и поиск выхода из кризиса путем суверенизации и выхода из состава единого государства. Этому способствовали и политические условия, ибо с приходом к власти М. Горбачева тоталитарная политическая система либерализировалась и появились политические свободы. Наибольшую активность проявили политические и культурные элиты республик Прибалтики. В апреле 1988 г. был создан Народный фронт в поддержку перестройки в Эстонии, в июне – Литовское движение в поддержку перестройки (позднее названное Саюдис), в октябре – Народный фронт Латвии, основную силу которых составила местная творческая интеллигенция. Уже осенью этого года в Эстонии стали раздаваться призывы к восстановлению независимости, а в начале 1989 г. лидеры Саюдиса также заявили, что их главной целью является восстановление независимой Литовской республики. По типу Прибалтийских фронтов стали возникать подобные же политические организации и в других республиках, которые были не столь радикальны и не пользовались

такой поддержкой населения, как в Прибалтике. Поэтому во многих союзных республиках дело борьбы за независимость возглавили прежние коммунистические лидеры (наиболее типичные примеры – Украина, Казахстан). Это было весьма показательно, поскольку свидетельствовало о том, *что советская национальная политика и советская форма этнического федерализма на деле способствовали не формированию единой советской гражданской нации, укреплению гражданской солидарности в советском обществе, а эрозии политического единства, которая воочию проявила себя в условиях нарастания кризисных явлений в экономике и социальной сфере и привела к росту националистических настроений в конце XX в.* Однако ресурсы республик были ограничены, и решающую роль в националистической мобилизации играла позиция политических лидеров РСФСР, от которой в конечном счете и зависел успех националистических движений в республиках.

Руководство РСФСР вступило в противостояние с союзными лидерами и поддержало многие лозунги народных фронтов, что еще более ослабляло влияние политических институтов СССР. Активная деятельность народных фронтов ослабила политические позиции местных компартий, а националистические силы, наоборот, приобрели большой политический вес, но решающую роль в успехе политического самоопределения (восстановлении независимости) сыграло объединение национал-коммунистов и националистов. Путч, организованный в августе 1991 г. противниками Горбачева, спровоцировал распад СССР, который официально прекратил свое существование в декабре 1991 г. [Чешко 2000; Suny 1993 и др.]. Некоторые исследователи полагают, что распад СССР был неизбежен в силу неэффективности его экономической и политической системы [Коткин 2018], другие, имея перед глазами пример успешных китайских реформ, более осторожны в своих оценках.

Глава 3

Постсоветский регионализм: эволюция принципов федерализма и политическая централизация

Решающим политическим условием, стимулировавшим распад СССР, стал процесс суверенизации (1988–1991) и формирование националистических движений в союзных республиках. Но важнейшее политическое значение имело принятие декларации о суверенитете РСФСР – крупнейшей республики Советского Союза с наиболее мощным промышленным потенциалом, огромной территорией и значительным населением. Эта декларация была принята 12 июня 1990 г., когда и начался открытый конфликт между федеральным центром во главе с первым и последним Президентом СССР М. Горбачевым и руководством РСФСР. Менее острую форму имел конфликт между федеральным центром и автономными республиками и округами, поскольку союзное руководство намеревалось заключить с союзными и автономными республиками новый Союзный Договор (первый был заключен в 1922 г.) и тем самым формально уравнивать их статус и права, что было особенно важно для объявивших себя «суверенными» автономных республик и округов, а точнее – для их политических и этнических элит.

Но пять союзных республик отказались подписывать этот договор (Литва, Латвия, Эстония, Грузия, Армения), заявляя о своем стремлении восстановить независимость. Процессы суверенизации нарастали и в автономных республиках РСФСР. Стимулировала названные процессы очевидная активизация националистических сил. В конце 1980-х гг. во многих республиках и автономиях возникли национальные фронты и этнонациональные движения, выступавшие с позиций национализма, причем национализма не гражданского, а этнического. Активизации националистических сил и усилению их политического влияния способствовала позиция политических лидеров РСФСР, которые поддерживали союзные республики в их борьбе с федеральным центром и, кроме того, на начальном этапе своей деятельности они предоставили своеобразный карт-бланш региональным элитам в российских регионах, поощряя их политические притязания, касающиеся расширения полномочий региональных властей. Хорошо известно высказывание первого Пре-

зидента РФ, а тогда еще Председателя Верховного Совета РСФСР (парламента) Б. Ельцина, которое он сделал 6 августа 1990 г. в Казани: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить»¹⁰. Через несколько дней он повторил это же высказывание в столице Башкортостана Уфе. В результате начался так называемый парад суверенитетов, когда парламенты 18 из 20 существовавших тогда автономных республик РСФСР приняли Декларации о суверенитете своих национально-государственных образований, в которых объявляли о приоритете республиканских законодательных норм над федеральными законами (при этом население республик в принятии этих важнейших документов, за редкими исключениями, не участвовало). Автономные республики РФ, провозглашая вслед за союзными свой суверенитет, в 1990–1991 гг., последовательно убирали название «автономная» из своих официальных наименований (оставаясь на деле все-таки, конечно, автономными), что в условиях провозглашенного суверенитета РФ девальвировало саму идею государственного суверенитета (получалась странная конструкция суверенитета на суверенитете). Еще одним мощным стимулом для усиления процессов регионализации в России стал путч, состоявшийся в августе 1991 г., когда группа партийных функционеров попыталась отстранить М. Горбачева от власти. Путч провалился в первую очередь благодаря твердой позиции руководства РСФСР и массовой поддержке Б. Ельцина и его окружения со стороны москвичей и демократически настроенной общественности в российских регионах. Однако путч спровоцировал принятие деклараций о независимости союзными республиками, причем даже теми, у которых не было сильного стремления к созданию независимого государства (правда, Литва и Грузия к тому времени уже объявили о своей независимости, декларация о государственном суверенитете Эстонской ССР, которая не предполагала немедленного выхода из состава СССР, была принята еще раньше – осенью 1988 г., а 20 августа 1991 г. Эстония подтвердила свою независимость). В декабре 1991 г. в Беловежской Пуще (Белоруссия) лидеры России, Украины и Белоруссии приняли решение о том, что СССР как государство более не существует, с чем был вынужден согласиться и Президент СССР М. Горбачев. Бесконфликтному распаду СССР способствовал тот факт, что «в начале перестройки у демократически ориентированной интеллигенции Центра довольно широко утвердилось мнение о праве народа выбрать свой путь. Лозунг “За Вашу и нашу свободу» был

¹⁰ Мороз О.П. Ельцин против Горбачева, Горбачев против Ельцина [Электронный ресурс]. URL: <https://history.wikireading.ru/322828> (дата обращения 28.02.21).

мерилом глубины либеральных убеждений» [Дробижева 1996: 51]. При этом именно политики либерального толка определяли вектор политического развития в России в 1990-х гг.

3.1. Политический регионализм

Распад СССР и процессы суверенизации привели к значительному усилению политического влияния региональных лидеров и региональных элит, особенно в российских республиках. В свою очередь политическое влияние федерального центра существенно ослабло.

Главной особенностью периода, наступившего после декабря 1991 г., является постоянный торг между федеральным центром и региональными лидерами по поводу распределения полномочий. Этот вопрос стал первоочередным в политической повестке российского руководства, и не случайно уже 31 марта 1992 г. между регионами и федеральным центром был заключен Федеративный договор, в котором определялись полномочия органов власти Российской Федерации и субъектов, входящих в ее состав.

Однако показательно, что документ подписали все главы субъектов Федерации, за исключением Чечни и Татарстана, сама процедура подписания демонстрировала политическое неравенство подписантов. Федеративный договор не был единым, общим для всех субъектов документом. Он делился фактически на три договора, каждый из которых подписывался отдельно: 1) Договор «О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти РФ и органами власти суверенных республик в составе РФ»; 2) Договор «О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти РФ и органами власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга РФ»; 3) Договор «О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти РФ и органами власти автономной области, автономных округов в составе РФ».

Каждый из вышеназванных договоров содержит развернутое определение предметов ведения федеральных органов государственной власти, а также находящихся в совместном ведении органов государственной власти РФ и субъектов РФ предметов ведения. Федеральный договор устанавливает, что все иные вопросы относятся к исключительному ведению субъектов РФ. В политическом

и юридическом смысле Федеральный договор не был ни учредительным договором, ни договором о преобразовании в федерацию государства с иным государственно-территориальным устройством, поскольку к моменту его заключения РФ уже сложилась как суверенное федеративное государство. Политический смысл договора состоял в регламентации властных отношений между федеральным центром и регионами. В юридическом смысле договор распространял федеративные отношения на все регионы-подписанты, которые становились самостоятельными субъектами этих отношений, что означало: федерация становилась «полной» [Субъект Российской Федерации 1998].

Договор очевидно носил компромиссный характер и с его помощью федеральный центр пытался сохранить единство страны и урегулировать отношения с субъектами и региональными политическими элитами. Однако в политических кругах РФ (как в Центре, так и на местах) отношение к Федеративному договору не было однозначным и оценки его значения до сих пор разнятся. Дело в том, что документ узаконил асимметричный характер российского федерализма и оставил нерешенными такие важные вопросы, как сущность и основные принципы федеративных отношений в РФ, механизмы взаимодействия уровней власти, четкое определение полномочий в области предметов совместного ведения.

Наиболее острая борьба развернулась по поводу принятия новой Конституции РФ. Понимая, что федеральный центр утрачивает власть, российское руководство постаралось скорректировать текст конституции таким образом, чтобы максимально ограничить возможности для роста регионального сепаратизма. В отличие от всех конституций советского периода, в новой Конституции Российской Федерации нет раздела «Национально-государственное устройство», как нет и градации субъектов Федерации на национально-государственные, административно-территориальные и национально-территориальные. При этом принципиально важным стало признание равноправия всех субъектов Федерации. Конституция не предусматривает за субъектами Федерации ни права, ни процедуры их выхода из состава Федерации. Не включили в текст Основного закона и положение, на котором настаивали руководители республик: «республика – суверенное государство в составе Российской Федерации». Многие политики и эксперты вообще заявляли о том, что доставшееся новой России деление территории страны по этническому признаку пора отвергнуть и следует разделить страну на определенное количество федеральных земель, сформированных по территориальному, а не по этническому признаку [Дробижева и др. 1996: 52–56].

Согласно Конституции, Федерация состояла из 89 субъектов: 21 республика, шести краев, 49 областей, одной автономной области, 10 автономных округов, двух городов федерального значения. Интересы регионов в федеральном центре представлены в верхней палате российского парламента – Совете Федерации. В 2000-х гг. ряд автономных округов (Коми-Пермяцкий, Таймырский, Эвенкийский, Бурятский, Усть-Ордынский Бурятский, Корякский) в результате местных референдумов вошли в состав более крупных субъектов, а в 2014 г. в состав РФ были включены, по итогам мартовского референдума 2014 г., Республика Крым и г. Севастополь как самостоятельные субъекты, и общее число их составило 85.

Отказаться от унаследованного от СССР этнического федерализма не удалось, а потому административно-территориальное деление страны не претерпело никаких изменений и было закреплено в Конституции. Более того, конституционно ограничив возможности самоопределения для регионов, и особенно республик, ослабленный федеральный центр был вынужден пойти на уступки регионам. В условиях болезненного перехода от советской модели государственного устройства и хозяйственной жизни к рыночной экономике, политическому плюрализму и демократии (в ее российской версии), связи между федеральным центром и регионами еще не приобрели устойчивого и строго оформленного характера. Это позволило наиболее развитым регионам или приостанавливать налоговые платежи в федеральный бюджет, задерживать их или ограничивать объем перечисляемых средств, вступать в политическую конфронтацию с федеральными властями, искать собственные модели региональной политической организации. Особенно очевидно проявились названные явления в первой половине 1990-х гг. Формой согласования интересов федерального центра и регионов в 1994–1996 гг. стали договора о разграничении полномочий между федеральным центром и регионами. Хотя правоведы полагают, что названные договора «могут лишь конкретизировать установленные Конституцией Российской Федерации предметы ведения, содержание которых раскрывается соответствующими федеральными законами» [Тихомирова 2010: 114], на деле они имели не только важное политическое значение, подтверждая особый статус тех или иных субъектов, но и давали существенные экономические преференции отдельным регионам. Договоры были заключены не со всеми субъектами Федерации, а только с наиболее развитыми в экономическом отношении областями и краями и рядом наиболее крупных и влиятельных российских республик, причем на этом фоне очевидно выделялся договор с Татарстаном, который смог выторговать себе самый широкий круг полномочий и наиболее льготный налоговый режим.

Так, в частности, договор от 15 февраля 1994 г. Российской Федерации и Республики Татарстан о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан предусматривал, что последние «осуществляют правовое регулирование административных, семейных, жилищных отношений, отношений в области охраны окружающей среды и природопользования; осуществляют помилование лиц, осужденных судами Республики Татарстан; решают вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными, лесными и другими природными ресурсами, а также государственными предприятиями, организациями, другим движимым и недвижимым государственным имуществом, расположенными на территории Республики Татарстан, являющимися исключительным достоянием и собственностью народа Татарстана, за исключением объектов федеральной собственности. Разграничение государственной собственности регулируется отдельным соглашением; устанавливают систему государственных органов Республики Татарстан, порядок их организации и деятельности; решают вопросы республиканского гражданства»¹¹. **Само упоминание в договоре «республиканского гражданства» означало политическое признание особого статуса Татарстана**, а остальные положения договора де-факто признавали, что **Татарстан есть ассоциированное с РФ государство**, что явно не согласовывалось с положениями Федерального Основного закона.

Стоит, однако, заметить, что аналогичные договора с другими субъектами РФ не носили такого радикального характера, а их заключение было, скорее, актом политического признания роли региональной политической элиты, нежели особого статуса субъекта.

Однако в федеральные законы были внесены нормы, которые в наибольшей степени отвечали интересам регионов и региональных элит. Так, в бюджетном кодексе было предусмотрено, что все налоговые поступления, собираемые на территории субъекта Федерации, будут распределяться между регионом и федеральным центром в пропорции 50:50. В закон о недрах и недропользовании был включен принцип «двух ключей», означавший, что лицензию на добычу полезных ископаемых в том или ином регионе РФ можно получить лишь с согласия федеральных и местных властей. Для властей ресур-

¹¹ Договор Российской Федерации и Республики Татарстан «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9008842> (дата обращения 29.02.21).

содобывающих регионов (особенно нефтегазовых) принцип «двух ключей» служил удобной формой поборов с добывающих компаний, причем поборов не в интересах местного бюджета, а в интересах чиновничества. В результате названных политических коллизий и принятых решений Российская Федерация превратилась в неустойчивую договорную Федерацию, где позиции федерального центра были весьма уязвимыми. Практически в середине 1990-х гг. политический регионализм местных элит одержал верх в политическом противостоянии с федеральным центром.

Мониторинг этнонационализма в России показал, что наибольшее развитие в 1990-е гг. получили риторика суверенизации/сепаратизма и конституционные разногласия между Федерацией и ее субъектами. Заметно меньше была выражена готовность к выходу из состава Федерации, и еще не очень очевидно проявляло себя противостояние в экономической сфере, хотя практика тихой приватизации наиболее перспективной собственности имела место повсеместно. Проблемы конституционных разногласий между Федерацией и ее субъектами были связаны не только с трудностями раздела бывшей общесоюзной собственности, распределения власти, но и с несовершенством механизма выработки законов. Россия и ее регионы в исследуемый периодполнили свою юридическую базу тысячами новых актов, однако многие из них неоднократно подвергались изменениям и дополнениям. Вместе с тем риторика стремления к независимости и ее законодательное оформление редко выражались в крайних формах. К примеру, трудно решались вопросы, связанные с разделением прав на ресурсы, распоряжением природными богатствами регионов. При этом республики – субъекты Федерации – обычно шли в этом вопросе на жесткую конфронтацию с центром, но конфронтация не перерастала в «войну интересов». Аналогичная ситуация наблюдалась и в сфере законодательных разногласий. Лишь Чеченская Республика заявила о выходе из Федерации, а Татарстан готов был идти в вопросах независимости на компромиссы. Опять же, за исключением Чечни, в других субъектах Федерации не происходило реорганизации системы власти, которая явно противоречила российским нормам. Например, если Башкортостан и Ингушетия настаивали на введение собственной судебной системы, это не означало, что она основывалась бы на законах шариата¹².

Прямое или косвенное признание федеральной властью региональных элит как равных партнеров в решении внутривнутриполитических проблем и организации социально-экономического и политического

¹² Тишков В.А. Новая историческая культура [Электронный ресурс]. URL: <http://uchebana5.ru/cont/1018427-p6.html> (дата обращения 29.02.21).

развития регионов стимулировало не только рост политических амбиций региональных лидеров, но и способствовало формированию особого политического **институционального дизайна** в субъектах РФ, хотя речь не шла о радикальных отличиях от общих моделей организации региональных политических институтов.

Прежде всего, это касалось институтов исполнительной и законодательной власти. В республиках в 1990-е и начале 2000-х гг. были приняты свои конституции (которые могли именоваться с учетом местной специфики, например, Степное Уложение – в Калмыкии). В областях, краях и округах приняты Уставы, определившие структуру органов власти в регионах. Во многих республиках были введены посты президентов с широким кругом полномочий. В других – высшим должностным лицом был глава администрации региона.

Законодательная власть была представлена региональными парламентами, которые не только получили разные названия (Государственный Совет, Государственное Собрание, Законодательное Собрание, Курултай, Народный Хурал и т. д. – в республиках; Областная дума, Областное законодательное собрание – в областях, краях), но различались и по многим другим параметрам. И численный состав, и принципы формирования депутатского корпуса, и структура законодательных органов в разных регионах были различными. Естественно, что в условиях России, где субъекты Федерации отличаются друг от друга по численности населения и территории, единая норма представительства, установленная на основе численности избирателей в округах, вряд ли адекватно отражает местную специфику. **Важно и желательно, чтобы депутат парламента представлял не статистическую группу населения, а некое территориальное или культурное сообщество, а в регионах с обширной площадью таких сообществ может быть много, хотя их численность в силу специфики исторического развития не всегда значительна, а порой и весьма мала.** Но, конечно, существенные различия в численности жителей/избирателей были главной причиной того, что численный состав депутатского корпуса в местных парламентах заметно различается. Так, в Государственный Совет Татарстана избирается 130 депутатов, а Верховный Хурал Тывы – 32, что вполне соотносится с различиями в численности жителей данных двух субъектов. Большинство региональных парламентов однопалатные, но в некоторых регионах парламент состоял из двух палат (Республика Башкортостан, Карелия, Свердловская область) [Автономов и др. 2000]. Однако с 2002 г. в Карелии Законодательное Собрание становится однопалатным, Курултай Республики Башкортостан перешел на однопалатную структуру в 2003 г., а Дума Свердловской области после принятия

нового областного Устава с 2001 г. формируется как однопалатный региональный парламент.

Очевидно, что двухпалатная структура копировала структуру федерального парламента, но такая структура в регионах лишь осложняла процесс законотворчества. Во многих парламентах только часть депутатов работает на постоянной основе, и это главным образом руководство законодательного органа и председатели парламентских комитетов/комиссий. Однако в Москве, Санкт-Петербурге и Корякском автономном округе все депутаты работали на постоянной основе.

К числу основных функций региональных парламентов относилось принятие законов и законодательных актов и контроль за их исполнением, установление системы органов государственной власти в регионе, утверждение по представлению главы исполнительной власти структуры органов исполнительной власти, назначение местных выборов, утверждение регионального бюджета и отчета о его исполнении.

В ряде субъектов местное законодательство предусматривало право высшего должностного лица досрочно распускать парламент.

Во многих субъектах в первые постсоветские годы характерной чертой местной политической жизни были острые конфликты между исполнительной и законодательной ветвями власти (на федеральном уровне самый острый конфликт имел место в 1993 г., который закончился пресловутым «расстрелом Белого Дома» и роспуском парламента). Но довольно скоро региональные политические лидеры смогли обуздать «парламентскую фронду», поскольку в состав депутатского корпуса стало избираться все больше чиновников и бизнесменов, интересы которых были близки к интересам глав исполнительной власти того или иного региона. Дополнительным политическим инструментом в процессе усиления политических позиций региональной исполнительной власти стало формирование региональных политических объединений, которые становились политической опорой для главы/президента республики, области, края («Преображение Урала» в Свердловской области, «За возрождение Урала» – в Челябинской, «Медведь» – в Кемеровской и т. д.).

В результате во многих регионах сформировались так называемые карманные парламенты, обслуживающие интересы исполнительной власти и не несшие ответственности перед избирателями. Такая ситуация еще более укрепляла позиции региональных политических элит и порождала у региональных лидеров неоправданные политические амбиции.

После формирования «договорной федерации», завершившейся ко второй половине 1990-х гг., стало очевидно, что дальнейшее

ослабление позиций федерального центра опасно. Особую роль здесь сыграли события первой чеченской войны и заключение 12 мая 1997 г. договора о мире и принципах взаимоотношений между Чеченской Республикой и Российской Федерацией. Данный договор не только остановил боевые действия на территории Чеченской Республики, но и фактически означал политическое поражение федерального центра в его противостоянии с регионами.

Центр понимал уязвимость своих политических позиций, становилось ясно, что дальнейшее их ослабление может привести к неконтролируемым процессам дезинтеграции страны. В связи с этим для сохранения единства страны и преодоления нарастающих сепаратистских настроений необходимо было найти механизмы, с помощью которых политический эгоизм местных элит удастся обуздать.

Еще «в начале 1990-х гг. региональные руководители, опиравшиеся на наследие советского периода в виде традиций строго централизованной власти и системы замкнутых на регионального “патрона” региональных сетевых связей, в ответ на идущий “снизу” “социальный запрос” создали режим социальной опеки для населения регионов, одновременно благоприятный для узкого слоя политической и бизнес-элиты, связанной с ними клиентско-клановыми связями. Еще одной важной причиной складывания региональных клиентелл был пришедшийся на 1996–1999 гг. расцвет «губернаторской России», ставший следствием слабости федеральной власти. В этот период главы регионов сосредоточили в своих руках большой объем формальной компетенции и реальной власти, узурпировав многие прерогативы и ресурсы Федерации, а также региональных парламентов и местного самоуправления» [Бирюков 2012: 34]. Не случайно и в публицистике, и в ряде научных публикаций губернаторов того периода нередко называли «региональными баронами». Но и в 2000-е гг. губернаторы и исполнительная власть в целом стремились не просто заручиться поддержкой местных парламентов, но всеми способами формировали прогубернаторское лобби, причем часто эти способы нельзя было назвать легитимными. Реализация таких сценариев ставила большинство региональных представительных институтов в зависимое положение от исполнительной власти.

Первым правовым инструментом, регулирующим региональное политическое поле и способствовавшим усилению позиций федерального центра, явился закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», принятый в сентябре 1999 г. Согласно этому Федеральному закону, решение о досрочном роспуске региональных парламентов более не могли при-

нимать высшие должностные лица субъектов, ибо это право становилось прерогативой лишь Президента РФ. Это объективно расширяло контрольные функции региональных парламентов, которые де-юре и так были достаточно широки. Так, в отличие от федерального парламента, региональные принимают конституции и уставы регионов (федеральный парламент таким правом не обладает), имеют право толковать конституционные нормы (что также не входит в сферу компетенций федерального парламента), в ряде регионов местные парламенты дают согласие на назначение и освобождение региональных правительств и принимают решение о проведении местных референдумов, а также они имеют возможность отменять акты и распоряжения глав исполнительной власти региона (не во всех субъектах). Регионы сами устанавливают численный состав депутатского корпуса а также определяют количество избирателей в округах, но федеральный закон устанавливает верхнюю планку численности депутатского корпуса и оговаривает, что численность избирателей в округах не должна различаться более чем на 15%.

Значимым символическим и политическим актом обуздания чрезмерных регионалистских притязаний стали итоги второй чеченской кампании (войны 1999–2000 гг.), в ходе которой российским вооруженным силам удалось разгромить сепаратистов и установить конституционный порядок в Чечне. Особое значение эта победа имела еще и потому, что вторую войну спровоцировали откровенно деструктивные действия властей Чеченской Республики, осуществивших в 1999 г. вооруженное нападение на другой субъект Федерации – Дагестан. Тем самым у федерального центра появилось моральное оправдание для запуска процесса, направленного на ограничение политического ресурса субъектов Федерации. Важным шагом в этом направлении стало формирование федеральных округов, руководство которых становилось политическим посредником между федеральным центром и регионами, с одной стороны, а с другой – своеобразным контролером действий региональных властей. Округа были созданы Указом Президента РФ от 13 мая 2000 г. Практическая реализация данного документа означала, что начинается очередной этап реформирования федеративных отношений.

Согласно Указу, в стране формировались семь округов, представлявших собой политическое объединение 10–15 субъектов (разного уровня), территориально тяготеющих друг к другу, что, несомненно, было свидетельством усиления унитаристских тенденций и централизации политической власти в стране. Функции полномочных представителей президента в федеральных округах состояли в том, чтобы выстроить эффективно работающую вертикаль власти, когда принимаемые в центре решения не просто транслиру-

ются от вышестоящих политических инстанций к нижестоящим, а становятся руководством к действию, безусловно исполняются на местах.

После того, как исполнительной власти в регионах удалось подчинить своим интересам органы законодательной власти, во многих субъектах сложились некие «политические корпорации». Суть этих неформальных политических союзов состояла в том, что местные органы исполнительной и законодательной власти действовали заодно, но часто не в интересах развития регионов, а в интересах местных политических лидеров и региональных бизнес-элит. Более того, в такие корпоративные отношения включились и федеральные службы, действовавшие в субъектах, поскольку они начали обслуживать интересы региональных правящих элит. К концу 1990-х – началу 2000-х гг. региональные политические элиты, казалось, обрели такое влияние, что никакие усилия федерального центра не могли его подорвать. Эта ситуация нашла отражение в позициях ряда экспертов, занимавшихся изучением российской элиты и, в частности, региональных политических элит. К примеру, московские исследовательницы Н. Лапина и А. Чирикова утверждали: «Прогноз политических событий, связанных с попыткой лишить региональных лидеров их прежнего влияния, неоднозначен... Даже в случае компромиссного варианта развития событий драматические коллизии и скрытые конфликты в дальнейшем будут неизбежны. Региональные лидеры будут искать и найдут способы защитить себя от попыток Центра взять всю полноту власти на себя, как в рамках правового поля, так и за его пределами. Думается, что их знание регионов, поддержка населения и местных элит помогут им сделать это» [Лапина, Чирикова 2002: 39].

Принятие Указа о создании федеральных округов стало попыткой оторвать региональные отделения федеральных структур от местной исполнительной власти, существенно усилить влияние Президента РФ в регионах. Политическое влияние федерального центра должен был усилить и новый Федеральный закон, который был принят 19 июля 2000 г. «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Закон предусматривал: 1) ответственность органов государственной власти субъектов Федерации за нарушения Конституции РФ и федеральных законов; 2) возможность роспуска законодательного органа субъекта Президентом РФ; 3) отрешение от должности главы исполнительной власти региона в случае, если последний издает нормативный правовой акт, противоречащий федеральному законодательству; 4) временное

отстранение главы исполнительной власти региона на основании мотивированного представления Генерального прокурора РФ.

Далее федеральные органы власти потребовали от региональных парламентов привести региональные конституции и законы в соответствие с федеральным законодательством, что потребовало весьма значительной ревизии местных законов, поскольку масштаб несоответствий между федеральным законодательством и региональными законами оказался весьма значительным (эти несоответствия так полностью и не были устранены).

Также был изменен порядок формирования Совета Федерации и введено так называемое «президентское сито» при выдвижении кандидатур на пост губернаторов перед региональными выборами.

В сентябре 2004 г. Президент РФ В. Путин выступил с инициативой изменения порядка наделения полномочиями высших должностных лиц субъектов Федерации, предложив утверждать их в должности решениями законодательных органов по предложению президента и объяснил эту инициативу необходимостью политических изменений, которые диктовались выводами из трагедии, произошедшей в Беслане, где боевики захватили школу вместе с учащимися и учителями и удерживали их на протяжении нескольких дней. Такая ситуация стала возможна из-за преступного бездействия и неэффективности региональных институтов власти и халатности правоохранительных органов.

Законопроект об отмене прямых губернаторских выборов был принят в декабре 2004 г. В апреле 2012 г., по инициативе нового Президента России Дмитрия Медведева, был принят федеральный закон, предусматривающий возвращение прямых выборов глав регионов. Весной 2013 г., когда пост Президента вновь занял В. Путин, в закон были внесены поправки, дающие субъектам Федерации право заменить всенародные выборы своих глав голосованием в парламенте по нескольким кандидатурам. При этом прямо говорилось, что принятие таких поправок вызвано решением Кремля не допустить прямых выборов в шести республиках Северного Кавказа (Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия, Чечня).

В 2013 г. от прямых выборов главы добровольно отказались четыре республики Северного Кавказа: Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия и Карачаево-Черкесия. В двух из них, Дагестане и Ингушетии, региональные парламенты уже 8 сентября 2013 г. избрали руководителей республик на следующие пять лет. В Северной Осетии подобным образом главу избрали 13 сентября 2015 г., а в Карачаево-Черкесии выборы главы через Народное Собрание прошли 18 сентября 2016 г. В последующие годы от прямых выборов главы

отказались также Кабардино-Балкария и Адыгея, а единственной республикой Северного Кавказа, где сохраняются прямые выборы главы, осталась Чечня.

Стоит заметить, что в 1990-е гг. федеральная власть не имела прочной политической опоры, ибо ей не удавалось создать пользующуюся доверием значительной части населения пропрезидентскую парламентскую партию. Первоначально в такой роли выступали партии «Выбор России» (Демократический выбор России), «Наш дом – Россия», но их политическое влияние было ограниченным. Лишь с созданием партии «Единая Россия», которое произошло 1 декабря 2001 г. в результате слияния объединения «Единство» и избирательных блоков «Отечество – Вся Россия» и «Наш дом – Россия» [Иванов 2008], у федеральных властей появилась прочная политическая опора. Достаточно быстро новой партией, которую россияне рассматривали как «партию президента», удалось завоевать в парламенте прочное политическое большинство. На протяжении 2000-х гг. практически все высшие чиновники в регионах стали членами названной партии.

С усилением политических позиций федерального центра стало возможным заморозить действие статьи бюджетного кодекса, предполагавшей равное распределение налоговых поступлений между федеральным центром и регионами. Теперь Центр сам определял параметры налоговых отчислений в бюджеты разных уровней. Был отменен также и принцип «двух ключей» – лицензии на добычу полезных ископаемых могли выдавать только федеральные органы. Договора о разграничении полномочий больше не заключались, а по истечении срока их действия продление договоров не происходило. Изменился порядок выборов лидеров республик, и решающее слово в выдвижении кандидатов на высший региональный пост теперь принадлежало Президенту РФ. Одна за другой все республики отменили принятые в 1990–1991 гг. декларации о суверенитете и к середине второго десятилетия XXI в. политический регионализм местных элит был окончательно сломлен, за исключением Чечни, сохранявшей очень специфический региональный порядок консервативно-авторитарного типа. Но в последнем случае для федерального центра принципиальное значение имел тот факт, что руководство республики обеспечивало социальную стабильность на своей территории, активно боролось с сепаратизмом и экстремизмом и постоянно подчеркивало и публично демонстрировало свою абсолютную лояльность федеральному центру. Очевидный политический регионализм долгое время удалось отстаивать и Татарстану, где сложился свой тип регионального политического режима.

3.2. Этнополитический и этнокультурный регионализм

На рубеже 1980–1990-х гг. этничность из сугубо культурного явления превращается в СССР в мощный политический ресурс, который используется не столько для трансляции культурных традиций и поддержания культурной отличительности групп, сколько для формирования этнонациональных движений и этнополитической мобилизации населения и формирования специфических региональных режимов, региональных политических институтов и региональных националистических идеологий, взятых на вооружение местными элитами для целей самосохранения или сецессии. Ярким примером позднесоветской и постсоветской этнополитической доктрины является «прибалтийская политическая реконкиста», в которую превратился процесс нациестроительства в странах Балтии после распада СССР.

Процесс постсоветского нациестроительства в этих странах приобрел откровенно мифологизированный характер, что было в чем-то оправданным, ибо для формирования нации был необходим объединительный миф. Поскольку гражданские нации в странах Балтии к моменту утраты независимости так и не были окончательно сформированы (о чем свидетельствовал факт бесконфликтного и демонстративного отказа от независимости и выражение лояльности советской власти со стороны парламентов этих стран в 1940 г.), постольку гражданские идеалы здесь успешно были замещены государственной этничностью. В результате в сознании населения, благодаря советской политике сохранения культурных границ между основными этническими группами, утвердилась этноцентричная и иерархичная модель республиканских сообществ, на основе которой развивался процесс нациестроительства в постсоветскую эпоху. В силу вышеназванных причин этот процесс не мог опираться на республиканские идеалы свободы, равенства и братства, идеи гражданской солидарности. *Советская этнополитика стала фундаментом, на котором строились концепты литовской, латышской и эстонской этнонаций.* Используя советские идеи «коренизации» и этнической иерархии, основой наций во всех трех странах были объявлены титульные этнические группы (чаще всего это не было закреплено доктринально, но озвучивалось в заявлениях высших должностных лиц стран Балтии), а способом интеграции наций – усвоение и безоговорочное признание меньшинствами культурных ценностей доминирующих групп. Поэтому вполне логично, что балтийская политическая и историческая мифология была ориенти-

рована не столько на интеграцию общества, сколько на обоснование идеи политической/культурной иерархии и этнической сепарации.

Первый и самый важный политический миф, взятый на вооружение политиками трех стран, – это **миф о реституции**. Он не является объединительным, его смысл заключается в обосновании этнической сепарации и строительства на территории стран Балтии не гражданских наций, а разделенных обществ. Идея реституции сводится к тому, что на рубеже 1980–1990-х гг. Литва, Латвия и Эстония восстановили не просто государственную независимость, но «восстановили государства», существовавшие на их территории до 1940 г., *хотя очевидно, что и территории, и экономика, и население, и культурный облик всех стран Балтии стал принципиально иным*. Для консолидации этнического большинства балтийских стран и принятия ими мифа о реституции важную роль сыграл другой политический миф – **миф коллективной жертвы**, в качестве которой предстают исключительно литовцы, латыши и эстонцы, несмотря на то что в процессе советизации Прибалтики были уничтожены культурные институты меньшинств и сама их культура, что жертвами репрессий были русские, евреи и представители других этнических групп. *Политики, конструировавшие концепцию коллективной жертвы, исходили из того, что жертва имеет «право» на политический реванш, на компенсацию за те унижения, которые она вынуждена была терпеть* [Этническая политика 2013]. Очевидно, что этноцентричная модель общества, которую разрабатывали балтийские политики и идеологи, ориентирована не на гражданское сознание, а на трайбализм. *Для изгнания зла из «обновленных» балтийских сообществ, как во многих традиционных обществах, местным этническим элитам были необходимы очистительные жертвы*. Поскольку «наказать» советский режим было невозможно, постольку *в качестве заместительной жертвы стало рассматриваться русское население стран Балтии*. Это население идеологи этнонационализма назначили ответчиком за страдания эстонцев, литовцев и латышей. Через акт жертвоприношения, суть которого заключалась в ущемлении политических и культурных прав русских и символическом исключении их из состава наций, восстанавливалась справедливость для тех, кого называли «основой балтийских наций». Для оправдания и легитимации балтийского трайбализма был создан третий, основополагающий, миф – **миф о коллективной вине за «советскую оккупацию»**, *которая лежит на русском/рускоязычном населении Прибалтики*. Названную культурную группу стали маркировать как «пятую колонну» и носителя имперского сознания, как проводника интересов России, которая, якобы, не утратила своих имперских амбиций и является прямой угрозой для независимых стран Балтии.

Политическая мифология была нужна местным политикам, представлявшим этническое большинство, главным образом в качестве аргумента для обоснования «права на дискриминацию» по этническому признаку. Правда, дискриминация носила скрытый характер, поскольку прямые ограничения прав на основании этнической принадлежности жителей стран Балтии было бы сложно оправдать и объяснить европейскому и мировому сообществу. Способом скрытой дискриминации была избрана политика гражданства, в результате которой на начальном этапе постсоветского нациостроительства примерно треть жителей Эстонии и 29% жителей Латвии были лишены гражданства и были объявлены негражданами [Тишков, Шабаетов 2013].

При этом принятые в Латвии и Эстонии законы о гражданстве имели не только много общего с практикой предоставления или лишения прав гражданства по этническому признаку, которая имела место на Шри-Ланке, в Малайзии и Мьянме, но при их анализе можно усмотреть сходство с принятым в 1935 г. «Законом о гражданстве Рейха» (чего не замечали европейские правоведы и политики), фактически лишавшим прав гражданства в Германии евреев. Историки относят его к так называемым расовым законам Третьего рейха [Лессер 2010; Burleigh, Wippermann 1991]. Идея республиканских законов о гражданстве в начале 1990-х гг. широко обсуждалась и в национальных республиках РФ, разрабатывались проекты таких законов, предполагавшие введение ценза оседлости, т. е. поражение в правах отдельных граждан России в случае если они меняют место жительства и переезжают из «обычных субъектов» в национальные республики [Закон 1994].

Этнополитическое мифотворчество и законодательное оформление этого мифотворчества было распространенным явлением в российских республиках (бывших автономиях) в первой половине 1990-х гг., причем нередко имело место некое копирование политических практик, рожденных в союзных республиках, ставших независимыми государствами. Политическое значение этого мифотворчества состояло в том, чтобы законодательно закрепить статусные особенности региона и его притязания на особое положение в стране. Той же цели служили и различные формы экзотизации регионов. Это стремление имеет и вполне рациональную основу, что можно проследить на примере Калмыкии. Если в советские годы здесь было принято подчеркивать свою «европейскость», то в постсоветский период и власти, и местное население все больше подчеркивают «восточность» и республики в целом, и ее столицы – Элисты, что зримо воплощается в новых памятниках и новых символах. Экзотизация Калмыкии и Элисты как ее столицы подчеркивает право региона на

особость, на возможность быть и оставаться выделенным в особый, полноценный субъект Российской Федерации [Guchinova 2012].

Тем не менее не экзотизация порождает внутрорегиональные конфликты и противостояния по линии Центр – регион, а именно политические и правовые притязания политических и культурных элит регионов. Этничность здесь рассматривалась как естественный ресурс, который можно использовать и в политической конкуренции, и в политическом торге с федеральным центром.

На рубеже 1989–1990-х гг. началось конструирование собственно региональных моделей этнополитики, которая представляла собой смесь из положений, унаследованных из большевистской доктрины этнического национализма, идей, заимствованных из идейных установок формирующихся этнонациональных движений, робких попыток заимствования зарубежного опыта этнополитики и некоторого собственного политического творчества. При этом правовая база региональной этнополитики была противоречива и крайне политизирована, что привело впоследствии к отмене ряда региональных законов (под давлением федерального центра), которые считали значимыми местные этнические активисты. Региональные модели этнополитики далеко не во всем отвечали политическим интересам российского государства и российского общества в целом, а также интересам республиканских сообществ и главным образом отражали взгляды и интересы местных элит, в том числе этнических.

Наиболее очевидно несоответствие федеральной и региональной этнополитики проявилось при маркировании культурной природы российского общества в целом и республиканских сообществ в частности.

Базовые идеи большевистской доктрины этнического национализма в постсоветской России, отвергшей коммунистическую идеологию, стали прямо копироваться в региональных моделях этнополитики и в региональных политических концепциях, что нашло отражение даже в практике этнополитического маркирования автономий. Так, положение о том, что этнические автономии есть некая коллективная собственность ее титульной группы было использовано при переименовании республик в 1990-е гг., в результате чего названия автономий стали носить акцентированный этнический характер. Так, Якутская АССР была переименована в Республику Саха, а прежнее название Якутия сохранилось только в скобках. Саха – это самоназвание якутов [Лаппарова 2017: 621]. Однако территория республики не есть собственность одних лишь якутов, ибо к числу аборигенных народов этой территории можно отнести эвенов, эвэнков, долган, юкагиров. Тем не менее в Декларации о государственном суверенитете, принятой в 1990 г., республику назвали Якутской-Саха

ССР, а в 1991 г. переименовали в Республику Саха (Якутия), что явно подчеркивало эксклюзивное «право» якутов (саха) на «владение» территорией республики [Винокурова 1994]. Некое идеологическое объяснение такого наименования дано в республиканском Законе о языках, принятом в 1992 г., где говорится: «Язык саха как язык коренной нации, давшей название республике, является государственным языком Республики Саха (Якутия)»¹³. Конечно, якуты есть культурное ядро современной Якутии (но лишь часть якутского республиканского сообщества, которое с серьезными оговорками можно именовать нацией), и их культурное лидерство на данной территории проявилось достаточно давно, не случайно, что якутское этнонациональное движение уходит корнями в «Союз якутов», созданный еще в 1906 г. То же самое можно сказать и о переименовании Республики Северная Осетия (Северная Осетия – Алания).

Идея коренного народа как сообщества, находящегося на вершине символической культурной пирамиды, в форме которой предстают республиканские социумы у идеологов этнонациональных движений, очень прочно укоренилась как в головах этнических антрепренеров, так и в позициях политиков и законодателей. Эти позиции находят отражение и в политической практике, и в законах, и в названиях национально-государственных образований. При этом местные законодатели и идеологи всячески старались подчеркнуть прямую и очевидную преемственность современных этнических автономий с некими древними государственными образованиями и народами, некогда существовавшими на территории того или иного субъекта. В Татарстане предтечей современной государственности была названа Волжская Булгария, а казанские татары для многих интеллектуалов становились потомками булгар, хотя на булгарское происхождение претендовали также и чуваш. Республика Северная Осетия, согласно Конституции, принятой в 1994 г., стала именоваться Республика Северная Осетия – Алания, что должно было продемонстрировать прямую связь этого национально-государственного образования с древними аланами и тем самым как бы отвергались претензии соседних народов (прежде всего ингушей) на часть территории республики, которые стали серьезным политическим раздражителем после осетино-ингушского конфликта 1992 г.

Практика формирования законодательных и исполнительных органов власти в этнических автономиях также подверглась

¹³ Закон Республики Саха (Якутия) «О языках в Республике Саха (Якутия)» от 16 октября 1992 г. № 1170-XII [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sakha.gov.ru/zakon-respubliki-saha-jakutija-o-jazykah-v-respublike-saha-jakutij> (дата обращения 03.03.21).

корректировке, хотя сохранила некую «генетическую связь» с советским опытом кадровой политики в национальных республиках и автономиях. Так, в Дагестане, который отличается чрезвычайной сложностью этнического состава населения и сложным характером этнокультурных и этнополитических процессов, еще в советские годы сложилась практика распределения высших должностных постов между представителями крупнейших этнических групп, причем с необходимостью ротации представителей этнических групп. Крупнейшей этнической группой населения республики являлись аварцы, доля которых, согласно данным переписи населения 1989 г., составляла 28%, вторая по численности группа – даргинцы (16%), третья – кумыки и лезгины – по 13%. Кроме того, довольно значительные группы составляли русские, лакцы, табасаранцы, чеченцы, ногойцы, рутульцы, агулы, а помимо них республика была этнической территорией для большого количества небольших этнических формирований. При назначении на пост первого секретаря Дагестанского обкома КПСС, Председателя Правительства и Председателя Верховного Совета республики этнические реалии должны были учитываться с тем, чтобы сохранить этнополитический и этнокультурный баланс и не провоцировать недовольство со стороны тех или иных групп. В этой связи Э. Кисриев замечает: «В каждый момент времени “тройка” высших должностей составлялась так, чтобы их занимали представители трех различных национальностей. Так начиная с 1948 г., образовались следующие последовательно сменяющиеся “тройки”: 1) *аварец – лезгин – кумык*; 2) *аварец – даргинец – кумык*; 3) *даргинец – кумык – аварец*; 4) *даргинец – аварец – кумык*; 5) *аварец – кумык – даргинец*».

Начало горбачевского «раскачивания» политической системы СССР Дагестан встретил со следующим составом «высшей тройки»: аварец – первый секретарь КПСС, кумык – председатель Совмина, даргинец – председатель Президиума ВС. Благодаря неписанному политическому принципу соблюдения «триумвирата» представителей разных национальностей на высших должностях удалось обеспечить в Дагестане в этот период столь завидную политическую устойчивость. Все новые политические образования и общественные движения, стремившиеся к власти в этот период, оказывались жестко ограниченными в своей силе и распространении, поскольку встречали достаточно сильное компенсирующее противодействие. Функцию такого «ограничителя» в «атомном реакторе» дагестанского общества выполняло его этническое многообразие и необходимость этнического «дозирования» властных полномочий» [Кисриев 2002: 171].

Политические процессы в постсоветском Дагестане, очевидно, определялись своеобразным культурно-политическим дуализмом,

ибо, с одной стороны, они были ограничены рамками «этнокультурных и этнополитических сдержек», а с другой – они регламентировались сложившимся стереотипом восприятия республики как сообщества, где общие интересы населения должны стоять выше клановых и этнических предпочтений. Это понимание определяло политические позиции и политический выбор дагестанцев в 1990-е гг. Так, Дагестан отказался принимать Декларацию о государственном суверенитете республики, а в июне 1992 г. на местном референдуме жители республики дружно отвергли инициативу введения поста президента республики. Показательно, что введение поста президента было отвергнуто и в Республике Коми, но если там большинством были русские, то в «Стране гор» доля русских оказалась невелика, но все попытки установить здесь единоличную власть наталкивались на консолидированное неприятие таких инициатив представителями разных этнических групп.

26 июня 1994 г. на Конституционном Собрании была утверждена новая Конституция РД, согласно которой, высшим органом исполнительной власти в республике становился Государственный Совет, состоявший из 14 членов. При этом статья 88 Основного закона специально оговаривала, что в состав данного органа власти не может входить более одного представителя одной и той же национальности, что гарантировало его полиэтнический характер и политическое представительство в структурах власти разных этнических групп, из которых формируется региональное территориальное сообщество. Выборы членов ГС осуществлялись не путем всеобщего голосования, а на заседании специального органа – Конституционного Собрания, которое созывалось специально по этому случаю (в его компетенцию также входило рассмотрение и внесение изменений в Конституцию). «Процедура выборов такова. Первоначально на Конституционном Собрании путем тайного и альтернативного голосования избирается Председатель Госсовета – он, по Конституции РД, – «глава государства» (статья 92). Еще один член Государственного Совета вводится в его состав без процедуры голосования – это председатель правительства, который занимает свой пост по предложению Председателя Госсовета и после его утверждения в парламенте. Премьер, таким образом, автоматически становится членом Госсовета и, более того, первым заместителем его председателя. Далее, когда национальная принадлежность двух указанных членов Госсовета уже установлена, Конституционное Собрание приступает к процедуре выдвижения кандидатур на оставшиеся 12 мест. Право на выдвижение кандидатуры в состав Госсовета любой национальности (из числа 12 еще не занятых) имеет любой член КС вне зависимости от его собственной национальной принадлежности. После составления списков

предложенных кандидатов (выдвиженцы не обязательно должны быть членами КС), сгруппированных по отдельным национальным спискам, проводится мягкое рейтинговое (тайное) голосование всем составом КС, которое определяет по две кандидатуры от каждой национальности, набравших наибольшее число голосов. Затем тайным голосованием всего состава КС из оставшихся двух кандидатов от каждой национальности избираются члены Госсвета РД» [Кисриев 2005: 55–56].

В отличие от Госсвета республиканский парламент (Народное Собрание) формировался в результате всенародных выборов, в ходе которых прямым и тайным голосованием избирался 121 депутат Народного Собрания. При этом новая Конституция гарантировала представительство всех народов Дагестана в республиканском парламенте. Чтобы реализовать данную конституционную норму, которая является во многом уникальной, был выработан специальный механизм выборов. Территория республики в соответствии с республиканским законом «О выборах в Народное Собрание РД» делилась на два культурных анклава: этнически однородные территории, к которым относились в основном горные районы, заселенные аварцами, даргинцами, лезгинами, лакцами, табасаранцами и другими этническими группами и этнически смешанные территории, к которым относились города и равнинные районы республики.

В этнически однородных районах не было никаких ограничений, связанных с выдвижением кандидатов в депутаты Народного Собрания. В этнически смешанных районах, согласно республиканскому закону, центральная избирательная комиссия могла устанавливать специальные национально-территориальные округа, в которых разрешалось избирать лишь представителя одной конкретной этнической группы населения РД. Но избирали его все избиратели данного округа независимо от их этнической принадлежности, что одновременно свидетельствовало о степени популярности и поддержки каждого конкретного этнического кандидата как среди соплеменников, так и среди иноэтничных избирателей и было неким индикатором его политической состоятельности.

Выработанный механизм выборов учел результаты первых свободных муниципальных выборов, которые показали, что во многих случаях исход выборов определяется солидарным голосованием представителей этнических сообществ, что в любом электоральном цикле заведомое преимущество получают представители численно доминирующих групп, а небольшие этнические группы фактически лишаются возможности обеспечить себе политическое представительство в республиканских органах власти.

По мнению Э. Кисриева, сформировавшийся в первой половине 1990-х гг. институциональный дизайн Дагестана можно считать местным вариантом одной из моделей демократии – консociальной/общностной демократии, в которой «действительной “колоннадой” политической архитектоники дагестанской модели сообщностной демократии стали не “национальности”, а “этнопартии” – вполне определенные и сплоченные структуры с давними историческими традициями» [Кисриев 2005: 73].

Однако при всей кажущейся логичности трансформации политической системы в сложносоставных сообществах с учетом их структурных составляющих опыт функционирования консociальных моделей демократии в разных странах показывает их внутреннюю противоречивость и опасность для стабильного существования интегрированных гражданских политических систем в целом [Тишков, Шабает 2013] и отдельных их представителей в частности. Эти внутренние изъяны должны были дать о себе знать, и так оно и случилось, поскольку ориентация на узоклановые и этнические интересы позволила не столько снять внутренние противоречия в дагестанском обществе (они никуда не исчезли), сколько открыла возможности использовать групповую солидарность как инструмент защиты интересов отдельных лидеров и групп, открыла возможности использовать сообщностную солидарность, сформировавшуюся в 1990-е гг., для прикрытия всепроникающей коррупции, хотя сама эта модель была разрушена в 2000-е гг., а точнее – она была изменена таким образом, чтобы полностью соответствовать нормам федерального законодательства, в которых были сформулированы общие принципы формирования органов власти в субъектах РФ и общие принципы их организации.

Вопрос о том, была ли необходима жесткая унификация принципов формирования органов власти субъектов остается дискуссионным, но представляется, что полное единообразие как институтов политической власти, так и процедур их избрания возможно лишь как временная мера с целью устранения неких политических деформаций и перекосов, но исходя из общих принципов федерализма, регионам надо предоставить больше свободы в деле конструирования региональных политических систем, а особенно там, где необходимо учитывать интересы меньшинств, ибо современная демократия не есть простая власть большинства, а представляет собой некий консенсус между властью, получающей мандат доверия от большинства граждан, и гарантиями политического представительства для групп культурных меньшинств. В 1990-е гг. в регионах РФ шел активный поиск таких гарантий политического представительства меньшинств, а также механизмов правового обеспечения этого представительства.

Двумя наиболее легитимными и приемлемыми формами обеспечения политического представительства являлись адаптация избирательного законодательства под интересы меньшинств и создание специальных политических институтов, обеспечивающих меньшинствам участие в региональной политической жизни.

Дагестан являл собой не единственный пример, где для обеспечения представительства этнических групп в составе республиканского парламента была модифицирована система избирательных округов. Аналогичным образом поступили и в Республике Коми. Здесь после принятия в 1994 г. собственной Конституции законодательная власть стала принадлежать Государственному Совету, состоящему из 50 депутатов. Выборы депутатов осуществлялись в двух типах округов – территориальных и административно-территориальных [Гаврюсов 2000]. Территориальные округа имели примерно равное количество избирателей, а административно-территориальные округа охватывали площади всех 20 административных районов республики и численность избирателей в них могла различаться в 10 раз, поскольку население городских округов и сельских районов было несопоставимо по численности. Однако такая нарезка округов, хотя и противоречила федеральному законодательству, обеспечивала достаточно пропорциональное представительство коми как титульной этнической группы в составе депутатского корпуса [Напалков 2001]. Дело в том, что в советские годы в результате освоения природных богатств Коми с помощью системы лагерей ГУЛАГа [Морозов 1997], а затем и целенаправленной трудовой миграции доля титульной этнической группы в составе населения республики уменьшилась очень значительно (с 90% в 1926 г. до 25% – в 1989 г.), но при этом местные власти всегда поддерживали баланс этнического представительства в составах исполнительной власти и Верховного Совета, где доля коми не опускалась ниже 50%, несмотря на меняющиеся этнодемографические пропорции [Шабаев, Напалков 2007].

Важно заметить, что к началу 1990-х гг. коми оставались преимущественно сельским этническим сообществом, ибо в городах проживало несколько менее половины коми республики. При этом во многих сельских районах доля коми была весьма значительной: в пяти сельских районах коми в 1989 г. составляли большинство населения (от 54,4 до 86,7%), в одном – почти половину, в трех – около или более трети. Такая география расселения титульной этнической группы объективно обеспечивала достаточно комфортное представительство коми в местных органах муниципальной власти. Последнее обстоятельство давало гарантии того, что в составе республиканского парламента доля коми будет достаточно весомой, что и показали первые конкурентные выборы [Шабаев 1998]. Как только

система нарезки округов была унифицирована и были ликвидированы административно-территориальные округа, доля коми в составе депутатского корпуса существенно снизилась и стала много меньше их доли в общем составе населения РК (23% по переписи 2010 г.).

В этом смысле отчасти понятны опасения этнических активистов из этнонациональных движений финно-угров, которые с начала 1990-х гг. добивались «коллективного политического представительства» так называемых «коренных народов» в органах власти и требовали реформирования республиканских парламентов таким образом, чтобы одна из палат состояла исключительно из представителей титульной этнической группы республики. Об этом говорилось на первых же съездах коми народа, в частности на II чрезвычайном съезде коми народа, состоявшемся в декабре 1991 г., где в специальной резолюции было заявлено: «Съезд подтверждает, что наиболее эффективным явилось бы создание профессионального двухпалатного парламента с правом вето обеих палат, одна из которых состояла бы из депутатов коренной национальности» [Решение 1994: 204]. Такое же предложение содержалось и в принятой в 1992 г. Программе общественного движения «Марий Ушем»: «Существующая система законодательной и исполнительной власти в Республике Марий Эл не стимулирует широкое участие марийского народа в выработке, принятии и выполнении решений как на высшем государственном уровне, так и в местных органах самоуправления. Поэтому она должна быть реформирована. Марий Ушем ставит своей задачей создание на территории республики Марий Эл профессионального двухпалатного Парламента с правом вето обеих палат, одна из которых состояла бы из депутатов марийской национальности. Высшим исполнительным органом марийского народа может стать Государственный комитет марийского народа на правах министерства со своими структурными подразделениями в городах и районах республики» [Программа 1996: 226–227].

В Коми пошли даже дальше в реализации идеи этнического представительства, ибо здесь в 1992 г. Верховный Совет принял закон «О статусе съезда коми народа», в котором заявлялось, что съезд является высшим представительным собранием коми народа, хотя избрание делегатов съезда проходило не во время прямого, всеобщего и тайного голосования на основании легитимных избирательных процедур, а на собраниях этнических активистов. В начале 2000-х гг. этот закон был отменен как не соответствующий российскому законодательству.

Идея обеспечения политического представительства меньшинств и выработки механизмов и институтов, с помощью которых будут обеспечиваться их права и политические интересы, не является

надуманной, а наоборот – требует серьезного анализа и поиска оптимальных вариантов решения применительно к каждому конкретному региону, где сформировались сложносоставные сообщества. Мировой опыт показывает, что возможны самые различные формы, с помощью которых учитываются и обеспечиваются интересы этнических меньшинств.

Поскольку либеральная демократия есть власть большинства, постольку в сложных сообществах интересы меньшинств могут ущемляться, хотя чаще всего это «ущемление» является мнимым, ибо конституционно гарантируется равенство прав всем гражданам. Но представители этнических меньшинств, чья численность невелика, действительно имеют мало шансов быть избранными в представительные органы власти и участвовать в работе политических институтов не только как полномочные представители избравшего их населения в целом, но и как полномочные представители своей группы, что нередко расценивается как отсутствие равенства шансов на политическое представительство у меньшинств.

Чтобы уравнять шансы на участие в политических процессах (с правом принятия политических решений) и на политическое представительство у доминантных культурных групп и у групп этнических меньшинств, в ряде случаев создаются институты альтернативного (или параллельного) политического представительства.

Эффективной формой названных институтов являются саамские парламенты в странах Скандинавии. Политические организации у зарубежных саамов возникли еще в начале XX в., но особенно интенсивным этот процесс стал в 1950-е гг., что и привело к созданию в 1956 г. Скандинавского совета саамов, объединившего саамов Швеции, Норвегии и Финляндии. Политическая активность саамских организаций привела в итоге и к формированию так называемых саамских парламентов, которые стали частью конституционного и государственного строя стран Скандинавии. В Финляндии саамский парламент был учрежден в 1973 г., в Норвегии – в 1989 г., в Швеции – в 1993 г. Выборы в саамские парламенты проходят вместе с общенациональными выборами по специальным спискам, в которые может быть включен каждый гражданин названных стран, имеющий саамские корни и заявивший о своем желании участвовать в этих выборах. Саамские парламенты имеют статус консультативного органа и не обладают правом вето на решения государственных органов. Они рассматривают проблемы, затрагивающие интересы саамского населения, и представляют в правительственные органы или королю ежегодные доклады о положении саамов. В 2017 г. Швеция, Норвегия и Финляндия подписали Саамскую конвенцию, согласно которой саамы во всех трех странах объявлялись коренным народом.

Предполагается, что за этим решением последует ряд политических и институциональных изменений в их пользу.

Саамы Кольского полуострова (это примерно 1,5 тыс. чел.) тоже пытались создать саамский парламент по примеру скандинавских саамов, но принципы его формирования не были демократическими, и парламент был создан явочным порядком на втором съезде саамов Кольского полуострова в декабре 2010 г., что вызвало конфликт как с властями Мурманской области (пытавшимися создать правовую основу для регионального представительного органа саамов), так и с некоторой частью саамской общественности, которая заинтересована в существовании других саамских организаций, выступающих от имени кольских саамов. Конфликт разрешился на четвертом съезде саамов Кольского полуострова в ноябре 2018 г., где было принято решение ликвидировать местный саамский парламент.

Стоит заметить, что попытки создать некий объединенный парламент для малочисленных народов России, который бы сочетал в себе функции политического представительства и консультативные функции, также имели место и в свое время активно обсуждались. Так, в начале 2000-х гг. с руководством Государственной Думы велись переговоры о разработке концепции участия коренных малочисленных народов в законотворческом процессе. Осенью 2002 г. концепция законопроекта и вопрос об образовании парламента коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ были рассмотрены на совместном выездном заседании Координационного Совета Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (АКМНСС и ДВ) и Национального организационного комитета по подготовке и проведению Международного десятилетия коренных народов мира в г. Якутске. «Было принято решение о необходимости образования представительного органа коренных малочисленных народов с консультативным статусом при Государственной Думе» [Мурашко 2003: 5].

Идея создания представительного органа для коренных малочисленных народов Севера опиралась на некий правовой фундамент, в качестве которого выступают Указы Президента РФ 1992 г., касающиеся правового статуса названных народов, в частности, необходимости ратификации Конвенции МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» (которая так и не была ратифицирована), а также Федеральный закон, принятый в 1999 г. «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». Но, несмотря на это, существовали серьезные политические, организационные, культурные и правовые препятствия, не позволявшие создать некий консультативный обще-

российский орган политического представительства для группы из примерно 50 народов и этнографических групп, которые официально включены в Единый перечень коренных малочисленных народов РФ (впервые утвержден постановлением Правительства РФ в 2000 г., после чего неоднократно дополнялся), не позволившие реализовать идею общероссийского представительного органа для специфической группы коренных малочисленных народов.

Более приемлемым является путь формирования неких политических структур, ориентированных на удовлетворение политических интересов либо одной этнической группы населения (часто это обусловлено историческими причинами), либо территориально близких групп со схожим образом жизни и традициями.

Так, в Финляндии, которая на протяжении нескольких веков входила в состав Шведского королевства, и где в интеллектуальных кругах бытует мнение, что культура была принесена в страну из Швеции, шведское меньшинство занимает особое положение. Уже в 1919 г., т. е. год спустя после обретения независимости, здесь была создана Шведская Народная Ассамблея (*Svenska Finlands Folkting*), состоящая из 75 членов, 70 из которых избираются путем муниципальных выборов, а пять назначаются парламентом Аландских островов, имеющих автономный статус в составе Финляндии. Кандидатов выдвигают политические партии, которые являются двуязычными или представляют лишь шведское меньшинство («одноязычные» партии). В функции Ассамблеи входит обсуждение проблем шведского меньшинства и отстаивание его интересов.

В России в последние годы сложилось несколько форм такого представительства. В 1995 г. в Ямало-Ненецком автономном округе была установлена система выборов, гарантировавшая представительство коренных малочисленных народов в законодательном органе округа. Для этого создан многомандатный избирательный округ, по которому баллотируются представители коренных малочисленных народов Ямала. Этот округ охватывает всю территорию данного субъекта. В законе о выборах Государственной Думы ЯНАО за представителями коренных малочисленных народов закреплена квота представительства в местном парламенте из трех депутатских мест. Из числа представителей коренных малочисленных народов избирается председатель или один из заместителей председателя Государственной Думы округа. Устав округа предусматривает, что один из заместителей губернатора Ямало-Ненецкого округа назначается из числа представителей коренных малочисленных народов, а в штатном расписании администрации автономного округа предусмотрено образование специального структурного подразделения – департамента по делам коренных малочисленных народов,

обеспечивающего реализацию прав коренных малочисленных народов Севера.

Примерно аналогичная практика политического представительства сложилась в Ханты-Мансийском автономном округе. В 1995 г. был принят Устав ХМАО, который предусматривал возможность политического представительства этнических меньшинств. Глава 10 Устава полностью посвящена коренным малочисленным народам ХМАО и защите их интересов.

Законом «О выборах депутатов Думы Ханты-Мансийского автономного округа» предусматривается особая форма представительства коренных малочисленных народов в депутатском корпусе округа, которая носит название «Ассамблея коренных малочисленных народов Севера». Ассамблея призвана представлять и защищать интересы коренных малочисленных народов, проживающих на территории данного субъекта РФ. Она не является самостоятельным органом, а лишь объединяет депутатов Думы, избранных по единому многомандатному округу (вся территория округа), где избираются пять депутатов, для которых в составе Думы выделена соответствующая квота. Председатель Ассамблеи является одновременно и заместителем председателя Думы округа. Закон Ханты-Мансийского автономного округа «О выборах депутатов Думы Ханты-Мансийского автономного округа» наделяет правом выдвижения кандидатов по единому избирательному округу такой институт, как Съезд коренных малочисленных народов Севера. Порядок проведения Съезда регламентируется окружным законом, утвержденным в мае 2000 г. «О порядке проведения съезда коренных малочисленных народов Севера по выдвижению кандидатов в депутаты Думы Ханты-Мансийского автономного округа по единому пятимандатному избирательному округу». Но при этом выдвигать кандидатов в депутаты могут не только представители коренных народов региона, но и лица любой этнической принадлежности, проживающие в данном субъекте РФ [Айпин 2006].

Для избрания устанавливалась квота: один делегат от 200 граждан, которые относятся к одному из коренных малочисленных народов, проживающих в Ханты-Мансийском округе и имеющих право голоса. Для победы кандидату надо набрать наибольшее число голосов избирателей только своего избирательного округа. Но агитацию надо вести на территории двух десятков одномандатных избирательных округов, поэтому победа на выборах представляет собой непростую задачу и является выражением политического доверия населения к кандидату. Кандидаты, набравшие наибольшее число голосов, получают мандаты депутатов Думы автономного округа.

Первоначально из 23 депутатских мест шесть передавались для занятия их представителями коренных народов и формирования

Ассамблеи (затем – пять из 25). Ассамблея впервые была сформирована в Думе второго созыва (1996–2000 гг.). Во время выборов в Думу третьего созыва не удалось полностью сформировать Ассамблею, поэтому при Думе создается Совещательный орган представителей коренных малочисленных народов, а впоследствии было решено сократить состав Ассамблеи. Начиная с четвертого созыва, выборы в который состоялись 12 марта 2006 г. (2006–2011 гг.), Ассамблея состояла из трех депутатов, избираемых по многомандатному округу, а общая численность депутатов Думы стала составлять 28 чел., что было вызвано ростом численности населения округа. *Наличие в региональном парламенте особого института, гарантирующего политическое представительство аборигенных групп населения, позволило активно работать над местными законами, призванными обеспечить поддержку указанным группам.* Так, депутатами Думы четвертого созыва был принят ряд важнейших законов в области защиты прав, исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных народов Севера, в том числе законы «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре», – «О программе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры “Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре” на 2008–2012 годы», «О факториях в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре», «О наделении органов местного самоуправления муниципальных образований Ханты-Мансийского автономного округа – Югры отдельным государственным полномочием по участию в реализации целевой программы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры “Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры” в 2011–2013 гг.».

Затем порядок формирования Ассамблеи изменился, хотя сам институт остался в неприкосновенности. В 2015 г. было принято решение формировать Ассамблею из числа избранных депутатов окружной Думы, а в 2016 г. – Положение об Ассамблее.

Опыт ХМАО по формированию институтов политического представительства для меньшинств был наиболее удачным, ибо он позволял не только обеспечить представительство миноритарных культурных групп (а ханты и манси вместе с членами других КМНС составляли в начале 2000-х гг. не более 2% населения округа), но позволял решить другую важную политическую проблему. В идеологии и политической практике многих этнонациональных движений РФ этничность очевидно противопоставляется гражданству и гражданской солидарности россиян. В модели, разработанной и реа-

лизованной в ХМАО, этническое представительство не отделяется от официальных органов власти, а интегрируется в них, что создает приемлемый компромисс между этничностью и гражданством.

Сегодня характер формирования и функции Ассамблеи изменены, и депутаты Ассамблеи избираются на общих основаниях и на основании общей процедуры голосования (без специальных избирательных округов), но эти изменения не кажутся специалистам оправданными, хотя и укладываются в необходимость формирования единого правового поля страны.

Еще одной формой обеспечения политического представительства этнических меньшинств является система квотирования мест в региональных и национальных парламентах, которая в разных вариантах используется в практике этнополитики ряда стран. Эта идея в 1990-е гг. широко обсуждалась и в России, особенно в тех этнических автономиях, где доля титульных этнических групп была невелика. Так, в Карелии достаточно долго шла дискуссия о необходимости выделения квот в республиканском парламенте карелам, вепсам и финнам [Григорьев 2009], но это предложение не получило поддержки у местной политической элиты. На практике идея квотирования мест в региональном парламенте была реализована только в Ненецком округе. В ноябре 2001 г. губернатор НАО В. Бутов подписал закон Ненецкого автономного округа «О дополнительных гарантиях избирательных прав ненецкого народа быть избранным в законодательный (представительный) орган государственной власти Ненецкого автономного округа». Согласно этому закону, ненцы, проживавшие в НАО, чья доля в общем составе населения была достаточно высокой (около 19% населения), получали дополнительные гарантии избирательных прав, которые состояли в том, что при выборах в Собрание депутатов округа за ними закреплялась квота в два депутатских места. Статья 2 данного закона определяла порядок избрания депутатов Собрания по выделенной квоте и в ней отмечалось: «Выборы депутатов окружного Собрания из числа ненецкого народа проводятся по многомандатному национально-территориальному избирательному округу, включающему в себя всю территорию автономного округа». А статья 3 гарантировала: «Депутаты окружного Собрания из числа ненецкого народа избираются на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании всеми избирателями, зарегистрированными по многомандатному национально-территориальному округу» [Закон 2015: 587]. Однако опыт окружных выборов показал, что идея квотирования в данном случае не пользуется поддержкой избирателей и фактически не работает в условиях НАО. Отчасти поэтому, а в большей мере для приведения местного законодательства с федеральными нормами закон в 2005 г. был отменен.

Неформальной политической практикой в 1990-е гг. являлось стремление республиканских политических лидеров обеспечить политическое лидерство «коренных народов» в институтах региональной власти, что объяснялось тем, что в сознании местных элит гражданские республиканские идеалы свободы, равенства и братства с советских времен были вытеснены идеями этнического национализма, а поскольку постсоветские региональные элиты были сформированы на основе прежних советских политических элит, постольку региональные модели этнополитики и региональные модели республиканских сообществ интуитивно и доктринально воспринимались элитами не как сообщества равных и свободных граждан, а как этнополитическая пирамида, на вершине которой находится этнонация – титульная этническая группа и ее политические лидеры.

В 1990-е гг. «ярче всего процесс этнизации правящих политических элит в российских республиках проявляется в значительном возрастании представленности, переходящей в абсолютное доминирование, титульного этноса в высших структурах государственной власти. Даже на фоне возникшей в 1920-е гг. и получившей развитие в последующие десятилетия советской номенклатурной традиции «коренизации», которая приводила к заметному превышению титульных национальностей в руководящих органах, постперестроечный «взрыв» титульного значения кадрового состава правящих элит в национальных республиках России выглядит слишком впечатляющим. В республике Саха (Якутия), например, якуты, составляя 34% населения, имеют 69% должностей в правительственных структурах. Даже в одной из самых молодых национальных республик России – Адыгее, преобразованной в «суверенное государство» из автономной области в составе Краснодарского края, адыгейцы, составляя меньше 30% населения, «...полностью контролируют правящие структуры». Более всего преуспели в этнизации кадрового состава правящих элит в условиях постперестроечного развития самые развитые и весомые в политическом отношении российские республики. В Татарстане, например, по расчетам казанского политолога М.Х. Фарукшина, в 1990-е гг. 78,1% местной правящей элиты составляли татары, хотя в целом по республике их доля тогда равнялась 48,3%; а русские были второй по численности этнической группой населения республики – 43,5, и 8,2% населения составляли представители других национальностей. В то же время в избранном после принятия новой Конституции парламенте Татарстана (Госсовет РТ) татары составляли 73,3%, русские – 25,1% и другие национальности – 1,6% [Галлямов 1998: 165–166].

Этнизация власти как разрушала общегражданское единство, так и не позволяла формировать общую региональную идентичность

и общегражданскую солидарность, необходимую для защиты республиканских/региональных интересов. Стратегическая цель формирования прочных региональных сообществ не стояла в советские годы в политической повестке для региональных элит. Игнорирование идеи гражданской консолидации на региональном уровне, имевшее место в советскую эпоху (и все еще имеет место ныне) объяснимо, ибо территории национально-государственных образований считались коллективной собственностью лишь «коренного народа», а потому главная забота властей состояла в формировании и укреплении его политических позиции и развитии его культурных институтов. Но и после краха СССР идея гражданской консолидации не была поставлена в региональную политическую повестку, хотя, казалось бы, сам факт распада супердержавы диктовал необходимость усиления процессов консолидации на всех уровнях. Но как в советскую эпоху, так и в 1990-е гг. у республиканских сообществ не появилось политонимов, что являлось свидетельством отсутствия не столько самой категории гражданства в республиках и автономиях, сколько региональной общегражданской идеологии, идеологии гражданской интеграции. Получается, что государственные образования возникли и развивались, но граждан у них не было, или точнее сказать – население республик и автономий не ощущало себя частью единых политических сообществ, а политические элиты не понимали политической значимости и сущности гражданских идеалов и политики гражданской консолидации. Это означало, что процесс нациестроительства принял односторонний и недемократичный характер, ориентированный на производство и воспроизводство этнических границ, но не на формирование гражданского единства и гражданских идентичностей. Более того, следует согласиться с тем, что «в течение двух десятилетий в России интенсивно шел процесс этнизации и расиализации все более широких сфер социального пространства и вытеснения гражданских идеалов солидарности и лояльности своему государству» [Ачкасов 2012: 184]. Именно это и позволило ставить знак равенства между нацией и этносом и продвигать идею нации – этноса вместо нации – полиса. Между тем, 26 января 2006 г. Парламентская Ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) на пленарном заседании в Страсбурге рассмотрела и приняла «Рекомендацию о понятии нация». Прежде чем предложить итоговый вариант документа, Комитет по правовым вопросам и правам человека, на который была возложена ответственность по подготовке проекта, провел экспертную работу и обобщил предложения от 35 государств – членов Совета Европы по вопросу юридического определения понятия «нация». В документе подчеркивается, что «международной правосубъектностью обладают лишь нации, сформировавшие государства,

построенные на основе гражданства, которое необязательно увязано с этнической принадлежностью» [Фёдоров 2007: 144].

При этом идея гражданства в поликультурных республиканских сообществах и в идеологии республиканского нациестроительства должна была являться фундаментальной основой политических процессов и стратегии политического и социального развития регионов. В изданной еще в 1995 г. в Оксфорде монографии «Мультикультурное гражданство. Либеральные теории прав меньшинства» ее автор Уилл Кымличка подчеркивал: «Большинство либеральных теорий признают, что гражданство – это не только легальный статус, определяющий предоставление прав и обязанностей, но также идентичность, выражение некоего членства в политическом сообществе» [Kymlicka 1995: 192].

Однако лидеры республик и автономий, равно как и политические лидеры других субъектов Федерации, в политической практике руководствовались не обоснованными и продуманными долгосрочными стратегиями социального развития регионов (хотя в последние годы формальные стратегии регионального развития приняты повсеместно), а исходили из трайбалистских традиций понимания природы политической власти [Ламажаа 2010; Мартьянов 2010].

Макс Вебер, характеризуя трайбалистское или традиционное господство, замечал: «...власть... патриархов, в своем чистом типе основывается на представлении властителей (товарищей) о том, что данный вид господства, хотя и вытекает из традиционного приращенного права господина, тем не менее *содержательно* все равно основывается на явном товарищеском праве, и потому выражает их, товарищей, общие интересы, которые не могут быть присвоены единолично» [Вебер 2007: 154].

Названная практика формирования властных институтов была не только отражением сформировавшегося в советские годы политического сознания региональных элит, но также отражала и многочисленные требования этнонациональных движений, добивавшихся в 1990-е гг. «коллективной включенности этносов в политические процессы», а также и укоренившиеся массовые представления и стереотипы, характеризующие региональную политическую культуру, в которой идея особых прав титульных этнических групп довольно глубоко укоренилась. При этом, как подчеркивала известный американский специалист в области права Айрис Марион, вся аргументация сторонников особых прав этнических (расовых, религиозных и др.) групп строится на игнорировании общих интересов и общего мнения всего социального сообщества [Marion 1997: 369].

Часть идей и политических понятий, унаследованных из большевистской доктрины этнического национализма, прямо или

косвенно были включены в официальные модели региональной этнополитики и модели региональных сообществ, этнополитические практики и в политическую лексику региональных лидеров и местных политиков, о чем, в частности, свидетельствуют тексты республиканских конституций, о которых говорилось выше.

Если Президент РФ В. Путин, начиная с 2004 г. (выступление в Чебоксарах), постоянно говорил о российской нации и российском единстве, то лидеры республик про российскую нацию почти не вспоминают даже перед Днем народного единства и Днем России. ***И, наоборот – в речах республиканских лидеров постоянно имели, а нередко еще имеют место высказывания, тесно коррелирующие с доктриной этнического национализма.*** Так, только вступив на должность Главы РК, В. Гайзер в январе 2011 г. на республиканской конференции «Единой России» заявил следующее: «Развитие культуры коренного народа – наш приоритет»¹⁴, хотя очевидно, что подобное высказывание не только противоречило идее конституционного равенства граждан, но и придавало политическую легитимность разделению жителей республики на две разностатусные группы – «коренной народ» и «некоренные жители» (предыдущий глава также был склонен поощрять идеологию разделенного общества, проповедуемую лидерами коми движения).

Подобная позиция свидетельствует не только о том, что региональные лидеры находятся в плену архаичных этнополитических представлений, но и о том, что они не понимают ни рационального политического смысла идеи региональной гражданской интеграции, ни идеи гражданской нации (и вольно или невольно в вопросе трактовки природы российского общества встают в идеологическую оппозицию президенту, а в вопросе трактовки местных сообществ – в оппозицию населению региона или отдельным его культурным сегментам).

Что касается основных доктринальных документов, определяющих принципы региональной государственной политики (Концепций национальной политики), то в их последних версиях имеет место либо прямое копирование федеральных документов («Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации»), либо формальное принятие документов, *которые призваны продемонстрировать лояльность региональных властей федеральному центру.* В частности, поскольку существует федеральная программа «Укрепление единства российской нации», для реализации которой регионы получают федеральные деньги, постольку в республиках

¹⁴ БН Коми представляет доклад Вячеслава Гайзера на конференции «Единой России» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bnkom.ru/data/news/curdate/15-01-2011/> (дата обращения 03.03.21).

приняты республиканские планы реализации указанной программы, хотя мероприятия, которые проводятся в ее рамках, чаще всего носят формальный характер, они слабо воздействуют на общественные настроения и нередко их идейная направленность остается для простых граждан непонятной.

При этом демонстрация культурной отличительности этнических групп в том или ином регионе стала наиболее распространенной формой презентации региональной этнополитики, а конкретными формами демонстрации служат организация различных фольклорных фестивалей, песенных или иных конкурсов, этнических съездов, специальных экспозиций в местных музеях, создание этнопарков и этнических деревень. Мероприятия, характеризующие традиционный быт того или иного народа, становятся индикатором активности тех управленцев, которые призваны отвечать за работу в области реализации государственной национальной политики. Получается, что демонстрация культурных границ между группами и манифестация культурной архаики (являющейся важной частью культурного наследия, но не элементом культурной повседневности) становятся во многих случаях основным содержанием региональной этнополитики. Такой подход часто ведет к абсолютизации культурной значимости традиций титульных этнических групп и к откровенному этноцентризму, что находит отражение в концептуальных моделях региональной государственной национальной политики и этнокультурного образования (о концепциях этнокультурного образования подробно будет сказано в 5-й главе).

Во многих регионах, включая национальные республики, нет концепций этнокультурного образования, но из анализа других документов, связанных с системой школьного образования, становится ясно, что познание культурного многообразия своего региона и страны в целом не является значимой целью как региональных властей, так и региональных образовательных институтов, а школьные учебники по региональной истории содержат высказывания, которые нацелены не на воспитание культуры толерантности и сложного характера исторических процессов, не на интеграцию местных сообществ, а скорее способствуют дистанцированию этнических групп друг от друга [Гришкина 2007; История и культура 2007; История и культура 2008 и др.].

Между тем, на наш взгляд, воспитание историей есть весьма важный инструмент социальной инженерии, который активно используется во всем мире¹⁵, но пока явно недостаточно задействован

¹⁵ Тишков В.А. Новая историческая культура [Электронный ресурс]. URL: <http://uchebana5.ru/cont/1018427-p6.html> (дата обращения 03.03.21).

в российской системе образования [Ростовцев, Сосницкий 2014]. В том числе это касается и регионов, особенно национальных, где воспитывать у подрастающего поколения культуру толерантности можно и нужно именно в школе. Через школу должно начинаться и формирование прочной региональной идентичности, но этого, к сожалению, не происходит.

Нет идей, касающихся формирования региональных гражданских сообществ и в программных документах этнических организаций и движений, которые действуют в поликультурных регионах, коими можно считать большинство субъектов РФ.

Даже после 2000 г., когда этническим организациям пришлось переквалифицироваться из общественно-политических в общественные и как-то пересматривать свои основополагающие идеи, усиления гражданских начал в их идеологии и политических практиках не произошло. Конечно, они отказались от пропаганды некоторых основополагающих принципов их идеологии, откровенно пропагандирующих идеи этнического национализма, определявшего взгляды и позиции многих лидеров, к которым прислушивались и региональные власти.

В условиях когда радикальный национализм нельзя было открыто пропагандировать, основные усилия были направлены на попытки символически выделить «коренные народы», четко обозначить культурные границы между этническими и религиозными группами, составляющими региональные территориальные сообщества, и навязать нетитульным группам ценности и нормы символического лидера – титульной группы.

Для этнических лидеров на местах важно было символически и практически закрепить идею особых прав и особого положения «коренного народа», символически маркируемого ими как «главный народ». Но если есть «главный народ», то, безусловно, его культурные ценности, включая язык, являющиеся необходимыми не только для обязательного усвоения их потенциальными носителями, но и для их навязывания с помощью государственных институтов всем остальным членам территориальных сообществ независимо от того, какая языковая и культурная среда сформировалась в том или ином городе или районе данной республики. Эта практика не только противоречит правам человека, нарушая право на культурную свободу, но и провоцирует конфликты, разрушающие гражданскую солидарность и гражданское единство в российских регионах. Для политиков, которые используют этничность как политический ресурс, важно было с помощью языка укрепить свое положение, ибо идея «язык – это власть» широко используется на всем постсоветском пространстве [Ачкасов 2012). Ориентируясь на иерархичное понимание культурной при-

роды территориальных (прежде всего республиканских) сообществ в ряде республик (Татарстане, Якутии, Ингушетии, Республиках Коми, Марий Эл, Мордовии и др.), ввели обязательное обучение в школах языкам титульной этнической группы для всех учащихся, что спровоцировало многочисленные протесты со стороны нетитульных групп населения. Самая главная ошибка «языковых реформаторов» заключалась в попытке силовым способом навязать культурные стандарты одной группы другим (при этом титульное население могло составлять меньшинство, как в Коми, где его доля равна лишь 23%, из которых почти 40% считают русский своим родным языком) без предложения какой-либо альтернативы. А между тем Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966) не только предполагает уважение культурных прав, но и требует применительно к системе образования, чтобы образовательный процесс организовывался на принципах приемлемости и адаптивности форм обучения¹⁶. Это означает, что в одних школах национальных республик уроки языка титульных этнических групп могут быть включены в программу как обязательные (особенно в районах компактного проживания титульного населения), в других – могут иметь форму факультативов, что находит отражение в методических рекомендациях и образовательных стандартах, в третьих – вводятся только на основании обращений родителей. К примеру, в издании «Правовой статус финно-угорских языков и этнокультурные потребности российской школы» сказано: «Необходимо развивать разные варианты обучения этническим языкам. Как показывает опыт педагогов, а также изучение мнения родителей школьников, варианты обучения этническим языкам должны различаться даже на уровне отдельных школ» [Правовой статус 2011: 30]. Теперь обратимся к федеральному законодательству, которое имеет приоритет над местными законодательными нормами. Закон РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» (с последующими изменениями) в пункте 3 статьи 2 однозначно провозглашает, что каждому гарантируется право на использование родного языка и «свободный выбор языка общения, воспитания, обучения...»¹⁷. Но закон не предполагает навязывания языка одного этнического сообщества другим этническим группам.

¹⁶ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (*принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года*) [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon (дата обращения 03.03.21).

¹⁷ Закон РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/ (дата обращения 03.03.21).

Исходя из положений Конституции Российской Федерации, закон наделил функцией гаранта сохранения родных языков народов России, наряду с республиками, и остальные субъекты Федерации. В законе фокус внимания переносится на проблему равноправия языков России. Одним из последних законодательных актов в области этноязыковой политики стало принятие 15 ноября 2002 г. Федерального закона «О внесении дополнения в статью 3 Закона Российской Федерации “О языках Российской Федерации”». Содержание этого дополнения направлено против попыток изменения графики языков, т. е. оно преследует цель сохранения единого культурного поля в языковой сфере, что принципиально важно для формирования гражданской нации россиян, ибо гражданская солидарность укрепляется не только политическими способами, но и культурными механизмами.

Показательно, что попытки возражать против культурного диктата группы нередко трактовались многими активистами этнических движений и представителями национальной интеллигенции как «неуважение к коренному народу» (или даже «титულიн нации»). А свободный выбор языка обучения трактуется этническими активистами, особенно их радикальной частью, как «насильственная русификация», хотя идея культурной свободы предполагает именно самостоятельный и свободный выбор культурных ценностей каждым конкретным индивидом, включая язык общения и образования.

Здесь примером может служить Швейцарская конфедерация, где очень сильны традиции коммунитаризма и регионализма, и которую не очень хорошо знакомые с местной культурной спецификой этнические активисты из республик РФ приводят в пример российским властям, заявляя, что здесь есть целых четыре государственных языка, которые, якобы, все изучают и знают.

На самом деле швейцарская система образования и политические традиции не предполагают навязывания культурных стандартов с помощью государственных институтов.

Более того, официальное многоязычие швейцарского государства и кантонов вовсе не предполагает индивидуального многоязычия, и многие швейцарцы, к примеру во «франкоговорящих кантонах», не знают и не хотят знать немецкий язык, на котором говорит большая часть жителей страны, немногие представители немецкого языкового большинства знают итальянский и т. д.

В середине 1970-х гг. кантоны согласовали общую концепцию преподавания иностранных языков в школе, согласно которой в качестве первого иностранного языка должен преподаваться один из национальных языков (немецкий, французский, итальянский,

ретороманский). Но в начале 2000-х гг. в немецких кантонах один за другим вместо французского языка как первого иностранного стали вводить преподавание английского с 3-го класса. Попытка изменить ситуацию принятием «Федерального закона о национальных языках и взаимоотношениях между языковыми сообществами», который должен был законодательно закрепить положения концепции преподавания, согласованные в середине 1970-х гг., была заблокирована нижней палатой парламента (Советом кантонов). Указанный Закон в целях укрепления внутришвейцарского единства все же удалось принять, но он уже не носил строго обязательного характера [Нагапетова 2009].

Важно подчеркнуть, что, лишая человека права выбирать себе язык обучения и язык изучения (как предмет), сторонники языкового всеобуча пытаются создать такую культурную среду, в которой было бы легче осуществлять культурный диктат группы над личностью. А чтобы закрепить личность за группой, этнические антрепренеры (имеется в виду политическое антрепренерство) не только пытаются воздействовать на нее путем призыва к коллективной солидарности, но и требуют коллективных санкций против «этнических отступников», причем полагают, что государство должно занять позицию гаранта нерушимости границ между этническими группами, выступая тем самым за внедрение в практику региональной этнополитики советской модели фиксации этнической принадлежности личности или модели, которую можно охарактеризовать как «государственную этничность» или «навязанную этничность».

Сторонники вышеназванных взглядов по существу отрицают идею субсидиарности (на основе которой строятся современные демократии), провозглашающую, что права человека являются первичными по отношению ко всем другим правам (включая право на культурную свободу как неотъемлемое культурное право личности), а гражданин и государство являются равными партнерами.

В этой связи полезно сослаться на мнение французского исследователя Ронана Ле Коадика (бретонца по этнической принадлежности), который заметил: «Родиться в определенной культурной среде – вовсе не означает сделать свободный выбор, как раз наоборот. О культурной свободе можно говорить только в том случае, если индивид сознательно принимает решение продолжить жить в соответствии с нормами этой культуры, и если он делает этот выбор с учетом альтернативных возможностей» [Ронан Ле Коадик 2008: 141]. Однако этнические активисты на местах, региональные политики, филологи и многие другие специалисты из региональных научных центров очень редко при оценке культурных явлений обращают внимание на нормы права и корректно оперируют ими.

Очевидно, что в этноцентричном восприятии местных социумов виноваты не только этнические активисты, но и система образования, которая не дает ученикам адекватного представления об истории и культуре национальных республик (областей, краев, округов); и СМИ, не противостоящие сложившимся культурным стереотипам; и власти, бездумно использующие в качестве основных экспертов по государственной национальной политике не крупных специалистов в разных отраслях знаний, а этнических активистов и ангажированных ими ученых.

Культурные иерархии, которые все еще сохраняются в различных региональных документах, навязывание культурных ценностей одной культурной группы другим группам, отсутствие целенаправленной политики по формированию региональной идентичности и гражданской солидарности у членов региональных сообществ, безусловно, препятствуют социальному и культурному прогрессу этих сообществ.

Сегодня этнополитический регионализм, который опирался на деятельность и идеологию этнонациональных движений в российских республиках и который лидеры ряда республик использовали как инструмент для усиления своих позиций в спорах с федеральным центром, себя практически изжил, хотя его рудиментарные остатки еще дают о себе знать. Что касается этнокультурного регионализма, который можно использовать для формирования специфического культурного облика территориальных сообществ, то он, конечно, сохраняется и будет сохраняться, хотя формы презентации этничности порой вызывают сомнение, ибо часто региональная этнополитика сводится к активной поддержке фольклорно-фестивальных мероприятий, но не направлена на решение социально-экономических проблем этнических сообществ, на устранение причин, порождающих конфликты между этническими группами.

Тем не менее стоит заметить, что сепаратизм полностью не изжит, что делает проблематичным усиление и расширение полномочий региональных властей и последовательное укрепление региональных институтов. Наибольшую угрозу для государственного единства России, политической и социальной стабильности в стране представляет северокавказский радикальный регионализм. При этом если в отношении вооруженного подполья и идейных сепаратистов все достаточно очевидно, то в отношении различных идей региональной кавказской интеграции и политиков как местных, так и федеральных ясности нет. Между тем эта интеграция происходила в основном на религиозной, идейной основе, что вступало в противоречие с конституционным принципом светскости российской

государственности¹⁸. Более того, о необходимости региональной интеграции в форме «кавказского халифата» позволяют себе заявлять порой даже некоторые официальные политики¹⁹, что позволяет говорить о том, что идея северокавказского регионализма была крайне востребованной как политический лозунг и имела многочисленных сторонников. Собственно это стало очевидно еще при формировании Конфедерации горских народов Кавказа (с 1992 г. – Конфедерация народов Кавказа) и кристаллизации ее идей, начиная с ее создания в 1989 г., а особенно после того, как отряды конфедерации приняли участие в грузино-абхазском конфликте (1992–1993 гг.) на стороне абхазов.

И сегодня Северный Кавказ остается одним из наиболее проблемных регионов страны, что требует усиленного внимания к решению местных проблем как со стороны федеральных, так и региональных властей.

¹⁸ *Казиханов А.* Станет ли Северный Кавказ халифатом? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sknews.ru/main/39865-stanet-li-severnoy-kavkaz-alifatom.html> (дата обращения 04.03.21).

¹⁹ «Кавказский халифат» – возрождение проекта [Электронный ресурс]. Сегодня.ру URL: <http://www.segodnia.ru/content/24119> (дата обращения 04.03.21).

Глава 4

Сеveroкавказский регионализм: исламское возрождение, сепаратизм, идеи дезинтеграции и интеграции

Естественно-географическое положение северокавказского региона на важнейших военно-стратегических позициях Северо-Восточного Кавказа явилось причиной столкновения в этом ареале геополитических интересов Ирана, Османской империи и России. В политической истории Северного Кавказа переломным стал XVIII в. В международных отношениях этого периода основным игроком, наряду с Ираном и Османской империей, становилась превращающаяся в великую державу Россия, которая стала империей при Петре I. *Основными событиями, коренным образом изменившими расклад политических центров силы того периода, стали каспийский поход Петра I, завоевания Надир-шаха на Кавказе и последовавшее затем поражение и уход из Дагестана в 1743 г., а также Русско-турецкие войны, результатом которых стало укрепление позиций Российской империи со строительством и укреплением южных крепостей России в регионе. Кавказ становился объектом серьезнейшего политического интереса России, а процесс его интеграции в состав государства был длительным, сложным и часто конфликтным, что дает повод для того, чтобы использовать историческую память как инструмент формирования альтернативных версий истории, отвечающих интересам различных этнополитических течений, и для развязывания войн памяти* [Шнирельман 2003; Ланда, Яблоков 2014].

Помимо политических усилий, имевших своей целью наладить отношения с местными правителями, началась системная работа по укреплению южной границы империи. Важными направлениями этой работы были не только постройка крепостей и создание оборонительных линий, но и поддержка казачества, крестьянская колонизация. Россия стала укреплять южные рубежи страны и началось последовательное формирование Кавказской укрепленной линии и кавказского линейного казачества.

Стратегическое расположение Кавказа как важных «ворот» на стыке Европы и Азии во многом предопределило этот регион как арену военного соперничества великих держав.

«По окончании Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и заключения Кючук-Кайнарджинского мирного договора Россия упрочила свое положение на Кавказе. В этот период были заключены локальные соглашения *о покровительстве народам Ингушетии (1770 г.), Осетии (1774 г.) и Чечни (1781 г.)*. Принципы взаимоотношений российских властей с чеченскими обществами были оформлены специальной грамотой, представителями российской стороны в двухсторонних отношениях были определены кизлярский комендант и командиры кордонов Кавказской линии» [Хлынина, Кринко, Урушадзе 2012: 32].

Также в ходе Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. был подписан Русско-крымский договор 1 ноября 1772 г. между ставшим независимым от Турции крымским ханом Сахиб-Гиреем II, по которому также была признана Кабарда в подданстве России.

После подавления восстания хана Крыма Девлет-Гирея III, которому пришлось бежать в Турцию, ханом Крыма стал Шагин-Гирей, пользовавшийся поддержкой России. После его отречения от престола Екатерина II 8 апреля 1783 г. обнародовала Манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамань и всей Кубанской стороны под Российскую державу».

Русско-турецкая война 1768–1774 гг. окончательно закрепила Россию в Крыму и на всем Северном Кавказе.

Установление протектората Российской империи над Картли-Кахетинским царством в 1783 г. было следствием военных и дипломатических успехов России на Северном Кавказе, что спровоцировало усиление борьбы за Кавказ между Персией, Османской империей и Россией.

Русско-турецкая война 1787–1791 гг. завершилась поражением Османской империи и потерей последней одной из мощнейших турецких крепостей – Анапы. В этой войне на стороне России выступили кабардинские и осетинские отряды. В первые десятилетия XIX в. произошло еще одно важное событие. В октябре 1813 г. был подписан Гюлистанский мирный договор (с. Гюлистан, Карабах) между Россией и Персией, завершивший Русско-персидскую войну 1804–1813 гг. По этому договору к Российской империи отходили Карабахское, Гянджинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и Талышское ханства, а также Дагестан, Грузия, Мингрелия, Имеретия, Гурия и Абхазия. Вдобавок к этим территориальным приобретениям Россия получила исключительное право иметь на Каспийском море военный флот. Не менее впечатляющими оказались дипломатические достижения России. После окончания Русско-персидской (1804–1813) и Русско-турецкой (1806–1812) войн Турция и Иран подписали мирные договора с Россией, по которым Турция отказывалась от притязаний на Кав-

каз, а Персия – от притязаний на Дагестан, Грузию и Азербайджан. Данные события означали окончательное закрепление России на всем Кавказе.

Тем не менее ни Иран, ни Османская империя не хотели примириться со сложившейся ситуацией, все еще вынашивая планы по отторжению Кавказа от России. В этих планах они находили поддержку у Англии и Франции, которые пытались утвердиться в ближневосточном регионе, используя в своих далеко идущих планах османского султана и иранского шаха. Однако, несмотря на оказанную помощь со стороны Франции и Англии в усилении турецкого флота и артиллерии, образование ирано-турецкого наступательного блока против России не состоялось.

Обобщая имеющийся фактологический материал, академик А.Л. Нарочницкий отмечал, что «это чрезвычайно важное в жизни горцев событие не было результатом произвольных и случайных захватнических действий русских царей, а стало объективным, закономерным и весьма прогрессивным процессом» [История Дагестана 2004: 469].

Присоединение закавказских территорий к России и начавшаяся затем Большая Кавказская война (1834–1859) под предводительством имама Дагестана и Чечни Шамиля изменили характер местных элит, а русская колонизация северокавказских территорий привела к определенной трансформации и модернизации местных сообществ в направлении последовательного формирования новых внутрикавказских культурных и административных границ, которых прежде не было.

В ходе затяжной Кавказской войны весь регион превратился в средоточие сложных и трудноразрешимых военных, политических и экономических проблем. Речь шла о том, что необходимо было выработать формы и методы управления столь сложным краем, отличавшимся этническим и религиозным многообразием, к тому же имевшим непростую историю взаимоотношений как с Персией и Османской империей, так и с Россией.

После визита императора России Николая I на Кавказ было решено сосредоточить всю полноту власти в одних руках, сконцентрировав ее как на местном уровне, так и на уровне высшего управления всем Кавказом. Для реализации этой управленческой модели был выбран наместник региона из числа особо доверенных императору лиц. Данная модель также включала в себя специальный орган, посредством которого можно было контролировать Кавказский край и управлять им из столицы. В результате таких решений в 1844 г. появился наместник кавказский со штаб-квартирой в Тифлисе, а в 1845 г. был создан Кавказский комитет в Санкт-Петербурге.

Первым кавказским наместником стал граф М.С. Воронцов. В состав Кавказского наместничества вошли российские владения на Северном Кавказе, в Закавказье, в Ставропольской губернии и на Кавказской линии.

Что касается полномочий кавказского наместника, то он был наделен высшей военной и гражданской властью в регионе. Например, мог, исходя из местной специфики и особенностей обычаев и традиций, принимать законы, отличающиеся от общих законов Российского государства. Но это еще не все. Согласно российской политической иерархии, кавказский наместник имел министерский статус. При решении вопросов, выходящих за пределы его ответственности и компетенций, наместник обращался в Кавказский комитет, а в вопросах военного и внешнеполитического характера кавказский наместник имел право обращаться лично к императору.

Эта система правления и делегирования полномочий в некоторых своих чертах напоминает современный институт полномочного представителя Президента России в федеральном округе, в нашем случае в Северо-Кавказском. Тем не менее если продолжить аналогию с современным институтом президентского полпредства, то функции и полномочия Кавказского комитета существенно отличались от функций и полномочий современного института полпредства в федеральных округах. Кавказский комитет получал ежегодные отчеты от кавказского наместника, здесь же формировался весь бюджет Кавказской области и Закавказского края. Наконец, в ведении комитета были и все вопросы народного образования, здравоохранения, промышленности, сельского хозяйства и торговли на Кавказе. Как видим, Кавказский комитет обладал куда более широкими исполнительными и распорядительными полномочиями.

Кавказская война была завершена в 1859 г. при четвертом (1856–1862 гг.) кавказском наместнике князе А.Т. Барятинском.

Подводя итог сказанному и немного забегаая вперед, отметим, что данные усилия и последующий процесс советского нациестроительства привели к превращению территориальных групп в этнические сообщества и формированию современного этнокультурного ландшафта Северного Кавказа [Цуциев 2006]. Для последнего характерно сложное переплетение этнических, территориальных, конфессиональных отношений.

4.1. Местные сообщества Северного Кавказа и их трансформация

Советская модернизация кардинально изменила регион. Процессы секуляризации и забвения религиозных традиций привели к тому, что за несколько десятилетий местные сообщества по своему характеру превратились в светские и в значительной мере европеизированные социумы, а религиозные представления поддерживались лишь силой традиции. Сами представители кавказских сообществ за годы советского строительства стали образованными и урбанизированными людьми, а этническая и конфессиональная мозаичность населения Северного Кавказа еще более возросла в результате притока неисламского населения. Впрочем, необходимо заметить, что и в досоветскую эпоху культурный ландшафт Северного Кавказа был весьма сложным. Помимо горских культурных групп, которые традиционно исповедовали ислам, в регионе проживало значительное количество христиан/православных, к которым относились не только терское и кубанское казачество, но и большая часть осетин. Калмыки являлись единственным народом Европы, который исповедовал буддизм, а в городах формировались поликультурные и поликонфессиональные сообщества, где соседствовали представители большого количества этнических групп и конфессий. Активная урбанизация региона началась в XIX – XX вв., и «городское пространство Северного Кавказа стало миграционным ареалом для коренных народов региона, для русского населения, а также для представителей ряда европейских, закавказских и ближневосточных этносов. Основная масса мигрантов осваивала такие города, как Моздок, Ставрополь, Кизляр, Екатеринодар, Георгиевск, Владикавказ. Таким образом, к 1866 г. в Ставропольской губернии, Кубанской и Терской областях в состав основных этносов входили: русские, армяне, грузины, осетины, кабардинцы, греки, поляки, чеченцы, ингуши, кумыки, персы, азербайджанцы, немцы, евреи» [Туаева 2006: 227].

Исламское возрождение конца XX столетия способствовало формированию совершенно иного культурного ландшафта региона и появлению новой политической повестки для региональных властей – необходимости борьбы с религиозным экстремизмом и радикальным исламом. Данные события способствовали тому, что Северный Кавказ в сознании российских обывателей и в оценках экспертов стал восприниматься как самый проблемный регион РФ.

Если на рубеже 1980–1990-х гг. эксперты начали говорить об «этническом ренессансе», «взрыве этничности», то на Северном Кавказе подлинно взрывной характер приобрела исламизация всех

сторон жизни региональных сообществ, которая резко изменила образ жизни населения, систему ценностей, региональную политику и создала условия для культурной гомогенизации республиканских сообществ. Этому в немалой степени способствовало то, что под влиянием двух чеченских войн и экономических бедствий неисламское население стало постепенно покидать регион.

О взрывном характере культурных/этноконфессиональных изменений можно судить по небольшому замечанию Али Казиханова: «Все вдруг ринулись в лоно церкви. Атеисты, вчерашние непримиримые борцы с “опиумом для народа”, бандиты и спекулянты, проститутки, олигархи и чиновники – все вдруг, как оказалось, без церкви (мечети) так плохо чувствуют себя, что кушать не могут. Товарищи, что два десятка лет назад готовы были исключить (и исключали) из коммунистической партии любого, кто участвовал в похоронах или свадьбах по народным обрядам, сегодня не вылезают из церквей (мечетей), крестятся и свечи держат, совершают намаз, со слезами на глазах внимают проповедям, бросают все дела, чтобы совершить хадж...»²⁰.

И действительно, и университетские преподаватели, и деятели культуры, и многие государственные служащие на Северном Кавказе превратились в истовых прихожан. Более того, светская власть для того чтобы быть легитимной, не только должна быть лояльна по отношению к верующим и религиозным авторитетам, но ей необходимо добиваться поддержки этих самых авторитетов. При этом возникла конкуренция между старым духовенством и новыми религиозными деятелями, которые получили религиозное образование в медресе и исламских университетах Ближнего Востока. Особенно показательно то, что молодежь в республиках Северного Кавказа в подавляющем большинстве восприняла идеи ислама и считает себя истинными мусульманами. При этом важен не сам факт обращения к религии, а то, что многие молодые люди симпатизируют радикальным исламистам. «Молодежь из национальных республик еще с конца 1980-х гг. бесконтрольно выезжала за рубеж, попадая там под влияние религиозных экстремистов и спецслужб. Назад возвращались (и до сих пор возвращаются) идеологи и пропагандисты ваххабизма, будущие руководители и участники банд-формирований» [Иванников 2006: 44]. Именно из числа тех, кто получил религиозное образование на Ближнем Востоке, сформировался новый корпус исламских проповедников, который не только конфликтовал со старым духовен-

²⁰ Казиханов А. Станет ли Северный Кавказ халифатом? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sknews.ru/main/39865-stanet-li-severnyj-kavkaz-xalifatom.html> (дата обращения 05.03.21).

ством, но пользовался активной поддержкой молодежи. Более того, именно эти проповедники начали борьбу за право духовной власти над умами представителей различных социальных групп населения в северокавказских республиках, но в первую очередь молодежи. И в этой борьбе перевес оказался на их стороне – для многих молодых людей имамы мечетей, получившие образование за рубежом, являются единственными и непререкаемыми авторитетами, указаниям и проповедям которых они верят беспрекословно. Светские лидеры, родители, ученые, деятели культуры не могут конкурировать с религиозными авторитетами по степени влияния на умы молодых мусульман. «Все сильнее ощущается влияние относительно нового (для России) течения в исламе – салафизма (известного как неовахабизм). Салафитские имамы, алимы все активнее вторгаются в личностное пространство простых людей – обывателей, “захватывают” умы. Салафитские религиозные деятели наделяются в глазах своих ближайших сподвижников выдающимися, нередко харизматическими качествами, создают собственные общины на религиозной основе (джамааты). Эти общины отличаются высоким уровнем организованности и сплоченности» [Зинев 2006: 61].

Исламское возрождение имеет свою специфику в разных республиках Северного Кавказа, и не везде оно носит всепроникающий характер. Как замечают исследователи, «Дагестан – один из наиболее ярких примеров исламского возрождения» [Мацузато, Ибрагимов 2005: 140]. Это утверждение подтверждается статистикой: «На 10 городов и почти 700 селений, аулов, поселков Дагестана в 2003 году приходилось 1679 мечетей (включая 1091 пятничных-джума), 16 исламских вузов с 52 филиалами, 141 медресе, 342 начальные школы при мечетях. А за пять лет до этого в республике насчитывалось 1603 общеобразовательные школы, 12 гимназий, 9 лицеев, 76 колледжей, а также 5 вузов и 27 техникумов... Число мечетей превышает число средних общеобразовательных школ, а число исламских вузов в разы больше государственных вузов»²¹. В 2019 г. число мечетей в республике увеличилось до 1908. Не менее глубоки процессы исламизации в Чечне и Ингушетии [Чабиева 2011: 147–152]. Несколько меньше затронул этот процесс Кабардино-Балкарию и Карачаево-Черкесию, а еще менее – Адыгею, в силу специфики этноконфессионального состава ее населения [Полякова 2002]. И, безусловно, совсем иная ситуация сложилась в Калмыкии, где, хотя и происходило активное возрождение буддийских традиций, но республиканское сообщество не утратило светского характера [Волгин 2015: 557–564].

²¹ Там же.

При этом имамы и муллы, как было сказано выше, вмешиваются в дела местных администраций. Религиозные лидеры имеют своих учеников-мюридов в правоохранительных органах, диктуют местным сообществам нормы поведения и образ жизни, иногда отрицая традиции светской жизни (хотя Россия по Конституции является светским государством), принципы толерантности и права человека, включая право на культурную свободу.

Человек на Северном Кавказе не вправе выбирать себе сам ни внешний облик, ни нормы повседневной жизни – он становится заложником религиозных норм и традиций (а точнее их толкований местными религиозными авторитетами) и диктата культурных/конфессиональных групп. Доминирующим вектором развития дагестанского и других северокавказских обществ становится их архаизация. Например, на людей, приходящих загорать на махачкалинские пляжи, неоднократно совершались нападения, женщин, одетых не по шариату, в Чечне и Дагестане обливали краской, ларьки и магазины торговцев алкоголем поджигали. Поощряется исламская женская мода, возрождается исламский банкинг, запрещены игорные дома и сауны, наложен запрет на выступления ряда эстрадных артистов.

Идейную суть исламского возрождения еще 10 лет назад достаточно четко в популярной форме сформулировал Алексей Малашенко в своих «Исламских тезисах». Он, в частности, заявил: «Мусульмане России принимают участие и одновременно находятся под воздействием процесса “глобализации ислама”, означающего стремление утвердить в нем (исламе) единую идеологию и систему ценностей, укрепить транснациональность ислама, религиозную солидарность перед лицом Запада. Конечная цель исламской глобализации невыполнима... Для российских мусульман глобализация ислама помимо прочего – проблема самоидентификации. Осознание своей принадлежности к мировой умме вступает в противоречие с охранением собственной этнокультурной версии ислама. Дихотомия свое – универсальное решается в России особенно болезненно. Во-первых, потому, что ислам в России – географически периферийен, а во-вторых, эта периферийность в советскую эпоху перешла в почти тотальную закрытость. После падения «южной берлинской стены» столкновение с иным (фундаменталистским, ваххабитским, арабским и пр.) исламом было неизбежно как по политическим, так и по чисто религиозным соображениям. Неприятие было жестоким и взаимным. К тому же в ходе его татары, башкиры, но особенно кавказцы стремились избавиться от имиджа “плохих мусульман”, который достался им от советских времен... Однако... взаимная непримиримость начинает сочетаться с готовностью к диалогу... Имеет место известная конвергенция: и новый, радикальный, и традицион-

ный ислам роднит стремление интенсивнее шариатизировать общество; их позиции практически едины в критике экспансии Запада, в особенности Америки, в мусульманском мире. Правда, радикалы разделяют идею конфликта цивилизаций в то время как традиционалисты считают ее ложной» [Малашенко 2009].

В исламе на Северном Кавказе сталкиваются разные позиции: и позиция обособления, и позиция культурной интеграции всех мусульманских общин региона, и позиция межконфессионального диалога, и радикальные идеи джихада. Но важно, что ислам стал социальным и культурным «убежищем» в условиях конфликтов и глубокого кризиса местных сообществ.

В чем выражается этот кризис? Пожалуй, наиболее точный анализ ситуации предложен известным ставропольским исследователем В.А. Авксентьевым, который заметил, что «все факторы напряженности в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений на Северном Кавказе, редуцирования экстремизма и терроризма сохраняют свое действие, хотя изменилась интенсивность их влияния и иерархии» [Авксентьев 2018: 132]. Осуществленный исследователем факторный анализ социальных и политических рисков, которые имеют место в регионе, показал, что, во-первых, в регионе, как и прежде, сохраняется низкий уровень промышленного производства. Во-вторых, все республики Северного Кавказа так же, как и многие российские регионы, имеют критический уровень зависимости от дотаций из федерального бюджета. В-третьих, для северокавказских республик характерна относительная бедность населения, что является еще одним фактором, провоцирующим выезд населения за пределы региона. Так, согласно данным текущей статистики, в 2017 г. доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в Калмыкии и Ингушетии составляла около трети населения, в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии – четверть²². В-четвертых, в Южном федеральном округе и республиках Северного Кавказа имеет место отставание по качеству жизни, хотя автор отмечает, что данный вывод может быть существенно скорректирован в связи с большими погрешностями из-за значительного объема теневых доходов и услуг, что является характерной особенностью региона. Пятый фактор напряженности – высокий уровень безработицы: в III квартале 2018 г. он составлял в Ингушетии 26,3%, Чеченской Республике – 13,7%, Карачаево-Черкесии – 11,2%, Дагестане – 10,5% [Авксентьев 2018: 135]. Правда, отмечается, что уровень безработицы

²² Лайкам К.Э. Статистика бедности: система показателей, методология и организация статистических наблюдений [Электронный ресурс]. URL: <http://www.docviewer.yandex.ru/view/48665243/> (дата обращения 06.03.21).

в республиках снижается. Следующим фактором напряженности являются масштабы коррупции в регионе. Отмечается, что, по данным Национального антикоррупционного комитета, Ингушетия, Карачаево-Черкесия и Северная Осетия вошли в список регионов, где коррупция росла наибольшими темпами. Но при этом высокий уровень коррупции характерен для всего региона. Еще один фактор напряженности очевидно связан с предыдущим, ибо им является «крайне низкая эффективность региональных органов власти».

К числу факторов напряженности Авксентьев также относит этноклановость, ибо «клановые группы расширяются, включают в себя группы и лиц «по интересам». И, по мнению ученого, «единственным путем к демонтажу клановой системы на Северном Кавказе является реиндустриализация и технологическая модернизация, однако на современном этапе трудно считать эту задачу реалистичной...» [Авксентьев 2018: 137].

Наконец, очевидным фактором напряженности в регионе следует считать деятельность бандподполья и его влияние на региональную ситуацию, а также экстремизм, подпитываемый из-за рубежа.

На наш взгляд, есть еще один фактор напряженности, на который мало внимания обращают как исследователи, так и политики, но который хорошо подмечен журналистами [Левкин, Чарыева 2013]. Он состоит в том, что происходит активная архаизация северокавказских сообществ, а потому процессы экономической, социальной и культурной модернизации здесь не только «буксуют», но исчезают условия для модернизационного развития. Объяснить это явление приверженностью населения к «горским традициям», особенностями «национального характера» или исламским возрождением вряд ли возможно, ибо северокавказская молодежь, выезжая за пределы северокавказских республик, резко меняет стиль поведения и ни горские традиции, ни исламская мораль на ее новый образ жизни не оказывают заметного влияния. Вместе с тем недовольство условиями жизни на местах оборачивается не только тотальной исламизацией, но и, как замечено выше, усилением исламского радикализма.

Все названные выше явления оказывают серьезное влияние на умы и настроения жителей и особенно молодежи, которая видит бедность, безработицу, произвол и коррупцию среди чиновников и жаждет, чтобы ничего этого не было, чтобы в обществе стало больше справедливости и уважения к личности. И эти устремления они пытаются реализовать, обращаясь к исламу, идеалам мусульманской религии. А желание бороться с несправедливостью, которая укоренилась в северокавказских сообществах, толкает некоторых из них на путь религиозного экстремизма. Поэтому пока не произойдет радикальных сдвигов в развитии экономики, в социальном прогрессе

местных сообществ, пока качественно не обновятся элиты и социальная модернизация не приобретет нужной глубины и масштабов, борьба с религиозным экстремизмом будет продолжаться. Однако говоря об исламском экстремизме, следует иметь в виду, что родился этот экстремизм в борьбе со старыми элитами, а его идейной основой были традиционные ценности горских сообществ, включая ислам, что наглядно показали события в Чечне.

4.2. Радикальный регионализм: пример Чечни

Наиболее горячей точкой после распада СССР на постсоветском пространстве стала Чечено-Ингушская Республика. Здесь в 1991 г. произошла насильственная смена власти. Старая политическая элита, сформировавшаяся еще в советские времена, была изгнана, а на ее место пришла группировка чеченских национал-радикалов во главе с генералом Джохаром Дудаевым, который в советские годы командовал дивизией, дислоцированной на территории Эстонии.

23–24 ноября 1990 г. в Грозном (столице Чеченской Республики) прошел чеченский национальный съезд, который избрал исполнительный комитет во главе с Д. Дудаевым. Сразу же после съезда по республике прокатилась волна митингов, на которых чеченцы требовали смены власти в республике. В марте 1991 г. Д. Дудаев от имени исполкома Чеченского национального съезда потребовал отставки Верховного Совета республики. Однако ВС отказался уходить в отставку, а его руководитель Доку Завгаев пытался заручиться поддержкой руководства РСФСР и использовал противоречия в самом чеченском движении, которые проявились практически сразу же после съезда. Кроме того, одновременно с Чеченским национальным съездом на политическую сцену вышли и другие политические организации, отражавшие интересы чеченской интеллигенции, студенчества, предпринимателей. Их появление усиливало политическую конкуренцию и ослабляло позиции как правящей элиты, так и лидеров Чеченского национального съезда. Наиболее влиятельной силой среди новых политических организаций стало Движение демократических реформ Чечено-Ингушской Республики (лидеры: С. Хаджиев, Д. Такаев).

Однако внутренняя ситуация в Чечне оставалась крайне напряженной не только из-за противоречий между оппозицией и правящей элитой, не только из-за нарастающей политической кон-

курении и брожения внутри самого чеченского движения, но и по причине усиливающегося межэтнического противостояния. Крайне обострились отношения между чеченцами и ингушами, с одной стороны, и русскими казаками – с другой. Здесь необходимо пояснить, что целый ряд районов за р. Терек исторически был заселен казаками, и здесь сформировались довольно значительные анклавы русского/казацкого населения. В условиях ослабления институтов власти и разгула политической анархии, которая царила в республике, радикалы стали претендовать на казачьи земли, грабили казачьи станицы, совершали различные преступления против мирного населения. Это не могло не спровоцировать конфликты, в которых гибли как казаки, так и чеченцы, что не только накаляло общую обстановку в республике, но и провоцировало массовый отток русского населения. Однако возможности для политического лавирования прежнее руководство Чечено-Ингушской Республики (ЧИР) утратило, когда в Москве в августе 1991 г. был устроен путч, и путчисты попытались сместить со своего поста М. Горбачева. Последний коммунистический руководитель Чечено-Ингушетии Доку Завгаев фактически поддержал путчистов, видимо, полагая, что установление жесткой власти поможет навести порядок и в республике. Что касается населения ЧИР, то оно не приняло идей путчистов, после чего начались массовые митинги протеста. Провал путча привел к драматической развязке назревшего кризиса: в республике резко усилились требования отставки Д. Завгаева и роспуска Верховного Совета. 1–2 сентября 1991 г. состоялась третья сессия Конгресса чеченского народа, на котором Верховный Совет республики был объявлен низложенным. Спустя несколько дней, 6 августа, сформированные Чеченским национальным съездом вооруженные отряды осуществили переворот в республике. Был осуществлен штурм Верховного Совета и городского совета г. Грозного. Д. Завгаев был изгнан со своего поста и подписал «акт об отречении». Судьба некоторых политиков сложилась более трагически, многие депутаты были жестоко избиты, а председатель городского совета Виталий Куценко убит. Власть перешла в руки Чеченского национального съезда. Здесь любопытно отметить следующий факт. *Это был единственный случай в постсоветской России, когда этнонациональное движение стало главной политической силой региона, а националисты пришли к власти силовым путем и стали осуществлять руководство политическим и социально-экономическим развитием целой республики.*

27 октября 1991 г. в Чечне прошли президентские выборы, на которых убедительную победу одержал Д. Дудаев (90,1% проголосовавших). Своим первым декретом он переименовал республику в Чеченскую Республику Ичкерия (ЧРИ). Съезд народных депутатов

СССР, состоявшийся 2 ноября 1991 г., признал выборы недействительными, но после августовского путча решения политических институтов СССР уже мало что значили. Однако события в Чечне привели к усилению конфликта с РСФСР, в связи с чем 7 декабря 1991 г. Б. Ельцин издал указ о введении в Чечне чрезвычайного положения. В ответ Дудаев ввел на всей подвластной ему территории военное положение, что фактически положило начало формированию в республике военной диктатуры. Был проведен захват зданий силовых министерств и ведомств, подчинявшихся Москве, разоружены воинские части, дислоцированные на территории республики (их «штурмовали» сотни женщин и детей, против которых военнослужащие не смели применить оружие). Все вооружение и боеприпасы, хранившиеся на гарнизонных складах, попали в руки дудаевцев. Более того, Конгресс чеченского народа призвал чеченцев, проживающих в Москве, «превратить столицу России в зону бедствия».

Конфронтация с властями РСФСР постоянно нарастала, и 12 марта 1992 г. парламент ЧРИ принял новую Конституцию республики, объявив ее независимым государством. Но далее дело государственного строительства не получило логического развития. Не были отпечатаны паспорта независимой Ичкерии, не была создана дипломатическая служба, не учрежден национальный банк и собственная валюта. Кроме объявивших о формальной независимости институтов власти и собственной армии, напоминавшей более партизанские формирования, явных свидетельств независимого государства не было. Попытки же Дудаева получить хотя бы символическое признание со стороны некоторых государств (Турции, Саудовской Аравии и пр.) не встретили с их стороны понимания. Власти России тоже не готовы были к каким-либо компромиссам с новым руководством Ичкерии.

К началу 1993 г. экономическая и военная обстановка на территории Чечни обострилась, Дудаев начал терять прежнюю поддержку. 19 февраля 1993 г. своим решением Дудаев утвердил Конституцию ЧРИ, в рамках которой вводилась президентская республика. Был организован опрос граждан, в ходе которого они должны были высказаться по поводу проекта новой Конституции республики, и, по данным самих властей, в нем приняло участие 117 тыс. чел., из которых 112 тыс. одобрили проект. Но социально-экономическая ситуация в республике была сложной: не хватало ни финансовых средств, ни прочих ресурсов, которые надо было направлять на удовлетворение социальных нужд населения. Это, с одной стороны, провоцировало рост общественного недовольства, а с другой – способствовало превращению Чечни в территорию беззакония. Чеченцы грабили поезда, проходившие через территорию республики, угоняли скот

из хозяйств соседних регионов (прежде всего, русских), нападали на приграничные села за пределами государственных границ Ичкерии.

В самой республике ухудшение экономической и социальной ситуации вызвало рост недовольства населения. В результате 15 апреля 1992 г. начался бессрочный митинг оппозиции на Театральной площади в Грозном. Парламент принял призыв к гражданам Чечни о восстановлении в республике законной власти и назначил на 5 июня референдум о доверии парламенту и президенту. В ответ 17 апреля 1993 г. Дудаев распустил правительство ЧРИ, парламент, конституционный суд и Грозненское городское собрание, введя на всей территории Чечни прямое президентское правление. Кроме этого, он учредил в республике комендантский час, а также назначил вице-президентом Чечни Зелимхана Яндарбиева. Незадолго до проведения референдума в республике начались первые акты гражданского конфликта с кровавым исходом – сначала вооруженные дудаевцы устроили разгром Центризбиркома, а 4 июня был расстрелян митинг оппозиции, штурмом взяты здания мэрии Грозного и ГУВД. В результате всех этих акций было убито примерно 50 чел.

Летом 1993 г. на территории Чечни регулярно происходили вооруженные столкновения. Оппозиционные силы, которые опирались на поддержку федерального центра, были вытеснены дудаевцами на север республики, где были сформированы альтернативные органы власти. В конце года Чечня отказалась принимать участие в выборах Государственной Думы и референдуме о Конституции. Парламент республики выступил против включения в новую Конституцию РФ положения о Чечне как о субъекте Российской Федерации.

К началу 1994 г. режим Дудаева был серьезно ослаблен внутренними противоречиями, нестабильностью и кризисом управления. Именно в этот момент антидудаевская оппозиция формирует Временный совет Чеченской республики во главе с Умаром Автурхановым. В ответ Дудаев разворачивает новые репрессии против оппозиции с целью укрепить свои политические позиции в республике. 10 августа 1994 г. в Грозном прошел Общенациональный съезд, организованный сторонниками Дудаева. Съезд высказался за всеобщую мобилизацию и объявление «священной войны» России. Ставка делалась на консолидацию чеченского общества перед лицом внешнего врага.

20 сентября 1994 г. Умар Автурханов заявил, что все мирные пути решения чеченского кризиса исчерпаны, а 30 сентября вертолеты Временного Совета совершили налет на аэродром Грозного, уничтожив часть авиации Дудаева, доставшуюся ему от разоруженных воинских частей России. 15 октября силы Временного совета вступили в Грозный, практически не встречая сопротивления, но затем

отошли из города, будто бы получив некий приказ из Москвы. После перегруппировки личного состава и получения бронетехники военный потенциал Временного совета значительно усилился. 17 ноября началась подготовка к новому штурму Грозного.

Утром 26 ноября 1994 г. произошел обстрел Грозного армейской артиллерией и штурм российскими войсками и отрядами оппозиции. В Грозный вошли три вооруженные колонны по трем направлениям. Без боя был занят телецентр, возле которого остались три танка. Сообщалось также, что президентский дворец был захвачен отрядом участвовавшего в штурме на стороне оппозиции полевого командира Руслана Лабазанова. Танкисты, занявшие позиции у телецентра, вскоре подверглись атаке «абхазского батальона» Шамиля Басаева и сдались охранникам телецентра. К концу дня 26 ноября в результате неудачного штурма дудаевских позиций силы Временного совета покинули Грозный. Поражение оппозиции было очевидным. Особенно удручающим был факт пленения отрядами Дудаева российских военнослужащих, воевавших на стороне оппозиции по контракту с Федеральной службой контрразведки Российской Федерации.

После неудачного штурма Грозного оппозиция могла рассчитывать только на военную помощь из Москвы. 11 декабря 1994 г. подразделения Минобороны и МВД России вошли на территорию Чечни на основании Указа Президента РФ Бориса Ельцина «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской республики и в зоне осетино-ингушского конфликта». Считается, что таким образом началась первая чеченская война, хотя в реальности она началась месяцем ранее. Силовое решение конфликта между Чечней и федеральным центром путем использования вооруженной оппозиции очевидно было ошибкой. Не случайно чрезвычайный съезд Конфедерации народов Кавказа осудил поддержку федеральным центром вооруженной оппозиции и высказался за мирный путь решения конфликта. Многие представители чеченской интеллигенции также говорили, что уже к началу 1994 г. режим Дудаева находился в глубоком кризисе, и его крах был неизбежен. Военные предлагали не начинать военных действий, а блокировать территорию республики, расположив воинские части по периметру ее границ, что могло бы предотвратить разжигание гражданской войны и решить проблемы в отношениях между республикой и федеральным центром силовым методом, но без кровопролития. Однако политическое руководство РФ приняло иное решение.

Еще одним негативным эффектом вышеуказанных событий стало то, что ввод отрядов оппозиции и российских войск в Чечню позволил консолидировать чеченское общество и объединить его вокруг Д. Дудаева. Вместе с тем чеченское единство было доволь-

но условным, ибо, как отмечал академик В.А. Тишков, «начиная с 1990 г. Чечня живет в противоречиях и терзаниях, в условиях глубокого разброда и деконсолидации, хотя доминирующий взгляд на Чечню строится на постулате невиданной групповой солидарности и целеустремленности, которые, якобы, продемонстрировал чеченский народ в ходе войны. Достаточно прочесть пространную книгу одного из главных идеологов чеченской сецессии Зелимхана Яндарбиева, чтобы понять, что упоминаемый на каждой странице “чеченский народ”, который “только и способен вершить крупные события и определять свой выбор”, это в данном случае что-то мифологическое и неопределенное» [Тишков 2001: 31].

Боевые действия на территории Чечни развивались крайне неудачно для российской армии, которая была плохо организована, несла большие потери убитыми и пленными и фактически потерпела поражение. Причины поражения российских войск были многочисленны, но главная ошибка военного руководства состояла в том, что армия была не готова к ведению боевых действий, причем военные не учитывали опыт современных войн и конфликтов, плохо координировали действия различных подразделений, не имели единого стратегического замысла [Володин 1999: 85]. При этом война не пользовалась поддержкой российского общества, которое в целом весьма негативно было настроено по поводу происходящего в Чечне и не одобряло военных действий против сепаратистов.

По указанию Джохара Дудаева в Чечне были созданы лагеря содержания военнопленных и гражданских лиц. «Торговля» пленными превратилась в одну из статей доходов военно-клановой этнократии, которая стала основной политической силой в республике. Важно заметить, что чеченские боевики не ограничивались действиями на территории республики. 14 июня 1995 г. состоялся рейд отряда боевиков под командованием Шамиля Басаева на г. Будённовск (Ставропольский край), где им была захвачена городская больница, а ее персонал и пациенты были взяты в заложники, которыми басаевцы прикрывались от российского спецназа. Эта акция привела к гибели около 100 мирных граждан. После событий в Будённовске Дудаев наградил орденами Ичкерии личный состав отряда Басаева. 21 июля 1995 г. Дудаев присвоил Басаеву звание бригадного генерала, а один из известных российских правозащитников, выступая на российском телевидении, назвал Басаева Робин Гудом.

1996-й год стал годом окончания дудаевского периода в истории постсоветского чеченского сепаратизма. 21 апреля 1996 г. Д. Дудаев был убит во время телефонного разговора по спутниковому телефону. Его уничтожили самонаводящейся ракетой с российского самолета. После смерти Дудаева пост Президента Чеченской

Республики Ичкерии недолго занимал Яндарбиев. В январе 1997 г. Президентом Чечни был избран начальник штаба вооруженных сил республики полковник советской армии Аслан Масхадов, который формально занимал этот пост до 8 марта 2005 г., когда был убит в ходе спецоперации ФСБ.

Безрадостные настроения в российском обществе, фактор приближающихся президентских выборов, а также военные неудачи заставили российские власти пойти на компромисс с сепаратистами, хотя до этого Борис Ельцин говорил о непризнании правительства Ичкерии и отказывался напрямую идти с ним на переговоры. В конце мая 1996 г. состоялась встреча Президента России и Зелимхана Яндарбиева в Москве. На ней были достигнуты договоренности о прекращении огня с 1 июня того же года. При следующих контактах полномочными представителями сторон было принято соглашение о частичном выводе российских войск с территории Чечни, разоружении боевиков и проведении в Ичкерии выборов. Однако данные договоренности неоднократно нарушались обеими сторонами, а с 9 июля полномасштабные боевые действия возобновились с новой силой. Новые военные неудачи окончательно подтолкнули российские власти идти на переговоры с руководством Ичкерии. В середине августа Зелимхан Яндарбиев и председатель Совета безопасности Российской Федерации Александр Лебедь договорились о продолжении диалога, конечным результатом которого стали Хасавюртовские соглашения. Знаковая встреча произошла 31 августа 1996 г. в дагестанском городе Хасавюрте, который имеет статус районного центра. Россию представляли секретарь Совета безопасности Александр Лебедь и его заместитель Сергей Харламов. Со стороны Ичкерии делегатами выступали А. Масхадов и вице-президент самопровозглашенного государства Саид-Хасан Абумуслимов.

Хасавюртовские соглашения предусматривали полный вывод российских войск с территории республики и прекращение боевых действий. Россия должна была предпринять меры по восстановлению инфраструктуры республики. Чеченская сторона, в свою очередь, обязывалась законодательно уважать права и свободы всех граждан независимо от национальной или религиозной принадлежности. Текст договоренностей гласил, что окончательное урегулирование статуса территорий, входящих в Чеченскую республику, должно произойти до начала 2002 г., т. е. к этому времени должна была определиться судьба всего региона²³. Общая суть Хасавюртовского

²³ Хасавюртовские соглашения от 31.08.1996. Полный текст [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kopomko.com/hasavyurtovskie-soglasheniya-ot-31-08-1996-polniyiy-tekst/> (дата обращения 07.03.21).

соглашения сводилась к тому, что российская делегация фактически признавала независимость Ичкерии, хотя текст соглашения не был достаточно конкретен. В нем не был прописан детальный план «развода» с Российской Федерацией, не содержались ссылки на международные документы, хотя говорилось о праве наций на самоопределение. В большей мере соглашение напоминало декларацию о намерениях, нежели проработанный итоговый документ.

Как и следовало ожидать, отношение к достигнутым договоренностям было неоднозначным как в России, так и в Чечне, и ни одна из сторон в полной мере их не соблюдала. Более того, Чечня постепенно стала представлять все большую угрозу для соседних регионов Северного Кавказа. Это в полной мере проявилось летом 1999 г., когда руководимые Басаевым вооруженные отряды напали на Дагестан. Вторжение не было случайным, а стало логичным этапом идейной трансформации политического режима в Чечне. После подписания в 1996 г. Хасавюртовских соглашений и вывода российских войск из Чечни ислам салафитского толка (который чаще называют ваххабизмом) стремительно превращался в республике в основу политической идеологии ее руководства. Этому способствовал курс на ускоренную исламизацию чеченского общества.

Справедливости ради необходимо отметить, что не все чеченские лидеры и не сразу стали сторонниками этого курса. В частности, Аслан Масхадов долгое время был против поспешного объявления ислама государственной религией республики, но в начале 1999 г. уже сам Масхадов, находясь на посту президента и стремясь укрепить свои позиции, ввел в Чечне «полное шариатское правление» [Кудрявцев 2000]. В апреле 1998 г. в Грозном состоялся Конгресс народов Ичкерии и Дагестана, председателем которого избрали известного чеченского полевого командира Шамиля Басаева.

Цель создания организации – «освобождение мусульманского Кавказа от российского имперского ига». И именно под эгидой Конгресса были созданы вооруженные формирования, ставшие главной ударной силой при вторжении в Дагестан.

Однако вооруженное вторжение вызвало волну общественного негодования среди дагестанцев, которые формировали отряды народного ополчения и вместе с подразделениями российской армии оказывали сопротивление вооруженным отрядам, пришедшим из Чечни.

Вместо широкой поддержки шедших под знаменем ислама отрядов сформировался только некий фронт сопротивления. В соседних регионах оказалось напрочь подорвано доверие к лидерам Чечни, якобы боровшимся за свободу и независимость Кавказа. А вместе с подорванным доверием практически были похоронены

идеи кавказского единства. Другим политическим следствием данных событий стало то, что российские власти получили повод начать ревизию Хасавюртовских соглашений и приступить к разгрому чеченских воинских формирований уже на территории самой Чеченской республики. Боевые действия, проходившие в 1999–2000 гг., получили название второй чеченской войны (или кампании). К этой операции российские вооруженные силы были подготовлены гораздо основательнее, чем к первой чеченской кампании. Сами военные действия проводились планомерно, тактически грамотно, что позволило не только наносить серьезный урон воинским формированиям ЧРИ, но и неуклонно оттеснять их в горы, освобождая равнинные территории.

Мнимое единство чеченской элиты и самого чеченского общества было разрушено в начале второй чеченской кампании. Муфтий республики Ахмат Кадыров, занимавший этот пост с 1995 г. (вернувшийся в Чечню сразу после начала первой чеченской войны из Аммана, где он обучался на шариатском факультете Иорданского университета), который некогда объявлял джихад России, перестал поддерживать Масхадова и его сторонников и пошел на сотрудничество с руководством РФ. Благодаря его усилиям, целый ряд населенных пунктов Гудермесского района республики не стали оказывать сопротивления федеральным войскам и подчинились российским властям.

10 октября 2002 г. Масхадов своим указом снял Кадырова с поста муфтия, хотя это мог сделать только совет имамов, который избрал его на эту должность. Более того, Кадыров был объявлен «врагом чеченского народа». После разгрома основных сил Ичкерии 16 марта 2002 г. в республике было введено прямое президентское правление, а уже 12 июня 2003 г. указом Президента РФ главой временной администрации Чеченской республики был назначен Ахмат Кадыров. 5 октября 2003 г. в результате всеобщих выборов он был избран на пост президента республики. Ахмат Кадыров пробыл на этом посту недолго. 9 мая 2005 г. во время торжественных мероприятий на стадионе Грозного он был убит в результате теракта, ответственность за организацию которого взял на себя Ш. Басаев.

Ахмата Кадырова сменил на посту президента его сын Рамзан, при котором окончательно было разгромлено вооруженное подполье, уничтожены все главари боевиков, а республика перешла к стадии мирного развития и постконфликтной трансформации чеченского общества. 10 июля 2006 г. на территории Ингушетии был уничтожен последний заметный лидер боевиков Ш. Басаев [Степанов 2015], после чего широко организованного партизанского подполья больше не существовало.

В деле социально-экономического развития Чечни были достигнуты заметные успехи. В частности, было полностью восстановлено разрушенное войной хозяйство республики, отстроена заново столица ЧР г. Грозный. Удалось существенно снизить безработицу, которая в прежние времена была главной социальной проблемой республики. Конечно, этому способствовали тесные отношения с федеральным центром, которые удалось установить Р. Кадырову в сочетании с демонстративной политической лояльностью политическому руководству страны и особенно Президенту В. Путину (именем которого назван главный проспект столицы Чечни). В результате республика получила необходимое финансирование, а динамика ее развития существенно опережает многие другие регионы Северного Кавказа. В настоящее время процветание республики обеспечивается почти полностью за счет трансфертов из федерального бюджета: 83% республиканского бюджета формируется за счет них. Конечно, память о двух войнах, а также воспоминания о депортации чеченцев в советскую эпоху, в ходе которых погибло много мирных жителей республики, сказывается на общественных настроениях. Вместе с тем несмотря на такое историческое наследие, в Чечне постепенно усиливается общероссийская гражданская идентичность, о чем свидетельствуют как данные социологических исследований, так и экспертный анализ ситуации в республике [Юсупов 2010; Юсупов 2015].

При общем анализе ситуации, складывающейся в Чеченской Республике, очевидно, что она продолжает оставаться сложной, о чем свидетельствуют многие факты. Но если причины двух чеченских войн, ход боевых действий на территории Чечни и то, каким образом военные кампании отражались на чеченском обществе, проанализированы достаточно основательно (в первую очередь в упомянутой работе В.А. Тишкова), то постконфликтное развитие ЧР не стало предметом основательного и масштабного исследования, хотя потребность в такого рода работе очевидна. При этом ни Чечня, ни чеченцы не обделены вниманием исследователей. В советские и первые постсоветские годы особое внимание уделялось анализу традиционной культуры чеченцев, допускавшему ее определенную идеализацию (вплоть до представления культуры чеченцев как отдельной цивилизации) [Чеснов 1996; Чеснов 1995–1996; Чеснов 1999]. В современных публикациях также делается акцент на особенностях культурного облика народа, пафосных описаниях современных социокультурных реалий [Нунуев 2008] или же абсолютизируется значимость этнической психологии группы [Павлова 2013], хотя, на наш взгляд, попытки объяснить с помощью психологии универсальный процесс усвоения культуры, т. е. социализации, имеющий место

в разных культурных сообществах, ведет не только к построению сомнительных конструкций этнической психологии [Крысько 2004], но и к поиску «этнических генов», «культурных ДНК», построению конструкций «национального характера», предлагаемых как отечественной этнической психологией, так и западной имиджологией [Leerssen, Beller 2007; Leerssen, Hoenselaars 2009].

В этой связи представляется более уместной попытка объяснить коллективные особенности поведения их социальной обусловленностью, а потому нам более близка позиция В.А. Тишкова, касающаяся того, что в деле конструирования современной идентичности чеченцев события 1990-х гг. сыграли решающую роль [Тишков 2001: 501–514], и именно поэтому серьезный анализ глубинных социальных изменений в современном чеченском обществе наиболее важен.

О ситуации в регионе, конечно, можно судить по отдельным публикациям в отечественных и зарубежных СМИ, включая «Новую газету» и сайт «Кавказский узел», но журналистский анализ не позволяет понять настроения, которые есть сегодня в чеченском обществе, не дает глубокого понимания общественно-политических процессов, имеющих место в республике, проблем экономического и социального развития, латентной конфликтности, формирующейся в республиканском социуме. Полагать, что все благополучно в развитии республики, наивно. Но и судить о проблемах республики по документальному фильму «Добро пожаловать в Чечню», снятому известным режиссером Дэвидом Франсом в основном за пределами республики с использованием технологии *deepfake*, тоже нельзя (комментарии по поводу фильма наполнены показным и даже постановочным драматизмом). Нужны серьезные и независимые исследования социальных, политических и правовых явлений и процессов, имеющих место в Чечне, их обусловленности традициями местного сообщества, логикой постконфликтного развития, спецификой взаимодействия между властью и обществом, а также между федеральным центром и региональной политической элитой. А потому мы избегаем поверхностных и необоснованных суждений по поводу современной ситуации в Чеченской Республике, хотя некоторые объективные данные, характеризующие межбюджетные отношения и экономическое развитие региона, в разных главах настоящей работы приводим.

При этом стоит заметить, что Чечня есть лишь один из «пазлов» в сложной мозаике этнических, этноконфессиональных, территориальных и этнополитических конфликтов на Северном Кавказе, и хотя их глубина и масштабы меньше, чем в Чечне, разрешение этих конфликтов необходимо для поступательного развития всего Северного Кавказа, отдельных региональных сообществ и страны в целом.

4.3. Кавказский опыт этнополитической дезинтеграции и интеграции

Объединительные и дезинтеграционные тенденции на Северном Кавказе опирались на опыт прошлого, местные традиции, историческую память, мифологию и религию. Политические процессы рубежа 1980–1990-х гг. привели не только к расширению прав и свобод граждан (при общем ухудшении экономической ситуации), но, как уже было отмечено, сделали этничность очень востребованным политическим ресурсом. Во всех северокавказских регионах в это время сформировались общественные организации этнополитической направленности. Более того, этнические движения, особенно в национальных республиках, превратились в значимых политических акторов. «Общественные движения так называемых титульных народов северокавказских республик (национальные движения), в первую очередь, справедливым считали повышение своего правового статуса через создание государственных образований (республик), в которых титульная (коренная) этническая группа будет пользоваться правовым образом закрепленными преференциями в политической, экономической и культурной сферах. Эта идея в концептуальной форме прорабатывалась этническими активистами, представителями науки и культуры на различных культурологических семинарах и симпозиумах регионального и международного уровня» [Аствацатурова, Тишков, Хоперская 2010: 112].

Существенную роль в формировании идеологии этнонациональных движений и в переформатировании региональной политики, а также ее этнизации играли съезды кавказских народов, проходившие в 1989–1993 гг. Эти съезды претендовали на то, чтобы стать параллельной властью и определять характер политического реформирования северокавказских республик. Отчасти эту миссию им удалось выполнить. Так, требования съезда общественного движения «Адыге Хасэ», прошедшего в сентябре 1989 г., касавшиеся необходимости выхода Алыгейской АО из состава Краснодарского края, впоследствии были реализованы властями. А идейной основой для принятия подобного политического решения явилась идея об этническом самоопределении, согласно которой титульная этническая группа в национально-государственных образованиях могла «самоопределяться» самостоятельно, отдельно от всего остального населения «своей» республики, области или округа, ибо эта группа рассматривалась как «коренная», т. е. как привилегированная культурная страта территориального сообщества. Естественно, что подобные идеи и основанная на них политическая практика воспри-

нимались весьма негативно иноэтничным населением, которое часто составляло большинство в национальных республиках и округах (в той же Адыгее адыги составляют 22% населения), что находило отражение в публикациях в СМИ, включая центральные издания [Соколов-Митрич 2007].

Громкий общественный резонанс имели съезды балкарского, кабардинского, осетинского, ингушского, карачаевского, шапсугского народов, казачьи круги Донского, Кубанского и Терского казачества. «В Кабардино-Балкарии в середине 1990 г. кабардинское и балкарское национальные движения поставили вопрос о федерализации республики, т. е. об образовании Федеративной республики Кабарда и Балкария с определением Балкарии как ее полноправного субъекта. В дальнейшем кабардинское и балкарское движения сделали следующий шаг: договорились относительно цели – не о федерализации, а о разделе единой Кабардино-Балкарской Республики. Аналогичные процессы проходили и в других республиках. Так, был подписан закон “О съезде народа Ингушетии”, принятый республиканским парламентом, который устанавливал, что съезд является высшим представительным органом республики, и тем самым демократические парламентские институты, основанные на принципах народовластия, теряли свое политическое значение, а узкогрупповые этнические организации, не формировавшиеся путем общенародного волеизъявления, приобретали значение верховной власти.

Объективными результатами деятельности этнических акторов (национальных движений и съездов народов) на Северном Кавказе стало признание на уровне региональной власти правомерности постановки вопроса о политическом и правовом статусе этносов, что впервые было зафиксировано в решениях проведенного под патронажем республиканских органов власти Съезда народов Дагестана (ноябрь 1992 г.). Такое признание определило логику развития событий в последующие годы: от активного противостояния с республиканской властью этнические акторы перешли к сотрудничеству с реформированными органами власти. Съезд кумыкского народа даже выступил с инициативой о придании национальным движениям статуса общественно-государственных организаций с правом законодательной инициативы» [Аствацатурова, Тишков, Хоперская 2010: 122–123]. Политическая институционализация этнических движений стала реальной, ибо, к примеру, в 1999 г. президентом Ингушетии был подписан закон «О съезде народа Ингушетии», принятый республиканским парламентом. Этот закон придавал ингушскому съезду статус высшего представительного собрания, т. е. институты представительной демократии, формируемые в ходе общенародного голосования, становились менее легитимными, не-

жили этнические лоббистские организации, сформированные для отстаивания узкогрупповых этнических интересов (а не интересов территориальных гражданских сообществ) и не имевшие легитимного мандата от всего культурного сообщества, от имени которого они выступали. Этот мандат можно было получить, лишь организовав демократическую процедуру выборов на этнических съездах, но практически повсеместно в России этнические организации игнорировали демократические принципы формирования общественных движений и их высших органов.

Этническая мобилизация и политизация этничности порождали не только стремление сделать этнические сообщества и представлявших их этнические организации полноценными политическими акторами, но и порождали этнополитическую конкуренцию, которая, в свою очередь, неизбежно порождала конфликты и стремление к политическому обособлению отдельных этнических территорий. «В Дагестане активно обсуждались идеи создания Аварстана, Кумыкстана, Лезгинстана и других “станов”, о выходе из республики заявило терское казачество, подчеркивающее свой статус отдельного (от русского) народа. Другой пример: межрегиональная ногайская общественная организация “Бирлик” поставила своей целью добиться для ногайцев автономии» [Аствацатурова, Тишков, Хоперская 2010: 70].

Этничность стала тем ресурсом, который использовался для продвижения идеи широкой интеграции кавказских народов и территорий. Адыгское движение выступило с идеей «Великой Черкесии», и в 2008 г. общественное движение «Черкесский конгресс» приняло обращение с призывом объединить все черкесские (адыгские) территории в рамках одной республики. По мнению организаторов, сделать это было необходимо, поскольку в годы кавказской войны имело место массовое уничтожение черкесов (адыгов) и захват их территорий, что было признано геноцидом в резолюции парламента Грузии, принятой в 2011 г. Черкесский конгресс Республики Адыгея поддержал эту резолюцию [Цветков 2012: 455]. В том же 2008 г. была принята Декларация о создании Ногайского автономного округа, в состав которого должны были войти территории компактного расселения ногайцев в Дагестане, Чечне, Ставропольском крае. Если позволить себе посмотреть на события, связанные с периодом распада СССР, то пришедшая к власти в 1991 г. новая политическая элита Чечни первоначально была сторонницей концепции «Кавказского дома», в рамках которого должны были объединиться народы Северного Кавказа.

Первым примером реализации идей широкой этнокультурной интеграции и этнополитической мобилизации стало создание

Конфедерации горских народов Кавказа (с 1992 г. Конфедерация народов Кавказа), учрежденной в 1989 г. как объединение этнических организаций, представляющих интересы культурных групп, многие из которых сформировались в этнические сообщества только в советскую эпоху. Начальной целью конфедерации являлось этнополитическое объединение народов Кавказа, а также их широкая культурная, экономическая и политическая интеграция. Для формирования конфедерации имелись исторические, культурные и политические основания. Во-первых, уже имелся опыт интеграции горских народов Кавказа во времена Кавказской войны, когда имам Шамиль объединил горцев Восточного и Западного Кавказа в их борьбе против Российской империи. Во-вторых, после Февральской революции 1917 г. был создан Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, а 11 мая 1918 г. провозглашена независимая Горская республика, в которую вошли территории нынешних республик Северного Кавказа (просуществовала до мая 1919 г. и была воссоздана как Горская АССР в 1920 г., а в 1924 г. прекратила свое существование). Историческая память в данном случае явилась важным инструментом в деле этнополитической мобилизации и региональной интеграции. В-третьих, попытка консолидации диктовалась восприятием Кавказа как территории, где проживают близкие по культуре народы (хотя эта близость явно преувеличивалась). В-четвертых, в условиях ослабления федеральной власти, разрыва экономических связей естественным образом усиливались процессы политической регионализации.

На I съезде горских народов Кавказа (25–26 августа 1989 г.) была принята Декларация, где провозглашалось учреждение Ассамблеи горских народов Кавказа (АГНК), создававшейся по аналогии с Союзом объединенных горцев, возникшим в 1917 г. Инициатором создания Ассамблеи выступила Абхазия, у которой к тому времени уже сложились непростые отношения с руководством Грузии, и лидерам которой была необходима поддержка со стороны других кавказских народов и этнонациональных движений. Съезд состоялся сразу же после июльского абхазо-грузинского конфликта 1989 г. По призыву Абхазии в Сухуми (Сухум) собрались представители семи народов Кавказа и учредили Ассамблею горских народов Кавказа. В Сухуми была создана штаб-квартира Ассамблеи.

Важным этапом развития Ассамблеи явился II съезд АГНК, проходивший 13–14 октября 1990 г. в г. Нальчике (Кабардино-Балкария). На нем было заявлено, что наступает период практических задач по реализации программы нового государственного устройства Северного Кавказа и Абхазии. Особое внимание было уделено единству народов Кавказа, и потому резолюция 1990 г. по содержа-

нию была очень близка резолюции от 11 мая 1918 г., когда было заявлено о создании независимой Горской республики Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (Горской республики) [Кажаров 2011].

После этого съезда в стране радикально изменилась политическая обстановка, что было связано с распадом СССР и ослаблением влияния центральной власти в Российской Федерации. В связи с этим резко осложнилась ситуация на Северном Кавказе. Наиболее горячей точкой после распада СССР на постсоветском пространстве стала Чечено-Ингушская Республика. Здесь в 1991 г. произошла насильственная смена власти. Старая политическая элита, сформировавшаяся еще в советские годы, была смещена, а на ее место, как было уже сказано, пришла группировка чеченских национал-радикалов во главе с генералом Джохаром Дудаевым.

На фоне бурных политических событий в Чечне в Сухуми 1–2 ноября 1991 г. проходил III съезд АГНК. В нем приняли участие представители абазинского, абхазского, аварского, адыгейского, чеченского, даргинского, кабардинского, лакского, осетинского, черкесского, чеченского, шапсугского народов. На съезде делегаты 13 народов Кавказа преобразовали Ассамблею в Конфедерацию горских народов Кавказа. Делегаты III съезда были избраны на общенациональных съездах народов и поэтому имели формальное право выступать от имени народов (хотя процедура избрания делегатов на этнические съезды с юридической точки зрения сомнительна).

На съезде присутствовали представители общественно-политических движений Грузии, которые призвали соединить в «единый кулак» весь Кавказ. Но в целом в дискуссиях доминировали антигрузинские настроения и отчасти антироссийские. В частности, ряд делегатов призывали предотвратить возможную агрессию России против Чечни, выдвигали другие обвинения против центральной власти.

Подобные заявления заставили российские власти с подозрением отнестись к этому форуму, и потому они не увидели в нем инструмент влияния на власти Чеченской Республики. Впрочем, как показали последующие события, политическая программа чеченских лидеров не совпадала ни с программой Ассамблеи горских народов, ни с позициями отдельных этнонациональных движений Северного Кавказа [Тишков 2001]. Между тем надежды на миротворческий потенциал Конфедерации еще существовали, о чем свидетельствует тот факт, что уже в декабре 1991 г. осетинское национальное движение на своем чрезвычайном съезде приняло обращение «К народам Северного Кавказа – членам Конфедерации горских народов», в котором призывало к миру и согласию между народами Северного Кавказа и их соседями [Обращение 1995: 48].

На III съезде также была сформулирована политическая платформа Конфедерации народов Кавказа (КНК), которая очевидно базировалась на идеологии этнического национализма. Помимо этого, было принято «Положение о руководящих органах Конфедерации горских народов Кавказа». Согласно этому положению, высшим органом Конфедерации является съезд (собирается раз в два-три года). Съезд избирает Кавказский парламент, куда входят по три депутата от каждого народа. Парламент имеет комитеты: экономического содружества народов Кавказа; государственно-правовой; национального согласия; самообороны. Исполнительный орган КНК – совет, состоящий из президента и 16 вице-президентов (по одному от каждого представленного в организации народа). При президенте действует Комитет Кавказских сообществ. Третий орган КНК – третейский суд, разрешающий конфликтные ситуации между народами. В этой роли часто выступал весь кавказский парламент. Предложенная структура, по сути, означала, что КНК претендует на роль параллельной власти на Кавказе, а взятая им на вооружение доктрина этнического национализма заставила провозгласить, что субъектами Конфедерации являются не республики, а народы, т. е. как и в случаях с другими этнонациональными организациями России, КНК противопоставляла этничность гражданству. И хотя декларативно ее лидеры заявляли о своей приверженности миру и согласию между народами, на деле они видели этнические сообщества не частью территориальных социумов, а некими автономными от них группами, интересы которых выше, нежели интересы сообществ в целом.

В октябре 1992 г. IV съезд народов Кавказа преобразовал организацию в Конфедерацию народов Кавказа, в состав которой входили представители 16 народов Кавказа.

Новым серьезным испытанием политической зрелости КНК стали события осени 1991 г., когда первый Президент независимой Грузии Звиад Гамсахурдиа выдвинул идею создания «Большого Кавказа» и стал обсуждать с Дудаевым проект Кавказской Конфедерации, в которой Абхазии отводилась, по словам Дудаева, особая роль. Но поворотным пунктом в политической эволюции КНК стал 1992 г., когда была разрушена как идея «Большого Кавказа», так и миф о кавказском единстве.

Летом 1992 г. началась очередная фаза гражданской войны в Грузии (закончившаяся свержением Гамсахурдиа), которую чаще называют грузино-абхазским конфликтом (грузино-абхазской войной, отечественной войной абхазского народа). Руководство Конфедерации с первых дней войны решительно осудило позицию властей Грузии и начало мобилизацию добровольцев на помощь Абхазии.

Основными центрами формирования добровольческих отрядов стали Нальчик и Грозный, куда стекались добровольцы из республик Северного Кавказа. Отряды добровольцев приступили к боевым действиям уже в августе, т. е. в начальный и самый тяжелый для абхазов период войны. В это время было направлено три интернациональных по составу отряда добровольцев (в каждом – около 100–250 чел.), большую часть которых составляли чеченцы и кабардинцы. В Абхазии первый опыт военных действий получили многие чеченские командиры, имена которых стали известны позже: Шамиль Басаев, Руслан Гелаев, Умалат Дашаев и др. [Мацаберидзе 2012]. При этом лидеры КНК не призывали к диалогу и миру, а, наоборот, выступали с весьма воинственными заявлениями в адрес грузин, которые были крайне интолерантными.

Вторым ударом по кавказскому единству стал осетино-ингушский конфликт, имевший место в Пригородном районе Северной Осетии, где проживали ингуши. В результате конфликта, длившегося с 31 октября по 4 ноября 1992 г., было убито 478 чел. и 840 получили ранения. Ингуши, претендовавшие на присоединение этой территории к воссозданной 4 июня 1992 г. Ингушской Республике (в 1934 г. она была присоединена к Чеченской, в результате чего была образована Чечено-Ингушская АССР), были изгнаны с этой территории [Северная Осетия 1995: 14–57].

Именно с 1992 г. внутри КНК намечается серьезный раскол, поскольку позиции лидеров стали принципиально различаться. В результате часть руководителей КНК, в том числе и главный идеолог Муса Демишев, покинули организацию.

Война в Чечне в 1994 г. только усугубила кризис в КНК, поскольку единства по отношению к событиям в этой республике среди членов Конфедерации не было. Но Конфедерация изначально заявляла о том, что берет на себя ответственность за судьбы кавказских народов и в ее структуре предусматривался специальный орган для разрешения конфликтов. Тем не менее в качестве миротворца лидеры организации выступить не смогли и даже не сыграли сколько-нибудь заметной роли в урегулировании первой чеченской войны. Тем самым стало очевидно, что претензии на роль параллельной власти были ничем не обоснованными, а политический ресурс КНК оказался весьма ограниченным. Кризис усугубился на VI (чрезвычайном) съезде Конфедерации народов Кавказа, прошедшем в декабре 1994 г. в г. Нальчике.

После грузино-абхазской войны КНК больше прямо не призвала к участию в военных конфликтах. В конце 1994 г. прибывший в Москву в составе делегации представителей кавказских народов вице-президент КНК Жантемир Губачиков выступил на заседании

Государственной Думы с заявлением, в котором указал на то, что причины, подталкивающие Чечню к выходу из состава России, кроются в отсутствии открытого диалога с Дудаевым, напрямую обвинив и Рамазана Абдулатипова, и Сергея Шахрая в нежелании проводить переговоры с лидерами самоопределившейся Чечни. Однако на сторону Дудаева КНК не встала, ограничившись призывами к миру, не выдвигая при этом работоспособных конкретных инициатив по мирному разрешению конфликта. Поскольку идея кавказского единства была полностью дискредитирована, а КНК показала свою политическую беспомощность, постольку в 1995 г. организация фактически прекратила свое существование. Тем не менее в следующем 1996 г. была предпринята попытка проведения «восстановительного съезда», но возродилась только «вывеска», а организацию де-факто возродить не удалось, хотя формально она еще существует. Правда, восстановительный съезд был не один, а организаций с аббревиатурой КНК создано несколько, но все они оказались ничтожны в политическом и организационном плане.

Инициативу создания общекавказского интеграционного движения этноконфессиональной направленности в свое время попытались взять на себя власти Ичкерии. Предложенная ими модель подразумевала интеграцию народов Кавказа на основе ислама²⁴, что вступало в противоречие с конституционным принципом светскости российской государственности. В апреле 1998 г. в Грозном состоялся Конгресс народов Ичкерии и Дагестана, председателем которого избрали полевого командира Шамиля Басаева.

Как уже упоминалось выше, целью создания организации было объявлено «освобождение мусульманского Кавказа от российского имперского ига». И именно под эгидой Конгресса были созданы вооруженные формирования, ставшие главной ударной силой при вторжении в Дагестан в 1999 г. Как уже было сказано, в августе 1999 г. чеченские отряды под руководством Басаева вторглись в Дагестан, и идейной основой этого вторжения была попытка внедрения «полного шариатского правления» на всем Северном Кавказе [Кудрявцев 2000] при очевидном политическом лидерстве Чечни. Но эта идея и само вторжение были расценены соседями как откровенная агрессия. Попытка силовой исламской интеграции Северного Кавказа не только провалилась, но и привела к краху сепаратистского режима в Чечне.

Однако нельзя сказать, что исламская идея как основа северокавказской интеграции совсем нежизнеспособна. Да, действительно,

²⁴ *Казиханов А.* Станет ли Северный Кавказ халифатом? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sknews.ru/main/39865-stanet-li-severnoy-kavkaz-xalifat.html> (дата обращения 08.03.21).

первые попытки исламской мобилизации, включая появление салафитских джамаатов в Дагестане, создание Исламской партии возрождения в начале 1990-х гг. (самораспустившейся в 1994 г.), введение шариатского правления в Чечне и попытка ее «экспорта» в другие северокавказские республики не дали ожидаемых результатов. Но сами социально-экономические реалии Северного Кавказа – безработица, низкий уровень жизни значительной части населения, тотальная коррупция на всех уровнях власти, отсутствие ясных ориентиров общественного развития усиливали привлекательность среди молодежи идеи «чистого ислама» и справедливого исламского порядка как более привлекательной альтернативы существующему положению дел [Ислам 2011].

Ориентируясь на эти настроения, 7 октября 2007 г. Президент Чеченской Республики Ичкерии в изгнании Доку Умаров объявил о создании «Имарата Кавказ» (Кавказского эмирата). Образование Имарата означало, с одной стороны, что чеченское вооруженное подполье пытается распространить свою деятельность на всю территорию Северного Кавказа, а с другой – свидетельствовало о большом этнополитическом ресурсе исламской идеи, которой в регионе не было предложено реальной альтернативы. Правда, реальная активность Имарата наблюдалась и наблюдается преимущественно в интернете. В настоящее время в ИК нет главного амира, а в его руководстве нет единства. С 2013 г. Имарат в идеологическом пространстве вынужден конкурировать с Исламским государством Ирака и Леванта (ИГИЛ), «аденты которого призывают совершить *хиджру* – переселение мусульман на Ближний Восток для осуществления джихада... По разным оценкам, только из Дагестана на этот призыв откликнулось более двух тысяч человек, а в целом из Северного Кавказа выехало до семи тысяч человек, что сильно “обескровило” местное террористическое подполье» [Ярлыкапов 2015: 29]. Поражение ИГИЛ (но не его полный разгром) в Ираке и Сирии создает угрозу усиления террористического интернационала на Северном Кавказе, ибо получившие боевой опыт боевики начинают возвращаться на родину.

В этой связи встает вопрос о необходимости создать политическую альтернативу радикальной исламской интеграции на Северном Кавказе, сформировать эффективную общекавказскую политическую площадку для пропаганды идей гражданской интеграции, межконфессионального и межэтнического согласия. Такая попытка была предпринята в марте 2007 г., когда в г. Москве прошел учредительный съезд Российского конгресса народов Кавказа (РКНК), где была обозначена основная цель организации – защита интересов кавказцев через своих представителей в федеральных органах власти России. Согласно уставу движения, его структура формируется съез-

дом и в настоящее время состоит из Высшего совета, Попечительского совета, Совета сопредседателей и Ревизионной комиссии. Совет сопредседателей формирует Исполком движения, на котором замыкаются местные и региональные отделения, который включает в себя информационно-аналитический отдел, пресс-службу, департамент международных и региональных связей, департамент по делам молодежи, департамент по правовым и юридическим вопросам, департамент по экономическим вопросам и бизнес-программам, социально-политический отдел, НИИ кавказских исследований, культурный центр, административно-хозяйственный отдел и редакционный совет. И хотя лидеры Конгресса ориентированы на пропаганду общероссийских ценностей, идей толерантности и межкультурного диалога, тем не менее, надо признать, что работа РКНК не отличается активностью, изобретательностью и глубиной. Как результат, она не обладает влиянием на ситуацию в кавказских регионах. РКНК не имеет авторитетных лидеров, а в самой организации не существует согласия между членами. Очевидно, что организацию необходимо реформировать и превращать в действенный инструмент общекавказской интеграции, а пути реформирования могут быть найдены, вероятно, на пути широкого общекавказского политического и общественного диалога, который должны инициировать неравнодушные к судьбам кавказских народов интеллектуалы и политики.

В свое время Рамазан Абдулатипов предложил целый комплекс мер, нацеленных, по его мнению, на создание разветвленной сети политических и гражданских институтов, призванных осуществлять воздействие на общественные настроения и формировать климат доверия между всеми этническими и конфессиональными группами, проживающими в Северо-Кавказском регионе.

В частности, он заявил, что «необходимо:

- 1) образовать территориальные подразделения Миннаца России во всех субъектах Федерации Северо-Кавказского региона;
- 2) повысить личную ответственность руководителей субъектов Федерации Северо-Кавказского региона за реализацию экономических, политических, социальных и правовых мер по оздоровлению обстановки в регионе;
- 3) сформировать систему коллегиального рассмотрения северокавказских этнополитических проблем и выработки рекомендаций органам исполнительной и законодательной власти.

Элементами такой системы могли бы стать:

- постоянно действующее Северо-Кавказское Межнациональное совещание с участием высших руководителей России;

- Совет руководителей Северо-Кавказских субъектов Российской Федерации;
 - Ассоциация социально-экономического сотрудничества республик, краев и областей Северного Кавказа;
 - Межпарламентская Ассамблея Северного Кавказа с участием депутатов Федерального собрания и представительных органов власти Северо-Кавказских субъектов Российской Федерации;
- 4) обеспечить гораздо более широкое и умелое использование таких инструментов “народной дипломатии”, как советы старейшин, женские, молодежные, национальные, религиозные и другие общественные организации, регулярное проведение их общих встреч в форме Северо-Кавказского “круглого стола”;
- 5) создать государственную систему мониторинга этнополитической ситуации на Северном Кавказе, работающую в тесном взаимодействии с соответствующими научными и общественными организациями» [Абдулатипов 2007: 259–260].

Иными словами, предлагалось создать новые бюрократические институты, преимущественно декоративного характера, которые реально влиять на ситуацию не смогут, ибо основная их миссия состоит в публичном озвучивании проблем региона. Предложенный Абдулатиповым путь формирования широкого публичного пространства для северокавказских дискуссий принят как региональная политическая стратегия. Были сформированы Южно-Российская Парламентская ассоциация и Ассоциация «Северный Кавказ», в январе 2012 г. в Кисловодске прошел Форум народов Юга России, в субъектах СКФО образованы новые НПО, создан Центр современной политики Кавказа, реализован проект «Мир Кавказу» Рабочей группы по Северному Кавказу и т. д. [Аствацатурова 2014: 23].

Однако в публичном северокавказском этнополитическом дискурсе и на всех вышеназванных политических платформах и форумах до сих пор ясно не обозначена четкая политическая повестка для Северного Кавказа, т. е. тактика конкретных действий. Такая повестка, однако, предложена экспертами. В частности, М.А. Аствацатурова формулирует ее следующим образом:

- «усиление присутствия федерального центра (экономического, социально-политического, управленческого, социокультурного);
- сохранение такого уровня исполнительной власти, как уровень СКФО;
- дезавуация терроризма и национально-религиозного экстремизма;

- акцентирование русской культуры и русского языка как референтных и интегрирующих;
- поддержание этнодемографического разнообразия, сохранение русского, как равно и нетитульного населения;
- демократизация всех сторон общественной жизни и профилактика этноконфессиональной архаизации;
- модернизация социальных традиций и практик северокавказского сообщества, трансляция позитивной повестки на Северном Кавказе и Северного Кавказа;
- упрочение российской идентичности северокавказского сообщества;
- гуманизация этнополитического и этноконфессионального дискурса;
- брендирование региона как привлекательной и уникальной в плане культурного многообразия российской территории» [Аствацатурова 2014: 27].

Однако понимание существующих проблем, публичное их обсуждение и формулирование общей стратегии, необходимой для формирования региональной модели этнополитики, есть лишь часть регионального этнополитического дискурса. Наиболее значимой текущей задачей является выработка механизмов реализации указанной выше повестки.

В связи с этим необходимо учесть недавний опыт государственного управления, принимая во внимание традиции и текущий политический процесс и политические отношения в самом крупном и сложном в этническом плане регионе Северного Кавказа – Республике Дагестан.

Речь идет о роли и значении Государственного Совета Республики Дагестан как института власти на переходном этапе становления российской государственности в период с 1994 по 2006 годы.

Каждый субъект в целом в рамках Конституции Российской Федерации формировал свою систему управления, учитывая особенности своих межнациональных, межрелигиозных взаимоотношений, обычаев, жизненного уклада, культуры, истории и экономики.

Целью руководителей многих субъектов было сохранение единства и целостности России как монолитного и мощного государства в пределах своих границ.

При этом следует особо отметить в этом плане роль и значение избранной модели управления Республикой Дагестан в 1994–2006 гг.

Это форма управления республикой в формате Высшего политического органа исполнительной власти – Государственного Совета Республики, состоящего из представителей 14 титульных коренных народов Дагестана. Член Государственного Совета по

своему статусу приравнялся к должности Первого заместителя председателя Правительства Республики. Как известно, его формирование и создание происходило на фоне серьезных событий в республиках Закавказья и Северного Кавказа. Это межнациональные конфликты между Азербайджанской Республикой и Республикой Армения, события внутри Грузии, осетино-ингушский и чечено-ингушский конфликты, а также сложные общественно-политические и экономические условия.

В этот период в Дагестане на политическую арену вышли так называемые лидеры национальных движений республики, которые требовали создания внутри республики автономий по национальному признаку, таких как кумыкская, лезгинская, ногайская и т. д.

При формировании этого органа власти руководство Дагестана в лице Председателя Верховного Совета Республики Дагестан М.М. Магомедова столкнулось со множеством вышеупомянутых и иных социально-экономических проблем, которые обострялись общей политической ситуацией в стране и влиянием событий, происходящих в соседних субъектах. Обстановка требовала решения этих задач.

Руководство республики в результате детального изучения ситуации и опыта многих стран решило реформировать систему управления, выдвинув предложение о создании высшего политического органа исполнительной власти – Государственного Совета Республики Дагестан.

При формировании этого органа власти изначально предлагали избирать членов путем квотирования от численности каждой народности. Руководству республики удалось найти самый оптимальный и политически верный механизм – это представительство по одному человеку от каждого народа вне зависимости от его численности. И как показала практика и жизнь, это было абсолютно верное решение. Этот формат выборов членов Государственного Совета Дагестана в определенной степени уравнивал все народы республики независимо от их численного состава.

Интересным был механизм избрания членов Государственного Совета Дагестана. Подобных примеров в стране и мире мало.

Их избирали на Конституционном собрании Республики Дагестан, куда входили все депутаты Народного собрания и такое же число членов Конституционного собрания, избранных от каждого депутатского округа на собраниях депутатами муниципалитетов республики.

С учетом того, что в этот процесс было вовлечено все активное население республики, руководители всех уровней властных структур, а также использовался механизм рейтингового голосования на

Конституционном собрании эти выборы приобрели особый статус и значение в общественно-политической жизни республики.

В состав Государственного Совета были избраны самые авторитетные, влиятельные, с большим опытом работы на различных должностях и пользующиеся уважением среди населения граждане.

Появление такого института власти резко снизило и даже свело на «нет» роль, влияние и деятельность лидеров национальных движений, ибо во власти оказались избранные демократическим путем и достойно представляющие свой народ граждане.

В соответствии с Законом и Положением о Государственном Совете Республики Дагестан, этот высший политический орган решал ключевые вопросы социально-экономического развития, борьбы с политическим и религиозным экстремизмом, подбора и назначения кадров на высшие ключевые должности республики, формирования и контроля над исполнением бюджета и регулирования межнациональных взаимоотношений.

Наличие в составе членов Государственного Совета представителей 14 коренных народов придало спокойствие и стабильность всему населению республики, в том числе русскоязычному, проживающему в Кизлярском, Тарумовском районах и во всех городах республики.

Как известно, русскоязычное население, составляющее около 20% от общего числа жителей республики в годы Советской власти, в начале 90-х годов стали интенсивно выезжать за пределы республики из-за усиливающихся деструктивных процессов в обществе, связанных с криминализацией общества, закрытием и упадком промышленного производства республики.

Роль Государственного Совета Республики Дагестан как института власти была значима в сфере создания первых механизмов по развитию основ демократического общества. Этим институтом были заложены особо интересные элементы управления властью и обществом республики.

Созданием Государственного Совета был исключен и нивелирован авторитаризм руководителя субъекта в силу того, что решение по ключевым вопросам принимались коллегиально, и будущая общественно-политическая жизнь подтвердила рациональность данного инструмента управления.

Кроме того, члены Государственного Совета, выполняя свои полномочия в заметной степени снизили напряженные отношения между властью и народом, так как каждый член этого органа мог оперативно докладывать и решать вопросы своего народа, района, города, да и республики напрямую с главой республики и членами правительства.

Каждый житель республики имел возможность при необходимости оперативно связаться с членом Государственного Совета и обсудить различные вопросы общественно-политического и социально-экономического характера.

Своей деятельностью Государственный Совет сумел сплотить народы Дагестана в решении важных общественно-политических, социально-экономических, межнациональных вопросов, в борьбе с религиозным экстремизмом, декриминализацией общества.

Как показывает современная политическая практика и в целом политические процессы в регионе, такие формы государственного управления, исходя из исторических традиций, этнического состава, современных реалий, не потеряли своей актуальности и в сегодняшние дни.

Конечно, парадные форумы и публичные клятвы с высоких трибун различных общественных и политических деятелей в их верности идее межнационального мира и гражданского согласия, их вечной преданности России создают определенный информационный фон, который способствует активизации межкультурного диалога, но нужны и более глубокие изменения в кавказском обществе, ибо исход наиболее образованных слоев общества продолжается, радикальный ислам не утратил своей привлекательности для довольно значительной части молодежи, не преодолена бедность и коррупция, и стоит согласиться с тем, что «нет никаких отдельных решений для экономических, этнодемографических и культурных проблем – они не просто взаимосвязаны, но и взаимозависимы. Для их решения требуется долгосрочная, целенаправленная и последовательная политика комплексного регионального развития. Фактически речь идет о создании условий, необходимых для того, чтобы основные социальные процессы в регионе получили центростремительное и модернизационное направление» [Апажева, Мамсилов, Цолоев 2017].

А для того, чтобы началась социальная и экономическая модернизация, необходимо преодолеть недоверие между группами и негативные стереотипы, которые серьезно осложняют ситуацию. Так, «русское население СКФО... считает, что в рамках округа несправедливо распределяются инвестиции и трансферты из федерального центра (т. е. в пользу республик) и что полпред Президента РФ не поддерживает в должной степени русское население в республиках. В этом контексте распространяются версии о “победе Северного Кавказа в торге с Кремлем”, об “успешном шантаже” федеральных властей и полпредства руководителями отдельных субъектов» [Аствацатурова 2014: 25]. Очень непросто складываются отношения между мусульманами и православными в северокавказ-

ских республиках. В Карачаево-Черкесии казаки и карачаевцы нередко на бытовом уровне оскорбляют друг друга, используя негативные этнические определители. «Русские считают, что карачаевцы за свою депортацию получили материальную компенсацию, которая позволила им в 1990-е годы наладить бизнес, а казаки, несмотря на то, что тоже пострадали, ничего не получили. В результате, среди славянского населения КЧР наблюдается рост антикавказских настроений» [Бабич 2015: 40].

Вероятно, преодолевать недоверие между группами, искоренять негативные стереотипы, выстраивать межкультурный и межконфессиональный диалог надо не с высоких трибун, а на уровне локальных сообществ, т. е. «снизу». В этом смысле очень важен позитивный опыт кооперации, местные культурные инициативы, нацеленные на взаимопонимание и сотрудничество, а не парадные речи на различных дежурных мероприятиях, которые мало влияют на реальную ситуацию в северокавказском сообществе. Нужно выстраивать и поддерживать самостоятельность локальных сообществ и групп и стремиться к объединению отдельных и робких инициатив в широкие сетевые связи, через которые стоит формировать новую региональную идентичность и гражданское согласие. Такие инициативы есть [Савва 2006], но они не вписаны в широкую и всеохватывающую стратегию укрепления взаимного доверия между этническими и конфессиональными группами, построения интегрированного макрорегионального северокавказского сообщества, ориентированного на ценности гражданского общества.

Конечно, в низовом взаимодействии сегодня очень важна роль религиозных авторитетов, ибо более 80% кавказской молодежи заявляют о своей религиозности [Апажева, Мамсиров, Цолоев 2017], а в Чечне каждый день совершают намаз 96% опрошенных социологами жителей, причем среди молодежи в возрасте 18–29 лет таких 97% [Ситников, Романов, Одаев 2019: 160]. Тем не менее при всей значимости диалога между конфессиями надо учитывать, что современная религиозная мозаика Кавказа очень сложна и «многочисленные религиозные движения конфликтуют друг с другом» [Ярлыкапов 2015: 32]. Поэтому наиболее значимой формой интеграции должна стать именно гражданская интеграция, однако пока интеграционные усилия ни властей, ни общественности не были успешными.

Таким образом, ни этнический национализм, ни ислам, ни декларативный бюрократический патронаж не смогли стать фактором культурной и политической интеграции кавказских народов и северокавказского общества в целом. Однако постоянные попытки возродить КНК, сложная социально-политическая ситуация на

Северном Кавказе диктуют необходимость создавать новые формы региональной интеграции, которые, скорее всего, должны носить гражданский и публичный характер. Нужны новые действенные организации общекавказской направленности, способные к активной и кропотливой работе по формированию климата доверия между народами Северного Кавказа и другими народами России, по созданию в регионе, как и по всей стране, принципиально новой политической культуры, отвергающей клановость и кумовство и формирующей в обществе стремление к модернизации и обновлению. Однако федеральные и местные власти не должны стоять в стороне от этого процесса, а быть его непосредственными участниками, предлагая кавказскому обществу новую не только политическую, но и социокультурную повестку, причем повестку, отвечающую на сформировавшиеся в этом обществе запросы и ожидания.

В целом северокавказские региональные сообщества, особенно в национальных республиках, находятся в сложном переходном состоянии. С одной стороны, происходит религиозное возрождение и архаизация социальных и культурных отношений, которая, казалось бы, полностью перечеркивает итоги имперской и особенно советской модернизации региона и создает условия для эскалации межгрупповых конфликтов.

Но, с другой стороны, острая фаза конфликтов в большинстве северокавказских республик уже во многом преодолена, хотя конфликтный потенциал сохраняется, о чем свидетельствуют как российские исследования²⁵ [Дзуцев и др. 2016; Палчаев 2016; Кумыков и др. 2017], так и ежегодное мировое исследование политических конфликтов «Конфликтный барометр», где степень конфликтности на территории Северного Кавказа определена как “violent crisis”²⁶, т. е. «острый кризис». Для региональных элит становится все более очевидной необходимость более глубокой модернизации местных сообществ и свидетельством тому стала активная миграция из республик Северного Кавказа не только русского населения, но и собственно кавказской молодежи, представляющей титульные этнические группы северокавказских сообществ. Эта молодежь не хочет мириться с диктатом этнических и религиозных

²⁵ Дзуцев Х. Латентные конфликты на Северном Кавказе: этносоциологический анализ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/latentnye-konflikty-na-severnom-kavkaze-etnosociologi-cheskiy-analiz> (дата обращения 09.03.21).

²⁶ Conflict Barometer 2019. Heidelberg Institute for International Conflict Research. P. 39 [Электронный ресурс]. URL: https://hiik.de/wp-content/uploads/2020/08/ConflictBarometer_2019_4.pdf (дата обращения 09.03.21).

групп, желает сама решать, на какие культурные ценности ориентироваться и какой образ жизни вести. Миграция есть своеобразная форма социального протеста, а также индикатор того, что конфликт между традиционализмом и модернизацией на Северном Кавказе хоть и имеет латентную форму, но вполне возможен [Ахмедова 2021: 64–71]. Поэтому очевидно, что отказ от модернизации северокавказских сообществ может породить здесь новые конфликты и кризисы.

Глава 5

«Финно-угорские регионы»: опыт этнополитического маркирования российских территорий

Разные народы России играли различную роль в формировании современного культурного облика государства и укреплении самой российской государственности. Согласно сведениям одной из древнейших российских летописей, Повести временных лет, Государство Российское возникло в 862 г., т. е. в том году, когда варяжский князь Рюрик «придоша к словенам» и основал первую столицу древнерусского государства – «срубиша город Ладогу». Князя призвали править на Руси пять племен, среди которых только два были славянскими (словены и кривичи), а три – финскими (меря, чудь и весь) или, как ныне говорят, финно-угорскими. В Новгородской первой летописи вместо мери называется лопь (саамы), но эти различия не принципиальны, ибо очевидно, что народы Уральской языковой семьи (финно-угры и самодийцы) имеют многовековой опыт взаимодействия с другими народами страны и при их непосредственном и активном участии осуществлялось строительство российского государства.

К примеру, такой важнейший для России исторический факт, как присоединение Сибири и Дальнего Востока, также не может рассматриваться вне связи с уральцами. Начало процесса присоединения сибирских земель обычно связывают с походом за Урал отряда под предводительством Ермака, целью которого был разгром Сибирского ханства, отказавшегося выполнять прежние договоренности с Москвой и совершавшего опасные набеги на северные российские земли. Поход этот начался в 1581 г. и был весьма успешен, поскольку Ермак нанес ряд серьезных поражений хану Кучуму и практически уничтожил ханство, положив начало колонизации обширных пространств, лежавших за Уралом, которые на европейских картах того времени носили название Татария. В школьных учебниках истории по поводу присоединения сибирских земель писалось о «покорении русскими Сибири», но историческая правда говорит о том, что *колонизация этой обширной территории стала совместным предприятием многих российских народов*. Так, значительную часть (в некоторых источниках говорится о большей части) отряда Ермака

составляли зыряне (коми), а также казанские татары (помимо этого в нем состояли славяне, немцы, литовцы). Коми и татары были ядром и многих других военных экспедиций, которые направлялись в Сибирь и покоряли одну территорию за другой. В процессе присоединения и колонизации новых земель активное участие принимали представители других народов, включая мордву, кодских хантов, удмуртов, эстонцев (сету).

Многовековое соседство и общая государственность, интенсивные культурные обмены привели к тому, что в народной (фольклорной) культуре русских, особенно их северных групп, и финно-угров очень много сходных элементов – это и элементы народного костюма, и традиционное жилище, утварь, блюда народной кухни и способы их приготовления, сюжеты сказок, песенная напевность, поверья, религия и т. д.

Однако еще при советской власти начались процессы политизации этничности, которые препятствовали гражданской интеграции населения республик, хотя в позднесоветский период идея формирования надэтнической общности – советского народа – стала оказывать всевозрастающее влияние на общественные настроения, хотя она и не предполагала формирование гражданского общества в СССР. Развал СССР и крах коммунистической идеологии потребовали от федеральных и региональных властей поиска новых идейных ориентиров. Но идейные ориентиры почему-то стали искать не среди ценностей гражданского общества, а вновь обратившись к принципам этнического национализма.

Поэтому с начала 1990-х гг. в российских республиках, в том числе в Карелии, Коми, Удмуртии, Марий Эл, Мордовии, вместо построения интегрированных гражданских сообществ, был взят курс на конструирование региональных сообществ, разделенных по этническому принципу. В этом была своя логика, ибо в условиях явного ослабления федеративного центра появилась возможность усилить, с одной стороны, независимость региональных элит от федеральных политических институтов, а с другой – укрепить их политическое влияние в территориальных сообществах, а также добиться сохранения в их руках наиболее привлекательных и доходных отраслей производства и отдельных предприятий, взять под контроль финансовые потоки.

Наиболее удобным инструментом давления на федеральный центр была этничность, а постоянным «пугалом» становились этнический сепаратизм и межэтнические конфликты.

В такой ситуации властям неизбежно приходилось подыгрывать этническим лидерам, всячески поддерживать этнонациональные движения, даже если те выдвигали слишком радикальные идеи.

Но, взяв на вооружение этнический национализм для защиты региональных интересов и интересов региональных элит, приходилось заниматься артикуляцией внутренних культурных границ в региональных сообществах, одновременно используя этничность как инструмент для формирования новых широких и даже трансграничных групп солидарности, в которых вместо реальных экономических интересов и общей исторической памяти, реальной культурной близости всячески превозносился принцип языкового родства. Примером конструирования широких групп трансграничной солидарности стал паннационалистический концепт «Финно-угорского мира», занимающий сегодня важное место в культурном позиционировании российских финно-угров и в деятельности республиканских властей. С этим концептом, являющимся по своей сути этнополитическим мифом, тесно связан другой миф – миф о «финно-угорских регионах». Именно так с первой половины 1990-х гг. стали маркироваться республики с финно-угорским населением, а также округа, где проживают обско-угорские народы (ханты и манси). При этом идеи «славянских/русских», «тюркских», «кавказских» национальных регионов сколько-нибудь активно не дискутировались в информационном пространстве, за исключением фольклорного определителя «Русский Север», рожденного еще на рубеже XIX–XX вв. [Шабаев, Жеребцов, Журавлев 2012], о чем в данной работе сказано отдельно.

Следует отметить, что общая история, общее участие в формировании российской государственности, а также активное участие представителей финно-угорских народов России в ополчении Минина и Пожарского, в Отечественной войне 1812 г., в других важных событиях российской истории не находят сегодня должного освещения в региональных вариантах отечественной истории и особенно в культурной пропаганде, но при этом ведется поиск неких исторических фактов (часто мифических), которые должны свидетельствовать об особом историческом пути названных народов. Наиболее известной исторической спекуляцией такого рода является миф о Биармии – древнем великом государстве финно-угров, предшествовавшем Киевской Руси и разрушенном славянами [Арсентьев, Доленко, Юрченков 2000; Шабаев, Жеребцов 2015]. При этом миф о Биармии был развенчан еще в начале XX в., но на его исходе вновь возродился и активно используется этническими активистами в постсоветский период. Некоторые местные исследователи пытаются (пытались) представить историческое прошлое уральских народов как извечное противостояние России (русских), с одной стороны, финно-угров и самодийцев – с другой.

В этом отношении были особенно активны марийские и мордовские (эрзянские) радикалы и их сторонники. Марийскую средневековую историю пытаются представить как время героиче-

ского сопротивления мариЙцев русской экспансии, указывая на так называемые черемисские войны, которые длились с 1552 по 1592 г. Эти войны преподносятся как освободительная война мариЙцев, которая собственно и позволила им сохранить свою культурную самобытность, включая «этническую религию» – язычество (активисты мариЙского движения называют мариЙцев единственным языческим народом Европы, хотя многие из них – православные). При этом забывается тот факт, что черемисские войны представляли собой в основном волнения казанских татар, в которых принимали участие часть луговых мариЙцев (черемисов). В то же время горные мариЙцы выступали как союзники Московского царства и безоговорочно приняли христианство как религию (сегодня большинство мариЙцев считают себя православными, включая тех, кто посещает языческие священные рощи). В Мордовии «вспоминают» о длительном противостоянии с Великим Княжеством Московским, хотя здесь родился и конкурирующий исторический миф (не подкрепленный историческими фактами) – о 1000-летиИ единения с Россией. Со всем не случайно один из признанных авторитетов в сфере анализа концепции исторической памяти М. Хальбвакс разводит понятия «память» и «история». Он полагает, что мир истории начинается там, где кончается мир памяти [Хальбвакс 2007]. Историческая память и политика исторической памяти есть важный инструмент не только воспитания и образования, но и конструирования социальной реальности, формирования идентичности [Ачкасов 2015].

Почему мифы и спекуляции, связанные с исторической памятью, столь живучи?

Во-первых, их «живучесть» является следствием той ориентации *региональных моделей* этнокультурного образования, которая имеет место ныне и которая не формирует у учащихся адекватных представлений как о культурном многообразии страны, так и о сложном процессе формирования ее территории, этнического состава ее населения, не прививает учащимся прочных знаний о культурно-исторической основе российской нации. Во-вторых, названная ситуация есть следствие этноцентричных моделей республиканских сообществ, долгое время пропагандировавшихся в республиках и до сих пор сохраняющихся в сознании местных элит. В-третьих, это есть следствие объективных сложностей, имеющих место в процессе этнокультурного развития российских народов. В-четвертых, нельзя сбрасывать со счетов и внешние влияния на культурное развитие отдельных народов РФ.

Все названные причины вполне очевидно можно проиллюстрировать на примере этнополитических процессов и явлений, имеющих место в республиках с финно-угорским населением.

5.1. Политическая идентичность, демографические и социально-экономические процессы

Ни один из финно-угорских народов РФ никогда не имел собственной национальной государственности, а их предки всегда входили в состав более крупных государственных объединений: Древней Руси, Булгарского царства, Золотой орды, Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, Российской империи. Такое положение не позволяло сформировать собственную политическую и культурную элиту, ограничивало возможности распоряжения земельными и иными ресурсами, но создавало условия для усиления культурного влияния на них соседних народов.

Большевики, руководствуясь доктриной этнического национализма, которую они взяли на вооружение как только пришли к власти, создали национально-государственные образования для многих уральских народов: в 1920 г. была создана Карельская трудовая коммуна (в 1923 г. преобразована в Карельскую автономную республику), в 1920 г. были образованы Марийская автономная область (в 1936 г. преобразована в автономную республику) и Удмуртская (Вотская) автономная область (в 1924 г. переименована в Удмуртскую АО, а в 1937 г. преобразована в автономную республику), в 1921 г. создана Коми автономная область (преобразована в автономную республику в 1936 г.), в 1925 г. создан Коми-Пермяцкий национальный округ, в 1930 г. – Мордовская автономная область (преобразована в автономную республику в 1934 г.), Ямало-Ненецкий, Долгано-Ненецкий (Таймырский) и Остяко-Вогульский (с 1940 г. – Ханты-Мансийский) национальные округа (преобразованы в автономные округа в 1977 г., Таймырский округ в 2007 г. вошел в состав Красноярского края). Все названные республики (области) и округа создавались сверху, директивным путем, но, как замечено выше, не в результате АКТОВ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ, т. е. референдумов. А именно такую форму решения национального вопроса считал образцовой лидер большевиков В. Ленин, указывая как на пример для подражания на референдум в Норвегии в 1905 г., в результате которого норвежцы отделились от Шведского королевства и образовали собственное независимое государство [Ленин 19866]. Создание автономий, конечно, помогло формированию культурных институтов карел, мордвы, удмуртов, коми, коми-пермяков и других уральских народов, поскольку способствовало становлению литературных языков, формированию национальной литературной традиции, школы, театра. Статус этих народов повышался – они были объявлены «коренными», а все остальное население – «неко-

ренным», и «коренные» получали привилегии в сфере образования и культуры, им был дан «зеленый свет» для карьерного роста в «своих» республиках. Однако большевистская политика «коренизации» республик привела к тому, что здесь так и не сформировались прочные территориальные сообщества, объединенные гражданской солидарностью, общими ценностями и интересами. ***Так, ни в одной из республик с финно-угорским населением до сих пор нет своих политонимов, т. е. общих имен местных политических сообществ.*** А это является неременным условием ***для успеха*** процесса нациестроительства. Получается, что государственность есть, а политических сообществ в республиках с финно-угорским населением нет, поскольку граждане этих республик безымянны и не воспринимают себя как представителей единого политического сообщества (в Британии, например, общее имя для граждан – британцы, но не англичане; в Финляндии – финляндцы, но не финны; в Австрии – австрийцы, но не немцы; в России – россияне, но не русские). Процесс гражданской региональной интеграции, который стал целью республиканских властей Татарстана, Башкортостана, Ханты-Мансийского округа, где в результате возникли соответствующие политонимы (татарстанцы, башкортостанцы, югра), не был осознан как важная политическая цель региональными политическими элитами описываемых нами республик, в результате чего территориальные сообщества названных национально-государственных образований остаются интегрированными. Только недавно эту цель начали осознавать власти Карелии, Мордовии и Удмуртии, но пока преимущественно на уровне формальных деклараций, а не практической политики.

Сообщества, сформировавшиеся на территории большинства республик, в течение многих столетий являлись и являются полиэтническими и поликультурными.

Сегодня во всех республиках очень велика этническая мозаичность, и в каждой из них проживают представители десятков различных народов страны. Но если говорить о крупнейших этнических группах населения, то первые четыре наиболее многочисленные группы таковы: в Карелии – это русские, карелы, белорусы и украинцы; в Коми – русские, коми, украинцы и татары; в Удмуртии – русские, удмурты, татары, украинцы; в Марий Эл – русские, марийцы, татары, чуваш; в Мордовии – русские, мордва, татары, украинцы. Существенное увеличение численности различных этнических групп в республиках происходило во второй половине XX в.

По своему этническому и конфессиональному составу республики с финно-угорским населением, как замечено выше, являются сложными сообществами, а финно-угры в них не составляют большинства населения, и их социальная структура все еще сохра-

няет отпечаток традиционности, поскольку почти все российские финно-угры – это преимущественно аграрные сообщества (за исключением карел и ижоры).

При этом значительная доля финно-угров РФ сосредоточена именно на территориях соответствующих республик. Так, согласно данным переписи населения 2010 г., 46,2% коми в Республике Коми проживают в городе, 44,7% удмуртов в Удмуртии являются городскими жителями и более половины карел, проживающих в Карелии, являются горожанами (56,7%). Однако среди марийцев и мордвы доля горожан невелика и 69,8% мордвы в Мордовии, 73,5% марийцев, проживающих в Марий Эл, являются жителями села.

В 2002 г. на территории своих национально-государственных образований проживали 87,4% коми, 72,3% удмуртов, 70,3% карел, 51,7% марийцев и только 33,7% мордвы [Финно-угорские и самодийские народы 2006] и с тех пор ситуация существенно не изменилась. Компактность проживания увеличивает возможности для заключения браков внутри собственного этнического сообщества, а дисперсность расселения, наоборот, способствует усилению брачных связей с представителями других народов и ассимиляции, что наиболее очевидно имеет место в случае с мордвой, численность которой серьезно сокращается в силу очень широкого и дисперсного ее расселения по территории России (табл. 1).

Таблица 1

Численность крупнейших финно-угорских народов,
проживающих на территории России.
По данным переписей населения, тыс. чел.

Народ	1989 г.	2002 г.	2002 г. в % к 1989 г.	2010 г.	2010 г. в % к 2002 г.
Карелы	125	93	74,4	60,8	65,2
Коми	336	293	87,2	228	77,8
Марийцы	644	604	93,8	547	90,6
Мордва	1073	843	78,6	744	88,2
Удмурты	715	637	80,9	552	86,7

Существенно значимым для демографического развития имеют не только интенсивность брачных связей с представителями других народов, но и общие демографические пропорции на территории их традиционного проживания, половозрастные характери-

ки этнических групп, особенности их этнической идентификации. Здесь следует отметить, что этнодемографические пропорции в республиках с финно-угорским населением существенно менялись на протяжении XX столетия и сегодня финно-угры во всех национально-государственных образованиях РФ являются этническими меньшинствами (табл. 2). До своего объединения с Пермской областью в 2003 г. исключением был лишь Коми-Пермяцкий автономный округ, где коми-пермяки составляли 70% населения.

Таблица 2

Доля титульного населения
в составе республик с финно-угорским населением.
По данным переписей населения, %

Республика	1939 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Марий Эл	47,2	43,5	43,3	42,9	41,8
Мордовия	34,1	34,3	32,5	31,9	32,1
Удмуртия	39,4	32,2	30,9	29,3	27,0
Карелия	23,2	11,1	10,0	9,2	7,1
Коми	72,5	25,3	23,3	25,2	22,5

Изменение границ автономий и процессы индустриализации, которые проводились и осуществлялись с одобрения местной этнополитической элиты, приводили к существенным изменениям в этническом составе национально-государственных образований финно-угров. Так, при создании Карельской трудовой коммуны карелы, финны и вепсы вместе составляли около 60% ее населения. Но включение в ее состав территорий со старожильческим русским населением в процессе преобразования коммуны в автономную республику в 1923 г. привело к тому, что доля карел снизилась до 38,2%. Попытки местного руководства создать и реализовать программу вербовки финской рабочей силы в США и Канаде, стимулировать приток финских переселенцев из Финляндии и российских регионов, привлечь на территорию республики тверских карел и представителей других финно-угорских народов не дали результата, и для осуществления индустриализации республики пришлось ориентироваться на привлечение трудовых мигрантов из всех районов страны и, конечно, узников ГУЛАГа, как это было и в других республиках. В результате уже в 1939 г. доля карел на территории республики составляла только 23,2%.

Первые лидеры Коми области и ее идеологи изначально полагали, что для экономического роста и освоения природных богатств сурового северного края необходимо массовое привлечение труда заключенных. И уже в 1930-е гг. Коми превратилась в один из главных центров ГУЛАГа, где численность спецпереселенцев и заключенных сталинских лагерей неуклонно росла. Если в 1926 г. коми составляли около 90% населения, то в 1950-е гг. они превратились в этническое меньшинство в результате бурного экономического развития и освоения природных богатств севера республики, вызвавшего приток рабочей силы из-за пределов республики. В последующие годы их доля неуклонно снижалась (табл. 3).

Таблица 3

Доля русских в этническом составе населения республик с финно-угорским населением, %

Республика	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Марий Эл	46,8	47,5	47,5	47,5	45,1
Мордовия	58,9	59,8	60,8	60,8	53,2
Удмуртия	57,1	58,3	58,9	60,1	60,0
Карелия	68,2	71,3	73,5	76,6	82,2
Коми	53,1	56,7	57,7	59,6	65,1

Но помимо снижения доли титульных сообществ в составе населения, в последние десятилетия происходило абсолютное сокращение численности финно-угров, что было отмечено последними двумя переписями. Озабоченность (особенно у этнических элит) вызывают и другие факты, характеризующие демографические процессы.

Перепись 2002 г. показала, что **произошло заметное демографическое старение населения большинства названных этнических групп** и медианный возраст среди уральских народов (финно-угров и самодийцев) не снизился только у хантов и манси. Увеличение среднего возраста оказалось весьма значительным: у карел в 2002 г. он составил 45,7 года, у коми – 38,8, у коми-пермяков – 40,8, у манси – 24,3, у марийцев – 36,7, у мордвы – 44,4, у удмуртов – 40,0, у хантов – 23,7 года.

Итоги переписи–2010 свидетельствовали, что старение населения продолжилось (например, медианный возраст мордвы вырос до 48 лет), и в этой связи демографические перспективы российских финно-угров не очень сильно отличаются от демографической си-

туации в Венгрии или Эстонии, где проживают родственные им (по языку) народы. Специалисты, оценив итоги последней переписи, отнесли удмуртов, коми, коми-пермяков, бесермян и мордву к группе народов, которая относится к «старым», причем уровень старости определен как «значительный», а для карел, вепсов и финнов он является «высоким». При этом практически у всех финно-угров в их общей возрастной структуре существенно снизилась доля лиц моложе трудоспособного возраста.

Еще более показательны изменения, связанные с демографическим воспроизводством. По сравнению с предыдущей переписью у большинства народов России произошло снижение деторождений в наиболее продуктивных возрастных когортах, но у мордвы, удмуртов, марийцев, к примеру, это снижение было более значительным, чем в среднем по стране. Так, в когорте 25–29 лет, т. е. наиболее «продуктивной», в 2010 г. снижение по сравнению с 2002 г. составило у мордвы 221 рождение, в когорте 30–34 года – 184, в когорте 35–39 лет – 189; а у мариек эти показатели соответственно снизились на 143, 150 и 177 рождений. Правда, при этом надо признать, что названный показатель очень существенно различается у разных финно-угорских народов. Дополнительные сложности для демографического воспроизводства создает соотношение полов и состояние брачно-семейных отношений, а также брачные ориентации. В последние несколько лет ситуация в этой сфере становится критической, ибо во всех республиках с финно-угорским населением резко сокращается брачность, растет смертность и быстро падает рождаемость (табл. 4).

Таблица 4

Изменение численности населения республик.
По данным переписей населения, тыс. чел.

Республика	Численность, тыс. чел.		Убыль, %		
	1989 г.	2010 г.	2020 г.*	1989 г.	2010 г.
Марий Эл	749,4	696,5	679	–7,1	–14,5
Коми	1268,2	901,0	820	–28,9	–35
Мордовия	963,5	834,7	790	–3,4	–18
Карелия	790,2	645,2	514	–18,4	–22
Удмуртия	1609,0	1521,4	1501	–5,4	–6,8

Примечание. * Оценка по данным ТОГС соответствующих субъектов РФ.

Соотношение полов у большинства финно-угорских народов продолжает оставаться неблагоприятным, ибо доля женщин, в том числе в активном брачном возрасте, заметно выше доли мужчин. А если учесть тот факт, что значительная часть финно-угров проживает **не в моноэтнических поселениях** (городских или сельских), а в этнически неоднородных с высокой интенсивностью межэтнических контактов, то очевидной является ситуация, при которой женщины выбирают себе брачных партнеров вне своих этнических групп. При этом значительная часть мужчин также ориентирована не на свой «этнический сегмент брачного рынка», а на рынок в целом. Усложняет ситуацию и то, что стабильность семьи у российских финно-угров невысока. Нестабильность института семьи не позволяет осуществлять через нее полноценную трансляцию культурных традиций, хотя именно семья всегда являлась их главным хранителем. *Таким образом, очевидно, что по своему этническому составу республики с финно-угорским населением никак нельзя маркировать как «финно-угорские регионы». Этот вывод можно сделать не только на основе этнической статистики, но и на основе анализа исторических данных. Сообщества, сформировавшиеся на территории большинства республик, в течение многих столетий являлись полиэтническими и поликультурными.*

Не менее важное значение, наряду с демографическими показателями, имеют данные, характеризующие уровень жизни.

Показатели, связанные с уровнем жизни населения республик с финно-угорским населением, либо существенно уступают среднероссийским показателям, либо по некоторым позициям близки к ним (табл. 5). Точных данных по расходам домохозяйств в РФ в 2019 г. нет, но, «согласно расчетам, проведенным на основе данных сканпанели домохозяйств Romir Scan Pane, в декабре 2019 г. общие расходы среднестатистической российской семьи составили 79,6 тыс. руб., что на 12,4% выше, чем в ноябре 2019 г., и на 0,8% ниже, чем в декабре 2018 г.»²⁷. В республиках с финно-угорским населением такого уровня расходов нет, хотя и в этих республиках, и в РФ в целом сегодня очень трудно оценить уровень материального достатка семей (включая расходную часть их бюджетов), а в 2020 г. любые данные могут быть лишь приблизительными, на наш взгляд.

²⁷ Ромир: в декабре 2019 г. более трети затрат россиян составили расходы на продукты питания [Электронный ресурс]. URL: <https://romir.ru/studies/romir-v-dekabre-2019-bolee-treti-zatrat-rossiyan-sostavili-rashody-na-produkty-pitaniya> (дата обращения 11.03.21).

Таблица 5

Показатели, связанные с уровнем жизни населения республик с финно-угорским населением (по данным текущей статистики)

Регион	Прожиточный минимум, I квартал 2020 г., рублей на душу населения для трудоспособного населения	Средний размер начисления заработной платы, I квартал 2020 г., руб.	Средний душевой доход в месяц, I квартал 2020 г., руб.	Потребительские расходы в месяц, 2019 г., руб.
РФ в целом	10 843	62 239	31 246	–
Республика:				
Марий Эл	9460	37 446	18 998	16 098
Мордовия	9181	35 726	17 795	15 759
Карелия	10 843	54 900	28 145	23 209
Коми	13 791	66 130	31 700	17 700
Удмуртия	9760	41 051	22 470	18 699

Республиканские статистические службы регулярно проводят изучение положения домохозяйств, как правило, на основе ограниченной выборки, но глубокого анализа материального благополучия семей в указанных регионах, которое бы опиралось как на статистические данные и выборочное изучение домохозяйств, так и на специальные социологические исследования, ориентированные на оценку уровня бедности в регионах и причин ее порождающих, динамику показателей субъективной бедности и анализ структуры потребления товаров и услуг, которое имеет место в указанных регионах, до сих пор не сделано и есть лишь отдельные наблюдения и статистические данные, не позволяющие получить общую и достоверную картину материального благополучия населения республик и реальной динамики его изменений.

Здесь важно отметить, что республики с финно-угорским населением по своему экономическому потенциалу очень заметно различаются. Республики Марий Эл и Мордовия – это аграрные регионы с относительно слабым уровнем развития промышленности и низким уровнем денежных доходов населения, поскольку аграрная сфера не представлена высокоэффективными и высокодоходными предприя-

тиями. Удмуртия и Коми – это индустриальные регионы, а потенциал Карелии вообще делает ее уникальным по возможностям развития регионом. Что касается нефте- и газодобывающих округов Западной Сибири – Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов, где титульными группами официально признаны самодийцы и обские угры (народы уральской языковой семьи), то там доходы населения значительно выше среднероссийских, но внутренние территориальные и отраслевые различия очень значительны и сельское население, в том числе ненцы, селькупы, ханты и манси, в большинстве своем не относятся к обеспеченным социальным группам.

Что касается республик, то во всех республиках с финно-угорским населением их граждане живут хуже, чем среднестатистический россиянин, а в последние несколько лет уровень снижения реальной заработной платы здесь был большим, чем в среднем по России.

Такой вывод нельзя сделать в результате простого сравнения официально зафиксированного уровня денежных доходов с прожиточным минимумом, поскольку показатель прожиточного минимума устанавливается региональными властями самостоятельно и достаточно произвольно. К примеру, в «бедной» Архангельской области в последние годы прожиточный минимум был больше в денежном выражении, чем в «богатой» Республике Коми, хотя потребительские цены в Северодвинске или Архангельске существенно ниже, чем в Воркуте (табл. 6).

Таблица 6

Доля населения с доходами
ниже прожиточного минимума, 2018 (2017) г., %

Регион	Доля бедного населения
РФ в целом	12,9 (13,2)
Республика:	
Марий Эл	21,5 (22,1)
Мордовия	18,4 (18,6)
Карелия	17,0 (17,3)
Коми	16,5 (16,8)
Удмуртия	12,0 (12,2)

Но если сопоставить среднедушевые доходы и потребности в одежде, сбалансированном питании, лекарствах и курортном отдыхе, а также рыночные цены на продукты питания, товары и услуги, то окажется, что жители Карелии и Коми (особенно население их северных районов), где показатели начисленной заработной платы или близки к среднероссийскому показателю или несколько превышают его, *живут в целом беднее среднестатистического россиянина*.

В связи с недостаточным уровнем доходов возникла ситуация, при которой жители Карелии и Коми закредитованы в большей мере (по данным текущей статистики), чем это имеет место по стране в целом, т. е. средняя сумма кредитной задолженности на одного заемщика здесь заметно превышает показатели задолженности по России.

Важно также заметить, что в Марий Эл и Мордовии показатели доходов населения существенно ниже ***среднероссийских и эти территории относятся к числу самых бедных в России (ниже средних показателей они и в индустриальной Удмуртии, но менее значительно)***. Существенно выше среднероссийских показателей доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в Пермском крае, что связано с низкими доходами сельского населения региона и особенно населения, которое проживает на территории бывшего Коми-Пермяцкого автономного округа (а большинство его населения составляют коми-пермяки). При этом важно заметить, что значительная часть представителей титульных групп в республиках с финно-угорским населением (в Коми, Марий Эл, Мордовии – более половины) проживают на селе, где уровень доходов существенно ниже, чем в городе. В результате самой обездоленной группой оказываются именно представители титульных групп и особенно их сельская часть, *что является инструментом генерации недовольства среди титульных сообществ* и служит «аргументом» необходимости предоставления представителям этих сообществ особых экономических, социальных и политических преференций.

Важно обратить внимание как на характер развития аграрного сектора экономики названных республик, так и на общие тенденции социально-экономического развития, поскольку это прямо сказывается на социальном самочувствии населения республик и его политических и культурных ориентациях.

Если соотнести динамику численности населения и динамику роста ВРП на душу населения за последние два десятилетия, то получается, что реальный рост в республиках с финно-угорским населением был весьма незначительным. Если в целом экономика РФ за последние 20 лет выросла вдвое (в среднем реальный рост экономики за 1999–2018 гг. составил 223,1%), то по разным регионам различия будут довольно значительными. К примеру, в Дагестане экономика

выросла в 5 раз, в Ленинградской области – в 3,5 раза, а в Республике Коми только на 29,2%, но этот рост следует признать условным, ибо никакого реального роста экономики не было. Показатели изменились только из-за масштабного оттока населения из республики, которое за указанный период сократилось на 22%. Если учесть этот показатель, то получается, что в душевом исчислении никакого роста экономики не было. И более того, даже абсолютные показатели в расчете на душу населения стали сокращаться в последние годы, хотя темпы оттока населения несколько снизились (хотя все равно остаются значительными). Так, в расчете на душу населения ВРП в 2018 г. был почти на 1 тыс. руб. меньше, чем в 2010 г. (табл. 7).

В других республиках с финно-угорским населением рост экономики тоже был небольшим и существенно уступал медианному значению по России в целом – 213,3%. Только в Марий Эл и Мордовии показатели роста были близки к общероссийским или даже превосходили их, хотя в денежном выражении ВРП обеих республик был невелик и уступал, к примеру, ВРП ХМАО более чем в 10 раз, а НАО – почти в 30 раз (табл. 8).

Таблица 7

Совокупный реальный экономический рост
по финно-угорским республикам за 1999–2018 гг.

Республика	Реальный экономический рост за 1999–2018 гг., %	ВРП на душу населения в постоянных ценах 2018 г., руб.	
		2010 г.	2018 г.
Карелия	157,89	405 773	451 437
Коми	129,21	806 324	796 761
Марий Эл	206,73	200 537	260 846
Мордовия	264,11	203 351	284 010
Удмуртия	173,04	358 314	417 899

Если говорить об аграрном секторе экономики республик с финно-угорским населением, то практически повсеместно валовой объем сельскохозяйственной продукции по сравнению с позднесоветским периодом значительно сократился, а в Коми и Карелии можно говорить о глубоком аграрном кризисе, который является частью общего системного кризиса в этих республиках. Аграрный кризис был связан с тем, что кооперативно-колхозная форма организации аграрного производства практически обанкротилась, а фермерство

и крупные частные агрохолдинги не получили должного развития в республиках [Клименюк, Пожилова 2016; Иванов 2019].

Поэтому происходило последовательное сокращение посевных площадей под сельскохозяйственными культурами, росла доля убыточных предприятий аграрного сектора региональных экономик. Так, к примеру, в Карелии посевные площади под овощными культурами в 2003 г. сократились на 1,2 тыс. га, в 2004 г. – на 1,1 тыс. га; в Коми соответственно на 0,9 и 0,8 тыс. га. В 2012 г. в Карелии 47% животноводческих предприятий были убыточными, в Коми – 58%. По итогам 2003 г. в Марий Эл из 280 сельхозпредприятий 252 имели просроченную кредиторскую задолженность, 67% хозяйств завершили год с убытками. А с учетом накопленных долгов положительный финансовый баланс имели всего 15 хозяйств.

В последующие годы господдержка аграрного производства позволила многим предприятиям остаться «на плаву», но в Карелии, к примеру, региональная пресса прямо писала об аграрном кризисе: «В последнее время вести с карельских полей все чаще похожи на хронику происшествий: сотрудникам агрофирмы “Тукса” задерживают зарплату, на Медвежьегорском молокозаводе стадо продают за долги, в Пряжинском зверосовхозе нечем кормить коров, а пушные зверьки едят друг друга от голода. В июне этого года на встрече с российским премьер-министром Дмитрием Медведевым глава республики Артур Парфенчиков заявил: поддержка села – одно из приоритетных направлений развития региона. Тем не менее при обсуждении проекта республиканского бюджета на 2018 год выяснилось, что денег на эти цели заложено недостаточно. По мнению карельского министра сельского хозяйства Владимира Лабинова, для развития отрасли средств требуется вдвое больше»²⁸.

При этом стоит заметить, что доля убыточных предприятий в хозяйственном комплексе Республики Карелия в целом выше, чем в любом другом субъекте СЗФО, и наименьшей она была в 2017 г. – 39,1%, но в иные годы стабильно держалась выше 40%. Пандемия коронавируса и общемировой экономический кризис очень серьезно подорвали позиции карельских производителей, особенно аграрных. В последние годы практически все крупные агропредприятия в республике были приватизированы и стали собственностью республики, но их долги были огромны, и даже массированная господдержка из республиканского и федерального бюджетов не могла радикально поменять ситуацию в аграрной сфере, а только усугубляла общее

²⁸ *Лычагин А.* Не в тренде: как Карелии преодолеть агропромышленный кризис [Электронный ресурс]. URL: <https://fedpress.ru/article/1889440> (дата обращения 11.03.21).

сложное социально-экономическое положение республики. По существу, республика переживает глубокий социально-экономический кризис, выхода из которого пока не видно. Не случайно Карелии в числе нескольких наиболее проблемных регионов была предоставлена значительная адресная финансовая помощь федерального центра.

В наиболее благоприятных природно-климатических условиях находятся аграрные комплексы Марий Эл и Мордовии. Но проблем и здесь достаточно. Можно взять для примера Мордовию: «Уровень продуктивности земледелия Республики Мордовия является неустойчивым по годам и находится в большой зависимости от погодных условий. Анализ основных показателей развития отраслей животноводства позволяет охарактеризовать глубину его кризиса. Так, в последнее десятилетие значительно снизилось поголовье всех видов скота. Сопоставление поголовья скота в 2011 г. с предыдущими годами показывает, что поголовье КРС соответствует уровню 1958 г., по численности коров – 1941 г., по численности свиней – 1980 г., а поголовье овец сократилось по сравнению с 1916 г. в 14 раз.

Сокращение поголовья скота произошло у всех сельскохозяйственных товаропроизводителей. Сокращение поголовья крупного рогатого скота не приостановлено, поголовье сокращают как сельскохозяйственные предприятия, так и владельцы личных подсобных хозяйств, исключением являются крестьянские (фермерские) хозяйства, которые в последние годы наращивают поголовье КРС и свиней...

За 1996–2005 гг. происходило сокращение численности сельскохозяйственных предприятий, которые полностью обанкротились и присоединялись к экономически более крепким предприятиям, передавались в качестве подсобных предприятий промышленным и машинно-технологическим станциям (МТС). В 1990 г. в сельском хозяйстве республики было занято 96 тыс. работников, а к 2011 г. их стало 21,9 тыс. чел., т. е. численность занятых сократилась в 4,4 раза, а за последние пять лет численность работников в сельском хозяйстве сократилась на 10 тыс. чел. Многие из них оказались безработными, часть из них стали пенсионерами, возросла численность больных, не способных к трудовой деятельности, наиболее энергичная часть молодых и более квалифицированных работников выехали в другие регионы страны. Таким образом, разрушается кадровый потенциал агропромышленного производства республики.

Остается сложным экономическое положение сельскохозяйственных предприятий. Прибыль в 2011 г. получили 87% сельскохозяйственных предприятий, причем основная масса прибыльных хозяйств функционирует в режиме выживания. В период относительной стабилизации цен (до 1989–1990 гг.) необходимый уровень рентабельности сельского хозяйства экономисты-аграрники опреде-

ляли в 25–30%. Если еще в 1992 г. уровень рентабельности сельского хозяйства был 43,9%, то в 2011 г. он уменьшился до 9,2%. Низкая рентабельность производства сельскохозяйственной продукции в большинстве сельскохозяйственных предприятий объясняется многими причинами, важнейшей из которых является высокая себестоимость производимой продукции»²⁹.

Если суммировать вышесказанное, то следует констатировать тот факт, что агросектор во всех республиках с финно-угорским населением не является процветающим и динамично развивающимся сектором экономики, несмотря на активные меры государственной поддержки. При этом важно заметить, что большинство коми в Республике Коми, удмуртов в Удмуртской Республике, марийцев в Республике Марий Эл и мордвы (эрзя и мокша) в Мордовии проживают в сельской местности этих регионов. Поэтому на сегодняшний день именно село является зоной свободного функционирования финно-угорских языков, поскольку практически во всех республиках есть целая группа районов, где финно-угры численно преобладают или являются существенной частью населения, которое обычно сосредотачивается компактными группами в отдельных селах и деревнях. Исключение составляет лишь Карелия, где только в Олонецком районе доля карел составляет 50%, а еще в двух сельских районах карелы – треть населения.

Следует также указать, что Карелия и Коми вообще находятся в зоне рискованного земледелия и неблагоприятных погодных условий, а в Удмуртии, Марий Эл и Мордовии (на территории бывшего Коми-Пермяцкого автономного округа) для ведения аграрного производства нет таких благоприятных условий, как в черноземной полосе и на юге России. Поэтому здесь значительная часть аграрных предприятий или давно разорилась, или влачит жалкое существование, а значительная часть трудоспособного населения является безработными и перешла на ведение натурального хозяйства и сбор дикоросов, которые приносят основной доход сельским семьям. Не случайно, что уровень бедности во всех республиках (за исключением Удмуртии) в 2018 г. заметно превышал среднероссийский показатель, а в Марий Эл и Мордовии вообще является опасно высоким (см. табл. 6). В целом же с 2013 по 2017 г. доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в РФ возросла на 4,2% [Юртикова 2018: 96]. С тех пор официальные показатели бедности несколько снизились (см. табл. 6), хотя реальные доходы населения с 2015 г. не

²⁹ *Прокка Н.И., Мартынов К.П.* Проблемы развития сельского хозяйства Республики Мордовия [Электронный ресурс]. URL: [https://docviewer.yandex.ru/view/48665243/](https://docviewer.yandex.ru/view/48665243/?)? (дата обращения 12.03.21).

росли, и снижение бедности можно связать с увеличением социальных выплат, повышением экономической активности граждан (часто связанной с теневой экономической деятельностью), несовершенством статистического учета и другими факторами. В официальных данных Росстата за 2020 г. указано, что доля лиц с доходами ниже прожиточного минимума составила 12,1%, в то время как в 2019 г. она равнялась 12,3% (*Росстат опубликовал*). Но эти данные требуют корректировки, а потому предложена новая методика расчета уровня бедности в стране, по поводу чего в «Мониторинге социально-экономического положения и социального самочувствия населения», регулярно проводимого НИУ ВШЭ, сказано: «Переход на новую методику оценки величины прожиточного минимума, как представляется, приведет к более устойчивой динамике масштабов бедности. В соответствии с новой методикой прожиточный минимум приравнивается к доле медианного денежного дохода... Таким образом, оценка масштабов бедности на основе доли населения, имеющего доход ниже прожиточного минимума, теперь связана с конфигурацией распределения доходов всего населения. Снижение масштабов бедности будет зависеть от изменения дифференциации денежных доходов населения. В 2021 г. величина прожиточного минимума определена в размере 11 653 руб. При текущих уровнях дифференциации денежных доходов чуть более 14% населения страны будут иметь доходы ниже этого уровня, т. е. являться бедными»³⁰. Новая методика более точна и показывает, что на грани «статистической бедности» ныне оказывается уже около четверти населения страны, ибо их доход ниже так называемой черты риска бедности³¹ (табл. 8).

При этом важно иметь в виду, что статистически фиксируемая бедность не отражает реальной картины бедности по регионам. Наиболее важным индикатором в этом отношении является субъективная бедность, т. е. какая доля людей сама относит себя к бедным слоям населения. Наши социологические замеры последних лет показывали, что субъективная бедность примерно вдвое превышает официально фиксируемый уровень бедности.

³⁰ В ВШЭ заявили, что более 14% россиян по новой методике оценки могут отнести к бедным [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11280919> (дата обращения 12.03.2021).

³¹ Эксперты: четверть российского населения можно отнести к категории малообеспеченных [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11361169> (дата обращения 12.03.2021).

Таблица 8

Дифференциация регионов РФ
по размеру среднемесячной заработной платы
(на основе данных государственной статистики
на 1 января 2019 г.)

№	Регион	Заработная плата, руб.
1	Магаданская область	101 662
2	Чукотский автономный округ	96 930
3	Ямало-Ненецкий автономный округ	86 560
4	Москва	78 946
5	Ненецкий автономный округ	77 277
6	Сахалинская область	73 261
7	Камчатский край	71 553
8	Республика Саха	65 881
9	Тюменская область (без округов)	61 937
10	Санкт-Петербург	58 310
11	Мурманская область	56 005
12	Московская область	50 135
13	Республика Коми	48 316
14	Архангельская область (без НАО)	47 526
15	Хабаровский край	46 583
16	Еврейская автономная область	39 797
17	Республика Карелия	39 755
18	Республика Хакасия	37 949
19	Республика Бурятия	37 867
20	Свердловская область	37 605
21	Республика Татарстан	35 722
22	Республика Тыва	35 619
23	Челябинская область	34 944
24	Самарская область	33 086
25	Удмуртская Республика	31 990
26	Смоленская область	29 566
27	Республика Крым	28 400

№	Регион	Заработная плата, руб.
28	Ульяновская область	27 927
29	Республика Марий Эл	28 232
30	Республика Адыгея	27 455
31	Республика Мордовия	26 999
32	Чеченская Республика	26 108
33	Республика Северная Осетия – Алания	26 108
34	Ивановская область	26 053
По РФ в целом		42 595

Особо необходимо отметить то, что в Карелии и Коми продолжается не только прогрессирующий процесс разрушения исторически сложившейся поселенческой сети (он идет здесь более активно, нежели в других регионах европейской части страны), но имеет место активная миграция населения за пределы этих республик, которая, судя по зафиксированным в ходе массовых опросов населения настроениям, не будет остановлена и в ближайшие годы. В Удмуртии, Марий Эл и особенно Мордовии население достаточно стабильно, хотя эта стабильность обусловлена не столько удовлетворенностью уровнем жизни и социальными перспективами, сколько ограниченными ресурсами, которые не дают возможности местному населению быть достаточно мобильным. Но это не касается молодежи, ибо данные опросов 2017 и 2019 гг. показали, что значительная часть молодых людей в Удмуртии и Мордовии желают переехать в другие регионы РФ или другие страны и причиной тому являются как ограниченный рынок труда и низкие доходы, которые могут предоставить местные работодатели, так и неопределенность перспектив развития регионов и ограниченные возможности для самореализации молодых людей, имеющиеся в республиках.

Общая картина социально-экономического развития республик с финно-угорским населением является неудовлетворительной, поскольку приемлемые темпы роста после 2014 г. показывала только Удмуртия, хотя и здесь существует много проблем, в том числе проблема несоответствия экономического потенциала и уровня жизни населения. В остальных республиках экономические и социальные проблемы только нарастают, а Мордовия вообще превратилась в крупнейшего должника, ибо государственный долг вырос до огромной величины, о чем сказано выше.

В условиях пандемии коронавируса и вынужденного закрытия огромного количества предприятий малого и среднего бизнеса пострадали все республики и уровень жизни населения, несмотря на государственную поддержку, падает, существенно сокращается экономическая активность, растет безработица, что провоцирует усиление социальных и политических рисков, включая рост этно-радикальных настроений и возникновения благоприятных условий для деятельности радикалов и экстремистов.

5.2. Суверенизация, этнополитическая конкуренция и базовые принципы этнополитики в регионах проживания российских финно-угров

Длительное пребывание финно-угров в составе российского государства, тесное культурное взаимодействие с доминантной этнической группой, интенсивные межэтнические контакты и сами этнодемографические показатели, характеризующие население республик с финно-угорским населением, казалось бы, не оставляли возможностей для политизации этничности и взрывного роста популярности идей этнического национализма, а тем более для конструирования региональных моделей этнополитики, основанных на данных идеях.

Но именно это и происходило с начала 1990-х гг., что стало следствием стечения многих обстоятельств, а также объяснялось теми радикальными переменами, которые происходили в стране в целом.

Существенную роль в том, что республики с финно-угорским населением и богатые западносибирские округа встали на путь политизации этничности, а их элиты стали маркировать эти регионы как «финно-угорские», сыграла попытка региональных элит повысить статус республик/округов и усилить свое влияние как на местном, так и на общегосударственном уровне, получить свободу рук при переходе к рыночной экономике и приватизации прибыльной государственной собственности, разделе ресурсов. Первым шагом в этом направлении стало принятие деклараций о суверенитете, имевшее место в 1990 г., в которых в соответствии с советской традицией титульные этнические группы именовались нациями. Так, в «Декларации о государственном суверенитете Марийской Советской Социалистической Республики», в частности, заявлялось: «Марийская Советская Социалистическая Республика есть суверенное советское социалистическое государство, созданное на основе осуществления марийской нацией своего неотъемлемого права на самоопределение»

[Декларации 1996: 45], хотя, как говорилось выше, никакого акта самоопределения не принималось и сами марийцы никакого реального участия в определении государственного статуса их территории не принимали. А декларацию от их имени и без широкого народного обсуждения принимала небольшая группа советских функционеров, которая состояла из фактически назначенных депутатов республиканского парламента. В «Декларации о государственном суверенитете Советской Социалистической Республики Коми» провозглашалось: «Коми ССР имеет свое гражданство и гарантирует каждому гражданину право на сохранение гражданства РСФСР и СССР» [Декларации 1994: 127], хотя республиканский закон о гражданстве еще не существовал в природе и его проект появился позже, но закон так и не был принят, поскольку отдельное **гражданство означало бы де-юре выход из состава РФ**. Названные документы не только повышали статус автономных республик, но в них говорилось также о том, что на территории республик функционируют два государственных языка – русский язык и язык титульной этнической группы, устанавливалась норма, согласно которой основные законы республик и их законодательные акты имеют приоритет по отношению к федеральным законам.

Сама идея политического и экономического суверенитета республик с финно-угорским населением, идеи республиканского гражданства и государственных языков не были рождены в политической среде этих субъектов, а были заимствованы из программы Народного фронта Эстонии [Народный конгресс 1989], и первоначально местные этнические антрепренеры и региональные политики это признавали на страницах республиканских газет, но позднее стали напрочь отрицать.

Роль внешнего фактора в региональной политике РФ в начале 1990-х гг. была весьма значительна. Вместе с политизированной этничностью это был один из способов давления на федеральный центр. Так, при обсуждении проекта федеральной Конституции в 1993 г. выяснилось, что в окончательный текст документа не вошел Федеративный договор, в котором подтверждался суверенитет республик в составе РФ. Этот факт вызвал демарши руководителей республик, а Председатель Верховного Совета Коми Ю. Спиридонов «угрожал, что республика Коми будет обращаться за поддержкой к международному сообществу» [Дробижева и др. 1996: 130].

Что давал процесс суверенизации и этнизации республик и почему его так рьяно поддерживали региональные политические и этнические элиты?

Во-первых, как уже замечено выше, региональные политические лидеры получали если не всю, то гораздо большую, нежели

прежде, полноту политической власти в своих республиках, а федеральный центр ограничивал контроль за деятельностью региональных элит. Во-вторых, появлялась возможность более полного использования региональных ресурсов, в том числе и для личного обогащения представителей регионального руководства. Не случайно период начала 1990-х гг. отмечен «дикой приватизацией» наиболее привлекательных предприятий, стремительным обогащением узкого круга лиц и появлением многих долларовых миллионеров и миллиардеров, которые смогли сколотить состояния за счет близости к власти. Следствием этого стало то, что в массовом сознании населения России до сих пор существует мнение, что все крупнейшие состояния в России нажиты нечестным путем, а не за счет выдающихся личных качеств современных «денежных мешков». Наконец, в-третьих, ряд лидеров рассматривали суверенизацию и этнизацию как способ защитить интересы региональных сообществ в условиях жесточайшего социально-экономического кризиса конца 1980 – начала 1990-х гг.

И действительно, в начале 1990-х гг. республики, особенно обладающие богатыми природными ресурсами, пытались добиться максимально благоприятных условий распоряжения своими богатствами. Так, удалось добиться введения принципа «двух ключей» при предоставлении лицензий компаниям, занимающимся добычей полезных ископаемых, т. е. лицензия выдавалась лишь при наличии разрешения от федеральных и республиканских властей и, соответственно, выплат в оба бюджета. Кроме того, субъекты постарались взять под свой контроль экспортные поставки природных ископаемых, и это им удалось. В результате торга с федеральным центром на 1992 г. экспортная квота на нефть составила в Татарстане 30% добычи, в Башкирии – 15,5%, в Коми – 30%, Калмыкии – 50%, в то время как Тюменская область могла поставлять на экспорт не более 1% добываемой нефти [Дробизева и др. 1996: 213].

С 1994 г. в РФ стали предприниматься попытки упорядочить межбюджетные отношения и систему налогообложения, начались попытки сформулировать общие принципы бюджетного федерализма. Предполагалось, что в итоге будет создана четкая система разделения доходов и расходов между федеральным центром и субъектами Федерации. Но разработанные нормативы, порядок предоставления трансфертов регионам не были идеальными и, самое главное, что разработанные нормы бюджетного федерализма изначально имели много исключений. А исключения, как правило, касались предоставления налоговых льгот национальным республикам, в том числе республикам с финно-угорским населением. Так, с 1994 г. Татарстан и Башкортостан оставляли у себя всю сумму акцизов, Карелия – 90%,

Якутия вообще в течение года не осуществляла никаких налоговых платежей в федеральный бюджет [Дробижева и др. 1996: 218].

Для успешного торга с федеральным центром необходимо было, чтобы политизированная этничность активно заявляла о себе, а потому многие лидеры республик, исходя из прагматических соображений, оказывали поддержку этнонациональным движениям и организациям, политический ресурс которых был крайне ограниченным.

Так, первые и последующие съезды карел, коми, марийцев, удмуртов, мордвы были организованы и прошли при мощной организационной и финансовой поддержке республиканских властей. В 1992 г. в Коми были приняты законы о языках и статусе съезда коми народа. Первый объявлял коми и русский языки государственными языками республики. Второй маркировал коми как «коренной этнос», а территорию республики объявлял «его исторической родиной». При этом общей прародиной финно-угров считается Прикамье [Хайду 1985; Nanovfszky 2004], а средневековая Пермь Великая располагалась также в Камском бассейне, вычегодские же земли были периферией культурного пространства летописной Перми (Пермь малая), да и сам ареал расселения коми-зырян в названную эпоху был значительно шире и охватывал территории не только к югу, но и к западу от нынешней территории РК. При этом Нижняя Печора и весь современный север республики никак не могут считаться «исторической родиной» коми – это этническая территория старожильческих групп русских, как и Верховья Печоры, а также ненцев. На основании рожденного в недрах коми движения мифа об исторической родине был принят закон о статусе съезда коми народа, который не только легитимизировал концепцию исторической родины, но и фактически придавал особый статус этнической группе.

Закон, по объему занимавший всего полстраницы текста и состоявший из 22 строк, был откровенной пародией на законодательный акт и имел не правовое, а политическое значение. Главная идея документа состояла в том, что он предоставлял съезду коми народа статус «Высшего представительного собрания коми этноса» [Закон 1994: 128], хотя ни процедура формирования избирательных округов, выдвижения делегатов съезда и их выборов в «высшее представительное собрание», ни сфера компетенций съезда и правовая значимость принимаемых им решений, ни другие важные аспекты подготовки, проведения съездов и реализации их решений не были прописаны в данном законодательном акте, чем он принципиально отличался, к примеру, от сходного, по сути, норвежского закона «О законодательном собрании народа саами» [Шабает 1998: 142], принятом десятилетием ранее, или от аналогичного закона Республики Хакасии, утвержденного в 2003 г. указом главы республики «О съезде (чылыг) хакаского народа».

Закон «О статусе съезда коми народа» впоследствии отменили, поскольку он был опротестован федеральными судебными органами, расценившими его как политическую декларацию, а не правовой документ.

Но тем не менее после принятия закона о статусе съезд коми народа оказался единственной из этнических организаций республики, которая получила право законодательной инициативы и финансирование которой (самих съездов и их исполнительных организаций – Комитета возрождения коми народа) осуществлялось отдельной строкой в республиканском бюджете. Лидер коми движения В. Марков при активной поддержке властей Коми избирался депутатом республиканского парламента, депутатом Госдумы и, наконец, – сенатором, а в одно время для него был даже учрежден пост «министра без портфеля».

Политическое руководство Коми, в котором преобладали представители нетитульного населения республики, сознательно вело политику активной поддержки коми движения и предоставляло его лидерам очевидные преференции. Как сказано выше, манифестация этничностью, демонстративное использование идей и лозунгов этнонациональных движений в торге с федеральной властью были важными и полезными инструментами в руках региональных лидеров, даже если они не были представителями титульных этнических групп. Чтобы усилить значимость этнического фактора, необходимо было привлечь и внешних акторов. Поэтому власти активно поддерживали идею проведения Всемирных финно-угорских конгрессов, которая развивала уже апробированную практику проведения аналогичных мероприятий, проводившихся в Эстонии, Финляндии и Венгрии в период между двумя мировыми войнами. В 1992 г. при мощной финансовой и организационной поддержке республиканских властей в Сыктывкаре был организован и проведен первый подобный конгресс. Конгресс принял ряд значимых документов, в числе которых была и «Декларация об основных принципах, целях и задачах сотрудничества финно-угорских народов мира», «Обращение к Парламентам и Правительствам Российской Федерации и финно-угорских республик, входящих в ее состав». *Последний документ за счет статуса мероприятия как раз и «узаконил» термин «финно-угорские республики».* Но кроме того, в названном документе выдвигалось предложение «содействовать возрождению финно-угорского мира» (!), «принять закон Российской Федерации о льготах, предоставляемых структурам для решения социально-экономических проблем коренных народов», «создать для народов, над которыми нависла угроза исчезновения, национальные территории с особым статусом управления» и многие другие предложения этнополитического характера,

которые «вычленяли» финно-угорские народы из единого культурного, правового и политического пространства России и продвигали идею «особых прав коренных народов» [Обращение 1994: 258–260].

Официальная поддержка этнонациональных движений привела к тому, что политические амбиции этнических антрепренеров (не этнических предпринимателей, а эксплуатантов идеи политизации этничности) росли как на дрожжах, и этнические активисты стали считать себя реальными политическими акторами, имеющими серьезный вес и влияние на местные сообщества. Поэтому они разрабатывали и поддерживали не только утопические, но и расово окрашенные проекты политических преобразований, чему свидетельством стали решения первого съезда Ассоциации финно-угорских народов России (АФУН), прошедшего в мае 1992 г. в Ижевске. Делегаты съезда (в избрании которых рядовые члены этнических сообществ никакого участия не принимали) утвердили его статус, заявив, что он является «высшим национально-этническим органом финно-угорских народов Российской Федерации, добровольно объединившихся в Ассоциацию, и ставит своей целью воссоздание финно-угорского мира» [Статус 1996]. На съезде был принят ряд деклараций, в частности Декларация «О реализации суверенных прав финно-угорских народов России в условиях новой системы федеративного устройства», в которой в духе идей этнического национализма заявлялось, что РФ должна быть не только федерацией территорий, но и народов. Выдвигалось также требование реформировать законодательные и исполнительные органы власти республик с целью «прямого включения коренных народов в процесс выработки, принятия и реализации решений на высшем государственном уровне» [Декларация 1996: 251]. *Фактически же речь шла о том, чтобы этнические антрепренеры, выступавшие от имени своих этнических групп, имели прямой доступ к институтам власти, избегая использования демократических процедур их формирования.* Собственно вся практика этнонациональных движений финно-угров доказала, что активисты этнических движений стремились к собственному карьерному росту, инкорпорации во властные структуры за счет использования ресурса политизированной этничности, и их совсем не заботили реальные интересы и мнения рядовых представителей тех этнических сообществ, права которых они якобы защищали. Поэтому ни на один из многочисленных этнических съездов (съездов коми народа, съездов карел, мордвы, удмуртов, марийцев) прямых выборов делегатов организовано не было, а все попытки отдельных реформаторов хотя бы обсудить идею прямых выборов на этнические форумы были отвергнуты консерваторами, занявшими прочные позиции в руководстве этнонациональных движений финно-угров.

Для того чтобы закрепить свои политические позиции в республиках с финно-угорским населением, этнические антрепренеры на первом съезде АФУН в указанной выше Декларации выдвинули идею реформирования республиканских парламентов, заявив о необходимости создания двухпалатной структуры в каждой из «финно-угорских республик» с правом вето на любые решения каждой из палат. При этом одну из палат предлагалось полностью формировать «из депутатов коренного народа» [Декларация 1996: 251], т. е. по принципу крови. Эта идея была дружно поддержана этническими активистами, и никто из них не возражал против нее. Более того, она активно дискутировалась во время второго и третьего съездов АФУН, а также на целом ряде съездов коми народа и съездов других финно-угорских народов. При этом никого не смутило сомнительное идейное содержание подобной идеи, ее антидемократический характер.

При этом в Декларации сознательно упускались предложения о механизмах формирования подобных «этнизированных» парламентов. Однако в кулуарных беседах апологеты этой идеи заявляли, что во время электоральных кампаний каждый коми в Республике Коми, каждый мариец в Марий Эл, каждый мордвин в Мордовии получит как бы два голоса, т. е. он будет голосовать за депутатов «палаты республики» на общих основаниях и отдельно будет голосовать за кандидатов в депутаты этнической палаты. Таким образом, демократический принцип прямого и равного избирательного права разрушался до основания, а нетитульное большинство «финно-угорских республик» подверглось бы политической дискриминации. Идея прямой или косвенной дискриминации стала важной составляющей в идеологии российских финно-угров, хотя прямо о дискриминации никто из этнических активистов этих движений не говорил, но об этом заговорили активисты русских этнических организаций. И порой сопротивление этнизации республик принимало также форму демонстративной манифестации российскостью.

Так, в Усть-Цилемском районе Коми, где подавляющее большинство населения составляло русское старожильческое население, над местной администрацией был демонстративно вывешен не бело-зелено-синий республиканский триколор (все республики в начале 1990-х гг. приняли свои гербы, флаги и гимны как символы суверенности), но только флаг России, а местные активисты придумали гимн усть-цилемов, исполнявшийся на официальных мероприятиях и семейных застольях, в котором были следующие слова:

Мы – россияне,
Мы – усть-цилема!
Мы на своей земле,
Мы – дома.

Воркутинские шахтерские профсоюзы, которые были влиятельными политическими акторами не только в республике, но и в стране в целом, в ответ на требования коми движения предоставить приоритетные экономические и политические права представителям «коренного народа» пригрозили выходом Воркуты из состава республики.

Активно происходила этнизация политической жизни в Удмуртии, Карелии, Мордовии, Марий Эл. Во всех республиках принимались различные законодательные акты и программы, нацеленные на поддержку этнокультурных автономий, сохранение миноритарных языков и культурных традиций титульных этнических групп [Воронцов и др. 2005]. Создавались и государственные институты, призванные регулировать отношения (Комитеты) национальной политики или министерства культуры и национальной политики, хотя, к примеру, марийское движение требовало, чтобы в республике было создано отдельное министерство марийского народа [Шабаев, Чарина 2010]. В 1991 г. был введен пост президента Марийской ССР и в результате политической мобилизации марийцев его удалось занять представителю титульной этнической группы В. Зотину, а в первом созыве Государственного Собрания республики (1993–1996) марийцы имели достаточно много мест, в том числе среди депутатов оказался один из лидеров национального движения «Марий ушем» (Марийский союз) Г. Максимов [Шаров 1997].

Этнизация политического и культурного пространства республик усиливала политическую конкуренцию в республиканских сообществах, которая порой принимала форму острого межэтнического соперничества. Так, во время первых выборов главы Республики Коми весной 1994 г. основная борьба за этот пост развернулась между Председателем ВС Ю. Спиридоновым (русским) и Председателем Совмина республики В. Худяевым (коми), а значительная часть электората в своих пристрастиях раскололась по этническому признаку: более половины русских избирателей собирались голосовать за Ю. Спиридонова и, соответственно, примерно такая же доля коми намеревалась отдать свои голоса В. Худяеву, а команды обоих основных претендентов активно использовали этнический фактор в предвыборной борьбе.

Специальные исследования, проведенные в Удмуртии в первой половине 1990-х гг., показали, что «использование этнического фактора в предвыборной борьбе может обеспечить кандидату желаемый урожай голосов» [Губогло, Смирнова 2001: 290].

Активно попытался использовать политизированную этничность во время вторых в истории республики выборов президента Марий Эл в 1996 г. действующий Президент В. Зотин. Социально-

экономическая ситуация в республике была сложная и доверие к нему (этническому марийцу) упало до минимума, его даже закидывали камнями жители столицы во время попытки напрямую пообщаться с народом. Чтобы исключить из борьбы конкурентов, в Конституцию Марий Эл, где гарантировалось равенство прав граждан (статья 28), в главу 11 (статья 112) было внесено уточнение, в котором указано, что президентом республики не может быть лицо моложе 30 и старше 60 лет, а претендент на этот пост должен владеть государственными языками республики [Конституция 1996: 79]. Претендент апеллировал к положениям закона «О языках в Республике Марий Эл», принятого в 1995 г., согласно которому статусом государственного, помимо русского, наделялись марийские языки (горный и луговой). Возрастной и языковой ценз при выборах президента Марий Эл были опротестованы Госдумой РФ, и этот вопрос был передан на рассмотрение в Конституционный Суд РФ. На этом основании Президент В. Зотин издал указ об отсрочке выборов, который, однако, также был признан Центризбиркомом РФ и администрацией Президента РФ незаконным и нарушающим права граждан, хотя лидер марийского движения, председатель Все-марийского Совета В. Пектеев поддержал Зотина и призвал избирателей проигнорировать выборы. Однако к тому времени авторитет марийского движения в Марий Эл, а равно и аналогичных движений в других республиках с финно-угорским населением заметно упал и на этот призыв избиратели не откликнулись. В. Зотин проиграл русскому претенденту В. Кислицину, ибо набрал только 10% голосов и не смог выйти даже во второй тур, набравшему 47% голосов избирателей. Другой представитель нетитульного населения Маркелов (затем долгое время возглавлявший республику) набрал 29% голосов. Во втором туре, который состоялся 4 января 1997 г., победил В. Кислицин [Шаров 1997].

В Мордовии, наоборот, первый Президент Василий Гусляников был представителем русской общины и его избрание в 1991 г. явилось шоком для местной политической и этнической элиты, поскольку он не принадлежал к элитным и партийным группировкам республики, а был новичком в политике и вообще являлся правозащитником. Правда, В. Гусляников не придавал должного значения национальной политике и формированию прочной политической базы для президентской власти, и в этом заключалась его серьезная политическая ошибка. А в условиях сложной экономической ситуации первой половины 1990-х гг. удержаться у власти было сложно, если не мобилизовать электорат и элиты. Формой мобилизации повсеместно выступала политизированная этничность. Гусляников не сумел использовать этот инструмент, но зато против

него мобилизовалась старая элита и особенно этнономенклатура, лидером которой стал руководитель одного из сельских районов республики мордвин (мокшанин) Николай Меркушкин. В 1995 г. Н. Меркушкин выиграл выборы и возглавил республику. Он создал прочную базу своему режиму за счет мобилизации представителей мокшанской элиты, хотя это и вызвало негодование со стороны эрзянских радикалов (эрзя и мокша – две основные субэтнические группы мордвы). Этническая принадлежность главы РМ ограничивала возможности его критики внутри республики, а формирование республиканской политической элиты по принципу этнической и местечковой солидарности исключало возможности внутриэлитных конфликтов и внутриэлитной конкуренции.

Такая система обеспечивала стабильность, а точнее консервацию политической системы, но не могла обеспечить эффективность управления республикой. В результате за годы правления Н. Меркушкина Мордовия превратилась в регион, который ныне является абсолютным «лидером» в России по дефициту бюджета (8% в 2016 г., а к началу ноября 2017 г. – 24%) и объему государственного долга, ибо размер долговых обязательств превысил 40 млрд руб. (почти 200% от республиканского годового дохода). В 2019 г. это был единственный регион, где государственный долг не снизился, а продолжал расти. При этом ее население является одним из самых бедных в России: пятая часть жителей живет за чертой бедности, а по уровню доходов населения республика в 2019 г. находилась на 74-м месте, хотя ее потенциал позволял развиваться более успешно и эффективно, давал возможность более успешно решать финансовые и социальные проблемы республики.

При Н. Меркушкине, который покинул пост главы в июне 2014 г., республиканскому руководству удавалось успешно использовать этничность для лоббирования интересов РМ и получения кредитов. За счет заемных средств в столице республики возвели дорогостоящие спортивные объекты, кафедральный собор, небесным покровителем которого стал канонизированный флотоводец Федор Ушаков, роскошное здание Мордовского национального театра, новый главный корпус мордовского университета и, наконец, огромный и несоизмеримый с населением города стадион к чемпионату мира по футболу, несколько матчей которого удалось принять Саранску (теперь ставший головной болью городских властей). Республика спокойно жила не по средствам, хотя ее население бедствовало, а экономика и социальная сфера не развивались как должно. Как только «эффективный менеджер» Меркушкин возглавил Самарскую область, где нельзя было использовать политизированную этничность как инструмент лоббирования региональных интересов, так сразу

стало ясно, что его нельзя воспринимать как универсального управленца, а потому население области восприняло его отставку с поста губернатора как местный праздник.

Однако умение использовать ресурс этничности для лоббирования региональных интересов является очень распространенной политической практикой, поэтому не случайно региональные лидеры и элиты весьма много внимания уделяли и уделяют региональной этнополитике.

В региональных моделях государственной национальной политики/этнополитики одновременно сочетались несколько подходов, хотя ее доктринальная основа не была глубоко продумана и обоснована практически нигде. В ней наиболее явно присутствуют два взаимосвязанных подхода: лоялистский и манифестный.

Этничность превратилась не только в политический инструмент, но и в некий региональный манифест, а потому власти поддерживают этнические организации, национально-культурные автономии, финансируют их деятельность, а **проявление лояльности к титульной этнической группе вообще является обязательной частью кодекса политического поведения региональных лидеров**, хотя эта лояльность нередко выглядит гипертрофированной. Для демонстрации культурного многообразия избрана не серьезная и глубокая работа по созданию учебных программ и методик изучения языков, по разработке продуманных моделей этнокультурного образования, по формированию культуры толерантности, по созданию качественных информационных ресурсов, пропагандирующих культурное наследие, а безудержная манифестация культурной отличительности в форме всевозможных фольклорных фестивалей, конкурсов, концертов, телепередач, нацеленных на демонстрацию этнических традиций. Манифестация культурной отличительности явно превалирует над попытками формирования прочной региональной идентичности, над идеями гражданской интеграции в республиках.

Однако до конца 1980-х гг. этнонациональная политика в регионах проживания финно-угорских народов и, прежде всего в автономных республиках, не носила акцентированного характера. Ее общее содержание определялось идеологическими установками правящего режима, смысл которых сводился к противоречивой формуле «всестороннего расцвета и сближения наций и народностей СССР», а целевые ориентиры определялись идеей формирования «новой исторической общности людей» – советского народа, которая по своему смыслу в чем-то была близка американской идее «плавильного котла».

На рубеже 1989–1990-х гг. началось конструирование собственно региональных моделей этнополитики, представлявших собой

смесь из положений, унаследованных из большевистской доктрины этнического национализма, идей, заимствованных из идейных установок этнонациональных движений финно-угров, некоторых заимствований из зарубежного опыта этнополитики, а также собственных трактовок правовых норм, чаще основанных не на принципах права как такового, а на политизированной этничности.

При этом правовая база региональной этнополитики была противоречива, крайне политизирована и непоследовательна, что привело впоследствии к отмене ряда региональных законов (под давлением федерального центра), которые были знаковыми для местных этнических элит. Региональные модели этнополитики далеко не во всем отвечали политическим интересам российского государства и российского общества в целом, а также мало соответствовали *общим интересам* республиканских сообществ.

Наиболее очевидно несоответствие федеральной и региональной этнополитики проявилось при маркировании культурной природы российского общества в целом и республиканских сообществ в частности. Причем важно подчеркнуть, что даже на уровне конституционных актов РФ и республик присутствовали существенные разночтения.

В предыдущих главах мы уже упоминали важный тезис, содержащийся в тексте Федерального Основного закона, принятого в 1993 г., где пункт 1 статьи 3 гласил: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» [Конституция 2016: 3]. В новой редакции Конституции это положение оставлено без изменений. Если говорить о субъектах РФ, *то большинство из них являются* полиэтническими и поликультурными, а потому не случайно, что формулировка, характеризующая этническую природу российского общества в целом, присутствует в конституциях большинства национальных республик. Однако в Карелии, Коми, Удмуртии так или иначе акцентируется особая миссия титульной этнической группы. В карельском Основном законе, принятом только в 2000 г., присутствует странная формулировка, не согласующаяся с культурными и историческими реалиями региона: «Исторические и национальные особенности Республики Карелия определяются проживанием на ее территории карелов»³². Но встает вопрос, а почему ее национальные/этнокультурные особенности не определяются проживанием на ее территории финнов, вепсов, русских? Почему культурный ландшафт региона определяется по наличию на ее территории представителей только одной этнической

³² Конституция Республики Карелия [Электронный ресурс]. URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_karel/ (дата обращения 12.03.21).

группы? Этот очевидный нонсенс можно объяснить только откровенной этнополитической, правовой и культурной неосведомленностью тех, кому в республике было доверено дело законотворчества.

В Конституции Коми, принятой в 1994 г., в статье 2 провозглашалось: «Носителем суверенитета и единственным источником государственной власти Республики Коми является ее многонациональный народ». Но уже следующая статья 3 как бы опровергала гражданскую и поликультурную сущность местного территориального сообщества и явно вступала в противоречие с предыдущей, констатируя, что «коми народ – источник государственности республики» [Конституция 1994]. Указанное положение было дословно скопировано из резолюции первого съезда коми народа, прошедшего в 1991 г. Между тем, очевидно, что *в Основном законе должны конституцироваться правовые начала, отличающиеся повышенной нормативностью* [Франчук 2007; Васильева, Виноградов, Мазаев 2011], к которым в данном случае может относиться только такая правовая норма, как **право народа (как гражданского, а не этнического сообщества) на самоопределение**. Следовательно, источником государственности Коми могло быть только это право.

В новой редакции Основного закона после многочисленных исправлений и дополнений, принятых в 2000 г. и позднее, сказано: «Образование Республики Коми и ее название связаны с исконным проживанием на ее территории коми народа» [Конституция 2014: 6], хотя ряд территорий был заселен ненцами, русскими, обскими уграми раньше, чем там появились коми. И при этом из новой версии Основного закона исключено всякое упоминание о поликультурности/полиэтничности республиканского сообщества, т. е. никак не отражен реальный культурный облик территориального сообщества, жизнь которого призвана регулировать Конституция. В Конституции Удмуртии территориальное сообщество делится на удмуртскую нацию и народ Удмуртии, которые как бы противопоставляются друг другу и получается, что «право на нацию» законодатели делегировали только удмуртам³³.

Современная Конституция Марий Эл формально гарантирует равенство прав всех граждан, но с самого начала 1990-х гг. марийское движение добивалось исключительных прав именно для представителей титульной этнической группы и выдвигало даже идею создания министерства мари (марийского народа), которое ведало бы исключительно делами марийцев. Кроме того, предпринимались

³³ Конституция Удмуртской Республики [Электронный ресурс]. URL: http://udmurt.ru/-about/government/konstituz_o_praviv.php (дата обращения 12.03.21).

попытки ограничить политическую конкуренцию в республике, превратив язык в инструмент политической сепарации.

Более того, и Декларация о государственном суверенитете Марий Эл, и первая версия Конституции 1992 г. делили республиканское сообщество на «марийскую нацию» и «весь народ республики», а идейной основой этой версии Основного закона была идея этнического самоопределения, ибо в преамбуле к нему было сказано: «Верховный Совет... реализуя неотъемлемое право марийской нации, всего народа республики на самоопределение, подтверждает государственный суверенитет Республики Марий Эл на всей ее территории...» [Конституция Марий Эл 1996: 16].

На первом съезде народа мари, состоявшемся в ноябре 1992 г., заявлялось не только о необходимости «возродить» марийский этнос (идея «возрождения» здравствующих культурных сообществ присутствовала в документах всех этнонациональных движений финно-угров), но предпринималась попытка превратить марийское национальное движение в параллельную власть в республике, в связи с чем группа народных депутатов РМЭ выступила со специальным обращением, заявляя, что демократически избранные представительные органы являются единственными реальными органами политического представительства [Заявление 1996: 155–157].

Логика конституцирования особой миссии титульной этнической группы неизбежно вела к формированию этноцентричных моделей этнополитики и абсолютизации роли языка этих групп в жизни республиканских сообществ. Более того, разделение гражданских сообществ по этническому принципу есть характерная особенность тех государств, которые в своей внутренней политике опираются на конституционный национализм. К примеру, в Латвии внутренняя политика которой, по мнению исследователей, является более националистической, нежели в других странах Балтии [Duina, Miani 2015], в Конституции население страны сознательно делится на «латышскую нацию» и «народ Латвии», при очевидном приоритете первой группы в процессе нациестроительства [Вайшла 2020: 97].

Логика конституцирования особой миссии титульной этнической группы требует, чтобы и российское общество было маркировано таким же образом, как и в национальных республиках, где законодатели сочли возможным внести в Основной закон подобные формулировки, а именно: «формирование Российского государства связано с многовековым проживанием на его территории русского народа, как народа государствообразующего». Но этого не сделано и совершенно правильно, ибо этничность не может служить основой для государственности, и международное право не признает за этническими группами право на политическое

самоопределение, а потому подобные формулировки неверны с правовой точки зрения.

Истоки понимания республиканских социумов не как политически организованных полиэтнических территориальных сообществ, а как территорий, отданных в бессрочную собственность отдельным избранным этническим группам, надо искать в идеологии этнического национализма. Доктрина этнического национализма, как уже сказано, была принята и узаконена еще большевиками в начале 1920-х гг., когда они взяли курс на осуществление процесса национально-государственного размежевания. Суть всего процесса в идее РАЗМЕЖЕВАНИЯ народов и построения культурных иерархий.

В связи с вышесказанным можно утверждать, что если в РФ провозглашена идея формирования российской гражданской нации и укрепления общероссийской идентичности, и эта цель стала основным направлением этнополитики в России, что закреплено в федеральной «Стратегии государственной национальной политики», то в республиках с финно-угорским населением реализация этой цели сегодня как минимум затруднена. Затруднена, поскольку даже в основных законах не фиксируется гражданская сущность республиканских сообществ, а подчеркивается их разделенный характер. Сама же идея гражданской консолидации и формирования территориальных гражданских сообществ с прочной гражданской идентичностью ни в одной из названных республик не стоит в политической повестке дня (за исключением, может быть, Карелии и отчасти Удмуртии) и не обозначена как главная стратегическая цель реализации региональных моделей этнополитики.

Здесь, правда, необходимо оговориться, ибо во всех республиках есть программы укрепления единства российской нации, полностью скопированные с федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» и финансируемые из федерального бюджета. Однако не очень понятно, на что тратятся деньги из этой программы, и как это единство на местах укрепляется, но главная проблема состоит в том, что многие региональные политические практики и официальные документы явно противоречат идеям формирования российской гражданской нации. Эта идеология и практика в значительной мере питается идеями большевистской доктрины этнического национализма и базовыми положениями идеологии этнонациональных движений, о которых подробно будет сказано ниже.

Уже в первой половине 1990-х гг. окончательно оформились основные положения идеологии этнонациональных движений

финно-угров РФ. В их основе лежала идея разделенного общества и декларирование особого места и особых прав титульных этнических сообществ, противопоставление этничности гражданству и декларирование приоритета групповых прав над правами человека.

Республиканские территориальные сообщества разделялись на «коренной народ» и «некоренное население», но названные группы символически размещались не по горизонтали, а по вертикали – вершину социальной пирамиды занимал именно «коренной народ». Логическим развитием этой конструкции стала идея формирования двухпалатных республиканских парламентов, в одну из палат которых могли избираться только представители «коренного народа», т. е. выдвигалось требование формировать республиканские парламенты и избирать их депутатов по принципу крови, т. е. по расовому принципу (подобная электоральная и политическая практика существовала в ЮАР в эпоху апартеида, но осуждалась мировым сообществом [Тишков, Шабает 2019]. Названная идея не осталась лишь лозунгом радикалов, а была закреплена в резолюции первого съезда Ассоциации финно-угорских народов (АФУН) [Съезды 2007] и активно дискутировалась на других этнических съездах, закреплялась в их официальных решениях.

Часть положений и идей, отстаиваемых идеологами этнонациональных движений финно-угров, прямо или косвенно были включены в официальные модели региональной этнополитики, этнополитические практики и в политическую лексику региональных лидеров, о чем, в частности, свидетельствуют тексты республиканских конституций, о которых говорилось выше.

Если Президент РФ В. Путин начиная с 2004 г. (выступление в Чебоксарах) постоянно говорил о российской нации и российском единстве, то лидеры финно-угорских республик про российскую нацию не вспоминают даже перед Днем народного единства и Днем России. И, наоборот – в речах республиканских лидеров постоянно имели и имеют место высказывания, тесно коррелирующие с доктриной этнического национализма.

Так, только вступив на должность Главы РК, В. Гайзер (ныне осужден) в январе 2011 г. на республиканской конференции «Единой России» заявил следующее: «Развитие культуры коренного народа – наш приоритет» [Шабает 2012], хотя очевидно, что подобное высказывание не только противоречило идее конституционного равенства граждан, но и придавало политическую легитимность разделению жителей республики на две разностатусные группы – «коренной народ» и «некоренных жителей» (предыдущий глава также был склонен поощрять идеологию разделенного общества, проповедуемую лидерами коми движения).

Подобная позиция свидетельствует не только о том, что региональные лидеры находятся в плену архаичных этнополитических представлений, но также показывает, что они не понимают рационального политического смысла идеи нации как гражданского общества, не разбираются в сущности самого концепта гражданской нации. А потому совсем не случайно они часто именуют нациями этнические группы, хотя Парламентская ассамблея Совета Европы еще в январе 2006 г. на пленарном заседании приняла «Рекомендации о понятии нация», где подчеркивала гражданский смысл этого понятия [Фёдоров 2007: 144].

Что касается основных доктринальных документов, определяющих принципы региональной государственной политики (Концепций национальной политики), то в их последних версиях имеет место либо прямое копирование федеральных документов («Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации»), либо формальное принятие документов, *которые призваны продемонстрировать лояльность региональных властей федеральному центру*. В частности, поскольку существует федеральная программа «Укрепление единства российской нации», для реализации которой регионы получают федеральные деньги, постольку в республиках приняты республиканские программы реализации указанной программы, хотя мероприятия, проводящиеся в ее рамках, чаще всего носят формальный характер, никак не воздействуют на общественные настроения и нередко их идейная направленность остается для простых граждан просто непонятной.

Но наличие **формальных документов**, декларирующих стремление властей укреплять общероссийскую идентичность, пропагандировать идею российской нации, вступает в прямое противоречие с этноцентристскими идеями, которые присутствуют в других региональных официальных документах, имеющих важное практическое значение.

В этом смысле наиболее показательны республиканские концепции этнокультурного образования, ибо школа является важнейшим институтом, призванным укреплять общенациональное сознание, прививать ученикам и их родителям понимание поликультурной природы российской нации, непреходящее значение российского единства, сформированного в процессе длительного исторического развития государства.

К примеру, Концепция этнокультурного образования Республики Коми утверждена приказом Министерства образования Республики Коми от 23.11.2015 № 255, *т. е. три года спустя после принятия «Стратегии государственной национальной политики», где ясно указано на необходимость гражданской консолидации*. Но

содержание данной концепции явно диссонирует с положением, записанным в указанных федеральных документах и проповедует этноцентричную модель этнокультурного образования, ибо там сказано: **«Основой этнокультурного образования является освоение этнической культуры коми народа** (курсив наш. – Ю. Ш., М. О.) в диалоге с культурами русского и иных этносов, проживающих в Республике Коми...»³⁴. Однако представляется, что **основой этнокультурного образования является воспитание у учащихся адекватных представлений о многонациональной природе Российского государства (многонациональном российском народе – российской нации) и исторически сформировавшейся поликультурности республиканских и местных сообществ, воспитание культуры толерантности** у учащихся. А **главной целью** системы этнокультурного образования (вместе с другими образовательными и информационными системами) **является формирование представлений о национальном единстве россиян**.

В Удмуртии нет концептуального документа, касающегося этнокультурного образования, хотя он разрабатывается, а сама практика таких образовательных программ и соответствующих методических разработок прочно укоренилась. Однако даже специалисты, осуществлявшие мониторинг республиканской системы этнокультурного образования, в своем анализе *рассматривают цель подобной системы весьма узко*, заявляя следующее: «Этнокультурное образование рассматривается как целенаправленный педагогический процесс приобщения учащихся к этнической культуре (или культурам) на основе взаимодействия с семьей, учреждениями культуры и средствами массовой информации»³⁵.

Примерно также понимается сущность этнокультурного образования и в Карелии, ибо в республиканской концепции этнокультурного образования сказано: «В рамках настоящей Концепции **этнокультурное образование** понимается как целенаправленный педагогический процесс приобщения обучающихся к этническим культурам карелов, вепсов и финнов через изучение карельского,

³⁴ Концепция развития этнокультурного образования в Республике Коми на 2016–2021 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://komishkola-ucoz.ru/news/koncepcija_razvitija_etnokulturnogo_obrazovaniya_v_respublike_komi_na_2016_2021_gg/ (дата обращения 13.03.21).

³⁵ Ившина В.М. О реализации этнокультурного компонента образования в системе среднего профессионального образования Удмуртской Республики [Электронный ресурс]. URL: КиберЛенинка: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-realizatsii-etnokulturnogo-komponenta-obrazovaniya-v-sisteme-srednego-professionalnogo-obrazovaniya-udmurtskoy-respubliki> (дата обращения 13.03.21).

вепсского и финского языков в учреждениях общего (в том числе дошкольного), дополнительного и профессионального образования, на основе взаимодействия с семьей, учреждениями науки, культуры, средствами массовой информации, общественными организациями и органами власти»³⁶. Этническая культура русского старожильского населения и других этнических групп выпадает из системы этнокультурного образования Карелии, а ее содержание, как в Коми и Удмуртии, не ориентировано на то, чтобы прививать учащимся адекватные представления о поликультурной природе российского общества и сообщества, исторически сформировавшегося на территории Карелии.

Экспертный опрос, проведенный параллельно с опросами учащихся школы и их родителей в 2017 г., показал следующее: большинство экспертов признали, что образовательные учреждения призваны по своей природе осуществлять, помимо образовательного процесса, еще и гражданскую миссию – формировать гражданское сознание у школьников. Никакой новации в этой позиции нет, ибо школа есть институт воспитания гражданства и, к примеру, во французской школе предмет граждановедение является одной из основных дисциплин [Филиппова 2010]. Эксперты были практически единодушны в том, что чувство гордости за Россию формируют как естественные науки (балл 2,8 – в Коми, 3,5 – в Удмуртии, 4,2 – в Марий Эл, 4,3 – в Мордовии), так и история, краеведение, естествознание (балл 3,9 – в Коми, 4,2 – в Удмуртии, 4,5 – в Марий Эл, 5,0 – в Мордовии), языки и литература (балл 3,3 – в Коми, 4,1 – в Удмуртии, 4,6 – в Марий Эл, 4,6 – в Мордовии). Примерно то же самое было сказано о роли названных предметов в формировании чувства патриотизма (и здесь очевидный «лидер» история – 3,9 балла в Коми, 4,2 – в Удмуртии, 4,6 – в Марий Эл, 5,0 – в Мордовии).

Необходимо особо подчеркнуть, что все группы опрошенных очевидно выделяют значимость истории в системе этнокультурного и гражданского (патриотического) воспитания. И это не случайно, ибо воспитание историей – давний и важный инструмент в арсенале социальной инженерии, и сегодня очень важно не допустить фрагментацию национальных версий истории под напором региональных исторических концепций.

Особенно это касается краеведческой литературы для школы, которая однозначно носит этноцентричный характер. Так, учебник краеведения для школ бывшего Коми-Пермяцкого округа носит

³⁶ Концепция развития этнокультурного образования в Республике Карелия на период до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <https://studfiles.net/preview/6724336/> (дата обращения 13.03.21).

название «Маленький пермяк», что изначально говорит о его односторонней направленности, поскольку окрестное русское население называет пермяками коми-пермяков. При этом на территории округа расположен большой анклав русского старожильческого населения – юрлинцев, культурные особенности которых просто игнорируются, и они не рассматриваются как органичная часть местного территориального сообщества.

В Коми республиканский институт развития образования разработал учебную программу по краеведению для 1–4-х классов. О содержании этого курса там сказано следующее: «Раздел “Культурное богатство Коми края”».

Календарь охотника. Календарь как отражение взаимосвязи человека и природы. Коми промысловый календарь – явление традиционной коми культуры. Символы животных и периоды времени года. Связь с особенностями образа жизни и промыслов коми.

Традиционные занятия народа коми. Охотничий промысел коми-зырян. Путик. Вөр керка. Рыболовство, способы лова рыбы. Рыбник – традиционная коми выпечка. Оленеводство, образ жизни оленеводов. Собирачество как одна из форм хозяйственной жизнедеятельности коми. «Тихая» охота. Коми блюда из грибов и ягод.

Правила поведения промысловиков (охотников, рыбаков, грибников) в лесу (тайге, тундре) и на воде (реке, озере, болоте).

Как в старину передвигались? Традиционные средства передвижения коми народа. Водный транспорт: осино́вые лодки – «пипу пыж», лодки-дощанки, плоты – «пур». Наземный транспорт: волокуши – «вуж додь», сани – «корадодь». Нарты – традиционное зимнее средство передвижения коми-ижемцев. Охотничьи лыжи – лямпы. Традиционные и современные средства передвижения северян.

Старый дом в таежном краю. Традиционные жилые постройки коми. Особенности домов северного типа. Хозяйственные постройки: амбар, овин, гумно, ледник, дровяник, баня, ремесла.

Художественная обработка дерева и бересты. Центры росписи и резьбы: верхневычегодская, удорская графическая роспись.

Как одевались раньше? Традиционная коми одежда. Женская одежда: шабур, сарафан, кофта свитки, коты. Праздничная женская одежда. Мужская одежда: рубаха, сапоги, картуз и фуражка. Одежда охотника. Зимняя одежда коми-зырян: совик, малица, лепты, пимы, шапка. Особенность изготовления одежды. Украшение одежды.

Коми орнамент. Орнамент как отражение взаимосвязи человека и природы. Символическое значение коми народных орнаментов: пила пиль – зубья пилы, сюр сер – рог, кёр сюр – олений рог, коз сер – ёлочный узор, дзоридз – цветок и др.

Льётся музыка. Коми народные музыкальные инструменты. Сигудок как представитель струнных, чипсан – духовых, бруган – ударных инструментов коми народа. Строеение и звучание инструментов.

Наш дом – Республика Коми. Традиционная культура как отражение национальных особенностей» [Край 2018: 11]. Как видим, здесь очень подробно расписаны элементы традиционной культуры коми, которые должны изучать школьники в рамках курса краеведения, причем аналогичным образом организовано изучение с 1-го по 4-й классы, т. е. на разных этапах освоения предметного курса. О культуре русского населения сказано вскользь в одной строчке, где упомянута группа старожильского русского населения. То же самое касается и других этнических групп населения, но главное – всего культурного многообразия региона.

Поскольку «Концепция этнокультурного образования Республики Коми» ориентирует школу на то, чтобы она изучала, прежде всего, культурные традиции коми, постольку с первых классов школы именно этому и только этому в курсе краеведения уделяется основное внимание, **что формирует у учащихся искаженное представление о культурном ландшафте республики**, где издавна проживают не только коми, но и русские, ненцы, обские угры, а с XIX столетия этнический состав начал постоянно и достаточно быстро усложняться и изменяться. На территории республики сформировались специфические группы русского и ненецкого населения (усть-цилемы и верхнепечорцы, колвинские ненцы). При этом заметим, что культурные особенности усть-цилемов стали неким общероссийским достоянием и символом, но этот факт никак не учтен составителями учебной программы по краеведению, которые не пытались отразить всю сложную этническую и культурную мозаику региона, что необходимо для воспитания культуры толерантности и качественного освоения курса краеведения. В марийской модели краеведения несколько больше внимания уделено другим этническим группам, но тем не менее к ней можно предъявить те же претензии, что и к образовательной практике в Коми – краеведение здесь носит сугубо этноцентричный характер.

В принятой в Республике Марий Эл государственной целевой программе «Этнокультурное развитие, межнациональные и межконфессиональные отношения в Республике Марий Эл в 2014–2020 годы» говорится о том, что она должна способствовать сохранению межнационального мира и согласия, воспитанию толерантности и «содействовать интеграционным процессам». Однако если пункты, касающиеся поддержки этнокультурных обществ и популяризации этнических традиций, обычаев, праздников, прописаны достаточно

конкретно в названном документе, то, как программа будет способствовать интеграционным процессам и воспитанию культуры толерантности, непонятно, ибо кроме общих слов никакой конкретики в этом отношении нет. Не намечен ни перечень мероприятий, ни ответственные структуры за интеграционную политику, ни информационное обеспечение этого направления деятельности и очевидно, что оно является не более чем декларацией. И это именно так, поскольку в деятельности лаборатории развития этнокультурного образования, созданной в Марийском институте образования, нет никаких наработок, касающихся проведения уроков толерантности, уроков граждановедения в контексте понимания культурной сложности как республиканского сообщества, так и российского в целом. Из анализа содержания концепций этнокультурного образования, региональных курсов истории, программ и курсов краеведения очевидно, что работники образования не понимают, что есть этничность, какова социальная природа этнических сообществ, не разбираются в понятиях «нация», «гражданин», «этническая идентичность», «национальность» и «этническая принадлежность» и т. д. Так, в марийской программе для 1–11-х классов «Культура народов Республики Марий Эл» в предварительных замечаниях ставится знак равенства между *ксенофобией* и так называемым «этническим нигилизмом». В республиках с финно-угорским населением филологи и этнические активисты под этим термином понимают такое явление, как смену этнического самосознания, признание представителями титульных этнических групп русского языка своим родным языком, т. е. они маркируют право на свободный культурный выбор (право на культурную свободу), которое является одним из ключевых прав в системе ПРАВ ЧЕЛОВЕКА как некую аномалию, как девиацию и даже как преступное поведение!!! Но сам факт подобного маркирования означает попытку сделать из представителей этнических сообществ не свободных граждан, а «пленников» этнических групп.

Таким образом, очевидно, что в республиках с финно-угорским населением широко распространено понимание этнокультурного образования как узкоэтнического по своей сути образовательного процесса, не связанного с воспитанием ГРАЖДАНИНА РОССИИ и не имеющего целью пропаганду многокультурности российского общества в целом и республиканских сообществ в частности.

Здесь следует особо остановиться на понятии «этнокультурное образование». Принятый в 2012 г. ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» содержит исчерпывающий перечень понятий, касающихся отечественной системы образования. В числе базовых понятий термин «этнокультурное образование» отсутствует. Однако статья 6 указанного Закона, касающаяся полномочий органов власти

субъектов РФ в сфере организации образовательных процессов, подтверждает право республиканских институтов учитывать этнокультурные особенности при формировании учебных программ. На этом основании, как сказано выше, в Коми (2015) и Карелии (2017) были утверждены республиканские Концепции развития этнокультурного образования. В других республиках в многочисленных публикациях местных специалистов также постоянно муссируется идея этнокультурного образования, а конкретные школьные программы ориентируют педагогов на распространение среди учащихся этнокультурных знаний, причем основное внимание уделяется познанию этнических культур финно-угров, и именно эти темы наиболее разработаны и широко используются в практике преподавания, в то же время об этнических традициях других старожильческих групп населения полноценных знаний учащиеся не получают.

В этой связи мы принимаем термин «этнокультурное образование» не как легитимный, а как условный. Он, конечно же, является отражением уже сформировавшихся образовательных практик и идей, о которых уже достаточно сказано выше.

Но первое, что необходимо сказать в связи с обсуждением идеи этнокультурного образования – это не только некорректность самого термина «этнокультурное образование», а его смысловое содержание, которое априори нацеливает педагогов на узкоэтнический подход, в то время как в интересах государства необходимо отходить от подобной трактовки. Следует не только избегать узкоэтнического образовательного подхода, но необходимо создавать учебную базу для широкого знакомства учащихся с культурным многообразием республик или областей в целом.

Постижение культурного наследия республики или области должно быть избавлено от какой-либо тематической избирательности, и оно должно строиться на широком описании общего культурного ландшафта региона и описании сложного этнического и религиозного состава населения, истории формирования этнического и конфессионального состава населения республик и областей. Именно это, по сути, и есть мультикультурное образование. Учебные программы и конкретные педагогические практики должны не только знакомить учащихся с культурным многообразием республики, области, края и страны в целом, но и формировать у них гражданское самосознание и гражданские идеалы, т. е. речь должна идти не только об этнокультурном просвещении и воспитании наследием, но и о формировании гражданского самосознания – граждановедении.

Как сказано выше, демонстрация культурной отличительности групп населения того или иного региона сегодня является наиболее распространенной формой презентации региональной этнополити-

ки, конкретными формами проявления которой служит организация различных этнических фестивалей, конкурсов, этнических съездов, специальных экспозиций в местных музеях, создание этнопарков и этнических деревень.

В этой связи было замечено, что «характерной чертой политического дискурса внутри страны является усиливающаяся этнизация на всех уровнях. Общественное восприятие все больше определяется этническими соображениями. Все получает определение в этнических терминах не только среди населения страны, но и среди правительственных структур всех уровней... Такое развитие ситуации таит в себе потенциальную опасность, так как в этом контексте люди рассматриваются не как равные между собой человеческие существа, а как отличные друг от друга существа этнические» [Осипов, Сапожников 2004: 163].

Указанный довод можно проиллюстрировать целым рядом примеров из республиканских этнокультурных практик. Так, 16 февраля 2007 г. в Петрозаводске прошел финал первого межрегионального конкурса красоты «Звезда севера», на котором были представлены 14 представительниц из пяти регионов. Участвовать в конкурсе могли только девушки, представляющие финно-угорские народы РФ. Примечательно, что конкурс красоты и его результаты послужили еще одним поводом для маркирования культурного пространства, но важно заметить, что «Звезда севера» не является изолированным явлением, а характеризует общее явление, которое можно условно назвать конструированием ОБРАЗА ДРУГОГО.

Конкурсы красоты становятся одним из инструментов конструирования новых этнических маркеров, новых культурных границ. Организуя подобные конкурсы, власти и этнические антрепренеры пытаются создать идеал женской красоты, который был бы отличен от космополитических стандартов и подчеркивал культурную дистанцию между финно-уграми и доминантными группами населения, хотя международные конкурсы красоты, в которых принимают участие представители разных государств, народов, рас, конфессий, наоборот, демонстрируют единство мира, общность понимания канонов красоты.

Летом 2008 г. власти Республики Коми выступили с инициативой проводить у себя в регионе зимние финно-угорские игры, куда бы отбор спортсменов осуществлялся по этническому признаку, а зимой 2009 г. вышло соответствующее постановление главы РК (по причине кризиса идею не удалось реализовать). Но самое удивительное, что эту идею поддерживали спортивные чиновники в Москве. Последние должны помнить основной принцип современного олимпизма (*особенно актуализировавшийся сегодня!*), сформули-

рованный еще Пьером де Кубертенем и состоящий в том, что спорт должен объединять народы. *Когда же спортсменов разделяют по принципу крови, это не только противоречит принципам олимпизма, но и близко по смыслу к культурному расизму.* Помимо идеи проведения зимних игр, которая не была реализована, в Карелии проводился финно-угорский турнир по боксу, в Марий Эл – финно-угорский турнир по дзюдо, в декабре 2017 г. в Саранске прошел VI финно-угорский межрегиональный детский (!) шахматный турнир. И хотя на названные турниры отбор спортсменов чаще всего проводился не по этническому признаку, маркирование подобных турниров как этнических мероприятий само по себе противоречило идеалам спорта.

Помимо спорта и конкурсов красоты, в республиках с финно-угорским населением становится популярной этническая мода, хотя она как явление интернациональна (так же, как и спорт), и в ней могут использоваться лишь этнические мотивы, но не более. Не меньшее распространение получили этническое искусство и этническая религия. Этнизируется также журналистика и другие сферы общественной жизни.

Получается, что *демонстрация культурных границ между группами и культурных отличий* становится во многих случаях основным содержанием региональной этнополитики. Такой подход часто ведет к абсолютизации культурной значимости традиций титульных этнических групп и откровенному этноцентризму, способствует укреплению культурных стереотипов, разделяющих людей по этническому признаку.

5.3. Идеология этнонациональных движений уральцев и финно-угорский мир

Ни на съездах АФУН, ни на Всемирных финно-угорских конгрессах не было принято каких-либо обобщающих доктринальных документов, в которых содержались бы упорядоченные идейные позиции финно-угорского движения. Тем не менее если суммировать содержание резолюций и деклараций этнических съездов и выступлений этнических активистов, то вполне очевидно можно сформулировать общие положения идеологии этнонациональных движений российских финно-угров. Базовыми идеями являются три: 1) идея приоритетности групповых прав над правами человека; 2) противопоставление этничности гражданству; 3) восприятие территориальных сообществ как иерархически организованных социумов, где на

вершине культурной и политической пирамиды должен находиться «коренной народ».

Этническое сообщество рассматривается идеологами этнонациональных движений как однородное целостное социальное образование, в котором общий интерес доминирует над индивидуальными интересами личности. Личность, которая противопоставляет себя группе и пытается свободно выбирать культурные ценности, оценивается как девиантная (личность, склонная к отклоняющемуся поведению).

В идеологии названных движений концепт групповых прав наиболее последовательно реализуется в идее этнического самоопределения. Поскольку титульная группа рассматривается как «источник и носитель национально-государственного суверенитета» [Резолюция 1994: 191], постольку право на самоопределение рассматривается как право одной этой группы самоопределяться независимо от полиэтничного состава населения республики или округа, где она расселена.

При этом *гражданин и член этнической группы* представляются не как взаимосвязанные социальные позиции личности, которые она занимает в рамках единого сообщества (например, «я россиянин, а по происхождению мариец»), а как противостоящие друг другу социальные категории (что побуждает говорить о предоставлении «особых» политических, экономических, культурных прав титульным группам в ущерб интересам остальных граждан). Обоснованием права на этническое самоопределение является тезис о том, что «титульные этносы» являются коренным, т. е. исконным населением того или иного региона, а потому имеют особые права на землю, природные богатства, положение в обществе, могут претендовать на политическое доминирование в регионе. Обычно в программных выступлениях и заявлениях лидеров этнонациональных движений используются термины «коренной этнос», «коренная нация» («коренные» противопоставляются «некоренным» так же, как гражданин противопоставляется члену этнической группы). Развитием идеи приоритетных прав «коренных этносов» и групповых прав вообще является другая идея, которая касается некой «коллективной включенности народа в политический процесс», а также ее конкретное выражение – предложение о реформировании политической системы и преобразовании местных республиканских парламентов, зафиксированное в упомянутом документе первого съезда АФУН.

Этнизация парламентов и всей политической жизни республик с финно-угорским населением была бы возможна, если полностью отвергнуть идею прав человека и сделать субъектами политического процесса не отдельных граждан, а этнические группы. Поэтому не случайно активисты этнических организаций и связанные с ними

исследователи активно выступали за признание этнических групп субъектами права и одновременно политическими акторами. Выступая в ноябре 2005 г. на международном семинаре «Расширение деятельности Консультативного комитета финно-угорских народов в рамках международного сотрудничества», директор Удмуртского Института ЯЛИ К. Куликов отметил, что Конституция РФ не считает народы субъектами права и это якобы в корне неверно, поскольку, по его мнению, «происходит отстранение коренных народов от власти» [Шабаетов 2005: 23].

Однако законодательные нормы в основном строятся на использовании концептов индивидуальных прав или прав юридического лица, в качестве которого может выступать организация (которая в этом случае индивидуализируется), способная быть ответчиком в судебных спорах. Идея коллективных прав присутствует в международном праве, которая носит более рекомендательный и декларативный характер. Однако в литературе, обсуждающей соотношение прав человека, индивидуальных и коллективных прав, эта идея подвергается серьезной критике, так как признание коллективных прав ослабляет концепцию индивидуальных прав и вносит в нее неясность, размывает существующие стандарты прав человека. Здесь важно иметь в виду, что, рассматривая народ только как совокупность граждан, а не как кровную общность, можно реализовать принцип приоритетности прав человека над какими-то групповыми правами. Но признание приоритета прав личности над всеми другими правами логически привело бы идеологов этнонациональных движений к признанию того, что выражать интересы личности должны не этнические организации, а обычные демократические институты. Поэтому групповые права объявляются первичными, а индивидуальные права полностью не отвергаются, но признаются вторичными. Выстраивая подобную «правовую иерархию» (которая обычно прямо не декларируется), идеологи этнонациональных движений финно-угров вынуждены отвергать право на культурную свободу и требовать прямо или косвенно привязать личность к культурной группе (однозначно осуждаются те, кто склонен к смене этнической идентичности или не владеет языком этнической группы, не желает его учить).

Примордиалистское (натурфилософское) понимание этнических сообществ как единых коллективных тел (которое характерно как для идеологов этнонациональных движений финно-угров, так и для их рядовых членов), логически связано с базовой идеей этнонациональных движений – идеей приоритетности групповых/этнических интересов над общими интересами региональных/республиканских сообществ. А также с отсутствием в политических традициях республик с финно-угорским населением понимания

республиканских сообществ как целостных политических образований, а не как сегментированных по этническому принципу территориальных объединений.

Принцип этнической сегментации положен в основу третьего, ключевого, принципа в идеологии этнонациональных движений российских финно-угров (и не только их) – идеи коренного народа, под коим понимаются титульные этнические группы населения республик и округов. При этом коренной народ мыслится как «главный народ» национально-государственного образования, находящийся на вершине символической пирамиды, в форме которой представляются республиканские (окружные) сообщества, а представители всех остальных этнических групп маркируются как «некоренное население», находящееся в фундаменте культурной пирамиды. Подобное маркирование республиканских (окружных) сообществ явилось основанием для того, чтобы требовать для коренного народа политических, экономических и культурных преференций [Шабает, Чарина 2010]. В таком понимании культурные различия становятся основанием для политической сепарации местных сообществ. Однако важно иметь в виду, что абсолютизация культурных различий недопустима в сложных сообществах. Не случайно еще в 1978 г. Генеральная Конференция ЮНЕСКО приняла «Декларацию о расе и расовых предрассудках», в которой подчеркивалось: «Различия в достижениях разных народов объясняются исключительно географическими, историческими, политическими, экономическими, социальными и культурными факторами. Эти различия ни в коем случае не могут служить предлогом для установления какой бы то ни было иерархической классификации наций и народов» [Декларация 1978]. *А деление республиканских сообществ на «коренной народ» и «некоренное население» есть рафинированный образчик «иерархической классификации».*

С начала 2000-х гг. риторика этнических активистов стала меняться, произошла деконцептуализация их идеологии и деидеологизация самих этнических движений, но идея коренного народа не исчезла ни из публичных заявлений, ни из речей региональных политиков, ни из документов, определяющих политические практики в сфере государственной национальной политики. Иногда эта идея, которая есть прямой призыв к формированию разделенного общества, звучит прямо, иногда (особенно в официальных документах) – опосредованно. Но она сыграла свою политическую роль, ибо вытеснила из регионального политического дискурса идею гражданской солидарности и сам смысл понятия *гражданин*. Региональные политические элиты просто не понимают значения этих идей и понятий, имеющих принципиальное значение для республиканской традиции и демократической организации местных сообществ.

Используя определения, предлагаемые международными экспертами, можно сказать, что под термином «коренное население», прежде всего, «понимаются народы, подвергавшиеся внешней колонизации, иностранным завоеваниям и в силу специфики своей исторической эволюции еще находящиеся на более низком уровне развития, чем доминирующее население, и подвергающиеся дискриминации и даже геноциду» [Коренное население 1990]. Исходя из этого определения финно-угорские народы (за исключением, возможно, обских угров) вряд ли можно считать «коренным населением» хотя бы потому, что по уровню своего развития они не отличаются от остального населения, не имеют особых общественных институтов и не подвергаются прямой дискриминации или геноциду (правда, проблемы в их культурном развитии очевидны). Что касается отечественного закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов», то он определяет коренные малочисленные народы как этнические сообщества, численность которых не превышает 50 тыс. чел., а его представители проживают на «территориях традиционного расселения своих предков» и сохраняют традиционный образ жизни, хозяйствование и промыслы. Это определение весьма условно, поскольку народов, которые бы полностью сохранили традиционные промыслы, хозяйство и образ жизни, в России уже не существует. Видимо, следует согласиться с тем, что «критика содержания отечественного понятия “коренные народы” давно назрела, хотя стороны, вовлеченные в создание и воспроизводство соответствующего социального статуса – политики, ученые, законодатели и сами субъекты этих законов, быть может и не готовы к весьма радикальной точке зрения, что конституирующее этот статус понятие является “творением антропологического воображения”» [Соколовский 2000: 6].

Казалось бы, указанные трактовки термина вносят некую правовую определенность в его понимание. **Но политическая и юридическая практика в российских республиках следует не логике права и не логике построения интегрированных гражданских сообществ, а логике политизации этничности** и большевистской доктрине этнического национализма, которая прочно укоренилась в политических воззрениях региональных элит.

Свидетельством тому является не только Конституция Карелии, где подчеркивается особая миссия титульной этнической группы, но и постановление Правительства Республики Карелия от 24.01.2018, которым утверждена государственная программа Республики Карелия «Этносоциальное и этнокультурное развитие территорий традиционного проживания коренных народов», которая признает за карелами, вепсами и старожильческими группами русского

населения (заонежцами, пудожанами, поморами) право именоваться «коренными народами». В указанном документе сказано: «Республика гарантирует дополнительные права этим народам не потому, что они являются привилегированными этносами, а прежде всего в силу сложившихся неблагоприятных для них социально-экономических и демографических обстоятельств»³⁷. Однако стоит заметить, что приведенный в Программе аргумент неоднократно использовался в обращениях руководства Архангельской области к Правительству РФ с просьбой включить поморов в Единый перечень коренных малочисленных народов, но все эти просьбы были отвергнуты как необоснованные [Шабаетов, Жеребцов 2018]. Стоит также указать, что анализ постановления не дает понимания того, какие «дополнительные права» (помимо «прав» на получение квот на вылов рыбы) подразумевают создатели документа, а равно и то, что они подразумевают под «коренными народами» и как региональная правовая система согласуется с федеральной.

Важной стороной деятельности этнонациональных движений и важной составляющей их идеологии являются попытки обосновать необходимость некоей новой идентичности – финно-угорского мира. По форме и содержанию это паннационалистическая идея [Малахов 2005: 262–269], которая рождена стремлением расширить группу солидарности, усилить политические позиции этнонациональных движений российских финно-угров за счет привлечения ресурсов внешних акторов. Названная идея не нова, и ее истоки восходят к доктрине «Великой Финляндии», рожденной еще в конце XIX столетия. Поэтому не случайно «мир» был назван не по имени языковой семьи, к которой принадлежат финно-угры (уральская языковая семья), а на основе старых панфинских идей.

Идея финно-угорского (но не уральского) родства и единства постоянно присутствует на Всемирных конгрессах финно-угорских народов, первый из которых, как уже сказано, был проведен в 1992 г. в столице Республики Коми Сыктывкаре по инициативе местных властей и коми этнонационального движения. Здесь же был создан исполнительный комитет конгресса – Консультативный комитет финно-угорских народов, штаб-квартира которого разместилась в Хельсинки, а ее деятельность финансировалась Правительством Финляндии через различные фонды.

³⁷ Постановление Правительства Республики Карелия от 24.01.2018 об утверждении государственной программы Республики Карелия «Этно-социальное и этнокультурное развитие территорий традиционного проживания коренных народов» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1000201801260004> (дата обращения 14.03.21).

Для пропаганды идеи финно-угорского мира в России созданы специальные институты. Еще в 2006 г. в Сыктывкаре был открыт федеральный финно-угорский культурный центр, деятельность которого финансируется из федерального бюджета. Центр поддерживает деятельность информационного портала финноугория (www.finnougor.ru), издает журнал «Этнический комфорт», финансирует создание фильмов и передач в рамках проекта «ФИННО-угровидение», организует и проводит фестиваль «Финно-угорский транзит» и проводит другие мероприятия, которые призваны демонстрировать культурную отличительность финно-угров, причем тема самодийских народов и проблем их культурного развития является периферийной, а идея культурной близости финно-угров с другими народами РФ вообще никак не акцентирована в его деятельности. Получается, что в своей практической деятельности центр нацелен на систематическую работу по маркированию границ (символических, культурных) между этническими группами населения российских республик и России в целом.

В 2008 г. в столице Мордовии Саранске создан Поволжский центр культур финно-угорских народов, который выполняет те же функции, что и центр в Сыктывкаре. Из наиболее значимых сторон его деятельности следует отметить издание научного журнала «Финно-угорский мир».

Однако широкая финно-угорская идентичность не может формироваться на зыбкой лингвистической основе. В культурном же плане народы финно-угорской группы очень существенно отличаются друг от друга, тесных экономических связей между регионами их проживания нет, а интенсивные культурные обмены, которые стали реальностью в последние годы, не могут привести к осознанию финно-угорского единства широкими слоями населения. Это осознание есть только у узкого слоя этнической элиты, которая, правда, и формирует идеологию. Осенью 2020 г. был проведен массовый опрос одиннадцатиклассников средних школ и студентов вузов в пяти республиках с финно-угорским населением. Половина опрошенных ничего не знала о финно-угорском мире, около 40% что-то слышали, но не имеют представлений о сущности концепции «мира», и только чуть больше 1% во всех республиках знают о финно-угорском мире и сущности этой концепции и поддерживают ее, т. е. заявления этнических активистов и местных интеллектуалов о том, что «мир» стал реальностью, есть явное заблуждение, ибо концепция финно-угорского мира остается не более чем этнополитическим мифом, не воспринятым населением, а особенно молодежью.

Несомненно, что формирующая идеологию этнонациональных движений этническая элита должна отстаивать экономические, по-

литические и культурные интересы своих народов. В этом отношении существенно значимо то, как строятся федеративные отношения в государстве, какой объем полномочий есть у субъектов Федерации, а какой у федерального центра. По поводу федерализма в российских политических кругах достаточно долгое время продолжают острые дискуссии. Но в идеологии этнонациональных движений нет сколько-нибудь основательно разработанных идей реформирования российского федерализма и не определены даже политические интересы в этой сфере.

В каждой из республик или автономий, где проживают финно-угорские народы, исторически сложились полиэтнические территориальные общности. Для сохранения социальной стабильности внутри этих сообществ необходимо, чтобы уровень их консолидации был довольно значителен. При этом консолидация может происходить, как показывают многочисленные исследования, не на этнической, а на гражданской основе. В то же время в идейных конструкциях этнонациональных движений идея территориальной гражданской солидарности отсутствует, и лишь в резолюциях последних двух съездов АФУН появились декларативные заявления о гражданском единстве россиян. Однако политическая практика, особенно в сфере языковой политики, показывает, что активисты этнонациональных движений на деле остаются приверженцами старых идей и российское единство для них есть только *дежурный лозунг*.

5.4. Языковая политика и языковые ориентации

Со второй половины 1990-х гг. влияние этнонациональных движений повсеместно стало снижаться, а интерес в обществе к их идеям угасал. Поэтому многие важные положения идеологии этнонациональных движений, которые прежде активно пропагандировали этнические антрепренеры, перестали быть предметом активного публично-го обсуждения. Однако это не касалось языка и языковой политики.

Язык из сугубо культурного явления стал превращаться в форму идеологии. Собственно то же самое происходило (и происходит) на всем постсоветском пространстве, где местные политические элиты взяли на вооружение лозунг «Язык есть власть». Язык стал альтернативой идее политического доминирования «коренных народов» в национальных республиках. Но языковая политика в республиках прочно базировалась именно на идее коренных народов как «главных народов».

Логика идеологов этнонациональных движений проста: если в республике есть главный народ, то его культурные ценности, и прежде всего язык, должны не только уважаться всеми остальными жителями, но их можно и нужно всем остальным навязывать насильно. Но дело в том, что этой логике следовали и республиканские власти. Обязательное изучение языков титульных этнических групп (как предметов) после 2000 г. было введено в Мордовии (2004 г.), Коми (2011 г.), Марий Эл (2013 г.), что вызвало волну возмущения среди доминирующего населения, представители которого неоднократно обращались в местные органы власти с петициями, требующими отмены практики обязательного изучения языков меньшинств. В Удмуртии практика обязательного обучения не была узаконена, хотя закон о государственных языках, принятый только в 2001 г. (его проекты появились еще в 1996 г.), придавал статус государственного удмуртскому языку, и практика его изучения прочно укоренилась в национальных удмуртских школах. В Карелии ситуация была гораздо сложнее, ибо единого карельского литературного языка создано не было, хотя, несмотря на это, в 1937–1940 гг. карельский язык уже имел статус государственного языка Карелии (в 1940 г. таким был объявлен финский, когда республику преобразовали в Карело-Финскую ССР). Тем не менее здесь много внимания уделяли сохранению языков карел (сильно различающихся карельского, людиковского и ливвиковского диалектов, которые некоторые лингвисты считают самостоятельными языками), вепсов и финнов [Ковалёва 2012], а некоторые специалисты настаивали на значительном увеличении количества учебных часов, предназначенных для изучения этих языков [Клементьев 2008: 66–67]. В 1990-х гг. Министерство просвещения республики начало эксперимент по преподаванию в начальных классах ряда школ Олонецкого и Пряжского районов карельского языка, а в Шелтозерской школе – вепсского. В начале 2000-х гг. парламент Карелии утвердил Закон «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия», а в 2004 г. было создано Общество карельского языка и литературы «Карьялан киелен сеуру», поставившее своей главной целью работу по созданию единого карельского языка и привлечению общественного внимания к данной проблеме [Хорошавин 2005]. Однако единая литературная норма до сих пор не создана, но самая главная проблема состоит не в этом, а в радикально изменившихся языковых ориентациях карел, а равно и всех финно-угров России.

Данные переписи 2010 г. свидетельствуют, что тенденция на ослабление языковых компетенций среди российских финно-угров в части освоения ими языков своих предков является вполне устойчивой. И столь же очевидно последняя перепись показала, что русский язык

является не только основным языком общения, но и признается родным значительной долей российских финно-угров: русский язык назвали родным 37,1% коми (без коми-пермяков), проживающих на территории Республики Коми; 72,7% карел в Карелии; 43,9% удмуртов в Удмуртии; 20,2% марийцев, проживающих в Республике Марий Эл; 18,0% тех, кто называет себя мордвой в Мордовии [Шабаев и др. 2018: 66].

Еще в 1990-е гг., согласно данным микропереписи населения 1994 г., в семье общались на русском языке 987 из каждой 1000 вепсов, 825 карел, 568 коми, 381 коми-пермяк, 363 марийца, 350 удмуртов, 864 ханта из каждой 1000 [Шабаев, Садохин 2014: 81], а ныне практически все карелы и вепсы пользуются в семье русским языком, резко возросло число русскоязычной мордвы, удмуртов, марийцев. При этом выбор в пользу русского языка сделан потребителями языка добровольно и осознанно.

Язык и культура, конечно, тесно связаны, но при этом стоит заметить, что жесткой связи между этнической культурой и языком нет. Широко известно, что подавляющее большинство ирландцев, валлийцев, шотландцев говорят на английском, который считают своим родным языком, но при этом они не перестают быть представителями своих этнических групп и приверженцами своих культурных традиций. Не менее хорошо известно, что у многих этнических групп в Африке не обнаруживается тесной связи между этничностью и языком [Шлее 2004: 109]. И в этой связи А. Ачкасов, ссылаясь на международные документы, замечает: «Родной язык человек усваивает как некоторую природную данность, без видимых усилий. Язык – явление универсальное, связанное со всеми сторонами человеческой жизни, это не только средство коммуникации, но и система смыслов, хранилище всего разнообразия накопленных знаний... В то же время, по мнению авторов “Доклада о человеческом развитии ООН”, “рождение в конкретной культурной (языковой) среде не является реализацией свободы, скорее наоборот. Актом культурной свободы оно становится только тогда, когда индивид сознательно решает продолжать вести образ жизни, свойственный данной культуре, и принимает такое решение при наличии других альтернатив”. Поэтому худший вид нетерпимости – это прямое или косвенное принуждение индивида жить таким же образом, что и другие члены сообщества, или как велит традиция» [Ачкасов 2012: 125].

Культурное насилие в системе образования, навязывание языка меньшинств большинству не принесло пользы никому, но, прежде всего, оно ударило по авторитету и значимости этнических языков, ибо отношение к ним, которое было вполне лояльным на волне «этнического ренессанса» 1990-х гг., поменялось, ибо для учащихся, которые в повседневной жизни пользовались только рус-

ским языком, было непонятно, в чем состоял рациональный смысл изучения языка меньшинств. Этот предмет быстро стал нелюбимым для многих школьников, а его изучение превратилось в очевидную формальность, что было замечено исследователями [Подвинцев 2017]. Более того, практика обязательного изучения **создала ситуацию культурного конфликта**, который, правда, имел в большей мере латентную форму, хотя имели место и отдельные акции протеста (сбор подписей, обращение в органы власти).

Этот конфликт вызревал давно и был неизбежен, поскольку власти республик вместо политики гражданской интеграции взяли на вооружение политику манифестации этничностью и прочно усвоили идеи этнического национализма.

Особенно заметным наличие межгруппового культурного конфликта, основанного на проблеме изучения языков титульных этнических групп, стало в начале 2000-х гг., и этот конфликт постоянно фиксировался социологическими замерами.

Проведенный в 2001 г. массовый опрос населения Марий Эл показал, что здесь за то, чтобы все дети в школах изучали марийский язык, высказалось 38,9% респондентов [Межнациональные отношения 2002: 110]. Опрос населения Удмуртии, проведенный в 2002 г., показал, что в этой республике 31,7% удмуртов, безусловно, согласны с тем, чтобы удмуртский язык преподавался во всех школах республики в качестве обязательного предмета (еще 35,8% «скорее согласны» с этим, среди русских респондентов «безусловно согласных» лишь 3,0% («скорее согласных» – 14,1%)) [Смирнова 2002]. Сходные данные были получены и в Мордовии. Самая большая доля респондентов во всех случаях ратует за то, чтобы язык титульных групп изучался учащимися только по желанию (от половины до двух третей). Но картина существенно меняется, если мы станем анализировать позиции разных этнических и социальных групп населения.

Показательно, что среди коми в РК доля тех, кто в начале 2000-х гг. считал необходимым, чтобы все дети в школах изучали коми язык, составляла 35,8%, а среди русских респондентов – только 13,3%. Соответственно за свободный выбор высказались 48,4% и 59,8% опрошенных среди названных этнических групп. Примерно аналогичная ситуация и в Коми округе, где, однако, доля выступающих за свободу выбора была выше. Такая же ситуация отмечалась и в Марий Эл: здесь 19,4% русских выступали за необходимость обучения марийскому языку всех школьников республики и 62,1% марийцев, а против этого соответственно 65,7% и 23,7%.

Очевидным свидетельством усиливающегося культурного конфликта явились результаты опроса, который был проведен коми этнографами совместно с пермскими коллегами в 2012 г. в Коми

и Коми-Пермяцком округе (опрошено 800 чел.). За обязательное изучение коми языка в школах республики и округа всеми школьниками в целом в обоих регионах высказалось только 34% всех респондентов. Но при этом среди русских респондентов подобную практику поддерживали 17,9%, а среди коми – 47,7% (среди коми-пермяков – 41,8%). Расхождения в позициях представителей различных этнических общин по этому вопросу были и ранее (что фиксировалось данными опросов), но прежде эти расхождения не были такими радикальными. Но важно другое – различия в позициях по поводу преподавания языков так называемых коренных народов в республиках с финно-угорским населением и в последующем не исчезли или ослабели, а продолжали устойчиво тиражироваться и генерироваться, чему в немалой степени способствовала деятельность этнических элит, этнонациональных движений финно-угров и практически полное отсутствие региональной интеграционной политики, гражданской по своему содержанию.

После проведения летом 2017 г. заседания Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле ситуация в образовательной сфере республик изменилась.

Что касается изучения языков народов России, то здесь полезно процитировать выступление президента РФ, которое прозвучало на заседании Совета по межнациональным отношениям, проходившем летом 2017 г. в Йошкар-Оле: «Русский язык для нас – язык государственный, язык межнационального общения, и его ничем заменить нельзя, он естественный духовный каркас всей нашей многонациональной страны. Его знать должен каждый. Языки народов России – это тоже неотъемлемая часть самобытной культуры народов России. Изучать эти языки – гарантированное Конституцией право, право добровольное. Заставлять человека учить язык, который для него родным не является, так же недопустимо, как и снижать уровень и время преподавания русского. Обращаю на это особое внимание глав регионов Российской Федерации»³⁸.

После высказываний президента власти Марий Эл и Мордовии сразу же приняли решение об отмене обязательного изучения в школах марийских и мордовских языков.

Однако этнокультурная и этноязыковая ситуация в республиках с финно-угорским населением продолжала оставаться сложной и языковой конфликт здесь полностью не преодолен, о чем свидетельствуют весьма показательные факты.

³⁸ Владимир Путин в Йошкар-Оле провел заседание Совета по межнациональным отношениям [Электронный ресурс]. URL: http://www.1tv.ru/news/2017-07-20/329185-vladimir_putin_v_yoshkar_ole_provel_zasedanie_soveta_po_mezhnatsionalnym_otnosheniyam (дата обращения 14.03.21).

Так, после опубликования приказа министра образования Республики Коми об отмене обязательного изучения коми языка в школах республики столичная интеллигенция стала собирать подписи под петицией протеста (собрано более 3 тыс. подписей), этнические активисты устраивали одиночные пикеты перед зданием Правительства. В результате глава республики заморозил на время действие приказа. В Удмуртии в октябре 2017 г. (т. е. после известного выступления В. Путина в Йошкар-Оле) Совет старейшин Удмуртской Республики обратился к главе Удмуртии с наказами, в которых, в частности, говорилось о том, что «удмуртский этнос занесен ЮНЕСКО в список исчезающих народов» (имеется в виду, видимо, сомнительный Всемирный атлас языков, находящихся в опасности, подготовленный данной организацией. – Ю. Ш., М. О.) [Moseley 2010]. А поскольку удмурты «исчезают», постольку надо ввести обязательное изучение удмуртского языка во всех школах Удмуртии (*обязательное изучение*).

Апогеем протестов стало самосожжение удмуртского активиста А. Разина перед зданием Госсовета республики. Тема изучения родных языков была, пожалуй, самой дискутируемой из числа проблем этнокультурного развития, хотя интерес к ней то усиливался, то ослабевал. В «Удмуртии тема “сохранение родного языка” стала актуальной 6 лет назад, когда в конце 2013 года “Удмурт кенеш” – действующее с 1991 года национально-культурное объединение удмуртов – вышел с инициативой введения обязательного изучения удмуртского языка во всех школах республики. “Обязаловку” предполагалось закрепить на уровне поправок в региональный закон “О реализации полномочий в сфере образования”. Они предполагали обязательное изучение удмуртского с 1 сентября 2014 года, начиная со вторых классов школ (с 2015 года – вторых и третьих и т. д.). По словам тогдашнего председателя “Удмурт кенеш” Игоря Семенова (экс-спикера Госсовета Удмуртии), больших затрат обязательное изучение родного языка не требовало, учительских кадров для этого хватало, а польза от нововведения у его сторонников сомнений не вызывала. По их словам, удмуртский язык срочно нуждается в “спасении”. И спасти его намеревались за счет увеличения числа носителей путем жестких административных мер. Сторонники обязательного изучения апеллировали к опыту Татарстана, Республики Коми и Мордовии, где обязательное изучение родных языков было закреплено законодательно»³⁹.

³⁹ Урок родного языка. Как преподавать родные языки – добровольно или обязательно [Электронный ресурс]. URL: <https://udm-info.ru/article/tilda/01-10-2019/urok-rodno-go-yazyka> (дата обращения 14.03.21).

Но эта инициатива не получила поддержки, и тогда в 2017 г. Совет старейшин «Удмурт кенеш» обратился к главе республики с той же инициативой, и в том же году активист движения, который, правда, вышел из состава руководства организации, А. Разин (кандидат философских наук и какое-то время директор Института человека в УдГУ) стал заниматься «реконструкцией языческих верований» [Мельников 2019] и проводить традиционные моления удмуртов в поддержку национального языка. Пережитки язычества в традиционной культуре удмуртов были заметны еще в начале XX в., но удмурты в целом достаточно глубоко христианизированы и потому реального возрождения язычества, как это имеет место в Марий Эл, в Удмуртии не произошло. Но А. Разин полагал, что именно языческое возрождение может сохранить культурную отличительность этнического сообщества. Активисты сообщества «Удмуртлык» рассказали, что еще в начале 1990-х гг. «ученый увлекся традиционной языческой религией удмуртов. Самого себя он называл “крестьяноведом и толстовцем”»⁴⁰.

Реальных оснований для «языческого возрождения» удмуртов не было, и вскоре всем стало очевидно, что А. Разин как идеолог язычества одинок, а его идеи не имеют реального адресата и остаются либо откровенными фантазиями, либо странными философскими исканиями и ролевыми играми.

Поскольку языческое возрождение не состоялось, а удмуртское этнонациональное движение оказалось слабым и не смогло пролоббировать идею языкового всеобуча, и идея введения обязательного изучения удмуртского языка не нашла официальной поддержки, постольку символы веры Разина рухнули, он оказался в состоянии фрустрации и 10 сентября он совершил акт самоожжения перед зданием Госсовета Удмуртии в Ижевске. В своем предсмертном обращении он продолжал требовать введения обязательного изучения удмуртского языка с начальных классов школы и во всех детских садах, хотя это требование противоречило и идее конституционного равенства граждан Удмуртии, и идее культурной свободы и прав человека, о значимости которых должен был знать А. Разин как ученый и как руководитель Института человека в УдГУ.

Поступок А. Разина – это акт самопожертвования ради идеи, акт демонстративного отрицания существующей практики межкультурного взаимодействия в республике в крайней его форме,

⁴⁰ «Сталинская политика русификации» и «национальное унижение». Что подтолкнуло удмуртского ученого к самоубийству перед зданием Госсовета в Ижевске [Электронный ресурс]. URL: <https://7x7-journal.ru/articles/2019/09/10/stalinskaya> (дата обращения 14.03.21).

вызывающий, с одной стороны, уважение и сопереживание, а с другой – непонимание, поскольку идеи А. Разина для мультикультурного сообщества неприемлемы.

Но важно подчеркнуть, что в республиках с финно-угорским населением при внешнем спокойствии имеются и серьезные социальные риски, о чем свидетельствует опрос студенческой молодежи, проведенный в октябре 2019 г. в Коми, Марий Эл, Мордовии и Удмуртии (опрошено 1200 чел). Почти 80% опрошенных заявили о том, что в этих республиках возможны межэтнические конфликты, а в числе их возможных причин в первую очередь назвали слабый уровень развития гражданского сознания и деятельность этнических радикалов (табл. 9).

Более того, этот же опрос показал, что языковой конфликт в данных республиках отнюдь не исчерпан, ибо половина или большая часть коми, удмуртов, марийцев и мордвы выступила за обязательное изучение их языков в школах либо для всех учащихся, либо для представителей финно-угорских народов.

При этом от 50 до 80% русских и представителей других этнических групп высказались однозначно против практики принудительного изучения региональных языков.

Но при этом важно заметить, что результаты вышеуказанных опросов показали относительно высокий уровень толерантности, продемонстрированный респондентами в отношении культурных ценностей титульных групп и в первую очередь их языка. Сама идея преподавания языков финно-угров не вызывает неприятия и отторжения у опрашиваемых, а большая часть из них поддерживает различные формы знакомства учеников с языками титульных групп.

Однако и опрос 2017 г., и особенно опрос октября 2019 г. показали одно очень важное обстоятельство, связанное с этноязыковыми ориентациями в описываемых республиках. *С одной стороны, языковой конфликт не преодолен, с другой – очевидно, что у коми, удмуртов, марийцев, мордвы есть явное стремление к изучению родного языка.*

Это стремление не всегда реализуется в жизни, но наличие подобных ориентаций означает, что этническая идентичность (которая до сих пор очень прочно отождествляется с «родным языком») сохраняет свое символическое значение, а потому лозунги о «вымирании» финно-угров не более чем культурные спекуляции.

События последних нескольких лет показали, что, во-первых, нельзя игнорировать мнения доминантного большинства, а равно и всех этнических групп, во-вторых, нужны серьезные коррективы как в сфере образовательной политики, так и региональной этнополитики в целом.

Доля представителей этнических групп населения республик (студентов), которые признают необходимость введения в школах обязательного изучения языка народа, именем которого названа их республика (октябрь 2019 г.), %

Вариант ответа	Русские	Представители титульной группы	Другие
Марий Эл			
Да, конечно	17,7	50,5	18,2
Да, но только для представителей народа, именем которого названа республика	12,0	11,7	4,5
Мордовия			
Да, конечно	17,2	33,4	9,1
Да, но только для представителей народа, именем которого названа республика	13,7	16,7	9,1
Коми			
Да, конечно	17,2	33,4	9,1
Да, но только для представителей народа, именем которого названа республика	13,7	16,7	9,1
Удмуртия			
Да, конечно	8,5	37,9	11,4
Да, но только для представителей народа, именем которого названа республика	3,7	12,1	7,1

Осложнило межэтническое взаимодействие в республиках и то, что местные политические элиты не только откровенно игнорировали языковой конфликт, но и делали много для того, чтобы он углублялся, хотя республиканские министерства, ведавшие реализацией государственной национальной политики и образованием, должны были оперативно реагировать на протесты граждан. Но они тоже понимали этнополитику как систему мер, ориентированных на удовлетворение интересов «коренных народов», а принципы права

и доктринальные основы государственной национальной политики РФ они чаще всего просто не принимали во внимание, поскольку не удосужились их глубоко понять и принять как руководство к действию. ***В плане реализации доктринальных основ государственной национальной политики РФ республиканские государственные институты оказались полностью недееспособными.***

Однако протесты не могли пройти бесследно, и на них обратил внимание федеральный центр, результатом чего стало принятие решения о добровольном изучении языков этнических меньшинств и внесение дополнений в федеральный закон о языках, что было воспринято доминантным большинством как восстановление справедливости, а этническими элитами на местах как открытое покушение федеральных властей на «права» коренных народов, а точнее, на позиции этнических элит, которые продолжали воспринимать себя региональными культуртриггерами, хотя от них основная масса представителей титульных этнических групп давно отвернулась, и серьезным авторитетом в местных сообществах этнические активисты не пользуются, в том числе и у собственных народов.

Материалы переписи 2010 г. подтверждают, что тенденция на ослабление языковых компетенций среди российских финно-угров в части освоения ими языков своих предков является вполне устойчивой. И столь же очевидно данная перепись показала, что русский язык является не только основным языком общения, но и признается родным значительной долей российских финно-угров: русский язык назвали родным 37,1% коми, проживающих на территории Республики Коми; 72,7% карел в Карелии; 34,9% удмуртов в Удмуртии; 20,2% марийцев в Республике Марий Эл; 18,0% тех, кто называет себя мордвой в Мордовии. Важно отметить, что многие коми, марийцы, удмурты нередко называют язык своей этнической группы родным и при этом либо совершенно им не владеют, либо владеют достаточно слабо. Таким образом, очевидно, что в этнокультурном ландшафте финно-угорских республик доминантной группой населения являются русские, а в системе культурных коммуникаций полностью доминирует русский язык, но для карел, коми, удмуртов, марийцев и мордвы языки этих народов до сих пор имеют важное значение как одна из важнейших форм этнической идентификации. Поэтому даже не владея языком, они называют его родным, что чаще всего характерно для финно-угров, проживающих в городах.

При этом именно положение городской части этнических сообществ служит основанием для выдвижения алармистских идей, касающихся «вымирания» финно-угорских народов и «исчезновения» их языков. Однако у названных этнических групп есть своя «подушка безопасности», которой является сельская часть титульных этниче-

ских групп. Именно здесь полноценно функционируют этнические языки, являясь основным средством коммуникации в национальных селах, именно здесь есть возможность сохранять культурные традиции, развивать школьное образование на национальных языках и т. д. Так, в Коми из 16 муниципальных районов в четырех доля коми превышает 50% от всего их населения, а в двух она или около, или более 80% (еще в двух районах превышает 40%). В Удмуртии из 25 муниципальных районов в 14 доля удмуртов более 50%, а в пяти она около 80%; в Марий Эл из 14 муниципальных районов в семи более 50%, причем в Волжском районе она вообще составляет 87%; в Мордовии из 22 районов в 10 мордвы (эрзи или мокши) более половины населения. Только в Карелии ситуация сложнее, ибо здесь только в Олонецком районе карелы составляют более половины населения, а еще в двух (Калевальском и Пряжинском) – треть. *В названных районах этничности ничего не угрожает, и проблема здесь не в сохранении языка или культурных традиций, а в том, чтобы обеспечить полноценное экономическое развитие этих районов и социальный прогресс их жителей.* Для этого необходимо создавать эффективные институты развития, в том числе и общественные. Опыт деятельности подобного рода институтов имеется, в частности, в Архангельской области, но этнонациональные движения в названных республиках серьезной работы в этом направлении не ведут, а созданные сверху органы территориального общественного самоуправления (ТОС) оказываются только «бумажными инициативами».

Важное значение для обсуждения проблем культурного и языкового развития финно-угров РФ имеют данные социологического опроса, проведенного в апреле–мае 2017 г. в ряде регионов РФ, в том числе в Республике Коми, Удмуртии, Марий Эл, Мордовии. В каждом регионе опрошено не менее 30 экспертов, 150 учащихся 8–11-х классов городских и сельских школ, 150 родителей учеников в городах и селах республик и по 150 студентов вузов. Программа и инструментарий исследования разработаны Институтом этнологии и антропологии РАН [Этнокультурное содержание 2017].

Если обратиться к данным указанных выше социологических опросов, то весьма показательными представляются ответы на вопрос о наличии или отсутствии препятствий в учебных заведениях для преподавания национальных языков. Большинство (54% экспертов в Коми, 65% – в Удмуртии, 75% – в Марий Эл, 88% – в Мордовии) указали, что таких препятствий нет. На наличие препятствий указали 15% экспертов в Коми (8% – в Удмуртии, 4% – в Марий Эл, 4% – в Мордовии). Кроме того, на принципиальное отсутствие такого преподавания указали 12% в Коми, 16% – в Удмуртии, 11% – в Марий Эл, и никто из экспертов в Мордовии. Подобный результат

обусловлен тем, что, помимо Федерального закона «О языках народов Российской Федерации» (1991 г.), существует также поддержка этнокультурного образования со стороны региональных властей, а также со стороны этнонациональных движений и части этнически ориентированных граждан.

Лидирующая роль предметного комплекса *язык и литература* выявилась при ответе на вопрос о том, какие предметы в данном конкретном учебном заведении (или в учебных заведениях) играют весомую роль в формировании культуры общения, взаимоуважения и политкорректности. На роль языка и литературы здесь указали 73% от опрошенных экспертов в Коми (67% – в Мордовии, 77% – в Удмуртии и 79% – в Марий Эл), на роль истории и географии – 69% экспертов в Коми (73% – в Мордовии, 77% – в Марий Эл и 82% – в Удмуртии).

Наконец, особенно показательны ответы экспертов на самые болезненные вопросы, связанные с преподаванием национального языка и преподаванием предметов на национальном языке. По поводу вопроса о том, будет ли достаточное количество родителей учащихся, которые пожелают, чтобы в столицах республик с финно-угорским населением организовать обучение (т. е. учебный процесс целиком) на национальных языках, большинство экспертов в Коми, Удмуртии, Марий Эл и Мордовии ответили отрицательно. Что касается родителей учеников и самих школьников, то доля тех, кто поддерживает полный перевод обучения на финно-угорские языки, оказалась близка к нулю. Во многом это обусловлено текущей ситуацией, при которой финно-угорские народы в «своих» республиках являются меньшинствами, а русские повсеместно численно преобладают, а также тем, что русский язык является более развитым в нормативном плане и более престижным, поскольку это не региональный язык, а государственный язык Российской Федерации и язык межэтнического общения.

И самое главное заключается в том, что идею школьного изучения языков титульных народов в республиках с финно-угорским населением (стандартное изучение) поддерживает очевидное меньшинство и школьников, и их родителей, и экспертов (табл. 10). При этом важно еще раз заметить, что каждый человек сам добровольно выбирает себе культурные ценности и выбор русского языка как средства общения есть добровольный выбор большинства российских финно-угров, чего не хотят признавать и принимать этнические антрепренеры. Именно поэтому, когда В. Путин выступил в Йошкар-Оле и заявил о необходимости добровольного изучения языков, этнические активисты и часть национальной интеллигенции восприняли это как трагедию.

Отношение к преподаванию языков
титულных этнических групп в школах национальных республик
(опрос апреля–мая 2017 г.), %

Группа/ вариант ответа	Нацио- нальный язык не нужен	Только общее знакомство	Стандартное изучение националь- ного языка	Углуб- ленное изучение	Обучение на нацио- нальном языке
Школьники					
Коми	44,7	28,0	21,3	4,7	0,7
Удмуртия	49,0	25,5	22,2	2,0	1,3
Марий Эл	42,0	33,4	19,4	4,0	0,6
Мордовия	54,0	30,0	12,0	4,0	0,0
Родители					
Коми	23,3	34,7	36,0	4,0	1,3
Удмуртия	40,7	38,7	18,6	2,0	0,0
Марий Эл	28,7	41,3	26,7	2,0	0,0
Мордовия	33,0	39,0	26,0	1,0	0,0

Определенная часть национальной интеллигенции и этнические радикалы восприняли идею добровольного изучения этнических языков в штыки, о чем отчасти было сказано выше. Серьезной и обоснованной позиции по поводу языкового образования никто не высказывал, но эмоциональных высказываний в рунете и на региональных сайтах было предостаточно. Одна из таких публикаций была размещена на сайте одиозной Ассоциации коренных народов Российской Федерации: «Коми народ доказал в борьбе, что он человек, а не бессловесное животное на фоне бездействия многих других народов. Так, удмуртский народ не собрался – выступили отдельные люди, которые подписали распространявшиеся в ту пору петиции. Консолидации на базе Удмурт Кенеша вокруг защиты удмуртского языка не произошло – ведь по большому счету было нечего защищать, в Удмуртии так и не было введено всеобщее обучение удмуртскому языку, и формально удмуртам нечего было терять. Многие представители удмуртского истеблишмента остались на позициях, выражаемых формулой “сделаем позже, когда все заинтересуются удмуртским языком и полюбят его”. В Мордовии вопрос был решен кулуарно, общественные организации на трибуну не поднимались, отсутствующее мордовское общество себя не манифестировало. В Марий Эл номинально представляющая всех мари организация

Марий мер Канаш не выступила, новое руководство было только радо новому курсу – для него марийский вопрос это лишние нервы в условиях бедности и неустройства марийской жизни»⁴¹.

Но с 2018 г. родители школьников повсеместно получили возможность отказываться от того, чтобы их дети изучали этнические языки в школе. Практически повсеместно имели место некие попытки сопротивления. Так, на открытой платформе Change.org появилась петиция, подписанная жителями Удмуртской Республики, в которой депутатов Государственного Совета Удмуртской Республики призывали дать отрицательную характеристику законопроекту № 438863-7, инициированному группой депутатов Государственной Думы. Правда, под этой петицией поставили подписи всего 119 чел.⁴² Национальная интеллигенция в Коми, как сказано выше, тоже собирала подписи под петицией в «защиту родного языка», и здесь удалось (если верить инициаторам акции) собрать около 3 тыс. подписей, что также не очень много для компактного города, где много учреждений, связанных с пропагандой коми языка и культуры. Тем не менее надо признать, что идея коренного народа как культурного сообщества, которое должно иметь особый статус в республиках, а его ценности должны иметь безусловный приоритет, глубоко укоренилась в сознании достаточно большой части коми населения, и именно она стимулировала протесты, хотя сказывалась также правовая и этнополитическая неграмотность протестующих.

Однако принципиальной ошибкой властей в республиках с финно-угорским населением было то, что не была создана необходимая информационная среда, обеспечивающая адекватное понимание идеи добровольного изучения языков титульных этнических групп. Речь не шла о наступлении на языки титульных групп – речь шла о защите законных прав граждан. А поскольку все граждане РФ обладают равными правами, постольку навязывание культурных ценностей одной группы другим недопустимо, равно как и диктат группы над личностью. А именно к этому диктату призывали представители национальной интеллигенции, ратовавшие за то, чтобы проживающие в республиках представители финно-угорских народов в обязательном порядке учили свой «родной» язык. Более того, такие призывы противоречат нормам международных документов, в частности, принятому

⁴¹ Коми доказал, что он не бессловесное животное [Электронный ресурс]. URL: <http://www.-facebook.com/groups/771671976207773/> (дата обращения 14.03.21).

⁴² Удмурты просят защитить свой язык [Электронный ресурс]. URL: <http://www.finugor.ru/news/udmurty-prosyat-zashchitit-svoy-yazyk-1> (дата обращения 14.03.21).

ООН в 1966 г. Пакту об экономических, социальных и культурных правах, ибо в числе культурных прав есть право на культурную свободу, т. е. на свободный выбор языка обучения и общения, свободный выбор культурных ценностей. Реальной и содержательной дискуссии по поводу региональных моделей этнополитики и проблем этнокультурного образования власти регионов организовать не смогли, что способствует сохранению в массовом сознании культурных стереотипов прямо противоположных идее гражданского единства россиян и идее гражданской российской нации.

Но дело в том, что простые представители этнических меньшинств давно отказали неким этническим лидерам и экспертам в праве решать за них, на какие культурные ценности необходимо ориентироваться, какую форму культурного (в том числе и языкового) поведения выбирать. Поэтому несмотря на почти 30-летний период этнического ренессанса, постоянную манифестацию этничностью и призывы всячески сохранять некую «традиционную культуру», молодежь и их родители ориентированы на космополитическую культуру города и русский язык как основное средство общения и культурного потребления.

Налицо конфликт культурных позиций этнических элит и этнических сообществ в целом. Культурные элиты меньшинств оказались оторванными от своих этнических сообществ, ибо миссию будителей они не смогли выполнить.

Необходимо при этом признать, что сохранение культурного многообразия (в том числе и языков меньшинств), конечно, является важной проблемой, но ее нужно решать не методами административного принуждения и сугубо формальными способами усвоения языков и культурных традиций, а путем выработки эффективных программ развития и пропаганды этнических языков и культур, использования интернет-ресурсов и других новых инструментов, путем создания благоприятного культурного климата для сохранения традиций и языковых компетенций. А такой климат может возникнуть только в результате позитивного межкультурного диалога, но не в условиях принудительного навязывания ценностей одной группы всем другим группам, составляющим местное территориальное сообщество. И тем не менее государство не может стоять в стороне от активного участия в языковой политике.

В этой связи следует во многом согласиться с доводом, высказанным некоторыми зарубежными экспертами: «Либеральными теоретиками все более признается тот факт, что превращение языкового вопроса в сугубо частное дело, как это произошло в случае с религией, невозможно. Перед государством здесь встают ясные проблемы для решения, как, например, определение языка (языков)

администрации, судов, законодательства. К тому же язык представляет собой нечто большее, чем средство коммуникации – он является центральным элементом в основании идентификации, как в ее форме средства интеграции, так и в форме отличия от других» [Галдия, Видра 2004: 333].

Государство должно выступить в качестве активного и ответственного участника языковых процессов, решения проблемы сохранения и пропаганды миноритарных языков.

Такую активную позицию государство и занимает с начала 1990-х гг.: за счет государственных средств ведется подготовка учителей, преподающих национальный язык и литературу, разрабатываются учебные программы, учебники и учебные пособия, призванные помочь в изучении языков карел, коми, удмуртов, марийцев, мордвы и других уральских народов, создаются информационные ресурсы на финно-угорских языках и различные формы поддержки языков и культур этих народов. Приняты законы о государственных языках, которые повысили статус языков народов, давших название республикам.

Более того, государство активно вовлекало в процессы языкового строительства местных языковедов, которым был предоставлен статус важнейших экспертов в области языковой политики. Многие из этих языковедов прямо или косвенно были связаны с этнонациональными движениями или симпатизировали их идеям. Поэтому процесс языкового строительства в республиках с финно-угорским населением приобрел весьма специфический характер. Основные усилия языковеды направили на очищение финно-угорских языков от «русских заимствований» и безудержное словотворчество, т. е. на то, что в лингвистике называется пуризмом. Пуризм был очень популярен в первой половине XIX в., когда из чешского языка старательно изгоняли германизмы, из немецкого – галлизмы, в венгерском и финском заменяли немецкие и шведские заимствованные слова и понятия собственными аналогами. Но дальнейшее развитие лингвистики как науки показало, что ни один язык не может полноценно развиваться без заимствований, а сами лингвисты должны изучать языки и происходящие в них перемены, но не творить язык, ибо это не их функция.

Однако языковеды в «финно-угорских регионах» РФ свою главную задачу видели в том, чтобы очистить языки от заимствований, расширить словарный фонд языков за счет активного словотворчества. Вот что по этому поводу заметил коми языковед Е. Цыпанов: «За последние 12–15 лет в коми, удмуртском, марийском, а также в мордовском и карельском литературных языках имеют место схожие процессы активного расширения лексических ресурсов за счет созда-

ния и активизации собственно-языковых слов-неологизмов, которые употребляются взамен заимствованных лексем или же, чаще всего, параллельно им в качестве синонимов. Появились десятки и сотни новых слов, например, коми *оланпас* “закон”, *енби* “талант”, удм. *кун-крезь* “гимн”, *лулчеберет* “культуры”, марийский *шанче* “наука”, *тоштер* “музей” и т. д. Одним словом, за более чем десятилетний период в родственных языках возникла новая лингвистическая реальность в виде большого корпуса неологизмов...» [Цыпанов 2005: 25].

При этом лингвисты в республиках не принимали во внимание ни интересы рядовых потребителей языка, для которых масштабное словотворчество создавало серьезные проблемы в плане понимания созданного языковедами новояза, ни этнокультурные реалии, определявшие характер межкультурного взаимодействия в республиках. Против бездумного и безудержного пуризма выступили и некоторые местные филологи, которые в пылу полемики по поводу проблем развития финно-угорских языков называли созданный местными языковедами новояз «китайской грамотой» [Уляшев 2005].

В русском языке, к примеру, такие слова, как *конституция*, *партия*, *музей* являются заимствованиями, ибо конституционное право, политические партии, музейное дело появились в России позже, чем в других странах, а их организация и сами названия заимствовались вместе с перенимаемыми институциями. Современные сторонники пуризма в республиках с финно-угорским населением придумали замену этим понятиям, хотя в историческом прошлом карел, коми, удмуртов, марийцев и мордвы тоже не было ни собственных парламентов, ни конституций, ни политических партий, ни глубоко укоренившихся музейных традиций. Но языковеды не были озабочены тем, чтобы новые слова имели какую-то историческую и культурную основу, не связывали языковые новации с культурным и историческим наследием собственных народов. Поэтому новояз оказался мертвым языком и принес огромный вред пропаганде финно-угорских языков и расширению их функций. Люди перестали понимать этот язык и естественно пользовались более привычными «русскими словами».

Тем не менее, активно отвергать пуризм стали не столько профессионалы-филологи, сколько простые потребители этнических языков, которые не хотели, чтобы их дети изучали непонятный язык, да еще невостребованный.

В Республике Коми «приговор пуризму» был оглашен в одном из сельских районов, где доля коми населения является наивысшей (около 90%), а коми язык на бытовом уровне полностью доминирует. Здесь 13 января 2017 г. в районном доме культуры был проведен круглый стол. Дискуссия, имевшая место, «касалась нежелания ро-

дителей усть-куломских школьников получать знания по предмету «Коми язык» в рамках программы родного языка».

После проведения круглого стола в адрес информационного агентства «Комиинформ» поступило коллективное письмо родителей и представителей администрации района, в котором говорилось, что круглый стол оказался неподготовленным, а представители исполкома этнонационального движения «Коми войтыр», приехавшие для участия в нем, пытались навязать свое мнение его участникам и не слышали оппонентов. А оппоненты этнических активистов справедливо считают, что «заставить родителей в условиях незаинтересованности с их стороны выбрать в качестве языка обучения коми язык невозможно»⁴³. В комментариях к этой публикации как раз и говорилось о том, что современный коми язык невозможно понять.

Но показательно то, что для этнических антрепренеров важно не качество языкового материала, а сам факт его изучения.

Столь же неинтересны им были и мнения доминантного культурного большинства республик, ибо они однозначно воспринимали титульные группы как «главные народы» республик, а самих себя рассматривали как важнейших экспертов в сфере этнополитики, с чем бездумно соглашались и власти регионов, а также ответственные за реализацию государственной национальной политики чиновники. Но этнические активисты никак не могли являться субъектами региональной этнополитики, они могли быть только ее объектами, хотя считаться с мнениями лидеров этнонациональных движений было необходимо. Но столь же необходимо было критически оценивать их идеи и соотносить их с нормами российского законодательства и правами человека. Этого не делалось, поэтому идея об обязательном изучении языков мордвы, коми, марийцев была принята властями республик и претворена в образовательные практики.

Предполагалось, что языковой всеобуч поддержит языки коми, марийцев и мордвы, укрепит их позиции в республиканских социумах, но этого не произошло, ибо административное давление и навязывание культурных ценностей меньшинств доминантному культурному большинству было справедливо воспринято последним как покушение на его права. Тем самым власти республик сами создали ситуацию языкового конфликта, который придется разрешать еще не один год.

Что же касается пропаганды и развития языков карел, коми, удмуртов, марийцев, мордвы и других финно-угорских народов, то

⁴³ Власти и общественность Усть-Кулома возмущены обвинениями со стороны «Коми войтыр» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.komiinform.ru/news/143408/> (дата обращения 15.03.21).

следует понять, что простых решений здесь нет, а ошибки прошлых лет только усложнили ситуацию в языковой сфере.

Названную проблему надо решать за счет *продуманных и целостных программ по формированию имиджа языков титульных этнических групп. Но этих программ в республиках нет, и «защитники языков» никогда не задумывались над их созданием, не предлагали каких-то эффективных мер пропаганды языков. Между тем, в мировой практике языковой политики, особенно в сложносоставных сообществах, именно этому направлению уделяется особое внимание.* В таких программах на первом месте стоит задача формирования общественного мнения о престижности языка [Coulmas 1991], но тесно увязана с ней и задача так называемого «языкового маркетинга», решение которой призвано изменить языковое поведение носителей недоминантных языков, а сам язык представляется как своеобразный продукт и в сфере общественного потребления, рекламируются преимущества и достоинства этого продукта [Baker, Jones 1998].

Язык можно успешно сохранять и развивать за счет его визуализации и коммодификации. Визуализация в первую очередь должна использоваться в интернет-ресурсах, на которые сегодня в первую очередь ориентирована молодежь. Примером такого рода деятельности является разработанное студентами Тувинского университета приложение для смартфонов «мой родной тувинский язык». Коммодификация – это процесс, в ходе которого все большее число различных видов человеческой деятельности обретает денежную стоимость и фактически становится товарами, покупаемыми и продаваемыми на рынке. Наиболее успешный пример использования этого метода для сохранения этнических культур и превращения их в привлекательный рыночный продукт – этнографический туризм. К примеру, вовлекаемые в процесс коммодизации саамские языки превращаются в ресурс оригинальности и аутентичности, а не рассматриваются только как инструмент политики идентичности или как сфера применения языковых прав. Язык получает дополнительные ресурсы для развития, поскольку выступает в качестве «визитной карточки» региона.

Поэтому сегодня главная задача тех, кто озабочен положением языков уральцев, состоит в поиске новых и нетрадиционных ресурсов, которые помогут их сохранению и развитию.

И все же, при всей значимости этнополитики и проблем культурного развития республик с финно-угорским населением, не они беспокоят в первую очередь рядовых граждан. Их больше всего волнуют проблемы социально-экономического развития территорий, будущность их семей. А в этом отношении, как уже говорилось выше, сделано мало, ибо из Карелии и Коми уже более двух десятилетий

фиксируется массовый отток населения. Марий Эл и Мордовия стабильно находятся в числе беднейших регионов, где уровень бедности запредельно высок и во всех республиках необходимо качественно обновлять региональные хозяйственные комплексы, стимулировать экономический рост, что позволит решить и многие сложные проблемы культурного развития меньшинств.

Но что мы видим в последние годы? Мы видим очевидную деградацию республик, отсутствие реальных перспектив их развития, о чем свидетельствует анализ социально-экономических процессов, имеющих место в республиках с финно-угорским населением.

Во всех республиках аграрная сфера, в которой до сих пор занята значительная часть коми, удмуртов, марийцев и мордвы, находится в состоянии глубокого кризиса. Аграрный кризис порождает отток молодежи из сельских поселений, общее старение аграрного населения и сокращение сельской поселенческой сети. Особенно сложная ситуация в этой сфере сложилась в Карелии, где перспективы возрождения села становятся нереалистичными.

По динамике роста ВРП и объемов промышленного производства очевидно среди названных республик лидирует Удмуртия. Но при этом здесь наблюдается очевидный дефицит инвестиций, старение основных производственных фондов, низкая рентабельность многих производств и целый ряд других проблем экономического характера, которые в итоге сказываются на материальном положении населения республики. Эта республика наиболее привлекательна для инвестиций, ибо ее инвестиционные ранги и рейтинги выше, чем у других названных республик, но и она очень далека по показателям инвестиционного климата от регионов-лидеров.

Что же касается проблемной Карелии, то здесь одна из самых острых проблем – демографическая. Численность жителей Карелии сокращается быстрее, чем во многих других регионах европейской части России (особенно это касается севера республики – Беломорской Карелии), здесь очень старое население, низок уровень брачности и рождаемости и т. д. При этом регион является приграничным и его приграничное положение дает большие возможности для развития бизнеса (транспортных услуг, туризма, сервиса), что привлекает сюда мигрантов, к принятию которых местное население не готово, о чем говорит и высокий уровень интолерантных настроений, зафиксированных массовыми опросами населения, и реальный опыт межэтнических столкновений, наиболее известными из которых были события в Кондопоге в 2006 г., сопровождавшиеся жертвами и погромами. Почва для подобных конфликтов сохраняется, ибо социально-экономического благополучия в республике нет, а ее ресурсы, выгодное географическое положение, образованное население и пр.

не используются эффективно, что находит отражение в показателях социально-экономического развития региона.

Специалисты предсказывают, что из-за сокращения населения уже скоро в Карелии начнут закрываться предприятия и организации. Крайне неблагоприятный прогноз баланса трудовых ресурсов на 2020–2022 гг. сделало Управление труда и занятости Карелии. И процесс свертывания производств уже начался. В частности, в 2018 г. закрылся Надвоицкий алюминиевый завод, под угрозой закрытия из-за проблем с перевозкой щебня оказались 20 горных карьеров, часть из них обанкротилась, треть лесозаготовительных предприятий в 2019 г. работали без прибыли, а объемы заготовок леса сократились и т. д. Иными словами, стоит констатировать, что экономика Карелии не справляется с кризисом и находится в сложном положении. А коронавирус принес новые угрозы: к примеру, он поставил под угрозу полного прекращения работы 500 гостевых домов и многие другие предприятия сферы обслуживания. Не случайно началось финансирование федеральной целевой программы помощи Карелии, а 9 февраля 2021 г. премьер-министр Правительства РФ М. Мишустин предложил продлить действие этой программы.

В июне 2020 г. Правительство РФ выделило средства на программы развития наиболее проблемных территорий, включая Республику Карелию. Это, конечно, существенная поддержка, в условиях кризиса, но насколько удачно карельские власти смогут распорядиться предоставленными средствами, непонятно. До сих пор все перспективные начинания не давали результатов, на которые рассчитывали местные управленцы, ибо качество управления в республике не соответствует современным требованиям. Сегодня руководство республики поменялось, но нет уверенности в том, что Артур Парфенчиков сможет вывести республику из кризиса. Об этом собственно и пишут в рунете простые граждане и критики власти. Так, к примеру, недавно в Твиттере Татьяна Кондратьева поместила материал с характерным заголовком «Глава Карелии похвастался делами в регионе. Но люди увидели настоящий «Край тысячи озёр», и им больно до слез»⁴⁴. Очевидно, что трудно разрешить сложную социально-экономическую, демографическую, этнокультурную ситуацию в республике и быстро добиться позитивных изменений. Глянцевые же картинки, рисуемые некоторыми журналистами в год 100-летия карельской государственности, только раздражают местное

⁴⁴ Кондратьева Т. Глава Карелии похвастался делами в регионе. Но люди увидели настоящий «Край тысячи озёр», и им больно до слёз [Электронный ресурс]. URL: <https://medialeaks.ru/1006tat-karelia-russia/> (дата обращения 15.03.21).

население, которое сталкивается с многочисленными проблемами социально-экономического характера и ждет конкретных действий и адресной помощи от властей и озвучивания ясных перспектив развития республики.

Не менее острая ситуация в Коми, где численность населения, как указано выше, с 1989 г. сократилось на 35%. В особенно сложном положении оказался хозяйственный комплекс северных городов и поселков. Так, в 2018 г. в г. Инте закрылась последняя шахта и обогатительная фабрика при ней, которые являлись главными работодателями в городе. В г. Воркуте из 11 шахт, работавших здесь к концу XX в., осталось только четыре действующих, которые через 10–15 лет выработают свой ресурс, а кроме того, закрылись многие другие предприятия: цементный завод, швейная фабрика, пивоваренный и ликероводочный заводы и т. д., а население сократилось практически в три раза. Президентом дано поручение соответствующим министерствам разработать программу социально-экономического возрождения Инты и Воркуты, и она подготовлена. Однако серьезной заинтересованности у бизнеса вкладывать инвестиции в северные города Коми нет, а как стимулировать бизнес к инвестициям, пока неясно. Очевидно также, что программы комплексного развития шахтерских городов надо было начинать реализовывать много лет тому назад. Как наверстать упущенное время, никто не знает. Насколько реализуемой будет программа санации шахтерских городов сегодня, тоже нельзя прогнозировать. Но помимо шахтерских городов нужны серьезные стимулы и для развития всей территории республики, потому что в последние два десятилетия ни шахтерские города, ни республика в целом практически не развивались (если не принимать во внимание нефтедобычу и газотранспортные системы, проходящие с Ямала через территорию Коми), а руководители РК В. Торлопов и В. Гайзер больше заботились о своих интересах (не случайно оба оказались на скамье подсудимых), а не об интересах развития региона и его населения. Тем же самым грешил и многолетний руководитель Марий Эл Л. Маркелов, который вместе с группой «соратников» был уличен в коррупции. Но коррумпированность местных элит не осталась в прошлом. Так, по сведениям Генпрокуратуры РФ, опубликованным недавно, Мордовия входит в десятку регионов-лидеров по уровню коррупции⁴⁵.

Сегодня нужно масштабное оздоровление республиканских элит и в названных кризисных субъектах Федерации и столь же

⁴⁵ Мордовия и Чувашия возглавили список самых коррумпированных регионов страны по версии Генпрокуратуры [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/turbo/s/newsru.com/russia/18jun2020/rating_corrupt.html (дата обращения 15.03.21).

масштабные и реализуемые программы их социально-экономического развития.

Все названные республики переживают глубокий и всесторонний кризис: *кризис развития (кризис поиска путей развития регионов), демографический и миграционный кризис*, ибо значительная часть молодежи, согласно данным всех опросов населения, проводившихся в 2000-е гг., желает покинуть пределы этих республик и переехать в более развитые регионы (в основном в Москву и Санкт-Петербург). Опрос осени 2020 г. подтвердил, что эти настроения являются доминирующими, и около половины одиннадцатиклассников и студентов в Карелии, Коми, Удмуртии, Мордовии заявили о желании уехать из своих республик, только в Марий Эл эта доля оказалась существенно ниже, но и там она, вероятно, в ближайшие годы будет только расти.

В результате происходит быстрое старение населения, сокращается рождаемость и брачность, увеличивается смертность населения и происходит общее ухудшение демографического качества населения названных республик.

Молодежь всех изучаемых республик, как показал опрос 2020 г., продемонстрировала заметное недоверие к политическим институтам как федерального, так и регионального уровня: Правительству РФ, Государственной Думе, органам местного самоуправления. Исключение составили только главы Карелии, Коми и Удмуртии, уровень доверия к которым достаточно приемлемый (хотя нет очевидной поддержки большинства респондентов), но может быстро упасть, как показал пример Марий Эл (в 2019 г. он был значительным, в 2020 г. — низким). **По существу, есть все основания говорить о кризисе доверия политическим институтам**, ибо уровень их поддержки критически мал. Вместе с тем **государственные институты**, такие как армия, судебная система, правоохранительные органы пока пользуются достаточно высоким уровнем доверия у молодежи всех республик.

Но есть еще и кризис веры в будущее своих регионов, в способность нынешних элит придать должные стимулы для экономического роста и социального прогресса республик. Большая или значительная часть респондентов (во время опросов 2019 и 2020 гг.) выразили сомнение в том, что политические институты действуют в интересах страны и народа. Хотя в Карелии позитивные оценки все же пока немного преобладают над негативными. Большинство респондентов во время этих и предыдущих опросов заявляло о том, что они ничего не знают о перспективах развития своих регионов, а еще как минимум более трети указывает, что имеет весьма смутное представление о будущем региональных со-

обществ, региональных экономик и перспектив их социально-экономического развития.

Помимо того, что наши исследования очевидно демонстрируют внутреннюю разобщенность республиканских сообществ, они свидетельствуют также и о высоком уровне интолерантности в республиках с финно-угорским населением. Результаты опросов также показывают, что повседневная толерантность не присуща большинству молодежи и лишь меньшая часть из опрошенных молодых людей во всех республиках, в которых проводилось исследование, не отметила в своих ответах каких-либо этнических, религиозных или социальных групп, соседство с которыми для них нежелательно. Только около трети респондентов во всех пяти республиках заявили, что «таких групп нет». Тем не менее, как отмечают некоторые региональные эксперты, интеграционные процессы и активизация нациестроительства позитивно сказывается на общественных настроениях и, к примеру, в Карелии, за последние годы заметно снизилось негативное отношение к кавказцам и мусульманам, а также к мигрантам, хотя определенная настороженность к ним все же сохраняется, как, впрочем, и в остальных республиках с финно-угорским населением.

При этом стоит еще раз указать, что для молодежи и 10–15 лет назад, и сегодня этничность не является доминирующим или даже существенно значимым культурным маркером. Поэтому ей не интересны ни этнонациональные организации, ни их идеи, ни их лидеры. Молодежь в большинстве своем ничего не знает об этнонациональных движениях и организациях, не владеет информацией ни об их деятельности, ни даже о самом их существовании. Молодежи нужна общегражданская и социальная перспектива, но предложить ясную и привлекательную перспективу развития республик с финно-угорским населением власти республик сегодня не могут. Отсюда очевидно, что социально-экономическое развитие названных республик сохраняет проблемный характер.

Глава 6

Оплот договорной федерации: пример Татарстана

Республика Татарстан является одной из наиболее экономически развитых территорий РФ, с мощной индустрией и сельским хозяйством, высокой плотностью населения и полиэтническим составом жителей. Татары – второй по численности народ России, основная часть которых проживает за пределами территории республики, хотя представители этнического сообщества составляют значимую долю в составе населения республики. Казань стала местным центром еще во времена Золотой Орды, а окончательно сформировалась как культурный центр Поволжья уже в имперский период, когда стала центром губернии и университетским городом в начале XIX столетия. При этом и Казанская губерния, и казанские татары (а особенно татарская элита), несмотря на религиозные различия с основной частью населения России, были хорошо интегрированы в российское культурное пространство, а потому не случайно, что казанские татары принимали деятельное участие в покорении Сибири, а также во многих военных кампаниях империи. Да и в экономическом отношении Казанская губерния была регионом достаточно развитым, а социальная структура татар не принципиально отличалась от доминирующего населения, и потому в их среде сформировались не только видные просветители, предприниматели, но и видные члены партии большевиков, которые играли важную роль в процессе национально-государственного строительства, осуществлявшегося большевиками.

Не случайно, что еще в первые советские годы (и позднее) она претендовала на статус союзной республики, а не автономии в составе РСФСР. По переписи 1989 г. 48,5% населения составляли татары, а 43,5% – русские. При этом русские составляли основу городского населения и 85,7% русских проживали в городах, в то время как только 63% татар республики – это городские жители. Перепись 2002 г., проходившая под официальным лозунгом «Запишись татаринот!», показала увеличение доли татар до 50% (несколько более), но перепись 2010 г. не зафиксировала дальнейшего увеличения доли татар, несмотря на попытки как-то стимулировать этот процесс.

В политическом и культурном развитии республики очевидно существенную роль играет не только высокая доля титульного этноса, но и историческая память. Казанское ханство, которое существовало несколько столетий и было создано на осколках Золотой Орды (сторонники булгарского происхождения татар, удревняют татарскую государственность до IX–X вв.), было завоевано царем Иваном Грозным в 1552 г., но на окраинах этого государства сопротивление Московскому царству продолжалось еще несколько десятилетий [Черемисские войны 2015: 478]. Историческая память, хранителем которой выступала татарская интеллектуальная элита, и в частности, память о длительной истории государственности, попытках насильственной христианизации татар, предпринятых в XVIII столетии, оказывали и оказывают влияние на самосознание татар и особенно культурной элиты этнического сообщества, на идейные поиски идеологов татарского движения и его политические практики. Кроме того, «чтобы понять истинный характер межнациональных процессов в Татарстане, необходимо постоянно иметь в виду и тот факт, что республику считают своей этнической землей и Родиной не только татары, проживающие на данной территории, но и вся огромная диаспора всей России, и даже татары, проживающие в других странах» [Мирсияпов 2004: 54].

6.1. Постсоветское политическое строительство в Татарстане: «титульный суверенитет» и специфика регионального нациестроительства

Культурные особенности Татарстана стали основой для формирования татарского этнонационального движения, представленного широким спектром этнических организаций, их идейные позиции объединяло то, что все они настаивали на «особом пути» Татарстана и особой роли татарского этнического сообщества в культурной и политической жизни республики, значимости татарских культурных ценностей для всего населения республики.

Толчок к формированию татарского регионалистского или, точнее, этнорегионалистского движения дала политика перестройки и гласности, начатая М.С. Горбачевым в середине 1980-х гг. Начиналось это движение с актуализации интереса к фольклорному наследию татар, их этнической истории, к народному творчеству и проблемам экологии. Уже 5 июня 1987 г. в Казани прошел митинг по случаю дня окружающей среды. В качестве так называемых «будителей», как

и в Восточной Европе в XIX в. [Францев 1902; Национальное возрождение 1977; Освободительное движение 1981 и др.], выступали представители творческой и научной интеллигенции. К концу 1987 г. в республиканской печати началось активное обсуждение проблем развития татарского языка и его статуса. В начале 1988 г. СМИ стали обращаться к теме болгаристского исторического наследия, а затем арабской графики, создания в школах классов с преподаванием на татарском языке.

Одновременно проходила и заметная политизация общественной жизни республики. Уже в марте 1988 г. в Набережных Челнах возникает политклуб им. Н.И. Бухарина, в апреле вслед за появлением эстонской концепции ИМЕ (республиканский хозрасчет) призывы к созданию замкнутой республиканской хозяйственной системы появляются и в татарской прессе, внутри коммунистической номенклатуры Татарии усиливается политическое брожение, что находит отражение и в информационном пространстве.

В мае в средствах массовой информации начинается дискуссия вокруг башни Сююмбике в казанском кремле, которая положила начало межэтническому противостоянию в республике, ибо над башней, не являвшейся частью культового сооружения, предлагалось водрузить мусульманский полумесяц. В конце мая группы неформалов проводят митинг в поддержку перестройки на Черном озере, а в конце июня предпринимается попытка научной общественности создать программный документ с целью объединить общественность для решения актуальных республиканских проблем. В сентябре начинается обсуждение в печати проекта Декларации Народного фронта Татарии в поддержку перестройки.

Но одновременно крепнут и становятся все активнее этнические и этнополитические организации и их формальные и неформальные лидеры. Болгаристы начинают требовать переименовать татар в болгар, сторонница радикального этнонационализма Ф. Байрамова открыто начинает проповедовать в печати идею об особых исторических правах татар. Обостряется и дискуссия вокруг проблем татарского языка и его орфографии.

В октябре формируется оргкомитет по созданию Татарского общественного центра (ТОЦ), который вскоре становится неким идейным и политическим ядром татарского этнонационального движения и начинает оказывать методическую поддержку этническим организациям, выступающим в поддержку интересов других народов Поволжья и Урала. В этом же месяце появляется проект Платформы ТОЦ, в обсуждении которого в доме политпросвещения республики приняло участие 800 чел., начинается создание местных отделений ТОЦ. 17–18 февраля проходит I Учредительный съезд ТОЦ, на кото-

ром принимаются его Программа (Платформа) и Устав Татарского общественного центра в поддержку перестройки.

ТОЦ выступал с позиций умеренного реформаторства, а его Платформа охватывала все основные стороны политической, экономической и культурной жизни республики. В данном документе говорилось о необходимости обеспечить равенство «всех наций» и исключить деление республик на союзные и автономные, ибо подобные системы ранжирования «ставят одни народы в неоправданную зависимость от других, фактически ущемляют права, вызывают чувство поправленного национального достоинства, в конечном счете приводят к отчуждению наций» [Программа 1998: 102]. В «Программе» говорилось о многообразии форм удовлетворения культурных потребностей татар, включая национально-культурную автономию, а также о том, чтобы «каждый народ в Совете Национальностей должны представлять депутаты именно этого народа» [Программа 1998: 109], т. е. создатели документа выступали за этнизацию политического представительства регионов, хотя основной упор делался на претворение в жизнь общедемократических принципов организации местных сообществ. Отдельный раздел Программы был посвящен развитию языковой сферы, образования, науки и культуры. Здесь, в частности, указывалось: «Относясь с глубоким уважением к демократическому принципу свободного выбора языка, Движение считает, что татарская нация, как и любая другая, имеет право на конституционные гарантии развития татарского языка как своей неотъемлемой социально-культурной ценности. Декретом ЦИК и СНК Татарстана в 1921 г. татарский язык был объявлен официальным языком республики (наравне с русским). Поэтому мы выступаем за возвращение татарскому языку статуса государственного, что предполагает обязательность ведения делопроизводства на татарском языке (наряду с русским), знание государственными служащими татарского языка, ведение суда, собраний, совещаний и т. д. на двух языках, возможность обучения на татарском языке не только в дошкольных учреждениях и школах, но и в среднепрофессиональных, а также высших учебных заведениях, предоставление возможности нетатарскому населению изучать татарский язык в учебных заведениях и на специальных курсах. Двуязычие не должно быть “привилегией” только одной части граждан республики, необходимо сделать его достоянием всего населения» [Программа 1998: 118–119].

На втором съезде ТОЦ Движение было преобразовано во Всесоюзное, а также внесены дополнения и изменения в Программу. Важное политическое значение имела идея формирования Милли Меджлиса «как формы реализации суверенитета татарской нации». Было заявлено: «ТОЦ выдвигает идею созыва “Милли Меджлиса”

(«Национального конгресса») как формы реализации национального суверенитета татарской нации» [Программа 1998: 143]. При этом подчеркивалось, что «Милли Меджлис» не является государственным образованием, но его функционирование должно осуществляться за счет взимания национального налога», выплачиваемого этой организацией административно-территориальными образованиями республики из собственных бюджетов.

Фактически идея «Милли Меджлиса» в чем-то напоминала идею Конгресса граждан Эстонии, который превратился в этой республике в параллельную власть и последовательно вел дело к формированию в Эстонии режима, основанного на конституционном национализме и практикующего политику исключения (оттеснения на политическую, экономическую и культурную периферию нетитульных этнических групп) [Тишков, Шабаев 2018].

ТОЦ был не общереспубликанским политическим объединением, а неким центром татарского этнонационального движения, а возникавшие в республике этнокультурные организации становились его самостоятельными секциями: Культурное общество им. Ш. Марджани, Клуб любителей болгарской истории «Булгар-аль-Джадид», Этнографическое культурно-просветительское объединение кряшен. Да и другие этнополитические движения, возникавшие на рубеже 1980–1990-х гг., первоначально были идейно близки к ТОЦ.

Но в 1990 г. стал очевиден как кризис власти в стране в целом, так и кризис региональной власти. В связи с этим в Казани начались митинги с требованием отставки некоторых членов Обкома КПСС. В это время в ТОЦ усилились разногласия между представителями разных течений относительно программы и методов политической деятельности, что привело к выделению из состава Движения его радикального крыла, оформившегося в Татарскую партию национальной независимости «Иттифак» еще в 1989 г. Более того, радикальных позиций стали придерживаться Союз молодежи «Азатлык», учрежденный в 1991 г., и некоторые другие политические группы и объединения.

Идеологические конструкции радикального крыла татарского этнонационального движения показательны. Как и идеологи ряда других этнических движений, татарские радикальные националисты полагали, что национальные организации следует рассматривать как некую параллельную власть. Милли Меджлис (который считается воссозданным, ибо первый подобный орган был сформирован в ноябре 1917 г.) был объявлен ими высшим представительным органом татарского народа между Всетатарскими народными курултаями и заявлено, что он обладает правом отмены законов и указов Президента Татарстана. Идеологические ориентиры партии «Иттифак»

достаточно определенно очерчены во вводной части ее политической программы: «Потеря татарами своей государственности в 1552 г. в результате колониальной экспансии Московской Руси стала национальной катастрофой, привела народ как самобытный этнос на грань исчезновения... Революционная ситуация, сложившаяся в империи в начале XX в., помогла татарам на короткое время восстановить свою государственность провозглашением автономного Идель-Уральского штата, декларирувавшего республиканскую форму власти и равенство всех народов, вошедших в состав штата. Однако в политические расчеты преемников самодержавной России – большевиков отнюдь не входило разрушение имперских основ “тюрьмы народов”. Поэтому нарождающаяся государственность татарского народа была беспощадно уничтожена и подменена карикатурной автономией сталинского образца, определившей для татар статус второсортной нации. Такое положение фактически сохраняется и сегодня, ибо провозглашенная в августе 1990 г. Декларация о государственном суверенитете ТССР в условиях сохранения советской колониальной империи остается оторванной от реальности фразой» [Программа 1998: 223]. Далее в Программе определялись основные цели партии, среди которых значилось «возрождение татарской нации» и «восстановление государственной независимости татарского народа», а это означало, что, несмотря на демагогические заявления о равенстве прав всех народов, которые некогда «создали» Идель-Уральский штат, татарская нация рассматривалась не как нация-полис, поскольку право на суверенитет и государственную независимость было лишь «правом» татарского народа, но не гражданского территориального сообщества, сформировавшегося на территории Татарской Советской Социалистической Республики. В программе прямо ставился знак равенства между этнической общностью и нацией, но при этом делалась ссылка на международное право, которое не признает этнические сообщества субъектами этого права, о чем сказано выше. За суверенитет Татарской республики выступал довольно широкий круг политических сил, которые выступали не только с позиций этнического национализма, но и стремились к демократическому преобразованию республиканского сообщества. Одной из таких сил стал Комитет «Суверенитет», созданный как демократическая общественная организация, которая в своей программе настаивала, что «Республика Татарстан может передать некоторую часть своих полномочий только Союзу или конфедерации суверенных государств, причем сохраняя за собой неотъемлемое право отзыва и изменение добровольно переданных полномочий». И далее среди целей организации указывалось: «достижение прочного государственного суверенитета Республики Татарстан во имя

счастливого будущего всех народов, проживающих на ее территории» [Программа Комитета 1998: 11].

Что касается идеи суверенитета, то здесь между политическими силами был достигнут определенный консенсус по поводу того, как понимать сущность категории «суверенитет» и какими методами следует его добиваться.

Между тем, идеи этнонационалистов и само существование татарского движения, его активную политическую роль в жизни республики в начале 1990-х гг. успешно использовало политическое руководство республики для того, чтобы ослабить свою политическую зависимость от федерального центра, сформировать специфический политический режим этнократического толка. Во всяком случае, и принятие декларации о суверенитете 30 августа 1990 г., и введение поста президента республики получили мощную поддержку этнополитических организаций, групп и партий. В Декларации о государственном суверенитете было заявлено: «Верховный Совет Татарской Автономной Советской Социалистической Республики...

- отмечая несоответствие статуса автономной республики интересам дальнейшего политического, экономического, социального и духовного развития ее многонационального народа;

- реализуя неотъемлемое право татарской нации, всего народа республики на самоопределение;

1. Провозглашает государственный суверенитет Татарии и преобразует ее в Татарскую Советскую Социалистическую Республику – Республику Татарстан.

2. Земля, ее недра, природные богатства и другие ресурсы на территории Татарской ССР являются исключительной собственностью ее народа.

3. Татарская ССР гарантирует всем проживающим на ее территории гражданам независимо от их национальности, социального происхождения, вероисповедания, политических убеждений, других различий равные права и свободы человека. В Татарской ССР гарантируется равноправное функционирование татарского и русского языков в качестве государственных, сохранение и развитие языков национальностей» [Декларация 1998: 21].

В Декларации было проведено принципиальное различие между татарской нацией и народом республики (многонациональным народом). Судя по тексту документа, в политическом пространстве Татарстана два названных сообщества существовали как бы параллельно, не образуя единого социума. А декларирование равных прав этнических групп не могло быть реализовано на практике, поскольку татарская нация в названном документе была выделена в некую

особую политическую единицу. Такая конструкция порождала многочисленные этнократические практики, которые все очевиднее стали давать о себе знать в последующие годы и главное – порождала внутренний этнополитический конфликт, а также создавала условия для конфликта и с федеральным центром. И действительно, конфликтный потенциал в татарском обществе стал нарастать. В этом смысле показательно противостояние этнополитических организаций и митинговой активности в республике. Так, 14 октября этнонациональные организации татар провели в Казани День поминовения павших за сохранение национальной независимости, суть которого состояла в организации митинга в поддержку суверенитета Татarii и героизации защитников Казани во время осады города войсками Ивана Грозного в 1552 г. Митинг на площади Свободы был организован ТОЦ, после митинга было проведено шествие к башне Сююмбике, в котором приняли участие 15 тыс. чел., в том числе и политические активисты из Азербайджана и Литвы. Участники митинга приняли резолюции: «О защите суверенитета», «Об использовании российской атрибутики», «О придании депутатам Верховного Совета РСФСР от Татарстана статуса наблюдателей». 21 октября состоялся большой концерт в Казанской консерватории в честь водружения на башне Сююмбике полумесяца. Этот символический акт означал, что начинается символическое присвоение культурного пространства столицы республики и ее культурного ландшафта в целом одной этноконфессиональной группой населения региона. А 4 ноября состоялся новый митинг на площади Свободы в поддержку идеи суверенитета (приняло участие около 1 тыс. чел.).

Три дня спустя, 7 ноября, в советский официальный праздник состоялась традиционная демонстрация трудящихся, в которой приняли участие многие неформальные движения и организации республики. Представители этих движений шли под лозунгами «Гражданам Татарстана – право на гражданство РСФСР», «Сепаратизм не пройдет».

Показательно, что неформальные движения и организации, в состав которых в основном входили представители нетатарского населения республики, стали активно формироваться именно осенью 1990 г. как некая политическая реакция на тот характер, который приняли процессы суверенизации в Татarii. В сентябре началось создание многонационального движения за равноправие и единство народов Татарстана «Согласие», в ноябре 1991 г. было создано общественное движение «Граждане Российской Федерации» и примерно тогда же политически оформилось Движение демократических реформ Татарстана (ДДРТ) и этнокультурное общество «Славянский клуб», а также некоторые другие организации. Среди целей

движения на первом месте было указано достижение мира и благополучия в республике, формирование гражданского общества и построение правового государства. Все указанные организации в своей политической деятельности ориентировались на идеи либеральной демократии и республиканские идеалы. Поэтому не случайно, что большевистские методы политической жизни ими отвергались. Так, в частности, в Заявлении подготовительного собрания движения «Согласие» было вполне справедливо указано: «Принятие “Декларации о государственном суверенитете” без плебисцита или референдума является нарушением принципов права и демократизма... Собрание поддерживает решение Верховного Совета ТССР о том, что в дальнейшем все жизненно важные вопросы должны выноситься на референдум» [Заявление 1998: 107–108].

Накал политических страстей и политического противостояния в республике усиливался на протяжении 1991 и 1992 гг. и в центре политического процесса находились такие важнейшие события, как выборы Президента РФ и Президента Татарстана, а также принятие Конституции республики. Превращение РФ и Татарстана в президентские республики шло параллельно, и оба эти процесса были тесно взаимосвязаны, ибо без успеха суверенизации в РФ не могло бы состояться и формирование суверенного Татарстана. Однако в условиях резкого ухудшения экономического положения страны в целом, и республики в частности, существенного падения жизненного уровня населения и политизации всей общественной жизни происходило усиление позиций радикальных этнических активистов, которые ратовали за полную независимость Татарстана и **представляли татарстанское общество как этнорасовое**, где права татар будут существенно большими, чем права всех остальных культурных групп регионального сообщества.

Рефлексией этих настроений, которые широко распространились в среде татарской этнополитической и интеллектуальной элиты, стало постановление Президиума Верховного Совета ТССР (5 марта 1991 г.) не проводить на территории республики референдум о введении поста Президента РФ, которое вызвало протесты среди населения Татарстана. Спустя месяц (2 апреля) было обнародовано открытое письмо Председателю Верховного Совета ТССР М. Шаймиеву и Председателю Совета Министров М. Сабирову от имени Координационного Совета Комитета «Суверенитет» с требованием прекратить на территории республики деятельность всех объединений и средств массовой информации, выступающих против суверенитета Татарстана, принять не позже мая новую Конституцию и другие требования, направленные против политического плюрализма, свободы слова и собраний и нацеленные на формирование этнократического режима

в республике. А 21 апреля в «нефтяной столице» республики Альметьевске партия «Иттифак», союз татарской молодежи «Азатлык» и ВТОЦ провели митинг с требованием прекратить выкачивание нефти «из недр республики в пользу других республик» и предпринята попытка перекрытия нефтепровода «Дружба».

В середине апреля на сессии Верховного Совета республики принято решение о введении поста президента республики, а в мае, когда сессия была продолжена, назначены сроки его выборов.

При этом национал-радикалы стали наращивать давление на республиканские власти. Сторонница радикального этнонационализма, депутат республиканского парламента Ф. Байрамова 13 мая во время решения вопроса о назначении выборов Президента ТССР демонстративно покинула сессию Верховного Совета и объявила о политической голодовке в знак протеста в связи с грубыми нарушениями «Декларации о государственном суверенитете ТССР» и решением о проведении на территории республики выборов Президента РФ, которое она назвала незаконным. Этот демарш поддержала в своем обращении партия «Иттифак», а также Координационный Совет Комитета «Суверенитет». 16 мая прошел митинг в Казани с требованием отказаться от выборов Президента РСФСР. 20 мая на площади Свободы прошел новый митинг организованный Комитетом «Суверенитет», под лозунгами «Свобода нужнее, чем Президент», «Суверенитет в опасности». Татарская литературная общественность поддержала требования радикалов. А 27 мая на площади Свободы в Казани прошел митинг, который собрал 50 тыс. чел., с требованием отмены решения сессии Верховного Совета от 13 мая. Здание Верховного Совета оказалось блокированным протестующими. В результате переговоров достигнут компромисс по вопросу о выборах и прекращена голодовка, которую начали на площади наиболее активные противники российской власти.

При этом важно заметить, что кандидатура М. Шаймиева не вызывала возражений ни у национал-радикалов, ни у умеренных сторонников идеи татарского суверенитета, а потому в поддержку его кандидатуры делались заявления даже со стороны самых радикальных активистов татарского этнонационального движения. Более того, поскольку значительная часть русского населения республики, особенно в городах, где русские составляли большинство, относились с опаской к лозунгам и идеям татарского движения, в первую очередь его радикального крыла, постольку «борьбу за суверенитет в начале 90-х вел парадоксальный союз гуманитарной интеллигенции, крестьян и номенклатуры» [Силаев 2007: 79].

12 июня в республике прошли выборы как Президента ТССР, так и Президента РСФСР. За М. Шаймиева отдали свои голоса 70,6%

избирателей (всего проголосовало 63,4% имеющих право голоса), а за Б. Ельцина – 44,97%. Кандидатуру Шаймиева поддержали не только татары, но и представители других этнических групп, поскольку его считали прагматиком, который способен наладить отношения с федеральным центром и добиться стабилизации ситуации внутри республики, хотя ряд местных пророссийских политиков и активистов неформальных организаций с недоверием относились к Шаймиеву и публично его критиковали.

Однако мощный подъем этнонационального движения, многотысячные митинги националистов в городах республики не только оказывали влияние на формирование регионального политического режима, но и порождали необузданные политические амбиции у самих этнонационалистов, которые попытались стать параллельной властью в республике. Именно под их влиянием была принята Конституция республики, появившаяся на год раньше, чем новая Конституция Российской Федерации, и принятая после проведения республиканского референдума.

21 февраля 1992 г. было принято Постановление Верховного Совета Республики Татарстан о проведении референдума в республике со следующей формулировкой: «Согласны ли Вы, что Республика Татарстан – суверенное государство, субъект международного права, строящее свои отношения с Российской Федерацией и другими республиками, государствами на основе равноправных договоров?». Фактически малопонятный для многих термин «суверенное государство» на деле означал стремление к полной государственной независимости, но сам термин «независимость» сознательно во время референдума не использовался. В начале марта было принято Обращение Верховного Совета РФ к народу, Верховному Совету и Президенту Республики Татарстан о некорректности вынесенного на референдум вопроса, положившего начало серьезному политическому противостоянию федеральных и республиканских властей. 13 марта Конституционный Суд РСФСР принял постановление, которое объявляло референдум не соответствующим Конституции России, что спровоцировало новую волну политического противостояния в республике. Тем не менее политическое руководство Татарстана было твердо намерено провести референдум, и 21 марта он состоялся. И 82% проголосовавших ответили положительно на вопрос о суверенитете.

Итоги референдума позволили принять Конституцию РТ. В Конституции республики, принятой в ноябре 1992 г., в статье 1 говорилось: «Республика Татарстан – суверенное демократическое государство, выражающее волю и интересы всего многонационального народа республики. Суверенитет и полномочия государства исходят

от народа», а статья 19 провозглашает, что «Республика Татарстан имеет свое гражданство. Основания, порядок приобретения и прекращения гражданства Республики Татарстан определяются Законом о гражданстве Республики Татарстан. Граждане Республики Татарстан обладают гражданством Российской Федерации – России». Положение о гражданстве республики позволяло предполагать, что Татарстан является государством, ассоциированным с Российской Федерацией, но не являющимся его органической частью. Такой характер политических связей, который устраивал этнонационалистов, но не встречал поддержки нетатарского населения республики, был подтвержден в последующих разделах Основного закона республики, в частности, главой 5, которая называлась «Республика Татарстан – суверенное государство». А в статьях 59–61 этой главы утверждалось:

Статья 59. Республика Татарстан самостоятельно определяет свой государственно-правовой статус, решает вопросы политического, экономического, социально-культурного строительства. Законы Республики Татарстан обладают верховенством на всей ее территории, если они не противоречат международным обязательствам Республики Татарстан.

Статья 60. Территория Республики Татарстан неприкосновенна. Границы между Республикой Татарстан и другими государствами устанавливаются и изменяются по соглашению сторон.

Статья 61. Республика Татарстан – суверенное государство, субъект международного права, ассоциированное с Российской Федерацией – Россией на основе Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения⁴⁶.

Указанные положения Конституции республики укрепляли позиции татарского этнонационального движения в целом, но, с другой стороны, конституционирование особого статуса Татарстана, принятие закона о государственных языках, создание национальных научных и культурных институтов (таких как Академия наук Татарстана), практика этнически ориентированной кадровой политики объективно ослабляли позиции национал-радикалов и способствовали деконцептуализации их идеологии.

А в идеологии татарских организаций центральное место занимало положение об особом статусе Татарстана и его особом пути, хотя

⁴⁶ Конституция Республики Татарстан. 1992 [Электронный ресурс]. URL: http://www.u.wikisource.org/wiki/Конституция_Республики_Татарстан/1992 (дата обращения 15.03.21).

трактовки «особости» были различны. Наиболее емко суть идейных исканий татарских националистов охарактеризовал Д. Исаков: «Можно утверждать, что геополитические приоритеты Татарстана никак не могут выстраиваться в узких рамках русско-православной Евразии. Татарстан нуждается в выходе на мировое сообщество через западную (демократическую) цивилизацию, но при сохранении особого акцента на общетюркских и мусульманских началах своей культуры и идентичности» [Исаков 1998: 90]. Опираясь на мощное региональное/националистическое движение и идеи особого пути Татарстана, власти республики отказались в 1992 г. подписывать федеративный договор, а проведение референдума по Конституции в декабре 1993 г. фактически сорвали.

Татарское националистическое движение добилось наивысшего политического успеха именно в первой половине 1990-х гг., но затем его влияние стало достаточно быстро ослабевать. «О резком сужении влияния радикального национализма свидетельствует, например, факт основательного сокращения в составе Госсовета Республики Татарстан числа депутатов данного направления. В самом деле, в 1990–1995 гг. в составе парламента существовало восемь депутатских групп, наиболее значительными из которых были “Татарстан” и “Согласие”. Численность фракции «Татарстан» насчитывала около 70 депутатов из общего числа 250, и эта фракция состояла исключительно из татар, выступала за выход республики из состава Российской Федерации. Ее лидер Талгат Абдуллин одновременно являлся и лидером «Милли Меджлиса». Во фракцию “Татарстан” входила и группа национал-радикалов – 14 депутатов, возглавляемая лидером “Иттифака” Ф. Байрамовой. Выборы второго созыва Госсовета в 1995 г. показали полное фиаско в республике национал-экстремистского течения. В парламент прошел единственный его представитель из Набережных Челнов Ф. Шаймарданов. А уже на выборах третьего созыва, состоявшихся в 1999 г., ни один представитель национал-радикалов не прошел в парламент» [Мирсияпов 2004: 135].

Однако наличие широкого фронта националистических сил, с одной стороны, создавало в республике ситуацию, при которой политическое руководство РТ находилось под их мощным политическим прессингом, что заставляло принимать определенные решения, не согласующиеся с нормами гражданского общества, но вполне приемлемые для этнократического режима. С другой стороны, руководству РТ во главе с М. Шаймиевым было выгодно наличие столь мощных националистических сил, ибо это позволяло оказывать политическое давление на федеральный центр и заставлять его идти на политические уступки лидерам Татарстана. При этом стоит заметить, что Минтимер Шаймиев был опытным политиком и умело лавировал

между федеральным центром, местными националистами, коммунистами и либералами.

Опираясь на символическую поддержку этнонационалистов и ряда других политических сил, лидеры Татарстана оказывали давление на федеральный центр с целью получения политических и экономических преференций для республики. В феврале 1994 г. был заключен двусторонний договор «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и Республики Татарстан», который предоставлял республике широкие полномочия и логически дополнял положения республиканской Конституции.

Вместе с тем новому управленческому аппарату Татарстана, чтобы удержаться у власти в тяжелый период перехода к рыночной экономике и политическому плюрализму, необходимо было соблюсти баланс интересов всех слоев населения, а главным образом, этнический баланс татарского населения и русского, наряду с религиозным балансом. Политическим лидерам Татарстана для укрепления своих позиций и успешного торга с федеральным центром по поводу распределения полномочий необходима была поддержка всего населения республики, всех ее социальных слоев и культурных групп. Поэтому суверенитет был объявлен от имени «многонационального народа республики», но при этом республиканский социум был разделен на две символические группы, ибо провозглашалось «неотъемлемое право татарской нации, всего народа республики на самоопределение» [Белая книга 1996: 5]. Главный идеолог новой республиканской власти Р. Хакимов выдвинул и обосновал идею формирования новой республиканской идентичности, основанной не на этнической, а на региональной солидарности/идентичности: «В Татарстане складывается полиэтническое, поликультурное сообщество, опирающееся на принцип территориального (а не этнического) суверенитета» [Хакимов 1993: 31], а потому все этнические группы, составляющие народ Татарстана, образуют единую политическую общность, которую можно назвать татарстанской нацией – татарстанцами.

Фактически политическая элита республики одной из первых задумалась о гражданской консолидации, стратегии нациестроительства и первой стала добиваться внедрения в массовое сознание нового политонима – *татарстанцы*. *В большинстве других субъектов, включая республики и автономные округа (области), у региональных властей до сих пор так и не сформировались четкие взгляды на стратегию формирования региональных сообществ и не появилось каких-либо идеологических обоснований этой стратегии.* Впрочем, и в Татарстане практика нациестроительства не была достаточно последовательной, и так называемой интегративной революции не

произошло, но укрепление внутривластной стабильности, действительно, имело место, хотя здесь сыграли свою роль не только внутривластная стратегия, а бюджетная обеспеченность региона, позволяющая строить эффективную стратегию социально-экономического развития республики.

6.2. Борьба за суверенитет

Все дальнейшее политическое развитие Татарстана характеризовалось попытками отстоять свой «суверенитет», а отношения с федеральным центром – поэтапным отступлением от идеи абсолютного суверенитета. Но одновременно республиканские власти взяли курс на укрепление политической базы регионального режима. С этой целью в 1999 г. было сформировано движение «Татарстан – новый век», которое превратилось в местную партию власти. Еще ранее была обеспечена экономическая и организационно-политическая база режима, заключающаяся в сокращении экономической мощи неподконтрольных республиканской власти промышленных корпораций и подчинении большинства экономических игроков, устранив возможность появления оппозиции со стороны бизнес-элит. Вторым важным путем укрепления режима было выстраивание республиканской вертикали власти. В Татарстане фактически не существовало местного самоуправления, а все главы районов и городов, включая мэра Казани, назначались президентом, полномочия выборных структур местного самоуправления были крайне ограниченными. Все это в итоге позволило сформировать монолитную структуру, которую в 1990-е гг. порой именовали «корпорация Татарстан» [Силаев 2007: 81].

Решающее противостояние между федеральным центром и Татарстаном было связано с положениями Конституции Республики Татарстан. 27 июня 2000 г. Конституционный суд РФ определил, что отдельные положения ряда республиканских конституций, включая Конституцию Татарстана, не соответствуют Основному закону страны, после чего начался процесс пересмотра положений конституций национальных республик, входивших в состав Российской Федерации.

4 сентября 2001 г. в Верховном суде Республики Татарстан завершилось рассмотрение гражданского дела по заявлению заместителя генерального прокурора РФ А. Звягинцева о признании противоречащими федеральному законодательству отдельных поло-

жений Конституции Республики Татарстан. Призывы Председателя Госсовета РТ и ссылки на Конституцию республики и договор о разграничении полномочий суд не принял во внимание и признал недействующими и не подлежащими к применению статью 41 Основного закона республики. Парламент республики подал кассационную жалобу, но она не была удовлетворена. Это вызвало острую дискуссию в политических кругах республики. Понимая, что давление федерального центра будет только нарастать, политическое руководство Татарстана сделало ставку на сохранение Договора о разграничении полномочий между РТ и РФ. Наблюдатели в связи с этим замечали: «Главное – необходимо максимально сохранить те полномочия, которые республика получила по Договору. Это будет во благо и Татарстану, и в целом Российской Федерации. Но это непростая задача в современных условиях. Как полагают многие аналитики, последний момент – действительно ключевой как в целом для Татарстана, так и для всей команды М. Шаймиева. Многие казанские политики считали даже, что можно изменить многие положения Конституции РТ. Договор все компенсирует. В документе, подписанном в 1994 г., заложена, прежде всего, заявка на особый статус республики. В частности, газета «Восточный экспресс» приводит слова Р. Хакимова о том, что если откажемся от Договора – можно всей команде президента уходить в отставку... Эта же газета подкрепляла его мнение высказываниями других значимых политических лидеров, в частности цитировала высказывание спикера парламента РТ Ф. Мухаметшина: «Если откажемся от Договора – то Татарстан с Россией не будут связывать никакие юридически-правовые документы». Со времен Ивана Грозного и взятия Казани отношения сторон никак не были зафиксированы...

Татарские политики замечали, что последний русско-татарский договор о «вечном мире» был заключен в 1512 г. и никаких других правовых документов, оформлявших российско-татарские отношения, с тех пор не было. Указанное мнение привел в своей книге «Федерализм и державность. Российский вариант» татарстанский политолог М. Столяров. Там же подчеркивалось, что в графу «срок» этого договора вписана знаменательная фраза: «Доколе Бог даст» [Абдрахманов 2001а: 57–58].

Конституция РФ как основной документ, в котором определялись принципы федеративного устройства государства, а также перечислялись субъекты Федерации, татарских политиков не устраивала, что было весьма показательно. Они были сторонниками рыхлой договорной федерации, но не федерации конституционной.

К протестам против изменений в Конституции подключились не только региональные политики, но и татарские националисты.

В октябре 2001 г., как и в предшествующие годы, Всетатарский общественный центр, объединение «Народный фронт» и движение «Идель-Урал» организовали митинг и шествие в честь очередной годовщины взятия войсками Ивана Грозного Казани (День памяти воинов), которые прошли под лозунгами: «Руки прочь от суверенитета, Конституции и законов Татарстана», «Узаконения оккупации не допустим» (на русском и татарском языках), «Россия, лечись от шовинистического бешенства», «Если ты за суверенитет Татарстана – вставай в ряды Народного фронта», «Шаймиев, будь верен клятве президента, народу Татарстана», «Суверенитет татарского народа может отнять один Аллах, а не Путин» [Абдрахманов 2001б: 60]. В связи с этим митингом прокуратура республики попыталась завести дело против активистов татарских организаций, но все кончилось лишь предостережением с ее стороны, высказанным в адрес названных организаций.

Тем не менее несмотря на сопротивление политической элиты и татарского движения, 28 февраля 2002 г. в первом чтении на рассмотрение республиканского парламента был внесен проект закона «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Татарстан», а весной того же года этот закон рассмотрели в третьем чтении и приняли, несмотря на имевшие место протесты и сопротивление части татарской политической элиты. Однако «проблемы и перспективы сохранения республикой суверенитета стали главной темой обсуждения в ходе открытого заседания Конституционного суда РТ 11 ноября 2002 г. в г. Казани по запросу группы депутатов Госсовета Татарстана о толковании положений ст. 1 Конституции РТ и уровня суверенитета Республики Татарстан. Согласно новой редакции документа, принятой парламентом республики 19 апреля 2002 г., часть 1 статьи 1 Конституции провозглашает, что «Республика Татарстан – демократическое правовое государство, объединенное с Российской Федерацией Конституцией РФ, Конституцией РТ и Договором РФ и РТ «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти РТ» и являющееся субъектом Российской Федерации. Суверенитет РТ выражается в обладании всей полноты государственной власти (законодательной, исполнительной и судебной) вне пределов ведения РФ и полномочий РФ по предметам совместного ведения РФ и РТ и является неотъемлемым качественным состоянием Республики Татарстан. Таким образом, по мнению депутатов Госсовета РТ М. Галеева и И. Тагирова, в Конституции Татарстана произошли качественные изменения параметров суверенитета: если в прежней редакции республика признавалась суверенным государством,

ассоциированным с Российской Федерацией на основе Договора о взаимном делегировании полномочий, то в новой редакции Конституции появилось принципиальное дополнение о том, что Татарстан является субъектом РФ» [Абдрахманов 2002: 75].

С принятием новой редакции Конституции Татарстана борьба за татарский суверенитет и особый статус не закончилась. На защиту суверенитета были мобилизованы разные силы, включая всемирный конгресс татар, лидеры которого заявляли, что в России очевидно просматривается тенденция к унитаризации страны и Татарстан стал жертвой этой тенденции. Особенно громко подобные заявления звучали осенью 2002 г., когда в Казани собрался III Всемирный конгресс татар. Однако известный российский специалист в области этнополитики, директор Института этнологии и антропологии РАН В. Тишков следующим образом охарактеризовал этот конгресс: «Собрание в Казани, названное всемирным конгрессом татар, – не более чем собрание части местных граждан татарской национальности, которые действуют как этническая партия. Но на его повестку дня были поставлены и проблемы федерально-республиканских отношений: поскольку республиканским верхам недостаточно обычных гражданско-правовых и политических методов для того, чтобы решить важные вопросы для политического статуса и контроля за ресурсами, на помощь призывают аргументы «мирового конгресса». Оказывается своего рода давление на федеральные власти по принципу лояльность взамен на уступки.

«Всемирные этнические съезды, а также «казачьи круги» и прочее есть порождение ослабевшей государственной власти и кризиса гражданской идентичности. Это своего рода квазигосударственность, когда не хватает собственно государственности в строго гражданском понимании» [Тишков 2002].

В начале 2000-х гг. после разгрома чеченских сепаратистов Российское государство и центральная власть очевидно стали усиливаться и был взят четкий курс на сокращение полномочий региональных политических режимов как в правовом, так и в политическом смысле с тем, чтобы не только избежать рецидивов сепаратизма, но и расширить возможности федеральных институтов в деле оперативного управления страной, которое нередко приходилось осуществлять, как часто подчеркивалось в медийном пространстве, в «ручном режиме».

Однако укрепление федеральной власти происходило постепенно и ее политические ресурсы все еще были ограниченными, что заставляло ее идти на определенные компромиссы с региональными лидерами и элитами. Примером такого компромисса стало обсуждение в 2006 г. проекта очередного договора о разграничении

полномочий между властями РФ и властями Татарстана. Однако политическая ситуация в стране уже существенно изменилась, и принципиально изменился характер отношений между федеральным центром и регионами. Обсуждение проекта названного договора это ярко продемонстрировало. Сначала Государственная Дума отменила назначенное на декабрь 2006 г. обсуждение договора, затем практически все оппозиционные партии проголосовали против его одобрения. «Оппоненты атаковали документ с двух позиций. С одной стороны, они говорили о том, что политически договор неуместен и вреден, поскольку он может спровоцировать новый «парад суверенитетов», чуть ли не угрожает территориальной целостности России. С другой стороны, с юридической точки зрения, по их мнению, договор просто не нужен, так как его основные положения уже реализованы в других законодательных и нормативных актах» [Беляков 2007: 40]. Голосами депутатов от «Единой России» договор все-таки был одобрен, но в Совете Федерации он первоначально не получил поддержки, однако позднее все же был одобрен и вступил в силу.

Несмотря на это, ослабление политических позиций руководства Татарстана и девальвация идеи особого статуса республики продолжались. 8 марта 2008 г. ушел в отставку «серый кардинал» татарстанской политики и многолетний главный идеолог республиканской власти советник Президента М. Шаймиева Р. Хакимов. И в республике, и за ее пределами многие полагали, что именно он основной разработчик Конституции Татарстана образца 1992 г., договора о разграничении полномочий и предметов ведения между властями РФ и властями РТ, он разработчик проекта «1000-летие Казани». В 1999 г. он был инициатором создания новой партии власти «Татарстан – новый век». Он же являлся автором книги «Кто ты, татарин», призывавшей татар к пробуждению национального самосознания, хотя нередко высказываемые в тексте идеи граничили с этноцентризмом. На книгу обиделись культурные элиты целого ряда народов, ибо Хакимов отрицал, что башкиры, крымские татары, казахи, узбеки и туркмены имеют отдельную от татар этническую идентичность [Беляков 2008: 84]. Стоит заметить, что карьерный взлет Р. Хакимова как политика начался в 1988 г., когда он, будучи зав. кафедрой научного коммунизма Казанского института культуры, вошел в состав руководящего ядра Татарского общественного центра (ТОЦ). В те годы подобный характер социальной мобильности не был уникальным случаем, ибо на волне этнонациональных движений в политику приходили новые лидеры, чья карьера начиналась в КПСС, но реальных карьерных успехов они смогли достичь, отвергнув идеи интернационализма и став сторонниками этнонационализма в разных его вариантах.

Два года спустя произошла и смена политического лидера республики: Минтимер Шаймиев, который занимал высший пост республики еще с советских времен, в начале 2010 г. ушел в отставку. Как заметили в прессе: «По данным “Газеты.Ru”, решение стало неожиданным для татарского лидера, хотя формально Шаймиев сам попросил не рассматривать его кандидатуру на новый срок»⁴⁷.

Кремль сделал ставку на нового руководителя – Р.Н. Минниханова, хотя было очевидно, что его политический «вес» нельзя сравнить с влиянием такого харизматичного лидера, как М. Шаймиев.

Тем не менее следует согласиться с тем, что «эпоха борьбы за суверенитет не оставила никаких следов, кроме “нескольких городских сумасшедших”. Удачливые представители национального движения вошли в республиканский истеблишмент, выбрав карьеру ученых-гуманитариев или госчиновников. Национальное движение изменило формы... Национализм из силы революционной, как в начале 90-х годов, превратился в силу охранительную. Он избавился от агрессивности и напора, зато укрепил свои институты, глубоко пророс в ткань политического режима республики» [Силаев 2007: 82]. Да и политические позиции татарской элиты были гарантированы конституцией, несмотря на изменение ряда ее статей. Так, ст. 4 гласит, что в случае противоречия «между федеральным законом и нормативным правовым актом Республики Татарстан, изданным по предметам ведения Республики Татарстан, действует нормативный правовой акт Республики Татарстан», а статья 91 фактически вводит языковой ценз для претендентов на пост Президента РТ, поскольку требует, чтобы он владел государственными языками республики [Конституция 2017: 4, 21].

К этому следует добавить и тот факт, что среди активных сторонников татарского национализма продолжают углубляться противоречия и усиливается раскол, о чем свидетельствует тот факт, что Всемирный конгресс татар исключил из своих рядов крупнейшую татарскую организацию за пределами Татарстана – Штаб татар, объединяющий татар Москвы [Ахметов 2019].

В республике к началу второго десятилетия XXI в. сложилась принципиально новая политическая ситуация, которая позволяла окончательно покончить с особым статусом Татарстана и уравнивать его в правах с другими субъектами Федерации. После истечения срока действия договора о разграничении полномочий между РФ и РТ в 2017 г. руководство страны приняло решение не заключать

⁴⁷ Левченко А., Цветкова М., Бочарова С. У Шаймиева истек срок службы [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2010/01/22_a_3315052.shtml (дата обращения 15.03.21).

новый договор с республикой. В 2017–2018 гг. в республике отменили норму обязательного изучения татарского языка в школах республики. Названные меры способствовали тому, что этнизация публичного пространства и политики стала постепенно уступать место гражданским идеям, а особый статус Татарстана фактически упразднился. Данный факт нельзя расценивать как покушение на «суверенные права субъекта Федерации», а стоит, скорее, воспринимать как проявление политической воли федерального центра в деле утверждения принципа равенства субъектов Федерации и единого правового пространства страны.

Но при этом важно иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, Татарстан смог не только защитить свои экономические интересы, но и добился выгодного налогового режима, что позволило республиканскому хозяйственному комплексу динамично развиваться, а республике создать привлекательные условия для инвесторов и стать одним из экономических лидеров в стране. В 1960-е гг. республика была выбрана местом проведения первых масштабных социологических исследований, которые только начали возрождаться в СССР. Причиной для этого послужил тот факт, что по ряду основных социально-экономических параметров республика представляла собой некий усредненный типический вариант регионального развития. Подобная оценка нашла отчасти отражение и в итогах исследования [Социальное и национальное 1972], но ныне и по уровню жизни населения, и по качеству регионального хозяйственного комплекса Татарстан лидирует, что в свою очередь способствует стабилизации социальной и политической жизни в республике.

Во-вторых, в процессе борьбы за суверенитет Татарстан все же обрел некий особый символический статус: он превратился в самого значимого и авторитетного выразителя интересов российских регионов, с одной стороны, а с другой – стал восприниматься как «культурный перекресток Евразии». Этот «перекресток» имеет свою точку отсчета исторического времени, которая, по мнению прежнего идеолога властей республики, а ныне директора Института истории Академии наук Татарстана Р. Хакимова, связана с кочевыми империями: «Появление гуннов на территории Татарстана меняет объект исследования, поскольку гунны уже представляют собой союз племен с ярко выраженной государственностью и размытыми границами проживания. Кочевая империя оперирует пространством иначе, нежели оседлые государства. Это не значит, что у кочевников отсутствует понятие границ, они не только имеют четкую конфигурацию, но и крайне важны для всего хозяйства, поскольку связаны с пастбищами, от которых зависит мощь конницы и количество скота. Территория современного Татарстана оказывается втянутой в мир

кочевой культуры гуннов, а затем тюрков, но не в качестве самостоятельного сообщества, а как элемент огромного пространства. Распад Тюркского каганата и образование Волжско-Камской Булгарии можно считать точкой бифуркации. Этнические элементы, вошедшие в новое государство, остались в основном прежними. Они перегруппировались и выстроили новую административную структуру. Нетрудно проследить преемственность нового государства с Тюркским каганатом, но это другая история с собственной системой пространственно-временных координат. Особенность Волжско-Камской Булгарии приносят реки (Кама, Волга, Вятка) как важнейшие торговые пути. Здесь кочевая культура соединяется с оседлой, что становится предпосылкой для определения характера будущей Золотой Орды, соединявшей Степь с реками как транспортными (сухопутными и водными) путями, на чем и строилась будущая Монгольская империя. Нулевой точкой отсчета можно считать 922 год, когда ислам стал официальной религией Волжско-Камской Булгарии, она перестала платить дань Хазарскому каганату, а главное – молодое государство получило международное признание, что было зафиксировано самим фактом приезда посольства Ибн Фадлана. Фазовое хронопространство Волжско-Камской Булгарии заканчивается в 1236 г., когда оно оказывается включенным в Улус Джучи» [Хакимов 2013: 13–14]. Переосмысление золотоордынского наследия, как и переосмысление всей истории татар, стало важным направлением региональной политики исторической памяти, о чем, к примеру, свидетельствует практика проведения в Казани международных форумов «Золотоордынское наследие», начало которой было положено в 2009 г. Шестой такой форум прошел в июне 2019 г. и носил показательное название «Рах Tatarica: генезис и наследие государственности Золотой Орды».

Понятно, что каждый народ имеет право на собственную историю и собственное прочтение исторического наследия, но надо иметь в виду, что сегодня история становится важным полем культурной конкуренции, ибо как современные государства, так и регионы имеют в своем составе этнические и религиозные группы, а также регионально-отличительные сообщества, которые конструируют свои собственные версии исторической памяти. Не только аборигенные группы, но и иммигрантские сообщества хотят «видеть себя в истории».

Кроме того, производство все новых версий местной истории порождает фрагментацию общей истории страны, с чем, к примеру, уже столкнулись в Канаде, где региональные и этнические версии исторической памяти «убили общую историю» страны [Granatstein 2008]. Историческая память есть эффективный инструмент социаль-

ной инженерии и поэтому крайне важно понять, как она используется в образовательных практиках и в культурном строительстве, какие цели преследует региональная политика памяти – цели интеграции региональных сообществ или цели их дезинтеграции, цели укрепления гражданской солидарности или актуализации культурных границ внутри регионального сообщества.

Впрочем, историческая память как культурный феномен многослойна, и она сохраняется как с помощью официального исторического нарратива, т. е. образовательных практик, так и с помощью устной трансляции семейных воспоминаний о значимых исторических событиях и, конечно, через профессиональное осмысление и анализ исторических процессов, которое, однако, есть некая элитарная форма этой памяти, не предназначенная для массового потребления. И образование, и семейная память есть инструменты интеграции в современном Татарстане, ибо в первом случае прошлое предстает как общее наследие многонационального народа России поликультурного татарского общества, во втором – актуализируется память о предках, как формировавших единую страну, так и отстаивавших независимость общего Отечества. Далекие страницы истории в массовом сознании обычно усваиваются на уровне культурных стереотипов – «мы всегда жили дружно на этой земле», а недавние страницы превращаются в публичный акт гражданской солидарности – празднование 9 мая и шествие «Бессмертного полка», хотя есть и более глубокие свидетельства общей истории (например, общее участие татар, русских и представителей других народов в покорении Сибири).

Региональная политика гражданской интеграции, проводимая в Татарстане, актуализация идеи российской гражданской нации приводят к тому, что существенно меняются как общественно-политические, так и культурные ориентации населения республики, в том числе и самих казанских татар. Так, по данным исследований Центра изучения дискриминаций, экстремизма и ксенофобий, проведенных совместно с Центром исследования межнациональных отношений Института социологии РАН в 2018 г., 19,6% респондентов назвали себя в большей степени татарстанцем или только татарстанцем, 52,7% в равной степени татарстанцем и россиянином и 25,8% в большей степени россиянином или только россиянином. В предыдущие годы названные показатели не существенно отличались от того, что было зафиксировано в 2018 г. Такой характер гражданской идентификации позволяет местной политической элите утверждать, что в «Татарстане сформировалась модель полиэтнического, поликонфессионального общества» [Вяткина 2019: 10–15].

При этом важно иметь в виду, что и татары, и русские воспринимают себя не только как органические части единого госу-

дарственного сообщества, сложившегося исторически (пусть и в результате сложных и противоречивых исторических событий), но и как часть европейского культурного пространства. Поэтому, например, в Казахстане местные татары в подавляющем большинстве посещают не близкие, казалось бы, им по языку казахские школы, а «русские», поскольку не хотят отождествлять себя со среднеазиатскими сообществами. Подобные ориентации имеют место и в Татарстане, где многие родители-татары не видят необходимости учить своих детей в татарских школах, поскольку полагают, что для будущей карьеры их детям важнее знать русский и английский языки. А потому все попытки татарской интеллектуальной элиты сделать обучение татарскому языку обязательным для татар (и для всего населения республики) наталкиваются на сопротивление потребителей языка.

Смещение общественных настроений в сторону гражданских идентичностей и русского языка объясняется как сложными политическими и этнокультурными процессами, происходящими в самом Татарстане, так и влиянием татарских диаспор. Очень многие татары уезжают на заработки в нефтедобывающие регионы Западной Сибири, а продвинутая молодежь – в Москву и Санкт-Петербург, где они становятся частью местных космополитичных сообществ и соответственно меняют культурные ориентации. Влияния миграций на образ жизни и культурные позиции индивида, конечно, есть отдельная и сложная исследовательская проблема, а потому, не останавливаясь на ней, подробно сошлемся лишь на труд “Migration Theory”, где подтверждается наше утверждение о существенном влиянии, которое оказывают миграции на изменение культурных позиций, этнической идентичности мигрантов [Brettell, Hollifield 2000]. Внутри-татарстанской интеграции способствует и тот факт, что республика является динамично развивающимся регионом с хорошими перспективами социальной мобильности (особенно для татарской элиты), а равно и достаточно высоким уровнем социального благополучия всего населения РТ.

Впрочем, нельзя не видеть и того, что на пути внутритатарстанской интеграции существуют серьезные проблемы, которые связаны не столько с деятельностью радикалов, поджигавших православные храмы и покушавшихся на местных муфтиев, сколько с сохраняющимися в татарстанском обществе культурными стереотипами и взаимными подозрениями, осложняющими отношения между этническими сообществами республики. В качестве примера воздействия подобных стереотипов на общественные настроения можно привести ситуацию с мифом о «шариатских патрулях», якобы созданных в с. Базарные Матаки, который долгое время культи-

вировался в виртуальном интернет-пространстве и преподносился авторами различных публикаций и сообщений как свидетельство «прогрессирующей ваххабизации» республики [Сагитова 2015: 49–55]. При этом нельзя сказать, что угроза исламского радикализма есть единственный политический или культурный риск, вызывающий опасения у различных групп татарстанского общества. А это означает, что предстоит еще достаточно серьезная и трудная работа по укреплению культурных и политических основ республиканского сообщества и гармонизации межгрупповых отношений в Татарстане.

Глава 7

Современное «областничество»: республиканские идеалы и этничность

В СССР и постсоветской России этничность являлась не только формой культурной солидарности, но и инструментом формирования политического и административно-территориального ландшафта страны. Понимание этничности как значимого инструмента политического строительства и политической конкуренции явилось основанием для построения в СССР этнической федерации, которая лишь в несколько видоизмененном виде сохранилась и в РФ. При этом элиты российских регионов стремились к тому, чтобы права субъектов Федерации были равны, а население не принимало и не приемлет сегодня непропорциональное распределение национального богатства между регионами, а особенно существенную разницу в бюджетной обеспеченности рядовых областей, краев и национальных республик и автономий. Именно этот дисбаланс стал основой для формирования территориальных гражданских движений.

7.1. Пример Уральской республики

Одним из наиболее развитых в промышленном отношении регионов РФ с советских времен была Свердловская область, а Екатеринбург (Свердловск) не случайно называли и называют «столицей Урала». В области много крупных предприятий машиностроения и металлургии, а сельское население почти отсутствует (5%), в связи с тем, что города и рабочие поселки при предприятиях поглотили все наличное сельское население. Не только экономическое, но и политическое влияние екатеринбургской политической элиты было достаточно заметным в стране и не случайно первый Президент РФ Борис Ельцин до своего перевода в Москву возглавлял Обком КПСС Свердловской области.

Однако помимо экономических и политических причин, неизбежно порождающих регионалистские идеи, крайне важное значение

имеют и культурные особенности регионов, их культурная отличительность. Для возникновения и усиления местного регионализма важно не только опираться на экономический эгоизм и здоровые экономические интересы местного населения, но не менее актуально сформировать идеологию, которая бы доказывала, что жители данного конкретного региона «другие», что они культурно отличаются от остального населения страны, имеют собственную историю и собственные традиции, а также очевидно выраженную региональную идентичность. И тогда названные нами экономические диспропорции будут восприниматься не как проблемные сферы в отношениях между Центром и Периферией, а как проявления **дискриминации** в отношении местного населения со стороны федеральных властей.

В возникновении и укреплении уральского политического регионализма важная роль принадлежит Эдуарду Росселю, который около 20 лет руководил Свердловской областью, был ее первым всенародно избранным губернатором. Именно он был вдохновителем создания Уральской республики.

Неким **общим политическим стимулом** для роста регионалистских настроений было принятие 12 июня 1990 г. Первым съездом Народных депутатов РСФСР Декларации о государственном суверенитете РСФСР. Декларация провозглашала приоритет Конституции и законодательства РСФСР над Конституцией и законодательством СССР, что, с одной стороны, способствовало политической эрозии общесоюзных политических институтов, а с другой – стимулировало рост регионалистских и националистических настроений в союзных и автономных республиках.

Декларация принципиально меняла характер отношений между центром и регионами, стимулируя развитие и углубление федеративных отношений в России. И хотя в Конституцию РСФСР (принята в 1978 г.) в 1989–1992 гг. были внесены существенные поправки, призванные усилить демократический характер государства, норма о федеративном устройстве РСФСР оставалась неизменной: в РСФСР сохранялся двухуровневый принцип построения Федерации. Федерацию составляли национально-государственные образования (национальные республики, национальные округа и области) как полноценные субъекты Федерации и территориально-административные образования (области и края), которые в тексте Конституции упоминались во вторую очередь, и фактически их финансирование осуществлялось по остаточному принципу.

Такое положение дел в условиях углубляющегося экономического кризиса, нарастающего дефицита продуктов и товаров, разрушающихся экономических связей и возрастающих финансовых проблем не могло не приводить к росту регионального эгоизма и по-

пыткам обеспечить благополучие республик за счет краев и областей. Такие подозрения имелись как у населения, так и у региональных властей, а происходящие в стране политические процессы только усиливали эти настроения.

В частности, росту территориального гражданского регионализма и регионалистских устремлений региональных элит способствовала ситуация, складывавшаяся в Татарской и Чечено-Ингушской АССР, провозгласивших о своем государственном суверенитете в той его форме, которая вычленяла эти территории из российского правового поля. Чтобы как-то остановить волну суверенизации и сепаратизма, 31 марта 1992 г. был принят Федеративный договор, ставший позднее частью Конституции РСФСР.

Этот договор давал возможность национальным республикам в составе РСФСР принимать собственные законы, избирать руководителей исполнительной власти, вести самостоятельную внешнеэкономическую деятельность. Главным же было то, что республики имели более выгодный режим межбюджетных отношений в отношении с Центром, которого были лишены области и края РСФСР, независимо от численности населения и экономического потенциала. Последнее было крайне важно, ибо в условиях развала СССР, «шоковой терапии» рыночных реформ, приватизации, многомесячных задолженностей по зарплате бюджетникам, ослабления рубля и господства бартерных отношений между хозяйствующими субъектами вся тяжесть финансового обеспечения Федерации ложилась на плечи регионов-доноров, в том числе и Свердловской области. Именно она попыталась уравнивать доступными и, главное, законными способами субъекты Федерации, что в итоге и привело к появлению Уральской республики.

Как замечает Э. Паин, имелись вполне «объективные» причины для роста напряженности между центром и регионами. В начале 1990-х гг. Россия, хотя и именовала себя Федерацией, в действительности оставалась унитарным государством. Огромной страной по-прежнему управляли из одного центра. Средства, заработанные наиболее развитыми областями Центрального региона – Уралом и Поволжьем, а также сверхдоходы нефтедобывающих территорий Западной Сибири уходили в федеральную казну, и назад в регионы возвращалась только малая часть, размер которой не был связан с результатами их производственной деятельности. Реально крупнейшими получателями государственных субсидий были парадные «витрины» социализма – столичные города Москва и Ленинград (Санкт-Петербург). Неэффективность такого управления проявилась еще в советские времена, а после распада Союза она превратилась в анахронизм. Через федеральный бюджет между регионами

крайне неэффективно перераспределялось около 10% ВВП... Старые экономические связи между территориями разрушились, централизованная система управления ослабела, вся сфера хозяйственной деятельности фактически сосредоточилась в руках местных властей, хотя юридически они по-прежнему были лишены соответствующих полномочий. Нарастало недовольство регионов. Не только республики, но и русские края и области, прежде всего богатые сырьевые земли, добивались большей самостоятельности, особенно во внешне-экономической деятельности»⁴⁸.

Существовало два потенциальных способа обеспечить равенство прав субъектов Федерации. Первый из них состоял в переходе от этнической федерации к федерации земель, в состав которых вошли бы по несколько субъектов, включая национально-государственные образования. И данный способ активно обсуждался экспертами и политиками. Наиболее активным сторонником названной идеи был лидер ЛДПР В. Жириновский (его же некоторое время придерживался и Э. Россель).

Второй конституционный способ был более приемлем, ибо действовавшая в то время Конституция РСФСР позволяла субъектам менять свой конституционно-правовой статус, например, область могла превратиться в республику. В статье 70 Конституции было записано: «Изменение конституционно-правового статуса республик, краев, областей, городов Москвы и Ленинграда, автономной области, автономных округов, а также их разделение и объединение могут быть осуществлены только на основе волеизъявления большинства избирателей в них с утверждением Съездом народных депутатов Российской Федерации»⁴⁹. Губернатор Свердловской области Э. Россель и его окружение решили использовать именно этот способ, что было политически оправданным ходом.

Согласно решению областных властей, 25 апреля 1993 г. был проведен опрос (областной референдум) жителей Свердловской области. Вопрос, вынесенный на референдум, звучал так: «Согласны ли Вы с тем, что Свердловская область по своим полномочиям должна быть равноправна с республиками в составе Российской Федерации?». Важно отметить, что 83% принявших участие в опросе

⁴⁸ Паин Э. Федерализм и сепаратизм в России: мифы и реальность [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politnauka.org/library/territor/pain.php> (дата обращения 16.03.21).

⁴⁹ Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 апреля 1978 г. [Электронный ресурс]. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/5478721/ (дата обращения 16.03.21).

(в голосовании приняло участие более 60% имеющих право голоса) ответили на вопрос референдума утвердительно. При этом если бывшие автономные республики в составе РСФСР, желая расширить свои полномочия и повысить статус, принимали декларации о суверенитете, не опираясь на поддержку населения (решения принимали на сессиях Верховных Советов), то в Свердловской области действительно состоялся АКТ СУВЕРЕНИТЕТА. Это был один из немногих случаев в российской политической практике, ибо ни в советские годы, ни в постсоветский период не было принято апеллировать к мнению населения, когда решались проблемы национально-государственного устройства того или иного субъекта.

Было всего несколько исключений из этого «политического правила». Первым нарушил это правило Крым, а точнее Крымская область Украины, которая была волюнтаристским путем лишена статуса автономной республики в 1945 г., а в 1954 г. без проведения референдума ее территория и ее население (живые люди) были переданы из состава одного национально-государственного образования в состав другого (т. е. в другую юрисдикцию) – в состав Украинской ССР. В январе 1990 г. впервые в истории СССР имело место реальное самоопределение народа (как гражданской территориальной общности), ибо в Крыму был проведен референдум, в ходе которого подавляющее большинство населения полуострова высказалось за воссоздание Крымской АССР. Но помимо акта самоопределения, который имел место в Крыму, имели место еще несколько примеров реального самоопределения территориальных сообществ, которые были организованы политически.

В ряду актов самоопределения, принятых в начале 1990-х гг., помимо крымского и свердловского случаев, следует назвать референдум (опрос населения) в Ингушетии, который состоялся 30 ноября 1991 г., когда населению региона был задан следующий вопрос: «Вы за создание Ингушской республики в составе РСФСР с возвратом незаконно отторгнутых ингушских земель и столицей в городе Владикавказе?» (Владикавказ – столица соседней с Ингушетией Республики Северная Осетия). Проведение этого референдума было спровоцировано, с одной стороны, сложной ситуацией в Чечне, где дело очевидно шло к сецессии, а также осетино-ингушским конфликтом осени 1991 г. Положительно на вопрос референдума ответило 97,4% граждан, принявших участие в опросе. Решение референдума, однако, удалось выполнить лишь частично: Ингушская Республика была создана, но «незаконно отторгнутые земли» и Пригородный район Владикавказа, претензии на который и стали причиной кровавого осетино-ингушского конфликта, переданы Ингушетии не были.

21 марта 1992 г. в Татарии, как уже говорилось, также был проведен референдум, где перед гражданами был поставлен более сложный вопрос, в формулировке которого содержалось два вопроса сразу, что несколько усложняло осознанный выбор и давало повод федеральным структурам опротестовывать саму правомочность проведения референдума. Людей спрашивали: «Согласны ли Вы, что Республика Татарстан – суверенное государство, субъект международного права, строящий свои отношения с Российской Федерацией и другими республиками, государствами на основе равноправных договоров?». Тем не менее население республики приняло активное участие в референдуме, и большинство на поставленный вопрос дало положительный ответ, что, при всех сомнениях, нельзя не признать актом самоопределения.

7 октября 1993 г. Томская область: «Нужен ли Томской области статус республики?». Референдум не состоялся, так как явка составила менее 50%.

Между тем, в центре усиливался кризис в отношениях между Верховным Советом РСФСР и Президентом РСФСР. Предметом спора и конфликтов были пути и способы реформирования страны, принципы разделения власти, формы организации государственной власти (парламентская или президентская республика). Противоречия между Верховным Советом и Президентом быстро нарастали, следствием чего стало проведение общероссийского опроса населения (иногда его неверно называют референдумом) 25 апреля 1993 г. о доверии Президенту РСФСР, и большинство россиян фактически высказались в поддержку Б. Ельцина и его курса. Это дало возможность последнему активно приступить к решительному переустройству страны и подготовке текста новой Конституции страны.

5 июня 1993 г. в Москве начало свою работу Конституционное Собрание, созданное президентом Ельциным для выработки окончательного текста новой Конституции России. От Свердловской области на Собрание было делегировано пять человек во главе с Э. Росселем, который перед поездкой на собрание с представителями партий и общественных организаций Свердловской области заявил о необходимости реальной федерализации. Он настаивал на том, чтобы все остальные субъекты Федерации имели ровно такие же права, как и 21 республика, входящая в состав России, особенно в сфере формирования своего бюджета, а также высказался за территориальный принцип деления России. Однако предложения делегации Свердловской области не были приняты к рассмотрению обеими группами, работавшими над разработкой положений новой Конституции: ни парламентской группой (О.Г. Румянцев), ни президентской (А.А. Собчак, С.С. Алексеев).

Очевидное игнорирование региональных инициатив привело к радикализации политических настроений у свердловских политиков и у самого Росселя. На встрече со свердловскими журналистами 18 июня 1993 г. он вполне определенно высказался за территориальный принцип построения Федерации и равенство всех ее субъектов. И здесь же он выдвинул идею создания Уральской республики, в состав которой вошли бы нескольких областей Урала, Предуралья и Зауралья: Свердловская, Пермская, Кировская, Челябинская, Курганская, Тюменская. Он настаивал на том, что для сохранения экономических интересов населения всех этих областей и уравнивания их прав с правами жителей национальных республик необходимо скорейшее проведение областных референдумов, с целью закрепления самостоятельности субъектов. При этом столицу будущей обширной Уральской республики он предлагал разместить в Екатеринбурге.

1 июля 1993 г. Свердловский областной Совет Народных Депутатов провозгласил Уральскую республику, приняв Декларацию об изменении статуса Свердловской области. Одновременно учеными Института философии и права УрО АН СССР был ускоренно разработан проект Конституции Уральской республики. Эти шаги свидетельствовали, что идею «равновесной» Федерации пытаются включить в политическую повестку снизу через давление региональных политических элит на федеральный центр. Правовым основанием для такого давления стала еще действующая Конституция РСФСР, предусматривавшая возможность изменения статуса субъекта Федерации, а необходимый для реализации изменения статуса опрос был проведен.

Однако изначально было очевидно, что для успешного диалога с федеральным центром по поводу Уральской республики и расширения прав областей необходим широкий политический фронт, который объединит политических лидеров целого ряда регионов. Россель начал искать союзников, которых можно было бы объединить для отстаивания интересов областных сообществ.

А «для того, чтобы республика получила ресурсы для существования... требовалось объединение всех уральских областей. 14 сентября 1993 г. в Екатеринбурге состоялся семинар «Уральская республика и целостность российского государства». По его итогам состоялось подписание заявления глав Свердловской, Пермской, Челябинской, Оренбургской, Курганской областей о намерении участвовать в разработке экономической модели Уральской республики на базе областей Урала. Проект нового территориального образования получил условное название «Большая Уральская Республика». Началось обсуждение с соседними регионами создания Зауральского края в составе Свердловской, Челябинской, Курганской и Тюмен-

ской областей... На деле же территория республики в 1993 г. совпала с территорией Свердловской области»⁵⁰ [Соловьева 2016: 294].

У идеи «большой республики» появились политические союзники: 14 сентября 1993 г. в Тюмени на совещании Ассоциации экономического взаимодействия Уральского региона подписали совместное заявление, в котором, в частности, говорилось, что руководители представительной и исполнительной властей Курганской, Оренбургской, Пермской, Свердловской, Челябинской областей готовы начать подготовительную работу по созданию Уральской республики в составе РФ как ее субъекта, в состав которой вошли бы несколько уральских областей. Создание подобной республики стало бы мощным политическим и экономическим противовесом национальным республикам, ограничителем их экономического эгоизма и инструментом разрушения идеологии этнического национализма, многие идеи которого стали обыденной политической практикой в республиках. Это как разрушало процесс формирования прочных региональных сообществ, так и препятствовало становлению российской гражданской нации, укреплению гражданской солидарности россиян и укоренению в массовом сознании ценностей гражданского общества.

В Тюмени была предпринята попытка сформировать межрегиональную группу влияния, но эта политическая конструкция не могла быть прочной до тех пор, пока на стороне региональных лидеров не окажутся мощные региональные общественные движения демократической и общегражданской направленности, способные на решительные действия в поддержку идеи полноценного федерализма. Но таких движений создать не удалось, и проект Уральской республики был всего лишь верхушечным проектом – проектом политических элит, хотя и был принят большинством населения отдельно взятого региона.

27 октября 1993 г. Конституция Уральской республики была принята областным Советом народных депутатов, а 30 октября она была опубликована в «Областной газете» и, соответственно, вступила в силу. Конституция не предусматривала права выхода республики из состава России, содержала принципы и механизмы разделения власти и гарантии местного самоуправления. В пункте 1 статьи 14 Конституции говорилось: «Уральская республика является субъектом Российской Федерации с правовым статусом республики в составе Российской Федерации» [Конституция 1993].

⁵⁰ Баков А. «Уральская республика». Как это было // Демократия по-русски: Записки бывшего гражданина СССР [Электронный ресурс]. URL: <http://www.itsmycity.ru/blog/post/id/6532> (дата обращения 16.03.21).

Вводился институт всенародно избранного губернатора (не президента!), правительства, председатель которого назначался парламентом, двухпалатный парламент, т. е. практически все то, что впоследствии вошло в Устав Свердловской области. При этом стоит заметить, что 2 ноября 1993 г. Президент РФ Б. Ельцин на расширенном заседании Правительства России заявил, что действие ряда областей по повышению своего статуса – объективный процесс, обусловленный несовершенством сложившихся федеративных отношений в России. Казалось, что процесс совершенствования федеративных отношений и выстраивания полноценной Федерации получает поддержку центра, но в реальности в Кремле сталкивались различные точки зрения и многие политики в окружении Ельцина рассматривали пример Уральской республики как сепаратизм, особенно в свете недавнего острого конфликта между президентом и Верховным Советом, закончившегося «расстрелом Белого Дома».

8 ноября 1993 г. областной Совет назначил дату референдума по Конституции Уральской республики на 12 декабря 1993 г. На этот же день были назначены выборы губернатора и Законодательного Собрания Уральской республики. В тот же день проходил и всероссийский референдум по Конституции РФ, а также выборы депутатов Государственной Думы и Совета Федерации Российской Федерации.

Сразу же после дня референдума 9 ноября 1993 г. Президент РФ подписал Указ «О прекращении деятельности Свердловского областного Совета народных депутатов», в котором говорилось, что Свердловский областной Совет неоднократно нарушил Конституцию и законодательство РФ, выразившиеся в одностороннем изменении конституционно-правового статуса Свердловской области и провозглашении Уральской республики. А потому Указ предписывал прекратить деятельность Свердловского Совета, а все его решения в части провозглашения Уральской республики считать не имеющими юридической силы. На следующий день указом Ельцина был отстранен от своей должности Э. Россель. Губернатор Россель в целом принял решение президента как должное и не устраивал демонстративных акций неповиновения.

Прецедент с провозглашением Уральской республики, как полагают некоторые эксперты, сыграл свою роль, ибо в Конституции РФ 1993 г. было закреплено положение о равенстве субъектов Федерации [Азанов 1994; Соловьева 2016]. В частности, пункт 1 статьи 5 Конституции гласит: «Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов – равноправных субъектов Российской Федерации» [Конституция 2016]. Однако есть и другое мнение. Так, анализируя статьи Основного закона РФ, Д. Леонтьев пришел

к выводу, что Конституцию РФ нельзя назвать компромиссом между центром и регионами, ибо документ сохранил конституционное неравенство субъектов Российской Федерации (национальных и экономико-географических) в том, что касается вопросов взаимоотношений с центром, принятия региональных нормативных актов, формирования органов государственной власти субъектов РФ, природопользования и т. д. Нельзя считать компромиссом и существующие экономические взаимоотношения между центром, забирающим себе основную часть региональных налоговых поступлений, и субъектами РФ [Леонтьев 2001].

Уральская республика просуществовала 131 день [Урбан 2012], а ее создание является одним из крупнейших региональных политических проектов в постсоветской России. Против создания Уральской республики было окружение Бориса Ельцина. Именно в окружении президента был подготовлен проект указа о роспуске Свердловского областного совета (что прямо противоречило недавним заявлениям Ельцина и его призыву к региональным лидерам «брать столько суверенитета, сколько сможете»). В окружении президента не только не смогли адекватно оценить политическую и правовую сторону названного документа, но не смогли понять и стратегическую пользу для российской государственности, которую можно было извлечь из идеи создания «Большой Уральской республики».

Это была сиюминутная и непродуманная реакция на действия региональных элит, которую можно оправдать лишь условиями кризиса власти, который имел место на протяжении всего 1993 г. По мнению бывшего руководителя администрации губернатора Свердловской области Александра Левина, против создания Уральской республики выступило окружение Бориса Ельцина. В частности, это были Сергей Шахрай, в то время председатель Госкомитета по делам федерации и национальностей, руководитель администрации Президента Российской Федерации Сергей Филатов и Виктор Илюшин. Ссылаясь на слова самого Росселя, Левин утверждает, что против выступал, прежде всего, Сергей Филатов. **Окружение президента считало, что обретение областью с преимущественно русским населением республиканского статуса является шагом к распаду России.** Особенно негативно это стало расцениваться после событий 3–4 октября 1993 г., связанных с роспуском Верховного Совета России и последующим подавлением попытки вооруженного сопротивления его сторонников. Спустя много лет, по словам Левина, Шахрай признался, что в 1993 г. он даже не читал Конституцию Уральской республики. По его словам, Ельцин *«конечно, ничего не знал, ему просто сказали, что свердловчане создают республику – он сразу и подписал указ»*. Тем не менее ряд видных политических

деятелей сохранили приверженность идеям республики даже годы спустя. Так, в апреле 2000 г. в Екатеринбурге было зарегистрировано «Уральское Республиканское Движение» (УРД), которое в качестве главной цели провозгласило *«создание Уральской республики на территории нынешней Свердловской и (в будущем) прилегающих областей Уральского региона»*. В сентябре 2003 г. вновь переизбранный губернатор Россель заявил, что *«Уральская республика юридически существует по сей день, и Указом Президента ее ликвидировать нельзя, так как она создана в полном соответствии с прежней Конституцией, а решения Облсовета 1993 года до сих пор не отменены»*⁵¹.

Более того, поскольку только народ как территориальная гражданская общность, имеющая зачатки политической организации (субъект Федерации), имеет право на самоопределение [Ахметшин 1998], постольку отмена итогов референдума (акта самоопределения) являлась не вполне легитимным политическим действием, что, действительно, позволяет ставить вопрос о том, что де-юре Уральская республика существует до сих пор, а потому есть серьезные основания для возрождения уральского регионализма, который в СМИ и многочисленных непрофессиональных комментариях в рунете часто характеризуется как «сепаратизм».

«В Пакт о правах человека, который вначале рассматривался как единый документ, положение о самоопределении было решено включить исходя из того, что:

- а) оно “...является источником или неперменным условием других прав человека, так как не может быть подлинного осуществления индивидуальных прав без осуществления права на самоопределение”;
- б) при составлении Пакта должны быть предусмотрены осуществление и защита принципов и целей Устава, в том числе принципа равноправия и самоопределения народов;
- в) ряд положений Всеобщей декларации прав человека непосредственно связан с правом на самоопределение;
- г) если это право не включить в Пакт, он будет неполным и недействительным.

В 1951 году в ходе обсуждения на VI сессии ГА ООН сторонники включения в Пакт права на самоопределение заявляли, что его применение является основным условием обеспечения мира, безопасности и плодотворного международного сотрудничества, а следовательно, без этого положения принимаемый документ ли-

⁵¹ Кириллова К. Возможно ли возрождение Уральской республики? [Электронный ресурс]. URL: <http://afterempire.info/2017/01/10/ural-republic/> (дата обращения 16.03.21).

шается всякого смысла. При этом они разделяли права народов и права меньшинств, поскольку авторы Устава ООН не намеревались предоставлять последним право на самоопределение. Кроме того, выделялась двуаспектность самоопределения: внутренняя – дающая возможность самоуправления, и внешняя – предоставляющая народу независимость.

На X сессии ГА ООН в 1955 г. противники включения в Пакт права на самоопределение подчеркивали, что в Уставе ООН речь идет о «принципе», а не о «праве» народов на самоопределение, в различных документах этот принцип толкуется по-разному. Поскольку право на самоопределение есть коллективное право, то целесообразно включать его в документ, излагающий права индивидуумов. Оппоненты возражали: хотя право на самоопределение и является коллективным, но затрагивает каждого человека, и его изъятие – предпосылка к ограничению прав человека. Государства, принимающие Устав ООН и признающие его, должны уважать «принцип самоопределения» и вытекающее отсюда «право», имеющее всеобщий и неотъемлемый характер. Последняя точка зрения победила, и положение о праве народов на самоопределение было внесено в тексты обоих Пактов о правах человека (статья 1)» [Право 1997: 10–11].

Насильственный демонтаж Уральской республики, инициированный федеральными властями, был связан с тем, что уральский прецедент рассматривался как факт, который свидетельствовал о зарождении регионального сепаратизма, как покушение на власть федерального центра, за которую шла острая борьба. Но сами инициаторы создания республики объясняли провал проекта иначе. Так, один из идеологов уральского регионализма А. Баков объясняет неудачу проекта Уральской республики тем, что он не опирался на некий культурный фундамент: «Сепаратизм состоялся бы, если бы были сепаратисты. У нас их не было. У нас был Россель, который хотел выслужиться... Республику пришлось выдумывать, у нас же не было ни истории, ни языка, ни культуры» [Герасименко 2012: 13]. Однако, очевидно, что и язык, и история у Свердловской области были, а символический лозунг «Урал – опорный край Державы» мог стать основой для формирования прочной уральской региональной идентичности. Идея «русских республик» активно дискутировалась еще в 1920-х гг., т. е. в период наиболее активного национально-государственного строительства в СССР. Родилась эта идея как некий политический противовес со стороны политических лидеров областей и как их ответ на возрастающие политические амбиции руководства этнических автономий. Вновь эти идеи возродились в начале 1990-х гг., и опять же их появление стимулировалось процессами суверенизации в национальных республиках.

Очевидно, что русские, как и все другие народы России, имеют право на самоопределение в рамках Российской Федерации. И если маленькая Ингушетия, бюджет которой полностью зависит от дотаций федерального центра, имеет право самоопределяться, то почему такого права лишена экономически мощная и плотно заселенная Свердловская область, лидеры которой стремились не столько к суверенитету, сколько к повышению экономической самостоятельности региона.

Своеобразной «политической компенсацией» за провал идеи Уральской республики стало заключение Договора о разграничении полномочий и предметов ведения между государственными органами Российской Федерации и Свердловской области, который был заключен 12 января 1995 г. и предоставлял области довольно широкий круг полномочий. Это означало, что политический проект Уральской республики все же сыграл свою роль в укреплении местного политического режима. А лидер республики Эдуард Россель смог снова занять пост первого лица в области, благодаря поддержке ее населения на очередных выборах. Отчасти доверие, высказанное населением Э. Росселю на очередных (и последующих) выборах, можно расценивать как мандат доверия со стороны избирателей его действиям, включая и создание Уральской республики.

Провал же проекта Уральской республики, на наш взгляд, объясняется несколькими причинами. Во-первых, уральский регионализм не опирался, как замечено выше, ни на мощный политический, ни на культурный фундамент. Историческая память местного населения не была актуализирована, и не началось формирование региональной уральской идентичности. Это, в свою очередь, не стимулировало формирование региональных общественных организаций и движений, главной целью которых была бы защита региональных интересов и актуализация уральского патриотизма. Во-вторых, не был создан региональный общественный фронт в поддержку идеи Уральской республики, на который смогли бы опереться региональные элиты. В-третьих, не удалось сформировать широкую политическую коалицию региональных лидеров, целью которой явилось бы лоббирование идеи республики в частности, и реального равенства субъектов Федерации – в целом.

В политическом плане роспуск областного совета и отставка главы области были демонстрацией того, что федеральная власть в своей политической практике не ориентирована на идею равенства субъектов, которые были продекларированы в новой Конституции РФ. А это неизбежно порождало потенциальный риск роста сепаратистских и регионалистских настроений и радикализацию этих настроений в условиях очередного кризиса власти.

7.2. Пример поморского регионализма

Советский Союз, как сказано выше, сформировался как этническая федерация, при этом эта федерация была асимметричной, поскольку и в конституционных нормах, и в реальной политике равенства между субъектами не было. Союзные и автономные республики имели больший политический вес, нежели области и края, населенные преимущественно русским населением. Им доставалось больше финансовых средств на развитие экономики, ибо идеологи большевизма/коммунизма осуществляли политику перераспределения национального дохода в пользу «отстающих окраин», представители титульных этнических групп имели больше возможностей для карьерного роста, получения образования (в том числе и в ведущих вузах страны), чем обычные граждане.

Конфликт между республиками и областями особенно обострился после распада СССР в начале 1990-х гг., когда решался вопрос о конституционном устройстве постсоветской России.

Принятый в 1992 г. Федеративный договор предусматривал равенство всех субъектов, а при разработке новой конституции также предусматривалось, что области получают полномочия, равные с республиками. Более того, не только уральские политики, но и многие эксперты заявляли, что национально-государственное устройство, «доставшееся от большевиков, дававшее право народам-этносам на свою государственность, стало одним из препятствий в трансформации Российского общества» [Дробижева и др. 1996: 54]. Однако в целях сохранения единства страны было принято решение сохранить доставшееся от СССР национально-государственное деление, оговорив в Конституции, что статус республики определяется ее конституцией, а равно и Конституцией РФ, а статус области и края, города федерального значения, автономной области и округа – Конституцией РФ и уставом края, области, города федерального значения, автономного округа и области (статья 66) и что по представлению органов власти автономного округа или области может быть принят Федеральный закон об автономной области, автономном округе. Иными словами, в тексте Конституции РФ не гарантировалось равенство субъектов Федерации и не наличествовало прямых указаний на их разные статусы.

Но фактического равенства между субъектами не было, ибо практически сразу после принятия Основного закона РФ началась процедура заключения индивидуальных договоров с республиками и наиболее влиятельными областями о разграничении предметов ведения и полномочий между властями РФ и властями субъектов.

Архангельской области такой договор с федеральным центром заключить не удалось. Этот факт заставил искать новые пути повышения политической значимости региона, изыскивать стимулы для развития в символических ресурсах региона и исторической памяти его жителей.

В начале 1990-х гг. раздавались призывы создать Псковскую народную республику, Калининградскую народную республику, Южноуральскую, Вологодскую республики, но идеологически наиболее обоснованной стала идея Поморской республики. Для реализации идеи в 1992 г. ряд политических партий и организаций АО зарегистрировали Национальный культурный центр «Поморское возрождение». Многие лидеры движения, выступавшие за создание республики, тем не менее отказались на том этапе от формирования этнополитического поморского движения. В 1994 г. политическое движение «Поморское возрождение» распалось на отдельные группы. Позднейшие попытки интегрировать поморские организации в рамках объединения «Поморский мир» также не были успешными. Тем не менее «поморская идея» прочно утвердилась в региональном политическом дискурсе и стала обретать культурное содержание. А идея Поморской республики в разных ее вариантах стала производной от культурно-исторической концепции Поморья, разрабатывавшейся архангельскими интеллектуалами.

Очевидное политическое содержание поморской идее пытались придать деятели региональной политической организации «Демократическое возрождение Севера», которая действовала в Архангельской области до 2001 г. Ее политический концепт опирался на стремление некоторых местных интеллектуалов к культурному и политическому противопоставлению Центральной России и поморской Северной Руси. Идеолог движения Александр Иванов попытался определить, каковы пути формирования священного идеального мира на Севере и где исторические корни стремления к построению такого мира. Он, в частности, заявлял: «Поморы обладают особым чувством собственного достоинства и любовью к свободе. Причина этого в том, что на Севере не было крепостного права, а основной формой организации хозяйственной жизни была не община, а артель. У поморов отсутствует чувство врага, так как естественных ресурсов всегда хватало всем, а иностранцев воспринимали не как конкурентов, а как партнеров по торговле. Начавшиеся в глубокой древности контакты с Европой (морем Эдинбург, Осло и Бремен ближе Москвы) выработали западноевропейскую ориентацию сознания, отсутствие ксенофобии и уважение к демократическим институтам. Поморам исторически присуще презрение к московской власти – и царской, и советской, и постсоветской – за

ее лживость, жестокость и творимый ею произвол. Поморы стремятся работать не на государство и как можно меньше зависеть от него» [Филатов 2002: 65].

А лидер общества «Поморское возрождение» Иван Мосеев, ратуя за создание Поморской республики, говорил о том, что только таким образом можно защитить региональные интересы архангелогородцев: «Сегодня поморы нуждаются в реальной защите, ибо историческая судьба поставила их в один ряд с вымирающими народами Севера. Пора понять, что поморский субэтнос – это тоже народ, имеющий свою историю и самобытную культуру. И, как любой народ, он имеет право самостоятельно распоряжаться всем на своей территории и сохранять свою неповторимость» [Мосеев 1991].

С начала 2000-х гг. поморская идея из политической превращается преимущественно в культурную, поскольку реальный открытый политический регионализм стал невозможен в связи с законодательными новациями. Значительный стимул к развитию поморского этнокультурного движения дали итоги переписи населения 2002 г., которые показали, что происходит процесс реидентификации, и для части местного населения поморская идентичность вновь становится актуальной, а потому может быть зафиксирована статистически (6,5 тыс. чел. назвали себя поморами).

В 2003 г. в Архангельске была зарегистрирована национально-культурная автономия поморов г. Архангельска, а в начале 2004 г. – община поморов как община коренных малочисленных народов Севера (ликвидирована по решению суда в 2011 г.). Некоторые лидеры поморов стали заявлять, что поморы не этнографическая группа и не субэтнос русского народа, а самостоятельная этническая группа. При этом они настаивали, что это финно-угорская группа (есть и другие варианты понимания поморской идентичности). Председатель национального культурного центра Архангельска И. Мосеев в своем заключении «Этническое самоопределение и этногенез поморов» так сформулировал идеологическую основу поморской национально-культурной автономии: «Несмотря на многочисленные попытки ассимилировать поморов и представить их лишь как составную часть великорусского этноса (этнографическая группа, субэтнос, популяция, сословие и т. д.), поморы сохранили свое этническое самосознание, о чем свидетельствуют результаты переписи 2002 г. ... Поморы – это самостоятельный этнос, первичная культура которого не была привнесена извне (из России), а возникла в ходе постепенного слияния местных угро-финских “протопоморских” культур и культуры первого древнерусского (но не “великорусского”!) населения» [Шабаетов 2003]. Указанная позиция разделялась одно время и председателем национально-культурной автономии

поморов г. Архангельска П. Есиповым, который по этому поводу замечал: «Предками поморов были такие финно-угорские племена, как саами, вепсы, корела...» [Есипов 2006]. У отечественных этнографов иной взгляд на этническую историю европейского севера. В частности, И.В. Власова отмечает: «Новгородцы и ростовцы, с которыми было связано формирование русского населения Севера, хотя и представляли собой земельные областные общности, относящиеся к одному этносу, тем не менее, сами, с этнической точки зрения, имели смешанное происхождение, ибо жили и развивались в различных природных и хозяйственных условиях и при расселении в Восточной Европе, в том числе и по Северу, сталкивались с различными группами финно-угорского происхождения» [Власова 2005: 39]. Поморское движение окончательно оформилось как самостоятельная региональная этнополитическая организация лишь к концу первого десятилетия XXI в. В 2008 г. прошел первый съезд поморов. В 2009 г. состоялся второй межрегиональный съезд поморов, который прошел в г. Умба Мурманской области.

Главное требование поморского движения – официальное признание поморов самостоятельной этнической группой и предоставление им статуса коренного малочисленного народа, а также соответствующих преференций. Общественная поддержка у движения есть, но само понимание поморской идентичности весьма неоднозначно [Шабаев и др. 2010]. Систематизация современной поморской идентичности сложна, поскольку она исторически формировалась на фоне других этнических и региональных идентичностей, долгое время не была актуализирована и сегодня все еще достаточно не определена и сильно мифологизирована.

Однако на пространстве европейского севера сегодня имеет место множество локальных, региональных, этнических идентичностей, но все они выражены довольно слабо. При этом, как показали итоги опроса, проведенного в марте 2010 г. в трех региональных центрах европейского севера (Мурманске, Архангельске и Сыктывкаре), самой очевидной идентичностью является общая северная идентичность (северяне), которую респонденты воспринимают как гражданскую, но не как этническую идентичность и примерно две трети жителей названных городских центров однозначно идентифицируют себя подобным образом, на втором месте по значимости оказывается общероссийская гражданская идентичность [Шабаев 2010].

Поиск путей регионального развития, стремление найти свою нишу в новой структуре российской экономики, наиболее удачно вписаться в процессы глобализации и при этом не утратить «лица региона», его культурных и исторических особенностей стали заметно проявляться в действиях прагматичных региональных политиков

и менеджеров Архангельска с начала 2000-х гг. При этом для них важнейшее значение имел ресурс общей северной идентичности, на основе которой и строились политические притязания архангельской элиты.

В конце января 2006 г. в «Бизнес-центр-отеле» Архангельска состоялся семинар «Поморьска говоря», цель которого заключалась в обзоре и осмыслении перспективных проектов, реализуемых по инициативе некоторых бизнес-структур, общественных организаций, научных и творческих коллективов. Предполагалось, что итогом обсуждения станут некие предпроектные предложения, касающиеся модели регионального развития. Участники семинара отмечали, что в течение многих десятилетий области навязывались, по сути, безальтернативные сценарии развития, но настала пора изменить характер перспективного планирования. Следует сосредоточить внимание на трех важнейших сферах: региональной экономике, культуре и экологии, в развитии которых решающим должны быть мнения и интересы жителей Архангельской области. Предполагалось не ограничиваться одним сценарием, а разработать несколько сценариев развития.

Среди этих сценариев очевидно выделялся «поморский формат», поскольку, по мнению участников, «северорусский формат» слишком широк и не дает тех преимуществ, которые сегодня необходимы в межрегиональной конкуренции.

Поморская идея к тому времени стала органичной частью регионального культурного ландшафта. Термин «Поморье» присутствовал в названиях многих средств массовой информации (информационная телепрограмма «Вести Поморья», газеты «Ведомости Поморья», «Поморский курьер»), фирм и компаний. Стала издаваться многотомная «Поморская энциклопедия», а бывший пединститут получил название Поморского университета. Архангельск и Архангельская область нередко воспринимались как центр «исторического Поморья», и, основываясь на этом, выдвигалась идея сделать их экономическим и научным центром изучения Севера и Арктики, освоения нового международного транспортного коридора на основе Северного морского пути. Для начала предлагалось вернуть под юрисдикцию области Ненецкий автономный округ, где бурное развитие получила в это время нефтедобыча. Были варианты простого объединения двух субъектов в один и создания на основе их объединения Поморской республики, титульным населением которой станут поморы и ненцы. Поэтому не случайно власти в это время поддерживали поморское движение и даже обращались в правительство с просьбой предоставить поморам статус коренного малочисленного народа Севера. На эти обращения были получены отрицательные отзывы экспертов, которые исходили в своих решениях

из умозрительных классификационных этнологических схем, но не учитывали культурно-исторический контекст и реальные интересы населения. В 2005 г. губернатор АО даже заявил, что референдум об объединении области и автономного округа будет проведен в 2007 г. В поддержку идеи объединения двух субъектов неоднократно высказывался и полномочный представитель Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе И. Клебанов [Шабаев 2006: 15]. Вновь проекты объединения стали активно обсуждаться в 2020 г., когда в Архангельске происходила смена власти и шли постоянные митинги против строительства мусорного полигона на станции Шиес (куда должны были свозить московский мусор). Инициатором выступил врио губернатора АО Александр Цыбульский, который, вероятно, совершенно не принимал во внимание безуспешные предыдущие попытки и откровенно негативное отношение к этому проекту населения НАО. Это население в знак протеста на референдуме по поправкам в Конституцию РФ в большинстве своем проголосовало против (это был единственный случай в стране). Мощные региональные интересы порождают актуализацию региональной солидарности, которая способна выливаться в активные протестные действия и формирование новых общественно-политических структур, не учитывать региональный интерес квалифицированным политическим менеджером нельзя.

Стойкое сопротивление руководства Ненецкого автономного округа, но прежде всего населения, не позволило осуществить его полную интеграцию в состав области, хотя многие полномочия и налоговые поступления, принадлежавшие раньше округу, были переданы АО, что вряд ли было разумным, ибо социально-экономическое и финансовое положение области трудное. По этому поводу показательно высказалась в интервью «Эха Москвы» видный российский экономист Н. Зубаревич, объяснившая что АО – самая бедная на Северо-Западе, поскольку все ее налоги забирают федералы⁵².

Тем не менее поморский культурный проект достаточно динамично развивался: в Архангельске стали отмечать в сентябре поморский новый год, проводить конкурсы детского и юношеского творчества «Поморская столица», устраивать выставки, посвященные памятным датам «поморского календаря», и т. д. В 2007 г. в Архангельске состоялся четвертый (объединительный) съезд поморов, который впервые спонсировали местные власти.

Но после этого настрояния политической элиты резко изменились. После нескольких неудачных обращений к федеральному цен-

⁵² Интервью профессора МГУ Натальи Зубаревич [Электронный ресурс]. URL: <http://29ru/text/economics/2020/11/16> (дата обращения 16.03.21).

тру с просьбой включить поморов в Единый перечень коренных малочисленных народов Севера, запрета Правительства РФ на промысел беломорского тюленя, который являлся традиционным зверобойным промыслом поморов, актуализировались различные псевдоэксперты и ультрапатриоты, увидевшие в поморском движении угрозу единству России и обвинили поморское движение и отдельных его активистов в том, что они финансируются из Норвегии и работают на интересы этой страны, хотя объективно в спорах о приоритетных правах на арктические территории культурно-исторический фактор должен был быть мощным оружием в руках российской дипломатии. Именно поморы первыми освоили Шпицберген, Новую Землю, именно для них Белое, Баренцево и Карское моря были территорией традиционного природопользования. Но вместо того, чтобы поддерживать поморов против их лидеров, под надуманными предлогами возбуждались уголовные дела, разворачивались кампании в прессе, а НКА поморов г. Архангельска решением суда ликвидировалась.

Такая ситуация была связана с политической слабостью и частой сменяемостью первых лиц региона, низким уровнем консолидации региональной политической элиты и ее несамостоятельностью. Поэтому идеи особого культурного статуса области и центра, к которому могут примкнуть другие регионы европейского севера, так и не получили развития, хотя политический прецедент уже был, когда в 1929 г. был создан Северный край с центром в г. Архангельске. Более того, исследования этнографов, историков, фольклористов второй половины XIX в., как замечено выше, помогли представить общественности просторы европейского севера как культурную кладовую русского народа, как территорию, где сохранилась исконная русскость. В результате регион стал превращаться в культурную «мекку» для русской интеллигенции, и туда потянулись художники, поехали писатели и разночинная интеллигенция. А в самом конце столетия губернатор Архангельской области Энгельгардт завершил маркирование европейского севера как единой историко-культурной провинции, причем провинции исконно русской, внедрив в общественное сознание термин «Русский Север», который впервые появился в его путевых заметках [Энгельгардт 1897].

Но идея единения северных территорий вокруг Архангельска все еще жива, и теперь иногда высказываются осторожные предложения о том, чтобы в основу такого объединения была положена концепция Русского Севера как «культурной кладовой» русского народа и культурного ядра Российского государства.

В постсоветскую эпоху, когда произошла резкая актуализация этничности, а этнический федерализм продолжал оставаться важным принципом внутренней политики, этническая мобилизация очевидно

стала проявляться и в сугубо «русских» регионах, где одни прежние культурные символы и этнополитические и этнотерриториальные маркеры утратили свое значение, а другие обрели новое содержание. Но при этом «русскость» явно проигрывала локальным и иноэтничным определителям даже там, где прежде имела топонимическое значение.

7.3. Пример сибирского регионализма

В начале 1990-х гг. идея образования «Сибирской республики» вновь была актуализирована в публичном информационном пространстве сибирских регионов, а наиболее радикальные сторонники этой идеи даже заявляли о необходимости провозглашения ее государственного суверенитета. «Первой из политических структур, обнародовавших старую идею, оказалась Партия независимости Сибири (ПНС), сформировавшаяся в г. Томске в 1990 г. по инициативе немногочисленной группы писателей и политиков. Ее возглавил депутат облсовета Борис Перов, работавший в газете “Народная трибуна” и привлекавшийся (впрочем, безуспешно) к ответственности за призывы к “свержению колониальной власти”. Перов сформулировал основные положения Декларации сибирской независимости: провозглашение самостоятельной Сибирской республики; запрет иностранного участия в освоении природных ресурсов края; запрет приватизации; депортация из Сибири всех заключенных и ссыльных, живших до заключения в других регионах страны; возмещение Сибири ущерба, нанесенного “империей”. В качестве инструмента достижения этих целей ПНС рассматривала Всесибирский съезд народных депутатов, который, кстати, будучи созван в прошлом году, принял решения, далекие от идеи сибирской самостоятельности. В январе 1993 года ПНС самораспустилась, что симптоматично с учетом того, что она была фактически единственной группировкой, вдохновляемой сибирской идеей в ее радикальном варианте. Есть и другие группировки подобного толка. Например, тюменское объединение “Сибирь”. Оно еще малочисленнее и куда осторожнее, чем ПНС. Объединение призывает лишь к духовному, культурному, экономическому возрождению народов Сибири и созданию сибирской автономии в составе Российской Федерации»⁵³. При этом с самого

⁵³ *Мальшиев А.* Регионы. Сибирская идея [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.com.ua/m/articles/view/Регионы-Сибирская-идея> (дата обращения 17.03.21).

начала все сторонники современного «сибирства» настаивали на преемственности своих идей с лозунгами сибирского областничества [Областническая тенденция 2010; Зайнутдинов 2012].

Там же, в Томске, сформировалось и Томское народное движение (ТНД). «В конце 1980-х гг. сибирский национализм активно начал возрождаться в научно-вузовской среде г. Томска. Об этом свидетельствуют материалы газеты “Томская трибуна”. Практически весь номер от 24 мая 1990 г. был посвящен вопросу организации движения за конфедерацию сибирских земель. В издании сообщалось, что 25 мая 1990 г. в аудитории 204 главного корпуса Томского политехнического института состоится III конференция ТНД, один из вопросов которой – “О движении за независимость Сибири”. В газете был опубликован проект документа “Этапы формирования Конфедерации Сибирских земель”. Томские активисты имели четкую программу действий для сторонников суверенизации Сибири. Для создания координационного органа движения они хотели использовать конференцию “Потанинские чтения”. На ней планировалось создать координационный орган движения. Во всех краях и областях региона задумывалось создать комитеты “Сибирь”. Активисты движения должны были изучать и пропагандировать его исторические корни, осуществлять связь между комитетами, подготовку и пропаганду вопроса о проведении референдума о создании Конфедерации Сибирских земель» [Сушко 2018: 197–198].

В 1990 г. ТНД вошла в состав движения «Демократическая Россия», и идеи суверенизации Сибири были забыты.

Пропагандистами идей республиканизации выступали не только мелкие и недолговечные политические партии (Союз объединения Сибири, Сибирская республиканская партия, Союз возрождения Сибири, Партия Сибирской независимости, омский комитет «Сибирь», тюменское движение «Сибирь» и др.), но и представители интеллигенции и даже властных структур, не связанные с названными организациями. Особенно очевидными стали такие настроения в 1993 г. с подписанием «Сибирского соглашения» и созданием одноименной межрегиональной организации сотрудничества, на одном из заседаний которого лидеры регионов (в первую очередь Кемеровский губернатор Аман Тулеев) отстаивали идею создания Сибирской республики.

В 1993 г. исследователи Красноярского университета провели опрос населения Красноярского и Алтайского краев по проблемам независимости Сибири: высказываясь в поддержку желательности территориально-государственного обособления Сибири, 44% опрошенных красноярцев и 43% алтайцев говорили о необходимости таможенной границы с другими республиками и регионами, соответственно 46 и 50% считали, что следовало взимать пошлину за провоз

грузов по Транссибирской магистрали и Северному морскому пути. По мнению соответственно 31 и 37% респондентов, Сибири нужна была своя Конституция, по мнению 22 и 18% – свой флаг и гимн [Немировский, Григорьев, Пешков 1991: 20–26].

Однако уже в конце 1993 г. социологические опросы, проведенные специалистами сибирского кадрового центра среди жителей Новосибирской области, показали снижение числа сторонников идеи создания Сибирской республики за шесть месяцев с 20 до 12%⁵⁴.

Со второй половины 1990-х гг. сибирская идея явно утратила популярность и редко становилась предметом открытых политических дебатов и публикаций в средствах массовой информации.

Однако областники оставались активными акторами сибирского публичного пространства и особенно пространства социальных сетей, где идеи культурной специфичности Сибири и сибиряков, а также их особые интересы активно пропагандировались. И, конечно, в центре дискуссий и высказываний, касающихся автономизации Сибири как единого национально-государственного образования, находились проблемы, связанные с межбюджетными отношениями. Очевидно, что сибирские регионы – это основной производитель нефти и газа, а нефтегазовые доходы составляют основу российского бюджета. При этом значительная часть нефтегазовых и иных доходов (уголь, никель, золото, алмазы и пр.), генерируемых прибыльными добывающими предприятиями Сибири, уходит в центр, а затем частично возвращается в регионы в виде трансфертов, распоряжаться которыми местным властям не всегда удобно, поскольку они сопровождаются всяческими ограничениями. Такое положение дел вызывает недовольство и среди экспертов, и среди местных властей, и особенно среди населения, которое сравнивает условия жизни в Москве и в своих регионах. В этой связи специалисты указывают: «Система межбюджетных отношений, выстроенная в 2000-е, трещит по швам. С одной стороны, она вовсе не блокирует неэффективные траты и злоупотребления, с другой – перекрывает всякие возможности для развития регионов и в еще большей степени – муниципалитетов» [Обухова, Скоробогатый 2018: 13].

Потому не случайно, что со второй половины 2000-х гг. интерес к сибирской идее начинает вновь возрастать: в «Живом Журнале» летом 2005 г. появилось сибирское движение, которое сразу же унаследовало идеи областничества и взяло в качестве идейной основы движения Декларацию независимости Сибири, принятую

⁵⁴ *Мальшиев А.* Регионы. Сибирская идея [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.com.ua/m/articles/view/Регионы-Сибирская-идея> (дата обращения 17.03.21).

Временным Сибирским Правительством в 1918 г. Символом движения стало бело-зеленое знамя. Серьезной общественной поддержки движение не получило, ибо являлось сугубо виртуальной конструкцией, но идея сибирской самости довольно прочно укоренилась в массовых представлениях жителей сибирских регионов.

Возникла и некая Областная Альтернатива Сибири (ОАС), которая также апеллирована к исторической памяти, а потому ее лозунги принципиально не отличались от тех, что были выдвинуты еще родоначальниками областничества, и ключевым являлось требование автономии. Как отмечает координатор ОАС Михаил Кулехов, сегодня Сибирь «выживает за счет собственных средств – вернее, той малости, которой от собственных средств Сибири оставляет Кремль и околокремлевский олигархат». Первым шагом на пути изменения ситуации должно стать признание того факта, что «Сибирь и Россия – две хотя и близкие этнически, культурно, исторически, но разные страны». Вторым же – установление формы объединения Сибири и России, «выгодной и полезной обеим странам» [Подвинцев, Назукина 2016: 17].

В последние годы трансформация происходит и с самим сибирским движением, и с сугубо региональным наименованием «сибиряк»⁵⁵.

Сегодня все больше и все чаще об определителе «сибиряк» говорят как об этнониме, а «сибиряков» представляют отдельной этнической группой или субэтносом [Поляничкина 2007: 88]. И для этого есть основания.

Подготовка к всеобщей переписи 2010 г. стала стимулом для актуализации сибирской идентичности, ибо «Включение в перечень возможных ответов о «национальной» принадлежности варианта «сибиряк» послужило поводом проведения в блогосфере акции «Мы – сибиряки». Участники сетевого сообщества «Настоящие сибиряки» призвали жителей Сибири называть себя «сибиряками» и «сибирячками». По их мнению, сегодня Сибирь рассматривается государством преимущественно как сырьевая колония, а существующие программы развития сибирских регионов ощутимого результата не дают» [Нам 2012: 48]. В ходе проведения переписи переписчики, как и в ряде других регионов, своевольно (в нарушение инструкции) отказывались записывать людей «сибиряками» и указывали либо этноним «русский», либо вообще не заполняли графу национальность в переписных листах [Нам 2012: 49], что дало повод сторонникам

⁵⁵ *Ярмольник А.* О проблеме сибирского сепаратизма [Электронный ресурс]. URL: http://www.za-nauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=4688 (дата обращения 17.03.21).

сибирской идентичности, и в частности идеологу конструирования сибирской идентичности Д. Верхотурову, утверждать, что в числе более 5 млн чел., которые не указали свою этническую принадлежность, не менее 4 млн – это те люди, кто хотел обозначить себя сибиряком, но не смог этого сделать [Нам 2012: 50].

Так, например, только в г. Новосибирске около 4 тыс. чел. во время переписи–2010 записались сибиряками, и здесь же была выдвинута идея создания Сибирской национально-культурной автономии⁵⁶, которую, однако, реализовать не удалось, ибо официальные органы не признавали маркер «сибиряк» этнонимом, а сибиряков отдельной этнической группой. Более того, наиболее радикальные сторонники сибирского движения ратуют за «формирование крепкой сибирской нации»⁵⁷. Майки, футболки, наклейки на чемоданы и даже обложки для паспортов, на которых написано: “I am Siberian” («Я – сибиряк»), активно продаются в Новосибирске и приобрели популярность, а это значит, что сибирская идентичность не только получает идеологическое обоснование, но и визуализируется. Впрочем, как сообщают интернет-сайты, «некоторые местные жители предпочитают представляться иностранцам именно “Из Сибири”: это не только вызывает меньше негативных ассоциаций (с коррупцией, авторитаризмом и т. д.), чем “из России”, и воспринимается собеседником как романтизм и экзотика»⁵⁸.

Сегодня акции, которые можно идентифицировать как проявления «сибирской самости», все более приобретают форму неких флеш-мобов, арт-объектов и экзотических представлений, что связано с тем, что «в российских регионалистских движениях социально доминирует молодежь, причем преимущественно студенческая и творческая. Весьма показательным и уже многолетним феноменом являются новосибирские “Монстрации”, организуемые арт-активистом Артемом Лоскутовым. Там охотно поднимают флаг “Соединенных Штатов Сибири”, который придумал омский художник Дамир Муратов»⁵⁹.

⁵⁶ Сибиряки хотят создать национально-культурную автономию [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruvek.info/?module=news&action=view&id=8401> (дата обращения 18.03.21).

⁵⁷ Настоящие сибиряки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.real-siberian.livejournal.com/722471.html>; Я Сибиряк URL: <http://www.news.ngs.ru/more/1153487/НГС.НОВОСТИ> (дата обращения 18.03.21).

⁵⁸ Сибиряки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.news.ngs.ru/more/1153487/НГС.НОВОСТИ> (дата обращения 18.03.21).

⁵⁹ *Штена В.* Движения, которых нет: регионализм в современной России [Электронный ресурс]. URL: <https://icds.ee/ru/dvizhenija-kotoryh-net-regionalizm-v-sovremennoj-rossii/> (дата обращения 18.03.21).

Но стремление к экзотизации нельзя воспринимать только как некую реакцию на унификацию и глобализацию или как форму культурного протеста против социальных язв российского общества. Стремление к экзотизации имеет и вполне рациональную основу, что можно проследить на примере Калмыкии. Если в советские годы здесь было принято подчеркивать свою «европейскость», то в постсоветский период и власти, и местное население все больше подчеркивают «восточность» и республики в целом, и ее столицы Элисты, что зримо воплощается в новых памятниках и новых символах. Экзотизация Калмыкии и Элисты как ее столицы подчеркивает право региона на особость, на возможность быть и оставаться выделенным в особый полноценный субъект Российской Федерации [Guchinova 2012]. Регионалистские движения могут одновременно служить как проводниками сепаратизма [Ландабасо, Коновалов 2004б], так и выступать в поддержку вполне рациональных идей, в числе которых самыми очевидными являются идеи, связанные с расширением полномочий региональных властей, и стимулирование региональных экономических инициатив [Растов, Щербинина 2010].

Сибирский регионализм – это специфический регионализм. Сегодня это не регионализм элит и не этнополитический регионализм, защищаемый отдельными общественными организациями. Это не политическое движение, ибо организаций, выступающих за создание Сибирской республики, которые были бы реальными политическими акторами, просто нет. Сибирскую региональную идентичность нельзя отрицать, и она достаточно очевидно проявляет себя [Сверкунова 1996; Сверкунова 2002; Сибирская ментальность 2007], но при этом движений, признающих сибиряков отдельным народом или специфическим субэтнотипом русских, очень мало, и они крайне малочисленны. В разное время заявляли о себе группы «сибирской ориентации» в Новосибирске, Томске и Иркутске, где и поныне идея сибирского регионализма регулярно воспроизводится в интернет-пространстве. Но общего сибирского движения не сформировалось, и сибирский регионализм есть некая региональная идеология, которая носит преимущественно виртуальный характер. Стать общей идеологией Сибири она не может, ибо своя националистическая идеология сложилась в Якутии, у этнических организаций, представляющих интересы малых сибирских народов [Народы 2017]. А интересы политических элит сибирских регионов слабо согласуются с интеграционной идеологией современного сибирского областничества. Ряд национально-государственных образований, созданных в советское время на территории Сибири, добивались повышения собственного статуса, что существенно меняло политический вес региональных элит, и эти идеи в начале 1990-х гг. прямо конкурировали с идеей Си-

бирской республики. Так, в 1990 г. сессия окружного Совета Ханты-Мансийского автономного округа (где добывалась большая часть российской нефти) выдвинула предложение преобразовать округ в республику. В 1993 г. округ, как и другие субъекты, по новой Конституции стал самостоятельным субъектом Федерации, но до 1997 г. власти региона вместе с властями Ямало-Ненецкого округа, также добиравшимися статуса республики, открыто конфликтовали с властями Тюменской области, в состав которой они формально входили. Эта конфронтация завершилась лишь после того, как Конституционный суд РФ подтвердил, что округ входит в состав Тюменской области, после чего был подписан трехсторонний договор о сотрудничестве между ХМАО, ЯНАО и Тюменской областью [Шабаев 2015: 472].

Тем не менее в 1990-е гг. очевидно проявился интерес местных элит к экономической интеграции в рамках Сибирского региона, в результате чего в 1993 г. был подписан документ, получивший название «Сибирское соглашение». Подписание названного документа ознаменовало начало деятельности одноименной межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия, которая действует до сих пор (в нем участвуют 12 сибирских регионов). Однако процессы экономической и политической интеграции не получили в Сибири серьезного развития и были неглубоки, а «Соглашение» в основном так и остается лишь «декларацией о намерениях», не превратившись в рабочий документ и не став основой для политической консолидации сибирских регионов. Более того, в последние годы появляются тревожные явления, которые говорят о том, что сибирские регионы утрачивают прежнюю динамику развития и близки к стагнации: «Экономическое бессилие сопровождается утратой политического влияния и “веса” регионов, их возможностей и способностей участвовать в выработке государственных и политических решений. Обратно говоря, пространство их влияния начинает “сворачиваться”, прежде всего в экономическом, социокультурном, политическом отношении. Сложившаяся политическая система не обеспечивает условия и эффективные инструменты согласования интересов разных уровней в системе “центр–регионы» [Куцев 2016: 33]. При этом серьезные экономисты настаивают, что успешное развитие сибирских регионов возможно лишь при условии расширения прав региональных властей и местного самоуправления через дальнейшее развитие идеи федерализма [Зубов, Иноземцев 2013].

Но этого не происходит, и потому в публикациях последнего времени появляются алармистские мотивы, связанные с необходимостью выстроить систему противодействия сибирскому сепаратизму [Новиков 2017: 5–8], ***а популярность сибирской идеи*** объясняется сложным экономическим положением ряда сибирских

регионов, низким уровнем жизни значительных групп населения, недостаточным финансированием социальных программ. Таким образом, отсутствие массового и влиятельного сибирского движения, разобщенность политических элит и их интересов, ограниченные политические и экономические ресурсы региональных властей, отсутствие реальной экономической интеграции между сибирскими регионами делают сегодня идеологию сибирского регионализма не востребовавшей. Но существуют объективные причины, которые поддерживают популярность идеи сибирского регионализма. И здесь следует согласиться с тем, что «Сибирь, в отличие от других бывших колониальных образований, была и остается частью единого федеративного государства, но во избежание экономического сепаратизма необходимо фактическое, а не декларативное признание роли и значимости сибирского макрорегиона и как самостоятельного субъекта деятельности, и как части единой страны, а также развитие эффективных институтов современного федеративного государства, более тонкая настройка и выравнивание отношений между центром и Сибирью... Сибири нужна идея развития, адекватная ее уникальности: ее трансформация в стратегический территориальный резерв России (с приоритетным обустройством систем жизнеобеспечения)» [Куцев 2016: 39]. Насколько глубоко укоренилась идея сибирской идентичности, вероятно, можно будет проверить в ходе мониторинга проведения переписи населения 2021 г. и анализа результатов переписной кампании.

Глава 8

Российский Крым: «Восстание регионов» в Европе и крымское самоопределение

Республика Крым сегодня является составной частью РФ и нахождение этого субъекта в составе Российского государства в историческом и правовом отношении вряд ли можно подвергнуть сомнению, если логика истории и логика права принимается во внимание. Более того, население Крыма не только де-факто имеет ныне статус граждан Российской Федерации, но де-юре оно никогда этот статус не утрачивало. Однако события истории и политическая конъюнктура заставили крымчан пройти через длительный этап крымского самоопределения, который привел в итоге к тому, что население полуострова было вынуждено несколько раз подтверждать свою политическую волю быть гражданами России. При этом важно заметить, что референдум 2014 г. явился лишь заключительным этапом самоопределения, длившегося почти четверть века.

Важно в первую очередь указать, что крымское самоопределение – не уникальное изолированное явление, а часть общей тенденции, которая ясно дает о себе знать на Европейском континенте уже много десятилетий и не случайно изучение взаимосвязи этничности и регионализма особенно активно началось в Западной Европе в 1980-е гг. [Rokkan and others 1987]. Поэтому ситуацию в Крыму нельзя рассматривать вне общеевропейских процессов, прежде всего процессов регионализации, сепарации, а также реинтеграции.

8.1. Регионализация как общеевропейская тенденция и проблема

В 1975 г. в г. Хельсинки состоялось знаковое событие, которое имело важное значение как для общеевропейского, так и для мирового развития. В условиях жесткого противостояния двух мировых систем и двух сверхдержав (СССР и США) главами

35 европейских государств, США и Канады был подписан заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, который подвел окончательные итоги Второй мировой войны и декларировал нерушимость послевоенных границ. Но уже спустя 15 лет от послевоенных границ, нерушимость которых, казалось бы, была гарантирована согласованной позицией всей Европы, не осталось и следа. Начался длительный процесс формирования новых государств, число которых возросло в 1,5 раза и стало следствием прежде всего распада СССР и так называемого Восточного блока, что в геополитическом плане расценивалось как завершение холодной войны.

Но связывать изменение границ только с завершением холодной войны и крахом коммунистических режимов нельзя, ибо процессы глобализации и интеграции породили встречный процесс – процесс политической регионализации и этнической сепарации, которые были связаны с попытками изменения политического статуса регионов и отторжением идеи культурной глобализации.

Этот процесс не был характерен только для Европы, но здесь он, вероятно, наиболее показателен. В 1968–1969 гг. «взорвался» Ольстер и началось длительное противостояние Северной Ирландии с Лондоном, а точнее, противостояние ирландцев-католиков с протестантами-англичанами в Ольстере, которое пытался урегулировать Лондон, сохраняя нейтралитет в этом конфликте (не всегда успешно). Ирландские радикалы из ИРА мечтали об отделении от Британии и присоединении к Ирландской Республике, но такая перспектива не устраивала протестантское большинство. Выход из конфликта с трудом нашли не только с помощью налаживания диалога между общинами, но и путем расширения региональных прав провинции.

После смерти в 1975 г. диктатора Франко в Испании и восшествия на престол короля Хуана Карлоса I в стране был проведен референдум «О политической реформе», и в 1978 г. принята новая конституция страны, предусматривавшая создание автономных сообществ со своими официальными языками (государственным языком по Конституции объявлен кастильский) и органами законодательной и исполнительной власти. Однако характер взаимоотношений между федеральной властью и автономными сообществами оставался предметом политических споров, что сначала привело к противостоянию федерального правительства со Страной Басков, а много позже породило каталонский сепаратизм.

Аналогичные процессы происходили не только в Британии и Испании, а также в Италии, Франции, Бельгии, Дании и других европейских странах [Богатырёва 2018].

Наиболее поступательно и бесконфликтно развивался процесс самоопределения Гренландии, являвшейся частью Датского королевства.

В 1979 г. после шести лет подготовки в Гренландии был введен так называемый гомруль, или домашнее правление (Greenland Home Rule), что означало не только культурное и политическое дистанцирование гренландцев (инуитов) от Дании и датчан, но и реализацию их лозунга: «Гренландия – это нация». В результате Гренландия обрела свое правительство, свой парламент и стала самостоятельно распоряжаться ресурсами территории [Даль 2003]. 25 ноября 2008 г. в Гренландии прошел референдум по вопросу наделения острова более широкими автономными правами и 75,5% гренландцев, принявших участие в нем, высказались в поддержку идеи расширения автономных прав. Как следствие, Гренландия получила право полностью самостоятельно распоряжаться своими природными богатствами, создать независимую судебную систему и органы правопорядка, а также расширила возможности влияния на внешнюю политику Дании. При этом на острове взят курс на обретение полной независимости, и Дания не возражает против завершения процесса гренландского самоопределения и создания первого эскимосского государства.

Противостояние федерального правительства Испании и Страны Басков началось еще во времена режима Франко, когда баскская националистическая организация ЭТА начала террор против представителей официальных властей страны [Ландабасо, Коновалов 2004а]. В 1979 г. был принят так называемый органический закон, который определял статус Euskadi, или Страны Басков, а в последующие годы права автономии последовательно расширялись, что заставило ЭТА в 2006 г. объявить о прекращении актов террора и изменило вектор настроений внутри баскского общества и политической элиты. Политические лидеры заявили о «новом курсе», суть которого состояла в том, что борьба за независимость не является более актуальной, а на повестке дня находится проблема расширения автономных прав Страны Басков [Басманова, Миссауи-Ульянищева 2008: 370].

Довольно болезненной стала проблема этнического регионализма в послевоенной Италии, особенно в Южном Тироле, который после окончания Первой мировой войны в 1919 г. был передан этой стране и где проживали в основном немцы. После Второй мировой войны был заключен договор между Италией и Австрией, согласно которому Италия брала на себя обязательства обеспечить культурные права немецкоязычного населения, но процесс италиянизации приграничных территорий, наоборот, был активизирован, что вы-

звало недовольство немецкой общины. Это недовольство приобрело агрессивные формы и вылилось в террористические акты. Знаковым актом сопротивления была так называемая Огненная ночь, имевшая место 12 июля 1961 г., когда были взорваны 34 опоры линий электропередачи. Ответственность взял на себя Комитет Освобождения Южного Тироля, боровшийся за выход Южного Тироля из состава Италии.

Рост недовольства привел к необходимости искать политическое решение, и в 1971 г. был подписан второй итало-австрийский договор об автономии Южного Тироля, вступивший в силу в 1972 г. и предусматривавший разрешение споров по поводу Южного Тироля в Международном суде в Гааге, а также гарантии того, что провинция получит большую автономию внутри Италии, а Австрия не будет вмешиваться во внутренние дела Южного Тироля.

На сей раз регион действительно получил право самостоятельно регулировать сферы торговли, здравоохранения и безопасности. Это встретило одобрение в самой провинции, а сепаратистские настроения пошли на убыль, хотя и не сразу, ибо местные регионалисты считали необходимым продолжать давление на центральное правительство. Поэтому с 1956 по 1988 г. было совершено около 360 террористических актов, основными объектами которых являлись муниципальные здания и инфраструктура. Стоит отметить, что изначально автономисты/сепаратисты ставили целью бескровный террор, чего в целом и удалось достичь.

В 1970 г. в Италии были образованы пять автономных областей, Закон об устройстве автономий принят в Италии в 1990 г. С 2001 г. Конституция устанавливает, что регион Трентино–Альто Адидже включает автономные провинции Тренто и Больцано. Это конституционное положение зафиксировало фактическое положение вещей, а именно то, что две автономные провинции (второй субнациональный уровень) обладают большими полномочиями, нежели регион, который выступает для них только лишь в роли формальной рамки. Такая трактовка позволила сделать немецкий язык полноправным языком Южного Тироля/Больцано и организовать здесь автономное управление с широкими полномочиями, что окончательно похорило тирольский сепаратизм.

Долгим и достаточно драматичным было становление политического регионализма в Бельгии. До середины XX в. «индустриальным сердцем» страны и ее наиболее развитым в промышленном отношении регионом была франкоговорящая Валлония, а французский язык и французская культура были доминирующими культурными ценностями, на которые ориентировалось все население страны. Но после Второй мировой войны ускоренными темпами

стала развиваться Фландрия, где бурно росло машиностроение, электротехника, фармацевтика, химия и другие современные отрасли производства. И за несколько десятилетий экономический вес Валлонии и Фландрии радикально изменился: Валлония с ее старыми производствами превратилась в депрессивный регион, живущий за счет государственных дотаций, а Фландрия стала процветающим и динамично развивающимся регионом, который являлся донором государственного бюджета, где уровень жизни был значительно выше, чем в Валлонии.

В этих условиях положение культурного аутсайдера перестало устраивать население Фландрии, которое все более открыто высказывало свое недовольство. В 1962 г. разгорелся языковой конфликт, связанный с тем, что парламент установил языковую границу, которая достаточно произвольно делила территорию страны на культурно-языковые анклавы [Демешева 2015]. В стране начался поиск новых моделей взаимодействия между культурными сообществами, и был принят языковой закон, согласно которому в стране могли использоваться два языка при решении административных дел (французский и фламандский), но он не удовлетворил многих бельгийцев, а потому процесс реформ был продолжен, а в 1980 г. началась конституционная реформа.

В 1993 г. Бельгия была преобразована из унитарной страны в федерацию (новая Конституция принята в 1994 г.) и разделена на три языковых сообщества: франкоязычное, немецкоязычное, фламандское, которые административными единицами не являются и каких-либо структур управления не имеют, но фламандское сообщество имеет границы, совпадающие с границами региона Фландрия. Французское сообщество обычно называют «Сообщество Валлонии и Брюсселя» (*Communauté Wallonie-Bruxelles*), но это название официально не признано и не вполне соответствует действительности, поскольку на территории Валлонии расположен немецкоязычный регион, а Брюссель имеет статус самостоятельного региона, на который полномочия французского сообщества не распространяются. На территории Брюсселя, кроме французского, действует также фламандское сообщество. Немецкоязычное сообщество Бельгии (*Deutschsprachige Gemeinschaft Belgiens*) является самым маленьким из языковых сообществ и состоит из девяти муниципалитетов, где компактно проживает немецкое население.

Но и нынешнее положение дел не устраивает население Фландрии, потому что регион вынужден делиться своими доходами с остальной частью страны и фактически содержать их. Поэтому фламандский этнонационализм продолжает укрепляться, следствием чего стал приход к власти во Фландрии партии Новый фламандский

альянс, которая требует не только полной налоговой самостоятельности, как это имеет место ныне в Стране Басков и в Южном Тироле, но выступает за полное размежевание Валлонии и Фландрии.

В 1998 г. произошла конституционная революция в Великобритании, суть которой заключалась в передаче значительных полномочий этнонациональным регионам. В 1998–1999 гг. воссоздан парламент Шотландии – Холируд, ликвидированный в 1707 г. после заключения унии с Англией; впервые организована ассамблея Уэльса – Сеннед, возобновлена деятельность Стормонта – законодательного собрания Северной Ирландии, прерванная в 1972 г. введением прямого правления из Лондона на фоне разгоревшегося конфликта между католиками-ирландцами и англичанами-протестантами.

Полномочия региональных парламентов были различны, но все они могли формировать региональные правительства, а шотландский парламент обладал еще и налоговыми полномочиями. В дальнейшем права Шотландии были еще более расширены, и Банк Шотландии получил право печатания денег, поэтому на отпечатанных в Шотландии фунтах стерлингов стоит надпись «Банк Шотландии» (Северная Ирландия также имеет право на эмиссию своего фунта, который может обращаться только на ее территории). Процесс децентрализации и автономизации породил и усиление шотландского сепаратизма [Тишков, Шабаев 2019].

Даже такая страна, как Франция, исторически сформировавшаяся как унитарное государство, и где принята жесткая ассимиляторская модель этнополитики, вынуждена была пойти на уступки этнонационалистам, правда, только на Корсике. В 1991 г. был принят закон «О статусе территориальной общности Корсики», который предоставлял острову территориальную автономию.

Но, пожалуй, наиболее драматичные события в начале 1990-х гг. происходили в Восточной Европе и на Балканах. В 1991 г. распадается Советский Союз и сразу на карте Европы появляется 15 независимых государств. Распад СССР не был вполне легитимным, поскольку он более всего напоминал бунт мятежных провинций против центрального правительства, и «развод» их с бывшей страной проходил не в строгих правовых рамках, когда лидеры взбунтовавшихся провинций обстоятельно решают, как разделить общее имущество единой страны, как реформировать некогда единую армию и решить проблему взаимной безопасности и безопасности соседей, как гарантировать права переселенческих и этнических меньшинств в новообразованных государствах и многие другие вопросы. Отсутствие цивилизованного расторжения союзного договора, согласно которому республики объединялись в Советский Союз, не помешало лидерам западных стран поспешно признать независимость бывших советских респуб-

лик, хотя в 1975 г. они подписывались под документом, гарантирующим нерушимость послевоенных границ в Европе.

Тогда же, в 1991–1992 гг., начался балканский кризис и распад Югославии. Попытки югославского руководства организовать широкий внутриюгославский диалог о возможных формах сохранения югославской федерации наталкивались на политические амбиции новых лидеров республик, где к власти пришли националисты, главной целью которых была полная независимость своих республик. Поэтому они торопились объявить о независимости своих республик, а западные лидеры еще до окончания внутриюгославского диалога стали признавать эту независимость, тем самым разжигая политические амбиции и страсти в раскалывающейся стране. В результате дело закончилось боснийской войной, в которой столкнулись интересы разных этнических и конфессиональных общин, а также ростом сепаратизма, спровоцировавшим косовский кризис, переросший в гражданскую войну в Сербии, а точнее, в автономном крае Косово. Эта война носила характер межэтнического и межконфессионального внутрисербского конфликта. Однако западные страны решили, что они могут и должны вмешаться в этот конфликт, ибо как реальные преступления против мирного населения с обеих сторон конфликта, так и громкие инсценировки таких преступлений, осуществленные Армией освобождения Косово (в которой было много откровенных головорезов), дали западным странам повод заявить о необходимости вмешательства во внутриюгославский конфликт^{60, 61} [Югославия 2011; Gallagher 2003; Ramet 2006]. В 1999 г. начались бомбардировки Югославии авиацией НАТО, в ходе которых нападению подверглись как военные, так и гражданские объекты. Бомбардировки были прекращены после подписания Военно-технического соглашения в Куманове между представителями югославской армии и стран НАТО. В результате операция была завершена, а контроль над регионом перешел фактически к силам НАТО и международной администрации, которая позднее передала основную часть полномочий по управлению территорией структурам этнических албанцев. Прошли этнические чистки, которые являлись военными преступлениями, направленными против сербского и цыганского населения Косова и Метохии.

⁶⁰ *Флере С.* Причины распада бывшей Югославии: взгляд социолога [Электронный ресурс]. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/0/?page=10> (дата обращения 19.03.21).

⁶¹ *Божинов В.* Почему распалась Югославия? Краткий обзор событий и причин от Тито до Милошевича [Электронный ресурс]. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/0/?> (дата обращения 19.03.21).

Это была вторая крупномасштабная военная кампания НАТО на Балканах (первой стала операция «Обдуманная сила», целью которой было противодействие войскам боснийских сербов в Боснии и Герцеговине в 1995 г.). Операция не имела мандата ООН, а потому она часто характеризуется критиками как незаконная военная интервенция.

17 февраля 2008 г. парламент Косово провозгласил независимость от Сербии, а также о создании самостоятельного государства. Это решение не было подкреплено всенародным референдумом и согласовано с властями Сербии, выступавшими категорически против, поскольку считали этот край исконной территорией Сербии (и сербы здесь при создании югославской федерации составляли не менее половины жителей). Провозглашение независимости в какой-то мере спровоцировало экстренное заседание Совета безопасности ООН, на котором 5 из 15 его членов выступили за признание независимости Косово. Попытки противников такого решения опротестовать его не имели успеха, ибо в числе первых стран независимость Косово признали США, и их примеру последовала довольно большая группа государств. «Предоставление Косово полной независимости создало прецедент для “непризнанных государств” в СНГ, чем воспользовалась Россия, признав независимость и суверенитет Абхазии и Южной Осетии после августовской пятидневной войны 2008 г. (которыеполнили группу “частично признанных государств”, таких как Турецкая республика Северного Кипра, Сахарская Арабская Демократическая Республика, Тайвань и др.). Признание Косово стало “подарком” и для европейских сепаратистов, не считающих неделимость государств истиной в последней инстанции» [Ачкасов 2012: 90].

В 1993 г. распалась Чешская Федерация, что казалось совершенно нелогичным, поскольку между двумя республиками – Чехией и Словакией – существовала высокая степень экономической взаимозависимости, а идея единой культурной общности чехославян, в состав которой входили чехи, словаки и моравяне, укоренилась еще в начале XIX столетия [Щербакова 2006: 8]. После краха Австро-Венгерской империи, ставшего итогом Первой мировой войны, и реализации идей лидеров стран Антанты, а особенно американского президента Вудро Вильсона, на карте Европы появилось новое государство – Чехословакия, которую иногда называли «любимым ребенком, рожденным Версальской системой». Но этот «ребенок» появился на свет с «родовой травмой», которая на протяжении всей относительно недолгой истории Чехословакии давала о себе знать. Президентом Чехословакии стал бывший профессор Пражского университета Масарик – сторонник не гражданского, а этнического на-

ционализма, а этнические меньшинства, особенно судетские немцы и венгры символически исключались из состава чехословацкой нации. «Меньшинства эти не включались подавляющим большинством чешских (и словацких) политиков, в том числе и Масариком, в “чехословацкую нацию” – отчасти, конечно, из-за нежелания самих их представителей участвовать в “чехословацком проекте”, но прежде всего из-за... этнического, а не географического определения этой нации» [Бобраков-Тимошкин 2008: 56]. Представителям этнических меньшинств было позволено считаться гражданами Чехословакии, но не чехословаками. А в основу нации был положен не паритетный чешско-словацкий национализм, а интегрированный чехославизм. При этом чешской элитой словаки рассматривались как региональный субэтнос, который просто отстал в развитии от материнского этнического сообщества, а словацкий язык воспринимался только как диалект единого чешского языка.

Между тем «с момента основания единого государства ключевыми компонентами словацкой политической программы были автономия и сохранение словацкой культурной идентичности» [Палоуш 2003: 163]. Словацкая элита последовательно отстаивала право словаков быть самостоятельным культурным сообществом. Первой такой попыткой стало создание «независимого словацкого государства», созданного в союзе с гитлеровской Германией и закончившей свое существование в результате словацкого национального восстания в августе 1944 г. Второй попыткой стала федерализация Чехословакии в 1968 г. и превращение ее в федерацию республик Чехии и Словакии – ЧСФР. Тем не менее, и в составе Федерации сохранялись старые культурные стереотипы в отношении словаков как менее развитой части единого чешского этнического сообщества. В итоге, когда коммунистический режим пал, а контроль со стороны лидера «Восточного блока» исчез, как и сам этот блок, словацкая элита решила, что только реальная граница может быть тем инструментом, который позволит сохранить словацкую идентичность и изменить сам статус словаков как культурного сообщества. Предложенная словацкой элитой идея преобразования Чехословакии в конфедерации не устроила чешскую элиту, и политические лидеры обеих республик приняли в июле 1992 г. решение «о прекращении существования федерации и об определении механизмов раздела общего имущества» [Щербакова, 2006: 36]. Референдум не проводился, и его идея даже не рассматривалась политическими лидерами как необходимое условие для реализации идеи «политического развода» двух частей государства (при этом опросы показывали, что большинство чехов и словаков выступали за сохранение единой страны). 25 ноября 1992 г. Федеральное собрание ЧСФР с перевесом

всего в три голоса утвердило закон о прекращении существования Чехословацкой Федерации, и с 1 января 1993 г. Чехия и Словакия стали самостоятельными Чешской и Словацкой Республиками.

Угроза дальнейшей дезинтеграции Европы в последние годы нарастает, что является следствием как очевидных внутренних проблем самой объединенной Европы, где усиливается движение евроскептиков, так и деятельности регионалистских и этносепаратистских движений.

Настоящим «восстанием регионов» стал 2014 год, который прошел под знаком референдумов о независимости, проводившихся в разных странах и регионах. С 16 по 21 марта проходил электронный референдум в итальянской области Венето, организованный партией «Независимость Венето», настаивающей на том, что 1100 лет независимости Венецианской республики дают основания требовать воссоздания этого государственного объединения. За независимость высказались 80% принявших участие в референдуме, хотя он и не был признан. Осенью того же года состоялись еще два референдума: 18 сентября о независимости Шотландии, а 9 ноября о независимости Каталонии. Если в Шотландии большинство не поддержало отделение от Британии, то в Каталонии сторонники независимости победили, но центральное правительство признало референдум антиконституционным. Тем не менее и в Шотландии, и особенно в Каталонии вопрос о независимости остается открытым.

Автономисты и сепаратисты поднимают голову в румынской Трансильвании, в латышской Латгалии и в других регионах Европы.

Однако помимо процессов разделения суверенных государств и перекройки их прежних границ, имел место и обратный процесс – воссоединение некогда разделенных территорий/государств и создания/воссоздания единых государственных образований. Так, в 1990 г. произошло фактическое поглощение ГДР Федеративной Республикой Германии. Для объединения двух стран была использована возможность, предусмотренная Конституцией ФРГ: территория ГДР была включена в состав ФРГ, и действие Конституции ФРГ было распространено на новую территорию. В сентябре того же года в Москве заключен «Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии», подписанный главами внешнеполитических ведомств ФРГ, ГДР, СССР, США, Франции и Великобритании. Объединение Германии состоялось 3 октября 1990 г. Этот день с тех пор является Днем немецкого единства и отмечается как национальный праздник.

Процесс объединения Германии был осуществлен не на основе референдума, а в результате договоренностей между политическими лидерами, и поэтому неясно, какая часть восточно-германского

населения однозначно поддерживала идею объединения (хотя сам процесс был спровоцирован массовыми выступлениями протеста против политики Социалистической Единой партии Германии (СЕПГ) и в поддержку идеи объединения). Неясно также, каким желали видеть это объединение простые немцы, поскольку события развивались стремительно, и широких общественных и политических дискуссий о принципах объединения организовать не удалось. Результатом объединения было не только изменение общественного устройства, экономический рост, но и многие личные трагедии, а также появление в массовом сознании граждан единой Германии неких новых культурных границ – разделение немцев на «осси» и «весси», т. е. на восточных и западных немцев и маркирование жителей новоприобретенных федеральных земель как еще не вполне состоявшихся граждан, как социальных аутсайдеров, а также появление в общественном настроении ностальгии по ГДР, которая нашла отражение в потребительской рекламе (маркирование продукции под лозунгом «Как в ГДР!»). В 1975 г. состоялось объединение Северного и Южного Вьетнама, в 1997 г. произошло воссоединение Гонконга с Китаем, хотя значительная часть китайского населения Гонконга не горела желанием объединяться с «исторической родиной».

В этом же ряду региональных трансформаций находятся и события, связанные с воссоединением Республики Крым с Россией.

8.2. Исторический экскурс

Попытки предъявить некие «эксклюзивные» права на Крым безрезультатны, ибо полуостров был местом формирования государственных образований скифов, хазар, готов, восточных славян, крымских татар и этнический состав его населения, а также культурный ландшафт хранят следы пребывания на этой территории многих народов. Еще в эпоху Древней Руси Тамань попала в сферу интересов киевских князей. Из летописных источников известно, что князь Владимир, взяв приступом Херсонес, принимает здесь крещение в 988 г. и на части крымских земель основывает Тмутараканское княжество. К середине XIII столетия степные районы оказались под контролем Золотой Орды, а затем она полностью овладела Крымом. В связи с распадом Золотой Орды в 1441 г. здесь создается независимое Крымское ханство, которое вскоре становится вассалом Османской империи. Тогда окончательно формируется этнический состав населения полуострова, а татары, составлявшие подавляющее

большинство жителей после уничтожения готов и изгнания генуэзцев, переходят от кочевого образа жизни к оседлому. Начинает развиваться не только скотоводство, но и земледелие, садоводство.

На протяжении последующих нескольких столетий Крымское ханство представляло серьезную угрозу для России и Речи Посполитой, поскольку крымские ханы регулярно устраивали набеги на русские и польские земли, разоряли города, а жителей уводили в рабство. В XIV–XVII вв. русские цари предприняли несколько походов на Крым через Дикое поле. Однако ни один из них не был настолько успешным, чтобы навсегда положить конец вторжениям крымчаков на российские земли. Окончательно ликвидировать угрозу с юга удалось только к концу XVIII в.

Вхождение Крыма в состав Российской империи стало итогом победного завершения Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. В соответствии с этим договором Крымское ханство приобрело независимость от Турции, но фактически эту независимость она имела лишь символически. 8 апреля 1783 г. был издан Манифест о присоединении Крыма, Тамани и Кубани к России, а уже в июне 1783 г. был основан город Севастополь. Менее чем через год после издания Манифеста императорским Указом от 2 февраля 1784 г. была учреждена Таврическая область, преобразованная в 1802 г. в губернию. Турция окончательно признала принадлежность Крыма России лишь в результате заключения в 1791 г. Ясского мира, завершившего Русско-турецкую войну 1787–1791 гг. Таврическая губерния просуществовала вплоть до 1918 г. Накануне революции в Крыму проживало 800 тыс. человек, в том числе 400 тыс. русских и 200 тыс. татар, а также 68 тыс. евреев и 40 тыс. немцев [Володарский, Елисеева, Кабузан 2003]. После февральских событий 1917 г. крымские татары организовали партию Милли Фирка, попытавшуюся захватить власть на полуострове. Но 16 декабря 1917 г. в Севастополе был учрежден большевистский Военно-революционный комитет, который взял власть в свои руки. 4 января 1918 г. большевики взяли власть в Феодосии, выбив оттуда крымско-татарские соединения, а 6 января – в Керчи. В ночь с 8 на 9 января Красная гвардия вступила в Ялту. В ночь на 14 января взяла Симферополь. 19 марта 1918 г. в Крыму была провозглашена Советская Социалистическая Республика Тавриды. 22 апреля 1918 г. войска украинской Центральной Рады (сформированной на Украине в условиях немецкой оккупации) заняли Евпаторию и Симферополь, а вслед за ними пришли германские части генерала фон Коша. По соглашению между Киевом и Берлином 27 апреля украинские подразделения покинули Крым, отказавшись от претензий на полуостров. В этих условиях активизировались крымско-татарские политики,

которые заключили союз с оккупационными властями. К 1 мая 1918 г. германские войска оккупировали весь Крымский полуостров. С 1 мая по 15 ноября 1918 г. Крым находился под германской оккупацией, но формально им управляло Крымское краевое правительство Сулеймана Сулькевича. 25 ноября 1918 г. в Севастопольский порт вошла союзническая эскадра, и в город вступили французские войска. Под патронажем союзнических войск было сформировано второе Крымское краевое правительство, просуществовавшее недолго. В июле 1919 г. Крым оказался под управлением правительства Юга России, сформировавшего свою армию, которую возглавил генерал А. Деникин (с апреля 1920 г. – генерал Н. Врангель). После поражения деникинских войск их остатки были эвакуированы в Крым, где они довольно долго вели успешную оборону. Но Красная армия 12 ноября 1920 г. прорвала оборону на Перекопе и ворвалась в Крым. 13 ноября 2-я Конная армия заняла Симферополь. Остатки белых войск через портовые города покинули полуостров. В захваченном Крыму большевики учинили массовый террор, физически уничтожив огромное количество противников советской власти и тех, кого считали нелояльными к ней.

Автономная Крымская Социалистическая Советская Республика в составе РСФСР была образована 18 октября 1921 г. на части территории бывшей Таврической губернии. 1920-е гг. были временем повсеместного проведения политики коренизации, которая в Крыму приняла форму татаризации. В первом составе Крымского ЦИК из 50 членов 18 были татарами (36%), а в составе правительства (СНК) из 15 членов татарами были четверо (26,6%). Крымско-татарский язык был признан, наряду с русским, государственным. Создавались условия для формирования кадров национальной интеллигенции, развития национальных средств массовой информации, книгоиздания, профессионального искусства. В основу административного деления автономии также был положен этнический принцип. К концу 1920-х гг. политика коренизации, как и в других национальных республиках, сворачивается. Начинаются преследования «сторонников буржуазного национализма», в числе которых оказывается председатель ЦИК Крымской АССР Вели Ибраимов (расстрелян в 1928 г.), а также бывшие члены Милли Фирказа и пантюркисты. В 1936–1938 гг., когда террор достиг своего апогея, в результате организации нескольких крупных уголовных дел и показательных процессов была уничтожена верхушка советской татарской номенклатуры и интеллигенции [История 2015], что не могло не сказаться на последующем развитии событий. В годы Великой Отечественной войны Крым стал ареной активных военных действий, а после эвакуации советских войск с территории

полуострова здесь, с одной стороны, появляется партизанское движение и антифашистское подполье, а с другой – с оккупационными властями начинают сотрудничать местные коллаборационисты, среди которых было много татар. Это стало поводом для того, чтобы в мае–июне 1944 г. с территории полуострова были выселены крымские татары (183 тыс. чел.), армяне, греки и болгары [Губогло, Червонная 1992; Бекирова 2004].

Но фактически имело место не только «коллективное наказание» целого народа (как и в случае с рядом народов Северного Кавказа), но и всего населения Крыма, поскольку 26 июня 1946 г. был издан Закон РСФСР «Об упразднении Чечено-Ингушской АССР и о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область». Ликвидация Крымской АССР была логичной, если следовать постулатам доктрины этнического национализма, ибо этнические группы, которые являлись символическими собственниками территории Крыма (а равно и Чечено-Ингушской АССР) изгонялись со своих этнических территорий, а потому необходимость в этнической автономии для данной территории утрачивала смысл. Но с правовой точки зрения подобное решение было сомнительным, ибо, согласно ст. 18 Конституции СССР 1936 г., территория советских республик не может быть изменена без их согласия. Однако вопреки этой норме Крымская АССР была преобразована в область в составе РСФСР. Никто не получил хотя бы формального согласия ни от населения, проживавшего на территории полуострова, ни от органов советской власти Крымской АССР.

Если северокавказские республики, ликвидация которых также обосновывалась сотрудничеством с оккупантами в годы войны и выселением титульных этнических групп с территорий национальных республик, во второй половине 1950-х гг. смогли восстановить свои автономии, то с Крымом этого не произошло, как и с поволжскими немцами. Да и сама реабилитация крымских татар затянулась, а их возвращению на родину власти препятствовали. Указ Президиума Верховного Совета СССР № 493 от 5 сентября 1967 г. «О гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму» признавал, что «после освобождения в 1944 г. Крыма от фашистской оккупации были необоснованно отнесены ко всему татарскому населению Крыма», но никаких практических последствий он не имел, поскольку для татар возможность переселения в Крым по-прежнему была закрыта.

14 ноября 1989 г. Верховный Совет (ВС) СССР принял Декларацию «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечению их прав». Совет Министров СССР принял 11 июля

1990 г. постановление, позволившее татарам свободно возвращаться в родные места. Массовость переселение приобрело с 1989 г. и продолжилось все последующие годы.

8.3. Крым в составе Украины

Важной вехой крымской истории является передача Крымской области в состав УССР, которая состоялась в 1954 г. и стала беспрецедентным актом, вызывающим и по сей день много споров.

В соответствии с политической практикой советской эпохи важнейшие государственные проблемы рассматривались сначала на заседаниях Политбюро (Президиума) ЦК КПСС и только затем они спускались для принятия конкретных решений в высшие органы государственной власти. 25 января 1954 г. на заседании Президиума ЦК КПСС был утвержден проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР. Признано целесообразным проведение специального заседания Президиума ВС СССР для рассмотрения совместного представления Президиумов Верховных Советов РСФСР и УССР о передаче Крымской области. 5 февраля 1954 г. Президиум Верховного Совета РСФСР принимает постановление «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР» с последующим внесением его на утверждение Президиума ВС СССР. 13 февраля Президиум Верховного Совета УССР принимает постановление «О представлении Президиума Верховного Совета РСФСР по вопросу передачи Крымской области в состав УССР». Президиум постановляет «просить Президиум Верховного Совета Союза ССР передать Крымскую область из состава Российской СФСР в состав Украинской ССР» (цит по: [Фёдоров 1999]).

19 февраля в соответствии с решением ЦК собирается Президиум Верховного Совета СССР для рассмотрения вопроса о передаче Крымской области. Утвержден проект Указа Президиума Верховного Совета СССР «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР», которым, в свою очередь, утверждено совместное представление Президиумов ВС РСФСР и УССР. Законом СССР «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР» от 26 апреля 1954 г. Указ Президиума ВС СССР от 19 февраля 1954 г. был утвержден. Закон предписывал внести соответствующие изменения в статьях 22 и 23 Конституции СССР. Он был опубликован в центральных газетах 28 апреля 1954 г.

«Приведенные в документах, принятых органами государственной власти СССР, РСФСР и УССР, партийными органами, основания для передачи Крымской области выглядят весьма расплывчатыми, а само решение о передаче – недальновидным и безответственным. Необходимость передачи Крыма объясняется практически одними и теми же обстоятельствами: территориальной близостью, общностью экономики, хозяйственной целесообразностью, наличием исторически сложившихся культурных связей между населением Крымской области и Украинской ССР...

Было ли решение о передаче Крыма правомерным?

При рассмотрении актов о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР встает вопрос о соответствии Постановления Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 февраля 1954 года и Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1954 года “О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР” действовавшей тогда Конституции СССР 1936 года, Конституциям РСФСР и УССР... Конституция РСФСР 1937 года не называет в числе полномочий Президиума Верховного Совета РСФСР право решать вопросы территориальной целостности РСФСР. Более того, статья 16 Конституции РСФСР содержит положение о том, что территория РСФСР не может быть изменена без согласия РСФСР. В связи с вышеизложенным встает вопрос: можно ли признать правомерным утверждение Указа от 19 февраля 1954 года Законом СССР? Следует обратиться к конкретным правовым актам, оформившим изменение статуса Крыма. Таких актов пять. Исходный из них – Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 февраля 1954 года. В тот же день, 5 февраля 1954 года, было издано аналогичное Постановление Совета Министров РСФСР. И лишь 2 июня 1954 года вопрос о Крыме рассматривался на сессии Верховного Совета Российской Федерации. Но речь шла уже не о согласии или несогласии РСФСР на изменение статуса Крыма, а о приведении Конституции РСФСР в соответствие с Конституцией Союза ССР, по которой Крым стал частью Украины уже в апреле 1954 года.

Суть проблемы сводится к ответу на вопрос: кто имел право давать согласие от имени Российской Федерации на изменение ее территории? О таком обязательном согласии говорили в то время статья 16 Конституции РСФСР и статья 18 Конституции СССР.

Статья 33 Конституции РСФСР содержала исчерпывающий перечень полномочий Президиума Верховного Совета РСФСР... Между тем правовая норма о том, что территория РСФСР не может быть изменяема без согласия РСФСР содержалась в статье 16 Конституции, а значит находилась вне сферы прав не только Пре-

зидиума, но и самого Верховного Совета РСФСР. Отсюда следует, что никакие органы государственной власти РСФСР не наделялись правом изменять территорию РСФСР или давать согласие на ее изменение.

Поскольку пункт “д” статьи 14 Конституции Союза ССР относился к ведению СССР в лице его высших органов государственной власти и органов государственного управления утверждение изменений границ между союзными республиками, а *Конституция РСФСР не наделяла никакие органы государства правом решать этот вопрос, то в этом отношении, по всей видимости, существовал некий конституционный пробел в подобной правовой ситуации.* Единственным способом получения согласия РСФСР на изменение ее территории был референдум. И пункт “г” статьи 33 Конституции Российской Федерации наделял Президиум Верховного Совета правом производить всенародный опрос (референдум). В 1954 году этого сделано не было.

Таким образом, можно говорить о том, что акты 1954 года о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР были приняты органами государственной власти РСФСР, не правомочными решать такого рода вопросы, т. е. с нарушением действовавшего законодательства. А значит, данные акты не имеют юридической силы с момента их принятия» [Фёдоров 1999: 9–11].

В принципе передача Крыма Украине была своеобразным «подарком» этой республике со стороны союзных властей и политического лидера СССР, являвшегося уроженцем Украины [Подарки властителей 1996]. Такая ситуация была допустима с точки зрения идеологов тоталитарного строя, но она не укладывалась в правовое поле Советского государства. При этом речь должна идти не только и не столько об изменении статуса региона и его юрисдикции, сколько о статусе самого населения Крымской области.

Это население являлось гражданами РСФСР. Но передача Крыма из состава одного национально-государственного образования в состав другого означала, что население данного территориального образования должно самоопределиваться и решить, желает ли оно менять свой статус (перейти в иную юрисдикцию), т. е. этот вопрос также должен был решаться на референдуме (к тому времени членами ООН, т. е. членами сообщества наций, были не только СССР, но и Украина, а принцип национального самоопределения был закреплен в уставе организации).

Поскольку референдума ни о передаче территории Крыма Украине, ни об изменении статуса его жителей не было, то де-юре население Крыма так и осталось гражданами РСФСР, т. е. никогда в юридическом смысле не являлось гражданами

Украины. И такая ситуация подтверждалась самой идентичностью крымчан, которые рассматривали себя как отдельное и специфическое культурное сообщество, не видя тождества между крымчанами и гражданами Украинской ССР.

Именно эта идентичность и спровоцировала начало процесса крымского самоопределения, старт которому был дан еще до распада СССР.

Первый референдум на территории Крыма (первый в истории СССР референдум) состоялся 20 января 1991 г. Решение о его проведении было принято 12 ноября 1990 г. на внеочередной сессии Крымского областного Совета народных депутатов. На голосование был вынесен вопрос: Вы за воссоздание Крымской Автономной Советской Социалистической Республики как субъекта Союза ССР и участника Союзного договора? Голосование бойкотировали большинство крымских татар. «В референдуме в Крыму 20 января 1991 г. принял участие 81% населения полуострова, и 93% ответили “да”. Это, видимо, подтолкнуло Верховный Совет УССР 12 февраля 1991 г. принять соответствующий закон, но только не о “воссоздании”, а о “восстановлении” Крымской АССР в составе Украинской ССР, который, правда, впоследствии Украиной был упразднен вместе с Конституцией УССР. Но, как бы то ни было, 7 марта 1991 г. Верховный Совет СССР отменил незаконный и преступный указ 1945 г. “О преобразовании Крымской АССР в Крымскую область в составе РСФСР”. Существует общеправовой принцип, согласно которому ничтожные акты не порождают юридических последствий, следовательно, в СССР Крыму и де-юре и де-факто был возвращен статус автономной республики» [Никитинский 2016]. Имеется в виду статус автономной республики в составе РСФСР.

Историческая значимость данного референдума состоит в том, что это была первая попытка решить судьбу Крыма, основываясь не на позиции «верхов», а на волеизъявлении самих его жителей. Однако восстановление автономии было не единственным, о чем на референдуме заявило население полуострова. В бюллетенях для голосования стоял вопрос не просто о восстановлении автономии Крыма, а о воссоздании именно Крымской Автономной Советской Социалистической Республики – тем самым определялся и общественно-политический статус автономии. Крымская республика существовала только в составе Российской Федерации, но никогда не существовала в составе Украинской ССР и, следовательно, решение о ее воссоздании означало возврат в состав того субъекта, в рамках которого республика и была создана. Результаты референдума позволили принять в сентябре 1991 г. Декларацию о суверенитете Крыма, а в мае 1992 г. – Конституцию республики.

Политическое значение вышеуказанного референдума состоит в том, что впервые не только в СССР, но и в российской истории (включая имперский период и события, последовавшие за революцией 1917 г.) вопрос о самоопределении народа, проживающего на той или иной территории и составляющего некое поликультурное сообщество решался самим народом, а не политическими партиями, этнической элитой или внешними акторами, т. е. имел место демократический и реальный акт консолидированного выбора территориальным сообществом своего политического будущего. Более того, это самоопределение осуществлялось не в узкогрупповых этнических интересах, а в интересах всего территориального сообщества, чего прежде в политической практике СССР не наблюдалось.

Более того, последующие события позволяют считать, что Украина сама отказалась от Крыма и признала, что его население не желает быть частью формируемой украинской нации, не согласно с самой моделью нациестроительства на Украине. Дело в том, что 24 августа 1991 г. в Киеве был нанесен первый удар по юридической целостности СССР – Верховный Совет тогда еще Украинской ССР объявил, что на территории Украины Конституция СССР и Конституция УССР больше не действуют, хотя потом соответствующие поправки сделаны были. Но эти поправки мало что меняли, поскольку на Всеукраинском референдуме 1 декабря 1991 г. крымчане не поддержали Акт провозглашения независимости Украины, принятый Верховным Советом УССР, необходимым большинством: и в Крыму, и отдельно в Севастополе доля такой поддержки составила лишь около 36% от численности избирателей.

Кроме того, еще 4 сентября 1991 г. Верховный Совет Крымской АССР принял свою Декларацию о государственном суверенитете, подтверждавшую стремление народа Крыма «к самоопределению в составе Украины и СССР», что опиралось на положения Устава ООН, который признает право на самоопределение народов как «естественное». А на следующий день, 5 сентября 1991 г., Съезд народных депутатов СССР принял постановление, в котором «с уважением отнесся» к актам о независимости и декларациям о государственном суверенитете всех своих республик, фактически признав за ними международную правосубъектность. Но в условиях политической нестабильности Крым не использовал исторический шанс получить собственный и особый статус, соответствующий обособленности его территории, а принимая решения о ликвидации СССР, Ельцин не считал необходимым оговорить в Беловежской пуще особый статус Крыма, полагая, что достаточно соглашения (потом закрепленного документально) о пребывании российских войск на территории Крымского полуострова.

Однако с первых лет независимости центральные украинские власти последовательно пытались ограничить право населения Крыма на самоопределение, о чем свидетельствуют многочисленные факты.

5 мая 1992 г. на сессии Крымского парламента был принят **Акт о государственной самостоятельности Республики Крым**, который должен был вступить в силу после подтверждения общекрымским референдумом, дата проведения которого была назначена на 2 августа. Его участники должны были ответить на два вопроса: «Вы за независимый Крым в союзе с другими государствами?» и «Вы подтверждаете Акт о государственной самостоятельности Республики Крым?».

13 мая Верховный совет Украины признал решение парламента Крыма о провозглашении Акта о государственной самостоятельности и проведении референдума, противоречащими Конституции Украины и приостановил его действие. 9 июля Верховный совет Крыма под давлением украинских властей объявил мораторий на свое же постановление о проведении референдума.

В марте 1995 г. решением Верховной рады и Президента Украины Конституция Республики Крым была отменена, пост президента упразднен. 25 апреля Верховный совет Крыма принял решение провести 25 июня общекрымский референдум. Крымчанам предлагалось ответить на следующие вопросы:

1. Утверждаете ли Вы Конституцию Республики Крым, отмененную Верховным советом Украины в одностороннем порядке 17 марта 1995 года?

2. Поддерживаете ли вы закон Украины «Об Автономной Республике Крым» от 17 марта 1995 года?

Однако 31 мая того же года парламент Крыма отменил решение о референдуме, согласившись с настоятельным предложением Верховного совета Украины принять Конституцию автономной республики на основе закона Украины «О разграничении полномочий между Украиной и Крымом».

В 1998 г. в повестку дня сессии Верховного совета Крыма были внесены предложения о проведении референдума, в том числе по вопросу о предоставлении русскому языку статуса государственного, а также о снятии моратория на референдум о статусе Крыма. Однако депутаты не пришли к единому мнению о проведении референдума.

Власти Украины предпринимали усилия не столько к тому, чтобы экономически и культурно интегрировать Крым в общее экономическое и культурное пространство страны, сколько старались обеспечить свое политическое влияние на полуострове за счет укрепления в местной политической элите проукраинских настроений

и политических лидеров и за счет назначенцев из Киева. Постепенно позиции Киева в Крыму укреплялись, хотя пророссийские организации являлись неотъемлемой составной частью местных политических сил, а пророссийские настроения на низовом уровне здесь были сильны всегда. Но главное, что крымская идентичность была тем культурным фундаментом, который позволял противостоять одностороннему украинскому национализму и попыткам механической украинизации полуострова.

22 февраля 2006 г. Верховный совет Крыма еще раз предпринял попытку провести республиканский референдум о статусе русского языка, намеченный на 26 марта. Инициатива принадлежала Партии регионов, возглавляемой Виктором Януковичем. Украинский центризбирком запретил участковым избирательным комиссиям в Крыму проводить голосование по данному вопросу. *Это означало, что легитимным путем услышать мнение крымчан власти Украины не хотят.*

16 декабря 2006 г. крымчане на неофициальном народном референдуме проголосовали против политического курса Президента Украины Виктора Ющенко на вступление в НАТО. Власти Крыма отказались предоставить помещения для голосования, и организаторы – Всекрымское народное собрание – провели референдум на улицах. Против членства Украины в Североатлантическом альянсе высказались 98,7% граждан из почти 900 тыс. человек, принявших участие в голосовании. Юридической силы этот референдум не имел, но *он продемонстрировал принципиальные различия в политических ориентациях украинской элиты, а также населения внутренних украинских областей (особенно западных) и ориентациями крымчан.* Фактически украинская власть существовала отдельно от сообщества крымчан и никак на него не ориентировалась.

8.4. Завершающий этап самоопределения: референдум 2014 г.

Логика развития политической ситуации на Украине и характер взаимодействия между центральной властью и населением Крыма были таковы, что крымчане смогли реализовать свое право на самоопределение лишь явочным путем. Однако состояться это самоопределение могло только при определенных политических условиях, а именно при глубоком кризисе центральной власти и высочайшем уровне политической и общественной самоорганизации

самых крымчан. Третье условие, которое смогло обеспечить свободное волеизъявление крымского населения, состояло в том, что необходимо было обеспечить безопасность крымчан в процессе принятия решения о дальнейшей судьбе полуострова и его жителей.

Очередной кризис власти в Киеве произошел осенью 2013 г., когда в центре города начался бессрочный и многочисленный митинг протеста против действующей власти. Он завершился фактически силовым захватом власти, поскольку договоренности между президентом Януковичем и оппозицией сразу же были нарушены (несмотря на то что гарантами их соблюдения выступали несколько стран ЕС), что вынудило Януковича спасаться бегством из страны. Тут же было сформировано временное правительство, большинство членов которого можно было считать украинскими националистами умеренного толка.

Такой состав правительства, а особенно его идеологическая платформа вызвали серьезные и обоснованные опасения у крымчан, которые стали организовывать отряды самообороны и всячески противодействовать проникновению в Крым национал-радикалов из западных регионов Украины, попытавшихся организовать «поезда дружбы» с тем, чтобы «проучить» и «перевоспитать» крымчан и начать погромы на полуострове. Эти попытки были блокированы отрядами крымской самообороны. И хотя деятельность народных дружин явно мифологизирована средствами массовой информации, важно то, что уровень самоорганизации населения Крыма с целью защитить свои региональные интересы был очень высок. Сопротивление крымчан можно было разрушить только с помощью государственного насилия и привлечения специальных сил МВД. Но отдельные и плохо организованные попытки начать репрессии против участников крымского сопротивления и отрядов самообороны силами спецподразделений были предотвращены российскими военными, которые защитили людей и не допустили появления массовых жертв, хотя отдельные случаи были, когда начались массовые демонстрации крымчан и киевские власти попытались противопоставить доминантному населению полуострова крымско-татарское движение.

По мнению Т.А. Сенюшкиной, «точкой отсчета и катализатором этнополитических процессов в новейшей истории Крыма можно считать столкновения, происшедшие 26 февраля 2014 г. в Симферополе, когда крымско-татарским Меджлисом был организован митинг возле здания Верховного Совета Крыма с целью недопустить возвращения в действие Конституции 1992 г., которую планировал утвердить своим решением крымский парламент. Аналогичное по численности количество сторонников «Русского Единства» собрал в это же время, на этой же площади Сергей Аксенов» [Сенюшкина

2015: 76]. Полицейского оцепления на митинге не было, поскольку крымский спецназ («Беркут»), который принимал участие в охране правительственных учреждений в Киеве, был расформирован новыми властями Украины. Поэтому столкновения между противостоящими лагерями привели к гибели двух человек. После этого под давлением протестующих крымчан произошла смена исполнительной власти в Севастополе, ушло в отставку правительство Крыма и началось массированное давление на власть с целью активизации политических процессов.

Общественный подъем в Крыму приобрел такие масштабы, что противостоять ему не могли ни активисты крымско-татарского движения, ни местные проукраинские политики. Более того, политическая элита Крыма могла сохранить свои позиции только в случае однозначной поддержки движения за самоопределение.

На момент начала крымских событий в украинском законодательстве отсутствовали нормативные правовые акты, касающиеся проведения местных региональных референдумов. Однако, согласно Конституции Украины⁶², вопросы изменения территории страны решаются исключительно на всеукраинском референдуме (хотя почти весь шельф острова Змеиный в Черном море в 2009 г. был передан Румынии без всякого референдума, т. е. уже имел место правовой прецедент, позволявший узаконить крымский референдум). Учитывая унитарное государственное устройство, все вопросы по организации и процедуре выборов и референдумов определяются только законами Украины, но это касалось только граждан Украины, а крымчане де-юре этими гражданами не являлись. Понимая уязвимость своих позиций, украинские власти, помимо силового давления на крымчан и региональные власти, предприняли попытки организовать мощный административный прессинг на власти Крыма и движение крымчан за самоопределение (были блокированы реестры избирателей, казначейские счета), но они не были успешными, поскольку быстро находились пути противодействия административному нажиму. Заявление киевских властей о роспуске Верховного Совета Автономной республики Крым в сложившихся условиях было просто проигнорировано, и, наоборот, Верховный Совет республики стал восприниматься крымчанами как оплот борьбы за крымское самоопределение.

«16 марта 2014 г. местные власти Крыма организовали и провели референдум, предложив крымчанам выбрать один из двух вариантов ответа на вопросы: “Вы за воссоединение Крыма с Россией на

⁶² Конституция Украины [Электронный ресурс]. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/48665243/?* (дата обращения 20.03.21).

правах субъекта Российской Федерации?» или «Вы за восстановление действия Конституции Республики Крым 1992 года и за статус Крыма как части Украины?». Согласно официальным данным, 96,6% жителей Автономной республики (явка составила 83,1%) проголосовали за воссоединение с Россией. 17 марта на основании результатов референдума и Декларации о независимости, принятой 11 марта 2014 г., была в одностороннем порядке провозглашена суверенная Республика Крым, в состав которой вошел Севастополь в качестве города с особым статусом. 18 марта был подписан договор между Российской Федерацией и независимой Республикой Крым о принятии Республики Крым в состав России» [Чубукова 2015: 40–41]. Против присоединения Крыма к России выступили крымско-татарские организации и, в частности, Меджлис крымско-татарского народа, но довольно значительная часть крымских татар все же приняла участие в референдуме. Некоторые украинцы тоже проигнорировали референдум.

По итогам референдума и на основании Договора с Россией республика стала субъектом Российской Федерации [Токарев 2015], т. е. воссоединилась с государством, частью которого она была почти два столетия и воссоединилась почти таким же образом, как восточно-германские земли были интегрированы в состав ФРГ. А поскольку право на самоопределение закреплено в российской Конституции, то интеграция осуществлялась в соответствии с Основным законом РФ, что в юридическом плане было вполне корректно, учитывая вышеназванные правовые коллизии. При этом жителей Крыма сразу же стали рассматривать как полноценных сограждан, и у россиян не появилось для них фольклорного определителя аналогичного германскому «*осси*».

О мирном характере процесса крымского самоопределения можно судить по показательному факту – многие военнослужащие подразделений украинской армии (и подразделения целиком), добровольно вошли в состав российских вооруженных сил, причем среди них было немало украинцев родом из разных регионов Украины. Согласно данным опроса, проведенного в марте 2014 г., 91% опрошенных россиян были согласны с присоединением Крыма к России «в качестве субъекта Российской Федерации» [Кученкова 2015: 62]. Никого в Крыму не стали «перевоспитывать», а наоборот – началось решение многих застарелых проблем, включая оформление прав на землю для крымских татар, строительство мечетей, а государственными языками были признаны русский, украинский и крымско-татарский.

Критики крымского референдума говорят о том, что его организация была не идеальной, что имели место массовые нарушения, но при этом ссылаются лишь на «личный опыт» отдельных участников референдума, который никак нельзя считать серьезным аргу-

ментом, поскольку он есть фиксация (порой надуманная) частных случаев и субъективного восприятия, а не отражение результатов официальных наблюдений. Причем стоит заметить, что многие «личные наблюдения», размещенные в социальных сетях, оказывались даже текстуально очень похожими друг на друга, что создавало впечатление, что они тиражировались из одного центра, и ставило под сомнение их достоверность. Причем есть очевидный факт, который ставит под сомнение «личные наблюдения», касающиеся злостных нарушений прав крымчан. Этот факт связан с тем, что в Крыму не было каких-либо массовых (или локальных) акций протеста против референдума и его итогов, а масштабный характер самоорганизации населения Крыма с целью создания народного ополчения и других организаций, выступивших в поддержку идеи объединения с Россией, говорит о полном доминировании идеи самоопределения и единения с Россией.

Показательно, что *фактически итоги референдума в первую очередь были признаны той стороной, которая считается самым ярым противником легитимизации факта присоединения Крыма к России, а именно: властями Украины!* Во всяком случае, те действия, которые были предприняты новым политическим руководством этой страны, следует расценивать, как попытку наказать не крымских политиков, инициировавших голосование о проведение референдума в Крыму, осуществлявших его проведение и принявших декларацию о присоединении к России, а население полуострова, т. е. простых граждан. Против политиков никаких уголовных дел возбуждено не было, но крымчанам перестали платить пенсии, украинские банки перестали обслуживать своих крымских клиентов, началась финансовая блокада Крыма. Одновременно с ней развернулась энергетическая блокада полуострова, т. е. людям отключили свет, а в официальных речах украинские политики продолжали их называть гражданами Украины. Затем к энергетической блокаде добавили водную, перекрыв Северо-Крымский канал. Были предприняты и многие другие действия, направленные против людей, живущих в Крыму.

Подобное положение дел, во-первых, еще раз продемонстрировало, как руководство страны относится к крымчанам, ибо стало очевидно, что жители полуострова воспринимаются не как органическая часть украинской нации и полноправные граждане Украины, а как изгои. Во-вторых, подобные действия есть не правовое, но фактическое и достаточно ясное признание итогов референдума, с которыми власти Украины согласиться не могут, а потому наказывают простых крымчан, ибо убеждены в том, что они в подавляющем большинстве отвернулись от Украины и ее новой политической элиты. В-третьих, названные действия украинских властей есть

не просто реакция на политический выбор крымчан, но такого рода акции надо рассматривать как акты геноцида, направленные против населения Крыма. А они должны быть однозначно осуждены мировым сообществом, так как Организация Объединенных Наций приняла специальную Конвенцию о предупреждении геноцида, и все страны – члены ООН являются ее участниками и в организации при Генеральном секретаре был даже введен пост специального советника по предупреждению геноцида.

Вопрос о правомочности крымского референдума и о праве народа Крыма на самоопределение нередко пытаются сознательно отодвинуть на второй план, поскольку опровергать право на самоопределение сложно и можно запутаться в аргументах, опровергающих правомочность итогов народного волеизъявления. Поэтому используют другой аргумент, который связан с Будапештским меморандумом. Этот меморандум был подписан 5 декабря 1994 г. в Будапеште и его смысл состоял в том, что Украина заявляла о своем безъядерном статусе и передавала России арсеналы ядерного оружия, которые хранились на ее территории. Помимо Украины меморандум подписали Россия, Великобритания и США. В документе говорилось, что страны-подписанты будут уважать суверенитет и государственные границы Украины, что они будут воздерживаться от применения силы или угрозы силой в отношении этой страны и не будут осуществлять экономическое давление. Этот документ, однако, не давал однозначных гарантий государственной целостности Украины, и подписанты не брали на себя предписывающих обязательств. Потому не случайно, что меморандум неоднократно подвергался критике, причем чаще всего со стороны украинских лидеров. А самое главное, что ни одна из стран-подписантов не ратифицировала данный меморандум, т. е. де-юре он не вступил в силу. Ссылки критиков на Беловежское соглашение 1991 г., Алма-Атинскую декларацию (Декларацию о целях и принципах СНГ от 1991 г.) или Договор о дружбе между РФ и Украиной от 1998 г. также не очень убедительны.

Но важно обратить внимание на итоги референдума. Серьезные эксперты согласны с тем, что результаты референдума были предопределены сформировавшимися в Крыму общественными настроениями. При этом заметим, что недочеты в процедуре проведения референдума в Крыму (на которые обращают особое внимание его критики) были схожи с теми, что имели место и во время референдумов осени 2014 г. в Каталонии (Испания) и Шотландии (Великобритания), но в этих случаях упущения организаторов референдумов не ставили под сомнение легитимность самих опросов общественного мнения, поскольку их проведение было лишь реализацией права *народов Шотландии и Каталонии* на самоопределение

(хотя в 2017 г. и власти Испании, и власти ЕС поставили это право под сомнение). Но такое же право было и у *народа Республики Крым*, о чем избегают упоминать западные и украинские политики, якобы приверженные нормам демократии и международного права.

Чаще всего критики крымского референдума анализируют ситуацию весны 2014 г. и последующего времени, избегая говорить о предыстории вопроса, и некорректно апеллируя к нормам международного права. Примером подобного рода подхода является доклад, подготовленный Комитетом по правам человека Европейского парламента (составленный с помощью двух украинских исследовательниц, осуществлявших свой проект в университетах Польши и Чехии, которые использовали достаточно специфическую базу данных) “The situation of national minorities in Crimea following its annexation by Russia” [Shapovalova, Burlyk 2016].

Обращаясь к правовой стороне вопроса, стоит заметить, что система норм международного права не является завершённой и в ней много противоречий, включая самое существенное противоречие – между правом на самоопределение и правом на государственственный суверенитет. Оппоненты России называют присоединение Крыма аннексией, полагая, что референдум о присоединении был нелегитимен, поскольку проводился в условиях, когда в Крым были введены войска, которые стали фактором давления на население и местные власти (*в Косово тоже были войска НАТО, когда провозглашалась независимость, а некий декоративный референдум без списков избирателей и организации избирательных участков, который не поддержали даже некоторые албанские партии, был имитирован в сентябре 1991 г.*). При этом критиками крымского референдума замалчиваются аргументы, которые противоречат идее аннексии. В числе этих аргументов тот факт, что плебисцит 2014 г. явился лишь завершающим этапом процесса крымского самоопределения, начало которого, как сказано выше, относится к январю 1991 г., т. е. к первому референдуму о статусе Крымского полуострова. А российские войска были размещены на полуострове согласно государственным договоренностям между РФ и Украиной и находились в Крыму с начала существования независимой Украины. Что касается норм международного права, на которые ссылаются все критики, то они выглядят крайне неубедительно, поскольку опираются на абсолютизацию идеи суверенитета и территориальной целостности государств, но право на суверенитет никогда не было и не является ныне абсолютным и нерушимым [Киселёва и др. 2015].

Все попытки абсолютизировать принцип территориальной целостности и на этой основе построить критику крымского референдума весьма спорны и очень уязвимы. Дело в том, что международный

принцип территориальной целостности, представляя собой некое общее «правило игры», с которым при определенных исторических обстоятельствах согласились ведущие мировые державы в силу того, что их это тогда устраивало, а еще больше – в силу того, что договоренность отражала баланс мировых сил, сложившийся достаточно ситуативно после окончания Второй мировой войны. Этот принцип был закреплен в Хартии ООН в 1945 г. Однако в том же уставе ООН говорится как о признании суверенитета государств над своей территорией, так одновременно провозглашается, что создание суверенного и независимого государства или **«установление свободно любого другого статуса определенным народом, является формой осуществления этим народом права на самоопределение»**⁶³.

История и политическая практика показывают, что, казалось бы, базовый принцип международных отношений – принцип территориальной целостности, в реальности никогда не был абсолютным. А вся человеческая история есть история последовательного изменения границ суверенных государств (новейшая история Европы тому подтверждение). Принцип самоопределения народов представляется как неотъемлемое историческое право, исходящее из базовых ценностей человеческой цивилизации и политических прав личности. Право наций на самоопределение является отражением не ситуативных интересов держав, а фактического положения дел на мировой арене, имевшего место на протяжении всей истории человечества.

При этом важно заметить, что под нацией понимается не этническое, а гражданское сообщество. Между тем в России и за ее пределами распространены идеи так называемого *этнического самоопределения*, сторонники которого рассматривают этнические группы как субъекты права [Филиппов 2003: 92–138]. Но **правом на самоопределение обладают лишь политически организованные территориальные сообщества, к которым и относится население Республики Крым.**

Многие народы на определенном этапе своего развития начинали бороться за обретение какой-либо формы своего государственного-политического самоопределения. Появление на рубеже XIX–XX вв. научной формулировки данного принципа и превращение его в инструмент политической мобилизации означало не только то, что борьба за самоопределение превратилась в распространенное политическое явление, но также и то, что она глубоко осмыслена политиками и учеными и стала одной из ключевых политических идей [Грушкин 1997: 6].

⁶³ Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/documents/charter> (дата обращения 20.03.21).

Логика исторического развития свидетельствует о том, что принцип самоопределения народов исторически преобладает над принципом территориальной целостности государств и должен рассматриваться как первичный, поскольку базируется на историческом опыте, и более того – *на приоритете прав человека и гражданина, возведенном в принцип международной политики*, а принцип нерушимости границ в этой связи будет трактоваться как вторичный.

Подобное соотношение определяется и самой дефиницией двух принципов. *Принцип территориальной целостности по своей сути является принципом уважения территориальной целостности. В то же время принцип самоопределения трактуется как право. То, что достойно уважения, есть значимое явление, которое обязательно учитывается в политической и юридической практике, но не может быть абсолютным и безграничным.* Право же – это то, что есть изначально, оно первостепенно и его использование может быть ограничено лишь другим правом или отказом по собственному желанию от его реализации.

Исходя из приведенных аргументов, *принцип территориальной целостности государств представляется относительным и ситуативным по своей сути, в то время как право наций на самоопределение является абсолютным и неотъемлемым.* Сторонниками данного подхода являлись многие советские ученые, политические деятели и юристы, которые отстаивали и развивали основные положения концепции права народов и наций на самоопределение [Дворкин 2004: 151].

В научной литературе существует, однако, позиция, согласно которой первичным является нерушимость государственных границ, а право на самоопределение – вторично. Наконец, сторонники третьего подхода заявляют, что оба принципа международного права обладают равной юридической силой, отрицая существование какого-либо конфликта или столкновения между принципами самоопределения народов и территориальной целостности. Они призывают рассматривать указанные принципы один в контексте другого. Сторонники такой точки зрения утверждают, что все разногласия, связанные с вопросом о якобы существующем примате одного принципа над другим, урегулированы в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 г. [Кецбая 2003: 12]. Но в указанном документе повторены лишь прежние формулы, которые никоим образом не устраняют разногласий и разночтений. Согласно тексту документа, Генеральная Ассамблея исходит из убеждения в том, «что принцип равноправия и самоопределения народов является существенным

вкладом в современное международное право и что его эффективное применение имеет первостепенное значение для содействия развитию дружественных отношений между государствами, основанных на уважении принципа суверенного равенства, будучи убеждена поэтому в том, что любая попытка, направленная на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности государства или страны или их политической независимости, не совместима с целями и принципами Устава...»⁶⁴. Следовательно, принцип самоопределения народов не может рассматриваться отдельно от остальных нормативных постановлений. В Декларацию о принципах международного права 1970 г. включена трактовка другой важной детали, касающейся соотношения принципов самоопределения и территориальной целостности государств, а именно – так называемой предохранительной клаузулы, защищающей государства от необоснованных сепаратистских поползновений [Сперанская 1961: 173].

Для полной объективности и понимания ситуации вокруг Крыма необходимо заметить, что до событий зимы–весны 2014 г. на полуострове пророссийские политические силы пользовались поддержкой местного населения, но она была ограниченной. Политики, которые манифестировали в своих предвыборных программах приверженность интеграции Крыма с Россией, неоднократно проигрывали выборы. Социологические исследования Института социологии НАН Украины и Международного республиканского института (Института Гэллапа), проведенные в 2011–2013 гг., не выявили массовых сепаратистских настроений у крымчан и фиксировали популярность идеи европейской интеграции.

Массовый опрос 2013 г., проведенный Институтом этнологии и антропологии РАН, показал умеренную поддержку крымчанами идеи интеграции Крыма с Россией (четверть опрошенных). Важнейшей причиной формирования массовых устремлений к независимости стало ощущение угрозы безопасности в связи с событиями на Майдане. Дело в том, что среди западных политиков, экспертов долгое время смена власти на Украине рассматривалась как демократическая революция, хотя вся совокупность событий на киевском Майдане, действия спонсоров этих событий сознательно

⁶⁴ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций [Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года] [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения 20.03.21).

упускаются из анализа. Тем не менее, события осени–зимы 2013–2014 гг. получили в народе название «Революция достоинства» не случайно. Многих участников этих событий привело на майдан искреннее желание добиться ограничения власти олигархов и коррумпированных политиков. Их протест был справедлив, но мало кто из анализировавших события в Крыму, обратил внимание на общественную атмосферу, которая стала формироваться и сознательно подогреваться в стране еще за несколько месяцев до революции. На площадях украинских городов (в основном в западных областях) тысячи молодых людей устраивали флешмобы, во время которых все вместе прыгали и весело выкрикивали расистский лозунг: «Кто не скачет – тот москаль», а позднее стали кричать «Москалей на ножи», «Москаляков – на гиляку» (т. е. призывали к массовым убийствам русских). Никто из украинских политических деятелей не осудил эти призывы к этнической вражде и физическому уничтожению сограждан, не принадлежащих к доминантной этнической группе. Поэтому не случайно, что после «революции достоинства» на дверях квартир, где проживали русские (как вспоминают те, кто вынужден был уехать из страны), стали появляться надписи: «Здесь живет москаль». Следствием атмосферы нетерпимости и воинствующего национализма стал фактический запрет русского языка, который был введен одним из первых законов, принятых Радой после победы «революции достоинства». Он, правда, вскоре был отменен, но в 2017 г. Рада опять утвердила закон «Об образовании», вызвавший недоумение у соседних стран и в ЕС в целом.

Названные действия новых властей Украины вызвали опасения крымчан за свое будущее и вынудили их искать поддержки за пределами Украины, прежде всего в России, к которой многие из них испытывали чувства близости и общности. Наиболее интенсивные связи с Россией имели, конечно, представители русской общины Крыма, но важно, что эту близость, согласно данным опросов, ощущали более половины украинцев и почти четверть крымских татар.

Не случайно, что на референдуме 16 марта 2014 г. о статусе полуострова, по заявлению крымских властей, более 90% принявших участие в голосовании крымчан проголосовали за вхождение республики в состав Российской Федерации на правах субъекта при общей явке чуть более 80%. Итоги референдума не признала Украина и большинство стран мира, которые на голосовании в Генеральной Ассамблее ООН высказались в поддержку резолюции (март 2014 г.) о целостности Украины. Однако, если посмотреть на результаты голосования по Крыму, которые имели место в ООН в конце 2017 г., то заметно, что отношение к проблеме Крыма и крымского самоопределения постепенно меняется.

Юридическая сторона вопроса настолько очевидна, что юристы ЕС из ассоциации адвокатов, аккредитованных с органами государственной власти при ЕС (AALEP), вынуждены были заявить о законности присоединения Крыма к России и отвергли довод об аннексии, военном давлении на крымчан со стороны воинского контингента РФ (показав, что давление осуществляли именно власти Украины и их силовые структуры). Руководитель организации Кристиан де Фулой опубликовал на ее сайте статью, где привел целый ряд аргументов, подтверждающих законность референдума и обоснованность права народа Крыма на самоопределение⁶⁵. Еще ранее к тому же выводу пришли юристы авторитетного российского адвокатского бюро «Резник, Гагарин и партнеры», которые провели собственное инициативное конституционно-правовое исследование и определили, что в строго юридическом смысле жители Крыма никогда не выходили из состава РСФСР (территории дарить можно, но граждан надо спрашивать о желании изменить свой статус, ибо противное противоречит базовым правам человека).

Всесторонний анализ проблемы показывает, что результаты референдума 2014 г. стали лишь повторной констатацией гражданской принадлежности крымчан [Никитинский 2016].

Согласно итогам исследования, проведенного Институтом этнологии и антропологии РАН в 2014 г., наибольшую поддержку крымскому плебисциту в Симферополе оказало русское население, тогда как украинцы и крымские татары не столь воодушевленно отнеслись к этому событию.

Для оценки побудительных мотивов, явившихся основой для того, чтобы крымчане в массе своей повернулись лицом к России и отвернулись от Украины, надо учитывать этнокультурные ориентации и общественную практику крымчан, а также политический опыт предшествующих двух десятилетий.

Во-первых, следует иметь в виду, что региональная крымская идентичность в последние десятилетия активно укреплялась и в значительной мере не дополняла общеукраинскую гражданскую идентичность, а противостояла ей. Так, более 40% русских (которые составляли большинство населения Крыма) называли себя в первую очередь крымчанами, и крымская идентичность для них была важнее украинской гражданской идентичности, большинство украинцев, наоборот, считали себя в первую очередь гражданами Украины, но и среди них около четверти считали региональную идентичность пер-

⁶⁵ Юрист ЕС признал Крым российским [Электронный ресурс]. URL: [https:// utro.ru/ politics/2017/10/05/1341931.shtml](https://utro.ru/politics/2017/10/05/1341931.shtml) (дата обращения 20.03.21).

востепенной. Для крымских татар ни региональная, ни общегражданская идентичности не представляли существенного значения, поскольку для них была важнее этническая [Губогло, Старченко 2016]. Поэтому очевидно, что на ментальном уровне полной интеграции Крыма в общеукраинское политическое и тем более культурное пространство не произошло, как об этом уже сказано выше. В 1993 г. на территории Крымского полуострова из 529 школ ни одна не использовала украинский язык как язык обучения. Затем ситуация стала меняться, ибо украинские власти предпринимали последовательные усилия по вытеснению из образования русского языка [Старченко 2015], а также по созданию собственного националистического исторического мифа.

Во-вторых, надо учитывать позицию интеллектуальной элиты Крыма, которая не принимала как украинский исторический миф, так и идею присвоения истории политическим классом Украины. Крымская интеллигенция не просто отвергала историческое мифотворчество, но и прямо противодействовала ему: крымские учителя массово отказывались учить детей по украинским учебникам и транслировали на уроках иную (не официальную) версию украинской и российской истории [Полунов 2014]. А эта официальная историческая мифология Украины строилась на специфических постулатах.

Для начального этапа современной украинской государственности (1991–1994 гг.) было характерно активное использование истории в деле государственного строительства и формировании общенационального сознания. Историками доказывалась символическая связь между новоприобретенной украинской государственностью и государственным опытом Украинской Народной Республики, возникшей в ноябре 1917 г., но не признанной странами Антанты, *оговаривая при этом преемство и с СССР, во время которой собственно и сформировалась как территория страны, так и ее государственные институты*. Первый Президент Украины Л.Д. Кравчук объяснял проблемы начального этапа нациестроительства тяжелым наследием прошлого, представляя его как колониальную эксплуатацию Украины сначала имперской Россией, а затем тоталитарным советским режимом. Несмотря на провозглашенную многовекторность во внешней политике, следующий президент Л. Кучма осторожно, но планомерно институционализировал историческую политику предшествующего периода [Плеханов 2018: 14–15]. Но именно он «дал старт» историческому мифотворчеству и формированию радикального националистического мифа украинской истории, который отвергался многими гражданами страны, особенно в Крыму, на Юге и Юго-Востоке Украины. Этот миф имеет прямую преемственность

с мифотворчеством украинских радикальных националистов, которое было особенно активным между двумя мировыми войнами.

«Исторический миф радикального национализма берет свои корни в работах украинских националистов межвоенного периода. В данном мифе воспроизводится идея непрерывности украинской государственности и нации, несмотря на ее прерывность в историческом континууме. Особенностью рассказа о прошлом является удревнение истории вплоть до трипольской культуры и скифов... Еще одной чертой является формирование “золотого века” на основе образа Киевской Руси, на который радикальные националисты проецируют свои взгляды и требования. Киевская Русь представляется как милитаризованная империя, которой противопоставляется сложившийся на Украине слабый и зависимый от внешних игроков политический режим. Исторический миф содержит в себе убежденность в деградации нации и государства, обусловленной русским колониальным господством, потерей государственности, духовной деградацией народа, неработающими общественными институтами. Культурный расизм вместе с этноцентризмом и эссенциализацией психологических различий также являются характерными чертами исторического мифа радикальных националистов» [Плеханов 2018: 22–23].

Стоит заметить, что украинское историческое мифотворчество наиболее ярко было разоблачено российскими эмигрантами, в первую очередь Н.И. Ульяновым, начинавшим карьеру как «красный профессор». В годы войны его мобилизовали на работы в Германию, и в 1945 г. из немецких лагерей для перемещенных лиц он переехал на Запад, где после долгих скитаний осел в США и работал в Йельском университете. Его главный труд «Происхождение украинского сепаратизма» был впервые опубликован в Мадриде в 1966 г., а затем переиздан уже в постсоветской России. Сразу же после выхода мадридского издания украинские националисты-эмигранты постарались скупить и уничтожить большую часть тиража книги. Современные российские историки и политологи считают монографию Н.И. Ульянова серьезным трудом, убедительно доказывающим ложность исторических концепций украинских самостийников. Автор показал мифологичность их взгляда на украинскую историю, а также, что в основу их украинского исторического мифа положены исторические, этнографические, антропологические и лингвистические фальсификации [Ульянов 1996].

Однако еще до полного утверждения радикального националистического мифа украинская история подверглась глубокой ревизии, и произошло это в период 2005–2010 гг. В эти годы главной темой стал «миф о голодоморе» и Украине как основной жертве тоталитарного советского режима, а также героизация борцов с советским

строем – членов ОУН-УПА. Главная роль в этой политике принадлежала президенту В.А. Ющенко и его окружению, которые активно использовали историю для легитимизации своих политических идей и взглядов. В 2006 г. был создан Украинский институт национальной памяти (УИНП), который создавался как важнейший инструмент, способствующий реализации государственной политики в сфере истории [Ахременко 2015]. На Украине подчеркивалось, что миссией Института национальной памяти должно стать «восстановление исторической правды» и новое прочтение истории Украины.

На следующем этапе произошел некоторый пересмотр прежних исторических мифов. Так, в частности, политики и историки отказались от позиционирования голода 1932–1933 гг. («голодомора») как геноцида украинцев. В политическом дискурсе происходит синтез риторики обиденного национализма и советского опыта коммеморативных практик. При В.Ф. Януковиче в начале 2011 г. УИНП становится только научно-исследовательским учреждением, теряя свое значение института исторической политики. Но одновременно активизировались попытки изменить языковую реальность и потому усиливаются призывы «“очистить” национальный язык, “загрязненный” влиянием языка русского, осуществить орфографическую реформу языка». Требования такого рода реформы направлены на то, чтобы изменить национальную идентичность членов украинского общества и ослабить культурные связи с «бывшей империей» [Ачкасов 2012: 131].

Кульминацией постсоветского исторического мифотворчества и «национализации истории» стал период, начавшийся после событий на Евромайдане (2014 г.) и государственного переворота. УИНП вновь обретает статус органа исполнительной власти и инициирует принятие в апреле 2015 г. так называемого мемориального пакета законов, посвященных оценке советского исторического наследия: осуждению СССР как коммунистического тоталитарного режима, ревизии советской версии Великой Отечественной войны, приравниванию коллаборационистов из ОУН-УПА к солдатам Красной армии, уничтожению символов советского прошлого, «украинизации топонимики».

Усилия политиков, активно использующих националистическую риторику, представить агрессивный национализм как позитивную практику нациестроительства и изобразить украинскую нацию как этноцентричное сообщество привели к тому, что часть украинского общества, особенно в областях юга и юго-востока Украины, перестала воспринимать себя естественной составляющей украинской нации. В официальном украинском политическом дискурсе принадлежность к нации требует от человека полной ассимиляции,

отказа от русского или любого иного языка и, наоборот, исключения из членов нации всех, кто не согласен с подобным положением дел и не готов считать события Евромайдана одним из основополагающих принципов современной украинской государственности. Подобная модель нации таит угрозы для будущего страны и провоцирует внутренние конфликты. И в этом смысле стоит сослаться на замечание Этьена Франсуа: «Выбирая способ увековечить прошлое, нация одновременно выбирает свое будущее» [Этьен 2011: 33].

Исторический опыт крымского самоопределения, который был приобретен в первой половине 1990-х гг., а также культурные практики, господствовавшие на постсоветской Украине в последующие годы, были учтены и населением Крыма, и местными политиками при выборе форм политического противостояния с Киевом весной 2014 г. Этот опыт не давал надежд на конструктивный диалог и учет мнения населения Крымского полуострова киевскими властями, а потому вполне оправданно был избран декларативный способ самоопределения.

Но самое главное, что жители Крыма не сомневаются в правильности сделанного ими выбора. Данный факт был подтвержден в ходе исследований, которые проводились на территории республики после референдума западными социологами, в частности исследователями из Института Гэллапа. Подтверждает этот факт и исследование, проведенное Берлинским Центром восточноевропейских исследований (ZOiS) в марте–мае 2017 г., согласно которому 79% опрошенных немецкими исследователями жителей Крыма заявили, что удовлетворены сделанным ими выбором и если бы им пришлось сделать его вновь, то они повторили бы свое прежнее решение⁶⁶.

В последние десятилетия в международном праве разрабатывается доктрина «отделения ради спасения» (remedial secession), и ее сторонники доказывают, что систематическое попрание гражданских прав населения какой-либо культурной провинции со стороны центрального правительства есть достаточное основание для того, чтобы начать процесс самоопределения и отделения от государства, в котором эти нарушения присутствуют. Называются конкретные примеры тех территорий, которые уже реализовали отделение ради спасения: Сингапур, Эритрея, Восточный Тимор, Южная Осетия и Абхазия, Косово, Южный Судан, Нагорный Карабах. В указанный список можно включить и Крым, поскольку его население мобили-

⁶⁶ Немцев шокировали результаты проведенного ими соцопроса в Крыму [Электронный ресурс]. URL: <https://newsland.com/community/6399/content/nemtsev-shokirovali-rezultaty-provedionnogo-imi-sotsoprosa-v-krymu/6085224> (дата обращения 20.03.21).

зовалось и самоорганизовалось ради того, чтобы сохранить свою историческую память, свои культурные корни и ценности и свой менталитет. Доказательством тому служит мнение одной из крымчанок, записанное Дарьей Чубуковой, которое является вполне типичным: «Счастлива! Вернулась на Родину»; «Это устранение ошибки сначала Хрущева, потом – Ельцина. Украина сделала больше плохого, чем хорошего для экономики Крыма, а украинцы крымчан не любят, не давали нам гарантированную Конституцией автономию, к тому же хотели ее вообще ликвидировать»; «Если бы мы остались в Украине, я бы мог остаться без работы, мои дети – без еды, а моя семья и еще большое количество семей – без материальной поддержки, в России нас уважают, зарплаты повысились на 50%, стоимость коммунальных услуг стала значительно дешевле, а значит, стало легче жить»; «Крым был, есть и будет российским всегда»; «останься Крым частью Украины, русских бы ущемляли в правах»; «Россия – Родина для Крыма, во всяком случае, пока мы избежали военных действий и гонений, которые сейчас испытывают русские Украины»; «Россия более развитая страна, есть надежда, что власти России услышат голос жителей Крыма, чего упорно не хотели делать власти Украины»; «Крым добивался этого присоединения на протяжении 22 лет»; «Россия получила назад Крым, который по глупости Хрущева был отдан на поругание Украине; что горе-руководители Украины сделали для нашего Крыма? Ничего! И, Слава Богу, что правда восторжествовала! Да здравствует Российская Федерация!» [Чубукова 2015: 42–43].

По мнению некоторых исследователей, сегодня Крым фактически находится в прифронтовой зоне и испытывает постоянное давление со стороны материковой Украины в рамках объявленной Киевом стратегии «деокупации». Готовность Киева отдать «сепаратистский» полуостров для «самоопределения» крымско-татарским радикалам, ставшими политическими союзниками украинских властей, у большинства крымчан сомнений не вызывает, равно как и возможность заброски на полуостров «диверсионно-террористических групп из военных, которые ранее проходили службу в Крыму». Поэтому ситуация в Крыму хотя и обрела политическую стабильность, но нуждается в постоянном этнополитическом мониторинге [Этнополитические процессы 2015].

Что же касается уроков крымского самоопределения, то они очевидны – **осознанный региональный интерес есть мощный инструмент политической мобилизации**, а когда он соединяется с этническим и культурным фактором, тогда политические последствия такой мобилизации радикально меняют политический ландшафт. Пренебрежение региональными интересами со стороны центральных властей является катализатором конфликтов по линии центр–регионы.

Глава 9

Проблемное поле российского регионализма

Что питает политический/этнополитический регионализм и что стимулирует процессы регионализации? Очевидно, что любые региональные движения должны формироваться как выразители интересов местного населения. Эти интересы многогранны, но наиболее значимы экономические, а затем социокультурные. Для рядового гражданина или местного предпринимателя важное значение имеют многие показатели экономической и социальной среды региона: состояние рынка труда, уровень цен и доходов, система налогообложения и тарифов, условия ведения бизнеса, качество жизни в регионе, его культурная самобытность и образ жизни местных жителей...

Не вызывает сомнений тот факт, что российские регионы очень разные как по занимаемой площади, так и по численности населения, культурным традициям, экономическому потенциалу. Отсюда объективно вытекает необходимость учитывать региональные особенности как при конструировании политического дизайна субъектов РФ, так и при выстраивании отношений каждого конкретного региона с федеральным центром.

Абсолютно очевидно, что полная унификация политического и культурного ландшафта российских регионов невозможна, но насколько должна учитываться региональная специфика, каковы возможности для регионального строительства, стимулирования экономической и политической самостоятельности региональных сообществ с целью наиболее эффективного удовлетворения нужд населения самых разных регионов России? Вопросов сегодня больше, чем ответов.

Очевидно, что необходимо критически оценить как существующие возможности, так и необходимые изменения в отношениях между федеральным центром и регионами, между самими регионами (особенно соседними или близкими по культурному облику), а также возможные и необходимые внутрорегиональные трансформации. Наш анализ не касается всего спектра названных тем/аспектов, а ориентирован в первую очередь на этнополитический дискурс, ибо финансово-экономический и экономико-географический анализ — сфера не нашей компетенции. Тем не менее мы не можем не коснуться и этих важных аспектов регионального анализа.

9.1. Социально-экономическая дифференциация российских регионов

Современная Российская Федерация – это сообщество 85 субъектов, в число которых входят республики, автономные области и округа, области и края, города федерального подчинения. Если сравнивать субъекты РФ по площади территории, то здесь разница будет колоссальной. Так, площадь Республики Ингушетии в **857 раз (!)** меньше той площади, которую занимает Республика Саха (Якутия). То же самое можно сказать и о численности населения: население Ненецкого автономного округа почти в **300 раз** меньше населения Москвы (табл. 11). Экономический потенциал российских регионов также существенно разнится. Так, показатель валового регионального продукта (ВРП) на душу населения в Ненецком автономном округе в 2016 г. в 54 раза превышал ВРП Ингушетии. При этом 15 регионов, являющихся наиболее мощными в экономическом отношении в 2016 г., сформировали 54% ВВП Российской Федерации (см. табл. 12), а остальные 70 субъектов – 46%.

Таблица 11

Список регионов РФ с указанием площади
и численности населения (на 1 января 2021 г.)

Субъект	Площадь территории, кв. км	Численность населения, чел.
Республики		
Адыгея	7782	463 091
Алтай	92 903	221 050
Башкортостан	142 947	4 016 481
Бурятия	361 334	986 132
Дагестан	50 270	3 132 268
Ингушетия	3685	515 970
Кабардино-Балкария	12 470	870 197
Калмыкия	74 731	270 139
Карачаево-Черкесия	14 277	465 592
Карелия	180 520	609 439
Коми	416 774	813 859

Субъект	Площадь территории, кв. км	Численность населения, чел.
Крым	26 081	1 903 707
Марий Эл	23 375	676 184
Мордовия		779 573
Саха (Якутия)	3 103 200	984 703
Северная Осетия – Алания	7987	693 449
Татарстан	67 847	3 894 507
Тыва	170 500	330 327
Удмуртия	42 061	1 493 700
Хакасия	61 569	532 266
Чечня	15 647	1 500 490
Чувашия	18 343	1 208 806
Края		
Алтайский	167 996	2 296 773
Забайкальский	431 500	1 054 071
Камчатский	472 300	311 985
Краснодарский	76 000	5 689 538
Красноярский	2 339 970	2 857 567
Пермский	160 600	2 580 639
Приморский	164 673	1 879 486
Ставропольский	66 160	2 794 625
Хабаровский	788 600	1 302 918
Области		
Амурская	361 908	781 850
Архангельская (без НАО)	410 700	1 083 695
Астраханская	49 024	997 685
Белгородская	27 134	1 543 087
Брянская	34 857	1 183 228
Владимирская	29 084	1 343 194
Волгоградская	113 900	25 476 100

Субъект	Площадь территории, кв. км	Численность населения, чел.
Вологодская	145 700	1 151 751
Воронежская	112 877	2 476 100
Ивановская	21 437	987 694
Иркутская	767 900	2 375 640
Калининградская	15 125	1 019 601
Калужская	29 777	1 000 604
Кемеровская	95 500	2 634 376
Кировская	120 374	1 251 182
Костромская	60 211	628 972
Курганская	71 000	819 299
Курская	29 997	1 098 361
Ленинградская	83 908	1 894 038
Липецкая	24 047	1 128 181
Магаданская	461 400	138 991
Московская	44 379	7 713 326
Мурманская	144 902	733 158
Нижегородская	76 624	3 177 816
Новгородская	55 300	593 232
Новосибирская	178 200	2 786 412
Омская	141 140	1 904 294
Оренбургская	123 702	1 945 307
Орловская	24 652	725 725
Пензенская	43 352	1 292 211
Псковская	55 300	621 028
Ростовская	100 967	4 185 233
Рязанская	39 605	1 098 998
Самарская	53 600	3 155 390
Саратовская	100 200	2 396 961
Сахалинская	87 100	485 627
Свердловская	194 800	4 291 886

Субъект	Площадь территории, кв. км	Численность населения, чел.
Смоленская	49 779	921 620
Тамбовская	34 462	995 761
Тверская	84 100	1 246 759
Томская	314 391	1 070 544
Тульская	25 679	1 450 675
Тюменская (без ЯНАО и ХМАО)	161 800	1 542 535
Ульяновская	37 181	1 219 240
Челябинская	87 900	3 444 025
Ярославская	36 177	1 242 356
Города федерального подчинения		
Москва	2 511	12 636 312
Санкт-Петербург	1 439	5 388 759
Севастополь	1 080	513 149
Автономные области и округа		
Еврейская автономная область	36 266	156 492
Ненецкий автономный округ	176 700	44 404
Чукотский автономный округ	737 700	49 300
Ханты-Мансийский автономный округ	523 100	1 688 378
Ямало-Ненецкий автономный округ	750 300	547 111

Важно заметить, что 22 республики в совокупности создали в указанном году 11,4% ВВП России, а четыре автономные округа и одна автономная область – 7,7%. Очевидно, что нефтегазовые регионы, к которым в первую очередь относятся Ямало-Ненецкий, Ненецкий и Ханты-Мансийский округа, Сахалинская область, за счет высоких цен на энергоносители имеют возможность обеспечить высокий уровень душевого ВРП, сбалансировать региональные бюджеты и поддерживать высокий уровень личного потребления.

Но далеко не все регионы обладают достаточным ресурсным потенциалом, и не всегда (или не сразу) этот потенциал оказывается востребованным и умело использованным.

Так, к примеру, в 1970–1980-е гг. такие, казалось бы, разные регионы, как Ненецкий автономный округ (до 1977 г. – национальный округ), в котором в последние годы фиксируется не только наиболее благоприятный инвестиционный климат, но и высокие доходы населения, высокие темпы социально-экономического развития, по темпам и показателям этого развития был схож с Калмыкией [Регионы 1997], а по качеству жизни явно уступал ей, хотя Калмыцкая АССР являлась (и является ныне) сугубо аграрным регионом. При этом оба региона расположены на территориях с неблагоприятным климатом (хотя и в разных климатических поясах), оба были заселены номадами (кочевниками) и исторически основу их хозяйства составляло кочевое животноводство.

Один из данных субъектов расположен на крайнем юге, в засушливых и малоплодородных степях между Волгой и Доном, другой – на Крайнем Севере европейской части страны, в Заполярье. Так называемыми государствообразующими народами в обоих национально-государственных образованиях являются кочевые этнические группы, в разное время осевшие на указанных территориях. Европейские ненцы – это северные номады, которые, предположительно, пришли на европейский север около 1 тыс. лет назад из-за Урала. Основу их хозяйства составляло кочевое оленеводство, а само аграрное производство в НАО в значительной мере зависело от производства и переработки продукции оленеводства в 1930–1980-е гг.

Основу хозяйства калмыков составляло отгонное овцеводство, и хотя еще в XIX в. часть калмыков стала переходить к оседлому образу жизни, овцеводческая специализация Калмыкии сохранилась и на протяжении всего XX столетия. Калмыки пришли в приволжские степи достаточно поздно и первый договор, в котором они присягали на верность русскому царю, датируется 1607 г. [Народы 1994: 178].

В 1990 г. в отраслевой структуре валовой продукции Калмыцкой АССР преобладало сельское хозяйство – 94,9%, на долю промышленности приходилось всего 4,9%, на долю иных отраслей еще меньше – порядка 0,2%. Основные душевые макроэкономические показатели Калмыкии в 1991 г. были незначительно ниже среднероссийских. Так, величина республиканского валового общественного продукта на душу населения была ниже среднероссийского показателя на 2,6 тыс. руб. (11,4 против 13,7) [Каманджаев 2016].

При этом транспортная доступность Калмыкии к началу 1990-х гг. была существенно выше, чем в НАО, ибо здесь имелось

железнодорожное сообщение, довольно развитая сеть автомобильных дорог, надежное авиационное сообщение и речной транспорт. В Ненецком округе ни железных, ни автомобильных дорог не было совсем, а основными видами транспорта являлись и являются авиационный и речной. Основное снабжение осуществляется по р. Печоре: грузы для НАО поставляются в Печорский речной порт (Республика Коми) по железной дороге, а затем речным транспортом доставляются в порт Нарьян-Мара. В НАО нет единой системы электроснабжения, проводной связи, качество социального сервиса определяется слабым развитием инфраструктуры, а также географическими и природными условиями. Только начало промышленной добычи нефти в 1988 г. позволило округу не только остановить отток населения за пределы округа к началу 2000-х гг., но и начать вкладывать серьезные средства в развитие региона и в программы социальной поддержки населения, что сделало этот отдаленный и во многом изолированный регион лидером по ВРП и экономическому развитию в стране. А при этом Калмыкия, обладающая хорошими стартовыми позициями, имеющая выгодное географическое расположение и хороший ресурсный потенциал (включая наличие в недрах республики газа, газового конденсата и других минеральных ресурсов), так и не смогла использовать свой потенциал для развития, как и ряд других республик. Энергия калмыцкого руководства с конца 1980-х – начала 1990-х гг. была направлена на то, чтобы подчеркнуть культурную отличительную черту республики, как основу ее суверенитета. С этой целью в столице республики Элисте и отчасти в ряде других мест стало активно формироваться культурное пространство, визуально подчеркивавшее ее экзотичность, с тем чтобы сделать из нее некую «Мекку буддизма» для европейских приверженцев этой религии, культурно-притягательный регион. «После строительства буддийских храмов, совместного возведения ступ, регулярного богослужения и исполнения таких специальных ритуалов, как создание мандалы, исполнение театрализованной мистерии Цам, молебны священников высокого ранга, в том числе Его Святейшества Далай ламы 14, сделали Элисту центром паломничества буддистов Европы» [Гучинова 2013: 46]. С целью привлечь внимание к республике и усилить ее влияние в России и за ее пределами Элисту стараниями ее президента К. Илюмжинова стали превращать в международный шахматный центр (К. Илюмжинов впоследствии возглавил ФИДЕ), а на окраине города даже были возведены Нью-Васюки, воспетые еще в романе И. Ильфа и Е. Петрова. Но для развития мощного аграрного производства, перерабатывающей промышленности и новых высокотехнологичных производств ничего не было сделано, хотя, по признанию экс-

пертов, качество выпускников местных школ достаточно высокое и они вполне способны стать тем человеческим капиталом, который необходим для инновационного развития территории. В результате сегодня уровень безработицы (10,9%) в Калмыкии самый высокий в ЮФО [Волгин 2015: 557], а перспективы развития региона все еще выглядят неопределенно.

Попытки формировать образ процветающего региона за счет имиджевых акций, которые привлекают внимание общественности, стоят огромных денег, но не приносят реальной пользы для социального и экономического развития регионов, к сожалению, многочисленны. Так, в Мордовии много делалось для того, чтобы превратить ее столицу Саранск в центр финно-угорского движения и одной из парадных витрин Поволжья. Пришедший в 1993 г. к власти местный уроженец (мокшанин по происхождению) и бывший глава одного из сельских районов республики Н. Меркушкин, используя ресурс этничности и статус национальной республики, главные усилия направил на то, чтобы за счет лоббирования интересов республики в центре обеспечить дополнительные трансферты из федерального бюджета и получить значительные заемные средства от коммерческих банков. Он пытался, с одной стороны, позиционировать республику, а особенно ее столицу, как один из важнейших культурных центров финно-угорского мира, а с другой – как один из важнейших центров спортивной, культурной и политической жизни всего Поволжья. В Саранске был создан Поволжский федеральный финно-угорский центр, отстроен грандиозный Мордовский национальный театр, проводилось огромное количество общеповолжских фольклорных фестивалей, конкурсов, здесь проходили съезды АФУН и прочие мероприятия. В городе построили новый кафедральный собор, названный в честь флотоводца Ушакова (который жил в этих краях), новое помпезное здание университета, большой ледовый дворец, другие значительные спортивные объекты и, наконец, огромный стадион для проведения матчей чемпионата мира по футболу (одновременно и ряд других объектов, включая совершенно излишний новый железнодорожный вокзал), хотя в столице Мордовии нет команды высшей лиги и ее спортивные (в том числе и футбольные) достижения весьма скромны. Но такой стадион Мордовии просто не нужен, он не только не отвечает потребностям 300-тысячного города, имеющего скромную футбольную команду, но его содержание крайне затратно, а республика фактически является *банкротом*.

За годы правления Н. Меркушкина, как уже было сказано выше, Мордовия превратилась в регион, который является абсолютным «лидером» в России по дефициту бюджета (8% в 2016 г., а к началу ноября 2017 г. – 24%) и по объему государственного долга, ибо

размер долговых обязательств превысил 40 млрд руб. (почти 200% от республиканского годового дохода). При этом ее население является одним из самых бедных в России: пятая часть жителей (19,5% в 2015 г. и 18,6% в 2017 г.) живет за чертой бедности, а по уровню душевого дохода республика в 2015 г. находилась **на 59-м месте в РФ**, хотя ее потенциал позволял развиваться более успешно и эффективно решать финансовые и социальные проблемы. Очевидно, что траты на имиджевые проекты, а не на проекты развития дорожно-транспортной инфраструктуры стоили республике и отвлекли ресурсы от решения проблем социально-экономического развития. Однако благодаря усилиям местной элиты, некритичным взглядам на социальные и экономические процессы, происходящие в РМ, со стороны местных и федеральных СМИ возникло восприятие Мордовии как «тихой гавани» и «прощающей республики», где можно проводить матчи чемпионата мира по футболу, строить дорогостоящие футбольные стадионы, которые Мордовии «не по карману», что было ясно изначально. Более того, *экономическое положение населения продолжает ухудшаться* (в 2017 г. доходы населения Мордовии были самыми низкими в ПФО – 16 776 руб., т. е. по сравнению с 2015 г. сократились еще на 6,2%), и в республике накапливается материал для социальных потрясений. Оценить нынешнее положение населения республики не представляется возможным, но экономисты говорят о весьма значительном падении доходов всего населения страны, а следовательно, в проблемных регионах это падение будет более весомым. Опрос экспертов, проведенный в республике осенью 2020 г. (с одновременным опросом учащихся 11-х классов средних школ Саранска и студентов местных вузов), показал, что значительная часть экспертов не верят в скорое восстановление республики (хотя среди экспертов примерно треть составили государственные служащие, лояльные к республиканской власти, и их ответы были поэтому более оптимистичными), а большинство опрошенной молодежи не представляет себе перспектив развития в Мордовии и не испытывает особого оптимизма по поводу собственного будущего.

Приведенные выше примеры Элисты и Саранска не исключение: парадные и имиджевые проекты, которые стоят огромных денег, но мало что дают субъектам РФ, а особенно простым гражданам, сооружаются во многих регионах. Так, в Коми в 40 км от столицы республики в с. Ыб построили Этнопарк, в строительство которого вложили более 2 млрд рублей. Он даже был включен в число приоритетных проектов страны, но этнического в нем немного: коми изба, чум оленевода, небольшая экспозиция в конгресс-холле, магазин сувениров и ресторан, якобы коми кухни, которые редко кто посещает. Большую часть года парк не задействован, ибо построен-

ные там объекты можно использовать для проведения каких-то мероприятий (что и делается), но ничего особенно интересного в парке нет, так как кроме архитектурного проекта никакой содержательной концепции разработано не было. Для активного отдыха здесь жителей республики и постоянной активной культурной деятельности он не предназначен. Это лишь дорогая и нефункциональная декорация, с помощью которой «осваивали» огромные федеральные деньги.

В столице Чечни Грозном тоже увлечены созданием пафосных объектов, *символической витрины благополучия республики и успешности ее политического менеджмента*: здесь выстроена крупнейшая в России мечеть, отстроили квартал небоскребов Грозный-Сити. При этом наиболее актуальной задачей является развитие экономики республики, создание новых рабочих мест и сокращение безработицы, укрепление правопорядка, борьба с теневой экономикой, укрепление финансовой дисциплины на всех уровнях и во всех сегментах чеченского общества, включая обязательные платежи за потребляемый газ и электроэнергию (данный упрек можно адресовать всем республикам Северного Кавказа).

Таблица 12

Валовой региональный продукт по регионам РФ в 2018 г.
(на основе данных текущей статистики)

Регион	ВРП, млрд руб.	ВРП на душу населения, тыс. руб.
Области, края и города федерального подчинения с наивысшим объемом ВРП		
Москва	17 881,5	1423,6
Санкт-Петербург	4193,5	781,2
Московская область	4201,8	556,4
Краснодарский край	2344,6	793,0
Свердловская область	2277,6	527,2
Красноярский край	2280,0	793,0
Самарская область	1510,5	473,8
Ростовская область	1446,2	343,4
Челябинская область	1473,7	423,0
Нижегородская область	1367,5	434,1

Регион	ВРП, млрд руб.	ВРП на душу населения, тыс. руб.
Пермский край	1318,5	503,8
Новосибирская область	1252,3	448,7
Иркутская область	1392,3	580,2
Тюменская область (без округов)	1259,4	834,8
Ленинградская область	1104,4	603,2
Автономные округа и область		
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	4447,5	2680,1
Ямало-Ненецкий автономный округ	3083,5	5710,1
Ненецкий автономный округ	305,2	6950,4
Чукотский автономный округ	78,1	1578,5
Еврейская автономная область	55,8	346,7
Республики		
Татарстан	2469,2	633,7
Башкортостан	1673,7	412,5
Саха (Якутия)	1084,6	1123,1
Дагестан	625,1	203,3
Коми	665,7	786,8
Удмуртия	631,1	417,9
Крым	391,3	204,6
Карелия	280,0	451,4
Бурятия	226,1	229,8
Мордовия	227,3	284,0
Хакасия	235,3	438,3
Чечня	193,1	133,4
Марий Эл	177,7	260,8
Кабардино-Балкария	145,7	168,2
Северная Осетия – Алания	130,0	185,6

Регион	ВРП, млрд руб.	ВРП на душу населения, тыс. руб.
Адыгея	108,4	238,8
Карачаево-Черкесия	77,0	165,4
Калмыкия	73,7	268,9
Тыва	68,8	212,9
Ингушетия	55,5	112,6
Алтай	50,6	231,5
По РФ в целом	84 976,7	578,7

Колоссальная разница между регионами по показателям экономического развития территорий, уровню жизни и доходам населения, развитию социальной сферы и рынка труда, этническому составу населения, состоянию экологии и природно-климатическим условиям порождает интенсивные межрегиональные перетоки населения.

В такой огромной стране, как Россия, это явление неизбежное и в целом позитивное. Но позитив здесь ограниченный, и перераспределение населения между регионами можно приветствовать до той поры, пока эти потоки, во-первых, не приведут к опустыниванию ранее освоенных территорий, ибо в этом случае государство распишется в своей неспособности освоить и окультурить ту или иную часть страны. Такие территории, как полагают исследователи, превращаются в зоны нестабильности и конфликтов. В этой связи хотелось бы сослаться на замечание специалистов Центра межрегиональных и миграционных исследований Института международных, экономических и политических исследований РАН: «В современном мире значительно возрастают ограниченность ресурсов (лимитирование как по объемам, так и по экономической эффективности использования). В этих условиях неиспользуемая полностью территория, согласно данной концепции, становится как бы “ничьей”. Обладаящее ею государство ограничивает или даже теряет свое право на суверенитет над ее ресурсами в том случае, если другие страны желают ими воспользоваться. Поэтому проблема существенного ослабления как демографического, так и экономического потенциала имеет не только локальное значение» [Ушкалов, Малаха 1999: 30]. Впрочем концепция *terra nullius* (ничейной земли) возникла еще в XVIII в. для оправдания колониальных захватов европейских государств, но применима она и ныне.

Во-вторых, миграционные потоки и перемещение населения из одних регионов в другие должно быть обусловлено лишь экономическими причинами и личным свободным выбором граждан, стремящихся к улучшению своего материального положения или к изменению социального статуса. Но если эти перемещения выливаются в форму вынужденных этнических/этнокультурных миграций, то признать эти процессы позитивными и не несущими риска социальных и этнических конфликтов нельзя.

В-третьих, если масштабы внутренних перемещений населения приводят к деградации регионов или являются следствием их экономической и социальной непривлекательности, то и в этом случае никакого позитивного начала в них также нет.

Между тем, масштабы межрегиональных обменов населением в РФ в последние десятилетия были весьма значительными и, как правило, они являлись индикаторами серьезных экономических, социальных и этнополитических проблем, имевших место как на региональном уровне, так и в сфере стратегического планирования регионального развития, которое относится к компетенции федеральных властей.

Так, с 1989 г. население Чукотского автономного округа сократилось в три с половиной раза, Магаданской области – в три раза, Дальнего Востока в целом – на четверть. И несмотря на принимаемые меры по развитию территорий Дальнего Востока, отток населения, пусть и в меньших масштабах, но продолжается. А это скорее всего означает, что культурная и социальная привлекательность региона и программы социальной поддержки переселенцев в данный регион не являются достаточно эффективными и продуманными.

Не вызывает сомнений тот факт, что в отдаленных периферийных районах с суровым климатом, низкой транспортной доступностью, недостаточным уровнем развития социальной инфраструктуры, действительно, трудно сформировать устойчивое население и интегрированные местные сообщества, особенно если эти сообщества носят преимущественно переселенческий характер [Подвинцев 2017], как это имеет место на севере Республики Коми, на юге Якутии, на Чукотке, в Магаданской области и на Дальнем Востоке. Однако мощный отток населения наблюдается не только из регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока, но и во всех регионах европейского севера России, колонизация которого началась еще в XI в. и где сложился специфический культурный ландшафт, позволивший российским исследователям XIX столетия определить эту территорию как ядро Великороссии и «культурную кладовую» русского народа. А потому на рубеже XIX и XX вв., как сказано выше, она получила неофициальное название «Русский

Север». Отток населения из этой историко-культурной провинции начался на рубеже 1980–1990-х гг., не прекратился и ныне и будет продолжаться, согласно прогнозам, в ближайшие десятилетия. По сути дела, мы сегодня можем говорить **об устойчивой тенденции деколонизации Русского Севера**, в результате которой население таких регионов, как Мурманская область и Республика Коми сократилось с 1989 г. на треть [Шабаев, Подоплёкин 2017]. Правда ситуация в НАО специфична, ибо здесь массовый отток жителей в 2000 г. сменился стабилизацией численности населения, но не его ростом.

В этнополитическом плане особую обеспокоенность вызывает отток русского населения из республик Северного Кавказа, в результате которого этническая мозаичность населения данных регионов уменьшается, а поликультурность перестает быть характерной чертой местного культурного ландшафта. Причем гомогенизация коснулась даже таких городских центров, которые исторически были центрами межкультурного диалога и межкультурного взаимодействия, как, например, Махачкала, а ныне эта прежняя поликультурность является лишь элементом исторической памяти местного населения [Левкин, Черыева 2013]. Впрочем, сложная криминогенная ситуация, межэтнические противоречия и действия бандподполья, направленные на дестабилизацию ситуации на Северном Кавказе, вынуждают покидать регион не только представителей русского населения. Устойчивыми стали ориентации на выезд за пределы кавказских республик и у местных кабардинцев, балкарцев, карачаевцев, черкесов, ингушей, народов Дагестана, ибо достаточных возможностей для социальной мобильности и обеспечения материального благополучия работников местный рынок труда не предоставляет или ограничивает внерыночными и криминогенными обременениями (поборами со стороны исламских радикалов, коррупции, клановой солидарностью). Найти достойные условия жизни и работы многие жители Северного Кавказа могут только за пределами региона [Азикова и др. 2016: 567]. В основном мигрирует за пределы северокавказских регионов местная молодежь, и оседает она, как и молодежь из других российских регионов, в Москве, Санкт-Петербурге и других крупных российских городах.

Дополняет картину демографических изменений то, что в последние годы происходит процесс концентрации населения в наиболее крупных городах, регионах Центрального федерального округа, в Ставропольском и Краснодарском краях, а также Ханты-Мансийском и отчасти Ямало-Ненецком автономных округах, поскольку в последних уровень оплаты труда существенно превышает среднероссийские показатели.

«По данным Росстата, в 2008 году был достигнут минимум численности населения России (142,7 млн чел.), после чего она стала медленно расти, преодолев в 2012 году значение в 143 млн чел. Несмотря на незначительное изменение абсолютной численности населения в России, в последнее десятилетие продолжилось его устойчивое “перераспределение” между разными типами регионов.

Географы отмечают прежде всего движение с Востока на Запад страны, сокращение (хотя уже и менее интенсивное) населения ДФО, СЗФО и ПФО, о чем было сказано выше. Особенно заметно сокращение жителей (в процентном отношении) в Дальневосточном ФО (–6% за 10 лет, в том числе в Магаданской области –16%). Значительную абсолютную убыль (более 150 тыс. чел.) за 2003–2013 гг. показали шесть регионов: Нижегородская, Кировская, Оренбургская и Саратовская области, Алтайский и Пермский края. В последующие несколько лет, по данным текущей статистики, эта тенденция сохранялась (так, естественная убыль в 2017 г. в Нижегородской области составила –4,15%; Кировской – –3,74%; Саратовской – –4,08%; Оренбургской – –1,70%; Алтайском крае – –3,16%; Пермском крае – –1,06%).

В рамках экономической миграции идет перемещение из малых городов в крупные и в столицы. Растет население, соответственно, ЦФО и нескольких регионов СКФО. При этом отличия на уровне конкретных регионов еще сильнее: население Москвы за 10 лет (2013 год по отношению к 2003 году) выросло на 1,58 млн человек, Московской области – на 0,45 млн человек, Санкт-Петербурга – на 0,42 млн человек. Также высокие приросты показали Дагестан (+0,36 млн), Краснодарский край (+0,25 млн), Чечня (+0,22 млн), ХМАО (+0,15 млн)»⁶⁷. В Москве, Московской области, Петербурге, Дагестане, Краснодарском крае и некоторых других субъектах РФ наблюдается устойчивая тенденция не к сокращению населения, а к его значительному росту: за 2014–2018 гг. население Москвы выросло на 309 тыс. человек, Московской обл. – на 370 тыс., Санкт-Петербурга – на 220 тыс., Дагестана – 100 тыс., Краснодарского края – на 199 тыс., Чечни – на 90 тыс., ХМАО – на 58 тыс. человек, согласно данным текущей статистики.

Экономическая миграция в значительной мере обусловлена значительной разницей в размерах оплаты труда по регионам РФ и межрегиональными различиями в доходах населения. Особенно заметны межрегиональные различия при сравнении среднемесяч-

⁶⁷ Голяшев А.В., Григорьев Л.М. Типы российских регионов: устойчивость и сдвиги в 2003–2013 годах: Аналитический доклад [Электронный ресурс]. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/0/> (дата обращения 21.03.21).

ной заработной платы (табл. 13). Хотя очевидно, что эти различия не коррелируют с валовым региональным продуктом в расчете на душу населения, поскольку продукция, произведенная в одних регионах, может быть включена в ВРП другого. Например, часть нефти, которая поставляется на экспорт по системе трубопроводов Транснефти, учитывается не как экспортные поставки регионов (например, Республики Коми), а как экспорт Москвы, поскольку через Москву эти поставки оформляются, что, безусловно, искажает реальные показатели ее ВРП. Доказательством тому служит товарная структура экспорта Москвы: так, в первом полугодии 2015 г. минеральные продукты (которые здесь не добываются) составляли 48% в товарной структуре московского экспорта, а топливно-энергетические товары – 47%⁶⁸, при этом нефтеперерабатывающий завод в Капотне работает только на нужды Москвы и Московской области. В связи с этим становится непонятным, где мощная IT-индустрия, которая якобы есть в Москве, где продукция 100 технопарков и многих десятков инновационных производств, которые, согласно заявлениям московских властей, появились в последние годы в столице и производят конкурентоспособные на мировых рынках товары. По сути, Москва занимается перевалкой товаров, произведенных по всей России, а потому в 2010 г. доля Москвы в российском экспорте составляла 36,5%, а кроме того, Москва служила основным распределительным центром, через который шли российским потребителям потоки импорта. В этой связи специалисты справедливо заявили: «Необходимо снизить роль Москвы как торгово-логистического центра страны, перевалочной базы импортных товаров...» [Зиядуллаев, Рождественская, Ростанец 2012: 29]. Стоит заметить, что в досоветскую эпоху «карманом России» называли Нижний Новгород, через него (и его ярмарки) осуществлялась значительная часть внутренней и внешней торговли страны. Поэтому в начале XX в. город давал примерно 10% от всех налоговых поступлений бюджета Российской империи [Нижний Новгород 2017].

⁶⁸ Экспортеры России: Единый информационный портал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusexporter.ru/research/region/detail/3149/> (дата обращения 21.03.21).

Дифференциация регионов РФ
по размеру среднемесячной заработной платы
(на основе данных текущей статистики)

Регион	Средний размер заработной платы в 2019 г., руб.
1. Магаданская область	101 662
2. Чукотский автономный округ	96 930
3. Ямало-Ненецкий автономный округ	86 560
4. Москва	78 946
5. Ненецкий автономный округ	77 277
6. Сахалинская область	73 261
7. Камчатский край	71 553
8. Республика Саха (Якутия)	65 881
9. Ханты-Мансийский автономный округ (Югра)	62 555
10. Тюменская область	61 937
11. Санкт-Петербург	58 310
12. Мурманская область	56 005
13. Московская область	50 135
14. Республика Коми	48 316
15. Архангельская область (без НАО)	47 526
16. Хабаровский край	46 583
17. Красноярский край	44 692
18. Амурская область	43 156
19. Иркутская область	42 921
20. Ленинградская область	42 434
21. Приморский край	42 026
22. Забайкальский край	40 728
23. Еврейская автономная область	39 797
24. Республика Карелия	39 755
25. Томская область	39 707
26. Калужская область	38 005
27. Республика Хакасия	37 949

Продолжение табл. 13

Регион	Средний размер заработной платы в 2019 г., руб.
28. Республика Бурятия	37 867
29. Кемеровская область	37 857
30. Республика Алтай	37 764
31. Свердловская область	37 605
32. Вологодская область	36 048
33. Новосибирская область	36 048
34. Республика Татарстан	35 722
35. Республика Тыва	35 619
36. Челябинская область	34 944
37. Пермский край	34 809
38. Тульская область	33 933
39. Ярославская область	33 882
40. Краснодарский край	33 258
41. Республика Башкортостан	33 137
42. Самарская область	33 086
43. Нижегородская область	32 973
44. Калининградская область	32 473
45. Астраханская область	32 166
46. Омская область	32 013
47. Удмуртская Республика	31 990
48. Владимирская область	31 647
49. Воронежская область	31 286
50. Рязанская область	31 192
51. Белгородская область	31 163
52. Севастополь	31 008
53. Новгородская область	30 820
54. Липецкая область	30 775
55. Тверская область	30 764
56. Ростовская область	30 647
57. Курская область	30 125

Регион	Средний размер заработной платы в 2019 г., руб.
58. Пензенская область	30 112
59. Волгоградская область	30 097
60. Оренбургская область	29 892
61. Смоленская область	29 566
62. Республика Крым	28 400
63. Ставропольский край	28 256
64. Республика Марий Эл	28 232
65. Костромская область	27 948
66. Ульяновская область	27 927
67. Курганская область	27 887
68. Кировская область	27 580
69. Республика Адыгея	27 455
70. Брянская область	27 403
71. Псковская область	27 339
72. Чувашская Республика	27 028
73. Республика Мордовия	26 999
74. Орловская область	26 834
75. Тамбовская область	26 754
76. Саратовская область	26 555
77. Республика Северная Осетия – Алания	26 108
78. Чеченская Республика	26 108
79. Ивановская область	26 053
80. Алтайский край	25 960
81. Республика Калмыкия	25 719
82. Карачаево-Черкесская Республика	25 699
83. Республика Ингушетия	25 663
84. Кабардино-Балкарская Республика	25 318
85. Республика Дагестан	24 550
По РФ в целом	44 076

При этом важно заметить, что если ВРП на душу населения по регионам различается в 54 раза, то размер среднемесячной заработной платы только в пять раз. Это говорит о том, что национальное богатство за счет бюджетных трансфертов перераспределяется между регионами так, чтобы поддержать население тех регионов, где нет природных богатств, развитой индустрии и высокопроизводительного аграрного сектора. Но очевидно, что внеэкономическое перераспределение национального дохода приобрело слишком большие масштабы, и сама его модель во многом заимствована из не оправдавшего себя советского опыта. Так, «на протяжении второй половины 1920-х и в 1930-е годы оказание финансовой помощи автономным республикам и областям являлось существенным направлением государственной бюджетной политики. Доля собственных доходов в их бюджете составляла незначительную часть, бюджет сводился при помощи дотаций из бюджета РСФСР и Союза ССР. В 1930 г. дотации в бюджете Карельской АССР составляли 61%, Чувашской АССР – 65%, Якутской АССР – 63% и т. д.» [Чеботарева 2008: 22]. Вплоть до 1980-х гг. бюджеты практически всех союзных (за исключением Азербайджана) и большинства автономных республик дотировались из федерального бюджета [Бруцкус 1999; Гайдар 2006; Абалкин 2007 и др.]. Помимо прямых дотаций имели место и скрытые формы дотирования экономических агентов, действовавших в союзных и автономных республиках. К примеру, устанавливались завышенные закупочные цены (которые не соответствовали трудозатратам) на абхазские мандарины, виноград из Грузии и Армении, хлопок из среднеазиатских республик и т. д. В то же время производители аграрной продукции в РСФСР подобной поддержки не получали, что вело к деградации сельскохозяйственных предприятий, часто работавших с убытками. Считалось, что помощь «отсталым национальным окраинам» должна стимулировать их экономическое развитие и обеспечивать рост благосостояния их населения. На самом деле эта система привела к деградации села, причем в наибольшей мере не так называемых национальных сел, а именно сел и деревень в регионах с преобладающим русским населением. Запоздавшая попытка властей изменить ситуацию с помощью реализации программы развития Нечерноземья успеха не имела.

Система, ориентированная на выравнивание уровня социально-экономического развития «отсталых национальных окраин» и «развитых» регионов, которая должна была существовать лишь в ограниченном временном отрезке, глубоко укоренилась и по сути своей строилась на выкачивании средств и ресурсов из российских регионов в пользу населения и элит союзных и автономных республик. Считается, что принятая сегодня в РФ модель финансовой

поддержки регионов выполняет важную политическую функцию, ибо в условиях громадных финансово-экономических диспропорций данная модель позволяет выравнивать бюджетную обеспеченность разных регионов за счет федеральной финансовой поддержки (она именуется **перераспределительной моделью**). В политическом плане систематическая *финансовая помощь центра оборачивается политической зависимостью* регионов от федерального центра, а в экономическом она не столько поддерживает экономически неразвитые регионы, сколько тормозит развитие регионов-лидеров.

Чаще всего перераспределение осуществлялось именно в пользу элит, партийной номенклатуры [Восленский 1991], поскольку льготами, которые предоставлялись этническим меньшинствам, более успешно пользовались региональные лидеры и их дети. Так, «для представителей “коренных народов” не только предоставлялись лучшие возможности продвижения по карьерной лестнице, но и был предусмотрен ряд привилегий, которые существовали на протяжении всей советской эпохи. Им выделялись квоты в центральных вузах страны, куда они могли поступать вне основного конкурса, представители малых народов освобождались от службы в армии, их культурные институты получали большие государственные дотации и т. д. К примеру, в начальный период политики коренизации в вузах Средней Азии под “бронью” находилось 70% студенческих мест для представителей “титульных национальностей”; до 20% – для представителей “национальных меньшинств” и только 10% – для так называемых европейцев. В 1928–1929 гг. бронированием Наркомпроса для национальных меньшинств охватывалось около тысячи мест в высших учебных заведениях страны. В педагогических техникумах страны в тот же период больше 45% мест было занято студентами из числа “отсталых национальностей”» [Тишков, Шабаетов 2019: 308–309].

Уже в 1980-е гг. стало очевидно, что сложившаяся система бюджетной и иной поддержки республик и автономий порождает иждивенчество, создает неравные условия для развития регионов страны и провоцирует рост межэтнической напряженности, что и было отмечено специалистами: «Финансовая или иная помощь отсталым республикам – частный случай перераспределения всех произведенных в республиках ценностей через центральный и республиканские бюрократические аппараты. Это перераспределение игнорировало результативность труда населения той или иной республики и служило одной из причин повышенной межнациональной конфликтности» [Перепёлкин, Шкарлатан 1988: 32].

Важно заметить, что *иждивенчество властей национальных республик и ряда других субъектов порождает иждивенческие настрое-*

ния и иждивенческий тип поведения и потребления как у местного бизнеса, так и среди широких масс населения. Примером тому служит колоссальная задолженность за электроэнергию и газ, которая накопилась в субъектах Северо-Кавказского федерального округа, где она является самой высокой в стране. Долги всех групп потребителей к началу 2019 г. составили уже 120 млрд рублей⁶⁹. Громкий скандал вызвала попытка Заводского суда Грозного в середине января 2019 г. списать 9 млрд долгов с потребителей в Чечне⁷⁰. И это при том, что врезки в трубопроводы, по которым перекачиваются нефть и газ, с целью их воровства и последующей перепродажи, равно как и другие виды криминального бизнеса на Северном Кавказе, являются весьма распространенным способом незаконного обогащения. Недавний пример с сенатором Арашуковым и его родственниками, занимавшимися незаконным изъятием и перепродажей газпромовского газа, есть лишь часть коррупционных и криминальных схем, которые глубоко пустили корни в северокавказских республиках.

В этой связи вполне закономерно встает вопрос о необходимости не только ужесточения борьбы с коррупцией и криминалом на Северном Кавказе (что федеральная власть пытается делать), но и о пересмотре идеологии российского федерализма. Видимо, бесконечно вливать деньги в республики, где борьба с криминалом и коррупцией является сугубо декоративной, а социально-экономическое развитие регионов ориентировано не на интересы республиканских сообществ в целом, а на интересы кланов (джамаатов, тейпов) более нельзя, ибо это противоречит общим интересам российской гражданской нации. Необходимо переходить от кооперативного федерализма к конкурирующему, концепция которого реализована в ряде стран и предполагает, что «на смену поддержке отсталых регионов приходит поощрение наиболее динамичных», хотя «в современных федерациях одновременно сосуществуют элементы как кооперативного, так и конкурирующего федерализма» [Утенков 2011: 82]. Некоторые эксперты оптимистично заявляют, что *и в России уже* имеет место сочетание кооперативного и конкурирующего федерализма. Однако убедительно доказать наличие подобной формы федерализма в России не получается. Тем не менее, понимание необходимости совершенствования стратегии регионального развития есть, и не случайно в *Стратегии пространственного развития России*, принятой

⁶⁹ Мутко. Долг Северного Кавказа за свет и газ вырос до 120 млрд рублей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/economy/2614965.html> (дата обращения 22.03.21).

⁷⁰ Списание 9 млрд долгов жителей Чечни за газ. Реакция [Электронный ресурс]. URL: <https://zona.media/chronicle/9-mlrd> (дата обращения 22.03.21).

в 2018 г., предложено выделить геостратегические территории, что в принципе верно, хотя сама Стратегия справедливо подвергается критике специалистов.

Пока что современный российский федерализм мало отличается от его советской версии, и сегодня мы можем наблюдать ту же картину во взаимоотношениях национальных республик с центром, что и во времена СССР: национальное богатство распределяется неравномерно и в системе бюджетной поддержки регионов *нет строгой экономической и политической логики*, особенно когда дело касается формирования бюджетов национальных республик, Москвы и Санкт-Петербурга.

Поэтому не случайно появляются научные публикации, в которых авторы критически оценивают сложившуюся систему этнического федерализма в РФ или пытаются рассуждать о формах совмещения этничности и федерализма (см., например [Ершов 2006; Фарукшин 2008; Сидоренко 2009; Саидова 2010] и др.).

В стране сегодня чуть более десятка регионов, которые принято называть «регионами-донорами», т. е. они могут обеспечивать собственные расходы за счет налогов, собираемых на их территориях с учетом отчислений в федеральный бюджет. Все остальные балансируют свой бюджет за счет трансфертов из федерального бюджета, в том числе и большинство республик. Причем очевидно, что каких-либо позитивных изменений как по уровню ВРП на душу населения, так и по уровню дотационности регионов не происходит. Ингушетия, 15 лет назад занимавшая последнее место по уровню ВРП, прочно занимает его и ныне. Как 15 лет назад, северокавказские республики обеспечивали свои бюджеты главным образом за счет трансфертов из федерального бюджета (а по сути дела на протяжении всей истории их существования), так и ныне ситуация не изменилась. В 2004 г. Андрей Владимиров, анализируя колоссальную разницу между субъектами РФ по уровню ВРП, писал: «После трагедии в Беслане президент заявил, что одной из причин террора является “недопустимое отставание” Северо-Кавказского региона по уровню жизни... Среди параметров, характеризующих развитие регионов, есть и такой, как “бюджетная обеспеченность”, – это доля собственных доходов в общих расходах субъекта. Так вот, у Ингушетии она не превышает 12,57%. Остальные 87,43% республиканской казны формируются, как несложно догадаться, за счет центра. Это самый высокий уровень дотационности по стране, даже у Чечни он ниже (84,68%). Правда, львиная доля вливаний идет в Чеченскую республику, минуя местный бюджет. Немногим лучше обстоит дело в остальных северокавказских республиках: в Дагестане на федеральные дотации приходится 78,58% бюджета, в Карачаево-Черкесии –

71%, Кабардино-Балкарии – 70,83%» [Владимиров 2004: 26, 28]. Но и спустя 15 лет бюджетный дефицит есть одна из главных финансовых проблем российских регионов. А долговая нагрузка региональных бюджетов в последние годы выросла очень значительно, поскольку многие регионы (и особенно республики) привыкли жить в долг или за счет трансфертов, и их лидеры убеждены, что федеральный центр будет и далее мириться со сложившейся практикой. В Мордовии, к примеру, внутренний долг превышает валовой региональный продукт на 200%, сложная ситуация с долгами и в Хакасии, долговое бремя многих других республик и областей в последние годы также быстро росло.

Отвечая на вопросы свердловского журналиста, известный экономист Наталья Зубаревич по этому поводу заметила: «Урал не геополитический приоритет для Кремля, поэтому вы живете как живете. ХМАО, Ямал, Тюменская область имеют душевую бюджетную обеспеченность в 1,5–1,6 раза выше, чем в среднем по стране благодаря налогу на прибыль от нефтегазовых компаний. Свердловская область и Пермский край живут в основном “на свои”, уровень дотационности (7 и 10% в январе–сентябре 2018 года) значительно ниже среднероссийского (16%). Дотационность бюджета самой слабой [на Большом Урале] Курганской области – 43–46%. Для сравнения: дотационность Крыма – 65%, Севастополя – 54%, Дагестана – 69%, Тывы – 77%, Чечни и Ингушетии – 81%. В Уральском федеральном округе подобных цифр нет ни у кого»⁷¹.

Она же верно заметила «Проблема регионального неравенства в России давно стала политической, и это очень мешает ее непредвзятому рассмотрению. Вместо осмысленного анализа доминирует императив – “нужно выравнивать”! В качестве аргумента чаще всего приводят цифры огромных экономических различий между регионами. Действительно, если сопоставить душевой валовой региональный продукт (ВРП) нефтедобывающего Ненецкого автономного округа с населением 42 тысячи жителей и слаборазвитой Республики Ингушетия с преобладанием теневой экономики, которую невозможно статистически измерить, то получим разрыв более чем в 80 раз. Но если скорректировать эти показатели на различия цен по регионам (а это нужно делать обязательно, поскольку в России они выше трех раз), то разрыв между этими двумя регионами сокращается вдвое – до 40–45 раз.

⁷¹ *Захаркин С.* Почему Чечня получает от Москвы в 11 раз больше, чем Екатеринбург [Электронный ресурс]. URL: <https://www.politicsglobal.ru/poche-mu-chechnja-poluchaet-ot-moskvy-v-11-raz-bolshe-chem-ekaterinburg/> (дата обращения 22.03.21).

Стоит учитывать и размер регионов, и их отраслевую структуру, и открытость экономик (то, что произведено, далеко не всегда потребляется в самом регионе), и масштабы налогового изъятия нефтяной ренты в федеральный бюджет, и другие факторы, влияющие на неравенство» [Зубаревич 2009: 38].

Конечно, поддержка региональных бюджетов (которая именуется «выравниванием бюджетной обеспеченности») со стороны центра нужна, чтобы гарантировать достаточный уровень благосостояния населения регионов, но она не должна превращаться в устойчивую систему выкачивания средств и ресурсов из самодостаточных субъектов в национальные республики и депрессивные регионы, как это имеет место сегодня (и все предшествующие десятилетия). Конечно, по сложившейся негласной практике республики имеют больше шансов получить финансовую поддержку федерального центра, но, с другой стороны, как это не парадоксально, несмотря на эту поддержку, именно в республиках мы наблюдаем наибольшие показатели бедности населения. Так, согласно данным официальной статистики, в 2019 г. самая высокая доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в областях и краях была зафиксирована в Забайкальском крае – 21,5% от общей численности населения, Курганской области – 19,6, Иркутской области – 17,9, Алтайском крае – 17,6, Красноярском крае – 17,3% (заметим, что все это сибирские регионы и примыкающий к ним Алтай). Но среди республик общая картина выглядит более печально, ибо в Республике Ингушетия доля бедных – 30,5%, Кабардино-Балкарии – 24,2, Карачаево-Черкесии – 23,5, Республике Калмыкия – 23,5, Республике Марий Эл – 20,1%. Только в Татарстане и Башкортостане доля бедных ниже среднероссийского показателя (12,3%), во всех остальных республиках хоть ненамного, но выше, а чаще существенно выше [Доля населения, 2019]⁷². Очевидно, что по итогам 2020 г. ситуация будет еще более сложной и восстановление доходов населения и среднедушевых доходов семей в реальном исчислении произойдет не скоро.

Во-вторых, надо заметить, что система выделения трансфертов должна быть полностью прозрачной (чтобы и региональные власти, и население всех российских регионов знало, кто сколько получает и знало реальную причину поддержки того или иного региона от федерального центра). *Эта прозрачность и ее качественное инфор-*

⁷² Доля населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже границ, установленных на основании фактического уровня денежных доходов населения (среднедушевого, медианного и модального), в целом России и по субъектам Российской Федерации за 2019 год [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723?print=1> (дата обращения 23.03.21).

мационное сопровождение может и должно стать формой диалога федерального центра и населения республик, государства и нации.

В-третьих, должны быть выработаны экономически обоснованные формулы определения максимальных размеров трансфертов, а региональные власти необходимо жестко ограничить в своих аппетитах, не давая им возможности получить дополнительное/сверхнормативное финансирование, которое нередко идет не на решение насущных проблем регионов, а на нужды бюрократии – покупку золотых мерседесов для республиканских лидеров, дорогой офисной мебели и прочих предметов роскоши. В-четвертых, наполняемость местных бюджетов должна стимулироваться более гибкими системами налогов и привлечения инвестиций в регионы. А оценку деятельности региональных властей следует прямо увязать с динамикой развития и эффективностью регионального хозяйственного комплекса. В-пятых, хронический дефицит бюджетов национальных республик и массированные вливания в них из федерального бюджета можно и **порой нужно** рассматривать как *перераспределение национального богатства в пользу отдельных территорий и народов*. С учетом того факта, что доля чеченцев в Чеченской республике составляет 95,3 (а доля русских между переписями 2002 и 2010 гг. сократилась на 40%), доля ингушей в Ингушетии – 93,4% (доля русских с 2002 по 2010 г. сократилась на 57%), доля титульных этнических групп в Дагестане – 94,1% (сокращение доли русских – 3,6% в указанный период), можно говорить о том, что именно титульные сообщества этих республик явно выигрывают от существующих принципов распределения национального дохода. Заметим, что регионы РФ с наивысшей долей русского населения – Архангельская и Вологодская области (доля русских в составе населения этих субъектов в 2010 г. составляла соответственно 97,3 и 95,6%) в 2012 г. обеспечивали собственные бюджеты налоговыми платежами со своих территорий на 91,3 и 92,6% [Галухин 2013] и в предшествующие годы ситуация была примерно такой же. В последние несколько лет стратегически важная Архангельская область стала получать более крупные трансферты из федерального бюджета, но ни в области, ни в других регионах СЗФО социально-экономическая ситуация серьезно не улучшается. Более того, на наш взгляд, о проблеме перераспределения национального дохода в пользу отдельных регионов, как сказано выше, следует говорить публично, открыто, но не столько с целью укорить отдельные территории и их лидеров (хотя и это порой необходимо, о чем свидетельствует опыт Дагестана), сколько с целью стимулирования поиска ресурсов для регионального развития, которое не может строиться только на одних федеральных трансфертах.

В этой связи высказываются весьма показательные мнения, некоторые из них, правда, нельзя признать обоснованными, но которые очевидно указывают на серьезные диспропорции в бюджетном обеспечении национальных республик и «русских регионов». Эти диспропорции вызывают тревогу не только у русских националистов, но и у некоторых общественных активистов, а также экспертов, открыто заявляющих, что в стране нарастают процессы дерусификации, и они не являются случайными. Так, в частности, президент Института национальной стратегии Михаил Ремизов в этой связи сделал следующее замечание: «По характерному признанию одного из активистов “поморской идеи”, все дело в том, что “государство ставит своих граждан в такие условия, когда они мечтают стать нерусскими”... Очевидные и зримые преимущества этнических регионов в отношениях с федеральным центром также делают закономерными попытки “этнически окрасить” свой регион, чтобы повысить его статус в федерации... Дерусифицирующий регионализм способен подорвать единство страны куда в большем масштабе, чем сепаратизм этнических окраин» [Ремизов 2014: 59]. А совсем недавно председатель патриаршей комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства протоиерей Дмитрий Смирнов вообще заявил, что «русские закончатся к 2050 году»⁷³.

Названная практика и связанные с ней опасения являются основанием для формирования негативных стереотипов массового сознания в отношении населения северокавказских республик и тиражирования их в социальных сетях, о чем уже говорилось выше. Очевидно, что дотационность северокавказских и ряда других республик необходимо последовательно снижать, а точнее, создать условия для того, чтобы этот процесс стал доминирующей тенденцией в межбюджетных отношениях.

Но пока ситуация не меняется или меняется крайне медленно, а потому чрезвычайно высокая дотационность национальных республик будет и далее подпитывать русский национализм, который имеет глубокие корни. Здесь можно вспомнить не только идею имперской нации, о которой сказано в первой главе, но и советский самиздат, ибо советские диссиденты выступали не только против коммунистических идей и тоталитарного строя, но и против проводимой в СССР национальной политики. Идейным манифестом русских националистов той поры можно считать «Слово нации», написанное в 1970 г. «Свой политический идеал “авторы” – текст был подписан “русские патриоты” – видели в появлении мощного национального

⁷³ В РПЦ считают, что «русские закончатся» к 2050 году [Электронный ресурс]. URL: <https://ura.news/news/1052374947> (дата обращения 23.03.21).

государства», в котором «русский народ на самом деле, а не по ложному обвинению, должен стать господствующей нацией, не в смысле угнетения других народов, а хотя бы в том, чтобы самим русским не становиться жертвами дискриминации и даже террора в отдельных частях собственной страны» [Титов 2011: 217].

В постсоветской России идея о том, что «русские регионы» являются самыми обделенными в экономическом и социальном отношении, высказывается достаточно часто и не только активистами этнонациональных/националистических организаций типа скандально известной РНЕ, но и рядом серьезных экспертов. Так, заведующий лабораторией исторических исследований НИУ ВШЭ, профессор Леонид Васильев по этому поводу заметил следующее: «...Коренные русские, и без того обойденные жизнью и обездоленные судьбой, да еще в подавляющем своем большинстве заметно отстающие от современного стандарта и нередко оказывающиеся не в состоянии приблизиться к нему, недовольны своей участью. Острое их недовольство, восходящее ко все тому же комплексу неполноценности, выплескивается не только на знамена националистов с их прежде всего антикавказским содержанием, но и на улицы наших городов. Вот об этом не стоит забывать. Это не прихоть, не заблуждение чего-то не понимающих, даже не странная ксенофобия. Это печальный итог отечественной истории» [Васильев 2013].

Попытки же некоторых политиков «защитить русских» иногда принимают форму уродливых политических инициатив. Так, в 2010 г. депутаты Мосгордумы выступили с инициативой принять «Кодекс москвича», который известный философ Александр Ципко расценил как попытку «объявить Москву “русским городом” и запретить всем нерусским россиянам и нашим соотечественникам из СНГ говорить в Первопрестольной на чужих языках и носить национальную одежду». И далее он заметил, что «непонимание того, что Россия складывалась и может существовать только как многонациональное государство, объясняется дефицитом исторической памяти, исторических знаний, следствием нынешнего бескультурья» [Ципко 2010].

Занимающаяся российской проблематикой известная французская исследовательница Марлен Ларюэль полагает, что «основной внутренний разлом и “гордиев узел” русского национализма царской, а также советской, а затем и постсоветской эпох заключается в отношении к государству, которое хотелось бы считать своим, хотя оно и не является таковым целиком» [Ларюэль 2008: 25]. Однако, на наш взгляд, это только одна сторона проблемы русского национализма, который сегодня не очень активно проявляет себя, но который никуда не исчезает.

Другая сторона состоит в том, что предметный анализ ситуации в регионах, которые в обыденном сознании считаются «русскими» (табл. 14), показывает, что в этих регионах, как правило, самая плохая демографическая ситуация, а нередко и экология, низкий уровень жизни, плохие дороги и неудовлетворительное состояние социальной инфраструктуры в целом. Поэтому «русский вопрос» состоит в простом выравнивании условий и возможностей для развития у разных регионов страны, обеспечении сбалансированной финансовой поддержки регионов со стороны федерального центра.

Таблица 14

Доля титульных групп и русского населения
в национально-государственных образованиях
(перепись 2010 г.)

Регион	Доля титульного населения, %	Доля русских, %
1. Республика Адыгея	25,8	63,6
2. Республика Алтай	33,9	56,6
3. Республика Башкортостан	29,5	36,1
4. Республика Бурятия	29,5	64,9
5. Республика Дагестан	93,4	4,7
6. Республика Ингушетия	94,1	0,8
7. Республика Кабардино-Балкария	69,9	25,1
8. Республика Калмыкия	57,4	30,2
9. Республика Карачаево-Черкесия	52,9	31,6
10. Республика Карелия	7,4	82,2
11. Республика Коми	23,7	65,1
12. Республика Крым	–	58,5 (2014 год)
13. Республика Марий Эл	41,8	45,1
14. Республика Мордовия	40	53,4
15. Республика Саха (Якутия)	49,9	37,8
16. Республика Татарстан	53,2	39,7
17. Республика Тыва	82	16,3
18. Удмуртская Республика	28	62,2

Регион	Доля титульного населения, %	Доля русских, %
19. Республика Хакасия	12,1	81,7
20. Чеченская Республика	95,3	1,9
21. Республика Чувашия	26,9	67,7
22. Еврейская автономная область	1	92,7
23. Ненецкий автономный округ	17,8	17,8
24. Ханты-Мансийский автономный округ	1,9	68,1
25. Чукотский автономный округ	25,3	49,6
26. Ямало-Ненецкий автономный округ	5,9	61,7

Противостоит региональным (и особенно муниципальным) интересам и практика чрезмерной централизации финансовых и налоговых ресурсов в Москве и Санкт-Петербурге, в некоторых региональных центрах.

Если судить по данным официальной статистики, то Москва является крупнейшим налогоплательщиком в стране. В разные годы ее доля в пополнении федерального бюджета составляла от четверти до пятой части всех налоговых поступлений из регионов. Так, в январе–мае 2004 г. доля Москвы равнялась 25,2% от всех налоговых поступлений из регионов в федеральный бюджет [Владимиров 2004], к началу 2017 г. ситуация не изменилась, что позволило заявлять, что «больше всего платит Москва» – 19%⁷⁴. Между тем, очевидно, что не в Москве *производится четверть национального богатства*, хотя ее отчисления и самые значительные. В Москве платят налоги многие крупнейшие компании страны, включая нефтегазовые и вертикально интегрированные холдинги, чьи штаб-квартиры расположены здесь. Так, самый крупный налогоплательщик Костромской области Костромская ГРЭС платит налоги именно в Москве, а не в Костроме, поскольку является частью вертикально интегрированного энергетического холдинга, обосновавшегося в столице. Здесь же, как известно, размещены центральные офисы «Газпрома», «Роснефти»,

⁷⁴ Кто платит, а кто тратит: кормящие страну автономные округа, триллионы от Москвы и забирающий свое Татарстан. Рейтинг регионов России по налоговым отчислениям (06.06.2017) [Электронный ресурс]. URL: <http://realnoevremya.ru/articles/67340-reyting-regionov-rossii-po-nalogovym-otchisleniyam> (дата обращения 23.03.21).

«Лукойла», «Транснефти» и многих других крупных компаний, чьи производственные мощности находятся в регионах.

Поскольку в столице России расположены практически все федеральные ведомства, то здесь проживает огромное число высокооплачиваемых чиновников и здесь же расположены штаб-квартиры госкорпораций, руководители которых имеют оклады, в сотни раз превышающие зарплаты университетских профессоров, а уборщицы в некоторых из них – ежемесячный доход больше, чем сельские предприниматели в периферийных регионах. В Москве сконцентрированы крупнейшие банки страны и их центральные офисы, т. е. помимо политического центра, Москва сегодня является и главным финансовым центром, поскольку за ее пределами финансовые институты развиты слабо. Почти все самые крупные и высокодоходные частные компании также управляются из московских офисов, хотя их производственные структуры расположены за многие сотни и тысячи километров от столицы. Даже те немногие, чьи центральные офисы формально расположены в регионах, имеют свои представительства в Москве, которые по численности персонала значительно превосходят региональные, а по уровню оплаты труда сотрудников как минимум не уступают региональным представительствам. Крупнейшие состояния имеют опять же московскую прописку, уровень доходов всего населения Москвы (включая пенсионеров) существенно выше, чем в регионах. А поскольку самое платежеспособное население страны концентрируется в Москве, то потребительские расходы всех категорий москвичей очень существенно превышают расходы малообеспеченного населения российской периферии, и поступления от налога НДС в столице кратно превышают подобные же поступления в любом другом регионе. Здесь же стоит сказать, что материально обеспеченные группы населения российских регионов и местные бизнесмены также тратят деньги в Москве: закупают здесь оборудование и материалы, покупают квартиры и дорогие автомобили, люксовые товары, зарубежные туры и т. д.

Не случайно структура ВРП Москвы существенно отличается от региональных. Так, по последним данным, в ВРП столицы оптово-розничная торговля составляет 29,7%, операции с недвижимостью – 10,5, а обрабатывающие производства – 12,9%. Для сравнения, в Красноярском крае обрабатывающие производства обеспечивают 31,4% регионального ВРП, добыча полезных ископаемых – 21,3%, оптово-розничная торговля – 6,8%⁷⁵.

⁷⁵ Валовой региональный продукт по данным Росстата [Электронный ресурс]. URL: <https://rosinfostat.ru/vrp/> (дата обращения 24.03.21).

Размещение центральных офисов крупнейших компаний в столице – это прямая форма перераспределения налоговых поступлений, а формирование их кадрами высокооплачиваемых сотрудников – косвенная, ибо огромный штат сотрудников офисов (как и штат федеральных чиновников) – это налогоплательщики, потребительский спрос которых формирует НДС столицы. В мире достаточно много примеров разумной децентрализации политических институтов страны, финансовых центров и офисов крупнейших компаний. К примеру, в Швейцарии финансовым центром является Цюрих, а политическим – Берн, Федеральный суд Швейцарии находится в Лозанне, штаб-квартира крупнейшей транснациональной компании Nestle обосновалась в небольшом курортном городке Веве (представительства в Берне нет) и т. д.

Огромные налоговые поступления позволяют осуществлять в Москве широкомасштабную программу развития общественного транспорта. В столице теперь вводится в год по десятку и более станций метрополитена (не говоря уже о грандиозных планах развития дорожной сети), в то время как все города-миллионники испытывают серьезные сложности со строительством метро, а в Омске, Челябинске оно и вовсе заморожено. Население Уфы, Ростова-на-Дону уже перестало верить в обещания построить метро. Огромные налоговые поступления позволяют реализовывать весомые программы социальной поддержки москвичей, что очевидно укрепляет их материальное положение. Отсутствие должных финансовых средств в региональных бюджетах, наоборот, ограничивает возможности поддержки пенсионеров, бюджетников и не случайно средний размер заработной платы московских учителей и учителей Костромской области различается в несколько раз. Не случайно и то, что в массовом сознании и СМИ уже сложился некий символический образ москвичей как особой привилегированной «национальности», хотя сообщество москвичей становится все более многоэтничным и в нем происходят сложные этнокультурные процессы [Железнова 2004; Иммигранты 2009; Малькова 2018].

Между тем, на наш взгляд, пандемия коронавируса показала, что концентрация институтов власти, финансов, товарных потоков, налогов, экспорта и импорта, организация пассажирского транзита через столицу и т. д. есть не благо, а серьезный социальный риск для населения самой столицы и экономический риск для всей страны, для нормального функционирования логистики, транспорта и всей экономики государства в целом. Поэтому разумная децентрализация в нынешних условиях очевидно необходима, чтобы ослабить уже имеющиеся и потенциальные риски.

Активные дискуссии, которые спровоцированы пандемией коронавируса и мировым экономическим кризисом и крайне актуализировались в экспертном сообществе, привели к формированию некого

консенсуса среди специалистов. Все согласны с тем, что мир уже не будет прежним после пандемии, и многие говорят о необходимости выработки новых стратегий развития предпринимательства и новых стратегий регионального развития. Кто-то полагает, что в новой ситуации, которая формируется как под влиянием последствий пандемии, так и четвертой промышленной революции, будут выигрывать компании (и регионы, где они расположены), связанные с новыми технологиями, а центрами развития станут проекты, построенные вокруг экономики знаний. Однако для экономики знаний необходимы мощные производственные, научные и образовательные центры, которых нет во многих республиках, в северных и дальневосточных регионах. И даже наличие собственных университетов (часто не дающих качественного образования), региональных научных центров (как правило, плохо финансируемых) не является гарантией перехода таких регионов к экономике знаний. Следовательно, если не принимать специальных мер для стимулирования регионального развития на федеральном уровне, названные выше регионы (в том числе и большинство республик) будут проигрывать региональную конкуренцию.

Кроме того, для изменения ситуации в регионах есть серьезные препятствия, включая институциональный барьер, который «связан со структурой собственности в российской экономике – доминированием крупного бизнеса. У него своя “вертикаль”, приводящая к концентрации налога на прибыль в штаб-квартирах, прежде всего в Москве или Санкт-Петербурге, если туда переведена штаб-квартира компании. Эта проблема долгосрочная, пока в России не улучшатся условия для развития малого и среднего бизнеса, не исчезнет сильная неравномерность налоговой базы федеральных столиц и крупных городов-региональных центров. Попытки решить эту проблему с помощью закона о консолидированных группах налогоплательщиков не помогли региональным центрам, а крупный бизнес к закону адаптировался: если в 2015 г. Москва получала только 8% всех поступлений налога на прибыль от консолидированных групп налогоплательщиков, то в 2017 г. – уже 22%. Опираясь на привычный для властей административный способ, В.И. Матвиенко предложила распределить все штаб-квартиры крупных компаний по городам-миллионникам для получения рентных доходов. Он был опробован на Санкт-Петербурге, куда переведены “Газпромнефть” и “Газпром”. Но с большой долей вероятности основными выгодополучателями станут авиакомпании, поскольку резко вырастет число рейсов между этими городами и Москвой, как ранее ими стали РЖД с переполненными “Сапсанами” между двумя столицами. При “вертикали” власти и ее доминировании в отношениях с бизнесом менеджмент крупных компаний будет вынужден дневать и ночевать в столице, где прини-

маются решения. Именно так давно уже устроена столичная “вахта” руководства российских регионов» [Зубаревич 2019: 138–139].

Подобная ситуация не остается незамеченной общественностью в регионах и вместе с лозунгом «Хватит кормить Кавказ» по социальным сетям гуляет и другой похожий лозунг – «Хватит кормить Москву», который отражает довольно широко укоренившиеся представления о несправедливо облагодетельствованных москвичах, которые, действительно, имеют под собой реальную экономическую основу. Подливают масла в огонь и политически некорректные высказывания столичных мэров, суть которых сводится к тому, что Москва чуть ли не содержит всю страну, кормит значительную часть российских пенсионеров и т. д. Очевидно, что региональная общественность и интеллектуальные элиты в регионах вполне способны адекватно оценить справедливость подобного рода высказываний. Видимо не случайно на «монстрациях» в Новосибирске и других провинциальных городах звучал лозунг «Здесь вам не Москва» (практика монстраций в 2019 г. распространилась по всей стране, ставшая и формой флешмоба, и демонстрацией, и арт-мероприятием одновременно, но неизменно ориентируясь на «иронию социального протеста»), а сибирский сепаратизм в значительной мере питается идеей необходимости изменить распределение национального богатства, зарабатываемого в регионах в пользу последних.

В 2017–2018 гг. антимосковские настроения проявились в ходе многочисленных протестных акций, прошедших в разных районах Московской области. Акции протеста были связаны с требованиями жителей разных районов и городов убрать свалки мусора, куда свозились отходы из Москвы. Московские власти, не приняв своевременных мер по организации современной системы утилизации отходов, пошли по простому пути и стали вывозить мусор на полигоны отходов, организованные в близлежащих районах Московской области, что было весьма выгодно бизнесу, занятому утилизацией отходов, а точнее их примитивным захоронением. С течением времени эти свалки неимоверно разрослись и стали отравлять окружающую среду, создавая опасность для жителей городов и районов Московской области. Масштабные акции протеста вынудили начать строительство мусоросжигательных и мусороперерабатывающих заводов, которые опять-таки размещались на территории области, а также создавать новые полигоны на значительном удалении от Москвы. В 2018 г. мэр Москвы С. Собянин и губернатор Архангельской области И. Орлов подписали соглашение о строительстве полигона для захоронения отходов на станции Шиес на юге АО у самой границы с Республикой Коми и в нескольких километрах от р. Вычегды – крупнейшего притока Северной Двины. Отходы вместо их сортировки и переработки

собирались вывозить из Москвы, доставлять по железной дороге в брикетированной форме и размещать на заранее подготовленной возле железнодорожных путей площадке. Строительство чуть ли не крупнейшего в мире мусорного полигона начали незамедлительно, не получив заключений экологической экспертизы и ряда других разрешительных документов. Работы организовала компания «Технополис», учрежденная правительством Москвы. Экологические активисты увидели опасность в этом проекте, ибо чрез 5–7 лет брикетированные отходы начнут разлагаться, а весной при таянии снега образовавшиеся в результате взаимодействия с талыми водами токсичные соединения будут попадать в Вычегду, что создаст серьезные проблемы как для здоровья жителей поселений на юго-западе Коми, так и практически для всей Архангельской области, ибо 75% ее населения зависят от водоснабжения, которое обеспечивается за счет отбора воды из Северной Двины. Правда, брикетирование должно производиться по шведской технологии, которая уже достаточно хорошо отработана и проверена на практике в Ленинградской области, но местные ученые не уверены в том, что технология брикетирования будет строго соблюдаться и, кроме того, с обеспокоенностью говорят о явном дефиците проверенных данных об экологии, гидрологии и геологии, касающихся непосредственного места размещения полигона.

В Шиее стали съезжаться экологические активисты для организации акций протеста, массовые акции почти постоянно стали проводиться в Архангельске, где главными требованиями были два: «Поморье не помойка! Руки прочь от Русского Севера» и «Губернатора Орлова – в отставку!». Даже во время спуска атомной подводной лодки «Белгород» на Севмаше в апреле 2019 г. рабочие развернули на стапеле баннер с требованием отставки губернатора, а на проходной завода раздавались листовки с экологическими и политическими требованиями. В Шиее сожгли два деревянных моста, чтобы не допустить бесперебойного снабжения строительной площадки топливом для бульдозеров, экскаваторов и самосвалов (его стали доставлять вертолетами), а масштаб акций протеста, которые носили откровенно антимосковский характер, был весьма значительным⁷⁶. Накал страстей в Архангельске, по мнению некоторых экспертов, был сравним только с революционной активностью, которая здесь имела место в 1917 г.⁷⁷

⁷⁶ «Стрелять никто не хочет, но людей могут довести». Как в Архангельской области сражаются против московского мусора [Электронный ресурс]. URL: <https://theins.ru/obshchestvo/154249> (дата обращения 24.03.21).

⁷⁷ «Бунт в Архангельске: Люди захватили центральную площадь и не собираются расходиться» [Электронный ресурс]. URL: https://pikabu.ru/story/byilo_dnyom_6627636 (дата обращения 24.03.21).

В конце весны 2019 г. был сформирован межрегиональный общественный «Комитет защиты Вычегды» и к архангельским протестам постепенно стали подключаться экологические активисты, журналисты из Коми, а 2 июня в столице республики прошел митинг протеста, который по числу собравшихся был беспрецедентным в постсоветской истории города (собралось в одном из парков от 7 до 10 тыс. чел.). К местным протестам присоединяются также и активисты из других регионов страны и различные политические партии (в Коми – это коммунисты и либерал-демократы), а проблема перестала носить лишь областной или региональный характер, превратившись в общероссийскую экологическую и политическую проблему, наглядно продемонстрировав, что антимосковские настроения усиливаются и становятся серьезным политическим вызовом как для региональных властей, так и для федерального центра. Не случайно на нее в июле 2019 г. обратил внимание и президент В. Путин, поручивший мэру Москвы С. Собянину и губернатору Архангельской области И. Орлову учесть мнения людей и представить обоснованные соображения по поводу существующих экологических проблем. Но только новые руководители Архангельской области и Республики Коми, назначенные временно исполняющими обязанности губернаторов весной 2020 г., смогли решительно заявить о недопустимости реализации подобного проекта.

Настроения, связанные с защитой интересов того или иного региона и его населения, выстраиваемые как оппозиция центр–периферия, есть не только у интеллектуалов или неформальных активистов, но и в среде периферийных бизнес-элит, поскольку многие природные богатства (крупные месторождения полезных ископаемых, природные достопримечательности, где можно создавать объекты для организации элитной охоты и рыбной ловли) часто оказываются в руках московских бизнесменов, компаний с московской пропиской. Пользуясь поддержкой со стороны бюрократии центра, московские компании и бизнесмены занимаются откровенным рейдерством и банкротят успешные региональные предприятия, которые составляют конкуренцию их бизнесу или не хотят добровольно становиться частью холдингов, контролируемых из столицы. Серьезных мер по противодействию такого рода практикам, которые наносят вред не только регионам, но и стране в целом, не предпринимается, хотя и в этой сфере давно необходимо наводить порядок. На встрече с парламентариями в Таврическом дворце в Санкт-Петербурге в апреле 2019 г. Президент России В.В. Путин указал на то, что решение многих региональных проблем должно опираться на принципиальную позицию местного депутатского корпуса: *«И, конечно же, в полной мере... учитывать позицию и инициативы регионов, органов местного*

самоуправления. Основная работа, как я уже говорил, да вы и сами поняли, по реализации национальных проектов и многих других наших программ ложится именно на субъекты Федерации. Именно здесь, на земле, решаются общенациональные задачи, формируется общая картина тех изменений, по которой можно судить об эффективности власти». А далее он указал на очень важные институциональные изменения, к которым необходимо стремиться и которые мы обсудим более подробно ниже: «Парламентариям на всех уровнях нужно укреплять каналы обратной связи с гражданским обществом. Понимаю, что вы и так этим занимаетесь, и так это делаете. Тем не менее, в ходе реализации масштабных проектов нам нужно наладить четкое понимание, как это сказывается на практической жизни, и вовремя какие-то коррективы вносить в практическую работу. Это чрезвычайно важно для достижения конечного положительного результата. Нужно быть в полном смысле слова представительной властью, находиться в диалоге с людьми. И прошу вас активнее обновлять, модернизировать вашу текущую законотворческую практику, идти в ногу со временем»⁷⁸.

Помимо концентрации налоговых поступлений в одном центре, озабоченность вызывает и чрезмерная централизация финансовых ресурсов в столице России. По разным оценкам, до 80% этих ресурсов проходит через московские банки и финансовые институты.

При этом, как заметил председатель комитета ТПП по финансам Владимир Гамза, в 17 российских регионах нет ни одного банка, в 14 – их по два, а «во Владимирской области – один. При этом вклады физических лиц – жителей региона – 200 млрд рублей. Но все они на счетах московских банков и не работают на экономику области. Администрации нужно обратить на это внимание и создать механизм превращения этих денег в инвестиции... Предприятия, которые работают во Владимирской области, должны платить налоги здесь. Жители области, которые работают в Москве, должны платить налоги здесь, потому что они живут здесь и пользуются всеми социальными благами здесь» [Ульянов 2019: 53]. То же самое можно сказать не только о Владимирской области, но и о большинстве других областей и краев.

Как мы уже заметили, об экономических бедах и проблемах многих российских регионов и особенно муниципалитетов сказано

⁷⁸ Выступление Президента РФ на встрече с Советом законодателей. В преддверии Дня российского парламентаризма Владимир Путин встретился с членами Совета законодателей. Встреча традиционно состоялась в Таврическом дворце Санкт-Петербурга (24.04.2019) [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/44691/> (дата обращения 25.03.21).

много, а публикации на эту тему в СМИ приобретают все более тревожный *характер* [Обухова, Скоробогатый 2018]. При этом стоит согласиться с тем, что как федеральная, так и региональная политика строится сегодня без должного учета так называемого регионального интереса, а многие региональные лидеры вообще плохо понимают, в чем должен состоять этот интерес (да и сами они часто слабо связаны с региональными социумами). Мы солидарны с мнением тех специалистов, которые полагают, что *категория регионального интереса должна стать основой региональных стратегий развития и основой для оценки отношений между федеральным центром и регионами*.

«Региональный интерес... должен находить свое отражение в удовлетворении потребностей населения и хозяйствующих субъектов региона за счет четкого и эффективного осуществления экономических связей, достигаемого в некоторых случаях за счет общества (в случае нерентабельных, но необходимых для нормального функционирования региона предприятий). В первую очередь региональный интерес должен реализовываться в эффективном использовании имеющихся на территории региона средств производства и природных ресурсов, а также в присвоении определенной части результатов от их использования... Региональные интересы правомерно отнести к числу тех, что игнорировались особенно часто. Это объясняется не в последнюю очередь тем, что в прошлом при разработке и реализации социально-экономической политики учет региональных особенностей, условий жизни и труда населения расценивался как проявление местничества. А если он имел и определенные национальные мотивы, то это считалось национализмом» [Чичканов, Раевский, Ярлыкапов 2012: 94]. Однако региональный интерес не следует ассоциировать с интересами региональных элит – это интересы развития территорий, ориентированные на нужды региональных сообществ. Элиты могут понимать региональный интерес по-своему и их понимание может быть прямо противоположным пониманию граждан. Так, власти Архангельской области посчитали, что ежегодные выплаты в областной бюджет от Москвы за складирование на полигоне в Шиесе московских бытовых отходов в интересах региона, поскольку позволит существенно пополнить областной бюджет и поможет решить многие местные проблемы, а население области посчитало, что экологическая безопасность и здоровье людей важнее, чем «мусорные деньги», перечисляемые в бюджет региона.

Стандартный вывод, к которому приходят исследователи, анализирующие характер социально-экономического развития российских регионов, прост и состоит в том, что чрезвычайно актуальной является разработка новой эффективной государственной региональной политики Российской Федерации, ориентированной

«на рациональное территориальное размещение производительных сил, сбалансированное пространственное развитие страны, устойчивый рост экономики и выравнивание уровня социально-экономического развития регионов, сокращение имущественного расслоения граждан, предотвращение снижения уровня жизни и обнищания населения» [Ахмедуев 2017: 49].

Однако вполне очевиден вопрос о том, какой должна быть новая модель региональной политики и какие механизмы для стимулирования регионального развития и искоренения регионального иждивенчества должны быть использованы. Здесь, видимо, надо учитывать один из предлагаемых способов типологизации регионов по характеру экономического развития: «Все российские регионы целесообразно разделить на три группы: 1. Регионы, обладающие богатыми природными ресурсами. 2. Регионы, не ведущие активной экономической политики. 3. Регионы, проводящие активную экономическую политику, направленную на развитие внутреннего производства и привлечение инвестиций. Результатом стала сформированная и функционирующая база регионального развития, основной упор которой делается на создание институциональных условий для привлечения инвестиций, законодательство, менеджмент и маркетинг. На основании сформированных групп регионов необходимо определять пути совершенствования регионального управления. Каждая из предложенных групп имеет специфические особенности, которые в рамках реализации экономической политики должны учитываться» [Морошкина 2013: 94].

Стоит заметить, что еще в 1990-е гг. специалисты отмечали, что не менее половины российских регионов являются самодостаточными и *при правильной экономической политике, оптимально организованной модели бюджетного федерализма и качественном управлении* могут обеспечить успешное решение всех проблем региона, включая финансовые. Еще довольно большая группа регионов могла бы достичь уровня самодостаточности при проведении активной экономической политики, реализации масштабных программ развития мелкого и среднего бизнеса, поддержки фермерства (особенно в нише производства экологически чистой сельхозпродукции) и частной инициативы, но этого не происходит, а доля мелкого и среднего бизнеса, который должен стать основой экономики многих российских регионов, несмотря на многолетние заклинания властей о его поддержке, не растет, условия для ведения этого бизнеса не улучшаются, а во многих случаях становятся все более малопривлекательными. Иными словами, условий и стимулов для *активного развития* мелкого предпринимательства ни на федеральном, ни особенно на региональном уровнях создано недостаточно (или они до сих пор

не работают), о чем говорят в первую очередь сами предприниматели. Качество управления во многих регионах, если судить не по формальным критериям и декоративным программам социально-экономического развития регионов (принятых во всех субъектах, но не реализованных на практике), нередко очень низкое, поэтому регионов, «не ведущих активной экономической политики», много, что тормозит развитие страны в целом.

9.2. Институциональные и политико-правовые ограничения для регионального развития

Федеральный центр, безусловно, понимает необходимость не только выравнивания бюджетной обеспеченности регионов и совершенствования методики бюджетных трансфертов (хотя эффективных моделей до сих пор не найдено), но и насущную потребность в стимулировании экономического развития регионов, укрепления транспортных и иных связей между ними, создания широкого внутреннего рынка труда, капиталов и т. д. Поэтому разработаны и реализуются специальные программы социально-экономического развития Крыма, Северного Кавказа, Дальнего Востока, Арктической зоны Российской Федерации. Созданы даже федеральные министерства, которые отвечают за развитие Северного Кавказа, Дальнего Востока и Арктики. Однако очевидно, что большая доля ответственности и заинтересованности в региональном развитии должна лежать на региональных институтах, которые следует превратить из институтов распределения бюджетных средств в центры стратегического планирования, аналитики и инновационного развития, качественного управления, последовательного лоббирования региональных интересов на федеральном уровне. Но этот лоббизм не может основываться на лоббировании финансовой поддержки центра, а его основой следует сделать кооперацию усилий федеральных и региональных институтов власти в деле создания условий для стимулирования регионального развития, формирования совместных институтов развития, создания экономических и политических стимулов для активизации экономической активности в регионах, расширения полномочий властей республик, краев и областей и совместного поиска стимулов, обеспечивающих активность граждан и бизнеса и их ориентацию на местные интересы.

Различия между регионами в уровне социально-экономического развития неизбежны, ибо они во многом обусловлены объектив-

ными причинами (ресурсным потенциалом, климатическими условиями, человеческим капиталом и т. д.). Однако тот факт, что целый ряд республик (и областей) с самого начала своего существования живет только за счет дотаций из федерального бюджета, и уровень их дотационности многие десятилетия практически не меняется, а ВРП остается крайне низким [Зайцева 2003], свидетельствует, во-первых, о том, что региональные элиты воспринимают дотации регионам (а особенно республикам) как некую обязанность федерального центра и не стремятся стимулировать социально-экономическое развитие своих субъектов, во-вторых, это показывает, что выделяемые регионам дотации используются неэффективно (или не по назначению), в-третьих, хронические финансовые проблемы региональных властей, видимо, ограничены и нужно создавать *дополнительные условия*, которые бы реально возлагали большую ответственность за развитие своих территорий на региональные власти, с одной стороны, а с другой – надо наделять региональные институты такими правами, которые давали бы им в руки действенные рычаги управления, позволяли самостоятельно формировать региональные и местные бюджеты, стимулировать экономическую активность в регионах, привлекать инвестиции. Очевидно, что для закрепления населения в регионах, для притока инвестиций (особенно в северных и малообжитых регионах) нужны весьма действенные стимулы как для жителей, так и для бизнеса.

И во времена Российской империи, и в советские годы такие стимулы были задействованы, и они работали. Как сказано выше, в конце XIX в. для привлечения переселенцев на Кольский Север и Новую Землю им выдавали льготные кредиты и ссуды, освобождали от налогов, разрешали бесплатно пользоваться казенными лесами. В советские годы мощным стимулом были северные надбавки к заработной плате и районные коэффициенты. Сегодня советские стимулы уже не работают или явно недостаточны.

Представляется вполне оправданным, чтобы для стимулирования регионального развития, укоренения населения на малообжитых территориях, расположенных в экстремальных климатических зонах, для жителей и местного бизнеса использовались дополнительные стимулы, закрепляющие как население, так и хозяйствующие субъекты там, где условия для жизни и ведения бизнеса заведомо существенно хуже, чем в иных регионах страны. На прошедшем в апреле 2019 г. в Санкт-Петербурге Арктическом форуме президент В. Путин как раз и говорил о необходимости предоставления налоговых льгот для предприятий и фирм, работающих в Арктической зоне РФ, но такие же льготы нужны и жителям этой территории,

причем объем и характер этих льгот надо серьезно продумать. Здесь же необходимо создавать и специальные институты развития, например, Арктический банк, который бы предоставлял льготные (реально льготные) кредиты как предпринимателям, так и населению. Банк этот тоже должен дислоцироваться на российском Севере, например, в Архангельске или Салехарде. Вероятно, такие же банки надо создать для Дальнего Востока и Северного Кавказа, а федеральный Россельхозбанк надо перевести из коммерческой организации, которая выдает «льготные» кредиты фермерам на местах под 20% годовых (и более), в общенациональный институт развития, который на деле будет осуществлять льготное кредитование как крупных, так и в обязательном порядке мелких и средних сельхозпроизводителей с целью обеспечения их финансовой устойчивости.

Важнейшим инструментом стимулирования для граждан является уровень оплаты труда и порядок цен на продукты первой необходимости и услуги. Заработная плата выше в успешных и инновационных предприятиях, продукция которых востребована на рынке и пользуется большим спросом. Впрочем, российская экономика все еще остается преимущественно сырьевой и поэтому в добывающих отраслях (обеспечивающих большую долю экспортных поставок и налоговых поступлений в бюджеты всех уровней), а особенно на предприятиях нефтегазовой сферы, уровень оплаты труда является наиболее высоким. Высокий уровень оплаты труда (в сравнении со среднероссийским показателем) в банковской сфере и сфере государственного управления. Отсюда очевидно, в каких регионах и каких городских центрах денежные доходы населения будут более высокими. Но высокие денежные доходы еще не обеспечивают высокого уровня жизни, ибо важно соотношение между доходами и расходами семейных бюджетов. А здесь существенную роль играют межрегиональные различия в ценах на товары и услуги. Самые высокие цены на потребительские товары и услуги всегда были и сохраняются сегодня в отдаленных северных регионах с плохой транспортной доступностью и низким уровнем развития социальной инфраструктуры. В этих регионах они могут быть выше среднероссийских в несколько раз, ибо дорогая логистика не позволяет местным бизнесменам держать цены в комфортных для населения параметрах. В советские годы северяне могли компенсировать разницу в ценах более высоким уровнем оплаты труда, который обеспечивался за счет так называемых северных и стажевых надбавок, т. е. специальных коэффициентов (северные, или стажевые, надбавки и районные коэффициенты платит государство в дополнение к основному заработку). Сегодня эти северные надбавки сохраняются (хотя среди населения северных регионов регулярно возникают панические слухи,

что правительство вот-вот их отменит). Но прежние надбавки уже не компенсируют более высокие цены и более высокие расходы семей в северных регионах, что спровоцировало массовую миграцию, хотя основным фактором выезда населения стал обвал производства, потеря рабочих мест и низкая доходность большинства предприятий. Отток населения из северных регионов, согласно данным наших исследований, будет продолжаться и в обозримой перспективе, судя по миграционным настроениям населения, если не будут приняты новые стимулирующие меры, о которых отчасти говорилось выше.

Возникает закономерный вопрос, касающийся того, как обеспечить достаточную финансовую состоятельность регионов и при этом последовательно сокращать уровень их дотационности и изживать откровенное финансовое иждивенчество их лидеров?

Всем ясно, что в первую очередь должна меняться система налогового администрирования. Сегодня она не выглядит достаточно обоснованной и сбалансированной, хотя логика ее построения понятна. Налоги делятся на местные, региональные и федеральные.

К местным относятся налог на имущество физических лиц и земельный налог. Но в небогатых муниципалитетах (в горных аулах или небольших умирающих деревнях на европейском севере) стоимость имущества невелика, а равно и низка налогооблагаемая база, а потому этот источник формирования бюджета приносит очень мало доходов. Что касается налога на землю, то его порой некому платить, а с земель федерального значения получить доходы еще сложнее, особенно если они заняты военными объектами. Поэтому муниципалитеты в подавляющем большинстве еле сводят концы с концами и являются постоянными просителями у региональных властей, что ставит их в полную финансовую и политическую зависимость от последних. Налоговая база региональных бюджетов шире, ибо включает налог на имущество физических лиц, транспортный налог и налог на игорный бизнес (который разрешен лишь в специально отобранных регионах). Однако этих налоговых поступлений явно недостаточно для обеспечения всех расходов региональных бюджетов и потому подавляющее большинство субъектов Федерации являются дотационными.

Сегодня две трети налоговых поступлений забирает себе федеральный бюджет, поскольку к федеральным налогам относятся: 1) налог на добавленную стоимость; 2) акцизы; 3) налог на доходы физических лиц; 4) налог на прибыль организаций; 5) налог на добычу полезных ископаемых; 6) водный налог; 7) сборы за пользование объектами животного мира, а также объектами водных и биологических ресурсов; 8) государственные пошлины; 9) налог на дополнительный доход на добычу углеводородного сырья.

Подобная система налогового администрирования объективно создает проблемы в обеспечении наполняемости муниципальных и региональных бюджетов. Особенно остро бюджетные проблемы затрагивают муниципалитеты. Об этом и эксперты, и журналисты пишут давно, но ситуация не меняется, а точнее сказать, она становится все более острой [Ходыкин 2019]. Муниципалитеты не могут выжить без помощи региональных властей и потому не имеют никакой политической или хозяйственной автономии и полностью зависимы от региональных институтов власти. Но и большинство региональных лидеров зависимы от федерального центра, ибо без финансовой поддержки центра не способны сбалансировать региональный бюджет, решать социальные проблемы региона и обеспечивать выполнение принятых на себя обязательств [Ермаков, Троянская 2015; Бахтизин, Бухвальд, Кольчугина 2016; Исаев 2016]. И в условиях кризиса, вызванного пандемией коронавируса, федеральные власти обратили внимание не только на регионы, но и на местное самоуправление. Президент В. Путин в одном из своих телеобращений усомнился в том, что решение о том, что эти органы власти обоснованно исключены из властной вертикали и не считаются государственными органами, является верным. По действующим законам и Конституции органы местного самоуправления отделены от органов государственной власти, а их самостоятельность имеет под собой экономическую основу – местный бюджет, местные налоги (сборы) и муниципальная собственность. На деле же они не имеют реальной экономической базы для полноценного функционирования и без тесной поддержки муниципальных и особенно региональных властей не могут осуществлять свою деятельность, как показала практика.

Необходимо делать систему бюджетного администрирования более гибкой и более «федеральной» для того, чтобы повысить обеспеченность региональных бюджетов и активизировать экономическую жизнь в регионах, но не превращая регионы в оффшоры для обогащения избранных групп, как это нередко имело место в 1990-е гг. В чем это должно заключаться?

На наш взгляд, идеология и философия федерализма предполагают, что все налоги должны распределяться между тремя названными уровнями власти примерно в равных пропорциях. Конечно, акцизы, государственные пошлины и таможенные сборы всегда по логике федерализации есть федеральные источники доходов, но налог на доходы физических лиц, налог на прибыль организаций, налог на добычу полезных ископаемых, водный налог, сборы за пользование объектами животного мира а также объектами водных и биологических ресурсов, налог на добавленную стоимость должны делиться в справедливой пропорции между муниципалитетами, регионами

и федеральным центром, которому должна доставаться, как нам представляется, половина сборов от названных налогов. Это, во-первых, избавит от значительной части трансфертов и упростит саму систему финансовой поддержки регионов, во-вторых, даст столь необходимые ресурсы регионам для решения их насущных проблем и, в-третьих, будет стимулировать экономическое развитие регионов, укрепит их инвестиционные возможности. Сегодня же многие инвестиционные проекты в регионах не реализуются по причине ее осуществления на принципах софинансирования. Как отмечалось на семинаре, прошедшем в Совете Федерации в феврале 2016 г., во многих случаях федеральный центр выделяет необходимые средства для реализации таких проектов, находятся внебюджетные источники финансирования. Но регионы средств не находят и не вкладывают их в проект, а потому инвестиционные проекты либо замораживаются на долгий срок, либо отменяются, что негативно влияет на экономику регионов и рынок труда [О межбюджетных отношениях 2016]. Нам представляется, что ситуация, при которой в стране лишь десяток (или чуть более) регионов называют регионами-донорами является аномальной. Таковыми должны быть более половины субъектов Федерации. Откровенно отсталым и не обеспеченным ресурсами субъектам надо помогать, но таких регионов должно быть немного, а масштабы финансовых вливаний не могут быть чрезмерными. Трансферты другим регионам надо выделять в исключительных случаях, в основном для реализации масштабных проектов общенационального значения, для решения сложных социальных проблем или для ликвидации последствий стихийных бедствий.

Федеральная власть осознала, что благополучия страны не может быть без благополучия регионов, о чем сказал В. Путин в своем Ежегодном обращении к Федеральному собранию 21 апреля 2021 г. Там же он заявил о введении в практику новых инструментов развития регионов и подготовке других аналогичных мер, которые связаны или будут связаны с финансовым обеспечением развития регионов, стимулированием инвестиций, развитием инфраструктуры⁷⁹.

Гибкость и пластичность в определении налоговой обеспеченности разных регионов должна сочетаться при этом с твердыми гарантиями, касающимися того, что дополнительные доходы региональных бюджетов не могут изыматься волонтаристским путем. Ныне же бюджетные доходы одних субъектов могут запросто изыматься другими (вышестоящими) субъектами, что в принципе разрушает строгую логику бюджетного процесса и не вписывается ни в какие

⁷⁹ Послание Президента Федеральному собранию • Президент России (kremlin.ru).

методики бюджетирования. Так, часть доходов НАО в свое время отошла к Архангельской области, поскольку это сложносоставной субъект. В 2017 г. стало известно, что со следующего года значительной части своих бюджетных поступлений аналогичным образом лишится Сахалинская область, поскольку ранее оговоренные правила распределения налоговых поступлений от нефтегазовых доходов отменялись, и федеральный бюджет стал забирать себе большую часть нефтегазовых доходов⁸⁰. Данные примеры не исключение, а обычная норма межбюджетных отношений в современной России.

Между тем еще 20 лет назад, когда предпринимались первые серьезные попытки как анализа межбюджетных отношений, так и их оптимизации, было сказано следующее: «Существующая система выработки решений в области региональной финансовой политики, проводимой центром, требует скорейшего принятия ряда нормативных актов, регулирующих процесс перераспределения финансовых средств из федерального бюджета в субъекты Федерации. Многие вопросы при этом могут оказаться решенными при осуществлении уже намеченных мероприятий по выполнению Концепции реформирования межбюджетных отношений в Российской Федерации. Следует также надеяться на меньшую роль в будущем политического фактора при принятии решений в области региональной финансовой политики» [Федеральный бюджет и регионы 1999: 205]. Да, бюджетный федерализм стал формироваться в РФ с 1994 г. и сегодня в стране действуют и Бюджетный, и Налоговый кодексы. В 2013 г. принята *Концепция межбюджетных отношений и организации бюджетного процесса в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях*, но судя по приведенному анализу (с акцентом на их этнополитический аспект), состояние межбюджетных отношений не отвечает в должной мере сложной региональной структуре страны и ее культурным реалиям, а влияние политического фактора на межбюджетные отношения остается высоким, особенно при взаимодействии центра и национальных республик. Видимо, дальнейшее реформирование существующей системы налогового администрирования необходимо, ибо она слишком декларативна и формализована, не учитывает возможных рисков (особенно рисков провоцирования межрегиональных и межэтнических конфликтов).

Существующая система межбюджетных отношений, непрозрачная практика выделения трансфертов не опираются на строгие методики (хотя выравнивание бюджетной обеспеченности и некото-

⁸⁰ Сахалин обанкротят? Правительство пересмотрит распределение налоговых поступлений от нефтегазовых проектов области [Электронный ресурс]. URL: <http://front.fedpress.ru/article/1869536> (дата обращения 27.03.21).

рые другие перечисления в региональные бюджеты рассчитываются по определенным методикам, судить об их обоснованности могут лишь хорошо информированные эксперты) и создают условия для финансовых злоупотреблений и коррупции, а в связи с этим возникает вопрос, насколько эффективны региональные политические и общественные институты в деле контроля над бюджетными доходами и расходами, в деле отстаивания регионального интереса/интересов, а также и институт федеральных округов и уполномоченных представителей президента в этих округах и в субъектах Федерации?

Современный политический дизайн российских регионов характеризуется несколькими важными моментами, которые, с одной стороны ограничивают рост сепаратизма региональных элит, а с другой – ограничивают контроль над деятельностью региональных властей со стороны населения и отчасти федеральных структур.

Политические условия, которые сложились в РФ к началу 2000-х гг., были нацелены на то, чтобы не создавать условия для чрезмерной политической «автономизации» региональных элит. Создание федеральных округов можно рассматривать не только как формирование специфического политического института, ориентированного на организацию каналов эффективной коммуникации между федеральной и региональными властями, но и как систему политического мониторинга за процессами регионального развития, в число задач которой входят анализ политических и экономических процессов, прогнозирование и стимулирование регионального развития, а также эффективный контроль над деятельностью региональных элит со стороны федерального центра. Принятие Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» позволило исключить возможность совмещения постов в представительных и исполнительных органах власти, что нередко имело место в 1990-е гг. и приводило к формированию неких региональных политических корпораций, где интересы лидеров республик и областей были определяющими для выработки политических практик и политических стратегий, а представительные органы власти при этом нередко превращались в «карманные парламенты», выполнявшие политические заказы первых лиц исполнительной власти.

Отчасти такими же остаются многие региональные парламенты и сегодня. Но все более очевидной становится необходимость усиления роли законодательной власти в регионах, в особенности укрепления ее контрольных функций (практики парламентских исследований, парламентских слушаний), ибо реальная ситуация показывает, что исполнительная власть слишком часто злоупотребляет

своим положением как ключевого политического актора в региональных политических процессах, о чем свидетельствуют громкие скандалы последних лет.

Помимо этого, возникает необходимость в усилении общественного контроля как над исполнительной, так и законодательной ветвями власти. Определенные формы такого контроля уже возникают и здесь, в частности, можно назвать отдельные примеры деятельности Общероссийского Народного Фронта. Однако опыт показал, что созданные сверху общественные институты, такие как, например, общественные палаты в регионах, важной политической и контрольной роли сегодня не играют. К примеру, Общественная палата Коми успешно просмотрела незаконную деятельность губернаторов Торлопова и Гайзера, руководивших республикой более 15 лет. Общественная палата Сахалина якобы ничего не знала о деятельности губернатора Хорошавина и т. д. Во всех указанных случаях серьезные вопросы возникали и в отношении прокуроров республик и областей, которые по долгу службы обязаны не допускать нарушений федеральных законов представителями региональной власти и не позволять им выходить из правового поля Российской Федерации. Но прокуроры, которые должны стоять на страже конституции и федеральных законов, пропускают мимо ушей антиконституционные заявления, не видят злоупотребления властью, а порой и прямые нарушения российского законодательства.

Есть случаи, когда прокуроры просто вовлекаются в региональные кланы, а потому формы контроля над деятельностью региональных властей, вероятно, должны быть усилены и расширены. Аппараты уполномоченных в федеральных округах сегодня с этой функцией явно не справляются, а потому саму роль этих институтов, видимо, надо пересматривать и совершенствовать.

И потому понятно, что *практику и формы общественного контроля надо существенно расширять*. В том числе это касается и прямого участия населения в формировании местных и региональных бюджетов. Данная практика уже широко распространена в мире и получила в России название *инициативное бюджетирование*, иначе именуемое парсипаторным (от португальского слова *участие*, поскольку зародилась эта форма в 1980-е гг. в Бразилии с целью решения городских проблем совместными усилиями населения и властей). В этом случае само население муниципалитета или региона путем голосования в Интернете или по телефону может определять, как распланировать до 40% бюджета. Но само отношение региональной власти к муниципалитетам и попытки принизить их роль, полностью подчинить муниципалитеты региону, исключить выборность органов местного управления из политической практики эксперты

подвергают серьезной критике. В частности В. Петухов замечает: «Практика замены прямых выборов глав муниципальных образований опосредованными формами замещения этой должности вступает в прямой конфликт сразу со всеми выделенными нами конститутивными признаками. Во-первых, любая замена прямых процедур на опосредованные увеличивает дистанцию между гражданами и властью. Выборы важны не только для обеспечения представительства интересов различных слоев общества, они служат, по выражению Э. Гидденса, “институционализированными точками доступа, соединяющими политиков и народные массы” и обеспечивающими между ними доверительность... Отказ от выборов негативно сказывается на уровне доверия к органам власти, так как сводит к минимуму возможность соприкосновения политиков и простых граждан, вследствие которого оно только и может возникнуть. Во-вторых, отказ от прямых выборов превращает местных жителей из активных акторов муниципальной политики в ее пассивных наблюдателей, существенно сужая возможности для их участия в деятельности органов местного самоуправления. В-третьих, законодательное закрепление участия в отборе кандидатов в главы муниципальных образований представителей региональной власти не только сужает автономность местного самоуправления, но и подтверждает бытующее в общественном мнении представление о том, что муниципальные чиновники и депутаты являются “агентами” региональной власти и/или элитарных групп – бизнеса, промышленных предприятий, криминала и т. д. Такое отношение к местным органам власти сложилось в обществе уже довольно давно» [Петухов 2018].

А если мы будем рассматривать результаты неангажированных исследований, проведенных в отдельных регионах, то картина доверия к региональным политическим институтам будет еще более показательной: в 2013 г. по итогам общероссийского опроса 26% респондентов заявили, что местные власти «заслуживают доверия», а опрос осени 2018 г. показал, что уровень доверия остался совершенно неизменным (26%) и достаточно низким⁸¹. Такая же ситуация вырисовывается при анализе общественных настроений в отдельных регионах, даже вполне успешных. Так, недавний опрос в регионах Центрального Черноземья показал, что институциональный «формализм неизбежно оборачивается низким институциональным доверием. Так, полевое исследование, проведенное в мае–июне 2016 г. в Курской области среди жителей региона (N = 500),

⁸¹ Институциональное доверие – Левада-центр / Пресс-выпуск (04.10.2018) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/2018/10/04/institutsionalnoe-doverie-4/> (дата обращения 28.03.21).

проявило “недоверие” граждан ведущим социальным институтам – СМИ (43,8%), губернатору (40,9%), региональным отделениям партий (38,8%), органам местного (муниципального) самоуправления (37,6%) и региональному парламенту (36,2%). Полевое социологическое исследование, проведенное в 2015 г. в Белгородской области, проявило балансирование большинства властных институтов региона между легитимностью и нелегитимностью, т. е. примерно равное количество доверяющих и не доверяющих органам власти: губернатору выразили доверие 48% респондентов, правительству области – 32%, региональному парламенту – 29%, главам местного самоуправления городского округа (муниципального района) – 32%, главам городского (сельского) поселения – 36%, депутатам муниципальных советов – 31%, членам земских собраний – 20%» [Когай 2018: 153].

В регионах, где очевидно проявляется социальная и экономическая деградация, имеют место громкие коррупционные скандалы, доверие к институтам власти подорвано еще больше. Так, в Коми, согласно данным проведенного в 2005 г. общереспубликанского опроса, Государственному Совету (республиканскому парламенту) оказали доверие только 5% респондентов [Шабает, Завьялова 2006]. С тех пор доверие ни к местному парламенту, ни к губернаторской власти существенно не выросло, а поскольку двое из четверых постсоветских губернаторов региона сегодня находятся под следствием, то восстановить доверие граждан очень сложно, особенно если новые назначенцы, присланные Кремлем, не могут преодолеть политический кризис и сформировать эффективную управленческую команду. В Коми это так и не удалось сделать, что косвенно признавалось и Главой республики [Шабает 2018], и некоторыми закрытыми исследованиями. Примерно такая же ситуация и в Архангельской области, где губернаторы постоянно меняются, но сложная социально-экономическая ситуация в регионе остается неизменной, а уровень недовольства жителей растет. Схожая ситуация, к сожалению, имеет место и в целом ряде других регионов страны. Опрос, проведенный нами в октябре 2019 и 2020 гг. среди студенческой молодежи Карелии, Коми, Удмуртии, Марий Эл и Мордовии показал, что во всех этих республиках степень доверия молодежи к институтам власти низка.

В связи с этим, как нам представляется, имеет смысл усилить роль народной инициативы при формировании депутатского корпуса в республиках и областях и при выборах губернаторов. Ни депутатский корпус в регионах, ни губернаторы не чувствуют своей прямой зависимости от населения, а потому результаты их работы часто не нацелены на удовлетворение местных интересов и поиск стимулов для регионального развития, а ориентированы лишь на то,

чтобы их деятельность отвечала формальным критериям, по которым оценивает их работу центр. Но населению региона часто совсем не важны формальные критерии оценки деятельности губернаторов, оно оценивает эту деятельность по ценам в магазинах, состоянию рынка труда, реальным доходам, росту региональной экономики и улучшению качества жизни. Поэтому формально-бюрократические и обывательские оценки деятельности региональных властей могут быть диаметрально противоположными. При этом общественное недовольство властью может даже и не фиксироваться социологическими замерами, особенно если индекс доверия власти определяют в результате заказных исследований, которые оплачены местными руководителями, или авторитет власти замеряется с помощью условных рейтингов, не являющихся научно обоснованным методом определения степени поддержки того или иного руководителя. Власть отторгается от «носителя суверенитета» и порой откровенно сама начинает противопоставлять себя простым гражданам, а потому все чаще слышны и со стороны депутатов, и со стороны чиновников неллицеприятные высказывания в адрес населения.

Нет сомнений и в том, что на местном уровне необходимо усиливать политическую конкуренцию с тем, чтобы во власть шло новое, современно мыслящее поколение политиков, *способное решать задачи, связанные с переводом региональных хозяйственных комплексов на инновационный путь развития*, способное эффективно управлять процессами регионального развития и поддерживать партнерские отношения и уважительный диалог между властью и населением. Сегодня во всех республиках существуют цифровые платформы типа «Активный гражданин», «Моя республика», призванные сделать более эффективной коммуникацию между простыми гражданами и региональными политическими институтами, но поскольку предложения граждан часто не находят поддержки или не получают заинтересованного отклика со стороны институтов управления регионами, постольку эта форма коммуникации постепенно дискредитируется, хотя сама идея изначально была верна. Опрос экспертов, проведенный в октябре 2020 г. в пяти национальных республиках, показал, что половина из них считает, что прочная и эффективная коммуникация между республиканскими властями и населением до сих пор в их регионах отсутствует. Между тем Президент РФ в своем послании Федеральному собранию 1 марта 2021 г. заметил: «Мнение людей, наших граждан, народа как носителя суверенитета и главного источника власти должно быть определяющим. Все в конечном счете решают люди и сегодня, и в будущем, и в выборе стратегии развития страны, и в повседневных вопросах жизни в каждом регионе, городе, посёлке. Сильную, благополучную, современную Россию мы сможем

построить только на основе безусловного уважения к мнению людей, к мнению народа»⁸².

Кажется очевидным и то, что диалог нужен не только на региональном уровне. Он необходим также между федеральным центром и регионами, причем это должен быть широкий и многоплановый диалог, который не может быть сведен лишь к сфере бюрократического общения или каких-либо формальных структур и декоративных форумов регионального развития. Организация подобного диалога тем более важна, что сегодня сами политические элиты в регионах достаточно слабы как политические акторы, и не имеют весомой поддержки населения (о чем свидетельствуют вышеприведенные данные), а потому они объективно не могут вести заинтересованный и равноправный диалог с федеральным центром и последовательно отстаивать интересы регионов и их жителей.

В диалог с федеральным центром должны включаться новые политические акторы, основной целью которых является отстаивание регионального интереса.

Но есть серьезные правовые препятствия, которые резко ограничили возможности активизации регионалистских движений. В первую очередь надо иметь в виду федеральный закон «О политических партиях», принятый 11 июля 2001 г., который положил конец существованию региональных и этнических партий в России, ибо одним из необходимых условий существования политических партий и их юридической регистрации стало положение о том, что партия должна иметь региональные отделения более чем в половине субъектов Федерации (ст. 3, п. 2). В этом случае партия просто перестает быть региональной и ее идеология, и политические практики неизбежно будут выходить за рамки решения региональных проблем, а потому такие политические объединения не очень интересны региональным сообществам.

Создавать региональные этнические партии, на наш взгляд, действительно вряд ли разумно, хотя очень немногие из таких партий имели бы широкую и устойчивую поддержку населения. Что касается межрегиональных партий гражданского типа, то такие партии, видимо, нужны, ибо, как показывают современные попытки обсуждения идей макрорегионов, в первую очередь макрорегиона Большой Урал, имеет место явно выраженный интерес к кооперации регионов, который может найти выражение и в создании неких сил, отстаивающих интересы населения регионов Урала, Поволжья, Русского Севера и т. д.

⁸² Послание Президента Федеральному собранию • Президент России (kremlin.ru).

По существу, такие межрегиональные объединения, как Сибирское соглашение, Большой Урал и другие можно рассматривать как своего рода проторегиональные партии и, вероятно, к идее создания региональных партий (как широких объединений политических сил в тяготеющих друг к другу субъектах Федерации) еще необходимо будет вернуться.

Но если в данный момент невозможно создание региональных партий, то можно формировать общественные движения и организации, главной заботой которых будет отстаивание региональных интересов. Конечно, региональные власти могут увидеть в них опасных конкурентов. Но такие конкуренты нужны как самим властям (для поддержания политического тонуса региональных лидеров), так и жителям регионов, которым нередко некому пожаловаться на местных руководителей, кроме как Президенту России. Однако создание таких движений должно быть инициативой снизу, поскольку бюрократия вряд ли станет инициировать формирование подобных институций.

Таким образом, есть основания полагать, что в современной России назрела актуальная необходимость разработки новой региональной политики, которая должна быть более гибкой и в большей мере учитывать интересы регионов, а также стратегические интересы развития страны в целом. Регионы должны получить больше средств для саморазвития, но не за счет подачек от федерального центра, оформленных в виде трансфертов, а за счет изменения характера межбюджетных отношений. *Налоговая и фискальная автономия регионов должна стать реальной, а межбюджетные отношения нецелесообразно использовать как инструмент полного и всеобщего политического подчинения региональных элит.* При этом необходимо осуществить такие изменения в федеральных законах, которые бы позволяли стимулировать инициативу регионального политического менеджмента и региональных бизнес-элит. При этом очевидно, что надо всячески укреплять и развивать региональный бизнес, создавать ему комфортные условия для функционирования, а не ставить в рамки борьбы за выживание, как это происходит сегодня.

Необходимо также осуществить меры по политической модернизации, включая изменение сферы компетенций региональной законодательной и исполнительной власти и роли федеральных округов, которые должны быть ориентированы на стратегическое развитие макрорегионов, а их руководство решать в основном цели стратегического планирования и регионального анализа, не упуская, однако, и контроль над общественными настроениями в регионах и действиями элит. Не менее значимо усиление роли народной инициативы, общественного контроля над властью. А со стороны

властей важное значение должна иметь выработка и реализация стратегии формирования прочных региональных сообществ, укрепление гражданской солидарности и региональной идентичности, а также местного патриотизма, но как формы общероссийского патриотизма. *Необходимо укреплять роль муниципалитетов и локальных сообществ, в рамках которых и должны формироваться прочные узы гражданской солидарности, идеи коммунитаризма и начиная с которых должны укрепляться политические и культурные основы российской гражданской нации.*

Заключение

Новая логика регионализации

Российский регионализм сформировался исторически и прошел в своем развитии довольно сложную эволюцию. Федеративные начала в организации государства были заложены задолго до того, как большевики создали в 1922 г. уникальную этническую федерацию. Эти начала требовали совершенствования, а не ломки. Но этого не произошло, и советская федерация строилась на зыбкой этнолингвистической основе, а не на основе укрепления гражданских и территориальных солидарностей. Непрочный фундамент советской федерации не смог выдержать экономических и политических потрясений, а потому СССР как федеративное государство распался. Но принципы этнического федерализма не умерли вместе с СССР, а продолжают играть существенную роль в процессах регионализации и суверенизации на постсоветском пространстве. Поэтому постсоветский регионализм – это весьма проблемная сфера как политической, так и социально-экономической политики, но более всего – государственной национальной политики, ибо региональная проблематика тесно переплетена с этнической в силу того, что этнокультурное многообразие России весьма велико. Если говорить в целом о ситуации, связанной с отношениями по линии центр–периферия, то стоит заметить, что в последние годы в РФ неизменно усиливалась централизация власти, что было следствием безудержной регионализации 1990-х гг., когда регионализм граничил или прямо эволюционировал в сторону сепаратизма.

Сегодня проблема открытого сепаратизма снята с повестки дня, хотя в некоторых интернет-публикациях авторы пытаются вновь поднять на щит страшилки сепаратизма. Ради погони за сенсациями заявляется о многочисленных идеях создания самостоятельных и почти независимых республик: Республики Северная Ингрия, Петербургской республики, Республики Идель-Урал, Республики Северная Русь, Поволожской республики, Западнорусской Республики, Дальневосточной республики и приводятся даже карты нового республиканского деления РФ, а равно и карты ее «возможного» распада на независимые государства. Впрочем, ничего нового здесь

нет, ибо сразу после распада СССР некоторые западные эксперты заявляли о неизбежности распада РФ на 40 независимых государств. Но Россия остается единой страной и российская идентичность, российский патриотизм становятся все более очевидными явлениями, чему, впрочем, способствует многовековой опыт российской государственности.

В качестве аргумента, свидетельствующего о реальной угрозе сепаратизма, приводятся идеи, высказываемые отдельными одиозными личностями, или выдвинутые в разное время небольшими группами маргиналов («Свободный Петербург», «Свободная Карелия», «Балтийская республика» и др.), за которыми никто не стоит и которых почти никто не поддерживает, хотя «эксперты», распространяющие алармистские прогнозы, видят за спиной маргиналов Госдеп США⁸³.

Но, конечно, внесистемное регионалистское движение (прежде всего регионалистские настроения) существует, и существует оно в виде неформальных сетевых сообществ. Некоторые из этих сообществ довольно популярны: так, у сообщества «Ингерманландия» насчитывается 17 тыс. подписчиков⁸⁴. Сетевые сообщества способны видоизменяться, преображаться, мимикрировать, и они неистребимы в принципе. Но их влияние в обществе и тем более в политической жизни весьма ограничено, ибо они представляют собой на данном этапе преимущественно лишь своеобразные «клубы по интересам» и не способны инициировать создание влиятельных политических движений.

Регионализм как политическое движение в России пока не сформировался, ибо никто еще не выдвинул сколько-нибудь понятной и привлекательной политической программы регионализации. Есть вполне осознанное недовольство положением дел в регионах, которое приводит к снижению авторитета как региональных, так и федеральных политических институтов, что показали, к примеру, опросы студентов и старших школьников, проведенные нами в октябре 2019 и 2020 гг. в Карелии, Коми, Удмуртии, Марий Эл, Мордовии, и ряд других исследований, о которых мы упомянули выше.

Но есть другая очень мощная основа для консолидации российского общества, ибо наиболее значимым политическим явлением

⁸³ Челноков А. Расчленение по-госдеповски. Сепаратисты Северо-Запада [Электронный ресурс]. URL: <https://flb.ru/5/3555.html> (дата обращения 29.03.21).

⁸⁴ Штепа В. Движения, которых «нет»: регионализм в современной России [Электронный ресурс]. URL: <https://icds.ee/ru/autor/vadim-shtepa/> (дата обращения 29.03.21).

в российских регионах стало существенное укрепление общероссийской гражданской идентичности, признание жителями областей, краев и республик того факта, что в ряду коллективных идентичностей для них одной из наиболее значимых является именно российская идентичность. Так, если, согласно данным опроса 2008 г., в разных российских регионах примерно четверть респондентов были согласны с утверждением, что «граждане Российской Федерации – это российская нация» [Степанов 2014: 363–404], то уже несколько лет спустя по результатам исследований в регионах социологи сделали вывод, что «российская гражданская идентичность является широко распространенной. По данным последних опросов RLMS-HSE и общероссийских опросов ИС РАН, ...в 2013–2015 годах 75–80% респондентов ощущали близость с гражданами России. Российская идентичность была одной из наиболее распространенных коллективных идентичностей...» [Дробижева 2016: 69].

Но не все так замечательно в общественных настроениях. Как мы отмечали выше, во многих регионах не проводится последовательной политики гражданской интеграции или акции и мероприятия общегражданской направленности имеют сугубо формальный характер. Поэтому гражданские идеалы и гражданская солидарность во многих регионах достаточно слаба и формальна, в том числе слаба и общерегиональные идентичности, ибо одни культурные группы населения вольно или невольно противопоставляются другим, о чем подробно сказано в тексте данного труда.

Тем не менее региональные интересы и региональные солидарности существуют, и часто выразителем этих интересов выступают не местные политические элиты или лидеры (включая этнических), а некие новые неформальные активисты, которые выходят на политическую сцену совершенно неожиданно на волне экологических протестов (как в Архангельской области во время борьбы против мусорного полигона в Шиесе) или протестов политических (как в Хабаровске после ареста губернатора Фургала или в НАО во время голосования по поправкам к Конституции). К этим протестам проявляют интерес и оппозиционные партии, и несистемная оппозиция, но реальными идеологами и организаторами становятся не привычные всем политические акторы, а новые лица и новые организации, *вырастающие на умелом использовании региональных интересов и региональной солидарности, а также сетевого взаимодействия*. И с ними, как правило, традиционные политики не умеют работать, хотя эти лидеры и поддерживающие их люди, требуют именно открытого диалога с властью.

Если же говорить о национальных республиках, то там отмечается весьма показательное явление: общероссийская идентич-

ность является преобладающей в структуре коллективных идентичностей у русского населения этих субъектов, а у «представителей титульного народа этническая идентичность хоть и несущественно, но все же превалирует над гражданской» [Дробижева 2016: 76]. Таким образом, социальной базы для сепаратизма сегодня нет, ибо общественные настроения сместились в пользу российского патриотизма и гражданской интеграции. Хотя следует согласиться с тем, что пока в России в большей мере формируется политическая, а не гражданская нация, что является следствием того, что «в течение двух десятилетий в России интенсивно шел процесс этнизации и расиализации все более широких сфер социального пространства и вытеснения гражданских идеалов солидарности и лояльности своему государству» [Ачкасов 2012: 184]. Гражданские идеалы все еще глубоко не укоренились в массовых представлениях и политических ориентациях, а власти на местах не очень хорошо понимают, в чем должна состоять политика региональной гражданской интеграции и далеко не всегда заинтересованы в ней. Все это препятствует укреплению гражданской солидарности как на региональном, так и на общенациональном уровнях. Кроме того, возникли и формируются новые риски, которые определяют необходимость существенной коррекции региональной политики, проводимой федеральным центром.

Социологи часто пишут об углубляющемся имущественном расслоении россиян, ибо богатство все более концентрируется в руках немногих, а разрыв в доходах 10% самых богатых россиян и 10% самых бедных достиг критического уровня, поскольку даже во времена революционных потрясений такой пропасти между имущественными полюсами не наблюдалось. Но не менее важно обратить внимание на очень значительную разницу в уровне социально-экономического развития регионов и в материальной обеспеченности их жителей. Эта разница становится угрожающей, особенно если сравнивать уровень жизни в депрессивных и периферийных регионах с доходами и степенью государственной социальной поддержки в Москве, Санкт-Петербурге и еще нескольких крупнейших городах и процветающих регионах. Межрегиональные различия накладываются на имущественное расслоение россиян, ибо все (или почти все) крупные состояния, вся так называемая бизнес-элита сосредоточены в двух столицах и отчасти еще в нескольких городских центрах. Ситуация с бедностью становится угрожающей, на что указывают и специальные исследования, согласно которым 31 российский регион следует отнести к «бедным», два – к беднейшим и только 15 – к богатым [Обухова, Маврина 2019: 13–19].

Стратегия пространственного развития РФ⁸⁵, принятая в 2018 г., не дает ответа на вопрос, как устранять усиливающиеся дисбалансы в материальной обеспеченности граждан, и в развитии различных субъектов Федерации, и, вероятно, нужен некий докринальный документ, в котором бы четко были изложены базовые принципы региональной политики. До сих пор таких четких принципов, на которых должна основываться новая региональная политика, нет, а большинство субъектов, включая столицу, живут не за счет средств, заработанных в самих этих регионах, а за счет перераспределения федерального бюджета в их пользу с помощью различных финансовых механизмов, многие из которых не имеют строгого обоснования и крайне политизированы. При этом **бедность преимущественно концентрируется в периферийных российских регионах**, о чем свидетельствуют как вышеприведенные данные, так и официальная статистика, исследования и аналитические доклады⁸⁶ [Богданов 2011; Руденко 2011; Региональные аспекты 2018].

Именно бедность населения, нарастающие социальные, экологические и экономические проблемы регионов могут стать катализатором общественного недовольства и привести сначала к активизации локальных протестов (что уже имеет место), а затем и к формированию новых общественных структур, которые станут организаторами протопартий нового типа или широкого общественного фронта по уже апробированным в прошлом моделям политической мобилизации. Осознанный региональный интерес является мощным стимулом для актуализации земляческой/региональной солидарности. События последнего времени показывают, что готовность населения защищать региональные интересы уже очевидна, а она является основой для активной самоорганизации.

В регионах помимо множества социальных и экономических проблем явно просматривается еще и социальный запрос на справедливость. Так, упомянутые выше исследования, проведенные ИС РАН, показали, что этот запрос весьма актуален: «Межрегиональные сравнения констатировали высокое сходство в понимании социальной справедливости во всех изучаемых регионах. Прежде всего это касается представлений о значимости “равенства всех перед законом”, “равенства возможностей для получения образования и ра-

⁸⁵ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/48665243/> (дата обращения 06.04.21).

⁸⁶ Рейтинг регионов России по уровню жизни 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://basetop.ru/rejting-regionov-rossii-po-urovnyu-zhizni-2019/> (дата обращения 06.04.21).

боты, ведения бизнеса”, и “уважительного отношения к достоинству любого человека, независимо от его материального положения, национальности, религии”. В целом можно говорить о том, что установки русских и представителей других национальностей оказались во многом похожими (различия в ответах редко превышали 10%). На наш взгляд, относительное сходство в условиях жизни оказывает влияние: все смотрят одни и те же ТВ-передачи, читают одни и те же газеты, заходят на одни и те же сайты, а общение происходит в общей кросскультурной среде» [Фадеев 2016: 225].

Названный выше сценарий – лишь один из вариантов развития событий, который не обязательно может реализоваться. Активная государственная региональная политика, очевидно, будет способствовать снижению общественного недовольства, стимулированию темпов социально-экономического развития российской периферии и повышению уровня жизни в регионах. Важно как можно быстрее осуществить глубокую и продуманную реформу региональной политики федерального центра и внести существенные корректировки в практику деятельности региональных властей, предоставив им большую свободу действий и широкие полномочия, что необходимо для оперативного реагирования на новые риски (пример с коронавирусной пандемией здесь более чем уместен).

Необходимо учесть еще и то, что вся большая концентрация национального богатства в руках небольшой группы населения накладывается не только на дисбалансы в развитии регионов, но и на существенные различия в их бюджетной поддержке со стороны федерального центра. Очевидный приоритет в этом отношении, как в советскую, так и в постсоветскую эпоху, имели и имеют этнические автономии, а потому происходит нарастание противоречий между регионами-донорами (как реальными, так и потенциальными) и регионами-реципиентами, среди которых значатся все республики Северного Кавказа и ряд иных национально-государственных образований. Это означает, что прямо или косвенно идет перераспределение бюджетных средств в пользу отдельных этнических групп, хотя надо оговориться, что этнически однородными можно считать всего несколько национальных республик, а большинство других имеют сложный этнический состав населения, часто с преобладанием русских.

Существующие дисбалансы в региональном развитии в последние годы становятся все более важной сферой научных дискуссий и находятся в фокусе внимания политического руководства страны. Предлагаются различные меры по преодолению существующих дисбалансов и очевидно нарастающих социальных рисков, связанных с ростом недовольства населения в российских регионах. В частности, некоторые специалисты говорят о необходимости переноса централь-

ных офисов государственных компаний в несколько крупнейших городов и необходимости снизить их концентрацию в Москве и отчасти Санкт-Петербурге. Активно обсуждается фактический переход к конкурентной модели федерализма и выдвигается идея метрополий – крупных городских агломераций, которые должны стать локомотивами развития страны и в которые надо в первую очередь направлять инвестиции, ибо попытки выравнять межрегиональные различия и вкладывать средства в депрессивные регионы, не приносит реального результата, поскольку преодолеть отставание не удастся. Вложенные в депрессивные регионы средства не дают отдачи в виде существенного экономического роста, снижения дотационности регионов, повышения уровня и качества жизни населения этих субъектов. При очевидной обоснованности последнего предложения, с ним нельзя полностью согласиться, ибо концентрация инвестиционных и финансовых средств в нескольких «метрополиях» будет и далее «убивать регионы», т. е. усиливать депрессивные явления в их социально-экономическом развитии, чего, на наш взгляд, нельзя допустить.

Вместе с тем практика механического вливания средств в регионы, где очевидно эти средства не дадут никакого экономического и социального эффекта, показала свою ущербность и должна быть пересмотрена, ибо она противоречит интересам федеративного государства и населения большого количества российских регионов. Более того, сегодня, как нам представляется, речь должна идти не о «выравнивании бюджетной обеспеченности» регионов, а **о выравнивании условий и стимулов для развития**, но, возможно, и о создании системы дополнительных стимулов для ряда регионов (особенно северных и хронически депрессивных), способствующих социально-экономическому прогрессу субъектов Федерации. *Причем условия и стимулы должны быть реально работающими, а не декларативными, а их следствием обязательно должен стать как рост региональных экономик, так и заметное повышение уровня и качества жизни населения.*

В связи с этим стоит согласиться с утверждением, что при выработке современной модели региональной политики федеральные власти должны найти некий баланс между необходимостью ускорить темпы экономического развития и политической целесообразностью: «В начале 1990-х годов стало понятно: политика “выравнивания” развития регионов не оправдывает себя в новых условиях, либо, по крайней мере, выглядит недостаточно эффективной...

Главный способ сокращения неравномерности – это стимулирование развития отставших (депрессивных и слаборазвитых) районов, приток в них капиталов, строительство новых предприятий, рост числа рабочих мест с высоким уровнем зарплаты и т. д. Однако в отставших

районах производительность труда ниже, отдача на капитал хуже, чем в передовых районах. Следовательно, искусственное “заманивание” капитала в отсталые районы приведет к спаду темпов экономического роста. Форсирование же экономического роста или помощь наиболее успешным районам, согласно современным воззрениям, приведет к тому, что капитал устремится в последние, и в результате территориальные диспропорции в стране будут нарастать.

Эта проблема хорошо изучена в западной научной литературе, где она получила название: “противоречие ‘равенство – эффективность’”. Если в стране нет районов в отчаянно бедственном состоянии, то допустимо ставить экономический рост во главу угла, однако, если территориальные диспропорции уже достигли большой остроты, лучше частично пожертвовать темпами роста ради отвлечения капитала в не самые “эффективные” районы страны, чтобы избежать политических катаклизмов» [Леденева, Костеева 2009: 198–199].

Кроме того, в области экономики государство должно взять на себя обязательство по приоритетному выделению средств для инвестирования в инфраструктурные проекты, реализация которых позволит прочнее интегрировать регионы в единое экономическое пространство страны, снизить издержки по обеспечению местных производителей и население товарами и услугами, откроет новые возможности для хозяйственного освоения территорий. К примеру, у нас до сих пор пять региональных столиц не имеют надежной связи с дорожной сетью страны и среди них Нарьян-Мар и Салехард, т. е. центры тех субъектов, нефтегазовые предприятия которых обеспечивают огромную часть налоговых поступлений в федеральный бюджет и бюджет Москвы. Дорога на Нарьян-Мар строится с 1992 г. и фактически является продолжением федеральной трассы «Вятка». Ее северная часть – это дорога Сыктывкар – Ухта – Печора – Усинск – Нарьян-Мар. При этом есть предложение продлить эту трассу от Печоры до Воркуты и далее через Полярный Урал к Салехарду, что может дать не только важный экономический и синергетический эффект, но и позволит включить Полярный Урал, который каждый год посещают десятки тысяч неорганизованных туристов (ибо этот регион не менее интересен, чем фьорды Норвегии), в международные туристические маршруты. Однако участие федерального центра в реализации названных инфраструктурных проектов долгое время было минимальным, что нельзя объяснить логикой сбалансированного регионального развития страны. А если говорить о поселениях более мелких (поселках, селах и деревнях), то прочной связи даже с местными центрами не имеют многие тысячи из них. Эти поселения оказываются «за порогом цивилизации», да и за «порогом России», хотя они и есть историческая Россия.

В политической сфере необходимо, на наш взгляд, завершить муниципальную реформу, проводившуюся в 1991–2001 гг., сделав упор на усилении принципов коммунитаризма в организации локальных сообществ, и синхронизировать эту реформу с реформой региональной политики, которая уже давно назрела.

В области финансов и налогового администрирования, вероятно, следует подумать о возможности принятия комплекса мер, которые обеспечат большую налоговую и фискальную автономию регионов и будут способствовать сокращению числа дотационных субъектов. С этой целью необходимо внести соответствующие изменения в налоговый и бюджетный кодексы, указы и распоряжения федеральных властей.

В условиях пандемии коронавируса федеральный центр вынужден был резко нарастить трансферты регионам, чтобы те могли успешно справиться с возникающими в условиях эпидемии и экономического кризиса многочисленными сложностями. Но ситуация в регионах очень разная и поддержка федерального центра регионам тоже весьма существенно различается, на что обратила внимание Н. Зубаревич, выступая на конференции в Екатеринбурге: «Трансферты из федерального бюджета, соответственно, выросли почти на 760 млрд (плюс без малого 60%), а к октябрю, по оценкам Натальи Зубаревич, на 1 трлн. “Помощь регионам была очень значительной. Но кому и почему? В этих вопросах, как и прежде – дикая непрозрачность”, – заметила эксперт.

Судя по цифрам, универсальных формальных правил, действительно, как не было, так и нет, все зависит от лоббистских ресурсов региональных властей. Так, у Мурманской области сократились как собственные доходы, так и трансферты (примерно по миллиарду рублей в январе–августе); трансферты для Дагестана, Ставропольского края, Московской, Нижегородской, Ростовской, Саратовской, Новосибирской областей кратно перекрыли их потери в собственных доходах (в ряду счастливиц и Свердловская область: минус 15 млрд собственных доходов, плюс 27 млрд трансфертов; в некоторых же случаях разница – почти в 7–10 раз). А вот Чечня, Воронежская область, Алтайский край и Якутия умудрились нарастить как собственные доходы, так и трансферты из федерального бюджета, причем разница между первыми и вторыми еще существеннее – от 5 раз у Воронежа, 15 раз у Алтая и Якутии, до 27 раз у Чечни»⁸⁷.

⁸⁷ Ковидный кризис больно бьет по продвинутым и сильным. 25 ноября 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.znak.com/2020-11-25/kak_izmenilis_ot_nosheniya_federalnyh_vlastey_s_regionami_iz_za_koronavirusa (дата обращения 07.04.21).

Пандемия коронавируса тяжело отразилась на регионах. Губернаторы получили широкие полномочия для борьбы с эпидемией и поддержанием региональных экономик, на них была возложена ответственность за борьбу с пандемией. Президент Путин в своих выступлениях неоднократно указывал, что бремя ответственности региональных властей за свои действия возрастает, а равно и за бездействия.

В частности, генеральный директор Института региональных проблем Дмитрий Журавлев замечает, что «на региональном направлении в России начались серьезные изменения, связанные с образованием Госсовета РФ. Это не новый орган власти, но благодаря данной совещательной платформе президент РФ будет узнавать о ситуации на местах».

Госсовет РФ на что-то действительно повлияет, а передача полномочий из центра в регионы для борьбы с коронавирусом ничего не изменит в системе распределения власти в России. Летом регионам уже передали полномочия, но структура власти осталась прежней. Сейчас случилось повторение весенней ситуации. Госсовет РФ позволит губернаторам принимать какие-то обязывающие ведомства решения и даст губернаторскому корпусу возможность влиять на политику отраслевых министров. «Госсовет РФ не сможет принять общего решения и обязать премьера, но сможет предложить определенную программу и стимулировать отраслевое министерство к ее выполнению. Это немало – Госсовет станет аналогом Совета Федерации РФ времен девяностых, где губернаторы снова объединятся и станут коллективным политическим субъектом», – резюмирует Журавлев⁸⁸. В Послании Президента Федеральному собранию 1 марта 2021 г. было прямо сказано о необходимости расширить полномочия губернаторов⁸⁹.

Пандемия, обострившая проблемы регионального развития, одновременно стимулировала начало процесса перераспределения полномочий между центром и регионами (который уже очевидно назревал), усилила внимание федерального центра к социально-экономическому положению наиболее проблемных регионов (в июне 2020 г. правительством РФ на программы развития Тывы, Хакасии и Карелии и еще ряда регионов (всего десяти) выделены финансовые ресурсы для обеспечения долгосрочных программ регионального

⁸⁸ Пандемия привела к изменению отношений центра и регионов России. 18 ноября 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://rueconomics.ru/47899> (дата обращения 07.04.21).

⁸⁹ Послание Президента Федеральному собранию • Президент России (kremlin.ru).

развития. Сложная эпидемиологическая ситуация и необходимость резко ограничить экономическую активность отдельных секторов региональной экономики показали, что каких-то единых рецептов решения как проблем здравоохранения и защиты здоровья населения, так и регулирования региональных экономик в условиях кризиса не существует. Центр предоставил региональным властям свободу маневра, но гарантировал финансовую и административную поддержку при решении сложных местных проблем.

Более того, поправки в Конституцию, которые были внесены по итогам Всероссийского референдума, проведенного 1 июля 2020 г., создали правовую основу для выстраивания новой архитектуры российских политических институтов и построения новой модели региональной политики в РФ.

Поправки в Основной закон определили, что в России существует единая система публичной власти. Это конституционное положение открывает возможность для принятия законодательных актов, которые должны способствовать повышению эффективности деятельности региональных властей, обеспечению прозрачности принимаемых ими решений, созданию условий для парламентского и общественного контроля над деятельностью региональных институтов исполнительной власти. Сама жизнь и происходящие в обществе перемены подсказывают, что необходимо расширить полномочия региональных парламентов и сбалансировать сферу влияния и возможностей институтов исполнительной и законодательной власти на местах. И этот процесс уже начался. В частности, 30.12.2020 г. принят закон № 494-ФЗ «О внесении изменений в градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий»⁹⁰, в котором регионам дается право утверждать адресные программы сноса или реконструкции многоквартирных домов с учетом мнения жителей. Это поможет активизировать на местах решение проблемы ветхого и аварийного жилья, а равно поможет решить ряд социальных проблем. Федеральный центр пошел по пути расширения полномочий региональных властей и создания новой правовой базы региональной политики и важно, чтобы эта работа велась активно и конструктивно в тесном взаимодействии с региональным экспертным сообществом. 21 марта 2021 г. в Ежегодном послании Федеральному собранию Президент заявил, что «Стремление

⁹⁰ Федеральный закон от 30.12.2020 № 494-ФЗ «О внесении изменений в градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий» // КонсультантПлюс (consultant.ru).

руководителей субъектов Федерации сделать свой регион успешным и самодостаточным должно и будет всемерно поощряться»⁹¹, что необходимо расширять самостоятельность субъектов Федерации и обеспечить их не только более активной поддержкой федерального центра, но и действенными инструментами развития.

Опыт предшествующих десятилетий показывает, что институциональный дизайн регионов не может быть полностью единообразным, особенно, когда необходимо решить проблему политического участия и политического представительства этнических меньшинств. Существующие сегодня законодательные ограничения не позволяют в полной мере устранить эти проблемы, а потому необходимо рассмотреть вопрос о поправках в федеральные законы, обеспечивающие гарантии прав коренным малочисленным народам и регламентирующих принципы организации институтов законодательной и исполнительной власти в российских регионах, особенно в этнических автономиях. По существу указанный выше законодательный акт стоит рассматривать как начальный этап формирования правовой базы новой региональной политики федерального центра, потребность в которой уже давно назрела.

В новой региональной политике, на наш взгляд, необходимо особое внимание уделить гражданскому строительству. С точки зрения идеолога нового регионализма профессора Б. Хеттне, регион есть процесс [Hettne, Inotai 1994] и это действительно так, поскольку регион это не столько территориальная, сколько социальная и политическая единица, а в этом смысле региональное строительство есть постоянный процесс функционирования региональных институтов власти, формирования и укрепления региональной идентичности, региональных традиций, отстаивания региональных интересов, поиска согласований интересов региона и государства.

Однако стоит заметить, что пока идеи гражданского строительства не прижились в региональных программах развития. Более того, мало где есть сколько-нибудь продуманные проекты и программы социального развития территорий, включая важнейший ее элемент, – формирование региональной идентичности и прочных гражданских региональных сообществ. Отчасти это является следствием того, что в региональных моделях социального развития и этнополитики гражданские идеалы никак или очень слабо акцентированы, а к институтам гражданского общества относятся этнические организации, отстаивающие узкогрупповые интересы, а не интересы региональных сообществ в целом. В идеях, выдвигаемых этнона-

⁹¹ Послание Президента Федеральному собранию • Президент России (kremlin.ru).

Заключение

циональными движениями, этничность явно противопоставляется гражданству [Шабает, Чарина 2010]. Если этнические организации являются институтами гражданского общества, то тогда к ним же можно отнести союзы лесопромышленников, религиозные организации и даже секты и т. п., т. е. все общественные и профессиональные союзы, защищающие интересы отдельных профессиональных или культурных групп, но не целостных территориальных сообществ.

Идея формирования *прочных региональных гражданских сообществ*, укрепления гражданской солидарности и местного патриотизма как разновидности патриотизма общероссийского должна не только звучать в торжественных речах местных политиков, но обязательно обрести доктринальный уровень (разработка доктрин формирования интегрированных региональных сообществ) и стать повседневной политической и культурной практикой.

Приложение

Этнографические и административные карты России и картографическое мифотворчество

Роль карт, как и переписей населения, для каждого государства велика, ибо они имеют важное значение как в познании и классификации географического пространства, так и в понимании культурного облика страны, динамики его эволюции. Вместе с тем карта выполняет еще и роль инструмента формирования культурного ландшафта, культурного и политического присвоения территорий, их понимания как некой «коллективной собственности» либо политического, либо культурного сообщества.

Особенно возросла роль карт в эпоху Нового и Новейшего времени, поскольку карту в эту эпоху стали рассматривать как способ легитимации притязаний на те или иные территории, одновременно рассматривая их как форму бюрократического контроля над пространством. «...Карты европейского стиля базировались на тотализирующей классификации и подталкивали их бюрократических производителей и потребителей к проведению политики, имевшей революционные последствия...

Они победоносно подчиняли пространство такому же учету, какому производители переписей пытались подчинить людей» [Андерсон 2001].

Начиная с XIX в., когда на пространстве Европы стали происходить глубокие революционные преобразования в политической и культурной сфере (революция 1848 г., именуемая «весной народов» и национально-культурное пробуждение на востоке Европы), интерес к локальным культурным традициям, языку и историческому наследию народов резко активизировался. В связи с этим стали предприниматься попытки совместить территории и носителей культурных традиций с помощью карты. Пространство перестает восприниматься просто как географическая категория, а становится культурным маркером.

Поэтому появляется новая категория карт – этнографические карты, в которых географическое пространство и этнические группы оказываются тесно связанными.

Тесная корреляция между этнической группой и территорией, зафиксированная картографическими методами, создавала не вполне адекватное представление о культурной мозаике пространства, ибо «Особенностью размещения этнических общностей на территории России является совместное, порой чересполосное проживание, часто дисперсное расположение представителей одних народов в составе компактно живущих других. Наиболее пеструю этническую картину представляет собой население крупных городов. Все это создает определенные сложности при подаче и чтении картографического материала, когда то или иное обозначение на карте не может адекватно донести всю информацию о расселении, особенно в городах» [Атлас культур и религий 2009]. Таким образом этнографические карты весьма условны и дают неполную информацию о культурном ландшафте территорий.

Вместе с тем, если сравнить этнографические карты второй половины XIX и начала XX в. (как отечественные, так и зарубежные) с современным этническим составом населения ряда стран, провозгласивших себя ныне независимыми государствами, то станут очевидны существенные изменения в этническом составе их населения и характере расселения этнических групп. И окажется, что попытки «присвоить право на нацию» за избранными этническими группами не могут быть исторически обоснованными. Тем не менее в современных условиях этнический национализм все более стал опираться на абсолютизацию и актуализацию символических ресурсов, таких как язык и карта. А в последнее время в социальных сетях началось некое подобие *картографической войны*, суть которой состоит в приватизации пространства страны меньшинствами в ущерб доминантной этнической группе.

Идея совместного созидания государства и совместного освоения территории страны представителями разных народов замещается идеей принадлежности российских территорий «коренным народам», а карта из инструмента классификации пространства становится инструментом этнополитической борьбы.

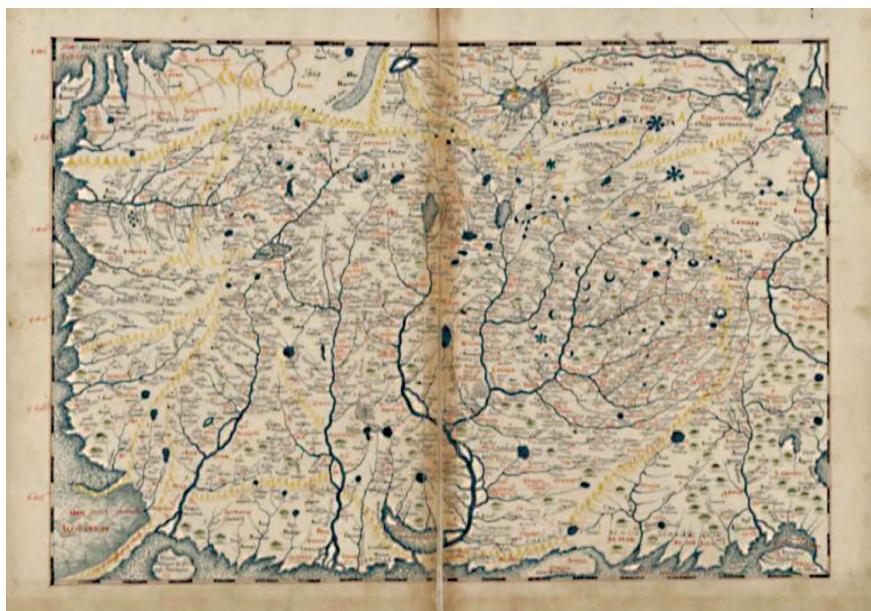
1. Скандинавская карта Европейского Севера – Биармии
(карта Олафа Магнуса, 1539 г.)

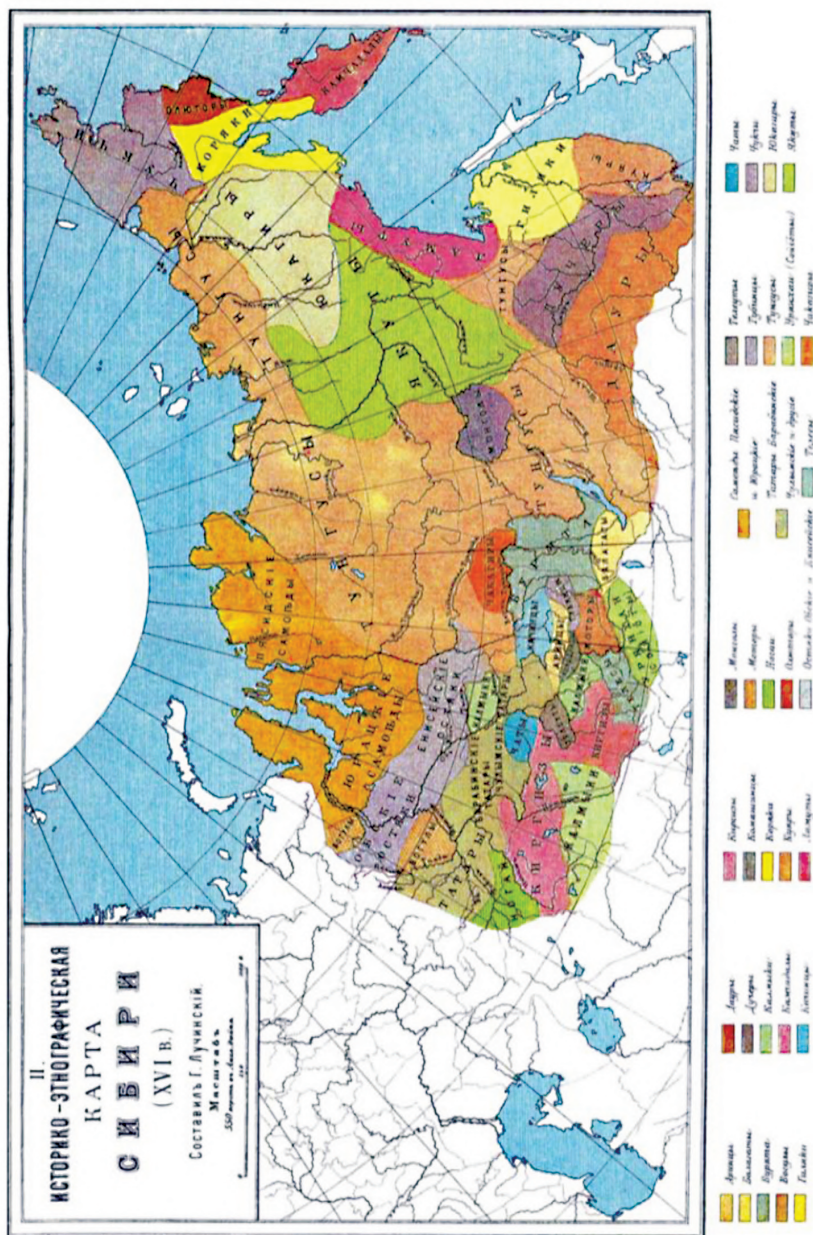
2. Чертеж московских земель,
составленный Дмитрием Герасимовым, 1497 г.

3. Карта России 1525 г., составленная по указу Василия III

4. Карта Семена Ремезова из «Чертежной книги... всей Сибири и городов и земель налицо описанием с прилежащими жительство», 1673 г.

5. Карта расселения народов Сибири, XVI в.

6. Западноевропейская карта Тартарии
(Атлас Меркатора-Хондиуса), начало XVII в.

7. Западноевропейская карта Великой Тартарии (Great Tartary),
конец XVIII в. (Энциклопедия Британика)

8. Этнографическая карта европейской России П.И. Кеппена, 1852 г.

9. Этнографическая карта Российской империи, изданная Р.Ф. Эрбертом в г. Берлине, 1862 г.

10. Карта казачьих войск Российской империи, 1858 г.

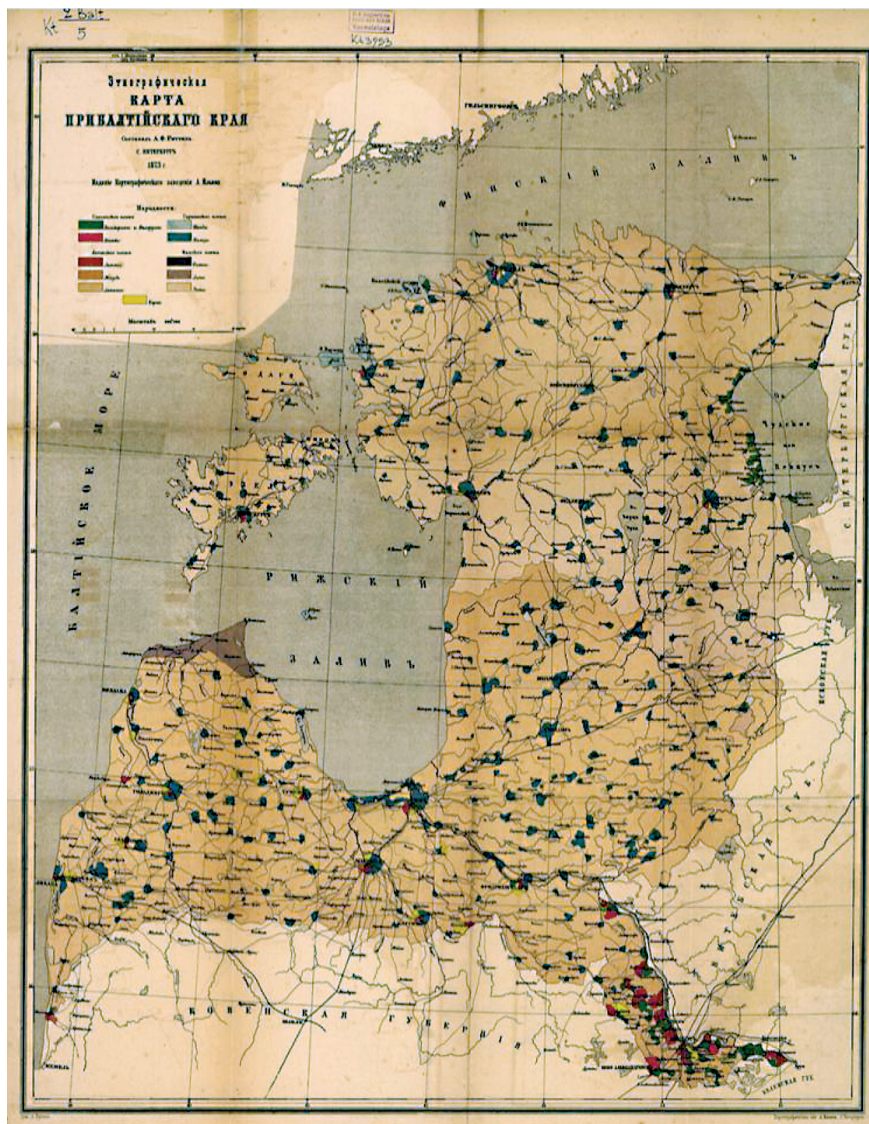

11. Карта земель иррегулярных войск Российской империи, 1858 г.

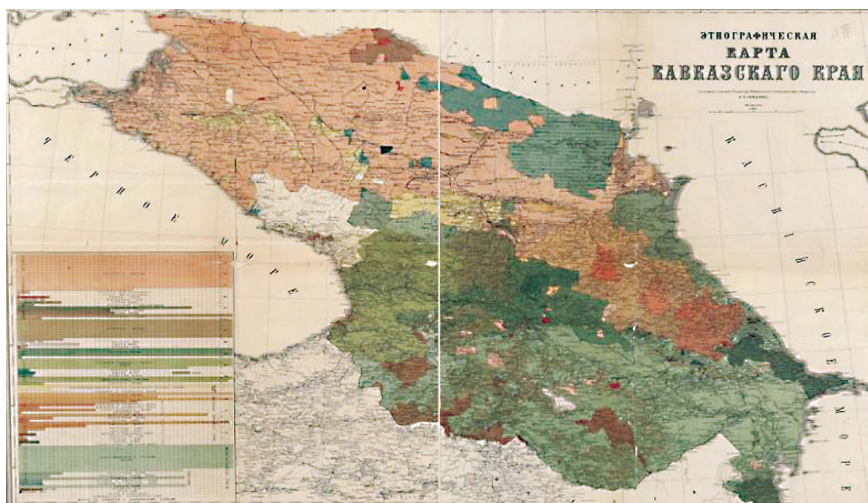

12. Этнографическая карта России начала XX в.

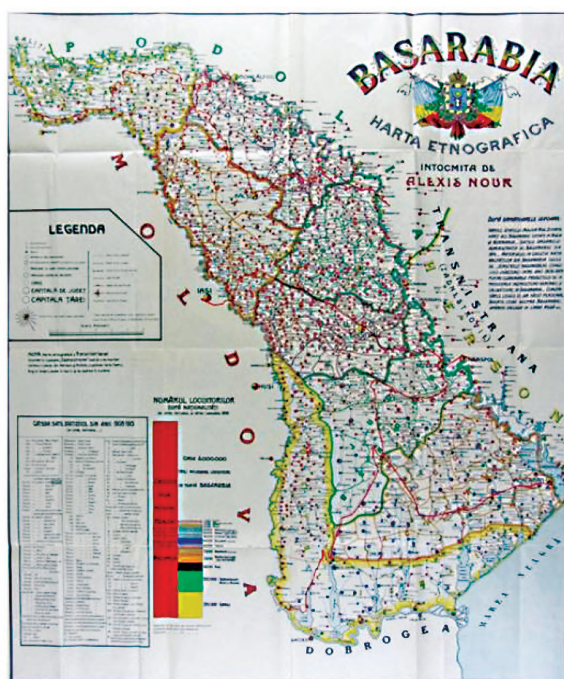
13. Этнографические карты Прибалтийского края, Кавказского края, Буковины (Бессарабской губернии)

13.1. Этнографическая карта прибалтийских губерний, 1873 г.

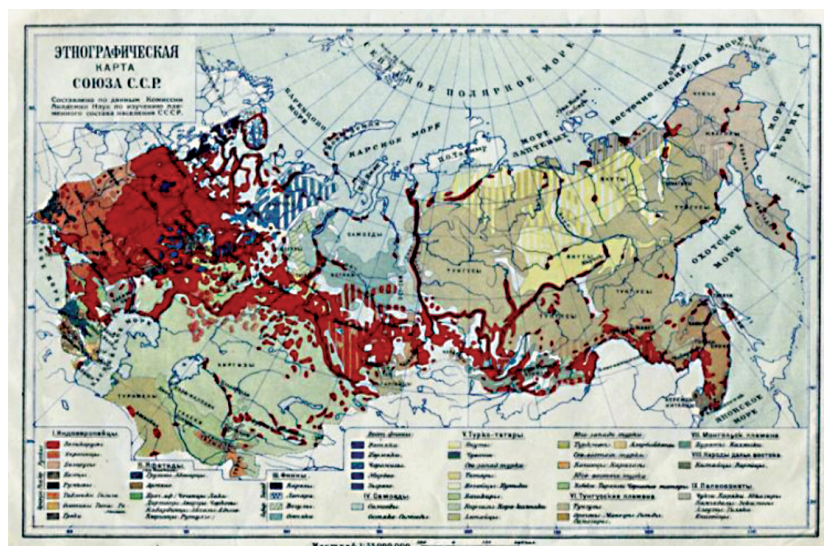
13.2. Этнографическая карта Кавказского края, 1900 г.

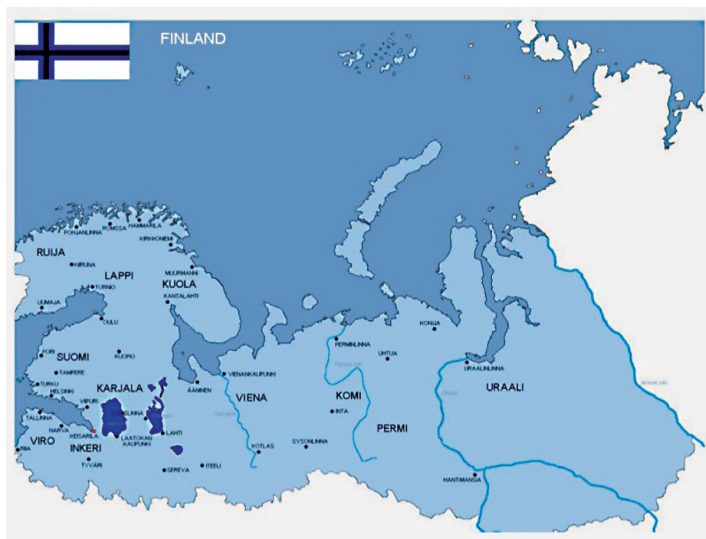
13.3. Латинизированная карта Бессарабии, 1908 г.

14. Карта административно-территориального деления Российской империи начала XX в.

15. Этнографическая карта, 1930 г.
(Географический атлас под редакцией Ю.М. Шокальского.
Издание государственной картгеодезии при Институте геодезии
и картографии. Ленинград, 1930 г.)

16. *Suuri Suomi* – современная версия карты «Великой Финляндии»

17. Карта национально-государственного деления СССР, 1922 г.

18. Карта национально-государственного деления СССР, 1930 г.

19. Карта СССР, 1989 г.

20. Карта расселения русских на территории СССР, 1974 г.

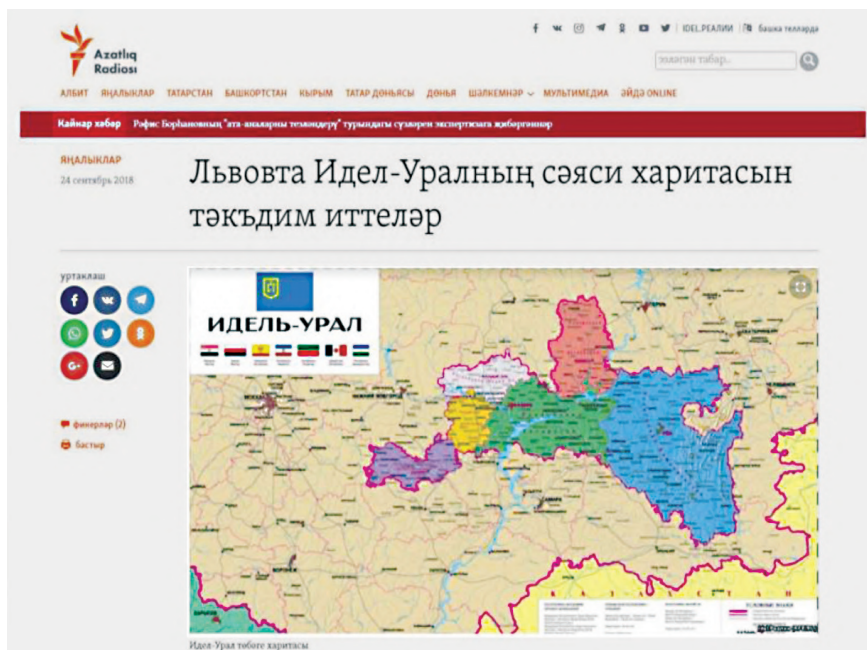
21. Современное картографическое мифотворчество (современная карта расселения уральских народов – начало XXI в., а также картографические спекуляции рубежа второго и третьего десятилетий XXI в.)

21.1. Карта территорий, принадлежащих «коренным народам» России

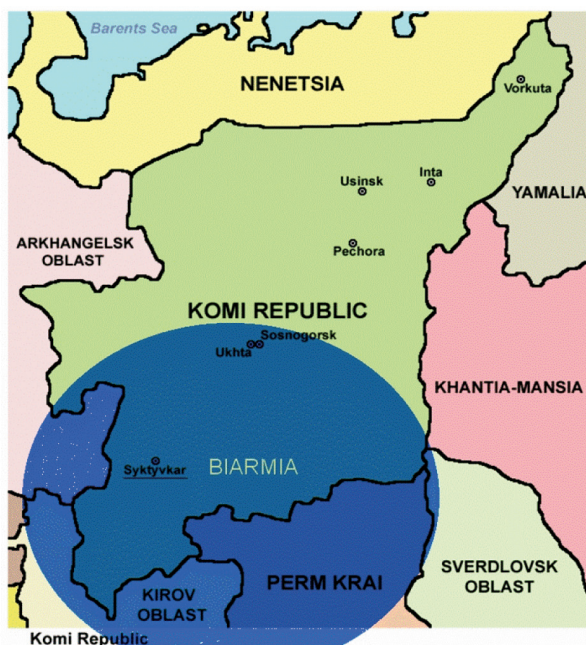
21.2. Карта территорий, исторически «принадлежащих» славянам.
Идея «русским – русскую республику»

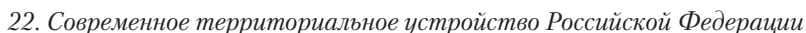
21.3. Карта Идель-Урала

21.4. Карта финно-угорского мира

21.5. Новая Биармия. Реанимированный миф о Биармии привязан к территории нескольких областей

Литература

- Абалкин 2007 – *Абалкин Л.И.* Экономическая история СССР. М.: Инфра-М, 2007.
- Абдрахманов 2001а – *Абдрахманов Р.* Перспективы ограничения и самоограничения суверенитета // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2001. № 39. Сент.–окт.
- Абдрахманов 2001б – *Абдрахманов Р.* Обмен «нотами предостережения» // Там же. № 40. Ноябрь.–дек.
- Абдрахманов 2002 – *Абдрахманов Р.* Десять лет Конституции: итоги и перспективы // Там же. 2002. № 46. Ноябрь.–дек.
- Абдулатипов 2007 – *Абдулатипов Р.* Этнонациональная политика в Российской Федерации (концепции, практика, реализация, перспективы). М.: Классикс Стиль, 2007.
- Авксентьев 2018 – *Авксентьев В.А.* Этнополитические процессы на Северном Кавказе: стабилизация, факторы, риски // Нациестроительство: состояние, проблемы, перспективы: Материалы Всерос. науч. конф. Москва, 30 ноября 2018 г. М.: РГГУ, 2018.
- Автономов, Захаров, Орлова 2000 – *Автономов А.С., Захаров А.А., Орлова Е.М.* Региональные парламенты в современной России. М.: Московский общественный научный фонд, 2000.
- Азанов 1994 – *Азанов Г.Г.* Уральская республика: Игра амбиций или необходимость. Екатеринбург: Уральс. кадровый центр, 1994.
- Азикова и др. 2016 – *Азикова Ю.М., Аккиева С.И., Боров А.Х., Муратова Е.Г.* Кабардино-Балкарская Республика // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах: Ежегодный доклад сети этнологического мониторинга – 2014. Т. 2. М.: ИЭА РАН, 2016.
- Айпин 2006 – *Айпин Е.Д.* О деятельности Ассамблеи представителей коренных малочисленных народов Севера в составе Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры // Право в зеркале жизни: Исследования по юридической антропологии. М., 2006.
- Аманжолова, Красовицкая, Тишков 2018 – *Аманжолова Д.А., Красовицкая Т.Ю., Тишков В.А.* Научный дискурс в транзитной реальности // Научные исследования в области этничности, межнациональных

- отношений и истории национальной политики: Материалы сессии Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений, Москва, 19 декабря 2017 г. / Под ред. В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2018.
- Андерсон 2001 – *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
- Антонова 2011 – *Антонова Л.А.* Политические воззрения А.И. Деникина в России и эмиграции: формирование и эволюция: Дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2011.
- Апажева, Мамсиров, Цолоев 2017 – *Апажева С.С., Мамсиров А.Х., Цолоев Т.С.* Северный Кавказ: современная этнополитическая ситуация и перспективы ее стабилизации // История: факты и вымыслы. Вып. 4. 2017. № 13.
- Арсентьев, Доленко, Юрченков 2000 – *Арсентьев Н.М., Доленко Д.В., Юрченков В.А.* Центр и периферия: история России или множества российских? // Финно-угорский мир: история и современность. Исторические и педагогические науки: Материалы II Всерос. конф. финно-угроведов. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2000. С. 16–25.
- Аствацатурова, Тишков, Хоперская 2010 – *Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хоперская Л.Л.* Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. М.: ИЭА РАН, 2010.
- Аствацатурова 2014 – *Аствацатурова М.А.* «Россия и Кавказ» как политический дискурс // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных странах: Ежегодный доклад сети этнологического мониторинга – 2013. М.: ИЭА РАН, 2014.
- Атлас культур и религий 2009 – Атлас культур и религий / Отв. ред.: А.В. Журавский, О.Е. Кальмина, В.А. Тишков. 2-е изд., исправл. и доп. М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2009. С. 7.
- Ахмедова 2021 – *Ахмедова М.* Родитель-1, родитель-2 по-дагестански // Эксперт. 2021. № 18–19 (1205). 26 апр. – 9 мая.
- Ахмедуев 2017 – *Ахмедуев А.Ш.* Проблемы чрезмерной поляризации уровня социально-экономического развития регионов России и императивы модернизации государственной региональной политики // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. № 6.
- Ахметов 2019 – *Ахметов Р.* ВКТ без Штаба татар // Звезда Поволжья. 2019. 27 июня – 3 июля.
- Ахметшин 1998 – *Ахметшин Р.И.* Народ как субъект права на самоопределение // Вестник МГУ. Серия 11 «Право». 1998. № 2.
- Ахременко 2015 – *Ахременко Д.А.* Украинский институт национальной памяти: против национальной памяти? // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2015.

- Ачкасов 2012 – *Ачкасов В.А.* Политика идентичности мультиэтничных государств в контексте решения проблемы безопасности. СПб.: СПбГУ, 2012.
- Ачкасов 2015 – *Ачкасов В.А.* Роль «исторической политики» в формировании российской идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015.
- Бабич 2015 – *Бабич И.Л.* Роль христианско-мусульманского диалога в развитии этнической, религиозной и гражданской идентичности народов Северного Кавказа // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных странах: Ежегодный доклад сети этнологического мониторинга – 2014. Т. 1. М.: ИЭА РАН, 2015.
- Басманова, Миссауи-Ульянищева 2008 – *Басманова А.А., Миссауи-Ульянищева Е.В.* Сепаратизм в Стране Басков: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
- Бахалов 2009 – *Бахалов И.В.* Прибалтика и Финляндия в территориальной системе Российской империи: специфика статуса и этнополитической ситуации // Финно-угорский мир. 2009. № 1.
- Бахтизин, Бухвальд, Кольчугина 2016 – *Бахтизин А.Р., Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В.* Выравнивание регионов России: иллюзии программы и реалии экономики // Вестник Института экономики РАН. 2016. № 1. С. 76–91.
- Бахтурина 2004 – *Бахтурина А.Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2004.
- Бекирова 2004 – *Бекирова Г.* Крымско-татарская проблема в СССР (1944–1991). Симферополь: Оджакъ, 2004.
- Белая борьба 2003 – *Белая борьба на Северо-Западе России.* М.: Центр-полиграф, 2003.
- Белая книга Татарстана 1996 – *Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету: Сб. официальных документов 1990–1995.* Казань: ПАНОРАМА-ФОРУМ, 1996. № 5 (8). Спец. выпуск (1).
- Белое движение 2003 – *Белое движение на Северо-Западе России.* М.: Посев, 2003.
- Беляков 2007 – *Беляков Р.* Ситуация вокруг договора о разграничении полномочий // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2007. № 71. Янв.–февр.
- Беляков 2008 – *Беляков Р.* Права народов выше прав государств? // Там же. 2008. № 78. Март–апр.
- Беннигсен 1983 – *Беннигсен А.А.* Мусульмане в СССР. Париж: Ymca-Press, 1983.
- Бернштам 1978 – *Бернштам Т.А.* Поморы: формирование группы и система хозяйства. Л.: Наука, 1978.

- Бирюков 2012 – *Бирюков С.* Всепроникающая клиентелла: О некоторых особенностях региональных политических режимов в современной России // Свободная мысль. 2012. № 7–8.
- Блейре, Бутулис, Зунда 2005 – *Блейре Д., Бутулис И., Зунда А.* История Латвии XX века. Рига: Jutava, 2005.
- Бобраков-Тимошкин 2008 – *Бобраков-Тимошкин А.* Проект «Чехословакия»: конфликт идеологий в Первой Чехословацкой республике (1918–1938). М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- Богатырёва 2018 – *Богатырёва О.Н.* Европейские модели регионализма: Учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018.
- Богданов 2011 – *Богданов И.Я.* Феномен российской бедности. М.: Академическая наука, Геомаркетинг, 2011.
- Борко 1999 – *Борко Ю.Ф.* Проблема национального суверенитета: Опыт европейской интеграции. Космополис: Альманах. М.: Полис, 1999. С. 67–72.
- Бруцкус 1999 – *Бруцкус Б.В.* Социалистическое хозяйство: Теоретические мысли по поводу русского опыта. М.: Наука, 1999.
- Бугай 1995 – *Бугай Н.Ф.* Горская АССР: правомерность создания, особенности, причины и ход ликвидации // Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). Майкоп: Меоты, 1995.
- Бугай, Мекулов 1994 – *Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х.* Народы и власть: «социалистический эксперимент». 20-е годы. Майкоп: Меоты, 1994.
- Бусыгина 1993 – *Бусыгина И.* Настоящее и будущее «Европы регионов» // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 9. С. 78–86.
- Бусыгина 2002 – *Бусыгина И.М.* Концептуальные основы европейского регионализма. Западная Европа // Европа: вчера, сегодня, завтра. М., 2002.
- Бусырева 2016 – *Бусырева Е.В.* Сохранение и трансформация этничности в финских семьях на Кольском полуострове (60-е годы XIX в. – начало XXI в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2016.
- Бутвило 2010 – *Бутвило А.И.* «Красные финны» в борьбе за Мурман // Живущие на Севере. Альманах. Вып. 1. Мурманск: МГГУ, 2010.
- Васильев 2013 – *Васильев Л.С.* Россия, русские, россияне // Независимая газета. 2013. 23 янв.
- Вебер 2007 – *Вебер М.* Традиционное господство // ПРОГНОЗИС: журнал о будущем. 2007. № 2 (10).
- Верняев 2019 – *Верняев И.И.* Неотрадиционализм как технология управления и трансформации традиционных обществ и практик: опыт Российской империи // Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации / Отв. ред. В.В. Бочаров и В.А. Попов. СПб.: Центр информации образования «КИО», 2019.

- Винокурова 1994 – *Винокурова Л.А.* Сказ о народе Саха. Якутск: Бичик, 1994.
- Витухновская-Кауппала 2010 – *Витухновская-Кауппала М.* «Карелия для карел!»: гражданская война как катализатор национального самосознания // *Ab Imperio*. 2010. № 4.
- Владимиров 2004 – *Владимиров А.* Страна контрастов // *Итоги*. 2004. № 38 (422). 21 сент.
- Власова 2005 – *Власова И.В.* Этническая история и формирование населения Русского Севера // *Этнопанорама*. 2005. № 1–2.
- Водарский, Елисеева, Кабузан 2003 – *Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М.* Население Крыма в конце XVIII – конце XX века (численность, размещение, этнический состав). М., 2003.
- Волгин 2015 – *Волгин В.Л.* Республика Калмыкия // *Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах: Ежегодный доклад сети этнологического мониторинга – 2009* / Под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. Т. 2. М.: ИЭА РАН, 2015.
- Володин 1999 – *Володин А.В.* Региональный сепаратизм: проблемы теории и практики. М., 1999.
- Воробьёва 2011 – *Воробьёва Л.М.* История Латвии от Российской империи к СССР. М.: ФИВ, 2011.
- Воронцов и др. 2005 – *Воронцов В.С., Шабаев Ю.П., Шаров В.Д., Шилов Н.В.* Финно-угорские народы России: общее положение, проблемы и решения / Под общ. ред. В.А. Тишкова, Ю.П. Шабаева // *Исследования по прикладной и неотложной этнологии*. № 183. М.: ИЭА РАН, 2005.
- Восленский 1991 – *Восленский М.С.* Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия, 1991.
- Вяткина 2019 – *Вяткина Н.* Фарид Мухаметшин: «В Татарстане сформировалась модель полиэтнического, поликонфессионального общества» // *Наш дом – Татарстан*. 2019. № 3 (059). Июнь.
- Гаврюсов 2000 – *Гаврюсов Ю.В.* Проблемы становления конституционного права в Республике Коми. Сыктывкар, 2000.
- Гайдар 2006 – *Гайдар Е.Т.* Гибель империи: Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006.
- Галдия, Видра 2004 – *Галдия М., Видра Д.* Правовые аспекты межэтнических отношений в Российской Федерации // *Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации*. М.: Немецко-русский обмен, 2004.
- Галлямов 1998 – *Галлямов Р.Р.* Политические элиты российских республик: особенности трансформации в постсоветский период // *Полис*. 1998. № 2.
- Галухин 2013 – *Галухин А.В.* Бюджетная обеспеченность регионов СЗФО // *Вопросы территориального развития*. 2013. Вып. 8.

- Герасименко 2012 – *Герасименко О.* «Местных ставить нельзя – они договорятся и устроят республику» // Коммерсант ВЛАСТЬ. № 26 (980). 2012. 2 июля.
- Гладкий, Чистобаев 1998 – *Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И.* Основы региональной политики: Учеб. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1998.
- Глушченко 2010 – *Глушченко Е.А.* Россия в Средней Азии: Завоевания и преобразования. М.: Центрполиграф, 2010.
- Греф 2007 – *Греф М.* Анатомия расставания: Эстония и Россия. 1917–1991. Таллин: Арго, 2007.
- Григорьев 2009 – *Григорьев А.* Предложения съезду карелов // Карелия. 2009. 19 мая.
- Гришкина 2007 – *Гришкина М.В.* История Удмуртии: Учеб. для общеобразовательных учреждений. 7-й класс. Ижевск: Удмуртия, 2007.
- Грушкин 1997 – *Грушкин Д.В.* Право народов на самоопределение: история развития и воплощения идеи // Право народов на самоопределение: идея и воплощение / Сост. А.Г. Осипов М., 1997.
- Губогло, Червонная 1992 – *Губогло М.Н., Червонная С.М.* Крымско-татарское национальное движение: В 2 т. Т. 1: История. Проблемы. Перспективы. М.: ЦИМО, 1992.
- Губогло, Смирнова 2001 – *Губогло М.Н., Смирнова С.К.* Феномен Удмуртии: Парадоксы этнополитической трансформации на исходе XX века. М.: ЦИМО, 2001.
- Губогло, Старченко 2016 – *Губогло М.Н., Старченко Р.А.* Референдум 16 марта 2014 года в Крыму (опыт этносоциологического исследования). М.: ИЭА РАН, 2016.
- Гурова, Фадеев 2013 – *Гурова Т., Фадеев В.* Домой! // Эксперт. 2013. № 30–31 (861). 29 июля – 11 авг.
- Гусев 1996 – *Гусев К.В.* К истории карельского мятежа (По материалам комиссии по реабилитации при Президенте РФ) // Отечественная история. 1996. № 6.
- Гучинова 2013 – *Гучинова З.Б.* Элиста: национальные символы в пространстве города // Антропология города. Вып. 1: Культурные символы и образы в городском пространстве: Этничность и городская идентичность. Сыктывкар: Ин-т ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013.
- Даль 2003 – *Даль Й.* Гренландский вариант самоуправления // Участие коренных народов в политической жизни стран циркумполярного региона: российская реальность и зарубежный опыт: Сб. материалов Междунар. круглого стола «Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока и система парламентаризма в Российской Федерации: реальность и перспективы», 12–13 марта 2003 г. М.: АКМНСиДВ, IWGIA, 2003.

- Даудов 1984 – *Даудов А.Х.* Образование и развитие Горской АССР. 1920–1924 гг. Проблемы национально-государственного строительства: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984.
- Дворкин 2004 – *Дворкин Р.* О правах всерьез / Пер. с англ.; ред. Л.Б. Макеева. М.: РОССПЭН, 2004.
- Деготь 2002 – *Деготь Е.* Пространственные коды «русскости» в искусстве XIX века // Отечественные записки. 2002. № 6.
- Декларации 1994 – Декларации о государственном суверенитете Коми Советской Социалистической Республики // Штрихи этнополитического развития Республики Коми: Очерки. Документы. Материалы. Т. 1 / Сост. Ю.П. Шабаев. М.: ИЭА РАН, 1994. С. 126–127.
- Декларации 1996 – Декларации о государственном суверенитете Марийской Советской Социалистической Республики // Пробуждение финно-угорского Севера. Опыт Марий Эл. Т. 1: Национальные движения Марий Эл / Сост. С.М. Червонная. М.: ИЭА РАН, 1996. С. 45–48.
- Декларация 1996 – Декларация «О реализации суверенных прав финно-угорских народов России в условиях новой системы федеративного устройства» // Там же. С. 249–252.
- Декларация 1998 – Декларация о государственном суверенитете Татарской Советской Социалистической Республики // Суверенный Татарстан: Документы. Материалы. Хроника. Т. 1: Суверенизация и движение к национально-культурной автономии / Авт.-сост. Д.М. Исаков. М., 1998.
- Демешева 2015 – *Демешева Ю.В.* Конституционно-правовые механизмы решения этнолингвистического конфликта в Бельгии: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук, 2015.
- Деникин 2002 – *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. V: Вооруженные силы Юга России. Минск: Харвест, 2002.
- Дзуцев и др. 2016 – *Дзуцев Х.В., Атабиева З.А., Хубиев Б.Б. и др.* Современное состояние исследований по религиозному экстремизму, основные направления исследований в мировой науке: Социологический анализ. М.; Владикавказ, 2016.
- Дзуцев, Федосова 1995 – *Дзуцев Х.В., Федосова Е.В.* Современное терское казачество // Северная Осетия: Этнополитические процессы 1990–1994 гг.: Очерки. Документы. Хроника / Сост. и отв. ред. Л.К. Гостиева, А.Б. Дзадзиев. Т. 2. М.: ЦИМО, 1995.
- Дробижева 2016 – *Дробижева Л.М.* Гражданская идентичность в структуре идентичностей // Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества. М.: Ин-т социологии РАН, 2016.
- Дробижева и др. 1996 – *Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996.
- Дубровская 2001 – *Дубровская Е.Ю.* Карельское национальное движение и вопросы государственного самоопределения Карелии в 1919–

- 1920 гг. // Российская государственность: Уровни власти. Историческая динамика: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ижевск, 24–26 апреля 2001 г. Ижевск: Издат. дом «Удмуртский университет», 2001.
- Ерамаков, Троянская 2015 – *Ерамаков Е.А., Троянская М.А.* Зависимость региональных бюджетов от федеральных налогов // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 36. С. 26–35.
- Ершов 2006 – *Ершов Ю.Г.* Этнический фактор и проблемы российского федерализма // ПОЛИТЭКС. 2006. Т. 2. № 2. С. 182–188.
- Есипов 2006 – *Есипов П.* Двойные стандарты // Единый мир. 2006. Вып. 8 (20). Июль.
- Железнова 2004 – *Железнова М.* Москвичи по национальности // Русский News-week. 2004. № 16. 20–26 сент.
- Загребин 2006 – *Загребин А.Е.* Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII – первая половина XIX в.). Ижевск: Удмуртский язык, литературы и истории УрО РАН, 2006.
- Зайнутдинов 2012 – *Зайнутдинов А.Э.* Сибирское областничество: Историко-социологический анализ: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2012.
- Зайончковский 2000 – *Зайончковский А.М.* Первая мировая война. СПб.: Полигон, 2000.
- Зайцева 2003 – *Зайцева Ю.С.* Валовой региональный продукт: межрегиональные сравнения и динамика. М.: СОПС, 2003.
- Закон 1994 – Закон Республики Коми о статусе съезда коми народа // Штрихи этнополитического развития Республики Коми: Очерки. Документы. Материалы. Т. 1 / Сост. Ю.П. Шабаев. М.: ИЭА РАН, 1994. С. 128–129.
- Заявление 1996 – Заявление группы депутатов Республики Марий Эл (в связи с решениями Третьего съезда марийского народа) // Пробуждение финно-угорского Севера. Опыт Марий Эл. 1996.
- Заявление 1998 – Заявление подготовительного собрания многонационального движения за равноправие и единство народов Татарии «Согласие» // Суверенный Татарстан. 1998.
- Зеттерберг 2013 – *Зеттерберг С.* История Эстонской Республики. Таллин: КПД, 2013.
- Зинев 2006 – *Зинев С.Н.* Детерминанты конфликтогенности: личностный фактор // Конфликты и сотрудничество на Северном Кавказе: управление, экономика, общество: Сб. тез. и выступ. на Междунар. науч.-практ. конф. 29–30 сентября 2006 г. Ростов н/Д; Горячий ключ: СКАГС, 2006.
- Зиядуллаев, Рождественская, Ростанец 2012 – *Зиядуллаев Н.С., Рождественская И.А., Ростанец В.Г.* Международные экономические связи Москвы в посткризисный период: тенденции и проблемы // Российский внешнеэкономический вестник. 2012. № 4.

- Зубаревич 2009 – *Зубаревич Н.В.* Мифы и реалии пространственного неравенства // *Общественные науки и современность*. 2009. № 1. С. 38–53.
- Зубаревич 2019 – *Зубаревич Н.В.* Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // *Вопросы экономики*. 2019. № 1. С. 135–145.
- Зубов, Иноземцев 2013 – *Зубов В.М., Иноземцев В.Л.* Сибирский вызов. М.: Перо, 2013.
- Иванников 2006 – *Иванников И.А.* Национальный вопрос на Северном Кавказе в начале XXI века: проблемы оптимизации // *Конфликты и сотрудничество на Северном Кавказе: управление, экономика, общество*. 2006.
- Иванов 2008 – *Иванов В.В.* Партия Путина. История «Единой России». М.: ЗАО ОЛМА Медиа Групп, 2008.
- Иванов 2011 – *Иванов А.М.* Асимметрия как феномен федеративного устройства России // *Государство и право. Экономика*. 2011. № 5.
- Иванов 2019 – *Иванов В.А.* Особенности и направления развития села и экономики сельских территорий Северного региона // *Проблемы развития территорий*. Вып. 4 (102). 2019.
- Изард 1966 – *Изард У.* Методы регионального анализа: введение в науку о регионах / Пер. с англ. В.М. Гохмана, Ю.Г. Липеца, С.Н. Тагера. М.: Прогресс, 1966.
- Измайлов 2002 – *Измайлов И.Л.* Историческое прошлое как фактор национальной мобилизации // *Единство татарской нации: Материалы науч. конф. АН РТ «Цивилизационные, этнокультурные и политические аспекты единства татарской нации»* (Казань, 7–8 июня 2002 г.). Казань: ФЭН, 2002.
- Иммигранты 2009 – *Иммигранты в Москве* / Под ред. Ж.А. Зайончковской. М.: Три квадрата, 2009.
- Исаев 2016 – *Исаев А.Г.* Распределение финансовых ресурсов в бюджетной системе РФ и экономический рост российских регионов // *Пространственная экономика*. 2016. № 4. С. 61–74.
- Ислам 2011 – *Ислам на Северном Кавказе: история и современность* / Под ред. И. Текушева и К. Шевченко. Прага: Medium Orient, 2011.
- История Дагестана 2004 – *История Дагестана с древнейших времен до наших дней* / Ин-т истории, археологии и этнографии. Т. 1. М.: Наука, 2004. 627 с.
- История 2015 – *История Крыма*. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015.
- История 2005 – *История Латвии: XX век*. Рига: Jumava, 2005.
- История 1982 – *История национальной государственности в Татарии*. Казань: КГУ, 1982.
- История 2014 – *История Татарстана и татарского народа* / А.Г. Гаямов, А.Ш. Кабирова, А.А. Иванов, Р.Б. Гайнетдинов, И.Р. Миннуллин, Л.И. Алмазова. 1917–2013 гг.: Учеб. пособие. Казань: КФУ, 2014.

- История и культура 2007 – История и культура Мордовского края в XVII–XVIII веках: Учеб. для 7-го класса общеобразовательных учреждений / [Э.Д. Богатырев и др.]; Под ред. Н.М. Арсентьева. Саранск: Изд. центр Ист.-социол. ин-та МГУ им. Н.П. Огарева, 2007.
- История и культура 2008 – История и культура Мордовского края в XX веке: Учеб. для 9-го класса общеобразовательных учреждений / [Т.Д. Надькин, А.П. Солдаткин, Т.И. Щербакова]; Под ред. Н.М. Арсентьева. Саранск: Изд. центр Ист.-социол. ин-та МГУ им. Н.П. Огарева, 2008.
- Исхаков 1998 – *Исхаков Д.* Модель Татарстана: «за» и «против» // Суверенный Татарстан: Документы. Материалы. Хроника. Т. 1: Современный национализм. М., 1998.
- Кажаров 2001 – *Кажаров А.Г.* Кабарда и Балкария в процессе административно-территориального переустройства Северного Кавказа (1918 – первая половина 1920-х гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2001.
- Кажаров 2011 – *Кажаров А.Г.* Союз объединенных горцев и проблема автономии народов Северного Кавказа в 1917–1920 гг. // Изв. Самарс. науч. центра РАН. 2011. Т. 13. № 3.
- Кайминь 1961 – *Кайминь Я.* Латышские стрелки в борьбе за победу Октябрьской революции. Рига: Латышское гос. изд-во, 1961.
- Калуцков 2009 – *Калуцков В.Н.* Русский Север как культурно-географический регион // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика: Сб. науч. ст. (Материалы IV Поморских чтений по семиотике культуры, 7–11 июня 2008 г.). Архангельск: Поморский ун-т, 2009.
- Каманджаев 2016 – *Каманджаев Н.А.* Социально-экономическое развитие постсоветской Калмыкии в 1990-е годы // Молодой ученый. 2016. № 11.
- Кангаспуру 1997 – *Кангаспуру М.* Взлет и падение «красных финнов» // Север. 1997. № 11–12.
- Канев 2005 – *Канев Ю.В.* История Ненецкого края: Пособие по краеведению. Нарьян-Мар: Управление образования НАО, 2005.
- Карамзин 2003 – *Карамзин Н.М.* История государства Российского: В 12 т. Т. 7. М.: Мир книги, 2003.
- Карелы 1992 – Карелы. Финны: проблемы этнической истории: Сб. ст. и докл. М.: ИЭА РАН, 1992.
- Карпенко 2008 – *Карпенко А.М.* Региональная идентичность как категория политической практики: Дис. ... канд. полит. наук. М., 2008.
- Кауппала 2004 – *Кауппала П.* Социализм на европейском севере: сходство и различие со скандинавским путем развития Финляндии (на примере Карелии и Коми, 1921–1941 гг.) // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов: Мате-

- риалы III Междунар. ист. конгресса финно-угроведов. Йошкар-Ола: Правительство Республики Марий Эл, 2004.
- Кауппала 2006 – *Кауппала П.* Сравнительный анализ моделей национально-государственного строительства Коми и Карельской автономий в условиях НЭПа (в контексте опыта Великого Княжества Финляндского) // История и современное развитие Республики Коми в составе Российской Федерации: Материалы Респуб. науч. конф. Сыктывкар: Ин-т ЯЛИ, 2006.
- Кецбая 2003 – *Кецбая Г.Р.* Содержание принципа равноправия и самоопределения народов. Некоторые новые подходы к его реализации // Право: теория и практика. 2003. № 6.
- Кирчанов 2009 – *Кирчанов М.В.* Zemnieki, latvieši, pilsoni. Идентичность, национализм и модернизация в Латвии. Воронеж: Научная книга, 2009.
- Киселёва и др. 2015 – *Киселёва Н.В., Мальгин А.В., Петров В.П., Форманчук А.А.* Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения. Симферополь: Салта, 2015.
- Кисриев 2002 – *Кисриев Э.* Дагестан // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах: Ежегодный доклад сети этнологического мониторинга и предотвращения конфликтов / Под ред. В. Тишкова и Е. Филипповой. М., 2002.
- Кисриев 2005 – *Кисриев Э.Ф.* Природа устойчивости политического баланса в Дагестане // Многоэтничные сообщества в условиях трансформаций: опыт Дагестана: Материалы Междунар. науч. конф. Москва, 25–27 мая 2004 г. М.: ИЭА РАН, 2005.
- Китинг 2003 – *Китинг М.* Новый регионализм в Западной Европе // Логос. 2003. № 6 (40).
- Клементьев 2008 – *Клементьев Е.Н.* О праве и практике: языковой аспект в Республике Карелия // Идентичность и изменяющийся мир. V Всемирный конгресс финно-угорских народов. Ханты-Мансийск, 2008 г. Сыктывкар: Ин-т ЯЛИ, 2008.
- Клименюк, Пожилова 2016 – *Клименюк О.Н., Пожилова И.В.* Агропромышленный комплекс Северо-Запада России: тенденции, проблемы и перспективы развития // Economics Yestoday, Today and Tomorrow. 2016. Vol. 6. Is 11B.
- Клинге 2005 – *Клинге М.* Имперская Финляндия. СПб.: Коло, 2005.
- Ключевский 1937 – *Ключевский В.* Курс русской истории. Ч. II. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1937.
- Ковалёва 2012 – *Ковалёва С.В.* Карельский язык в системе образования Республики Карелия // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах: Ежегодный доклад сети этнологического мониторинга – 2011 / Под ред. В. Тишкова и В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2012.

- Когай 2018 – *Когай Е.А.* Потенциал модернизационных преобразований российского макрорегиона: на примере Центрального Черноземья // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 147–160.
- Конституция 1993 – Конституция Уральской республики. Принята на сессии Свердловского областного совета народных депутатов XXI созыва 27 октября 1993 года // Областная газета. 1993. 30 окт.
- Конституция 1994 – Конституция Республики Коми // Красное знамя. 1994. 10 марта.
- Конституция 1996 – Конституция (Основной закон) Республики Марий Эл // Пробуждение финно-угорского Севера: Опыт Марий Эл. 1996. С. 91–118.
- Конституция 2014 – Конституция Республики Коми. Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2014.
- Конституция 2016 – Конституция Российской Федерации (с гимном России). М.: Проспект, 2016.
- Конституция 2017 – Конституция Республики Татарстан. Казань: ООО «Новое знание», 2017.
- Коренное население 1990 – Коренное население. Глобальное стремление к справедливости: Доклад для независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. М., 1990.
- Коротаев 1998 – *Коротаев В.И.* Русский Север в конце XIX – первой трети XX века: Проблемы модернизации и социальной экологии. Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та, 1998.
- Коткин 2018 – *Коткин С.* Предотвращенный Армагеддон. Распад Советского Союза. 1970–2000. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
- Край 2018 – Край, в котором я живу: Программа учебного курса 1–4-х классов. 2-е изд., испр. и доп. / Автор-сост. Е.А. Поляков. Сыктывкар: КРИО, 2018.
- Кринко, Хлынина 2009 – *Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П.* История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009.
- Крысько 2004 – *Крысько В.Г.* Этническая психология. М.: Издат. центр «Академия», 2004.
- Кудрявцев 2000 – *Кудрявцев А.В.* «Ваххабизм»: проблемы религиозного экстремизма на Северном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 9.
- Кузиванова, Попов, Сметанин 1996 – *Кузиванова О.Ю., Попов А.А., Сметанин А.Ф.* В начале пути (Очерки истории становления и развития Коми автономии). Сыктывкар: Коми НЦ, 1996.
- Куликов 1997 – *Куликов К.И.* Дело «СОФИН». Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997.

- Кумыков и др. 2017 – *Кумыков А.М., Хубиев Б.Б., Атабаева З.А., Виндижева А.О.* Этносоциальные процессы и межконфессиональные отношения на Северном Кавказе // *Theories and Problems of Political Studies*. 2017. Vol. 6, Is. 6A.
- Кутыкова, Халлисте 2015 – *Кутыкова И.В., Халлисте О.В.* Историческая память современных школьников в России и Эстонии: социологический анализ // *Вестник СПбГУ*. Сер. 12. 2015. Вып. 3.
- Куцев 2016 – *Куцев Г.Ф.* Сибирь в социально-экономическом пространстве России: от стратегий освоения к стратегиям развития // *Rethinking Russia's Pivot to Asia: Context, Perceptions, and Prospects*. The 6th HK International Conference, October 28–29, 2016. Seoul: Hankuk Univ. of Foreign Studies, 2016.
- Кученкова 2015 – *Кученкова А.* Отношение россиян к присоединению Крыма к РФ // *Redefining Eurasian Territories: Governance, Perceptions, and Identities*. The 5th International Conference, October 30–31, 2015. Seoul: Hankuk Univ. of Foreign Studies, 2015.
- Ламажаа 2010 – *Ламажаа Ч.К.* Клановость в политике регионов России. Тувинские правители. СПб.: Алетей, 2010.
- Ланда, Яблоков 2014 – *Ланда Л.С., Яблоков И.А.* Транзит символов в конспирологическом дискурсе постсоветской России: миф о Хазарском каганате и межэтнические отношения на Северном Кавказе // *Символическая политика: Сб. науч. тр. РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. / Ред. кол.: О.Ю. Малинова и др. М., 2014. Вып. 2: Споры о прошлом как проектирование будущего. С. 277–287.*
- Ландабасо, Коновалов 2004а – *Ландабасо Ангуло А., Коновалов А.* Терроризм и этнополитические конфликты. Кн. 1: Из истории Басков. М.: ОГНИ, 2004.
- Ландабасо, Коновалов 2004б – *Ландабасо Ангуло А., Коновалов А.* Терроризм и этнополитические конфликты. Кн. 2: Терроризм сегодня. Т. 1, 2. М.: ОГНИ, 2004.
- Лапина, Чирикова 2002 – *Лапина Н., Чирикова А.* Региональная элита: тихая революция в российском масштабе // *Россия перед глобальными вызовами: панорама региональных стратегий*. Нижний Новгород; Цюрих: Центр изучения безопасности (ЕТН) и Центр стратегических и международных исследований (ИГЛУ), 2002.
- Лапшарова 2017 – *Лапшарова И.* Якуты // *Народы севера России: Справ. М.: Кнорус, 2017.*
- Ларюэль 2008 – *Ларюэль М.* Предисловие // *Русский национализм: Социальный и культурный контекст / Сост. М. Ларюэль. М.: Новое лит. обозрение, 2008.*
- Латышские стрелки 1962 – *Латышские стрелки в борьбе за советскую Латвию: Воспоминания и документы*. Рига: Изд-во Академии наук Латвийской ССР, 1962.

- Левкин, Чарыева 2013 – *Левкин А., Чарыева К.* Был такой город // Эксперт. 2013. № 20 (851). 20–26 мая.
- Леденёва, Костеева 2009 – *Леденёва В.Ю., Костеева М.А.* Кризис вносит коррективы: региональная политика на современном этапе // Ученые записки РАГС. Вып. 2 (X). М.: РАГС, 2009.
- Ленин 1986а – *Ленин В.И.* К вопросу о национальностях или об «автономизации» // Полн. собр. соч. Т. 45. М.: Политиздат, 1986.
- Ленин 1986б – *Ленин В.И.* О праве наций на самоопределение // Сочинения. 5-е изд. Т. 24. М., 1986. С. 113–150.
- Леонтьев 2001 – *Леонтьев Д.* Причины провозглашения Уральской республики. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2001.
- Лескинен 2010а – *Лескинен М.В.* Великороссы // Великорусы в российской научной публицистике (1840–1890) // Славяноведение. 2010. № 6.
- Лескинен 2010б – *Лескинен М.В.* Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М.: Индрик, 2010.
- Лессер 2010 – *Лессер Й.* Третий рейх. Символы злодейства: История нацизма в Германии, 1933–1945. М.: Центрполиграф, 2010.
- Макаров 2009 – *Макаров В.* «Бои за историю» в Латвии // Национальные истории на постсоветском пространстве-II // Под ред. Г.М. Бомсдорфа: Фонд Фридриха Наумана АИРХО-XXI, 2009.
- Малахов 2005 – *Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология. М.: КДУ, 2005.
- Малашенко 2009 – *Малашенко А.* Исламские тезисы. Российские мусульмане сегодня: между обособлением и конвергенцией // Независимая газета. 2009. 15 мая.
- Малашенко, Глушакова 2017 – *Малашенко М.В., Глушакова С.А.* Понятие «региональная идентичность» в зарубежном научном дискурсе // Гуманитарий юга России. 2017. Т. 23. № 1. С. 91–100.
- Малькова 2018 – *Малькова В.К.* Религиозный фактор в Москве как маркер культурного многообразия // Этническое и культурное многообразие России / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018.
- Мартин 2001 – *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011.
- Мартыанов 2010 – *Мартыанов В.С.* Инволюция элиты в обществе модерна // ПОЛИТЭКС. 2010. Т. 6. № 3.
- Мацаберидзе 2012 – *Мацаберидзе Д.* Роль Конфедерации горских народов Кавказа в конфликте вокруг Абхазии // Кавказ & глобализация. Т. 6. Вып. 2. Баку: СА&СС Press, 2012.
- Мацузато, Ибрагимов 2005 – *Мацузато К., Ибрагимов М.-Р.А.* «Исламская политика» в Дагестане на субрегиональном уровне: тарикатские братства, национальности, локализм и религиозная администрация //

- Многоэтничные сообщества в условиях трансформации: опыт Дагестана: Материалы Междунар. науч. конф. Москва, 25–27 мая 2004 г. / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: ИЭА РАН, 2005.
- Межевич 2006 – *Межевич Н.М.* Определение категории «регион» в современном научном дискурсе // Псковский регионологический журнал. 2006. № 2. С. 3–21.
- Межнациональные отношения 2002 – Межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2001 года): Научно-статистический бюллетень. Йошкар-Ола, 2002.
- Мельников 2019 – *Мельников А.* Бунт языческого Разина. Ренессанс коренных народов не сводится к пельменным фестивалям и конкурсам рыжеволосых // Независимая газета. 2019. 18 сент.
- Механик, Пономарёв 2010 – *Механик А., Пономарёв Н.* Чем опасны непродуманные объединения регионов // Эксперт, 8–14 июня. 2010. № 24 (1165).
- Миллер 1937, 1941 – *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1, 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937, 1941.
- Минаева, Панов 2017 – *Минаева Э.Ю., Панов П.Ю.* Этнические региональные автономии: вариативность соотношения этнических и политико-административных границ // Политическая наука. 2017. № 4. С. 178–205.
- Мирсияпов 2004 – *Мирсияпов И.И.* Национальная идеология и национальные взаимоотношения в Республике Татарстан. М.: Весь Мир, 2004.
- Морозов 1997 – *Морозов Н.А.* ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956. Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т, 1997.
- Морошкина 2013 – *Морошкина М.В.* Исследование различий в развитии российских регионов на основе анализа динамики и уровня валового регионального продукта // Труды Карельского научного центра. 2013. № 5.
- Мосеев 1991 – *Мосеев И.* Мы – за Поморскую республику // Волна. 1991. 3 янв.
- Мурашко 2003 – *Мурашко О.* Международный круглый стол «Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока и система парламентаризма в Российской Федерации: реальность и перспективы» // Участие коренных народов в политической жизни стран циркулярного региона: российская реальность и зарубежный опыт. 2003.
- Мусаев 2007 – *Мусаев В.И.* «Финнизаторы» и «обрусители»: Документы по истории борьбы за влияние в Карелии (конец XIX – XX в.) // Нестор. 2007. № 10.
- Нагапетова 2009 – *Нагапетова Р.Р.* Швейцарская система школьного образования и процессы языковой интеграции // Европейская интеграция и культурное многообразие. Ч. 2: Европейский образ жизни. М.: ИЭА РАН, 2009.

- Нам 2012 – *Нам И.В.* Новая национальность «сибиряк»: актуализация сибирской идентичности в ходе ВВП-2010 // ЭТНОпанорама. 2012. № 3–4.
- Напалков 2001 – *Напалков А.Д.* От Верховного Совета к Государственному Совету Республики Коми (Представительные органы власти республики во второй половине 80-х – 90-е годы). Сыктывкар: Ин-т ЯЛИ, 2001.
- Нарежный 2018 – *Нарежный А.М.* Н.М. Карамзин о польском вопросе // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2018. № 2.
- Народный конгресс 1989 – Народный конгресс: Сб. материалов конгресса Народного фронта 1–2 октября 1988 г. / Сост. О. Оттенсон. Таллин, 1989.
- Народы 1994 – Народы России: Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М.: Большая Российская энцикл., 1994.
- Народы 2017 – Народы Севера России: Справ. / Под ред. Ю.П. Шабаева, А.П. Садохина. М.: Кнорус, 2017.
- Нафигов 1964 – *Нафигов Р.И.* Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1964.
- Национальная политика 1998 – Национальная политика в императорской России. Поздние первобытные и предклассовые общества севера европейской России, Сибири и Русской Америки. М.: Старый сад, 1998.
- Национальное возрождение 1977 – Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков / Отв. ред. С.С. Бернштейн. М., 1977.
- Немировский, Григорьев, Пешков 1991 – *Немировский В.Г., Григорьев С.И., Пешков С.И.* Сибирь: на пути к сепаратизму? // Социологические исследования. 1991. № 2.
- Нижний Новгород 2017 – Нижний Новгород: Энцикл. М.: Репол-Классик, 2017.
- Никитинский 2016 – *Никитинский Л.* Крым, который не «наш» и не «ваш» // Новая газета. 2016. № 98 (2529). 5 сент.
- Никифоров 2015 – *Никифоров И.* Принцип «континуитета» как основа современной политики исторической памяти в Эстонии // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2015. № 1 (6).
- Нильсен 1996 – *Нильсен Й.* Новая земля – ничейная земля // Народы и культуры Баренцева региона. Тромсе: Ун-т Тромсе, 1996. С. 43–52.
- Новиков 2017 – *Новиков С.В.* О возможностях противодействия сибирскому сепаратизму и политическому экстремизму посредством образовательной и воспитательной деятельности // Омский научный вестник. 2017. Сер. «Общество. История. Современность». № 1.

- Ноженко 2007 – *Ноженко М.* Национальные государства в Европе. СПб.: Норма, 2007.
- Нунуев 2008 – *Нунуев С.-Х.* Чеченцы. М.: ГОЛОС-ПРЕСС, 2008.
- О межбюджетных отношениях 2016 – О межбюджетных отношениях в Российской Федерации, региональной бюджетной политике и местных бюджетах: Сб. материалов по итогам науч.-метод. семинара аналит. управления аппарата Совета Федерации 17 февраля 2016 г. М.: Федеральное собрание Российской Федерации, 2016.
- Областническая тенденция 2010 – Областническая тенденция в русской философской и общественной мысли: К 150-летию сибирского областничества / Отв. ред. А.В. Малинов. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. ун-та, 2010.
- Обращение 1994 – Обращение к Парламентам и Правительствам Российской Федерации и финно-угорских республик, входящих в его состав // Штрихи этнополитического развития Республики Коми: Очерки. Документы. Материалы. Т. 1 / Сост. Ю.П. Шабает. М.: ИЭА РАН, 1994. С. 258–260.
- Обращение 1995 – Обращение к народам Северного Кавказа – членам Конфедерации горских народов // Северная Осетия: Этнополитические процессы 1990–1994: Очерки. Документы. Хроника. Т. 2 / Сост. и отв. ред. Л.К. Гостиева, А.Б. Дзадзиев. М.: ИЭА РАН, 1995.
- Обухова, Маврина 2019 – *Обухова Е., Маврина Л.* Выживание, но не жизнь // Эксперт. 2019. № 29 (1128). 15–21 июля.
- Обухова, Скоробогатый 2018 – *Обухова Е., Скоробогатый П.* Выжженная земля // Эксперт. 2018. № 50 (1101). 10–16 дек.
- Освободительное движение 1981 – Освободительное движение народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. М., 1981.
- Осипов 2007 – *Осипов А.Ю.* Термин «племенные войны» в финской историографии // Политическая история и историография (от античности до современности): Сб. науч. ст. Вып. IV. Петрозаводск, 2007. С. 144–148.
- Осипов, Сапожников 2004 – *Осипов А., Сапожников Р.* Законодательство РФ, имеющее отношение к этничности. Концептуальные основы, содержание, проблемы реализации (справочный материал) // Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации. М.: Программа сотрудничества ЕС и России (Тасис), 2004.
- Павлова 2013 – *Павлова О.* Чеченский этнос сегодня: черты социально-психологического портрета. М.: Сам Полиграфист, 2013.
- Палоуш 2003 – *Палоуш М.* Международное право и история Чехословакии: образование, освобождение и окончательный распад // Центрально-европейский ежегодник: Сб. статей и документов / Сост. И. Киш. Вып. 1: Международные отношения и безопасность. М.: Логос, 2003.

- Палчаев 2016 – *Палчаев А.Н.* О факторах конфликтности и стабильности на Северном Кавказе // *Власть*. 2016. Т. 24. № 9. С. 199–203.
- Патканов 1924 – *Патканов С.К.* Проект составления племенной карты России // *Живая старина*. 1924. № 3.
- Патнэм 1996 – *Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996.
- Пахомов 2003 – *Пахомов В.Г.* Идеи федерализма в истории политико-правовой мысли России (конец XVIII – XX в.): Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.
- Первая Всеобщая перепись 1899 – Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Т. 1: Архангельская губерния. Тетрадь 2 / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: Изд. центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899.
- Перевалова 2017 – *Перевалова Е.В.* Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2017.
- Перепелкин, Шкаратан 1988 – *Перепелкин Л.С., Шкаратан О.И.* Экономический рост и национальное развитие // *Экономика и организация промышленного производства*. 1988. № 10.
- Петухов 2018 – *Петухов В.* К проблеме социального содержания местного самоуправления // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2018. № 6.
- Пилясов 2009 – *Пилясов А.Н.* И последние станут первыми. Северная периферия на пути к экономике знания. М., 2009.
- Плеханов 2018 – *Плеханов А.А.* Инструментализация истории в политике нацистроительства Украины в постсоветский период: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2018.
- Подарки 1996 – Подарки властителей узаконивать нельзя. Российский статус Севастополя исторически и юридически предопределен // *Независимая газета*. 1996. 18 дек.
- Подвинцев 2017 – *Подвинцев О.Б.* «Переселенческие территории» в составе «национальных окраин»: противоречия субрегиональной структуры российских республик // *Вестник Пермского ун-та. Серия «Политология»*. 2017. № 1.
- Подвинцев, Назукина 2016 – *Подвинцев О.В., Назукина М.В.* Макрорегиональная идентичность и этнические автономии в современной Сибири // *Rethinking Russia's Pivot to Asia: Context, Perceptions, and Prospects. The 6th HK International Conference, October 28–29, 2016. Seoul: Hankuk Univ. of Foreign Studies*, 2016.
- Покшишевский 1971 – *Покшишевский В.В.* География населения СССР: Экономико-географические очерки. М.: Просвещение, 1971.
- Полвинен 1997 – *Полвинен Т.* Держава и окраина. Н.И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии. 1898–1904 гг. СПб.: Европейский дом, 1997.

- Полунов 2014 – *Полунов А.Ю.* Власть, идеология и проблема исторического самосознания: русское население Крыма в 2005–2010 гг. // Русский сборник. Т. XVI. М., 2014.
- Полякова 2002 – *Полякова Т.* Адыгея // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах: Ежегодный доклад / Под ред. В. Тишкова и Е. Филипповой. М.: ИЭА РАН, 2002.
- Поляничкина 2007 – *Поляничкина Г.А.* Этнография: Учеб. пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2007.
- Право 1997 – Право народов на самоопределение: идеология и практика: Материалы к семинару. Москва, 22–23 марта 1997 г. М.: Звенья, 1997.
- Правовой статус 2011 – Правовой статус финно-угорских языков и этнокультурные потребности российской школы: Метод. материалы и рекомендации. М.: ИЭА РАН, 2011.
- Прибалтийский излом 2019 – Прибалтийский излом (1918–1919). Август Винниг у колыбели эстонской и латышской государственности / Фонд «Историческая память»; РАПИ; пер. с нем. Л.В. Ланника; предисл. и коммент. Л.В. Ланника, Н.Н. Кабанова, В.В. Симиндея. М.: Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2019.
- Программа 1996 – Программа общественного объединения «Марий Ушем» // Пробуждение финно-угорского Севера. Опыт Марий Эл. Т. 1: Национальные движения Марий Эл. М.: ЦИМО, 1996.
- Программа 1998 – Программа (Платформа) Всесоюзного Татарского общественного центра в поддержку перестройки // Суверенный Татарстан. 1998.
- Псянчин 2010 – *Псянчин А.В.* Комиссия по изучению племенного состава населения: от этнографического районирования к переписи населения. Уфа, 2010.
- Размолодин 2011 – *Размолодин М.Л.* О разности фундаментальных основ черносотенной и националистической доктрин в России начала XX века // Клио. 2011. № 2 (53).
- Райкер 2018 – *Райкер У.* Федерализм: теория, происхождение, предназначение // Неприкосновенный запас. 2018. № 2 (118).
- Растов, Щербинина 2010 – *Растов Ю.Е., Щербинина Д.И.* Сибирский сепаратизм: Социологическая экспертиза современных проявлений. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2010.
- Региональное развитие 2000 – Региональное развитие: опыт России и Европейского союза / Рук. авт. кол. и отв. ред. А.Г. Гранберг. М.: Экономика, 2000.
- Региональные аспекты 2018 – Региональные аспекты долгосрочной экономической политики: Научный доклад. М.: Издат. дом «Международные отношения», 2018.
- Регионы 1997 – Регионы России: Информ.-стат. сб.: В 2 т. М.: Госкомстат России, 1997.

- Ремизов 2014 – *Ремизов М.* Реставрация «русского» // Эксперт. 2014. № 48 (925). 24–30 нояб.
- Руденко 2011 – *Руденко Д.Ю.* Стратегия сокращения бедности в регионе. Тюмень: ОЛМАР-ПРЕСС, 2011.
- Резолюция 1994 – Резолюция съезда коми народа «О национальной политике в области языка и культуры» // Штрихи этнополитического развития Республики Коми: Очерки. Документы. Материалы. Т. 1 / Сост. Ю.П. Шабаев. М.: ИЭА РАН, 1994. С. 191–194.
- Решение 1994 – Решение об основных принципах создания конституционного механизма гарантий прав коми народа на национальное самоопределение в рамках будущего конституционного устройства Коми ССР // Там же. М.: ЦИМО, 1994.
- Ронан Ле Коадик 2008 – *Ронан Ле Коадик.* Мультикультурализм // Филиппова Елена: Французские тетради. Диалоги и переводы. М.: ИЭА РАН, 2008.
- Ростовцев, Сосницкий 2014 – *Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А.* Направления исследований исторической памяти в России // Вестн. Санкт-Петербургс. ун-та. 2014. Сер. 2 «История». Вып. 2.
- Савва 2006 – *Савва М.В.* Позитивные практики развития толерантности и профилактики конфликтов в социальных проектах некоммерческих организаций на Северном Кавказе // Конфликты и сотрудничество на Северном Кавказе: управление, экономика, общество. 2006. С. 270–273.
- Сагитова 2015 – *Сагитова Л.В.* О дискурсе «исламского терроризма» в Татарстане // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах: Ежегодный доклад сети этнологического мониторинга – 2014. М.: ИЭА РАН, 2015.
- Саидова 2010 – *Саидова А.С.* Этнический фактор в становлении и развитии российского федерализма: региональные особенности: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2010.
- Саушкин 1973 – *Саушкин Ю.Г.* Экономическая география: история, теория, методы, практика. М.: Мысль, 1973.
- Сверкунова 1996 – *Сверкунова Н.В.* Феномен сибиряка // Социологические исследования. 1996. № 8.
- Сверкунова 2002 – *Сверкунова Н.В.* Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. СПб.: НИИ Химии СПбГУ, 2002.
- Север 2007 – Север: проблемы периферийных территорий / Отв. ред. В.Н. Лаженцев. Сыктывкар: ИСЭПС, 2007.
- Северная Осетия 1995 – Северная Осетия: Этнополитические процессы 1990–1994: Очерки. Документы. Хроника. Т. 1 / Сост. и отв. ред. Л.К. Гостиева, А.Б. Дзадзиев. М.: ЦИМО ИЭА РАН, 1995.
- Сенюцкина 2015 – *Сенюцкина Т.А.* Воссоединение Крыма с Россией как этнополитический процесс // ПОЛИТЭКС. 2015. Т. 11. № 4.

- Серебренников 1917 – *Серебренников И.* Инородческий вопрос в Сибири. Иркутск: Автономная Сибирь, 1917.
- Сибирская ментальность 2007 – Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона: Сб. статей. СПб.: Астерион, 2007.
- Сидоренко 2009 – *Сидоренко А.В.* Этнический вызов российскому федерализму // ПОЛИТЭКС. 2009. Т. 5. № 1. С. 100–115.
- Силаев 2007 – *Силаев Н.* Капитализация суверенитета // Эксперт. 2007. № 15. 16–22 апр.
- Ситников, Романов, Одаев 2019 – *Ситников А.В., Романов М.В., Одаев Т.Х.* Религиозность в Чеченской Республике и ее влияние на социальные институты и институты власти // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 157–183.
- Скачков 2017 – *Скачков А.С.* Историческая память в политических процессах постсоветской Прибалтики // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 1.
- Скоробогатова 2008 – *Скоробогатова Е.А.* Искусство Русского Севера. М.: Белый город, 2008.
- Слэзкин 2008 – *Слэзкин Ю.* Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- Смидович 1930 – *Смидович П.* Советизация Севера // Советский Север. 1930. № 1.
- Смирнова 2002 – *Смирнова С.К.* Феномен Удмуртии: Этнополитическое развитие в контексте постсоветских трансформаций. М.; Ижевск, 2002.
- Соколов-Митрич 2007 – *Соколов-Митрич Д.* Легко ли быть русским в Адыгее. И адыгом – в России // Известия. 2007. 20 марта.
- Соколовский 2000 – *Соколовский С.* Корни и крона (мистика и метафизика конструирования статуса «коренных малочисленных народов») // Этнографическое обозрение. 2000. № 3.
- Соколовский 2004 – *Соколовский С.В.* Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М.: Привет, 2004.
- Соловьева 2016 – *Соловьева Т.В.* Идея Уральской республики в условиях революционных потрясений // Урал в революционных событиях. Екатеринбург, 2016.
- Сорокин 1992 – *Сорокин П.* Система социологии. Т. 3. Сыктывкар: СыктГУ, 1992.
- Социальное и национальное 1972 – Социальное и национальное: Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М.: Наука, 1972.
- Сперанская 1961 – *Сперанская Л.В.* Принцип самоопределения в международном праве. М., 1961.

- Сталин 1947а – *Сталин И.В.* Организация Российской Федеративной Республики // Соч. Т. 5. М.: Государств. изд-во полит. лит-ры, 1947.
- Сталин 1947б – *Сталин И.В.* XII съезд РКП(б). Заключительное слово по докладу о национальных моментах в партийном и государственном строительстве // Там же.
- Сталин 1947в – *Сталин И.В.* Об очередных задачах коммунизма в Грузии и Закавказье: Доклад общему собранию тифлисской организации коммунистической партии Грузии 6 июля 1921 г. // Там же.
- Старченко 2015 – *Старченко Р.А.* Языковая жизнь и этнополитические ориентации крымчан (2013–2014 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2015.
- Статус 1996 – Статус съезда финно-угорских народов Российской Федерации // Пробуждение финно-угорского Севера: Опыт Марий Эл. Т. 1: Национальные движения Марий Эл / Сост. С.М. Червонная. М.: ИЭА РАН, 1996. С. 247–248.
- Степанов 2014 – *Степанов В.В.* Кем себя считают россияне: региональный аспект // Вестник Российской нации. Спецвып. 2008–2014 / Избр. публ. 2014.
- Степанов 2015 – *Степанов А.* Кто и как уничтожил Шамиля Басаева // Известия. 2015. 24 июня.
- Струмилин 1957 – *Струмилин С.Г.* Планирование в СССР. М.: Госполитиздат, 1957.
- Субъект 1998 – Субъект Российской Федерации: правовое положение и полномочия. М., 1998.
- Суни 2011 – *Суни Р.Г.* Империя как таковая. Имперская Россия, «национальная» идентичность и теории империи // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / Под ред. Р.Г. Суни, Т. Мартина. М.: РОССПЭН, 2011.
- Сурво, Сурво 2009 – *Сурво В., Сурво А.* «Центры» и «периферии» финн(лянд)-ского семиозиса // Геокультурное пространство Европейского Севера: Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 4. Архангельск: Поморский ун-т, 2009.
- Сушко 2014 – *Сушко А.В.* Процессы суверенизации народов Сибири в годы гражданской войны. 2-е изд., испр. и доп. Омск: ЛЕНЛАНД, 2014.
- Сушко 2018 – *Сушко А.В.* Исторические идеи и политические практики сибирского сепаратизма // Вестник Томск. гос. ун-та. 2018. № 426.
- Съезды 2007 – Съезды АФУН РФ: документы и материалы / Сост.: В.К. Абрамов, А.К. Конюхов, В.П. Марков. Саранск: Изд-во Мордовск. ун-та, 2007.
- Титов 2011 – *Титов К.* К истории «Слова нации» // Вопросы национализма. 2011. № 6.

- Тихомирова 2010 – *Тихомирова Л.А.* Роль договоров в разграничении предметов ведения и полномочий Российской Федерации и ее субъектов // Вестник экономики, права и социологии. 2010. № 3.
- Тишков 1993 – *Тишков В.А.* Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтнических государствах. М.: Наука, 1993.
- Тишков 2001 – *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте: Этнография чеченской войны. М.: Наука, 2001.
- Тишков 2002 – *Тишков В.* Казанские страсти. «Великий, единый, неделимый татарский народ» как новая историческая общность // Независимая газета. 2002. 4 окт.
- Тишков, Шабаев 2013 – *Тишков В.А., Шабаев Ю.П.* Этнополитология: политические функции этничности: Учеб. 2-е изд., исправл. и доп. М.: Изд-во МГУ, 2013.
- Тишков, Шабаев 2018 – *Тишков В.А., Шабаев Ю.П.* Этнополитология: политические функции этничности: Учеб. 3-е изд., перераб. и доп. 2018.
- Тишков, Шабаев 2019 – *Тишков В.А., Шабаев Ю.П.* Этнополитология. 2019.
- Токарев 2015 – *Токарев А.А.* Электоральная история постсоветского Крыма: от УССР до России // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 5 (44).
- Трейвиш 2008 – *Трейвиш А.И.* Регионализация и централизм в России // Региональные исследования. 2008. № 5 (20).
- Туаева 2006 – *Туаева Б.В.* Общественно-культурные организации в системе межэтнического взаимодействия на Северном Кавказе // Конфликты и сотрудничество на Северном Кавказе: управление, экономика, общество. 2006.
- Тымовский, Кеневич, Хольцер 2004 – *Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е.* История Польши. М.: Весь Мир, 2004.
- Уляшев 2005 – *Уляшев О.И.* Орѣм вужъясысь кыѣн кыввор // Войвыв кодзув. 2005. № 4.
- Ульянов 1996 – *Ульянов Н.И.* Происхождение украинского сепаратизма. М.: Индрик, 1996.
- Ульянов 2019 – *Ульянов Н.* Все хуже и хуже // Эксперт. 2019. № 6 (1106). 4–10 февр.
- Урбан 2012 – *Урбан К.* 131 день Уральской республики // Коммерсантъ Власть. 2012. 2 июля.
- Устав 1998 – Устав об управлении самоедами, обитающими в Мезенском уезде Архангельской губернии // Национальная политика императорской России. 1998.
- Утенков 2011 – *Утенков Г.* Федерализм: политические идеологии и политические практики // Власть. 2011. № 1.
- Уткин 1989 – *Уткин А.И.* Дипломатия Вудро Вильсона. М.: Междунар. отношения, 1989.

- Ушкалов, Малаха 1999 – *Ушкалов И.Г., Малаха И.А.* Территориальные общности населения севера (зарубежный опыт и некоторые выводы в контексте решения российских проблем) // Человек на севере: условия и качество жизни: Материалы науч.-аналит. конф. (Сыктывкар, 27–28 октября 1998 г.). Сыктывкар: КЕПС при Главе Республики Коми, 1999.
- Фадеев 2016 – *Фадеев П.В.* Этнорегиональные аспекты представлений о социальной справедливости // Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества. М.: Ин-т социологии РАН, 2016.
- Фарушкин 2008 – *Фарушкин М.Х.* Этничность и федерализм: возможность сочетания или тотальная несовместимость // ПОЛИТЭКС. 2008. Т. 4. № 2. С. 6–26.
- Фахрутдинов 1998 – *Фахрутдинов Р.Р.* Татарский либерализм в конце XIX – начале XX века (очерки политической истории). Казань: Магариф, 1998.
- Федеральный бюджет 1999 – *Федеральный бюджет и регионы: Опыт анализа финансовых потоков.* 2-е изд. М.: МАКС Пресс, 1999.
- Фёдоров 1999 – *Фёдоров А.В.* Правовой статус Крыма. Правовой статус Севастополя. М.: Изд-во МГУ, 1999.
- Фёдоров 2007 – *Фёдоров П.* Европа: разноликая общность // Апология. 2007. № 10.
- Фёдоров 2009 – *Фёдоров П.В.* Северный вектор в российской политике. Центр и Кольское Заполярье в XVI–XX вв. Мурманск: Мурманский пед. ун-т, 2009.
- Филатов 2002 – *Филатов С.Б.* Архангельский край – хранитель духовных традиций Новгородской республики // Гуманитарные исследования и гуманитарное образование на Европейском Севере. 2002.
- Филипшов 2003 – *Филипшов В.Р.* Критика этнического федерализма. М.: Центр цивилизационных и региональных исследований, 2003.
- Филиппова 2010 – *Филиппова Е.* Территории идентичности в современной Франции. М.: ИЭА РАН, 2010.
- Финляндия 2015 – *Финляндия* // Уральская языковая семья: народы, регионы и страны: Этнополит. справ. 2-е изд., исправл. и доп., ил. / Под ред. Ю.П. Шабаева, А.П. Садохина, В.Э. Шарапова. М.; Берлин: DirektMEDIA, 2015.
- Финно-угорские и самодийские народы 2006 – *Финно-угорские и самодийские народы России.* Сыктывкар: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми, 2006.
- Франчук 2007 – *Франчук Я.А.* Конституция (Устав) субъекта Российской Федерации как источник конституционного права. М.: Юрист, 2007.
- Францев 1902 – *Францев В.А.* Очерки по истории чешского возрождения. Варшава, 1902.

- Хабермас 2002 – *Хабермас Ю.* Европейское национальное государство: его достижения и пределы: О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // *Нации и национализм.* М.: Праксис, 2002.
- Хайду 1985 – *Хайду П.* Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985.
- Хакимов 1993 – *Хакимов Р.С.* Сумерки империи: К вопросу о нации и государстве. Казань: Татар. кн. изд-во, 1993.
- Хакимов 2013 – *Хакимов Р.С.* Нулевая точка исторического времени // *Золотоордынское обозрение.* 2013. № 2.
- Хальбвакс 2007 – *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / Пер. с фр. С.Н. Зенкина. М.: Новое изд-во, 2007.
- Хасанов 1977 – *Хасанов Х.Х.* Формирование татарской буржуазной нации. Казань: Татарс. кн. изд-во, 1977.
- Хлынина 2003 – *Хлынина Т.П.* Современная историография о причинах административно-территориальных преобразований на Северном Кавказе в 1920–1930-е годы // *Известия высших учебных заведений Северо-Кавказского региона. Общественные науки.* 2003. № 4.
- Хлынина, Кринко, Урушадзе 2012 – *Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т.* Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2012.
- Ходыкин 2019 – *Ходыкин М.* Несостоятельный муниципалитет // *Эксперт.* 2019. № 13 (1113). 25–31 марта. С. 61.
- Хорошавин 2005 – *Хорошавин С.* Не останется ли Карелия без карелов? // *Карелы: модели языковой мобилизации: Сб. материалов и документов.* Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2005. С. 227–229.
- Цветков 2012 – *Цветков О.М.* Республика Адыгея // *Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах: Ежегодный доклад сети этнологического мониторинга – 2011.* 2012.
- Ципко 2010 – *Ципко А.* Русский демарш. «Кодекс москвича» и скинхеды – звенья одной цепи // *Аргументы и факты.* 2010. № 28.
- Цуциев 2006 – *Цуциев А.* Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М.: Европа, 2006.
- Цыпанов 2005 – *Цыпанов Е.А.* Лексическое обновление в коми, удмуртском и марийском языках: общее и особенное // *История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: Материалы III Всерос. конф. финно-угроведов (Сыктывкар, 1–4 июля 2004 г.).* Сыктывкар, 2005.
- Чабиева 2011 – *Чабиева Т.* Религиозная ситуация в современной Ингушетии // *Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах: Ежегодный доклад сети этнологического мониторинга – 2010.* 2011.
- Чеботарёва 2003 – *Чеботарёва В.Г.* Наркомнац РСФСР: Свет и тени национальной политики 1917–1924 гг. М.: Обществ. акад. наук рос. немцев, 2003.

- Чеботарёва 2008 – *Чеботарёва В.Г.* Сталин и партийно-советские национальные кадры // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 3–25.
- Черемисские войны 2015 – Черемисские войны // Уральская языковая семья: народы, регионы и страны: Этнополит. справ. / Под ред. Ю.П. Шабаева, А.П. Садохина, В.Э. Шарапова. М.; Берлин, 2015.
- Чеснов 1995–1996 – *Чеснов Я.В.* Чеченская цивилизация // Антропология и археология Евразии (на англ. яз.). Зима 1995–1996. Т. 34. № 3.
- Чеснов 1996 – *Чеснов Я.В.* Этнокультурный потенциал чеченской нации // Северный Кавказ: этнополитические и этнокультурные процессы в XX в. М., 1996.
- Чеснов 1999 – *Чеснов Я.В.* Быть чеченцем: личность и этническая идентификация народа // Чечня и Россия: общества и государства. М.: Полиформ-Табури, 1999.
- Чешко 2000 – *Чешко С.В.* Распад Советского Союза: этнополитический анализ. 2-е изд. М.: ИЭА РАН, 2000.
- Чичканов, Раевский, Ярлыкапов 2012 – *Чичканов В., Раевский С., Ярлыкапов А.* Особенности развития хозяйства региона // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2012. № 3 (412).
- Чубукова 2015 – *Чубукова Д.Г.* Референдум в Крыму 16 марта 2014 года. Реакция крымско-татарского населения // Антропология города глазами молодых исследователей: По материалам конфер. молодых ученых. Москва, 22–24 декабря 2014 г. / Отв. ред. Н.И. Халдеева, Е.Б. Баринаова. М.: ИЭА РАН, 2015. С. 40–48.
- Шабаев 1998 – *Шабаев Ю.П.* Этнокультурное и этнополитическое развитие народов коми в XX веке. М.: ЦИМО, 1998.
- Шабаев 2003 – *Шабаев Ю.П.* Кому нужны поморы? // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2003. № 51.
- Шабаев 2005 – *Шабаев Ю.П.* Рабочий форум финно-угров // Там же. 2005. № 64. Ноябрь–декабрь.
- Шабаев 2006 – *Шабаев Ю.* Архангелогородский регионализм // Там же. 2006. № 65. Январь–февраль.
- Шабаев 2008 – *Шабаев Ю.П.* Этнополитология в России: наука без периферии // Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990–2007). М.: РОССПЭН, 2008.
- Шабаев 2010 – *Шабаев Ю.П.* Этнополитология как социальный заказ // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах: Ежегодный доклад сети этнологического мониторинга – 2009. М.: ИЭА РАН, 2010.
- Шабаев 2012 – *Шабаев Ю.* Республика Коми // Там же. Ежегодный доклад сети этнологического мониторинга – 2011. М.: ИЭА РАН, 2012.
- Шабаев 2015 – *Шабаев Ю.* Ханты-Мансийский автономный округ // Уральская языковая семья: народы, регионы и страны: Этнополит.

- справ. 2-е изд., исправл. и доп., ил. М.; Берлин: Direct-MEDIA, 2015.
- Шабаев 2010 – *Шабаев Ю.П.* «Русский Север» в этнокультурном и этнодемографическом измерении // Изв. Коми научного центра. 2010. № 3.
- Шабаев 2018 – *Шабаев Ю.П.* Оптимизм властей и социально-культурные реалии // Межэтнические отношения и религиозная ситуация в регионах центра, северо-запада, Сибири и Дальнего Востока: Экспертный доклад за первое полугодие 2018 года / Под общ. ред. акад. В.А. Тишкова. М.; Омск: Распределенный научный центр, 2018. С. 38–47.
- Шабаев и др. 2018 – *Шабаев Ю.П., Воронцов В.С., Орлова О.В., Мартыненко А.В., Миронова Н.П.* Языковая политика и языковые ориентации населения в национальных республиках: конфликт интересов между группами или несовершенство культурных практик (на примере регионов с финно-угорским населением) // Вопросы филологии. 2018. № 1.
- Шабаев, Дронова, Шарапов 2010 – *Шабаев Ю.П., Дронова Т.И., Шаранов В.Э.* Коми-ижемцы, поморы и усть-цилемы: модели культурных трансформаций // Этнографическое обозрение. 2010. № 5.
- Шабаев, Жеребцов 2015 – *Шабаев Ю., Жеребцов И.* Биармия // Уральская языковая семья: народы, регионы и страны: Этнополит. справ. 2-е изд., испр. и доп., ил. М.; Берлин: DirectMEDIA, 2015. С. 68–72.
- Шабаев, Жеребцов 2018 – *Шабаев Ю.П., Жеребцов И.Л.* Символический и культурный ландшафт европейского севера России: конструирование, деконструкция и реконструкция культурных образов и идентичностей // Эволюция культурной среды в субарктической зоне Европейского Севера и Западной Сибири: культурные традиции, система жизнеобеспечения, социальные связи (Тр. Ин-та языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 76). Сыктывкар: Ин-т ЯЛИ, 2018. С. 6–69.
- Шабаев, Жеребцов, Журавлёв 2012 – *Шабаев Ю.П., Жеребцов И.Л., Журавлёв П.С.* «Русский Север»: культурные границы и культурные смыслы // Мир России. 2012. № 4. С. 134–153.
- Шабаев, Завьялова 2006 – *Шабаев Ю.П., Завьялова Л.В.* Общественное восприятие регионального парламента // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. № 2. С. 14–26.
- Шабаев, Истомин 2017 – *Шабаев Ю.П., Истомин К.В.* Территориальность, этничность, административные и культурные границы: коми-ижемцы (изъевтас) и коми-пермяки как «другие» коми // Этнографическое обозрение. 2017. № 4 С. 99–114.
- Шабаев, Напалков 2007 – *Шабаев Ю.П., Напалков А.Д.* Эволюция высшего представительного органа власти в Республике Коми. 1920 – начало XXI в. // Отечественная история. 2007. № 5.

- Шабаев, Подоплёкин 2017 – *Шабаев Ю.П., Подоплёкин А.О.* Европейский Север России: этнополитика и кризис местных сообществ // ПОЛИТЭКС. 2017. Т. 13. № 1.
- Шабаев, Садохин 2014 – *Шабаев Ю.П., Садохин А.П.* Региональный национализм: экспертный анализ идеологии этнических движений финно-угорских народов России. М.: Директ-Медиа, 2014.
- Шабаев, Чарина 2010 – *Шабаев Ю.П., Чарина А.М.* Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ). СПб.: СПбГУСЭ, 2010.
- Шаров 1997 – *Шаров В.* Страсти вокруг выборов президента республики // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 1997. № 1. (№ 12) Март.
- Шлее 2004 – *Шлее Г.* Управление конфликтами: теория и практика. М.: Программа сотрудничества ЕС и России (ТАСИС), 2004. 200 с.
- Шнирельман 2003 – *Шнирельман В.А.* Этногенез и идентичность: националистические мифологии современной России // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. С. 3–14.
- Щербакова 2006 – *Щербакова Ю.А.* Чехи и словаки: вместе и врозь (опыт новой государственности): Аналит. обзор. М.: ИНИОН, 2006.
- Энгельгардт 1897 – *Энгельгардт А.П.* Русский Север: Путевые записки. СПб.: Изд-во А.С. Суворина, 1897.
- Эстония 2008 – Эстония: Энцикл. справ. / Под ред. Харно Ласмяэ. Таллин: Изд-во Эстонской энцикл., 2008.
- Эстония 2015 – Эстония // Уральская языковая семья: народы, регионы и страны. 2015.
- Этнический национализм 2001 – Этнический национализм и государственное строительство / Отв. ред. Ю.Г. Александров. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2001.
- Этническая политика 2013 – Этническая политика в странах Балтии / Отв. ред. В.В. Полещук, В.В. Степанов. М.: Наука, 2013.
- Этнические элиты 2017 – Этнические элиты в национальной политике России / Отв. ред. В.В. Трепавлов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.
- Этнокультурное содержание 2017 – Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе: Экспертный доклад / Ред.: В.А. Тишков, В.С. Воронцов, В.В. Степанов. М.; Оренбург; Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2017.
- Этнополитические процессы 2015 – Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения / Н.В. Киселёва, А.В. Мальгин, В.П. Петров, А.А. Форманчук. Симферополь: Салта, 2015.

- Этьен 2011 – *Этьен Ф.* «Места памяти» по-немецки // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М., 2011.
- Югославия 2011 – Югославия в XX веке: Очерки политической истории / Отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Индрик, 2011.
- Юртикова 2018 – *Юртикова Н.В.* Применение социальных индикаторов для оценки бедности в современной России // Уровень жизни населения регионов России. 2018. № 2 (208). С. 95–98
- Юссила 2009 – *Юссила О.* Великое княжество Финляндское, 1809–1917 / Пер. с финск. под ред. А.Ю. Румянцева. Хельсинки: Ruslandia Books O, 2009.
- Юсупов 2010 – *Юсупов М.* Этническая и гражданская идентичность в Чеченской Республике // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах: Ежегодный доклад сети этнологического мониторинга – 2009. М.: ИЭА РАН, 2010.
- Юсупов 2015 – *Юсупов М.М.* Чеченская республика // Там же: Ежегодный доклад сети этнологического мониторинга – 2014. М.: ИЭА РАН, 2015.
- Ярлыкапов 2015 – *Ярлыкапов А.А.* Исламская мозаика на Северном Кавказе: вызовы для государственно-конфессиональных отношений // Там же.
- Appadurai 1991 – *Appadurai A.* Global Ethnoscapes: Notes and Queries for a Transnational Anthropology // R.G. Fox (ed.). Recapturing Anthropology: Working in the Present. Santa Fe, N. Mex: School of American Research Press, 1991. P. 191–210.
- Aran 1953 – *Aran R.* Problems of European Integration. Lyods Bank Review, April, 1953.
- Baker, Jones 1998 – *Baker C., Jones S.P.* Language Marketig // Baker C., Jones S.P. Encyclopedia of Bilingual and Bilingual Education. Clevedon, Avon, UK: Multilingual Matters, 1998.
- Balassa 1961 – *Balassa B.* The theory of Economic Integration. L.: Homewood, Ill.: R.D. Irwin, 1961.
- Bērziņš 1995 – *Bērziņš V.* Latviešu strēlnieki – drāma un traģēdija, Rīga: Latvijas vestures instituta apgads, 1995.
- Börzel, Risse 2016 – *Börzel T.A., Risse T.* The Oxford Handbook of Comparative Regionalism. Oxford: Oxford Univ. Press, 2016.
- Brettell, Hollifiel 2000 – *Brettell C.B., Hollifiel J.F.* (Eds.) Migration Theory: Talking across discipline. N.Y. and L.: Routledge, 2000.
- Burleigh, Wippermann 1991 – *Burleigh M., Wippermann W.* The Racial state. Germany, 1933–1945. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991.
- Buzan, Ole 2003 – *Buzan B., Ole W.* Regions and Powers: The Structure of International Security. Copenhagen, 2003.
- Capello, Nijkamp 2009 – *Capello R., Nijkamp P.* Handbook of Regional Growth and Development Theories. Northampton, MA: Edward Elgar, 2009.

- Connor 1994 – *Connor W.* Ethnonationalism: The Quest for Understanding. Princeton: Princeton Univ. Press, 1994.
- Conversi 2004 – *Conversi D.* (Ed.) Ethnonationalism in the Contemporary World. L.: Routledge, 2004.
- Coulmas 1991 – *Coulmas F.* (Ed.). A Language Policy for the European Community: Protects and Quandaries. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 1991.
- Duina, Miani 2015 – *Duina F., Miani C.* Fitting in the Baltics: national identity, minorities and compliance with EU accession requirements in Lithuania and Latvia // Comparative European Politics. 2015. Vol. 13. № 5. P. 535–552.
- Farrell, Hettne, Langenhov 2005 – *Farrell M., Hettne B., Langenhov L.* (Eds.). Global Politics of Regionalism: Theory and Practice. L.: Pluto Press, 2005.
- Fawcett, Hurrell 1995 – *Fawcett L., Hurrell A.* (Eds.). Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order. Oxford: Oxford Univ. Press, 1995.
- Fawcett 1996 – *Fawcett L.* Regionalism in Historical Perspective // Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order / Ed. by Louise L'Estrange Fawcett, Hurrell Fawcett, Andrew Hurrell. Oxford: Oxford Univ. Press, 1996.
- Friedman 1966 – *Friedman J.* Regional Policy. Case of Venesuela. Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1966.
- Gallagher 2003 – *Gallagher T.* The Balkans After Cold War: From Tyranny to Tragedy. L.; N.Y.: Routlrdge, 2003.
- Giuliano 2011 – *Giuliano E.* Constructing Grievance. Ethnic Nationalism in Russian's Republics. Cornell Univ. Press, 2011.
- Guchinova 2012 – *Guchinova E.-B.* From the USSR to the Orient: national and ethnic symbols in the city of Elista // Soviet and post-soviet identities / Ed. by M. Bassin and C. Kelly. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012. P. 171–190.
- Granatstein 1999 – *Granatstein J.L.* Who Killed Canadian History? Toronto, 1999 (см. также критический памфлет: *MacMillan M.* The Uses and Abuses of History. Toronto: Viking Canada, 2008).
- Harbul'ová 2010 – *Harbul'ová L.* Sibirsky autonomizmus. Zdroje, prejavy, reflexie (1917–1939). Praha: Národní knihovna ČR – Slovanska knihovna, 2010.
- Herbert 1965 – *Herbert A.* Grant Watson. The Latvian Republic: The Struggle for Freedom. N.Y.: Hillary House, 1965.
- Hettne 1994 – *Hettne B.* Regionalism between Politics and Economics // New directions in development economics: growth, environmental concerns and government in the 1990s. L.: Routledge, 1994.
- Hettne, Inotai 1994 – *Hettne B., Inotai A.* The new regionalism: implications for global development and international security. Helsinki: The United Nations Univ., 1994.

- Immonen 1987 – *Immonen K.* Ryssästä saa puhua. Neuvostoliitto suomalaisessa julkisuudessa ja kirjat julkisuuden muotona 1918–1939. Helsinki, 1987.
- Jeffery 1997 – *Jeffery Ch.* (Ed.) The Regional Dimension of the European Union. Towards a Third Level in Europe? L.: Frank Cass, 1997.
- Keating 1998 – *Keating M.* The New Regionalism in Western Europe: Territorial Restructuring and Political Change. Northampton: Edward Elgar Publishing, 1998.
- King 1982 – *King P.* Federalism and Federation. L.: Croom Helm Ltd., 1982.
- Kovács 1982 – *Kovács I.P.* Good Governance and Decentralization. Pécs: Univ. of Pécs, 2015.
- Kymlicka 1995 – *Kymlicka W.* Multicultural Citizenship. A liberal theory of minority rights. Oxford, 1995.
- Latvijas Brīvības 1999 – “Latvijas Brīvības Cīņas 1918–1920”, Enciklopēdija. Rīga: A/S “Preses Nams”, 1999. A/S “Preses Nams”.
- Leerssen, Beller 2007 – *Leerssen J., Beller M.* Imagology: the Cultural Construction and Literary Representation of National Characters. A Critical Survey. Amsterdam: Rodopi, 2007.
- Leerssen, Hoenselaars 2009 – *Leerssen J., Hoenselaars T.* The Rhetoric of National Character: Introduction // European Journal of English Studies. 2009. № 3. P. 251–255.
- Lijphart 1977 – *Lijphart A.* Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration. New Haven CT: Yale Univ. Press, 1977.
- Marion 1997 – Marion, Iris Deferring Group Representation // Ethnicity and Group Rights / Ed. by I. Shapiro & W. Kymlicka. L.; N. Y.: New York Univ. Press, 1997.
- Merriam 2001 – *Merriam Jr.* History of the Theory of Sovereignty since Rousseau. Kitchener: Batoche Books, 2001.
- Moseley 2010 – *Moseley C.* (Ed.). Atlas of the World's Languages in Danger. P.: UNESCO, 2010.
- Nanovszky 2004 – *Nanovszky G.* (Ed.). The Finno-Ugric World. Budapest: Teleki László Foundation, 2004.
- Peoples 2015 – Peoples. Identities and Regions. Spain, Russia and the Challenges of the Multi-Ethnic State / Ed. by M. Martynova, D. Peterson, R. Ignatiev & N. Madariaga. Moscow: IEA RAS, 2015.
- Plakans 1997 – *Plakans A.* Rusifikācijas politika: Latvieši. 19.gadsimta 90. gadi // Latvijas Vestures Instituta Zurnals. 1997. No 1.
- Plakans 2011 – *Plakans A.F.* Concise History of the Baltic States. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011.
- Plensners 1928 – *Plensners A.* Latvijas atbrīvošanās. Rīga: A. Gulbis, 1928.
- Ramet 2006 – *Ramet S.* Thinking about Yugoslavia: Scholarly Debates About the Yugoslav Breakup and the Wars in Bosnia and Kosovo. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006.

- Rodkiewicz 1998 – *Rodkiewicz W.* Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire (1863–1905). Lublin: Scientific Society of Lublin, 1998.
- Rokkan 1987 – *Rokkan S.* The center-periphery polarity // Center periphery structure in Europe: an ISSC workbook in comparative analyses. Frankfurt a.M.; N. Y.: Campus verl., 1987.
- Rokkan and others 1987 – *Rokkan S., Urwin D., Aarebrot F.N., Malaba P., and Sande T.* Centre-Periphery Structures in Europe in Europe: an ISSC Workbook in Comparative Analysis. Frankfurt a.M.: Campus, 1987.
- Shapovalova, Burlyk 2016 – *Shapovalova N., Burlyk O.* The situation of national minorities in Crimea following its annexation by Russia. Brussels: European Parliament, 2016.
- Shils 1957 – *Shils E.* Center and Periphery: Essays in Macrosociology. Chicago: Chicago Univ. Press, 1957.
- Sollors 1996 – *Sollors W.* (Ed.) Theories of Ethnicity. A Classical Reader. N. Y.: New York Univ. Press, 1996.
- Söderbaum, Shaw 2003 – *Söderbaum F., Shaw T.M.* (Eds.) Theories of New Regionalism. L.: Palgrave Macmillan, 2003.
- Suny 1993 – *Suny R.* The Revenge of the Past. Nationalism, Revolution and the Collapse of the Soviet Union. Stanford: Stanford Univ. Press, 1993.
- Taagepera 2018 – *Taagepera R.* Eesti poliitika 100 aastat, Riigikantselei ja AS Eesti Meedia, Post Faktum, 2018.
- Vahre 2005 – *Vahre S.* (ed.) Eestialalugu. v. VI. Vabadussõjast taasiseseisvumiseni. Tartu: Ilmamaa, 2005.
- Valter 1989 – *Valter H.* Ausalt ja avameelselt Landeswehri sõjast, Võnnu lahingust, Riia operatsioonist. Tallinn: Perioodika, 1989.
- Waris 1939 – *Waris H.* Savo-karjalaisen osakunnan historia. Porvoo. Helsinki: Söderström, 1939.
- Weihe-Lindeborg 2000 – *Weihe-Lindeborg L.* Europe of the Regions – a Growing Reality // Structural Change in Europe. Innovative Cities and Regions. Bollshschweil: Hagbarth Publications, 2000.
- Zetterberg 2009 – *Zetterberg S.* Eesti ajalugu. Tallinn: Tänapäev, 2009.

Table of contents

<i>Introduction</i>	9
<i>Chapter 1. Pre-Soviet stage of the regionalism development</i>	28
1.1. Territorial and political autonomies within the Russian Empire	31
1.2. Regionalism of the elites	39
1.3. Estates-cultural and ethnic regionalism	54
1.4. Territorial civil regionalism	57
1.5. Symbolic regionalism	61
<i>Chapter 2. Soviet ethnic federation and regionalism</i>	71
2.1. Nation and State-building and the principles of the ethno-national policy of the Bolsheviks	72
2.2. An example of the European North	79
2.3. An example of the Volga region	88
2.4. An example of the North Caucasus	98
2.5. On the nature of the interaction of the intra-ethnic federation	106
2.6. Economic and political centralization	110
<i>Chapter 3. Post-Soviet regionalism. Evolution of the federalism principles and political centralization</i>	117
3.1. Political regionalism	119
3.2. Ethno-political and ethno-cultural regionalism	131

<i>Chapter 4. North Caucasian regionalism.</i>	
Islamic revival, separatism, ideas of the disintegration and integration	159
4.1. Local communities of the North Caucasus and their transformation	163
4.2. Radical regionalism. An example of Chechnya	169
4.3. Caucasian experience of the ethno-political disintegration and integration	180
<i>Chapter 5. Finno-Ugric regions.</i>	
Practice of ethno-political marking of Russian territories	198
5.1. Political identity, demographic and socio-economic processes	202
5.2. Sovereignization, ethno-political competition and the basic ethno-politics principles in the regions of inhabitation of the Russian Finno-Ugric peoples ...	219
5.3. The ideology of the ethno-national movements of the Urals and the Finno-Ugric world	243
5.4. Language policy and language orientations	250
<i>Chapter 6. Stronghold of the treaty federation.</i>	
An example of Tatarstan	274
6.1. Post-Soviet political construction in Tatarstan. The title sovereignty and the specifics of the regional nation-building	275
6.2. Fight for sovereignty	288
<i>Chapter 7. Modern regionism. Republican ideals and ethnicity ...</i>	299
7.1. An example of the Ural Republic	299
7.2. An example of Pomor regionalism	312
7.3. An example of Siberian regionalism	319

<i>Chapter 8. Russian Crimea. The uprising of the regions in Europe and Crimean self-determination</i>	327
8.1. Regionalization as a common European trend and issue	327
8.2. Historical excursion excursus	337
8.3. Crimea as part of Ukraine	341
8.4. The final stage of self-determination. The 2014 referendum	347
 <i>Chapter 9. Problematics field of Russian regionalism</i>	364
9.1. Socio-economic differentiation of Russian regions	365
9.2. Institutional and political and legal constraints for regional development	403
 <i>Conclusion</i> New logic of regionalization	418
 <i>Appendix</i> Ethnographic and administrative maps of Russia and cartographic myth-making	431
 <i>References</i>	449

Shabaev Yu.P., Omarov M.A.

Regionalism and ethnicity in Russia: historical evolution and contemporary political practices

The monograph is devoted to the analysis of Russian regionalism. Various forms of regionalism are considered and it is shown that the formation and expansion of the Russian state inevitably strengthened the regionalist and proto-federal forms of organizing the government of the country and interaction between the central government and individual regions. Moreover, the analysis of the early forms of regionalization, and especially the forms of management of ethnic territories, shows that the “imperial discourse”, with the help of which many researchers try to explain the features of the economic, social and cultural development of the country in the imperial, Soviet and post-Soviet periods of its history, has limited heuristic capabilities. The authors argue that in the history of Russia, regionalization and centralization were not mutually exclusive but rather complementary directions of development. The processes of regionalization peaked in the 1990s, after which, instead of a loose treaty federation, a solid constitutional federation began to form, which was facilitated by the strengthening of the centralization of power. Nevertheless, the obvious need to strengthen the role of the regions leads to the fact that in recent years there has been an active search for a new model of regional policy of the federal authorities and a new nature of interaction between the Center and the regions. The ethnic factor still plays a significant role in this process.

The publication is intended for specialists dealing with the issues of regional development - political scientists, sociologists, ethnologists, as well as practitioners who implement regional and state national policy at the federal and regional levels.

- Ш12 **Шабает Ю.П., Омаров М.А.**
Регионализм и этничность в России: историческая эволюция и современные политические практики. М.: РГГУ, 2021. 481 с. ISBN 978-5-7281-3042-0

Монография посвящена анализу российского регионализма. Рассматриваются различные формы регионализма, показано, что формирование и расширение Российского государства неизбежно усиливало регионалистские и протофедеративные формы организации управления страной и взаимодействия между центральной властью и отдельными регионами. Более того, анализ ранних форм регионализации, а особенно форм управления этническими территориями показывает, что «имперский дискурс», с помощью которого многие исследователи пытаются объяснить особенности экономического, социального и культурного развития страны в имперский, советский и постсоветский периоды ее истории, обладает ограниченными эвристическими возможностями. Авторы доказывают, что в истории России регионализация и централизация были не взаимоисключающими направлениями развития, а взаимодополняющими. Пиком процессов регионализации стали 1990-е гг., после чего вместо рыхлой договорной федерации стала формироваться прочная конституционная федерация, чему способствовало усиление централизации власти. Тем не менее очевидная необходимость в усилении роли регионов ведет к тому, что в последние годы идет активный поиск новой модели региональной политики федеральных властей и нового характера взаимодействия между центром и регионами. Существенную роль в этом процессе, как и прежде, играет этнический фактор.

Издание предназначено для специалистов, занимающихся проблемами регионального развития – политологов, социологов, этнологов, а также управленцев-практиков, осуществляющих реализацию региональной и государственной национальной политики на федеральном и региональном уровнях.

УДК 323.1
ББК 66.094

Научное издание

*Юрий Петрович Шабает
Магомет Алиевич Омаров*

Регионализм и этничность в России:
историческая эволюция
и современные политические практики

Оформление обложки
М.Е. Заболотникова

Редактор *О.А. Гросу*

Корректор *Л.Г. Сулова*

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Подписано в печать 26.11.2021.

Формат 60×90¹/₁₆.

Уч.-изд. л. 28,0. Усл. печ. л. 29,3+1 цв.вкл.

Тираж 500 экз. Заказ № 1341

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
8-499-973-42-06